Ю.Ф. Лукин

Новая Архангельская летопись

Министерство образования и науки Российской Федерации
Федеральное государственное автономное образовательное учреждение
высшего профессионального образования
«Северный (Арктический) федеральный университет
имени М.В. Ломоносова»

Ю.Ф. Лукин

Новая Архангельская летопись

Монография

2-е издание, исправленное и дополненное

Архангельск
САФУ
2015

УДК 93/94+902+913+930.2
ББК 63.3(2Рос–2Арх)
Л841

Рецензенты:
кандидат исторических наук **А.Г. Едовин**,
доктор исторических наук, профессор **П.В. Федоров**

Лукин, Ю.Ф.
Л841 Новая Архангельская летопись: монография / Ю.Ф. Лукин; Сев. (Арктич.) федер. ун-т им. М.В. Ломоносова. – 2-е изд., испр. и доп. – Архангельск: САФУ, 2015. – 324 с.: ил.
ISBN 978-5-261-01089-0

В монографии исследуются вопросы периодизации истории Русского Севера, хронологии и локализации Двинской земли, Заволочья в составе Новгородской республики. Обновлены сведения о поморах, древнем Поморье, функционировании Соловецкого административно-вотчинного округа Поморья в 1591—1764 гг., Поморского края в XIX в., Комитета для помощи поморам Русского Севера в 1894—1908 гг. Показываются землепроходство, защита новгородских владений от иностранной экспансии (викинги, северные крестовые походы), Двинское смутное время 1397—1401 гг. Выделяются этапы и впервые в литературе приводится список походов новгородских ушкуйников с 1064 по 1499 гг. Раскрывается многофункциональность православных монастырей, типология русских городов, Двинское городовое дело от монастырской обители святого Михаила к военной крепости и морскому порту. В заключение представлена краткая авторская Архангельская хроника, включающая даты событий из жизни Русского Севера X—XVIII вв. Общероссийская значимость Русского Севера, Двинской земли, Поморья, Архангельска в жизни нашей страны явно выходит за рамки региональной истории.

Издание будет интересно не только специалистам, но и широкому кругу читателей, интересующихся отечественной историей, Русским Севером.

УДК 93/94+902+913+930.2
ББК 63.3(2Рос–2Арх)

ISBN 978-5-261-01089-0

© Лукин Ю.Ф., 2015
© Северный (Арктический) федеральный университет им. М.В. Ломоносова, 2015

Содержание

Введение..... 5

Глава 1 ***Двинская земля и Поморье: время жизни*** 9

1.1. Периодизация истории Русского Севера 9

1.2. Вопросы локализации, хронологии Двинской земли 29

1.3. Помороведение: о Поморье и поморах 50

Глава 2 ***Великий Новгород: защита русских земель, землепроходство, колонизация Севера, ушкуйники*** 91

2.1. Защита русских земель от иностранной экспансии, конфликты русских княжеств с Новгородской республикой..... 91

2.2. Новгородские ушкуйники, землепроходство, колонизация Севера 125

Глава 3 ***Многофункциональность православных монастырей Русского Севера*** 161

3.1. Типология русских поселений 161

3.2. Полифункциональность православных обителей Севера 171

3.3. Город ангела Михаила, монастыри и храмы его имени 185

3.4. Концепции возникновения Архангельска 195

Глава 4 ***Двинское городовое дело: от монастырской обители святого Михаила к военной крепости и морскому порту*** 201

4.1. О дате основания Михайло-Архангельского монастыря 201

4.2. Социально-экономическая жизнедеятельность обители св. Михаила 216

4.3. Строительство военной крепости и морского порта 222

Глава 5 ***Архангельск — место встречи цивилизаций, ключевое звено во внешней торговле России в XVI—начале XVIII вв.*** 231

5.1. Северные торговые пути 231

5.2. Встреча цивилизаций в Архангельске..... 237

5.3. Архангельск — ключевое звено во внешней торговле России XVI – начале XVIII вв. 250

Глава 6 ***Экспедиция «Северная Двина-98»*** 258

6.1. Памятники истории и культуры Двинской земли, экология души..... 260

6.2. Сбережение народа, сохранение жизни 282

6.3. Северная Двина — река моего детства 290

Глава 7 ***Архангельская хроника — исторические даты из жизни Русского Севера*** 295

Список источников и литературы 310

Список рисунков, карт 320

Таблицы 321

Список сокращений 322

Об авторе 323

Contents

Introduction 5

Chapter 1 ***Dvina land and Pomorye: lifetime*** 9

1.1. Periodization of the history of the Russian North 9

1.2. Questions of location and chronology of the Dvina Land 29

1.3. Pomorovedenie: the Pomorye and Pomors 50

Chapter 2 ***Great Novgorod: the protection of the Russian lands, zemleprohodstvo, colonization of North, ushkuyniki*** 91

2.1. Protection of the Russian lands against foreign expansion, conflicts Russian principalities with Novgorod Republic 91

2.2. Novgorod ushkuyniki, zemleprohodstvo, colonization of North 125

Chapter 3 ***The versatility of the Orthodox monasteries of the North*** 161

3.1. Typology of Russian settlement 161

3.2. Poly functionality of Orthodox monasteries of the North 171

3.3. City angel Michael, monasteries and temples in his name 185

3.4. The emergence of the concept of Arkhangelsk 195

Chapter 4 ***Dvina town doings: from the cloister of the monastery of St. Michael to a military fortress and seaport*** 201

4.1. On the date of the founding of the monastery of Archangel Michael 201

4.2. Socio-economic livelihoods of the Monastery of St.Michael 216

4.3. Construction of a military fortress and seaport 222

Chapter 5 ***Arkhangelsk at crossroads of civilisations, a key link Russia's foreign trade in XVI—early XVIII cc.*** 231

5.1. Northern trade routes 231

5.2. Meeting of Civilizations in Arkhangelsk 237

5.3. Arkhangelsk — a key part of Russia's foreign trade in the XVI — beginning of XVIII centuries 250

Chapter 6 ***Expedition "North Dvina-98"*** 258

6.1. Historical and cultural monuments of Dvina land, ecology of soul 260

6.2. Saving people, saving lives 282

6.3. Northern Dvina — river of my childhood 290

Chapter 7 ***Arkhangelsk Chronicle — historical dates in the life of the Russian North*** 295

List of references and sources 310

List of maps and drawings 320

Tables 321

List of abbreviations 322

About the author 323

Сыну Михаилу, всем родным посвящается

ВВЕДЕНИЕ

В публикуемой книге представлены исследования, отражающие круг моих научных, общественных и личных интересов в области отечественной истории. По-существу, — это итог многолетней, кропотливой работы. Почти полвека тому назад, ещё в давние студенческие годы, мне выпало счастье под научным руководством известного ученого, доктора исторических наук, профессора Георгия Георгиевича Фруменкова прикоснуться к начальной истории города Архангельска, выполняя курсовую работу. В дальнейшем сбор материалов, их накопление и осмысление, публикация статей по эволюции жизнедеятельности северных территорий продолжались как бы само собой разумеющееся. В настоящее время возникает потребность подвести некоторые итоги моей научной деятельности по данной проблематике, результатом чего и явилась новая Архангельская летопись, авторская Архангельская хроника, включающая исторические даты из жизни Русского Севера. Пришло четкое понимание того факта, что общеисторическое значение Русского Севера, Двинской земли, Архангельска в жизни нашей страны явно выходит за рамки региональной истории, приобретая общероссийскую значимость в отдельные периоды отечественной истории.

Объект исследования поэтому не ограничивается историко-географическими рамками Русского Севера, включая пространство древнего Новгорода, Новгородской вечевой республики, Великого княжества Московского, зарождающейся и набирающей силы России, что несомненно придаёт данному изданию общеисторическое осмысление и масштаб в широких хронологических рамках в отличие от первого издания монографии. В отечественной истории сохранилось не так много примеров, когда небольшое монастырское поселение обители св. Михаила в устье Северной Двины трансформировалось со временем во всероссийский центр торговли и строительства кораблей в эпоху парусного флота, единственно действующий морской порт и родину Военно-Морского флота России. Архангельск полтора столетия с середины XVI века был единственно открытым морским окном России в Западную Европу до основания Санкт-Петербурга в 1703 году, ключевым звеном на торговом пути из Англии в Персию. Сумма портовых сборов в Архангельске в 1680 году составляла 60 % всех пошлинных сборов или 12 % реальных доходов России тех лет. Через Архангельский морской порт в лучшие годы проходило около трех четвертей всего внешнеторгового оборота страны. Почти 170 лет (1693—1862) Архангельск являлся крупной судостроительной верфью, обеспечивающей Российский флот военными судами самого различного тоннажа и вооружения. На Русском Севере развивалось частное поморское судостроение в поселениях на берегах Белого моря, строились торговые суда на верфи купцов Бажениных в Вавчуге на Северной Двине. Лучшие традиции российского кораблестроения продолжают в XX—XXI вв. предприятия оборонной промышленности г. Северодвинска.

Применение концептов «Русский Север», «Двинская земля», «Поморье» в настоящее время чаще всего является культурологической традицией, имеет знаковый, семиотический смысл, исследуется в первой главе как историко-географическое понятие, как окультуренный природный ландшафт, объекты и субъекты государственного и местного управления, социально-экономической и политической жизни. Возвращаясь уже не в первый раз в своих

публикациях к проблемам периодизации истории Русского Севера, мною уточняются пять цивилизационных волн: 1) Древний Север до н. э. — палеолит, мезолит, неолит, медно-бронзовый и железные века. 2) Потомки древних славян (индославов), финно-угорская культурно-этническая волна, другие культуры и этнические общности в Двинской земле и Беломорье. 3) Русский Север в рамках единой русской (славянской, российской, советской) цивилизации. 4) Советский индустриальный Север в краткий период советской цивилизации 1922—1991 гг. 5) Современный Русский Север евразийской цивилизации в XXI веке.

Двинская земля, трансформируясь во времени и пространстве как мультидисциплинарный объект исторического исследования, может определяться системно в нескольких измерениях: ландшафтно-природном, историко-географическом, административно-управленческом, культурном, социально-экономическом, геополитическом, мифическом. Нередко указанные измерения концентрируются вместе и появляется потребность чётко выделить ключевое из них. Впечатляет в отличие от Заволочья хронологическое время жизни Двинской земли в разных административно-территориальных ипостасях: Двинская земля (XI—XVI вв.), Двинской уезд (1551—1780 гг.), Двинская провинция (1719—1785 гг.). Рассматриваются вопросы помороведения, древнего Поморья, функционирования Соловецкого административно-вотчинного округа в 1591—1764 гг., Поморского края в XIX веке, Комитета для помощи поморам Русского Севера в 1894—1908 гг.

Во второй главе раскрываются страницы истории Великого Новгорода, связанные с защитой русских земель, землепроходством, колонизацией Севера в X—XV вв. Военно-политическая ситуация тех лет определялась не только защитой новгородских волостей от внешней экспансии. Активно развивался процесс землепроходства, новгородской колонизации северных земель, как с целью заселения их, сбора дани, так и для установления регулярных торгово-экономических отношений с Печерой, Уралом, Югрой, Сибирью.

Системно исследуется проблема новгородских ушкуйников. При этом отмечается, что оценка содержания летописей по исследуемой проблематике в отечественной историографии весьма критична. Различные аспекты истории новгородских ушкуйников в той или иной степени освещали или затрагивали в своих работах, начиная с XIX века до наших дней, многие авторы: И.Д. Беляев, С.М. Соловьев, В.О. Ключевский, Д.С. Лихачев, В.Н. Бернадский, А.Р. Артемьев, А.В. Быков, В.Ю. Гумелёв, В.Л. Телицын, В.Г. Тулупов, О.Г. Усенко. В данной работе впервые приводится авторский список походов новгородских ушкуйников с 1064 по 1499 гг., выделяются три этапа этого движения в XI—XV веках.

Концептуально осмыслены вопросы типологии русских городов, многофункциональности православных монастырей, являющихся не только центрами культуры, общественной жизни, но и крупными собственниками земли, промышленниками, выполняющими государственные функции по защите русских земель, развитию международных отношений, как это делал Соловецкий монастырь. Показываются монастыри и храмы, носящие светлое имя Архангела Михаила, включая город Архангельск, ведущий свою начальную историю с возникновения Михайло-Архангельского монастыря в 1388 году.

Содержательно и системно раскрывается геополитическая роль Архангельска в отечественной истории, в становлении России как морской державы, места встречи цивилизаций, единственного реально действующего морского порта России в 1584—1703 гг., значимость Северо-Западного морского пути из Европы на Русский Север. Исследуется исторический

миф об открытии морской дороги в Россию англичанами в результате экспедиции адмирала Хью Уиллоуби 1553—1554 гг. на трёх кораблях, один из которых капитана Р. Ченслера достиг устья Северной Двины. Новгородские военные дружины, русские дипломатические миссии использовали маршрут через Белое море в Скандинавию и Европу задолго до экспедиции англичан. Торговый водный (морской и речной) путь XVI—XVIII веков можно обозначить как «путь из Англии в Персию» вокруг Северной Европы через Баренцево и Белое моря в морской порт Архангельска, далее Северо-Двинским речным путём в центральную Россию, а затем по Волге в Каспийское море и страны Востока.

Вполне обосновано, логично в монографию включены материалы не только по истории средневековой Двинской земли на Русском Севере, но и сюжеты современной жизнедеятельности на берегах Северной Двины в конце XX века, опубликованные по результатам экспедиции «Северная Двина-98», но из-за небольшого тиража плохо известные широкой читающейся публике.

В заключение представлена краткая Архангельская хроника X—XVIII вв. Всё это вместе взятое позволяет определить монографию действительно как новую Архангельскую летопись, вносящую существенный вклад в исследование отечественной истории.

В работе используются общенаучные методы анализа и синтеза, систематизации и классификации, функционализма; историко-аналитический, историко-хронологический методы, приёмы летописания; междисциплинарные подходы — исторический, географический, геополитический, социологический, регионологический; сравнительный анализ карт; web-аналитика, электронные информационные ресурсы, верификация и валидация.

Монография основана на анализе большого массива документов различных жанров и времен. Изучены акты, грамоты, летописи и другие документы: ПСРЛ, тома 3, 4, 9, 15, 25, 26, 27, 31, 33, 37, в которых опубликованы Новгородские, Тверская, Вологодско-Пермская, Холмогорская и другие летописи, Московский летописный свод, Двинской и Устюжский летописцы; Акты Холмогорской и Устюжской епархии; Акты Соловецкого монастыря; Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи Археографическою экспедицией императорской Академии наук, относящиеся к Архангельской епархии 1294—1598 годов; «Двинские грамоты XV века» А.А. Шахматова; памятники дипломатических сношений Московского государства с Англией с 1584 по 1604 г. А также документы, хранящиеся в фондах ГААО, непосредственно касающиеся деятельности Михайло-Архангельского монастыря. Во втором издании книги более широко представлены информационные материалы, документы РПЦ, православных епархий и монастырей, находящиеся на их сайтах в Интернете. Web-аналитика, сведения, опубликованные в сетях разными авторами, нередко грешат противоречиями, неточностями и, естественно, нуждаются в сравнительном анализе, верификации. Но без научных изданий, летописей и других источников, выложенных в Интернете, без web-аналитики уже трудно представить себе качественный труд современного историка.

В задачу данной работы не входит историографический обзор. Эта книга не диссертация, не узко специализированное издание, а публикация, предназначенная широкому кругу читателей. Поэтому труды историков предметно используются мною при освещении тех или иных проблемных вопросов в содержании глав, например, по истории ушкуйничества, помороведению, когда необходимо выявить основные, ключевые точки зрения и противоположные мнения, имеющие в литературе разночтения и трактовки, проследить имеющую-

ся хронологию, последовательность происходящих событий по имеющимся в научном обороте источникам и публикациям.

Потребность в такого рода междисциплинарных публикациях, охватывающих значительные периоды времени и исторического пространства Русского Севера весьма велика. Это показало и первое издание монографии «Новая Архангельская летопись», вышедшее в 2008 году небольшим тиражом и ставшее библиографической редкостью.

Во втором издании изменена структура книги, внесены необходимые дополнения и изменения в текст, добавлены рисунки, карты. Работа приобрела более масштабный характер исследования актуальных проблем отечественной истории, Новгородской вечевой республики, Русского Севера, Двинской земли, Поморья, что лично меня радует.

Данная работа обращена к тем, кто получает новые знания в отечественной истории. Надеюсь, что эта книга будет интересна и многим читателям, интересующимися историей и культурой своего региона. Связь прошлого и настоящего, сочетание материалов X—XVIII вв. по истории Русского Севера с результатами современной экспедиции «Северная Двина-98» в конце XX века представляет уникальную возможность для сравнительного анализа, понимания эволюции жизни в Двинской земле на фоне событий отечественной истории.

Проделанная работа конечно же не претендует на полный охват всех исторических событий, исчерпывающее освещение затрагиваемой в книге проблематики отечественной истории, Новгородской республики, Русского Севера, Двинской земли, Поморья, Архангельска. Во многом это есть личный взгляд автора, как человека, которому близка Двинская земля, где на протяжении нескольких веков жили мои родные по линии отца в Целезеро и из рода матери в Усть-Ваеньге. Как коренной северянин, родившийся и выросший у реки Северная Двина, я пропускаю многие исторические события через своё приватное восприятие и видение, пытаясь понять прошлое и своего народа, и судьбу своей семьи. Данную работу рассматриваю как свой долг перед близкими мне родными людьми, их детьми, внуками. Монография есть дань памяти всем моим прадедам как по отцовской, так и по материнской линии, славянам, русским, новгородцам, двинянам, моим землякам.

Благодарю всех, кто оказал мне помощь в подготовке к публикации данной книги, сына Михаила, жену Марию. Выражаю искреннюю признательность директору Соломбальской типографии Льву Николаевичу Резанову за публикацию Новой Архангельской летописи в 2008 году, Милане Наилевне Мартюшевой, Светлане Станиславовне Бабкиной за выход в свет второго издания монографии в 2015 году в Издательском доме имени В.Н. Булатова.

Лукин Юрий Федорович, доктор исторических наук,
профессор, заслуженный работник высшей школы РФ

22 сентября 2015 года
г. Архангельск

Глава 1

Двинская земля и Поморье: время жизни

Русский Север, исторически включающий Заволочье, Двинскую землю, Поморье, как объект исследования — это не просто географически северные территории России, административные единицы управления или юридические термины, но и глубинные культурные, ментальные понятия, геокультурное региональное пространство. Поиски временных рамок жизни Двинской земли становятся актуальными, имея в виду её значимость в отечественной истории, особенно в периоды функционирования Новгородской республики, становления России как морской державы, развития внешней торговли через Белое море, когда Архангельск в устье Северной Двины в 1584—1703 гг. оставался единственным действущим отечественным морским портом России. Общероссийское значение Двинской земли, Архангельска явно выходит за рамки региональной истории. Периодизация, выделение хронологических этапов в истории Русского Севера, Поморья остаётся одной из самых сложных и дискуссионных проблем в отечественной истории.

При исследовании применялись общенаучные методы анализа и синтеза, историзма, системности, междисциплинарные подходы, web-аналитика. Использовались уставные и договорные грамоты великих князей с Новгородом; духовные грамоты великих князей Московских; частные грамоты Великого Новгорода; Акты археографической экспедиции; Памятники дипломатических отношений Московского государства с Англией; архивные документы ГААО; Полное собрание русских летописей (Новгородские, Холмогорская, Двинской летописец и др.); археологические артефакты. Изучение объекта и предмета исследования выполнено с учётом предшествующих научных публикаций.

1.1. Периодизация истории Русского Севера

Современный уровень знаний позволяет нам сегодня при проведении междисциплинарных исследований использовать материалы о геологической истории Земли, палеогеографии, климатологии, лингвистики, топонимики, этнологии, истории, фольклора и других научных дисциплин, восстанавливая последовательность событий в развитии любого из регионов Севера даже при полном отсутствии древних письменных источников. Для понимания процессов возникновения жизни и мобильности, миграции первобытных людей на северных территориях требуется изучение возникновения и разрушения форм рельефа местности, природного ландшафта, наступления ледников в периоды похолодания, их таяния во времена потепления, изменения площади морей Северного Ледовитого океана. Климатические изменения заставляли людей уходить из холодной Арктики, северов и продвигаться на юг ещё в периоды палеолита, мезолита. А уже в первом тысячелетии новой эры начинается обратное движение с целью освоения арктических просторов и богатых ресурсами для жизни северных земель, включая бассейн Северной Двины, побережья Белого, Баренцева и Карского морей. Отсутствие письменных источников конечно же затрудняет поиск нужной инфомации. Имеющиеся артефакты, сведения в летописях, памятниках устного творчества народов весьма отрывочны, неполны и не позволяют провести историческую реконструкцию,

дающую более или менее полную картину заселения Русского Севера в те далёкие от нас времена.

Учитывая сказанное выше сегодня можно вести речь в основном о периодизации региональной истории Севера в первом—втором тысячелетиях после Рождества Христова. И здесь мне неоднократно приходилось уже обращаться к трудам профессора Анатолия Александровича Куратова (1936—2014), известного своими исследованиями по археологии и истории Архангельского Севера, нашего любимого преподавателя студенческой поры 60-х годов (фото автора). В своих трудах он выделял следующие восемь временных этапов региональной истории: 1) Древняя история По-морья до XII века. 2) Новгородско-Ростовский север в XIII в.— конец XV в. 3) Архангельский Север в составе Российского государства в XVI—XVII вв. 4) Архангельская губерния в составе Российской империи в XVIII—начале XX в. 5) Архангельский Север в годы первой мировой войны (1914—1918 гг.), февральской и октябрьской революций (1917 г.) и гражданской войны (1918 —1920 гг.). 6) Архангельская губерния, Северный край, Архангельская область в годы социалистического строительства (1921—1939 гг.). 7) Архангельская область в годы Второй мировой войны и Великой Отечественной войны (1939—1945 гг.). 8) Архангельская область в послевоенные десятилетия 1946—1990-е гг. В этой периодизации, достаточно формализованной, как замечал сам А. А. Куратов, намеренно не даётся качественной оценки каждого из её исторических этапов [1].

Можно перечислять другие известные публикации А.А. Куратова, которые являются базовой основой для изучения древней истории региона и отнюдь не утратили своей актуальности в настоящее время. И в науке, и в своей работе Анатолий Александрович с полной отдачей делал всё, что мог, что должен был делать в условиях своего времени. С позиций сегодняшнего дня было бы несерьёзно давать оценку научного вклада архангельских историков в конце XX века без анализа внешней среды и учета их ограниченных возможностей работать в центральных архивах или даже просто выехать в 80—90-е годы куда-либо в экспедицию, научную командировку для работы в библиотеках, на международную конференцию, а о широком использовании электронных ресурсов в те времена даже и речи не было. А.А. Куратов ставил грандиозную задачу проведения комплексных исследований с фиксацией памятников широкого хронологического диапозона (археологии и памятников культуры), что позволит в дальнейшем воссоздать целостную картину освоения Севера на различных этапах отечественной истории. Системный труд ученых на основе междисциплинарного подхода способен привести, по моему мнению, в будущем к разработке проекта «Археология и история Русского Севера: от палеолита до наших дней», возможности для реализации которого появляются по мере накопления артефактов прошлого.

Рассматривая периодизацию *этнической истории Русского Севера* профессор Татьяна Александровна Бернштам (1935—2008) выделяла четыре основных периода: 1. *Дославянский период этнической истории Севера*: середина IV—середина IX вв., который характеризуется

[1] Куратов А.А. История и историки Архангельского Севера: Вопросы источниковедения и историографии: Монография. Архангельск: Изд-во Поморского госуниверситета, 1999. С. 5.

доминированием на всей территории финно-угорских этнических групп, живущих в условиях первобытнообщинного строя. В конце этого периода происходит объединение племён балто-волжской зоны в союзы племен (чудь, меря), а на южной границе Севера появляются славяне — словене, полочане, вятичи. 2. *Древнерусский период освоения Севера*: вторая половина IX—начало XII вв. с момента сложения на севере межэтнического полугосударственного образования с центром в земле словен до фактического распада древнерусского государства с центром в Киеве. В этот период происходит княжеско-дружинная и земледельческая (крестьянская) колонизация балто-волжской зоны и начинается проникновение князей и дружин в таёжную и беломорскую зоны. 3. *Новгородско-верхневолжский период освоения Севера*: вторая четверть XII века—1478 год от сложения Ростово-Суздальского княжеств до включения Новгородской земли в состав централизованного Русского государства. Освоение таежной и беломорской зон русским населением балто-волжской зоны. Новгородская боярская и монастырская колонизации. 4. *Новый период этнической истории русского населения Севера* в рамках централизованного Русского государства после включения северных районов в московское государство. Этнокультурные процессы стабилизируются в XVIII—XIX вв., возникает некая культурно-бытовая устойчивость севернорусского населения [2]. В периодизации Т.А. Бернштам выделялся дославянский период и акцентировалось внимание на *доминировании* на всей территории Севера финно-угорских этнических групп в середине IV—середине IX вв., что в настоящее время уже не даёт всей полноты регионального геокультурного пространства Русского Севера без учета материалов проводимых исследований археологических культур и этнического многообразия[3].

В литературе имеется немало других подходов к выделению периодов жизнедеятельности на Русском Севере. В данной монографии с небольшими уточнениями актуализируется периодизация, включающая в себя пять культурно-этнических, цивилизационных волн [Ю.Ф.Лукин, 2001]. Это хронологически достаточно крупные периоды, охватывающие всю историю заселения европейских северных территорий России со времен палеолита до наших дней. Учитываются цивилизационные критерии: *культура* в самом широком ее понимании, артефакты древности; *этногенез* исследуемого региона, начиная с первобытного строя; *смена цивилизаций*, а не общественно-экономических формаций.

Русская цивилизация, как известно, включает славянскую, российскую, советскую, евразийскую цивилизации, понимая их как волны общей цивилизации Руси-России во времени и пространстве с учетом исторической преемственности. Здесь, прежде всего, актуально системное осмысление артефактов Древнего Севера и первого тысячелетия после Рождества Христова на основе результатов археологических, междисциплинарных исследований, так как письменные памятники вообще отсутствуют или не дают полной картины.

---

[2] Бернштам Т.А. Поморы: формирование группы и система хозяйства. Л-д, 1978. С. 31-35.

[3] А.А. Мартынов подчеркивает, что любая археологическая культура — это исследовательская конструкция, построенная на основании источников и материалов, полученных в ходе исследований, и она не может быть полностью тождественна той исторической реальности, которую она отображает. Археологическая культура— термин, употребляемый прежде всего для обозначения общности археологических памятников и предметов, относящихся к одному времени, распространенных на конкретной территории. В определении археологической культуры имеет важное значение устройство погребальных сооружений, обряд погребения, орудия труда, керамика, украшения и др. URL: http://arheologija.ru/o-protsedure-nauchnogo-issledovaniya/ (дата обращеня: 03.01.2015).

Таблица 1

Цивилизационные волны на Русском Севере

№	Названия	Хронологические рамки
1.	Древний Север до н. э.— палеолит, мезолит, неолит, медно-бронзовый и железные века. Праславяне и древние арьи (индославы) в Арктике. Начало заселения юго-восточной части Архангельской области в эпоху палеолита [А.А. Куратов]. Мезолитические стоянки в бассейнах Северной Двины, Ваги, Печоры. Островная беломорская культура, начало освоение Соловков в середине V тыс. до н.э.	29—25 тысяч лет до н.э. — рубеж н.э
2.	Потомки древних праславян, финно-угорские этнические группы, археологические культуры на Русском Севере.	Первое тысячелетие н.э.
3.	Русский Север в составе Новгородской республики, Московского княжества, российского государства в рамках русской цивилизации.	Второе тысячелетие н.э. — 1917 г.
4.	Советский индустриальный Север советской цивилизации.	1922—1991 гг.
5.	Русский Север современной России евразийской цивилизации.	XXI столетие н.э.

«*Древний Север до н. э.»* безусловно требует выделения нескольких самостоятельных этапов. В данной работе у меня просто нет возможности детально всё это проанализировать, поэтому ограничиваюсь только краткими экскурсами.

Палеолит северных территорий хронологически охватывает длительный и ещё недостаточно изученный период древней истории. Археолог, доктор исторических наук П.Ю. Павлов[4] в своей докторской диссертации «Палеолит северо-востока Европы» (2009) обобщает матералы всех палеолитических памятников северо-востока Европы, исследуя культурно-хронологическую шкалу палеолита региона. Северо-восток Европы — это территория, ограниченная 58°—68° с.ш. и 50°—60° в.д., включающая две физико-географические страны: а) Русскую равнину, её северо-восточную часть — восточную часть бассейнов Северной Двины, р. Вычегда и Мезени, южный Тиман, бассейны Печоры и верхней Камы; б) Урал – западные предгорья северной части Среднего, Северного, Приполярного и Полярного Урала. Павел Юрьевич отмечает раннее проникновение палеолитического человека на северо-восток Европы, выделяя в качестве гипотезы четыре волны заселения. *Первая* волна — проникновение человека на северо-восток Европы в раннем палеолите, во второй половине среднего плейстоцена — не позднее, чем 130 тыс. лет назад. *Вторая* волна колонизации связана с мустьерской эпохой и началась, по современным данным,

[4] Фото: П.Ю. Павлов. URL: http://illhkomisc.ru/wp-content/uploads/2014/05/arch08.jpg (дата обращения: 03.01. 2015).

около 100 тыс. лет назад. Исходными районами миграций были юг Русской равнины и, возможно, предгорья Северного Кавказа.

Третья волна заселения соотносится с начальной и ранней порой верхнего палеолита. В это время (38—28 тыс. лет) вся территория северо-востока Европы был освоена популяциями охотников-собирателей. Исходной областью расселения служили центральные районы Русской равнины, миграция распространялась с юго-запада. Для этого периода можно предположить начало освоения региона человеком. На заключительном этапе ранней поры верхнего палеолита (29—28 тыс. лет) происходит, вероятно, смена характера колонизации региона и переход ее от периода освоения к периоду заселения. Возможные пути проникновения палеолитического населения на северо-восток Европы, вплоть до бассейна Печоры, проходили, скорее всего, севернее, по долинам крупных рек Русской равнины Дон—Ока—верхняя Волга—Кама—Печора. Стоянка Мамонтова Курья, расположенная в бассейне Печоры, в среднем течении реки Уса, датируется временем около 38 000—34 000 лет. Стоянка Бызовая, расположенная на средней Печоре, является одним из самых северных памятников ранней поры верхнего палеолита в Европе. Возраст стоянки около 29 000 лет. Драматические изменения произошли на северо-востоке Европы с началом позднего валдая, около 25 000 лет тому назад. Резкое похолодание 24 000—19 000 лет, самое значительное за весь поздний плейстоцен вынудило палеолитическое население покинуть регион, на что указывает полное отсутствие в регионе стоянок этого хронологического интервала.

Четвертая волна заселения началась во второй половине позднего валдая, в позднем палеолите. Около 19 тысяч лет назад в бассейнах Камы и Печоры, на Среднем и Южном Урале получила распространение уральская позднепалеолитическая культура, родственная стоянкам верхнего палеолита Северной Азии. Эта волна колонизации происходила в значительно более суровых климатических условиях, чем все предыдущие. Пространственное и хронологическое распределение стоянок уральской культуры свидетельствует о непрерывной заселенности региона, начиная с 19 тыс. лет [5]. Возраст культурного слоя Медвежьей пещеры, расположенной на верхней Печоре составляет 18 000—16 000 лет.

Заселение северных территорий в позднеледниковый период связано с потеплением, появлением растительности, продвижением лесов на север, то есть с возникновением природно-климатических условий, пригодные для существования людей. В «Истории северного крестьянства» (1984) отмечалось, что «древнейшее население на Севере европейской части СССР появилось в позднем палеолите, примерно 29—25 тысяч лет тому назад» [6]. Древнее освоение Соловецких островов в Беломорье началось на рубеже эпох мезолита и неолита в середине V тысячелетия до н.э. (7 000 лет тому назад) [Мартынов А.Я.] [7].

Исследуя историю Русского Севера сегодня невозможно обойти молчанием полярную концепцию происхождения цивилизаций и мировых культур, арктическую теорию индославян, положившие по-существу начало новой парадигмы междисциплинарных знаний. Интерес к прошлому Русского Севера не только не утрачивается, но всё значительнее возрастает, несмотря на все попытки уменьшить его значение и роль в становлении и развитии русской

[5] Павлов П.Ю. Палеолит северо-востока Европы: автореф. дис. …докт. истор. наук. СПб, 2009. URL: http://dissers.ru/avtoreferati-dissertatsii-istoriya/a452.php (дата обращения. 27.11.2012).

[6] История северного крестьянства. Т.1. Архангельск: Северо-Зап. книж. изд-во, 1884. С. 22

[7] Мартынов А.Я. Первобытная археология островов южной части Белого моря. Архангельск, 2010. С. 309—311.

цивилизации. Как справедливо заметили Александр Иванович Леонтьев (1954—2014) и Марина Владимировна Леонтьева в своей книге «Неведомые земли и народы Севера»: «Вот уже много столетий — Айрьяна Ваэджо, Илаврита, Арктида, Гиперборея, Туле, Йотунхейм, Биармия, Гардарики — удивительные имена древнейших материков и стран, известные из древнеиндийских, древнеперсидских, античных, древнескандинавских, арабских и других источников, волнуют умы историков. Самое поразительное, что эти давно исчезнувшие с географических карт мира и почти стертые из человеческой памяти таинственные страны всегда были связаны только с одной частью света — Севером России»[8]. О неведомом Русском Севере, его геокультурном, геополитическом пространстве заговорили в полный голос археологи, историки, культурологи, философы, лингвисты, писатели, политики…

Колыбелью цивилизаций и культур на Земле всё чаще называют Русский Север с учетом: *Гиперборейской древнейшей цивилизации*, как прародины всего человечества, полярного очага всех языков и культур (Ж.С. Байи, У. Уоррен, А. Барченко, В.Н. Демин); *арктической теории* индославов о сходных чертах языка и культуры славянских и арийских племен (прапредков индоевропейцев), формирование первичных ядер которых протекало в Заполярье (Б.Г. Тилак, Е.А. Елачич, Н.Р. Гусева, С.В. Жарникова); междисциплинарных исследований о древнейших культурах на территории Русского Севера, в Арктике.

Можно по разному относиться к арктической теории индославов, не принимая её концептуальных положений. Однако как тогда объяснить, что в индийских «Ведах» (веда —знание, ведать — знать) сообщается о неподвижном стоянии Полярной звезды над головой и вокруг неё описывают круги все небесные светила. В «Законах Ману» говорится о полярном дне и полярной ночи. В «Махабрате» также есть указание о двух половинах года. В «Ригведе» даётся картина нарастания длительного полярного восхода солнца, чудесного северного сияния. Могли ли древние люди так реально описывать явления северной природы, не наблюдая их сами.

На эти и другие описания Арктики обратил внимание ещё Бала Гангадхара Тилак (1856—1920). Анализируя древнейшие памятники литературы — Веды и Авесту, он пришел к выводу, что прародина арьев существовала в Арктике, опубликовал в 1903 году книгу «Арктическая родина в Ведах»[9]. Термин «индославы» ввел в научный оборот выдающийся санскритолог Рахула Санскритьяна. Б.Г. Тилак соотнес суть мифических сюжетов с периодами оледенений и эпохой межледниковья. Изменения климата привели к необратимым изменениям ландшафта, к колебаниям уровня Северного Ледовитого океана. Исчез родной материк древних арьев, огромный полярный континент, погрузившись в пучину Ледовитого океана, оставив подводные хребты Ломоносова и Менделеева и арктические острова. Изменения климата привели к великой миграции, исходу древних арьев из арктической прародины в Индию и Иран. Праславяне же остались и выжили, отсюда и название «Русский Север», и

[8] Леонтьев А.И., Леонтьева М.В. Неведомые земли и народы Севера. М.: Вече, 2009. URL: http://www.e-reading.link/bookreader.php/1007097/Leontev_-_Nevedomye_zemli_i_narody_Severa.html (дата обращения: 03.01.2015).
[9] Тилак Б.Г. Арктическая родина в Ведах. М.: ФАИР:ПРЕСС, 2001.

фактическая аборигенность руского (славянского) населения. Однако древние славянские корни на Севере — это сегодня как красная тряпка для всех так называемых «друзей России» и её открытых недоброжелателей. Поэтому не надо питать иллюзий в отношении исторического признания древности Русского Севера, даже если первыми об этом заговорили не мы сами.

Не буду приводить весомые аргументы, анализируемые в широко известных трудах доктора исторических наук Натальи Романовны Гусевой (1914—2010), автора около 200 печатных трудов по культуре и религиям Индии. В своих книгах «Русские сквозь тысячелетия. Арктическая теория» (2007), «Русский Север — прародина индославов» (2010) она, следуя концепции Б.Г. Тилака, убедительно раскрыла наличие общих предков у арьев и слаявян в эпоху палеолита. В истории Русского Севера протекали, — по мнению Н.Р. Гусевой, — сменяя друг друга, разновременные эпохи, длительность которых измеряется не веками и даже не тысячелетиями, а десятками тысячелетий, культурно-исторические процессы при этом были неотделимы от чередования геофизических условий[10]. Память о древнейших исторических связях населения Русского Севера несут гидронимы (приложение I). В приложении III к своей книге о «Русском Севере — прародине индославов» Н.Р. Гусева опубликовала труд Е.А. Елачича[11].

В работе русского ученого сербского происхождения Е.А. Елачича (1880—1945) «Крайний Север как родина человечества» (1910) впервые на русском языке излагалась достаточно подробно концепция Б.Г. Тилака, анализировались древние тексты Авесты и Ригведы, включающей 10 книг, 1028 гимнов. Евгений Александрович обращает внимание на интересные описания полярного сияния, которое представлялось людям то блеском битвы богов света с демонами тьмы, то явлением самого верховного божества на земле. Страшные змеи — это холод и снег. Слово «Меру» в индийской литературе означает место пребывания богов, а индийские астрологи употребляют это слово для обозначения Северного полюса. В книге законов Ману сказано так: «Год человеческий — это один день и одна ночь богов» (или полярный день и полярная ночь).

Е.А.Елачич

Евгеній Елачичъ.

КРАЙНІЙ СѢВЕРЪ,

КАКЪ РОДИНА ЧЕЛОВѢЧЕСТВА

на основаніи новыхъ изслѣдованій естественно-историческихъ и филологическихъ наукъ.

Съ 24 рисунками.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

1910

В научном споре о родине человечества обыкновенно принимали участие зоологи, палеонтологи, геологи, антропологи. Е.А. Елачич обратил внимание на соединение воззрений естествознания с гуманитарными науками. Филологические науки, сравнительное языкознание и в особенности сравнительная мифология, его по мнению, вступили на путь совместного с естественно-историческими науками решения вопроса о родине человечества.

---

[10] Гусева Н.Р. Русские сквозь тысячелетия. Арктическая теория. Изд. второе расширенное. М.: Белые альвы, 2007. С. 23, 37—40. Русский Север — прародина индославов. М.: Вече, 2010. С. 5—7.

[11] Елачич Е.А. Крайний Север как родина человечества // Гусева Н.Р. Русский Север — прародина индославов. М.: Вече, 2010. Приложение III. С. 244—294. Фото: Елачич Е.А. URL: http://www.narod-akademia.com/files/images/Elachich-229x300.jpg

Глубоко исследуя биологическую эволюцию Е.А. Елачич отмечал, что климатические условия северных областей земного шара не всегда были такими, как теперь. Напротив, до самого конца третичной системы на всем севере был теплый и даже жаркий климат. Никаких признаков ледяных покровов на севере не было, даже на полюсе. В Гренландии, на Шпицбергене, Новой Земле, в северных местностях росли пальмы и другие растения жарких и умеренных стран.

Александр Петрович Обоимов в ходе арктической экспедиции на яхте «Апостол Андрей в августе-сентябре 2014 года на острове Галля архипелага Земли Франца-Иосифа на пути к скалам Заварицкого нашел кусок окаменелого дерева, возраст которого, по определению участника экспедиции кандидата геолого-минералогических наук Ю. Карякина, составляет примерно 150 миллионов лет, когда царствовали динозавры[12].

Рисунок 1. Кусок окаменелого дерева, найденный на острове Галля архипелага ЗФИ / Обоимов А.П., 2014

Это не первая такая находка за Полярным кругом. Одна из самых ценных находок капитана судна «Михаил Сомов» Северного УГМС Ю.А.Настеко на ЗФИ — также кусок окаменевшего дерева, которому несколько миллионов лет [13]. На выставке «Окаменевшая история Чукотки» (Чукотский автономный округ входит в состав АЗРФ) в апреле 2014 года были представлены отпечатки растений возрастом около 300 миллионов лет [14].

Среди удивительных феноменов земли арьев, описанных в Ведах и Авесте, привлекают к себе внимание исследователей священные горы прародины арьев: Меру — в индийских преданиях, Хара — в иранских. О великих северных горах писали и древне-греческие

[12] Обоимов А.П. Зов высоких широт. URL: http://narfu.ru/upload/medialibrary/e8f/zov-vysokikh-shirot.pdf (дата обращения: 03.01.2015).

[13] Едемская А. Капитан, влюбленный в Арктику. URL: http://www.arhpress.ru/ps/2008/9/20/10.shtml (дата обращения: 03.01.2015).

[14] URL: http://www.arctic-info.ru/news/02-04-2014/na-vistavke--okamenevsaa-istoria-cykotki--predstavleno-200-paleontologiceskih-nahodok (дата обращения: 03.01.2015).

авторы, которые считали, что эти горы, названные ими Рипейскими, протянулись с запада на восток по всему северу Европы и были северной границей Великой Скифии. Так они изображались на одной из первых карт земли – карте V в. до н.э.. Гекатея Милетского.

Рисунок 2. Карта Гекатея Милетского. V век до н.э. URL: http://arimoya.ru/img/g_rip1.jpg

Горы, отделяющие север и бело-пенное море от всех остальных земель, названы в гимнах Веды хребтами Меру, а величайшая из них — Мандарой. Над горами Высокой Хары вечно кружит быстроконное солнце, полгода длится здесь день, а полгода — ночь. Махабхарата повествует также о том, что на севере в систему священных гор входила Кайласа — царство бога богатства Куберы. И сегодня исток реки Пинеги, притока Северной Двины, называется река Кайласа и течет она среди плоскогорья, которое в древности, судя по всему, также называлось Кайласа [15].

На карте Г. Меркатора полярный материк представлен четырьмя большими островами, отделенными друг от друга полноводными реками или протоками. Они расположены вокруг северного полюса, где изображена священная гора прародины арьев Меру, которая являлась центром главного материка. После таяния ледников эти пространства оказались затопленными. Русла великих северных рек четко просматриваются на дне окраинных морей Северного Ледовитого океана. Возможно, что именно поэтому арии и стали называть свою утраченную прародину — Расаталой, — страной подводных рек, которая сейчас спит под водами Белого и Баренцева морей [16].

[15] Жарникова С. В. Древние тайны Русского Севера. URL: http://arimoya.ru/History/north_ariya.html (дата обращения: 09.09.2014).
[16] Евтушенко С. Rasatala. URL: http://arimoya.ru/History/north_ariya.html#commentRASATALA (09.09. 2014).

Рисунок 3. Меркатор Г. Карта Арктики, горы Меру. URL: http://rodonews.ru/i/full1304945788.jpg

В Авесте есть гимн, воспевающий священную реку арьев Ардвисуру, впадающую в белопенное море. Доктор исторических наук, профессор Светлана Васильевна Жарникова доказывает, что название Ардви-Сура, двойная сливающаяся (стекающая, текущая), скорее всего, совпадает с Северной Двиной. Анализируя эти и другие аргументы, можно сделать вывод, что совпадение *Ардви-Суры с Северной Двиной* явится еще одним подтверждением арктической теории, определяющей Приполярье как древнейшую исходную территорию изначального формирования племен индоевропейцев, в том числе предков арьев и славян [17].

Одним из неопровержимых доказательств того, что индоязычные арьи изначально знали заполярные области Русского Севера являются северные гидронимы с характерным для санскрита окончанием на слог «га»: Индига, Камчуга, Пинега, Ладога, Онега, Сарга, Вега, Ганга; прямые аналогии в лексике санскрита и русского языка: реки Важа, Важка, ваджа —

[17] Жарникова С.В. Родина моя. URL: http://www.stoyankacheloveka.ru/indexzhar.html (дата обращения: 09.09. 2014). Фото: С.В. Жарникова. URL: http://www.trinitas.ru/rus/doc/avtr/00/pic/0127-01.jpg

вода, шум воды; река Кулой, кулья или кула — ручей, река; Индига, инду — капля; Падма — цветок кувшинки, лилии, лотос и другие, которые проанализированы Н.Р. Гусевой, С.В. Жарниковой[18].

Рисунок 4. Карта с названиями рек Вологодской губернии. 1860 год / С.В. Жарникова

Вслед за Светланой Васильевной повторю строки стихов Валерия Брюсова «Старый вопрос», написанные им сто лет тому назад в 1914 году:

…Не надо обманчивых грез,
Не надо красивых утопий;
Но Рок поднимает вопрос:
Мы кто в этой старой Европе?
Случайные гости? Орда,
Пришедшая с Камы и с Оби,
Что яростью дышит всегда,
Все губит в бессмысленной злобе?

Иль мы — тот великий народ,
Чье имя не будет забыто,
Чья речь и поныне поет
Созвучно с напевом санскрита?
…Да, так, мы — славяне! Иным
Доныне ль наш род ненавистен?
Легендой ли кажутся им
Слова исторических истин?

В XXI веке снова «Мы старый решаем вопрос: Кто мы в этой старой Европе».

Традиционно считалось, что славяне якобы пришли на Север на рубеже I—II тысячелетия нашей эры и смешались с финно-угорским населением. Однако С.В. Жарникова заявляет: «Но сегодня мы уже со всей ответственностью можем заявлять о том, что финно-угорская концепция — это бред»[19]. Население Русского Севера не было финно-угорским, ведь финно-угры пришли на эти территории не раньше VIII—IX века н.э., о чем свидетельствует финская историография, что подтверждается целым рядом документов.

Основное население Европейского Севера состояло из потомков той древней индоевропейской массы, которые сохранили древнейшие обрядовые коды, язык, традиции, то-

[18] Жарникова С.В. Мы кто в этой старой Европе? URL: http://www.perunica.ru/zharnikova/771-zharnikova-sv-my-kto-v-yetoj-staroj-evrope.html (дата обращения: 03.01. 2015).
[19] Жарникова С.В. Финно-угорская концепция—это бред. URL: http://slawa.su/lichnocni/zharnikova-svetlana-vasilevna.html (дата обращения: 09.09.2014).

по- и гидронимию, многочисленные культурные моменты, которые не возможно придумать: орнаментику, специфику ментальности [20]. В славянских землях и в Индии до сих пор радостно отмечается праздник весеннего солнца, существуют другие идентичные обряды, сильнейшие пережитки культа огня, почитание свастики как символа солнца и огня, креста как символа солнца и др. Всё это нашло отражение в вышивках славян, орнаменте, узорах и в других артефактах. *Таких орнаментов у древних финно-угров не было и нет*.

Отечественным исследователям, начиная с Ломоносова, пришлось принять финно-угорскую концепцию, потому что шла немецкая экспансия, ее надо было как-то прекращать. Сейчас эта финно-угорская концепция работает против нас, потому что для западных европейцев мы не являемся коренным народом на северных территориях. Появляются вымыслы, что русские — это вообще не этнос, а потомки дикарей; непонятно откуда пришли, уничтожили коренное население. Нам начинают предъявляться претензии, имеем ли мы право (4% населения мира) на самую энергообеспеченную, богатую ресурсами территорию на планете Земля. Русский народ имеет многотысячелетнюю историю проживания на территории, где находится огромное количество полезных ископаемых, рек, озер, огромных лесов. Всё сказанное выше имеет самое непосредственное отношение к использованию исторического прошлого Русского Севера в качестве инструмента мягкой силы против России.

Ещё одним из свидетельств в пользу существования в северных широтах древней высокоразвитой цивилизации могут служить мощные каменные сооружения и другие мегалитические памятники, каменные лабиринты Соловков. Российский археолог *А.Я. Мартынов* убедительно доказал, что начало истории древнейшего освоения беломорских островов уходит в эпоху мезолита, в V тысячелетие до н.э. На островах Белого моря исследовано более 70 первобытных стоянок, в том числе 58 из них — на Соловках, около 30 каменных лабиринтов и более двух тысяч насыпей и «символических» выкладок разного времени и назначения из камня [21]. Более 10 каменных лабиринтов найдено на Кольском полуострове, в основном на берегу моря. Древнейшие островные стоянки Соловецких островов носили сезонный, летний характер. Их насельники добывали себе пищу охотой на островного и морского зверя и птицу, рыбной ловлей без использования сетей, собирательством (съедобные травы, коренья, ягоды, моллюски), обладали разными приёмами обработки местного и привозного камня. По расцветке и качеству кремень островных беломорских стоянок сопоставим с минералом известняковых месторождений на Онежском озере, реках Северной Двине, Пинеге и Ваге [22].

Известным памятником древних культур становятся Беломорские и Онежские петроглифы (резьба по скале), включающие 32 группы. Самые крупные и известные среди петроглифов: Бесовы Следки, Старая Залавруга, Новая Залавруга, Ерпин Пудас. И онежские, и беломорские петроглифы появлялись и функционировали в пределах второй половины IV—первой половине II тыс. до н.э., а расцвет наскального творчества в крае приходится, скорее

[20] Жарникова С.В. Северная прародина ариев-индославов. URL: http://www.perunica.ru/zharnikova/ 1334-doklad-s-pervogo-vserossijskogo-kongressa.html (дата обращения: 09.09.2014). На рисунке мезенской росписи изображен знак движения Солнца.

[21] Мартынов А. Я. Острова Белого моря: от мезолита до Средневековья (о древнем освоении беломорских островов по археологическим данным)// Арктика и Север. 2012. №5. С. 137.

[22] Мартынов А.Я. Первобытная археология островов южной части Белого моря. Архангельск, 2010. С. 66—67

всего, на III тыс. до н.э. Всего в Беломорье известно свыше 2000, а на восточном побережье Онежского озера около 1000 фигур [Ю.А. Савватеев, 2006] [23].

Рисунок 5. Археологический комплекс в Беломорье неподалеку от деревни Выгостров.
URL: http://otpuskexpert.ru/media/k2/items/cache/9ecd376e5371efaef9aad9bc9143aed8_L.jpg

Вопросы археологической периодизации, сравнительного анализа племен с ямочно-гребенчатой керамикой, ананьинской этнокультурной общности, других известных культур и специальных вопросов, — это миссия археологов. Мною в этой главе не ставятся подобные задачи, важно понять общее направление эволюции жизни на северных территориях.

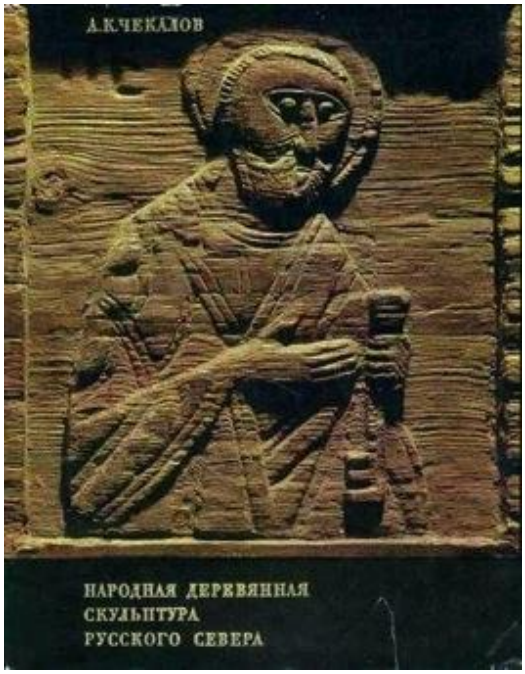
Чудское наследие в культуре Русского Севера исследовалось академиком, директором Института археологии РАН Николаем Андреевичем Макаровым, который пришел к выводу, что стабильная, классическая картина расселения, когда каждая этническая группа имеет свою собственную территорию и собственную культуру и почти всегда может быть названа по имени, уходит в прошлое примерно на рубеже I и II тысячелетий. Её сменяет если не полный хаос, то гораздо менее упорядоченная этническая карта, на которой племенные границы размыты или вовсе стерты, памятники различных племен располагаются чересполосно, а характерные этнические черты в них настолько скрещены или видоизменены,что нередко нельзя сказать, представитель какого племени лежит в той или иной могиле. В результате ассимиляции разных этнических групп формируется древнерусское население. На смену веси, заволоцкой чуди приходят «белозерцы», «важане», «двиняне», «устюжане» — особые территориальные и этнографические группы древнерусской народности, вобравшие в себя чудские племена Севера [24].

[23] Петроглифы Карелии / Савватеев Ю.А., д.и.н., Карельский научный центр РАН. URL: http://www.krc.karelia.ru/section.php?plang=r&id=165 (дата обращения: 17.08.2014).

[24] Макаров Н.А. Русский Север: таинственное средневековье. М., 1993. С. 106. URL: http://www.booksite.ru/

В современных исторических исследования встречаются концептуальные понятия «Русский Север», «Европейский Север России», «Архангельский Север», «Двинская земля», «Заволочье» «Поморье», «Кольский Север», хронологически относящиеся ко второму тысячелетию н.э. Необходимо понять, насколько оправданно такое разнообразие концептов применительно практически к одному и тому же историко-географическому, геокультурному пространству. Здесь не рассматриваются вопросы более раннего освоения древнего Русского Севера на основе арктической теории индославян.

Русский Север — это обширное геокультурное, социально-экономическое региональное пространство русских земель на Европейском Севере России, существовавшее хронологически во II тысячелетии после рождества Христова. Т.М. Красовский отмечал, что насчитывается около 20 вариантов проведения границ Севера России (2008). К Русскому Северу академик РАН, археолог Н.А. Макаров относил огромные северные пространства: «Вероятно, далеко не каждому известно, что пространства к северу от водораздела Волги и Онеги и Волги и Северной Двины, именуемые обычно «Русским Севером», первоначально не входили в состав Древнерусского государства. Славяне появились здесь лишь на рубеже X—XI веков и за несколько столетий отодвинули границы Руси на сотни верст к северо-востоку, до Белого моря и низовьев Северной Двины»[25]. Культура во всех её проявлениях, язык как её часть, искусство объединяли людей, населяющих это громадное пространство Русского Севера, ничуть не меньше чем сила власти или социально-экономические отношения.



Русский Север — уникальное, естественное хранилище самых разноообразных историко-художественных ценностей, включая архитектуру, искусство, ландшафт[26]. Талантливый российский искусствовед Александр Калимович Чекалов (1928—1970) отмечал в своей книге, что область культуры великорусского Севера, границы которой принято в этнографии определять по признаку типичных форм жилища, одежды, а также языка, включала не только Обонежье, Белозерский край, Северодвинскую область (включая и районы рек Сухоны, Ваги, Пинеги), Мезенские и Печорские земли, но и некоторые районы южнее линии Белозерск—Вологда—Великий Устюг, Череповец, северные части Ярославского и Костромского края. Обширная Северодвинская область на Русском Севере была наиболее оживленной и богатой торгово-ремесленной зоной, с крупными городами и местным крестьянским самоуправлением. На востоке северные типы растворялись в культурах Коми и Вятско-Пермского края. Так же размыта западная граница великорусской культуры, где она смешивается с карело-финской[27].

---

fulltext/ mak/arov/4.htm (дата обращения: 24.12.2014).

[25] Макаров Н.А. Там же. С.6.

[26] Заповедный Север. Архитектура. Искусство. Ландшафт / Б.В. Гнедовский, автор-составитель. М.,1987. С. 6.

[27] Чекалов А.К. Народная деревянная скульптура Русского Севера. М.: Искусство, 1974. С. 37.

Предистория северной деревянной скульптуры восходит к эпохе неолита и бронзы. Позднее, когда в IX—XIV веках сложился севернорусский этнографический комплекс, древние образы легли в основу изобразительного фольклора, составив то символическое ядро, которое генетически сохранялось до XX века. Нет сомнения, — писал А.К. Чекалов, что «ремесло деревообработки и плотницкого строительства существовали на Севере задолго до начала славянской колонизации, но *памятники угро-финской резьбы первого тысячелетия н.э. нам не известны*». Судя по археологическому материалу, техника обработки дерева, состав применяемых инструментов и пород дерева в IX—XIII веках мало чем отличались от тех, которые существовали в XIX веке.

Выводы А.К. Чекалова очень важны потому, что на севере памятники из дерева были недолговечными в отличие от традиций, передающихся от поколения к поколению в течении нескольких столетий. Деревянные предметы и изваяния IX—XV веков, то есть той эпохи, когда Север осваивался и заселялся новгородцами, а затем выходцами из средневековых русских княжеств, не дошли до нас, за исключением немногих случайных памятников и обломков, найденных археологами на территории северного края. «Между тем в народной пластике последующих столетий видна *прочная, незыблемая система традиций, образов, форм,* несомненно вполне сложившаяся и окрепшая задолго до XVI века. Можно сказать, что именно эта общепринятая система определяет особый характер северной резьбы и пути её развития вплоть до XX века», — отмечал А.К. Чекалов[28].

Особый характер имела и живопись Русского Севера, изучению которой в искусствоведении посвя-щено великое множество публикаций. В музейных хранилищах Санкт-Петербурга, Москвы, Архангельска, Каргополя сохранились до наших дней замечательные памятники древнерусского искусства, включая «северные письма» — произведения иконописи, созданные безвестными русскими мастерами, которым присуща наивность и простота образов, скупые живописные приёмы. В одной из первых книг о живописи Русского Севера XIV —XVI вв. Энгелина Сергеевна Смирнова подметила, что термин «письма» остаётся самым удачным. «Искусство огромного русского Севера распадалось на целый ряд таких «писем»[29]. Нет «северной школы» «или «северных школ», а существует сложное, многообразное в своих проявлениях, разветвлённое искусство различных северных областей, к которым она относила и Обонежье, и двинскую и вологодскую живопись. Северные иконы раскрывают перед нами совсем особый мир образов и художественных представлений, тесно связаны с народным творчеством, и в этом залог их обаяния. Живопись Севера — это крестьянское искусство. В иконах Обонежья, Двины, Вологды всегда обнаруживается родственная основа, несмотря на все различия их формальной структуры и колорита, в них жила душа, суровый облик сочетался с задушевностью образа.

[28] Чекалов А.К. Народная деревянная скульптура Русского Севера. М.: Искусство, 1974. С. 11.
[29] Смирнова Э.С. Живопись Обонежья XIV—XVI веков. М.: Наука, 1967. С. 105.

Ключевую роль в формировании населения Русского Севера в период с XI по XVI вв. сыграл *русский язык.* Лингвогеографические исследования В.Я. Дерягина и Л.П. Комягиной позволили установить четкую ареальную дифференциацию лексики народных говоров, исторически здесь распространенных. Русский язык складывался как диалектный, представляя новгородские и суздальско-ростовские говоры в зависимости от направлений колонизационных потоков. Однако проблема формирования языковой ситуации конкретного региона не может быть решена только на основе материалов лингвистики. «Это комплексная проблема, которая тесно связана с историко-этнографической проблемой формирования населения и территории региона и требует опоры на исторические, археологичесие, этнографические, антропологические источники», — подчеркивала профессор Т.Н. Плешкова[30].

Понятие **«**Русский Север» употребляли в своих трудах, при защите диссертаций архангельские историки В.И. Голдин, В.И. Коротаев, Н.М.Теребихин, В.А.Пальмин и другие. Отождествляла понятия «Европейский Север России» и «Русский Север» в своей диссертационной работе М.Б. Балова [31], подчеркивая связь времен, так как военное кораблестроение в России возникло именно на Русском Севере, в конце XVII века и до 1862 года наш регион являлся одним из крупнейших кораблестроительных центров страны. Традиции кораблестроения на Русском Севере продолжают в XX—XXI вв. северодвинские промышленные предприятия «Севмаш», «Звездочка», «Арктика» и другие.

Отождествлял Европейский Север России с давно обжитым Русским Севером, имеющим свои особенности в отличие от Азиатского, Сибирского Севера России, П.М. Трофимов: «под Русским Севером имеются в виду пространства Заволочья и Поморья—Двинской Земли, Архангельской и Вологодской губерний в их границах XVIII—XIX веков с общей площадью в 1 146 тысяч квадратных километров (свыше 115 млн десятин)» [32].

Если брать не историческое прошлое, а применять понятие «Русский Север**»** только к существующим реалиям второй половины XX в.—начала XXI в., то можно условно ограничить его границы современным социально-экономическим пространством трёх областей: Архангельской, Вологодской и Мурманской. Их историческая миссия — *северный русский морской коридор*, обеспечивающий России геополитическое преимущество с позиций талассократии, то есть морского могущества. Не менее значимо сохранение здесь лучших позитивных традиций великорусской культуры, местного самоуправления и свободы выбора.

В целом нельзя не отметить, что прослеживается некая закономерность в употреблении концепта «Русский Север». Чаще всего он встречается в работах по истории, культурологии, этнографии, этнологии, филологии, лингвистике, искусствоведению, при освещении вопросов культуры, духовной жизни севернорусского населения. Причем нередко территориальные рамки Русского Севера обозначаются в геокультурном контексте значительно шире, чем скажем при употреблении концепта Европейский Север России как экономического района. В экономике, государственно-муниципальном управлении, менеджменте, юриспруденции специалисты обычно применяют те концепты, которые закреплены в официальной

---

[30] Плешкова Т.Н. Особенности языковой ситуации Архангельского Севера и формирующие факторы: монография. Архангельск: Поморский гос. университет им. М.В. Ломонсова, 2003. С. 42.

[31] Балова М.Б. Предпосылки и особенности развития военного кораблестроения на Европейском Севере России в 1920-1950-е годы: автореф. дисс. …канд. истор. наук. Архангельск, 2001.

[32] Трофимов П.М. Очерки экономического развития Европейского Севера России. М.: Соцэкгиз, 1961. С.6.

терминологии, законах и других действущих в то или иное время документах. Социологи, философы осмысливают связь событий, показывают смысл эволюции социокультурного пространства Русского Севера, как пространства социальной деятельности людей, жизни человека, социума. Региональное пространство Русского Севера исторически не остаётся неизменным, постоянно меняется во времени. С позиций конфликтологии консервация традиций и введение инноваций (нововведений), религиозные отношения, менталитет людей, толерантность и нетерпимость в социуме оказывают воздействие на возникновение конфликтных ситуаций, постоянно являются конфликтогенными факторами истории.

На Русском Севере всегда ценились и развивались деревянное зодчество, иконопись, литература, поэзия, искусство, народное творчество. Северная Двина, Беломорье, Русский Север воспеты в великом множестве песен, стихотворений, былин, рассказов, статей и книг. Хочется привести здесь всего лишь несколько строчек стихов из «Конецгорского дневника» Евгения Пономарева (1962—2003), посвященных жизни в деревне на Двинской земле:

- Здесь у нас не соскучишься, без забот не прожить. Но зато, как научишься в доме печки топить, как грибами да ягодой дом наполнишь ты свой, как увидишь ты радугу и звезду над Двиной, так забудешь о городе, заживешь на земле… Очень жители добрые в Конецгорском селе.
- Я плохо печку натопил, теперь уж поздно, и вот, лишась последних сил, сижу и мерзну…
- Перебирай гитары струны, перебирай, перебирай… А ты, огонь, не отблеск лунный, не умирай, не умирай!
- Израненная и усталая на самом краешке села поникла птица — школа старая, сломали люди ей крыла.
- Ты почему-то мне приснилась, я встал и вышел на Погост. Ночное небо прояснилось, покрывшись тысячами звезд…

Более узкое понятие, чем «Русский Север» или «Европейский Север России», представляет концепт *«Архангельский Север»*. Архангельский Север в целом идентифицируется, *во-первых*, как административно-территориальные образования исторического прошлого (Заволочье, Двинская земля, Архангельская губерния) и, *во-вторых*, как современная Архангельская область XX—XXI вв. Это понятие не встречается в официальных документах и используется тогда, когда геокультурное пространство не совпадает с административно-территориальным делением одного и того же исследуемого региона. Поэтому возникает потребность в обобщающем концепте, каковым и явился «Архангельский Север». Особенно часто различные трансформации: смена власти, изменения границ государства и его субъектов, разного рода переименования, передачи полномочий и территорий, создание Северного края, новых округов, областей происходили на Русском Севере в 1918—1937 гг.

В книге «Памятники архангельского Севера», вышедшей в свет в 1983 году Архангельский Север впервые публично отождествляется с Архангельской областью, которая по мнению профессора Г.Г. Фрименкова является настоящим этнографическим заповедником русского народа, кладовой деревянного и каменного зодчества, прикладного искусства, книг, икон, как северного письма, так и привезенных с окраин, подвергавшихся опустошительным налетам врагов [33]. Концепт «Архангельский Север» встречается в диссертационых исследованиях М.В. Буторина, С.В. Михайлова, С.О. Шаляпина и др.

[33] Памятники архангельского Севера: сборник. Архангельск Сев.- Зап. кн. изд-во, 1983. С. 5.

Название «Архангельский Север» широко применял в своих работах по источниковедению, историографии профессор А.А. Куратов [34]. Региональная история России может быть представлена как *макрорегионами* — Европейский Север России, Русский Север, Архангельский Север, так и *микрорегионами* — уезды-районы, сельские и городские поселения, улицы. Обосновывая свою позицию Анатолий Александрович утверждал, что «исторически правильнее говорить не об Архангельской области, а об Архангельском Севере, куда в разное время входили Мурманская область (до 13.06.1921), беломорская часть Республики Карелия (до 4.08.1920), вся территория Республики Коми (до 1936 года) [35].

Употребление понятия «*Кольский Север*» обосновывается по-существу теми же причинами, что социально-экономическое, геокультурное пространство не тождественно административно-территориальному делению страны. Выделение для исследования такого региона в кандидатской диссертации Ю.П.Бардилевой совершенно обосновано объяснялось, например, частым изменением в первой трети XX века его статуса (уезд, губерния, округ) [36]. Интерес к современной Мурманской области, удаленной от центра составной части российского государства, обосновывается её особенностями по сравнению с другими территориями, даже с близ расположенной Архангельской областью. Доктор исторических наук, профессор П.В.Федоров вполне обоснованно использовал в своих работах не только понятие Кольского Севера, но и термин «Кольское Заполярье» [37].

В целом ученые Кольского научного центра РАН, вузов г. Мурманска вносят очень значимый вклад в исследование проблем освоения Арктики и Севера России. Заметным событием в культурной жизни региона стал выход в свет энциклопедических очерков «Кольский Север» (2012) [38]. Это уникальный коллективный труд, не уступающий ангажированной «Поморской энциклопедии», весьма компактный в отличие от неё и прекрасно иллюстрированный, изданный с душой и мерой. Издание «Кольский Север: энциклопедические очерки» — это и исторический срез состояния современных знаний о Русском Севере. Печатный и электронный варианты созданы благодаря стараниям и подвижничеству составителя и редактора Кольской энциклопедии игумена Аристарха, в миру — Александра Сергеевича Лоханова [См его выступление 18.12.2012 о книге «Кольский Север»: http://vk.com/video-40361987_ 163699950].

Административный статус Русского Севера

Русский Север во втором тысячелетии н.э. исторически представлял большое региональное пространство, включающее под разными историко-географическими названиями нередко дублирующие друг друга одни и те же земли: Заволочье, Двинская земля, Важская земля, Подвинье, Беломорье, Поморье, Поморские города, Тре (Терский берег), Обонежье,

---

[34] История и культура Архангельского Севера (досоветский период): межвузовский сборник научных трудов /отв. редактор Куратов А.А. Вологда, 1986. Историография истории и культуры Архангельского Севера. Вологда,1989; Источниковедение истории и культуры Архангельского Севера. Архангельск,1992.

[35] Поморская энциклопедия. Т.1. История Архангельского Севера. Архангельск, 2001. С.10.

[36] Бардилева Ю.П. Государственно-церковные отношения на Кольском Севере в первой трети XX века. Дис… канд. истор. наук. Мурманск, 2000.

[37] Федоров П.В. Северный вектор в российской истории: центр и Кольское Заполярье в XVI—XX веках. Мурманск: МГПУ, 2009.

[38] Кольский Север: энциклопедические очерки. Научно-популярное издание / Сост. и общ. ред. А.С. Лоханов. Мурманск: Просветительский центр «Доброхот», 2012. 504 с.

Прионежье и Заонежье, Каргополье, Белозерье, Вологда, Устюжский край, Присухонье, Вычегодский край, Печера (Печорский край), Архангельский Север, Кольский север. Многие из этих названий означали ланшдшафтное, пространственное, геокультурное местоположение в те или иные времена. При этом на Русском Севере постоянно происходили изменения административно-территориального деления, названий земель, волостей, уездов, областей, губерний, входящих в разное время в систему государственного управления Новгородской республики, Московского княжества, Российской монархии. Однако Русский Север субъектно сам никогда не входил в систему государственного управления, экономического районирования страны, не имел никакого административного статуса. Поэтому можно обозначить лишь время жизни тех или иных внутренних территорий, условно отнесенных к административному пространству Русского Севера.

Таблица 2

Административное пространство Русского Севера во II тысячелетии н.э.

№	*Пространство*	*Время*
1	Новгородские волости Вологда, Заволочье, Тре (Терский берег Белого моря), Пермь (Вычегодская земля), Печера (Печорский край), пятина Обонежье в составе Новгородской республики.	1136—1478 гг.
2	Двинская земля XI—XVI вв., Двинской уезд 1551—1780 гг., Двинская провинция 1719—1775 гг. — административно-территориальные единицы Новгородской республики, Московского княжества, Российской монархии.	XI—XVIII вв.
3	Архангелогородская губерния	1708—1780 гг.
4	Вологодского наместничество, включавшее Архангельскую область до 1784 года.	1780 —1796 гг.
5	Архангельское наместничество	1784—1796 гг.
6	Архангельская и Вологодская губернии	1796—1929 гг.
7	Мурманская область - бывший Александровский уезд Архангельской губернии	1921 г.—XXI в.
8	Северный край: Архангельская, Вологодская, Северодвинская губернии, Коми автономная область, Ненецкий национальный округ	1929—1936 гг.
9	Северная область: Архангельская, Вологодская, Северодвинская губернии, Ненецкий национальный округ	1936—1937 гг.
10	Архангельская и Вологодская области	23.09.1937 —XXI в.

Новгородская волость Югра располагается за Уралом и не входит поэтому в административный состав Русского Севера. Подвинье, Беломорье, Поморье не включены в эту таблицу, так как они не являлялись субъектами административно-территориального деления Новгородской республики или России. Соловецкий административно-вотчинный округ Поморья в XYI—XVIII вв., Поморский край в XIX веке позиционируются как льготные экономические районы. Соловецкий монастырь при этом реально осуществлял властные, государственные функции по обороне, защите Русского Севера, международным отношениям, сбору налогов, пошлин. Поморский же край был нацелен в основном на создание льготных условий для населения по ведению торговли хлебом и рыбой с Норвегией, но он никогда не был административным районом в Архангельской губернии.

Двинская земля в XVI—начале XVIII века — это ещё и региональное торгово-экономическое пространство, включающее важнейший водный путь из Англии через Белое море в Архангельск, далее по Северо-Двинскому внутреннему пути в центральную Россию, затем по Волге до Каспийского моря, в Персию и другие страны Востока.

В ходе гражданской войны на Севере была провозглашена Северная область. В её состав предполагалось включить Архангельскую, Вологодскую, Олонецкую, Вятскую и другие губернии, но практически этого не произошло. Летом 1918 года часть Александровского уезда Архангельской губернии была передана Финляндии, а оставшаяся часть декретом ВЦИК от 13 июня 1921 года преобразована в самостоятельную Мурманскую губернию. В 1920 году от Архангельской губернии к Карельской трудовой коммуне отошёл Кемский уезд Архангельской губернии. Декретом ВЦИК от 22 августа 1921 года была образована автономная область Коми (Зырян), в которую от Архангельской губернии вошли часть волостей Мезенского и Печорского уездов.

Самым крупным административным образованием на Русском Севере в советское время стал *Северный край* в 1929—1936 гг. в составе Архангельской, Вологодской, Северо-Двинской губерний и автономной области Коми (Зырян) с центром в Архангельске. Кроме того, в краевом подчинении находились острова Северного Ледовитого океана: архипелаги Земля Франца Иосифа и Новая Земля, острова Колгуев, Вайгач, Матвеев, Соловецкие, Моржовец и др. 15 июля 1929 года в Северном крае был образован Ненецкий национальный округ. В общей сложности в Северном крае проживало 2 миллиона 376 тысяч человек в 23 901 населенном пункте, объединенных в 1094 городских, поселковых и сельских, 62 районных Советов, пять округов - Ненецкий национальный, Архангельский, Вологодский, Северо-Двинский, Няндомский и Коми автономную область [39]. Из-за невозможности эффективного управления такой громадной территорией методами жесткого администрирования в декабре 1936 года из Северного края была выделена Коми автономная область, ставшая республикой, появилась Северная область, которая была разделена на Архангельскую и Вологодскую области 23 сентября 1937 года.

Заключая эти краткие сюжеты о Русском Севере, нужно заметить, что в XXI веке заметно обостряются вопросы толерантности, поиска идентичности личности, региона, локализации и интернационализации геокультурного пространства. История активно используется в качестве политических инструментов мягкой силы, манипулирования общественным сознанием. Проявляется меркантильный, геополитический интерес к историческому прошлому, проблемам культурно-этнической, историко-локальной идентификации русских, поморов, ненцев, сааамов, коми. Нередко как-то забывается, что Поморье, например, расположено не на Балтике или норвежских берегах Баренцевого моря, а на побережье Белого моря в геокультурном пространстве Русского Севера.

Концепты «Двинская земля», «Заволочье» новгородского периода входят в региональное пространство Русского Севера, исключая может быть Урал, Югру, Сибирь. Двинская земля генетически в исторической памяти, литературе, искусствоведении позиционируется ядром Русского Севера, его культуры, наиболее богатой и обжитой территорией. О времени её жизни, локализации погостов и других поселений и пойдет далее речь.

---

[39] Административно-территориальное деление Архангельской губернии и области… С. 112—113.

1.2. Вопросы локализации, хронологии Двинской земли

Определяющей доминантой, основой всей жизни Двинской земли как в историческом прошлом, так и в настоящем времени, была и остается река Северная Двина, её природный ландшафт. Без воды, дарованной Богом десяткам поколений людей, северные земли могли бы оказаться недоступными и неосвоенными. Значимость Двинской земли определяется рядом факторов.

- Водная система Северной Двины с ее притоками была связана на протяжении нескольких веков через волоки, каналы, гидросооружения, другие реки и озера со всей остальной Россией, имела через Белое море выход к трём мировым океанам: Ледовитому, Тихому и Атлантическому. Морской путь из Англии в Персию через Белое море, Северо-Двинской торговый путь составлял около двух столетий основу российской транспортной инфраструктуры во внешней и внутренней торговле, имел геополитическую значимость. Архангельск в устье Северной Двины исторически стал местом встречи русской православной и западноевропейской цивилизаций, первым морским портом России, воротами в Арктику.
- Природный ландшафт, богатейшие ресурсы Двинской земли, Заволочья (свободные земли, реки и озера, лес, пушнина, соль, рыба и др.) привлекали население, открывали возможности для организации жизнедеятельности, создания поселений, торговых путей (волоков), развития торговли, формирования рынка. Человеческий капитал — люди, с давних пор осваивающие побережья северных рек и Белого моря, транспортные пути и природные ресурсы, — способствовал развитию здесь кораблестроения, морских, речных, лесных промыслов, культуры, участию в арктических экспедициях.
- Традиционная культура северян, включающая артефакты, здания, орудия и предметы труда, быт, одежду, нравы, отношения людей, их ценности и духовный мир, некий консерватизм, длительное время сохранялась на Русском Севере.

Все это в цивилизационной совокупности своей и сменой поколений во времени создавало исторический и современный ландшафт. «Российское природное ландшафтоведение можно считать крупным явлением в науке, особенно его «природное» направление, ориентированное на исследование неосвоенного пространства. Объективно этому способствовали географические особенности России, ее огромные пространства, низкая плотность населения и ненарушенные (естественные) ландшафты», — подчеркивал В.В. Сударенков, отмечая значимость ландшафта как освоенного, социального, национального (этнического), исторического пространства[40]. «Бассейны Сухоны, Северной Двины и ее левого притока реки Ваги были наиболее богатыми и обжитыми на всем Русском Севере. Этот район по справедливости можно назвать Двинской землей», — определял известный историк М.Н. Тихомиров[41].

Двинская земля, исторически трансформируясь во времени и пространстве, как мультидисциплинарный объект исследования может определяться системно в нескольких измерениях: ландшафтно-природном, историко-географическом, административно-управленческом, культурном, социально-экономическом, геополитическом, мифическом. Нередко ука-

[40] Сударенков В.В. Ландшафты Арктики и их правовая охрана // Арктика и Север. 2014. 19 ноября. URL: http://narfu.ru/aan/news.php?ELEMENT_ID=179330 (дата обращения: 21.11.2014).
[41] Тихомиров М.Н. Россия в XVI столетии. М.: Изд-во АН СССР, 1962. С. 229.

занные измерения создают причудливые сочетания и возникает потребность чётко выделить ключевое из них.

Во-первых, Двинская земля — это природный ландшафт (местность), пространственная среда, в пределах которой основные ландшафтные компоненты сформировались и существовали без участия человека. Длина всех рек бассейна Северной Двина составляет 7693 километра. Природный ландшафт бассейна Северной Двины, впадающей в Белое море — генетически единый природно-территориальный комплекс имеющий в основном одинаковый геологический фундамент, тип рельефа, климата, набор урочищ. Определяющий критерий здесь — появление исторически самой реки Северная Двина, её притоков, на берегах которых начинает эволюционировать затем жизнь. Ландшафт перманентно изменяется, в том числе под воздействием самого человека, окультуривается. Как бы не называли эти территории в дальнейшем, они были и останутся всегда Двинской землёй по факту своей ландшафтно-природной геолокализации. В этом смысле можно исторически рассматривать двинское пространство в разные эпохи и времена от палеолита до современности, говорить об изменениях климата, различных культурно-этнических волнах цивилизаций, тесно увязывая эволюцию жизни Двинской земли с более широкими историко-географическими, палеонтологическими концептами.

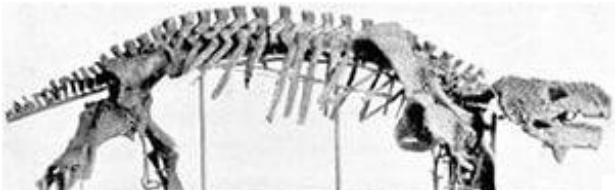


Рисунок 6. Скелет Двинского ящура. URL: http://s53.radikal.ru/i140/0811/b1/3ec404487624.jpg

Обнажения красных глин пермского периода на берегах Северной Двины свидетельствуют о том времени, когда здесь были тропики, а возраст найденных захоронений (Соколки и др.) зверообразных рептилий пермского периода определяется в 270—250 миллионов лет [42]. Пермские отложения по рекам Сухоне и верховьям Северной Двины исследовал, провел раскопки в Соколках русский геолог, палеонтолог Владимир Прохорович Амалицкий (1860—1917), открывший уникальное собрание «двинских» ящеров, остатки которых были названы национальным сокровищем и образовали «Северо-Двинскую галерею» Палеонтологического музея Академии наук СССР [43].

Возраст самой реки Северная Двина сравнительно невелик и не превышает пика Валдайского обледенения, — замечает В.Н. Васёв в книге «Двинская земля: шаги времени» [44]. Геологическое прошлое Северной Двины исследовано в работе Л.Л. Ильиной и А.К. Грахова «Реки Севера» [Л.,1987]. Несомненный интерес представляют материалы археологических раскопок древних палеолитических стоянок, которые помогают определить хронологию появления человека в Арктике, на Севере. Природные основы формирования сельских поселений Архангельской области рассматривает в своей диссертации О.Н. Стрекаловская, которая сделала попытку обоснования историко-географической периодизации этапов освоения территории Архангельской области, но только начиная с эпохи мезолита [СПб, 2007].

Во-вторых, Двинская земля в скандинавских и других источниках, на картах нередко отождествлялась с мифической Биармией, по локализации которой существуют самые раз-

[42] Арефьев М., Голубева В. Ящеры русской равнины// Geo. 2000. №9. URL: http://www.paleontology.ru/geo.php

[43] 150 лет со дня рождения В.П. Амалицкого — известного геолога и палеонтолога. URL: http://www.rosnedra.gov.ru/article/3392.html (дата обращения: 10.01.2015).

[44] Васёв В.Н. Двинская земля: шаги времени. Вологда, 2011. С. 5.

личные гипотезы, находящие отражение в сказаниях (исландских сагах), на иностранных картах, в исторической литературе. Это мифическое измерение Двинской земли будит творческое воображение, но источниковая база при этом имеет весьма ограничена и не всегда доступна. Каких-либо следов Биармии в русских летописях не удаётся найти, а зарубежные источники, включая саги, весьма противоречивы. Отсутствуют надежные артефакты. Мифы о Двинской земле встречаются также в отечественных источниках и литературе.

В-третьих, в источниковедении и отечественной историографии Двинская земля и Заволочье времён Великого Новгорода нередко употребляются как идентичные понятия, хотя они совпадают не полностью. Одно из первых упоминаний Заволочья встречается в Холмогорской летописи: «*В лето 6586 (1078). В се же лето убиен бысть Глеб, сын Святославль, брат Олгов, в Заволочье*»[45]. Заволочье как название волости встречается в трёх договорных грамотах Новгорода с тверским великим князем Ярославом Ярославовичем 1264—1270 гг.[46]. Название «Двинская земля» чётко идентифицируется в уставной Двинской грамоте великого Князя Василия Дмитриевича 1398 года [47]. Понятия Заволочье, Двинская земля пишутся в духовных грамотах XVI века раздельно.

В-четвертых, требует уточнения время жизнедеятельности Двинской земли. Хронологические рамки Двинской земли в энциклопедических словарях указываются как историческое название в XIV—XVII вв. территории в бассейне Северной Двины; в XI—XV вв. — владение Новгорода; в 1397—1398 гг. под властью Москвы; с 1478 года в Российском централизованном государстве; до XV в. известна под названием Заволочье [48].

Однако Двинская земля, трансформируясь как административно-территориальные структура управления (Двинской уезд, Двинская провинция) существовала вплоть до 1780 года, то есть до конца XVIII века.

Один из исторических мифов связан с летописным упоминанием о двинских жителях. Земли в дельте Северной Двины были обжитыми с давних пор, — сообщает Двинской летописец: *«Жителие убо двинские вначале именовахуся заволоческая чудь, последи же, реки ради великия Двины, проименовахуся двиняне»*[49]. Однако открытые археологами стоянки первобытных людей датируются временами, когда никакой «заволоческой чуди» на севере ещё и в помине не было. Заселение северных территорий происходило в позднеледниковый период, когда наступило потепление, появилась растительность, леса начали продвигаться на север, возникли природно-климатические условия, пригодные для существования людей. В далёком прошлом это ареал распространения разных археологических культур.

Профессор А. А. Куратов во многих своих публикациях выделял археологические культуры: 1) Племена ямочной, ямочно-гребенчатой и гребенчатой керамики (потомки лья-

---

[45] Полное собрание русских летописей (ПСРЛ). Т.33. Холмогорская летопись. Л.: Наука, 1977. С.38.

[46] Грамоты Великого Новгорода и Пскова / под ред. С.Н. Валка; подгот. к печати В.Г. Гейман, Н.А. Казакова, А.И. Копанев, Г.Е. Кочин, Р.Б. Мюллер и Е.А. Рыдзевская; Ин-т истории АН СССР, Ленинградское отд. М.-Л.: АН СССР, 1949. № 1,2,3. URL: http://www.vostlit. info/Texts/Dokumenty/Russ/XIII/1260-1280/Gramoty_otn_ Novgoroda_ knjaz/1-20/1.htm (дата обращения: 18.10. 2014). Далее ссылки на ГВНП обозначаются с указанием номера цитируемого документа без ссылки на электронный ресурс.

[47] Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи археографическою экспедициею Императорской Академии наук (далее — ААЭ). Том первый. Архангельской епархии, 1294—1598. СПб, 1836.

[48] Двинская земля. URL: http://dic.academic.ru/dic.nsf/enc3p/114102; http://interpretive.ru/dictionary/402/word /dvinskaja-zemlja; http://dic.academic.ru/dic.nsf/sie/5199 (дата обращения: 12.08.2014).

[49] ПСРЛ. Т.38. Двинской летописец. Л., 1977. С. 148.

ловских и, возможно, волосовских племен волго-окского междуречья) эпохи развитого и позднего неолита. 2) Племена турбинского ареала в беломорском варианте материальной культуры бронзового века. 3) Ананьинские племена и племена культуры асбестовой керамики [50]. Исследуя первобытную историю Архангельского Беломорья в поисках «неуловимой» чуди, А.А. Куратов обобщил результаты археологических раскопок на стоянке в Кузнечихе (Архангельск), Орлецкой неолитической стоянки на Северной Двине, поисковых экспедиций на Пинеге и в других местах Двинской земли. Он писал об археологии острова Моржовец и проблеме древнейшего заселения островов Белого моря. Обзор исследований по арктической археологии выполнен им в статье «Археология Ненецкого автономного округа».

Заселение юго-восточной части Архангельской области началось ещё в эпоху палеолита. «На карте Архангельской области отмечено множество пунктов находок палеозоологического материала — кости мамонта, овцебыка, шерстистого носорога, однако орудий труда палеолитического человека пока не обнаружено, за исключением единичных находок на Северной Двине, в Ступино и Ичково», — отмечал А.А. Куратов в 1978 году[51]. Ступино и Ичково расположены по правому берегу Северной Двины недалеко от Орлецов. Лично я горжусь тем, что был участником той археологической экспедиции 1967 года в Орлецы под руководством Анатолия Александровича.

Известны *мезолитические стоянки* на реке Северной Двине: Вондога-1, Усть-Обокша, Филичаевская 2-4. Остатки древних поселений первобытных охотников и рыболовов на территории современного Архангельска датируются археологами в основном третьим-вторым тысячелетиями до нашей эры. Петроглифы на островах Белого моря, реке Выг, побережье озера Онеги, в Канозеро, на берегу реки Поной датируются IV—II тысячелетиями до рождества Христова. В эти тысячи лет совершенствуется охота с применением лука и стрел, появляется новый способ добывания пищи — рыболовство, изобретаются такие средства передвижения, как лыжи, сани, лодки. Историческое время движется медленно. В культурном отношении мезолитические стоянки Подвинья и Важского бассейна связаны: двинские с камско-вычегодской культурой, устьянско-кокшеньгские с волго-окской [52].

Неолитических стоянок на Северной Двине насчитывается значительно больше, чем предшествующих эпох: Кузнечиха, в урочище Бык, деревне Лявля, Орлецкая, Студенческая, Сужега, Усолка-1, Пермогорье, Кулига-2, Усово-1 и другие. На реке Печоре можно назвать Печорскую стоянку около г. Нарьян-Мара; на побережье Белого моря — Галдарея-1, Зимняя Золотица. В более поздние времена население Севера осваивает добычу меди, бронзы, железа, металлообработку в Заонежье, на реках Вычегде, Печоре. Однако, в отношении северных территорий высказывалось мнение: «Благоприятная природная ситуация (самородная медь Заонежья) в данном случае способствовала раннему развитию металлургии, но в условиях традиционной охотничье-рыболоведческой системы хозяйства не вела к существенным изменениям в образе жизни и соответственно в наборе орудий» [53].

---

[50] Куратов А.А. Археология и история Архангельского Севера: избранные статьи/ А.А.Куратов; сост. М.Н.Супрун. Архангельск: Поморский университет, 2006. С. 128.

[51] Куратов А.А. Археологические памятники Архангельской области. Сев.-Зап.кн.изд-во, 1978. С. 5

[52] Мартынов А.Я. Северодвинский бассейн в эпоху мезолита — раннего металла // История и культура Архан – гельского Севера (досоветский период). Вологда, 1986. С. 22—23; Культура первобытного населения бассейна Северной Двины //Культура Русского Севера. 1988. С. 22—44

[53] Энеолит СССР. М., 1982. С. 7—8

Этническая карта заселения северных территорий в первом—начале второго тысячелетия н.э. представляет достаточно многоцветную картину. В соответствии с одной из концепций, племена с ямочно-гребенчатой керамикой, заселявшие в неолите лесную зону от Прибалтики до Урала, в том числе значительную часть Севера, являлись древними финно-уграми. Согласно второй точке зрения, финно-угры сформировались в Приуралье и Волго-Камском регионе, откуда во втором тысячелетии до н.э. продвинулись на запад, положив начало финно-угорским народностям. Профессор А.А. Куратов подчеркивал, что этническая принадлежность племен ямочно-гребенчатой керамики остаётся невыясненной. С.В. Жарникова, как уже отмечалось, вообще считала финнно-угорскую концепцию первичного заселения северных земель без уточнения тысячелетней роли предков славян полным бредом. А.Г. Едовин выделял в Заволочье севернофинские племена, а также архаичных ванвиздинцев, границей между которыми были Северная Двина и Онежский полуостров.

Академик РАН Н.А. Макаров отмечал, что все попытки найти в археологических памятниках XI—XIII веков какие-либо элементы, бесспорно восходящие к культуре «заволоцкой чуди», завершаются неудачей. Некоторые археологи полагают, что могильники XI—XIII веков на Ваге и Кокшеньге принадлежат заволоцкой чуди, но какую-либо связь между этими памятниками и памятниками более ранней эпохи проследить пока не удается. Очевидно, немногочисленное коренное население Заволочья быстро смешалось с пришельцами, полностью растворившись в их среде и приняв их культуру. Кроме финно-угров, Северо-Восток Европы в конце I тыс. н. э. был заселен пермскими племенами — предками современных коми-зырян, коми-пермяков и удмуртов. Западная граница их расселения доходила до верховьев Северной Двины. Между областями, заселенными в X веке корелой, весью, славянами и мерей, с одной стороны, и пермскими племенами, с другой, остается обширнейшее пространство — почти весь бассейн Онежского озера, Онеги и Северной Двины. Здесь известны лишь отдельные археологические памятники второй половины I тыс. н. э.[54].

Северная часть Заволочья была заселена саамами (лопь). Следы аборигенов, обитавших в южной части бассейна Онеги и Северной Двины в I тыс. н.э., в последующий период совершенно теряются. Другие чудские племена, основные ареалы которых находились далеко на юго-западе, в XI—XII веках оставили довольно заметные следы в Северном Белозерье, Каргополье, Заонежье и Заволочье. Подвески, представляющие собой плоское прорезное изображение уточки, впервые появились в Приладожье в X веке, в XI—XII веках они получают повсеместное распространение на территории Белозерья, Каргополья и Важского края. Самый яркий памятник славянской колонизации — Кемский некрополь, могильник русских дружинников на Ковжско-Вытегорском пути. Здесь каждая деталь обряда, каждое украшение строго соответствует общим нормам восточнославянской культуры [Макаров Н.А. Указ.соч. С. 104—106].

Название «Двиняне» использовалось в Вологодско-Пермской летописи: «В лето 6832 (1324). Иде великий князь Юрьи Данилович с Ноугородцы на Заволочье, и взяша Устюг на щитъ и поидоша на Двину, и добиша ему челом *Двиняне*, и отъиде»[55]. В грамоте от 12 мая 1527 г. говорися о продаже «двинянам» рыбной тони. Жители Двинской земли именовались

[54] Макаров Н.А. Русский Север: таинственное средневековье. М., 1993. С. 98—101.
[55] ПСРЛ, т. 26. Вологодско-Пермская летопись. М.-Л.: изд. АН СССР, 1959. С. 110. URL: http://ushkuiniki.pspu.ru /PSRL/vologodsko-perm.pdf (дата обращения: 18.09.2014).

двинянами в грамоте Великого Князя Иоанна Васильевич, в отличие от каргопольцев, онежан, турчасовцев, поморцев. И двиняне и поморцы употребляются также в таможенной грамоте 1591 года царя Федора Иоанновича.

Появление новгородцев на северных землях А.Н. Насонов датировал первой половиной XI века на основании летописных упоминаний о походе Улеба в 1032 году на Железные Ворота, о локализации которых споры не утихают до сих пор. Исследования археологов позволили отодвинуть нижнюю хронологическую границу освоения славянами Заволочья в X — XI вв. Директор Института археологии РАН Н.А. Макаров, опираясь на археологические материалы, убедительно показал, что древнерусская колонизация Севера началась в конце X — начале XI в. и заметно активизировалась в середине XII в. Вещи древнерусских типов распространяются в этот период на огромной территории от Белоозера и Волжско-Сухонского водораздела до Финнмарка и Северного Приуралья, примерно соответствующей зоне русской колонизации и русских даней, очерченной по свидетельству летописей, грамот и других документов.

В Беломорье известны три клада монет, ювелирных изделий, относящихся к раннему средневековью. В 1887 году местные жители в осыпи обрыва, «в обвалившемся кургане» возле устья реки Индеры, впадающей в Белое море, нашли семь массивных, завернутых в бересту, «скандинавских» серебряных гривен IX—XII вв. В начале XX века в Архангельский музей от кемского исправника поступил клад серебряных вещей: «обломки нескольких литых шейных гривен с кнопками на концах, витая шейная гривна с пластинчатыми концами, пластинчатые браслеты», датируемых XI—XII вв. В 1989 году около города Архангельска, в пойме реки Северная Двина был найден Архангельский клад древнерусских ювелирных изделий, западноевропейских и арабских серебряных монет XII века [56].

На археологической карте Н.А. Макарова (1986) с находками X—XIII вв. локализуются 177 пунктов, из них: 18 — в бассейне Онежского озера, 18 — в бассейнах озер Воже, Лача и реки Онеги; 23 — в бассейне Ваги и Кокшеньги, 2 — на Карельском и Поморском берегах Белого моря, 3 — на Терском берегу, 2 — на Пинеге. А в районе Белого озера – 72, Сухоны и Кубенского озера – 20, в среднем течении Шексны – 10 [57]. К 1993 году на археологической карте насчитывалось уже более 220 точек, за каждой из которых — поселение, могильник, монетный клад, случайная находка средневековых украшений. «Памятники на карте различаются по внешнему виду, по степени сохранности и насыщенности предметами древности. Их объединяет лишь одно — это материальные остатки, твердо датируемые XI—XIII веками, то есть свидетельства постоянного или временного пребывания человека на Севере в ту эпоху» [58]. К X веку относятся находки в бассейне Онежского озера. В бассейне реки Ваги найдены грунтовый могильник, клад куфических и западноевропейских монет, две коллекции украшений из разрушенных могильников, относящихся к последней четверти X века—первой четверти XII века. Население Нижнего Подвинья и Поморья в то время было редким и малочисленным. Археологические карты Русского Севера, составленные Н.А. Макаровым, позво-

[56] Шахнович М.М. Средневековая археология Северного Прибеломорья (река Варгуза) // Новгород и Новгородская земля: история и археология. В. Новгород, 2010. С. 63—80. URL: http://pandia.org /text/77/196/ 46322.php (дата обращения: 23.12.2014).

[57] Макаров Н.А. Археологические данные о характере колонизации Русского Севера в X—XIII вв.// Советская археология. 1986. №3. С. 61—71.

[58] Макаров Н.А. Русский Север: таинственное средневековье. М., 1993. С. 16.

ляют сделать вывод об основном направлении движения населения — *с юго-запада на восток и северо-восток*.

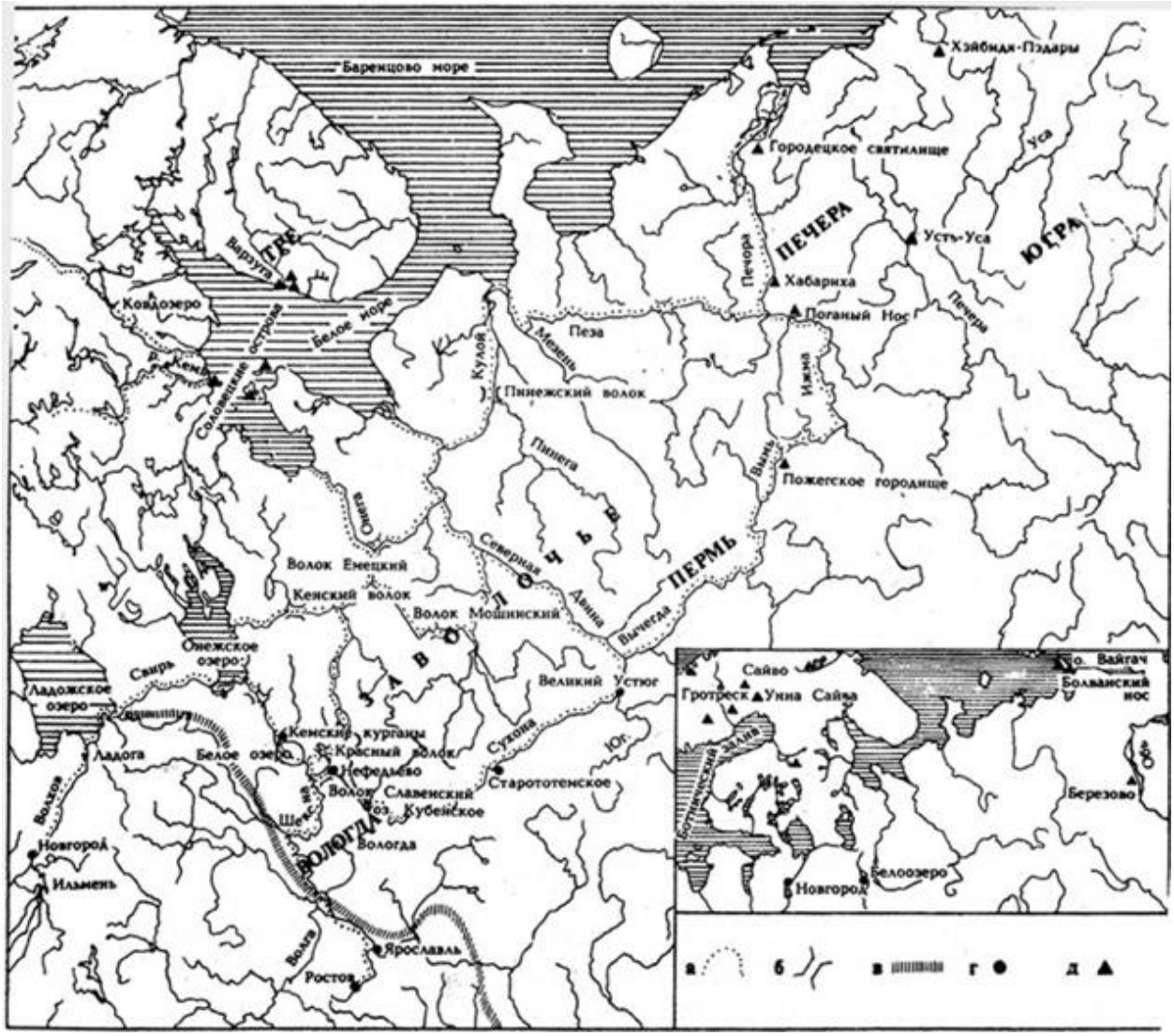


Рисунок 7. Водно-волоковые пути Севера в XI—XIII вв./ Макаров Н.А. URL: http://www.booksite.ru/fulltext/mak/arov/1.htm. На карте обозначены: а— маршруты водно-волоковых путей; 6 — волоки; в — северо-восточная граница зоны распространения древнерус-ских курганов; г — города и археологические памятники XI—XIII вв.; д — находки предметов древнерусского происхождения на Крайнем Севере

Освоение Русского Севера шло по водно-волоковым путям. Академик Н.А. Макаров значительно продвинул изучение средневековых северных волоков, которые впервые предстали перед нами как археологическая реальность. Волок представлял собой сухопутную дорогу через водораздел с находящимися на ее трассе поселениями. Жители этих поселений расчищали волоковую дорогу и давали путешественникам лошадей для транспортировки судов. Появление первых постоянных поселений на волоках относится к XI в., а в XII в. некоторые из них становятся важнейшими центрами хозяйственного освоения Севера [59].

Со сбором дани в Заволочье связаны артефакты, найденные при раскопках Великого Новгорода. В «Очерках истории средневекового Новгорода» В.Л. Янин упоминает о находках

[59] Макаров Н.А. Русский Север: таинственное средневековье. М.,1993. С. 30.

деревянных «замков» на мешках для сбора дани, обеспечивающие гарантированное сохранение собранной пушнины. Эти устройства (замки) содержали надписи, указывающие принадлежность содержащегося в мешке князю или самим сборщикам налогов, которым согласно кодексу «Русской правде» полагался определенный процент собранного. Всего было найдено больше 50 таких «замков» на городских усадьбах новгородцев. В ряде случаев подобные находки сопровождались берестяными грамотами, адресованными тем же лицам, чьи имена были написаны на «замках». Как минимум две надписи X—XI вв. на мешках для сбора дани относятся к Каргополью и устью Ваги. Один из них, обнаруженный в слое *конца X века*, содержит следующий текст: «Мецъницъ м?хъ въ Тихъм[ен]г? пол[чет]ъв?ръ[та]» (Мешок мечника в Тихменге, три с половиной). Мечник, по «Русской правде», – сборщик государственных доходов в определенном регионе. Тихменга – река, впадающая в озеро Лаче (Каргополь) и примыкающий к ней район. «Три с половиной» (вероятно, гривны) – сумма содержимого мешка, причитающаяся мечнику. На другом «замке», найденном в слое *конца XI века*, имеется надпись: «Оустье Вагы мецьниць м?хъ 3 гри[вны]». Река Вага – левый приток Северной Двины; в ее устье расположен пункт Усть Вага [60].

Среди историков высказываются различные мнения по локализации Двинской земли и Заволочья: одни считают Заволочьем огромную территорию между бассейнами рек Онеги и Печоры; другие только бассейн Северной Двины, отождествляя его с Двинской землёй. В.О. Ключевский в своих лекциях о Новгороде Великом, например, помимо новгородских пятин перечисляет волости на северо-востоке — «*волость Заволочье или Двинская земля*», то есть фактически отождествляя их. Это земли расположенные за волоком, обширным водоразделом, отделяющим бассейны Онеги и Северной Двины от бассейна Волги. За Двинской землей к северо-востоку находилась волость Печера по обеим сторонам реки этого имени, а далее за Уралом волость Югра; на берегах Белого моря — волость Тре или Терский берег. Волости были рано приобретены Новгородом. Уже в XI веке новгородцы ходили собирать дань за Двину на Печеру, а в XII веке на Терский берег [61].

В.О. Ключевский подчеркивал приоритетность *боярской (промысловой) колонизации* над крестьянской и монастырской (земледельческой). Вместе с тем, расширению земель Новгорода способствовали не только военно-промышленная, боярская, но и крестьянская, монастырская колонизация *с*еверных территорий. С.Б. Хорова (ГААО), например, обращает внимание на первенствующую роль крестьян и монахов: «Освоение Севера началось в IX веке, и прежде всего на Север шли крестьяне и монахи»[62].

Не имеет смысла повторять всю историографию вопроса в этом кратком очерке. По исследованиям известного археолога О.В. Овсянникова пришлое славянское население проникало на Север в X—XIII вв. В своем диссертационом исследовании (2001) А.Г. Едовин относил обнаруженные курганные могильники земель в среднем течении Северной Двины к X—XI вв.[63]. Ю.С. Васильев определял Заволочье как территориально-административную едини-

---

[60] Янин В.Л. Очерки истории средневекового города. М.: Языки славян, культура, 2008. URL: http://www.lrc-press.ru/pics/previews/ru/(62)Pages%20from%20Yanin-2008-v.pdf (дата обращения: 10.10.2014).

[61] Ключевский В.О. Сочинения. Т. II. Курс русской истории. Часть 2. М.: Гос.изд-во полит. лит., 1957. С. 57—58.

[62] Хорова С.Б. Монастыри Архангельской епархии в XIV–XX вв. // Поморский летописец: Альманах. Вып.III /Под ред. Г.В. Демчук; сост.Т.А. Санакина. Архангельск: ОАО «ИПП «Правда Севера», 2008. С. 40.

[63] Едовин А.Г. Заволочье в средневековой русской истории (X—XIII вв.) // Автореф. дисс. …канд.истор. наук. – Архангельск, 2001. С. 15.

цу Новгородской феодальной республики в XI—XV вв.[64]. Историческая география Заволочья X—XII вв. исследовалась в кандидатской диссертации А.А. Зориной [65], в других междисциплинарных работах, где анализируются труды признанных авторитетов, фамилии которых давно известны: Т.А. Бернштам (1937—2008), Ю.С. Васильев (г.р.1939), М.В. Витов (1923—1968), Н.А. Макаров (г.р.1955), А.К. Матвеев (1926—2010), А.Н. Насонов (1898—1965), Е.А. Рябинин (1948—2010), В.Л. Янин (г.р. 1929) и многие другие ученые.

Что касается источниковой базы, то Заволочье упоминается в Холмогорской летописи в 1078 г., в договорных грамотах с князьями 1265—1270, 1305, 1308, 1327, 1456, 1471 гг. как волость новгородская, в духовных грамотах Ивана III Васильевича и Ивана IV Васильевича 1504, 1572 гг. уже как отчина, передаваемая по наследству. Процесс новгородской колонизации привёл к появлению на берегах Северной Двины *погостов*, понимаемых как административные округа, мелкие податные единицы, место приходской церкви, сбора дани. Большинство упоминаемых погостов в Обонежье, на берегах Северной Двины и её притоков было локализовано благодаря исследованиям А.Н. Насонова и других ученых.

Одно из самых ранних письменных упоминаний о погостах на Двине и в других местах относится к Уставу 1137 года. С новгородских волостей поступали отчисления новгородскому владыке — архиепископу от судебных доходов князя. Размер такого рода дани был определен Уставом новгородского князя Святослава Ольговича, датируемым лето 6645 или 1137 годом, о взимании судебной десятины с жителей Подвинья и Пинежья в пользу новгородского епископа. Для каждого погоста устанавливалась своя норма. В Уставе князя Святослава Ольговича установлены отчисления св. Софье от судебных доходов князя, фиксированная сумма ежегодной судебной десятины в 100 гривен новых кун, независимо от реальных доходов князя, которая должна поступать новгородскому владыке (архиепископу), определяется порядок сбора и нормы княжеской ренты для каждого погоста[66]. В Уставе фактически нет непосредственного упоминания самого термина «Заволочье», а локализуются лишь погосты и количество сбора дани с них в сорочках (40 белок):

> «*в Онеге на Волдутове погосте два сорочка (80 белок), на Тудорове погосте два сорочька, на Ивани погосте с даромь 3 сорочькы, на Ракуле 3, на Спиркове два, у Вихтуя сорочек, в Пинезе 3, в Кегреле 3, устье Емьце два, устье Ваг два, у Пуите сорочек, у Чюдина полъсорочька, у Лигуя с даромь два, у Вавдита с даром два, у Вели два, у Векшензе два, на Борку сорочек, в Отмине сорочек, в Тоиме сорочек, у Поме полъсорочка, у Тошьме сорочек, у Пененича сорочек, у Порогопустьць полъсорочка, у Валдита два сорочка, на Волоце в Моши два, у Еми скора, а на мори от чрена (противень для выпарки соли) и от салгы (котел для выпарки соли) по пузу (мера веса для соли), у Тудора сорочек*».

На Тудорове погосте — позиционируется близ Тудозера, недалеко от юго-восточного побережья Онежского озера; *на Ивани погосте* — по А.Н. Насонову относится к Ивановско-

---

[64] Васильев Ю.С. Об историко-географическом понятии «Заволочье»// Проблемы истории феодальной России. Л.: Изд-во ЛГУ, 1971. С. 103—109. В.Л. Янин называет Новгородскую республику боярской, другие — вечевой.

[65] Зорина А.А. Проблемы византийского влияния на русское средневековое искусство в отечественной историографии второй половины XIX—начала XX веков: дис. …канд. истор. наук. Ижевск, 2003.

[66] Законодательство Древней Руси. Т.1.Княжеские уставы и уставные грамоты. Судные грамоты / отв. ред. тома чл.кор. АН СССР, д.и.н., профессор В.Л.Янин. Изд. «Юридическая лит-ра»,1984. URL: http://forum.yurclub.ru/ index.php?app=downloads&showfile=5460 (дата обращения: 24.10.2014).

му погосту, вошедшему в состав Холмогор; *на Ракуле* — по Северной Двине в 58 км выше Холмогор; *на Спиркове* — в районе устья г. Пидьмы на Свири; *у Вихтуя* — по А.Н. Насонову на р. Пинеге; в *Пинезе* — Волок Пинежский на реке Пинеге*; в Кегреле* — Кеврола в среднем течении реки Пинега; *устье Емьце* — устье реки Емцы; *устье Ваг* — устье реки Ваги; *у Пуите* —река Пуя, левый приток Ваги; *у Чюдина* — Чудской вал в 120 км от Вологды, а по А.Н. Насонову — в районе Шенкурска; *у Лигуя* — по Б.Д. Грекову Лидул-фост; *у Вавдита* (Вивдита, Валдита) — в районе Водлоозеро; *у Вели* — Вельск при впадении реки Вель в Вагу; у Векшензе —река Векшенга, правый приток реки Сухоны; *на Борку, в Тоиме* — на правом берегу Северной Двины; *у Поме* — верховье реки Сысолы; *у Тошьме* — Тотьма или Шожма; *у Пененича* — на реке Пинеге; *у Порогопустьць* — Подпорожье по реке Онега; *на Волоце в Моши* — на озере Моши; у Еми — у корелов [67].

Сборщик податей (судебной десятины) — княжеский «*домажирич*» с территорий нижней Двины и её притоков (Пинеги и др.) находился в Онеге. В статьях 6 и 7-й упоминаются (эти приписки могли появиться позднее) *Обонежский ряд* — земли по рекам Свири, Паше, Сяси, Ояти, Олонке (Олонец), между Ладожским и Онежскими озерами и др.; а также *Бежицкий ряд* вблизи владений Суздаля на верхней Волге, погосты по рекам Мологе и Осени, Рыбаньске (Рыбинск) при впадении реки Шексны в Волгу и др. Здесь деятельность князя не подлежала ограничениям, как в Заволочье.

Концепт «Заволочье» после упоминания в 1078 году [Холмогорская летопись. С. 38] встречается в трёх Договорных грамотах 1265—1270 гг. посадника Михаила, тысяцкого Кондрата, от всех сотских и старейших и от всего Новгорода с Тверским великим князем Ярославом Ярославовичем. Грамотой 1265 г. устанавливались правила их отношений (на каких условиях владеть ему князю Новым городом), держати Новгород по пошлине, какой держал отец твой, мужа без вины волости не лишать, без посадника волости не раздавать и грамоты не давать. Волости новгородские перечислялись в следующем порядке: «*Волокъ со всеми волостьми, Тържькъ, Бежичъ, городьць Палиць, Мелъчя, Шипино, Егна, Вологда, Заволоцье, Тръ, Перемь, Печера, Югра*» (начало 1265 г.). Волости Вологда, Заволочье, Тре, Перемь, Печера, Югра перечислены без всяких изменений в последующих двух грамотах Новгорода с тем же князем Ярославом Ярославовичем в 1265 и 1270 гг.[68]. Разночтения появляются во второй грамоте, где добавляется «Колоперемь». Новиков Н.И. и Карамзин Н.М. отождествляли эту волость с г. Кола (Коло). Ушаков И.Ф. и Шаскольский И.П. доказали, что «Колоперемь» означает ближнюю, или малую вычегодскую Пермь в отличие от Перми великой [69].

По ГВНП первая договорная грамота датируется 1264 годом, вторая —1266, третья — 1270 [ГВНП.№ 1,2,3 С. 9—13]. В грамоте, датируемой 1264 годом указываются волости «*Бежиче, Городець, М[еле]чя, Шипино, Егна, Вологда, Заволоцье, Колоперемь, Тре, Перемь, Югра, Печера*». Здесь перечень волостей совпадает со второй грамотой 1265 года по Собра-

[67] Памятники русского права. Вып.2. Памятники права феодально-раздробленной Руси XII—XV вв. / сост. А.А. Зимин. М.: Гос.изд. юрид. лит., 1953. URL: http://adverbum.org/ru/s-pamrusprava2.htm (дата обращения: 24.10. 2014). Здесь и далее «Ъ» , употребляемое в документе, заменяется на «е».

[68] Собрание государственных грамот и договоров, хранящихся в государственной коллегии иностранных дел. Ч.1. М., 1813. Новгородские грамоты. С. 1—4. URL: http://www.runivers.ru/upload/iblock/cd4/ sobranie% 20gos.% 20-gra-mot%20i% 20dogovorov.%20T1.pdf (дата обращения: 18.08.2014).

[69] Ушаков И.Ф. Кольский острог (1583—1854): Военно-исторический очерк. Мурманск, 1960. URL: http://ke. culture51.ru/Dogovornaya-gramota-Novgoroda-s-tverskim-knyazem-Yaroslavom-Yaroslavichem-ot-1264-p1918.html (дата обращения: 26.12.2014).

нию государственных грамот и договоров, хранящихся в государственной коллегии иностранных дел. В документе датируемым 1266 годом приводится перечень, соответствующий в основном первой грамоте 1265 года по указанному выше Собранию. Перечисленные волости в текстах грамот с датировкой 1270 г. в каждом из двух источников полностью совпадают. В контексте данной работы важно упоминание волости Заволочье (Заволоцье) во всех трех списках договорных грамот из разных источников.

Заволочье традиционно упоминается в XIV—XV вв. в договорных грамотах Новгорода с князьями: в 1304—1305 гг., 1307—1308 гг. с Тверским великим князем Михаилом Ярославовичем; в 1326—1327 гг., 1371 г. с Тверским великим князем Александром Михайловичем; в 1435, 1456 (о мире в Яжелбицах) гг. с великим князем всея Руси Василием Васильевичем[70]. В новгородской грамоте о мире 11 августа 1471 года с Великими Князьями всея Руси Иоанном Васильевичем и его сыном Иоанном Иоанновичем:

> «*от посадника новогородскаго Тимофея Остафьевіча, и от тысяцкого новогородского Василья Максимовича, от всего Великаго Новагорода посадники новогородские, посадникъ Иванъ Лукиничь, посадникъ Яковъ Александровичь, посадникъ Фефилатъ Захарьиничь, посадникъ Лука Феодоровичь, посадникъ Иванъ Васильевичь; а от житьихъ Лука Остафьевичь, Александръ Клементьевичь, Феодоръ Іевличь, Окинфъ Васильевичь, Дмитреи Михаиловичь*»,

— также имеется упоминание Заволочья: «*Торжокъ, Бежичи, Городець Палець, Шипина, Мелечя, Егна, Заволочие, Тиргъ (Тигрь), Пермь, Печера, Югра*» [71]. Эти документы опубликованы как в первом томе ААЭ, так и в ГВНП.

Употребляемые в новгородских грамотах названия «*Заволочье, Тре, Пермь, Югра, Печера*» означают подвластные Великому Новгороду *волости* (волость — власть), расположенные на удаленных северо-восточных территориях. Новгородцы называли все свои владения «землею Святой Софии». Слово «волость» в древнерусском языке имело ряд значений: «власть, право», «область, страна, земля, находящаяся под одной верховной властью, округ», «частное владение», «административно-территориальная единица». Внутри Двинской земли, судя по сохранившимся источникам, как считает Г.В. Демчук, в XIV—XV вв. термин «*волость*» не использовался в значении административно-территориальной и налогово-платежной единицы. Институт волости в качестве административно-тяглой единицы начали постепенно вводить здесь позднее московские князья.

Г.В. Демчук концептуально исследует всю систему землевладения с точки зрения юридического статуса тяглых и оброчных земель, характера взаимодействия всех участников поземельных отношений в Двинском уезде [72]. Её научный труд основан на глубоком, всестороннем изучении источников, включая: кадастровые источники в виде писцовых, переписных, платежных, сметных, приходно-расходных книг Новгородской четверти, а также сотных выписей Двинского и других уездов за XVI—XVII вв.; законодательные акты (Судебники, уставные грамоты, царские указы); хозяйственную документацию волостных церквей и монастырей уезда за разные годы XVII—XVIII вв.; материалы текущего делопроизводства XVII—XVIII вв.; частный актовый материал XVI—XVII вв., порядные записи; летописи. В шести при-

[70] ГВНП. № 7, 9—10, 14—15, 19, 22.
[71] ААЭ, т.1. № 57, 91. ГВНП. № 26—27.
[72] Демчук Г.В. Земельный строй в Двинском уезде в XVII веке. Екатеринбург: УрО РАН, 2002.

ложениях данной книги публикуются извлечения из писцовой книги Мирона Вельяминова 1622—1624 гг. и другие документы РГАДА. Тщательно выполнен справочный научный аппарат (список сокращений, именной указатель, географический указатель).

Одним из источников определения конкретного состава собственников, владельцев земель в Двинской земле, Заволочье являются духовные грамоты великих князей московских XIV—XVI веков. Из 11-ти изученых мною завещаний великих князей московских с 1339 по 1572 гг. только в двух упоминаются пять пятин Великого Новгорода, а также Заволочье и Двинская земля (*всю Двинскую и Заволотцкую землю)*. В завещаниях великих князей Ивана Даниловича Калиты (около 1339 года), Дмитрия Ивановича (13 апреля—16 мая 1389 года), Василия II Васильевича (Темного) (3 мая 1461 г. —27 марта 1462 г.) Заволочье, Двинская земля не упоминаются [73]. После присоединения владений Великого Новгорода к Московскому княжеству в 1478 году Великий князь Иван III Васильевич духовной грамотой, составленной им ранее 16 июня 1504 года, отписал своему сыну Василью уже не только свою отчину [74] — Великое княжество Московское, но и Великий Новгород с пятью пятинами, с погостами, и со всеми пошлинами; а также:

> «*Заволотцкую землю всю, Онего, и Каргополе, и все Поонежье, и Двину, и Вагу, и Кокшенгу, и Велской погост, и Колмогоры, и всю Двинскую и Заволотцкую землю*»; «*да в Заволотцкой земле Ростовщина, Пинега, и Кегрола, и Чякола, Пермъские, Мезень, Немъюга, Пильи горы, Пинешка, Выя, Тоима, Кирьи горы, Емъскаа гора на Вазе со всем и Онтонова перевара, Корболской остров, Шогогора, Керчела, Сура поганаа, Лавела, и с ыными месты, что к тем волостем потягло*» [Указ. соч.].

В духовной грамоте царя Ивана Васильевича (июнь—август 1572 г.) практически дублируется идентичный текст:

> «*Да сына же своего Ивана благословляю великим княжеством Новгородским, Новым городом, со всеми пятью пятинами…Заволоцкую землю*: *Онего, и Каргополе, и все Поонежье, и Двину, и Вагу, и Кокшенгу, и Велской погост, и Холмогоры, и всю Двинскую землю, как было при мне*» [Указ.соч.].

В составе Заволоцкой земли перечисляются те же самые поселения, которые указывались ранее в 1504 году Иваном III. Понятия Заволоцкая земля, Двинская земля пишутся в грамотах XVI века раздельно, но, скорее всего, это лишь дань традиции. Выделение Заволочья имело смысл, когда эта волость существовала в составе Новгородской республики. Но сама вечевая республика перестала существовать в конце XV века. Заволочье как объект управления исчезает вместе с ней (нет независимого Новгорода, нет и Заволочья), но остаётся в XVI веке как объект собственности, который передаётся по наследству. Двинская земля наоборот никуда не исчезает, трансформируется в меньшую по размерам площадь, а затем превращается в Двинской уезд, просуществовавший примерно с 1551 г. до 1780 г. в составе России.

---

[73] Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV—XVI вв. /Подготовлено к печати Л.В. Черепниным. М.-Л.: Издательство Академии наук СССР, 1950. URL: http://www.hist.msu.ru/ER/Etext/DG/ (дата обращения: 15.08.2014)

[74] Отчина — волость князя, которой владел его отец и на которую он имел право по родовым счетам, а также право наследования от отца //СПб: Брокгауз-Ефрон,1890—1907. По другим словарям отчина — это наследие от отца; имущество; наследство, наследие; родовое поместье.

Представление о составе, структуре поселений Двинской земли дают уставные и договорные грамоты князей, списки Двинских земель, другие опубликованные акты (ААЭ), в которых упоминаются десятки поселений, расположенных как в верховьях, так и нижнем течении Северной Двины, бассейнах рек Ваги, Емцы, Онеги, Пинеги, Мезени [75]. В грамотах называются «погосты, села, деревни», географические названия той или иной местности. Грамота Великого князя Андрея Александровича *на Двину* с информацией о кормах и подводах для великокняжеских трех ватаг, ходящих на промыслы, датируется 1294—1304 гг. [ГВНП. № 83]. Новгородская грамота 1328—1341 гг. адресуется «*къ двинскому посаднику на Колмогоры и к боярамъ къ двиньскимъ»* [ГВНП. № 85]. Данная грамота нацелена на разрешение конфликтной ситуации, регулирует отношения между Михаилом и Микифором, упоминаются «*погостъ Кегролскіи и Волокъ*».

Важнейшим источником для локализации двинских поселений является Уставная Двинская грамота Великого князя Василия Дмитриевича 1397 года, в которой, *во-первых*, приводится само название *«Двинская земля*»:

«*Се язъ князь велики Василеи Дмитріевичь всея Руси пожаловалъ есмь бояръ своихъ двинскихъ, также сотского и всехъ своихъ черныхъ людеи Двинскіе земли*».

Во-вторых, упоминаются двинские поселения, существующие в конце XIV века: Орлецы, Матигоры, Колмогоры, Куростровo, Чюхчелема, Ухтостровo, Курьи, Княжостров, Лисичостров, Конечные дворы, Кривое, Ракула, Наволок,Челмахта, Емца, Кальи, Киріегоръ, Тоймы Нижние; поселения на побережье Белого моря: Ненокса, Уна, Умба; а также торговый путь на Устюг, Вологду, Кострому [ГВНП.№ 88].

В-третьих, в Уставной двинской грамоте 1397 г. используется ещё один термин «*Двинская слобода*». В жалованной грамоте новгородского вече сиротам Терпилова погоста около 1411 г. также встречается название «Двинская слобода» и «двинянин слободчанин»:

«*А хто крестьянинъ Терпилова погоста в Двинскую слободу воидетъ, іно ему мирянину тянути в Двинскую слободу. А которыи двинянинъ слободчанинъ почнетъ жити на земле Терпилова погоста, а тои потянетъ потугомъ в Терпиловъ погостъ»* [ГВНП. № 89].

В «Летописи Двинской», составленной Л.Л. Титовым, использует без локализации, указания источников ещё и такие термины, как «Двинская область», «Двинской край»[76] .

В духовных, купчих, рядных, раздельных, закладных грамотах раскрывается разнообразная жизнедеятельность Двинской земли, что продавалось и покупалось, дарилось монастырям, своим наследникам. По одной из купчих конца XIV века игумен Лука святого Михаила и старосты и вся братия купили, например, у Гаврилки Носова землю по «Левкове курье», «усть курьи остров да наволок». А дали за половину села семь рублев, а по сто белок за рубль, определили межу той земли по Верхнему ручью [ГВНП. № 124]. По купчей первой четверти XV века Григорий Васильевич купил у Григория Семеновича земли село у Яковли курьи Доронинское: и двор, и дворище, и орамые земли, и пожни, и с притеребы, и ловища тогосела, где ниесть, по старине, чем владел Григорий Семенович, за 30 сороков (30х40 = 1200) белок и полкоровы [ГВНП.№133]. Михайло Офромеевич покупал у попа Ортемия село в Малой Кехте за 9 сороков (360) белок и полтеленка ос всеми землями, пожнями, тонями

[75] ААЭ, т. 1. № 1, 2, 13. С. 1, 8, 72-73, 80.
[76] Летопись Двинская /Титов Л.Л. М., 1889. Предисловие, с.XI.

[ГВНП.№134]. Яков Дмитриевич в 1445 году отписал своей данной Михайло-Архангельскому монастырю владения в Неноксе, на Княжеостове, на реке Сюзьме [ГВНП. № 148]. Он же в 1445 году купил у Осея и Григория Баишиных часть села Баишина с угодьями [ГВНП. № 149]. Данная Ивана Михайловича с женой Федосьей Никите Федоровичу и дочери Евдокии на «*село земли Онашинское на Кургонеми, да двое портъ, шюбу да чюпрюнъ, да приданную девку Феню*», датируется XV веком [ГВНП. № 254]. По частным грамотам Великого Новгорода (Двина, Вага, Обонежье) имеется возможность проанализировать местоположение десятков наименований сел, деревень, погостов, участков (лоскутов) земель, угодий, пожен, рек, островов, рыбных ловлей, тоней, церквей, вотчин Михайло-Архангельского, Николаевского Чухченемского[77], Соловецкого монастырей, персональные имена двинян.

Всего в грамотах Великого Новгорода и Пскова [ГВНП. М., 1949] к Двине относится 156 частных грамот за № 123—278; к Ваге — 4 за № 279—282; Обонежью — 37 за № 283—330. Таким образом, самый большой массив купчих, духовных, данных и других типов грамот сохранился *о двинянах*, их владениях, дарениях, купле-продаже участков земли, пожен, деревень, сел, тоней. Чаще всего среди них по содержанию встречаются *купчие грамоты* (60,9% от 156 всех двинских грамот).

В жалованных грамотах Троице-Сергееву монастырю, датируемых 1448—1458, 1476 — 1477 гг., говорилось об освобождении от пошлин отправляемых в Двинскую землю лодей и возов с товаром, и о неподсудимости Двинским посадникам старцев, атаманов и осначеев (осначеи измеряли глубину осном — шестом с железным наконечником)[78].

Названия пожен, тоней, солеварен, расположенных на побережье Белого моря и входящих в состав Двинской земли, встречаются а актах Соловецкого монастыря (АСМ). В их числе: закладная Терентия Федорова сына Удоева на часть пожен по рекам Черной и Верхней в Неноксе от 22 июля 1511 г.[79]. К 1515—1521 гг. в АСМ относятся ещё семь закладных, в которых упоминаются пожни Неноксы. В грамоте от 12 мая 1527 г. говорится о продаже «*двинянам Васюку Турпанову да Онтипке Сакулину сыну на Двине на летней стороне на море тони Марковские за Жерновым со всеми угодьями*» [АСМ. № 55. С.41].

В числе 428 актов Соловецкого монастыря 1479—1571 гг. имеются купчие, закладные, менные, отступные, раздельные грамоты, духовные, жалованные, данные грамоты Соловецкому монастырю, отписи, мировые записи, выписи из писцовых книг. Но как и в ГВНП преобладают купчие, доля которых в АСМ составляет более 41%. В соловецких актах 1479—1571 гг. упоминаются двиняне, каргопольцы, нюхчане, выгозерские, сумляне и другие, реже встречается термин «поморцы».

Исключительно важное историческое значение имеют списки Двинских земель 1462 —1471 гг., грамоты, датируемые 1471, 1478 гг. Название Двинской земли, как уже отмечалось мною, встречается в Уставной Двинской грамоте Великого Князя Василия Дмитриевича, в договорных грамотах Новгорода с Великими Князьями Иоанном Васильевичем и Иоанном

---

[77] Успенский Лявленский, Михайло-Архангельский, Николо-Корельский, Николаевский Чухченемской монастыри основаны не позднее второй половины XIV века. Чухченемский монастырь построен миром нескольких отдельных волостей, которые дали ему для содержания несколько участков земли. Это было сделано: «для царского богомолия и душевного своего спокойствия и на поминок родителей своих и для постригания безвкладных нищих, нуждных людей, которые, ходя по миру, скитаются».

[78] ААЭ, т.1. С. 80.

[79] Акты Соловецкого монастыря (АСМ) 1479—1571 гг. /сост. И.З.Либерзон. Л.: Наука, 1988. № 20. С. 25.

Иоанновичем, в отказной Новгородской грамоте на Двинскую землю (1471). А.А. Шахматов в своей работе заметил, что «*Двинская земля составляла одно целое: быть может, в противоположность некоторым Поморским поселениям, основанным и занятым полусвободными половниками новгородских бояр, их сиротами*»[80]. Все документы в комплексе, по существу, образуют легитимный земельный реестр собственников, владельцев Двинской земли. В списках Двинских земель 1462—1471 гг. приводятся географические названия местности, земель, рек, погостов, поселений на Двине: Верхняя Тойма, Сельцо, Заостровье, Осиново поле, Емецкий погост, селцо в Емце, устье реки Пинеги, Ваймуга, Матигоры, Княжостров, Соломбала и др. В Беломорье перечисляются земли на зимнюю сторону от устья Двины до устья Онеги, Ненокса, Уна, Умба и на летнюю сторону от устья Двины до устья Мезени, входящие в Двинскую землю. Все земли на Двине — Великого князя Московского, да «*на зимнюю сторону отъ усть Двины взлъ море до усть Онеги, то все земли Князя Великого*», а также Уна, Ненокса, Корела Варзуиская и Умба. Да на летнюю сторону от устья Двины возле моря до устья Мезени, да на Пинеге. По рекам Ваге, Кулуй, Вель, другим малым речкам и местам указываются другие собственники. Например, Моржова гора, Шастоозеро, городок Емецкий, речка Сия и др. — то было «княже» Константина Владимировича Ростовского. Списков из судейских о Двинских землях было выписано 18 (осмьнадцать), в том числе 10 списков о землях, 3 списка «противни им», а 5 списков о грабежах. В третьем списке указывались волости, отданные новгородцами Великому Князю Василию на Пинеге, Мезени и др.

Одно из древних архангельских поселений — Соломбала встречается в списке Двинских земель 1471 года наряду с другими поселениями, при этом называется «Соломбала» и одновременно «Солонбалъ». До этого, ещё в начале XV века Соломбала упоминалась в рядной Василия Федорова с новгородским посадником Иваном Даниловичем о выкупе у него Андреева участка за Волоком в Соломбале (Яковцев остров и Карпцев остров), Ижме, Лодме и Уне [ГВНП. № 130]. «*Соломбальская деревня*» встречается в трех документах ГААО 1519 и 1523 гг. [81]. Данная (вкладная) старца Афанасия Никитина монастырю Архангела Михаила на Соломбальскую деревню, купленную у Павловых датируется 17 мая 1523 года [82]. Фактически Соломбала с её участками на островах, маленькой деревенькой реально уже в XV—XVI вв. входила территориально в состав Архангельска вместе с Михайло-Архангельским монастырем. При этом всё Соломбальское селение официально было включено полностью в состав Архангельска (присоединено к городу) по указу Александра второго от 18 февраля 1863 года. По одной из версий название «Соломбала» происходит от карельского слова «соленба» и в переводе на русский означает — топкий, болотистый, грязный остров. Существует также красивый миф о пребывании здесь царя Петра Великого, дававшего в честь спуска на воду первого военного отечественного корабля «бал на соломе», которой он якобы приказал застелить грязь. Отсюда и название этого места — Соломбала (бал на соломе, солон бал). На самом деле 18 мая 1694 года Пётр I после обязательного по прибытию в Архангельск посещения Кегостровской церкви, немедля отправился на Соломбальскую судоверфь. 20 мая 1694 года царь лично подрубил подпоры построенного здесь в 1693—1694 гг. 24-пушечного во-

[80] Шахматов А.А. Исследование о двинских грамотах XV в. Ч. 1. СПб, 1903. С. 47
[81] ГААО. Ф. 57. Оп. 2. Д. 3,4,6.
[82] ГААО. Ф.57. Оп. 2. Д. 6. Л.1

енного парусника «Св. Павел», а позже устроил на нём весёлый пир с пушечной стрельбой [83]. Миф о проведении царского бала на соломе не находит подтверждения, но зато соломбальцы с полным основанием могут считать себя первыми жителями Архангельска. Соломбала безусловно древнее Архангельской военной крепости, построенной в 1583—1584 гг. Это несомненный исторический факт, подверждаемый также и археологическими исследованиями. А сами мифы очень нужны для привлечения туристов из других российских городов и зарубежных стран, создания позитивного имиджа Соломбалы здесь и сейчас.

История Двинской земли в составе Новгородской республики завершается в конце XV столетия, после чего в отличие от исчезнувшего Заволочья, Двинская земля продолжает жить под властью Москвы. Отказная грамота Великого Новгорода о сложении крестного целованья на подданство Новгороду ряда земель, окончательно отходящих во владение великого князя Ивана III» датируется августом—15 декабря 1471 года. Все посадники, тысяцкие, бояре, житьи люди, купцы, черные люди, весь Великий Новгород, с веча с Ярославля двора, передали великим князьям всея Руси земли «на Пинегу, и на Кегролу, и на Чаколу, и на Пермьскые, и на Мезень, и на Пилiи Горы, и на Немьюгу, и на Пинешку, и на Выю, и на Суру на Поганую» [ГВНП. № 98].

После присоединения Великого Новгорода к Московскому княжеству в 1478 году большая Двинская земля была разделена на три меньших по площади земель*: Двинскую, Важскую и Онежскую*. Двинская земля упоминается в жалованной грамоте царя Федора Ивановича английским купцам от 1 января 1586 года [84], в грамоте от 12 февраля 1587 года об Архангельском посаде[85]. Царь Федор учиняет торг в Архангельске, где должна быть сосредоточена вся торговля изо всего Поморья, «из своей вотчины Двинские земли» и из Колы[86].

В конце XVI в.—начале XVII в. из Двинской земли были образованы Двинской, Кеврольский (Пинежский), Мезенский уезды. Двинской уезд упоминается в льготной грамоте датируемой 21 ноября 1551 года, что позволяет уже с этой даты вести отсчет его существования. Двинские писцы И.П. Заболотцкой и Д.И. Темирев дали «*лготную грамоту в Двинском уезде*» Косте Прокофьеву сыну Житкому на вновь найденные соляные ключи на зимней стороне моря между реками Малой и Большой Куей до Нижнего Мошка[87]. Двинской уезд охватывал нижнее течение Северной Двины и южное побережье Кольского полуострова. Из земель-волостей Тре и Печора оформились Кольский и Пустозерский уезды

В 1708 году Двинской уезд вошёл в состав вновь созданной указом Петра I Архангелогородской губернии и просуществовал ещё более семидесяти лет. Изображенный на трёх картах 1745 года Двинской уезд (Северо-Запад, Юг, Северо-Восток) занимал значительную часть существующей в то время Двинской провинции (1719—1775), как административно-территориального образования.

---

[83] Пальмин В.А. Военно-морское судостроение на Севере России в эпоху парусного флота. С. 58.
[84] РИО, т.38. СПб, 1883. С. 176—179.
[85] Крестинин В.В. Исторические начатки о Двинском народе древних, средних, новых и новейших времён. Ч. I. - СПБ, 1784. С. 40—41.
[86] Платонов С.Ф. Прошлое русского Севера. Очерки по истории колонизации Поморья. Пб, 1923. С. 55.
[87] АСМ. № 173. С. 108.

Рисунок 8. Северо-Запад, Северо- Восток и Юг Двинского уезда. 1745 год.
URL: http://dic.academic.ru/dic.nsf/ruwiki/1280626

В 20-х годах XVII века в Двинском уезде проживало 31,6 тысячи человек, основную массу населения составляли крестьяне, занимавшие сельским хозяйством [88]. Землевладение было представлено: а) государственными оброчными; б) арендными тяглыми землями трёх видов - черносошные, церковно-приходские, монастырские. *Черносошные земли* преобладали в структуре землевладения Русского Севера XVI—XVII вв. Согласно одной концепции крестьянин был временным владельцам, пользователем земли, а собственником — государство. В соответствии с другой точкой зрения, крестьянин был собственником земли с полными правами распоряжения, лично свободен и вносил в пользу государства налоги. Исследованные источники позволили Г.В. Демчук сделать вывод о том, в Двинском уезде черносошный крестьянин был собственнником своей тяглой земли, отчуждавшим в процессе мобилизации саму землю, а не право распоряжения ею и вложенный труд [С. 108—115].

Собственниками *оброчных земель* было государство, а крестьяне и другие оброчники, включая волость, только владельцами-арендаторами. Эти земли не были общинными. Оброчные платежи были арендной платой, величина которой, несмотря на постоянный рост, была значительно меньше тягла. Формула «*земля великого князя, а моего владения*» относилась *к оброчным землям*, бывшим в XVI в. оброчно-тяглыми (княжескими).

[88] Демчук Г.В. Земельный строй в Двинском уезде в XVII веке. С.5.

Монастырские земли были в корпоративной собственности. Старинные вотчины и их население находились под юрисдикцией ответственного тяглеца — монастыря. Приобретая черносошные земли после писцов 1587 года, монастырь становился членом волостного мира. Налоговые нововведения конца XVI в. поставили землевладение монастырей под двойной контроль — государственный (через систему фиска) и волостной (через круговую ответственность за тягло)[89]. В Двинском уезде выявлены все три типа поземельных отношений: земли в собственности, оброчные земли и ростовщины (владения ростовских князей).

В фондах – коллекциях РГАДА сохранились три переписные книги Двинского уезда, в которых приводятся материалы переписей 1646—1647, 1678—1679 и 1681—1682 гг.[90]. В переписи 1646—1647 гг. перечислены 10 посадов, черносошные деревни станов и волостей Двинского уезда, патриаршие, монастырские и церковные вотчины Антониева Сийского, Михайло-Архангельского, Николо-Корельского, Пертоминского, Соловецкого и других монастырей. Перепись 1681—1682 гг. не была столь обстоятельной как перепись 1678 года, в которой учитывалось все мужское население дворов.

По сенатском указу от 29 мая 1719 года об устройстве губерний Архангелогородская губерния была разделена на 4 провинции, включая Двинскую с центром в Архангельске, Великоустюжскую с центром в Великом Устюге, Вологодскую с центром в Вологде и Галицкую с центром Галиче. В Двинскую провинцию вошли 6 уездов: Важский, Двинской, Кеврольский, Кольский, Мезенский и Пустозерский. Это была громаднейшая территория от берегов рек Северной Двины, Ваги, Мезени, до побережий Белого, Баренцева и Карского морей. Очевидно, что северное пространство с именем «Двинская провинция» было одним из самых больших в истории трансформации Двинской земли в административно-территориальном, историко-географическом смысле со времен Новгородской республики.

Интересно, что название «Двинская провинция» появилось на иностраннной карте ранее 1719 года, ещё в XVI веке. На карте Московии барона Сигизмунд фон Герберштейна (1486—1566), австрийского дипломата, гравированной А.Гиршфогелем в 1546 году, имелись названия Novogardia, DWINA PROVINCIA, Piniga, Mesen, обозначено русло Северной Двины без указания названия. В опубликованных затем «Записках о Московии» приложена другая карта гравированная на дереве Я. Гастальдо, но обозначение DWINA PROVINCIA сохранилось, как и на других более поздних копиях этой карты. В данном случае здесь видимо имелись в виду не субъект управления, административно-территориальная единица российского государства, а провинция как природно-географический ландшафт, региональное пространство Двинской земли, удаленное от центра.

Деление на провинции было отменено 7 ноября 1775 года указом Екатерина II «Учреждения для управления губерний Всероссийской империи», в соответствии с которым ликвидировались провинции (в ряде губерний внутри них были выделены области), созда-

---

[89] Демчук Г.В. Поземельные отношения в Двинском уезде в XVII в. / Автореф. дис. …канд. ист.наук. Казань, 1995.
[90] Воскобойникова Н.П. К истории переписей Двинского уезда XVII века // Массовые источники истории и культуры России XVI—XX вв.: Материалы XII Всероссийской конференции «Писцовые книги и другие массовые источники истории и культуры России XVI—XX вв.: проблемы изучения и издания», посвященной памяти Василия Васильевича Крестинина (1729—1795). Архангельск, 2002. С.49—58.

вались наместничества, изменена нарезка уездов и проведены другие изменения в соответствии с новым административно-территориальным делением российского государства.

Рисунок 9. Карта Московии С. Герберштейна. XVI век.
URL: s017.radikal.ru/i437/1112/df/146b3eed5c70.jpg

В 1780 году вместо Архангелогородской губернии было учреждено Вологодское наместничество, состоящее из Архангельской, Великоустюжской и Вологодской областей. 26 марта 1784 года по указу Екатерины II Архангельская область трансформировалась в Архангельское наместничество (1784—1796), включавшее 7 уездов: Архангельский, Кольский, Мезенский, Пинежский, Онежский, Холмогорский, Шенкурский.

Двинской уезд перестает окончательно существовать под своим прежним названием с 1780 года, передавая свои земли в другие уезды. Из его северных волостей был образован Архангельский уезд (1780—1917). Из южных волостей Двинского уезда в 1780 году создан Холмогорский уезд (1780—1917).

Екатерининская административно-территориальная реформа была завершена в 1785 году. В результате территория Российской империи стала делиться на 38 наместничеств, 3 губернии (Петербургскую, Московскую и Псковскую) и 1 область на правах наместничества (Таврическую). К концу царствования Екатерины II Россия делилась на 50 наместничеств и губерний и одну область [91].

[91] Карты Российских наместничеств 1792 г. URL: http://redkie.ru/?p=898 (дата обращения: 15.08.2014)

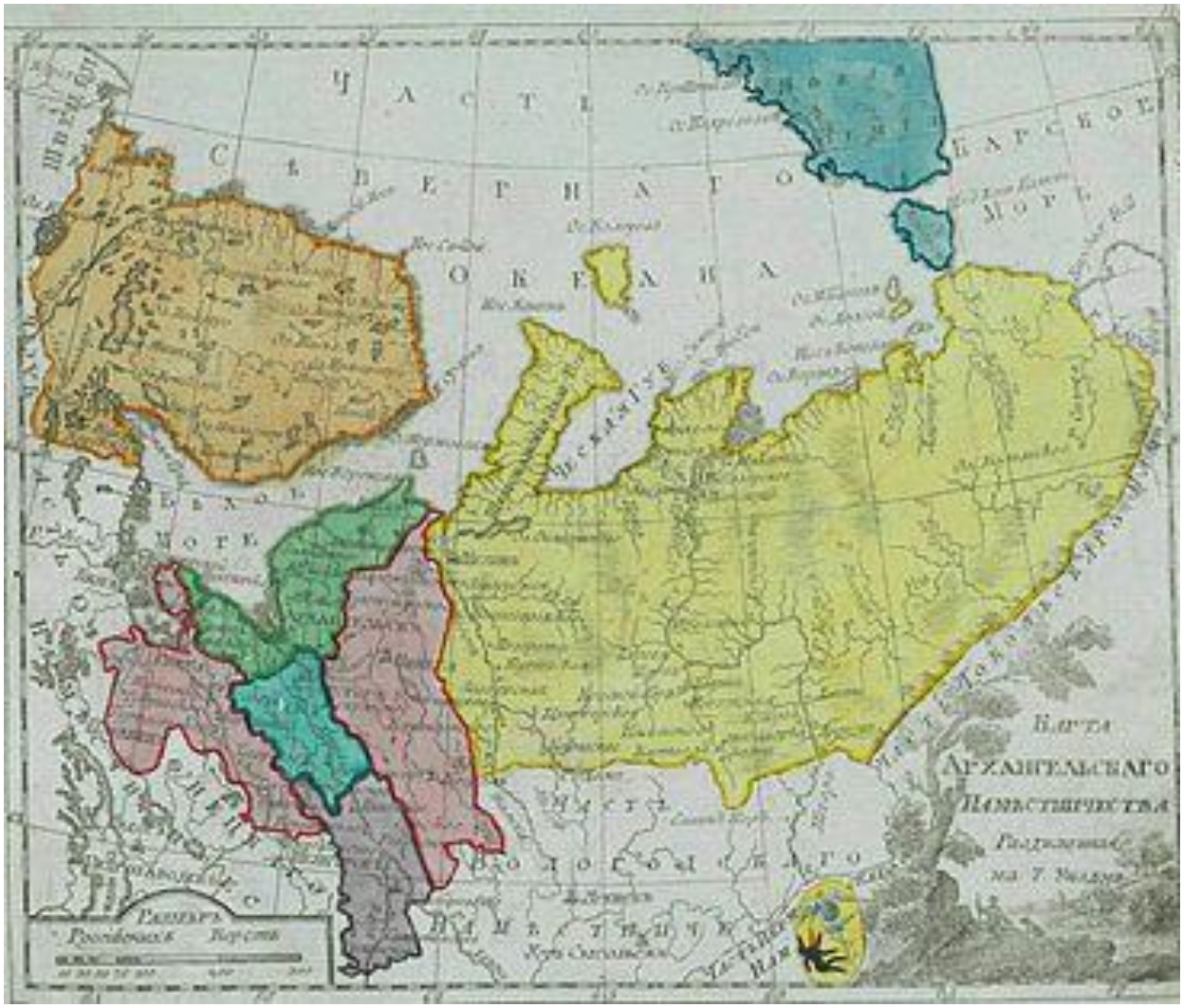


Рисунок 10. Карта Архангельского наместничества. 1792 год. URL: http://redkie.ru/?p=898

В 1796 году Архангельское наместничество трансформировалось снова в Архангельскую губернию. Из самого крупного по территории Мезенского уезда в 1891 году выделился Печорский уезд с центром в Усть-Цильме. В 1899 году центр Кольского уезда перенесён в город-порт Александровск, а сам уезд переименован в Александровский.

Таким образом, проведённый анализ позволяет сделать обоснованные выводы. Понятие «идентичности» коррелируется с устаревшими русскими словами-синонимами — «самобытность», «особость»[92]. Двинская земля является ядром самобытного геокультурного регионального пространства Русского Севера, сохранившим свою особость практически до настоящего времени. Двинская земля идентифицируется, прежде всего, как природный ландшафт, включающий бассейн реки Северной Двины со всеми её притоками. С появлением биологической жизни, а затем первобытных людей, их эволюции, здесь возникают разные формы жизнедеятельности человеческого социума, геокультурное региональное пространство.

[92] Шадрина О.Н. Геокультурное пространство Европейского Севера: уч.-метод. Пособие. Архангельск: Поморский университет, 2010. С. 74—75.

Двинская земля и Заволочье определяются в XI—XV вв. как дублирующие нередко друг друга понятия, но, вместе с тем, не полностью совпадающие как по составу включаемых в их состав мест и поселений, по собственникам земельных владений, так и по внутреннему образу регионального пространства (мифы, смыслы) или внешнему имиджу территории.

Хронологическое время жизни Двинской земли в разных административно-территориальных ипостасях — это Двинская земля XI—XVI вв., Двинской уезд 1551—1780 гг., Двинская провинция 1719—1775 гг. Конечная дата существования Двинской земли относится к 1780 году, когда вместо Двинского уезда на его пространстве появились Архангельский и Холмогорский уезды. Трансформация пространства жизни Двинской земли происходила в рамках существующих в отечественной истории государственных образований: средневековой Новгородской вечевой республики, Великого княжества Московского и российского централизованного государства с формой правления — царская монархия. При этом Двинская провинция XVIII века, включающаяся шесть северных уездов, была одним из самых больших региональных пространств, сопоставимом с Заволочьем времен Великого Новгорода. В церковной организации РПЦ по архивным данным владычные Двинской наместник и Важский волостель Новгородского митрополита осуществляли в конце XIV века административное и хозяйственное управление в Двинском и Важском уездах Новгородской епархии, которые были упразднены в 1682 году с образованием Холмогорской и Важской епархии [93].

При изучении истории Двинской земли часто приходится сталкиваться с ограниченностью письменных летописей как источников. Очень точную характеристику в этом отношении дал академик, директор Инстиута археологии РАН Н.А. Макаров: «Тот, кто полагает, что в летописи можно найти связный, подробный рассказ о проникновении переселенцев из центральных областей Руси на Север, о постепенном продвижении их все дальше к Белому морю, сопровождавшемся основанием городов и погостов на вновь освоенных землях, глубоко заблуждается. Этот процесс, занимающий умы современных историков, находится вне поля зрения летописца, будучи заслоненным более яркими событиями, происходившими у него на глазах: политическими конфликтами, военными столкновениями, междоусобной борьбой за княжеские столы (престолы). Вместо обстоятельного повествования о включении той или иной северной области в состав государственной территории Руси мы неожиданно встречаем в летописи просто новое географическое название и делаем вывод, что включение уже состоялось»[94].

Этот дефицит знаний объективно сказывался на изложении фактического материала в данной работе. Приходилось постоянно использовать письменные источники, в том числе летописные, и делать ссылки на них, даже понимая ограниченность такого рода документов и возникающие трудности их восприятия читателем. Но, очень важно пройти этот путь, чтобы в дальнейшем иметь систематизированную историческую базу не только для проведения научных исследований, но и подготовки научно-популярных изданий, более привлекательных для читателей. Это замечание относится ко всей данной работе в целом, особенно к миссии новой Архангельской хроники.

---

[93] ГААО: Путеводитель в двух томах. Т.1. Архангельск, 2000. С. 175. Документов о Двинской земле новгородского периода почти не сохранилось. ГААО: Указатели. Архангельск, 2007. С. 4 —39, 227—228.

[94] Макаров Н.А. Русский Север: таинственное средневековье. М., 1993. С.16.

1.3. Помороведение: о Поморье и поморах

Источниковедение и историография поморской проблематики (помороведения) насчитывает сотни названий книг, статей и других публикаций, приводится длинными списками в защищаемых по данной теме диссертациях. Мой краткий очерк в этой главе затрагивает всего лишь малую часть вопросов помороведения и ни в коей мере не претендует на полноту охвата всех обсуждаемых проблем. В современном помороведении, по моему мнению, можно условно выделить три ипостаси, три лика Поморья:

I. Древнее Поморье до начала второго тысячелетия н.э.
II. Русское Поморье XV—XIX вв.
III. Современное Поморье XX—XXI вв.

Древнее Поморье

Выделение профессором А.А. Куратовым в его периодизации «древней истории Поморья до XII века» сделано вовсе не случайно. Применительно ко всей древней региональной истории Поморье связывается с артефактами древнего Беломорья, Русским Севером. В 1998 году он писал: «Архангельская область и прилегающие к ней российские регионы составили значительный по площади ареал, традиционно называемый Поморьем, Русским Севером»[95]. Анатолий Александрович на высоком профессиональном уровне выполнил сравнительный анализ источников и литературы в своих учебных пособиях и монографии «История и историки Архангельского Севера: вопросы источниковедения и историографии»[96]. Анализируя основные источники истории и культуры Архангельского Севера, в числе артефактов он называет *Каргопольскую археологическую культуру*, распространенную в том числе и в бассейне Белого моря; *Беломорскую и Печорскую* археологические культуры, включая острова Соловецкого архипелага; а также стоянки на островах: Кузовах, Моржовец, Жижгин, Вайгач, Колгуев, Земли Франца-Иосифа, Новой Земли и др. (островные культуры океанического бассейна). В Беломорье были обнаружены к началу XXI столетия свыше 30 каменных лабиринтов (эта цифра в настоящее время увеличилась), сотни груд и каменных курганов, десятки каменных гряд, дольменов (каменных ящиков), сейдов (зооморфных и антропоморфных каменных конструкций), саамских могильников на островах и берегах Белого моря. Особый интерес вызвали каменные лабиринты (поморы их называли «вавилонами») – спиралевидные и подковообразные в плане выкладки из камней на земле [Куратов А.А. История и историки... С. 16—19]. Формирование уже позднее специфической поморской группы русского населения Севера во втором тысячелетии н.э. А.А. Куратов относит к XVI—началу XVIII вв.

Древность Поморья как природно-географического понятия, ставшего явлением культуры ещё с эпохи мезолита подчеркивал Олег Владимирович Овсянников[97]. Поморье, широкой полосой суши как бы обрамляющее кромку морей Ледовитого океана, уже в глубокой древности (мезолит, неолит) служило гигантским мостом, связывающим полярные куль-

---

[95] Куратов А.А. Археология и история Архангельского Севера. Цит. соч. С.186.
[96] Куратов А.А. История и историки Архангельского Севера: Вопросы источниковелдения и историографии: Монография. Архангельск: Изд-во Поморского госуниверситета, 1999. 274 с.
[97] Овсянников О.В. Средневековые города Архангского Севера. Люди. События. Даты. Архангельск: Сев.-Запад. кн. изд-во, 1992. С. 333.

туры Азии и Северной Европы. Северное Русское Поморье О.В. Овсянников, исследующий историю и археологию Русского Севера, Европейской Арктики, Мангазеи, локализовал очень широко, как огромную территорию «между Онегой на западе, Мезенью и примыкающими к ней Канинской и Большеземельской тундрам на крайнем северо-востоке, водоразделах рек Шексны и Сухоны на юге, которое как единое целое складывалось в довольно позднее время, в XVII—XVIII вв. Промысловое освоение новых «незнаемых» земель шло об руку с великими географическими открытиями. Важно отметить, что Олег Владимирович называет Северное Поморье — «Русским».

Ученик Анатолия Александровича — известный российский археолог, к.и.н. Александр Яковлевич Мартынов, с начала 80-х годов XX века работающий и живущий непосредственно на Соловках, всесторонне исследовал первобытную археологию беломорских островов, возглавляя с 1984 года Соловецкую археологическую экспедицию. А.Я. Мартынов глубоко изучил вопросы первобытного мореплавания по Белому морю в древности на плотах, на лодках-долбленках, снабженных балансиром, и на каркасных лодках [98]. Там, где есть море, существуют средства передвижения по нему и обязательно появляются люди профессионально занимающиеся строительством морских судов и хождением по морю на этих плавсредствах.

Зарождение плавания на Белом море можно отнести к эпохе позднего мезолита, VI тысячелетию до новой эры, и связать с открытием и началом промыслово-хозяйственного освоения островов, прилегающих к западному (Карельскому) побережью Белого моря (Кузовов, и, очевидно, Кемских островов). *Первоначально* это было прибрежное (каботажное) плавание между побережьем и ближайшими к нему островами на расстояния, не превышающие 2—3 километра. *Вторым* временным и качественным этапом северного мореплавания можно считать открытие Соловецкого архипелага и «хождение за море» с западного побережья (с низовьев Кеми) через Кузова в V тысячелетии до новой эры[99].

С открытием Соловков передвижение по Белому морю приобретает иной, более широкий и сложный характер, наряду с каботажным осваивается *плавание на дальние расстояния* (30 километров от Кузовов и 45—50 километров — от побережья) в открытом море. Это — *первый*, «западный», морской путь к островам Соловецкого архипелага. При этом прибрежное плавание было, по-видимому, достаточно интенсивным, а плавание на дальние расстояния — относительно редким. В позднем неолите появился, и на протяжении эпохи раннего металла существовал *второй* («восточный») морской путь к наиболее крупному — Соловецкому архипелагу Белого моря с Онежского полуострова.

Освоение редких островов восточной части Белого моря (Мудьюг, Жижгин) по нынешним археологическим данным началось не ранее эпохи раннего металла. Вместе с тем, слабая изученность древних коренных террас Мудьюга делает вопрос о начале мореплавания в Двинском заливе Белого моря открытым, — делает выводы А.Я. Мартынов.

Своими экспериментами по реконструкции средств передвижения Александр Яковлевич практически доказал возможность плавания в Белом море на судах изготовленных по старинной технологии. 29 мая 2009 года сотрудники Соловецкого музея-заповедника от-

[98] Мартынов А.Я. Археологическми тропами Соловков //Альманах «Соловецкое море». 2005. № 4.
[99] Мартынов А.Я. О начале северного мореплавания (по археологическим источникам). Соловки. URL: http://www.booksite.ru/fulltext/suda/kov/1_08.htm (дата обращения: 05.11.2014).

правились из Карелии на Соловки на берестяной лодке. О технологии и процессе изготовления достаточно подробно рассказывается в статье, опубликованной журналом «Арктика и Север» [2012. №5]. Рабочая группа в составе А. Шутихина, А. Полежаева, В. Ярыша, А. Мартынова, И. Дубровского и М. Хохлиной построила «морскую» лодку за три дня. Переход от Кеми до о. Немецкий Кузов (около 23 км) был осуществлѐн за 6 часов со средней скоростью 3—3,5 км/час с двумя короткими (по 15—20 минут) остановками на промежуточных островах, которые были вызваны необходимостью вылить накопившуюся в лодке воду и «размять ноги» гребцам (А. Мартынов и А. Шутихин).

Рисунок 11. Морской поход Кемь - Кузова – Соловки на лодке из бересты.
2009 год/ Мартынов А.Я.

«Морской» вариант лодки типа «осиновка», «однодеревка», «камьяга» был выполнен по заказу Соловецкого музея-заповедника мастером А.А. Казаковым в 2010 году. Помощниками мастера в строительстве лодки были его односельчанин А. Ипатов и археолог А.Я. Мартынов. Параметры «морской» лодки: длина — 8 м, максимальная ширина — 1,2 м, высота бортов 40—45 см, вес — около 200 кг, грузоподъёмность — более 1,2 т. Испытания лодки-однодеревки (осиновки) состоялись в июле 2010 года в разных погодных условиях: при попутном, встречном и боковом ветре до 5 м/сек, по течению и против течения, против течения и ветра, на волне высотой до 30 см и в штиль. Работали пятью вёслами, предоставляя возможность гребцам отдыхать по очереди. Переход от Кеми (порт) до о. Немецкий Кузов был осуществлён за 6 часов с коротким (на 20 минут) отдыхом на одном из Кемских островов. Лодки такого типа развивают скорость до 8 узлов и могут держаться на волне высотой до 1 метра.

Эксперименты, осуществлённые Соловецким музеем-заповедником под руководством А.Я. Мартынова в 2009—2010 гг., доказали возможность строительства каркасных берестяных лодок и лодок, выдолбленных из одного дерева (типа «осиновка»), плавания на них по Белому морю в любую из исследуемых археологами Севера древних эпох. Они также подтверждают достоверность изображений двух видов лодок в петроглифах Залавруги (выполнены в технике сплошной и контурной выбивки) и правомерность их интерпретации как каркасных, так и выдолбленных из дерева [100].

Рисунок 12. Морской поход на лодке типа «осиновка». 2010 год / Мартынов А.Я.

В связи с исследованиями археологов О.В. Овсянникова, А.А. Куратова, А.Я. Мартынова актуализируется проблема существования ***древнего Поморья***. Начало геологической истории Соловков, как и всего Беломорья, уходит в глубокую древность — позднеархейские времена [101]. Мезолитические стоянки на Соловецких островах дают достаточно оснований для утверждения, что освоение островов Белого моря представителями ямочно-гребенчатой керамики началось 7—8 тысяч лет тому назад. Жившие на беломорском побережье люди, в том числе и потомки древних праславян, «ходили по морю» на каркасных и других типах лодок, совершая плавания с побережья на острова, занимаясь морскими промыслами. Древние люди могли называть Поморье каким-то неизвестным нам сегодня именем, на своём родном языке, как и самих себя именовать по другому, не поморами, не морскими людьми. Но это не меняет сути и не отрицает факт существоаания древнего Поморья как культурно-природного ландшафта и наличия людей, назовём их «древними поморами», занимающих-

[100] Мартынов А.Я. Острова Белого моря: от мезолита до Средневековья (о древнем освоении беломорских островов по археологическим данным // Арктика и Север. 2012. № 5. URL: http://narfu.ru/upload/iblock/808/12.pdf (дата обращения: 05.11.2014).

[101] Мартынов А.Я. Первобытная археология островов южной части Белого моря. Архангельск, 2010. С.26.

ся мореплаванием, каботажными перевозками, охотой на морского зверя. Здесь речь идёт не об этнической принадлежности древних мореходов, а о роде занятий населения, проживающего на берегах Белого моря, о поморах как «морских людях», мореплавателях.

Археологические открытия (артефакты), накопление научных знаний делают в какой-то степени бессмысленными поиски самого первого письменного упоминания о Поморье и поморах во втором тысячелетии после рождества Христова в том смысле, какой вкладывается сегодня в эти концепты (понятия). Поморье на побережье Белого моря, древние поморы (как бы они не назывались тогда) существовали с глубокой древности, с тех пор как появились первые люди на его берегах и стали ходить по морю на морских лодках. Чтобы убедиться в этом, можно совершить экскурсию на Соловецкие острова и увидеть там «якорные камни» с первобытных лодок, пообщаться в Соловецком музее-заповеднике с А.Я. Мартыновым и его коллегами или посмотреть наскальные изображения древних лодок в низовьях реки Выг.

В более поздние исторические времена найденные артефакты (включая клады монет) связываются с поездками в X—XII вв. торговых людей в мифическую Биармию, что свидетельствует всего лишь о функционировании торговых путей через низовья Северной Двины и Белое море в Фенноскандию — физико-географическую страну, включающая Кольский и Скандинавский (Швеция, Норвегия) полуострова, Финляндию, Карелию.

Некоторые сведения о Белом море можно найти в зарубежных источниках, в том числе на картах XVI в. В отечественной и зарубежной литературе существуют различные гипотезы относительно размещения таинственной северной страны Биармия. Предлагались следующие варианты её локализации: на Кольском полуострове; в норвежской Лапландии; на Карельском перешейке; в Пермской области; в устье Северной Двины; в Ярославском Поволжье; и, наконец, — на всей территории Северо-Восточной Европы от Кольского полуострова до Ладожского озера, чтобы подтвердить миф о скандинавской «колонизации» древней Руси [102]. Некоторые историки считали, что Биармия — это скандинавское название всего побережья Белого моря, Двинской земли. Биармия у К.Ф. Тиандера связывается также с Пермью, упоминаемой в русских летописях и соответственно с бассейнами Вычегды и Камы.

Шведский историк, картограф и географ, церковный деятель Олаус Магнус (1490—1557) на своей карте «Carta marina» размещает Биармию на Кольском полуострове. «Carta marina» Олауса Магнуса относится к так называемым портоланам, или компасным картам. Украшенные многочисленными рисунками этнографического и политического характера» венецианские портоланы славились своей точностью и были широко распространены в XV—XVI вв. Источниками для изображения «Московии» на карте Олауса Магнуса служили рассказы очевидцев (путешественников и купцов), разнообразные сочинения о России и, вероятно, какие-то карты. Олаус Магнус изображает на «Carta marina» не только европейские страны, а также часть Московского великого княжества (Moscoviae pars), включающего в себя Белую Русь (Russia alba), район Новгорода, Черную Русь (Russia negra), русские земли, расположенные по берегам Белого моря, Карелию. Четко обозначена BIARMIA на Кольском полуострове по побережью Белого моря. Однако на карте 1539 года Белое море изображено как озеро «Lacus albus», образованное из Кандалакшского и Онежского заливов. Е.А. Савель-

[102] Цветков С.Э. Биармия скандинавских саг. URL: http://byslaikyr.livejournal.com/31339.html (дата обращения: 10. 08. 2014).

ева подчеркивает, что Кольский полуостров, Карелия и Белое море появляются на «Carta marina» вообще впервые в истории картографии. Также впервые Олаус Магнус в своем литературном труде «Истории северных народов» (1555 г.) описал реальную историю жизни народов Севера, а не характерную для его современников историю войн и королей [103].

Рисунок 13. Олаус Магнус. «Carta Marina». 1539 год. URL: http://www.kolamap.ru/img/1539/c.jpg

На карте Абрахама Ортелия (1527—1598) Белое море названо «Granvicvs sinvs». Название Grandvicus sinus видимо было ошибочно связано с прилагательным grandis — большой. В древности Гандвиком называли весь Ледовитый океан на север от европейских берегов, включая и Белое море, который воспринимался как залив [104]. На карте Абрахама Ортелия были обозначены Корелия, Новгород (Novogar), Пермия, Mosko (Московия) и другие земли. В устье Северной Двины обозначены монастыри S. Michael и S. Nicola, а также Solofki в Белом море.

На карте из атласа Герхарда Меркатора (1512—1594) показано Белое море и Биармия, и те же монастыри S. Michael и S. Nicola в устье Северной Двины. На фрагменте карты 1595 года отчетливо видны монастыри св. Михаила, св.Николая, которые были ранее указаны и на карте Абрахама Ортелия в 1572 году. Показаны земли Biarmia, Novogard, Corelia, Tartaria,

[103] Савельева Е.А. Россия на карте Олауса Магнуса. URL: http://www.kolamap.ru/library/savelyeva.htm (дата обращения: 08.08.2014).
[104] Тиандер К.Ф. Открытие пути в Белое море. URL: http://www.kolamap.ru/library/tiander/8.html (дата обращения: 11.08.2014).

Permia. Внизу под Биармией находится мифическое озеро Albbus lacus, которое изображено отдельно к западу от Белого моря. Этот факт лишний раз говорит о том, что в зарубежных источниках вплоть до конца XVI века отсутствовали реальные знания даже о расположении Белого моря, а не только загадочной Биармии.

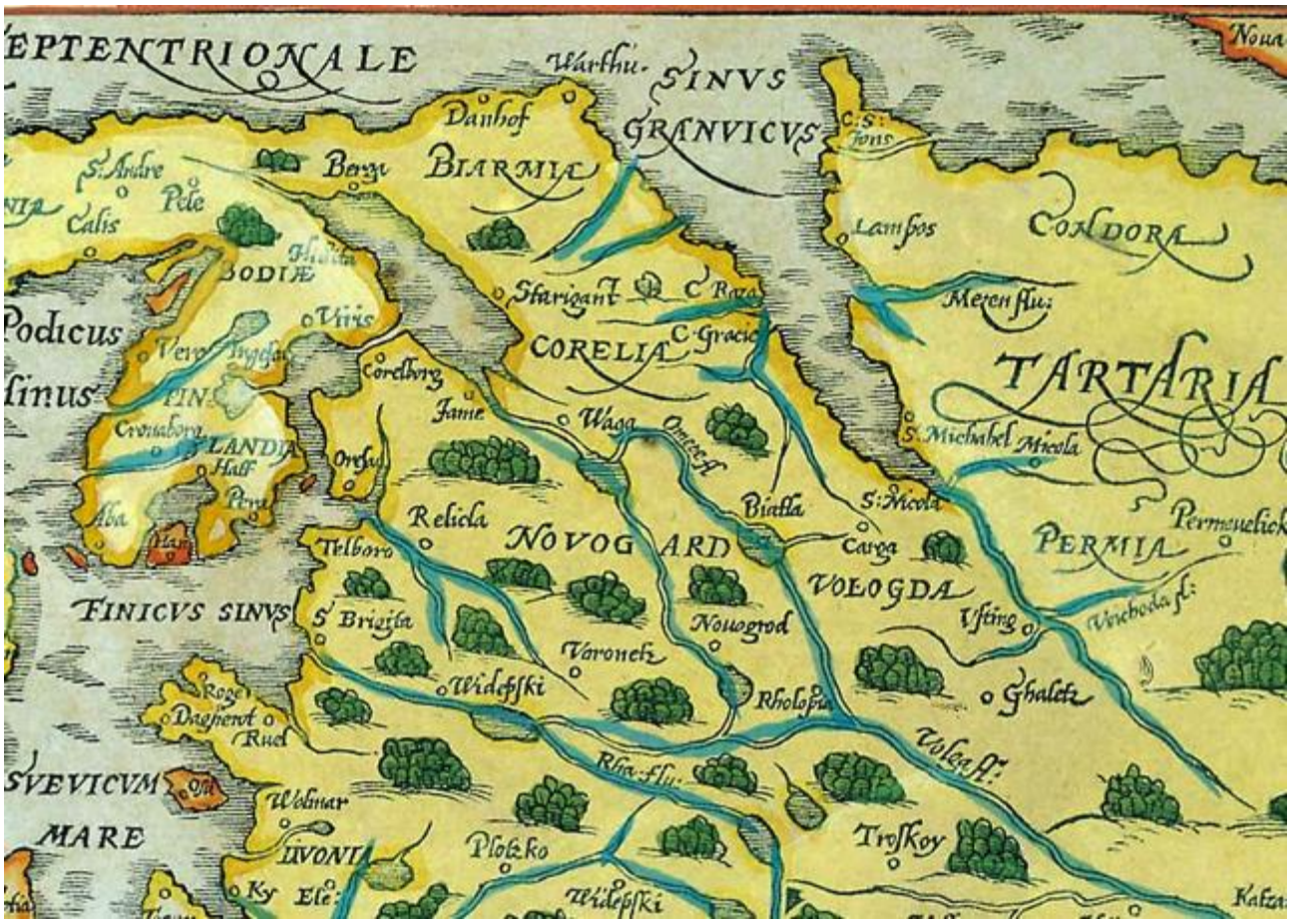


Рисунок 14. Фрагмент карты 1595 года. «Atlas sive cosmographica, Svecia et Norvegia cum confinijs» .
URL: http://www.kolamap.ru/img/1595/1595_.html

Что касается «Биармии», изображаемой на иностранных картах, то, если судить по картам XVI века, это просто условное название территорий на Севере Европы, населенных древними финно-угорскими и другими племенами. На карте 1598 года «Gemeine Beschreibung aller Mittnachtigen Landern als Schweden, Gothen, Norvegien, Dennmarck, u» из атласа «Cosmographia» Biarmia вообще показана, как шведская земля[105]. В целом у зарубежных картографов прослеживается своё восприятие северных земель, нередко мифическое, основанное на дефиците знаний о России, Русском Севере, что проявляется в отсутствии объективной информации на иностранных картах и затрудняет не только идентификацию мифической Биармии, но и реально существующих Белого моря, Двинской земли.

Приведённые выше сюжеты всего лишь частные эпизоды использования иностранных карт, как ещё одного инструмента идентификации Белого моря, таинственной Биармии и уточнения знаний о них. «Биармию», изображаемую на иностранных картах в XVI веке,

[105] 1598 г. «Gemeine Beschreibung aller Mittnachtigen Landern als Schweden, Gothen, Norvegien, Dennmarck, u». URL: http://www.kolamap.ru/img/1598/1598.html (дата обращения: 06.11.2014).

можно понимать как условное название территорий на Севере Европы, населенных древними финно-угорскими и другими племенами, в том числе и потомками праславян.

Мифическое восприятие Русского Севера, Белого моря в зарубежной литературе и картографии основано на дефиците научных знаний о России, отсутствии объективной информации в те времена, что затрудняет не только локализацию Биармии, но даже и самого Белого моря, его местоположения и границ, а также и древнего Поморья.

Беломорье в жизни поморов

Упоминания поморских поселений в источниках и историографии безусловно связаны с географией и топонимикой названий берегов Беломорья — Русского Поморья.

Рисунок 15. Карта побережья Белого моря. URL: http://moremhod.users.photofile.ru/photo/moremhod/151211766/177675988.jpg

Широкую и заслуженную известность получили книги доктора исторических наук, профессора Татьяны Александровны Бернштам (1936—2008) «Поморы: формирование группы и система хозяйства» (Л., 1978), «Русская народная культура Поморья XIX—начала XX вв.» (Л., 1983), которые постоянно изучаются, цитируются и сегодня. Татьяна Александровна считала, что заселение Поморья было завершено к середине XVIII века и большинство поморских поселений сосредоточивалось на Поморском, Зимнем и Терском берегах Белого моря. В научно-популярном издании о Кольском Севере опубликована карта-схема Поморья по Т.А. Бернштам, в которой указываются названия многих поселений на берегах Белого моря, что позволяет обращаться к карте-схеме как справочнику по географии, топонимике[106]. Вторая часть цитируемого издания, где опубликована карта-схема Беломорья, — «Кольский Север: Энциклопедический Лексикон» выложена в электронном виде на сайте «Доброхот» [http://lexicon.dobrohot.org/index.php/ Заглавная_страница].

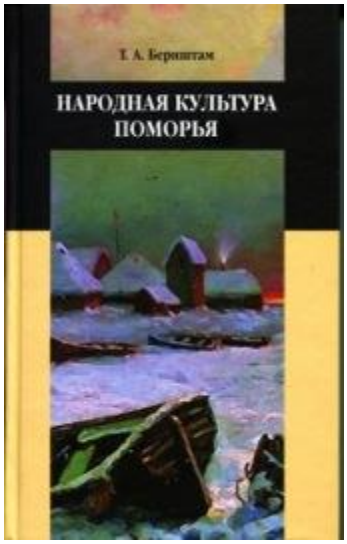


Рисунок 16. Карта Поморья по Т.Бернштам. URL: http://lexicon.dobrohot.org/images/c/c5/00133909.jpg

Особенности восприятия поморов несомненно обусловлены географическим фактором: местоположением Белого моря и его берегов. Поморы с ранних лет своей жизни ходили по морю, говорили, что «море — наше поле». Выдающийся русский историк и географ, автор известной пассионарной теории этногенеза *Л.Н. Гумилев* (1912—1992) считал, что море при определенных условиях играло структурирующую роль в этногенезе как природном процессе. Море может быть ограничивающим элементом ландшафта, когда оно неосвоено и

[106] Кольский север: энциклопедические очерки. Научно-популярное издание / Сост. и общ.ред. А.С.Лоханов. – Мурманск: Просветитетельский центр «Доброхот», 2012. С. 437.

непроходимо. «Зато, когда из моря начинают черпать пищу и осваивать навигацию, море превращается в составляющий элемент месторазвития. Так, эллины использовали Эгейское море, викинги — Северное, арабы — Красное, *а русские поморы — Белое*» [Гумилев Л.Н.][107].

Для русских поморов роль Белого моря определялась именно как источника жизненных благ и использования морских путей. Поморские поселения расположены на побережье Белого моря, а не на реках Вага, Вель, Пинега или Юг, Сухона. Суровая северная природа, большие пространства, жизнедеятельность связанная с морем, сформировали в процессе естественного отбора особые черты характера, самобытную социальную организацию проживания и ведения хозяйства: ватаги, разные типы артелей, общины. Генезис поморов во многом определялся адаптивной способностью приспособиться и выжить в суровых арктических условиях именно на побережье Белого моря.

Первые письменные упоминания Поморья

Одно из первых письменных упоминаний «Поморья» на побережье Белого моря встречается в документах XV века. По купчей Ивана Менуева, датируемой ***не позднее 1459 года***, Иване и его братья покупают землю и воду на Поморьи по морьскимъ рикам и по лъшим озерамъ:

> «†*Се купи Иване и его братья Денесья, Максиме Менуев и дети у Фалелея из Валдоли, у Сави, у Сидора у Юрьевыхъ детеи землю и воду* ***на Поморьи*** *по [мо]рьскимъ рикамъ и по лешимъ озерамъ, Олексиевъ участокъ Каръгольско[и]. А ловити Ивану и Денесьи, Максиму Менуевымъ детемъ в Кими рики подъ Ужмою юнъдою. Тако володети ему инымъ Олексиевымъ учасъткомъ, землею и водою, и лопъю, и празгою межу корелою, куды вся 5 родовъ володею[тъ]*[108] [ГВНП. № 296].

В купчей Кирилла и его детей не позднее 1459 года называются участки по рекам Выг, Шуи, Кемь, и как ориентир упоминается «*промежъ пяти родовъ*», но концепт «Поморье» не используется [ГВНП. № 297], как и в данной (1459—1469) Федосьи Харитоновой жены (Харитон – сын Кирилла) Соловецкому монастырю: *«володети игумену Ивоне и всеі братіи промежъ Вымолци и пяти родовъ»* [ГВНП. № 298].

Ключевые слова «промеж пятью родами корельских детей», чьи владения по купчей Ивана Менуева локализуются в Поморье, «и земли и воды» упоминаются в данной Матвея Ильина Соловецкому монастырю на участок Елены Оравановой:

> «†*Се далъ Матвеи Ильинъ в домъ Спаса Преображения господня и в домъ пречистеи Успению и в домъ святаго Николы на Соловькы игумену и священникомъ и всеи братии, промежу пятию роды корельскими детьми в Валъдеиском роду, отчину Олене Ораванове дочере еи участокъ промежу корильскими детми, и земли и воды, и плешеи лесъ, и ловища, и пожни, и еи участокъ на лопи промежи корильскими детми*» [ГВНП. № 319].

Данная Онцифора Осипова сына Соловецкому монастырю на участки у Золотца и в реках Шуе, Кеми и других от 1478—1480 гг. также указывает «в Кореле межи пяти родовъ»:

> «† *Се дасть Ончифоръ Есиповъ сынъ в домъ святаго Спаса и святеи Богородици Оспеннія и игумену Феодосію, и священникамъ, и всеи братіи, живущимъ в дому бо-*

[107] Гумилев Л.Н. Этногенез и биосфера Земли. СПб, 2013. С. 246 - 247.
[108] Здесь и далее «Ъ» в цитируемых документах заменяется на «е».

жии святаго Спаса и святеи Богородици на Соловкахъ, отцини своеи половину в Кореле межи пяти родовъ Вымолцовъ, и у Золотьтця участокъ, и в Шуи реке, и в Кеме реке, и в Кареле, и по всимъ рекамъ морьскымъ, и воду, и ловища, дворъ и с хоромы, и страдомая земля, и пожни» [ГВНП. № 318].

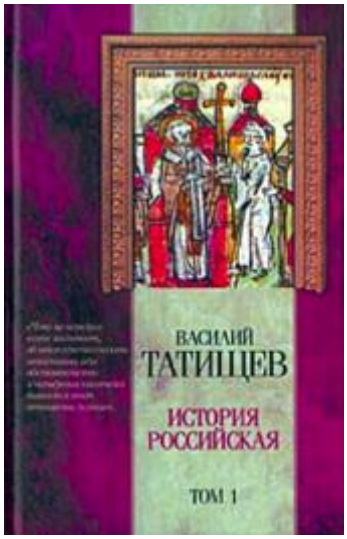
Упоминание детей Менуева, который с братьями купили землю и воду на Поморье меж пяти родов корельских не позднее 1459 года, встречается в данной Нестера Федорова Соловецкому монастырю, датируемой по игуменству Исайи 1484—1502 гг.:

«*И се даст Нестер Федоров отчину Кирилину да Тимофееву Ивановых детей Менуева в дом святому Спасу и пречистои его матере Успениа на Соловки игумену Исаии, и священником, и всеи брати[и] в Кореле межи пяти родов в Шуи реке, и в Кеме реке, и на Выгу реке у Золотца участок, и по морскому берегу до Сон реке землю, и воду, и полешии лес, и пожни, куды володел Кирила и Тимофеи Ивановы дети, промежю пяти родов корельских детей, туды володети игумену Исаии, и священникам, и всем старцам ввеки. А который выищетца отчинник тое отчине и даст на неи шесть сороков белки в монастырь на Соловки. А на толюди князя Великаго, Карп Фомин, Степан карпин,Тимофеи*» [АСМ. № 10. С.20].

Очевидно, что упоминаемые в части грамот второй половины XV века участки, реки, отчины, и земли и воды в Кореле с межеванием *«промежъ Вымолци и пяти родовъ корельских детей»*, указывают на одни и те же места, как и в купчей Ивана Менуева 1459 года, где упоминается топоним «Поморье». К источникам о Поморье я ещё вернусь, когда пойдёт речь о Соловецком вотчинно-административного округе в XVI—XVIII вв.

О хронологических и территориальных рамках Поморья, культуре и роли поморов в истории

В отечественной историографии вопрос о хронологических и территориальных рамках Поморья, культуре и роли поморов в истории затрагивали в той или иной степени многие из историков: Василий Никитич Татищев (1686—1750), Николай Михайлович Карамзин (1766—1826), Сергей Михайлович Соловьев (1820—1879), Василий Осипович Ключевский (1841—1911), Сергей Федорович Платонов (1860—1933), Михаил Николаевич Тихомиров (1893—1965), Лев Николаевич Гумилев (1912—1992), Георгий Георгиевич Фруменков (1919—1989), Татьяна Александровна Бернштам (1937—2008), Владимир Николаевич Булатов (1946—2007), Геннадий Степанович Щуров (1935—2012), Анатолий Александрович Куратов (1936—2014), Олег Владимирович Овсянников и другие. Ограниченный объем очерка не поволяет мне здесь детально проанализировать все их концепции, связанные с русскими поморами и Поморьем.



В исторической литературе встречается предельно широкое толкование Поморья, часто без уточнения обоснования и аргументов. В.Н.Татищев в «Российской истории с самых древнейших времен», одном из самых значимых трудов в российской историографии, в 44 главе о «Древнем разделении Руссии» включает «Поморье» в число восьми основных частей страны 1) Великая Русь; 2) Малая Русь; 3) Белая Русь; 4) Червонная Русь; 5) Черная Русь; 6) Чудь; 7) Поморье; 8) Болгары.

Текст о Поморье у него не очень велик: «*Это северная часть России, в которой все по берегу Белого и Северного моря, от границы Корелии с финнами на восток до гор Великого Пояса, или Урала, заключается. К югу же издревле русские помалу, часть по части, захватывали и к Руси приобщали, из-за того невозможно границы положить. Ныне все оное и еще с немалою прибавкою под управлением Поморской губернии состоит. Княжения у древних народов или владетели были ли, точно сказать нельзя. Однако ж у югров по сей истории, а у пермов в житии Стефана Пермского князи упомянуты. Народы в сей части: Емь около Ладожского и Онежского озер до Белого моря. Лопи, к Северному морю. Двиняне, по реке Двине. Югры, или югдоры, по реке Югу и выше по Сухоне жиля. Зыряне по Вычогде, где ныне Соль Вычегоцкая. Пермы, выше Сухоны и за Каму на великом пространстве*» [109].

Можно выделить несколько дискуссионных моментов, анализируя упомянутое «Поморье» у В.Н. Татищева. *Во-первых*, здесь чрезмерно расширено пространство Поморья — это большая территория от границ Карелии с финнами на западе до Урала на востоке. Упоминаемое Северное море ближе к берегам Великобритании, чем России, а Северный Ледовитый океан (если Василий Николаевич имел в виду его) включает в свою акваторию несколько морей, в том числе и Белое. *Во-вторых*, совершенно непонятно о какой Поморской губернии говорится в этом тексте, так как таковой просто никогда не существовало в реальности. Поморье не являлось субъектом государственного управления, за исключением Соловецкого вотчинно-административного округа 1591—1764 гг. Но Поморье при этом не называлось губернией, уездом. *В-третьих*, при перечислении народов В.Н. Татищев называет: емь, лопи, югры, зыряне, пермы, «двиняне, по реке Двине». Получается, что емь, югры, зыряне, двиняне имели собственное имя, являлись как бы аборигенами, а поморы даже не были включены в этот перечень. *В-четвёртых,* Поморье необоснованно дублируется с Великой Русью. Сравнительный анализ показывает, что и в Великую Русь и в Поморье входят одна и та же северная часть России. Достоверность приводимых В.Н. Татищевым сведений отражала скромный уровень научных знаний того времени. К сожалению, исторический миф, созданный им, не только не поддаётся верификации, но и получил распространение.

Названия «*Поморский край*», «*Поморье*», «*Поморский берег*», «*Северное Поморье*» употреблял в своих трудах В.О. Ключевский (1841—1911). Однако он в отличие от В.Н. Татищева ограничивал Поморье только беломорским побережьем, прямо писал о «новгородской колонизации Беломорья» *на Поморском берегу*, отличая от него территории Двинского, Каргопольского уездов и других земель, естественно не включая их в состав Поморья [110]. Большая часть «*новгородских вотчин в Поморье*» состояла из многих мелких участков, рассеянных по прибрежным островам, на морском берегу и по рекам морским. Такой порядок занятия земель, такая разбросанность была обусловлена по Ключевскому В.О. свойствами *Поморского края.* Глухое, суровое Поморье манило к себе русского поселенца рыбой, «лешими озерами» и реками, своим морем, доставлявшим промышленнику соль и опасного, но при-

В.О. Ключевский

[109] Татищев В.Н. История Российская с самых древнейших времен. М., 2003. С. 250. URL: http://www.e-reading.link/bookreader.php/55891/Tatishchev_-_Istoriya_Rossiiiskaya._Chast'_1.html (дата обращения: 12.08.2014)

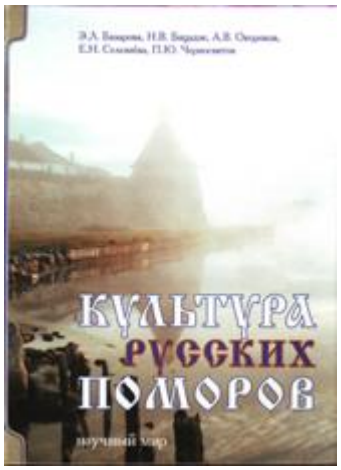
[110] Ключевский В.О. Хозяйственная деятельность Соловецкого монастыря в Беломорском крае // Сочинения. Том VII. М.: Изд-во социально-экон. лит., 1959. С. 14.

былого морского зверя. При этом учёным отмечалось скудное земледелие на «*Поморском берегу*», недостаточно успешное развитие в «*Северном Поморье*» русско-христианской жизни до образования Соловецкого монастыря.

Академик С.Ф. Платонов (1860—1933), в очерках по истории колонизации указывал, что *Поморьем в совокупности назывались берег Белого моря и долины рек, текущих в Белое море*. Но известно, что долина реки Северная Двина, впадающая в Белое море, входила в состав Двинской земли, а не Поморья. Сергей Федорович употреблял понятие «Русский Север», называл Поморьем северную окраину Руси. Вместе с Поморьем он упоминал одновре-менно историко-географические понятия Заволочья, Подвинья, Двинской земли, не отождествляя их, а наоборот упоминая в одном предложении, например: «*первоначальное заселение ближайших к Новгороду областей Поморья и Двинской земли*», называл жителей «двинянами»[111].

Профессор Г.Г. Фруменков (1919—1989) в своих трудах по обороне Беломорья сделал выводы, что с XVI века до второй половины XVIII столетия Соловецкий монастырь играл руководящую роль в экономике Поморья и являлся политическим центром края. Его настоятель был большой силой на Европейском Севере Россиии, способной возглавить оборону государственных и соловецких границ, содержать гарнизоны в острогах всего Поморья, обеспечить разгром шведской агрессии на Севере в начале XVII века[112].

Среди научных работ, исследующих историко-культурную проблематику Русского Севера, следует выделить энциклопедический научный труд профессора *Г.С. Щурова* «Очерки истории культуры Русского Севера (988—1917) [113] . По мнению Геннадия Степановича базисом создания «оазиса» русской культуры на Севере послужило несколько факторов, в том числе привнесение славянским населением из Новгородской, Ростовской и Московской земель в Поморье элементов более развитой культуры. Поморские сюжеты не получили приоритета в этой книге уважаемого профессора, главной целью которого была история духовной культуры Русского Севера в её основных сферах почти за тысячу лет. Его толкование *древнего Поморья*, куда пришло славянское пришлое население, несёт в себе культурологическую смысловую нагрузку, опирается на труды специалистов по поморскому вопросу, что объясняется существующей специализацией знаний, разделением труда среди историков.



Проблеме выживания традиционной русской культуры в чуждой для неё географической зоне, всестороннему научному анализу культуры русских поморов посвящена коллективная монография «*Культура русских поморов: опыт системного исследования*» под общей редакцией доктора культурологии П.Ю. Черносвитова [114]. Результаты исследования конкретного эмпирического материала, связанного с построением и функционированием системы жизнеобеспечения, позволяют найти ответы на вопросы о

[111] Платонов С.Ф. Очерки по истории колонизации Поморья// Прошлое русского Севера. Пб, 1923.
[112] Фруменков Г.Г. Соловецкий монастырь и оборона Беломорья в XVI—XIX вв. Сев.-Зап. кн. изд-во, 1975.
[113] Щуров Г.С. Очерки истории культуры Русского Севера, 988—1917. Архангельск: ОАО ИПП «Правда Севера, 2004. 552 с.
[114] Культура русских поморов: опыт системного исследования / под общей ред. доктора культурологии П.Ю. Черносвитова. М.: Научный мир, 2005. 400 с.

том, с какой скоростью и до какой степени трансформировалась в условиях проживания на Севере, в «непашенной зоне», традиционная русская система хозяйствования, и как быстро она включила в себя важнейшие жизнеобеспечивающие элементы аборигенных северных культур.

Вопросы культуры русских поморов системно исследуются в работах *В.В. Ануфриева*, который делает вывод о том, что слова «Поморье», «поморский» употреблялись новгородцами в XIV—XV вв. и относились к колонизируемым северным районам государственной территории Великого Новгорода. Из-за уменьшения этой территории к XV веку новгородцы называли Поморьем только локальный юго-западный берег Белого моря, входящий в Обонежскую пятину [115]. Однако позднее в XVIII—XIX вв. Поморьем станут именовать весь Беломорский Север, а поморами всех русских жителей Беломорья. Виталий Владимирович определяет русских поморов как культурно-историческую идентичность, отмечая при этом, что их культурно-историческая миссия уже к концу XX столетия исчерпала себя. В постсоветский период в общественное сознание стали внедряться настроения этнической исключительности поморов, конструкции новой искусственной идентичности, якобы не связанной с русским народом, делались попытки включения поморов в реестр коренных малочисленных народов РФ. Однако поморы самые русские люди на земле, особый тип русского человека. Главным механизмом преемственности в поморской культуре становится не традиция, а культурно-историческая память, подвергшаяся существенной трансформации в советскую эпоху и подвергающаяся манипуляциям в современный период.

По мнению В.В. Ануфриева, на Русском Севере выделялись два основных соперничающих культурно-хозяйственных района — Поморье и Двинская земля. При этом большая часть собственно Поморья (западный берег Белого моря) вообще находится за пределами современной Архангельской области. Мифологизация «поморов» сделала бренд «Поморье» в конце XX—начале XXI вв. весьма привлекательным, узнаваемым. «Но значит ли это, что именно по этому принципу мы должны трансформировать представления о собственной истории, которая в России, как известно, и так непредсказуема?», — вопрошал В.В. Ануфриев [Русские поморы… С.30]. Он затрагивает проблемный вопрос о конкуренции двух больших разных групп русского населения: двинян и поморов. У поморов даже была поговорка: «Город-то Архангельской, да народ в нём дьявольский» [116]. Столицей Поморья при этом всё же называется Соловецкий монастырь, а не Архангельск.

В целом можно выделить несколько различных концептуальных подходов к определению поморов, получивших распространение уже в XXI веке. Поморы — современный со-

[115] Ануфриев В.В. Русские поморы. Культурно-историческая идентичность. Архангельск: Солти,2008. С.36. Ануфриев В.В., Базарова Э.Л., Бицадзе Н.В., Гончарова Н.Н., Селезнева Е.Н., Черносвитов П.Ю. Культура русских поморов. Историко-культурологический анализ. М.: ФОРУМ; Неолит, 2013.
[116] Ануфриев В.В. Русские поморы… С. 31

бирательный термин для всех жителей Беломорья, изначально занимающихся мореходством и морскими промыслами. Культурно-этническая общность. Культурно-историческая идентичность (В.В. Ануфриев). Субэтнос, неотъемлемая часть русского народа. Этно-локальная группа руских поморов (А.Ю.Жуков).Социально-территориальная, социокультурная общность (Сайданова С.В.). Самобытное население, коренной малочисленный народ Севера России (Архангельская областная община поморов). Поморов как цельного исторического явления XVI—XIX веков вообще не существовало (Д.А. Семушин). Это современная духовно-культурная идентификация гражданина любой другой страны в условиях глобализации. К поморам относятся граждане России и других стран, относящиеся себя ментально, духовно к ним, где бы они не проживали без учета локализации поморского субэтноса. В ходе Всероссийских переписей 2002, 2010 годов идентифицировали себя как поморы в основном жители Архангельской области, включая городское население.

Концептуальное объяснение широкого понимания Поморья можно встретить в работах академика М.Н. Тихомирова (1893—1965), который девятую главу своего труда «Россия в XVI столетии» назвал «Двинская земля и Белозерский край». В указанной монографии, как уже отмечалось, он даёт классически ёмкое определение Двинской земли, как наиболее богатой и обжитой на всём Руском Севере. Северные области России в XVI в. носили название «Поморья» только на том основании, заключал М.Н. Тихомиров, что они примыкали к Белому морю и к Северному Ледовитому океану.

Название «*Поморские города*» утвердилось не раньше второй половины XVI века, когда был проторен морской путь из России в Англию. Термин «Поморье» или «Поморские города» имеет почву, так как все области по течению Сухоны уже во второй половине XVI века были *тесно связаны с морем*. Поэтому термины «Поморье» («Поморские города») и Северорусские земли можно употреблять по мнению Михаила Николаевича как однозначные. Он считал водный путь по Сухоне и Северной Двине самым оживлённым торговым путем в Поморье XVI столетия [117]. Здесь просится добавление, что многие области примыкали к Белому морю на большом удалении от него, образуя межрегиональное пространство с оживленными торговыми путями. В качестве социально-экономических индикаторов Поморья М.Н. Тихомиров выделяет *тесную коммуникационную связь с морем российских областей и городов на базе развития экономики, торговли, логистики по рекам Сухоне и Северной Двине*. Далее, как известно из Архангельска морской путь через Белое море из России вёл в Европу.

Таким образом, Поморье можно трактовать как *межрегиональное экономическое пространство, важнейший торговый общероссийский путь в XVI—XVII вв.*, связанные с Белым морем, которыми (пространство, путь) надо было грамотно управлять на уровне всего государства российского, регулировать международные отношения, таможенную политику, логистику и другие вопросы внешней и внутренней торговли. Именно такой геополитический подход социально-экономического пространственного развития страны с позиций талассократии (морского могущества) повторили за М.Н. Тихомировым вслед В.Н.Булатов, А.М. Кондрескул, В.А. Добрыднев и др.

Как видим, широкое толкование Поморья встречается в трудах известных отечественных историков В.Н. Татищева (1768), М.Н. Тихомирова (1962), О.В. Овсянникова (1992),

[117] Тихомиров М.Н. Россия в XVI столетии. М., 1962. С.227—229.

А.А. Куратова (1999) и других. Следуя историографической традиции В.Н. Булатов также понимал Поморье в широких историко-географических и межрегиональных экономических рамках и как истинный патриот своей страны высоко оценивал его роль в отечественной истории.

В своих книгах и учебных пособиях, объединенных общим названием *«Русский Север»* он не делал различий между понятиями «Русский Север» и «Поморье» [118]. Русский Север с XVI века носил название Поморье на том основании, что эти земли примыкали к Белому морю и Северному Ледовитому океану. Земли Русского Поморья, лежащие в бассейнах рек Северной Двины, Сухоны, Онеги, Мезени, Печоры, Камы и Вятки, занимали почти половину страны и прочно были связаны с единственным тогда в России морем [119]. *Это определение по сути есть развитие концепции М.Н. Тихомирова о межрегиональном экономическом пространстве общероссийской значимости, примыкающем к морю торговыми путями и всей логистикой*. Россия через широкое понимание Поморья, поморских городов реально позиционировалась морской державой, так как в XVI веке для российского государства оставались недоступными ни Балтийское, ни Черное моря. Не надо забывать, что Архангельский морской порт вплоть до 1703 года (основания Санкт-Петербурга) оставался единственным суверенным морским окном в Западную Европу для всего российского государства. Дорога в Архангельск из центральной России была путем в Поморье, к побережью Белого моря, которые находились под контролем российского государства с первых дней его существования, ранее их контролировала Новгородская вечевая республика.

История Поморья в современной трактовке увязывается то с Западным Беломорьем, отдельными берегами Белого моря, Карельским Поморьем, то с Поморским краем, фактически не признавая многофакторности исторического развития и абсолютизируя какой-то один или, в лучшем случае, два—три критерия. В.Н. Булатов никогда не был региональным сепаратистом, не занимался фальсификацией истории Русского Севера, продвижением Поморья в том смысле, как его понимают некоторые историки, делая акцент на отдельных фразах, приклеивая направо и налево всем ярлыки, постоянно подвергая необоснованной критике безвременно ушедшего ученого. Все пять томов его книг выпускались под названием «Русского Севера», а не «Поморья». Одним из первых В.Н. Булатов ещё в 80-е годы XX века обратился к актуальным и ныне проблемам освоения Арктики и Северного морского пути, а затем и к истории Русского Севера, выезжая в научные командировки в Сибирь, Владивосток для работы в архивах, дважды побывал в арктических экспедициях на Земле Франца-Иосифа. Дай Бог каждому ученому иметь столько научных и публицистических публикаций, сколько их было у Владимира Николаевича.

---

[118] Булатов В.Н. Русский Север. Книга первая: Заволочье (IX—XVI вв.). Архангельск, 1997. Книга вторая: Встречь солнца (XV—XVII вв.). Архангельск, 1998. Книга третья: Поморье (XVI—начало XVIII в.). Архангельск, 1999. Книга четвертая: Свет Полярной звезды (XVIII—XIX вв.). Архангельск, 2002. Книга пятая: Ворота в Арктику. Архангельск, 2001.

[119] Булатов В.Н. Русский Север: Учебное пособие для вузов. М.: Академический проект, Гаудеамус, 2006. С. 390

Как авторитетный ученый и общественный деятель, ректор Поморского государственного университета имени М.В. Ломоносова, профессор В.Н. Булатов не мог не оказать влияния на продвижение бренда «Поморский» на региональном уровне власти и управления. Его деятельность на посту ректора способствовала получению ресурсов на укрепление материальной базы, ремонт учебных корпусов (вопрос о строительстве научной библиотеки и общежития в САФУ к юбилею М.В. Ломоносова, например, был предрешен в Москве ещё при его жизни), приобретение современного оборудования для университета, способствовала мобильности архангельских студентов и преподавателей уже в те годы, за что многие из них благодарны своей альма-матер. Провинциальный педагогический институт при ректоре В.Н. Булатове превратился в один из авторитетных российских государственных университетов гуманитарного профиля.

М.Н. Тихомиров (торговые пути, связанных с морем российских городов), В.Н. Булатов (опосредованная связь с морем громадного экономического пространства), Г.Г. Фруменков (Соловецкий монастырь — государство), А.Ю. Жуков (вотчинно-административный округ Соловецкого монастыря) и другие авторы подчеркивали в своих публикациях *экономическое содержание* при употреблении концепта «Поморье», отдавали приоритет экономике, управлению. Самые разные аспекты истории и культуры Архангельского Поморья исследуются учеными Архангельска ещё со времен Архангельского государственого педагогического института имени М.В. Ломоносова уже более тридцати пяти лет [120]. А.М. Кондрескул в отличие от упомянутых выше историков, генезис Поморья увязывал не с экономикой, а с политическим развитием России [121]. В.А. Добрыднев в своей диссертации проанализировал источники и историографию по вопросам колонизации Западной Сибири [122].

Что касается содержания научных трудов современного помороведения, то просто глупо забывать о вполне естественном, сложном процессе познания. Творческий длительный процесс изучения Поморья и поморов ещё далеко не завершен даже сегодня. При этом политизированный поиск «черной кошки в темной комнате» всё больше напоминает театр абсурда, а не стремление к научной истине. Становится уже просто нелепо по геростратовски постоянно чернить В.Н. Булатова, Поморский государственный университет имени М.В. Ломоносова, сам город Архангельск. Всё это начинает напоминать средневековую «охоту на ведьм» в современном исполнении, какой-то сюрреализм, когда даже уже и вуза такого не существует в реальности, а его всё чернят и чернят, разрывая все логические и временные связи. Кому это выгодно и зачем так топорно делать из творческих поисков политику.

В современном помороведении и сегодня всё ещё остаются актуальными и недостаточно исследованными многие вопросы. Библиография помороведения всё время пополняется новыми публикациями. Я хочу здесь подчеркнуть, что научное познание — это всегда динамичный во времени процесс. Нет истины в готовом виде на всю жизнь без постоянного её уточнения и возникающих при этом сомнений, особенно в истории.

---

[120] Архангельское Поморье. История и культура /отв. ред. Г.Г. Фруменков, заслуженный деятель науки РСФСР, д.и.н., профессор. Архангельск, 1983.

[121] Кондрескул А.М. Поморье в политической истории России в конце XVII—первой четверти XVIII вв.// Автореферат дисс. на соискание уч. степени канд. истор. наук. Архангельск, 2001. С. 8.

[122] Добрыднев В.А. Поморье и колонизация Западной Сибири: конец XVI —начало XVIII вв.// Автореферат дисс. на соискание уч. степ. канд. истр. наук. Архангельск, 2003.

Соловецкий административно-вотчинный округ Поморья

В понимании генезиса Поморья всё больше проявляется интерес к созданию и функционированию, *во-первых*, *Соловецкого административно-вотчинного округа* в 1591—1764 гг., имеющего особый статус управления всеми Поморскими волостями Беломорья. Царь не просто дал льготы монастырю, но и делегировал ему широкие права и обязанности — функции самого российского государства по сбору и уплате оброка с поморских волостей и обеспечению их безопасности; *во-вторых*, «*Поморского края» в XIX веке* как торгово-экономического территориального образования с предоставлением льгот в поморской торговле с Норвегией населению Кольского, Кемского, частично Архангельского и Онежского уездов Архангельской губернии; *в третьих, Комитета для помощи поморам Русского Севера в 1894—1908 гг.*, как благотворительной, общественной, научно-промысловой организации.

Земельные владения (вотчина, отчина[123]) Соловецкой обители умножались и расширялись в течение нескольких веков от самого её основания в первой половине XV века[124]. Одна из первых жалованных грамот Великого Новгорода Соловецкому монастырю на Соловецкий и другие острова датируется 1459—1469 гг.

> «†…*И по благословенію господина преосвященнаго архіепископа Великого Новагорода и Пьскова владыкы Іоны, господинъ посадникъ Великого Новагорода степенныи Иванъ Лукиничь и старыи посадникы, и господинъ тысяцкеи Великого Новагорода степенныи Труфанъ Юрьевичь и старыи тысяцкеи, и бояре, и житьии люди, и купце, и черныи люди, и весь господинъ государь Великіи Новгородъ, вся пять концевъ, на веце на Ярославле дворе, пожаловаша игумена Ивоню и всихъ старцевъ, обитель святаго Спаса и святаго Николы, тыми островы Соловкы, и Анзери островомъ, и Нуксами островомъ, и Заяцьимъ островомъ, и малыми островкы, в тыхъ островахъ землею, и ловищами, и тонями, и пожнями, и лешими озеры: земля имъ делати, и пожне косити, и лешеи озера ловити, и тоне ловити доброволно. А боярамъ новгородчкымъ, ни корельскымъ детемъ, ни иному никому ж в тыи островы не вступатися, в страдомую землю, ни в пожне, ни в тоне, ни в ловища, ни череновъ не наряжати, ни лесовъ не полесовать никому же чересь сюю жаловалную Великого Новагорода грамоту. А хто приедеть на тыи островы на ловлю или на добытокъ, на сало или на кожю, ино всимъ тымъ давати в домъ святаго Спаса и святаго Николы изо всего десятина»* [ГВНП. № 96].

Земельные приобретения были сделаны Соловецким монастырем «на Поморском берегу по реке Суме» по вкладу Марфы посадницы, датируемым 1459 –1469 гг.

---

[123] Вотчина — термин древнерусского гражданского права для обозначения земельного имущества с правами полной частной собственности на него. Вотчинник в своей вотчине был почти тем же, чем князь был в своем княжении, не только собственником земли, но и лицом, имевшим административную и судебную власть над населением, жившим на его земле; такой вотчинник сам подсуден был только князю. Однако население (крестьянское), жившее на его земле, отнюдь не было крепостным, а вполне свободным, имевшим право переходить с земли одного вотчинника на землю другого. Основные типы вотчинного землевладения: 1) собственно «вотчина» (родовая, старинная) 2) «купля» и 3) «жалованье». Существенная разница между этими тремя типами заключается в правах распоряжения //Энциклопедия Брокгауза и Ефрона. URL: http://dic.academic.ru/ dic.nsf /brokgauz/6310 (дата обращения: 23.10.2014).

[124] История первоклассного ставропигиального Соловецкого монастрыря (репринтное издание). М.: Товарищество Северного Мореходства, 2001. 296 с. Воспроизводится одноименное издание: СПб, 1899. Далее сокращенно — ИПССМ.

«†*Се язъ Марфа, Исака Ондреевичя жена, и сынъ мои Федоръ Исаковъ, дали есмя в домъ святому Спасу и пречистЪи его матери и святаго Николы на Соловки игумену Ионе и старцамъ на море в Суме реки у чясовни два лука земли, где ПарфЪико да Першица живуть. Ино тои деревни земли страдомыи, и пожни, и лесъ полешеи, и ловища водные, и лешеи озера, тыи два лука, в домъ святаго Спаса и пречистыя его матере и святаго Николы по сеи данои моей грамоте володети игумену и старцамъ и в веки. А поминати имъ мужа моего Исака, и родителеи моихъ, да и детеи моихъ. А ставити имъ обедъ на Дмитреевъ день*» [ГВНП. № 307].

Почти в двух десятках жалованных и духовных грамот, купчих XV века [ГВНП. № 298, 299, 300, 301, 302, 303, 305,306, 317, 318, 319, 320, 325, 327, 328, 329, 330] обозначены несколько десятков участков по рекам Поморского и Карельского берегов, по прибрежным островам, ставших вотчиной Соловецкого монастыря: по рекам Суме, Вирме, Выг и Сороке, Шуе, Кеми, на Карельском берегу в Понеге. В 1446 году монастырь получил участок по рекам Умбе и Варгузе и по морскому берегу, да позднее и сам монастырь приобрел на Терском берегу несколько новых участков. Из поселенцев на реке Варгузе в 1491 году был уже образован церковный приход и поставлена монастырская церковь. Приобретая вотчины монастырь ставил в них дворы, куда наряжал своих старцев-приказчиков для управления промыслами и угодьями («*старец- витаманъ*»). При увеличении населения ставилась церковь, куда посылался инок-иерей, исполняющий как функции монастырского священника, так и обязанности надзора за монастырским двором [ИПССМ. С. 123].

Февралем 1479 года датируется жалованная грамота великого князя Ивана III Васильевича (1440—1505) Соловецкому монастырю на острова Соловецкий, Анзер, Заячий и др. [АСМ. №1. С.16], а мартом 1539 года — жалованная данная и обельно-несудимая грамота великого князя Ивана IV Васильевича (1530—1584), подтвержденная царем Федором Ивановичем 15 июня 1584 г.[АСМ. №75.С. 50]. Монастырю было пожаловано земли 13 луков[125] по рекам Шижне и Выг, на Сухом наволоке (у Сороцкой губы) с деревнями. В 1551 году Иван IV отдал Соловецкой обители пустовавшую более 40 лет церковь, тоню на реке Сороке и деревню Сороку, а в 1555 году пожаловал монастырю 24 деревни по Суме, 33 варницы в Сумской волости. Так постепенно округлялись вотчины монастыря, они тянулись на огромном пространстве по прибрежным рекам от Сумы до Кеми и по Терскому берегу по рекам Умбе и Варгузе, и даже на далеком Мурманском берегу в Кольской волости. Многие приобретения Соловецкого монастыря находились преимущественно в Поморье.

В историографии современного помороведения значимый вклад по данной проблематике вносят статьи А.Ю. Жукова, к.и.н., зав. сектором истории Института языка, литературы и истории Карельского НЦ РАН, который выявляет систему факторов, приведших к зарождению *этнолокальной группы русских поморов* в середине и второй половине XVI века [126]. Источники XVI века под Поморьем подразумевали побережье Западного Беломорья и Мурман – от района под названием Поморье в устье реки Онеги на юге и вплоть до Колы на севере.

---

[125] Лук равнялся участку в 252 сажени длины и 64 сажени ширины [ИПССМ. С.123].

[126] Жуков А.Ю. Этносоциальные истоки генезиса поморов. XV—XVI вв. // Межкультурные взаимодействия в полиэтническом пространстве пограничного региона: Материалы межд. науч. конф., посвященной 75-летию Института языка, литературы и истории Карельского НЦ РАН. Петрозаводск, 2005. С. 85—91.

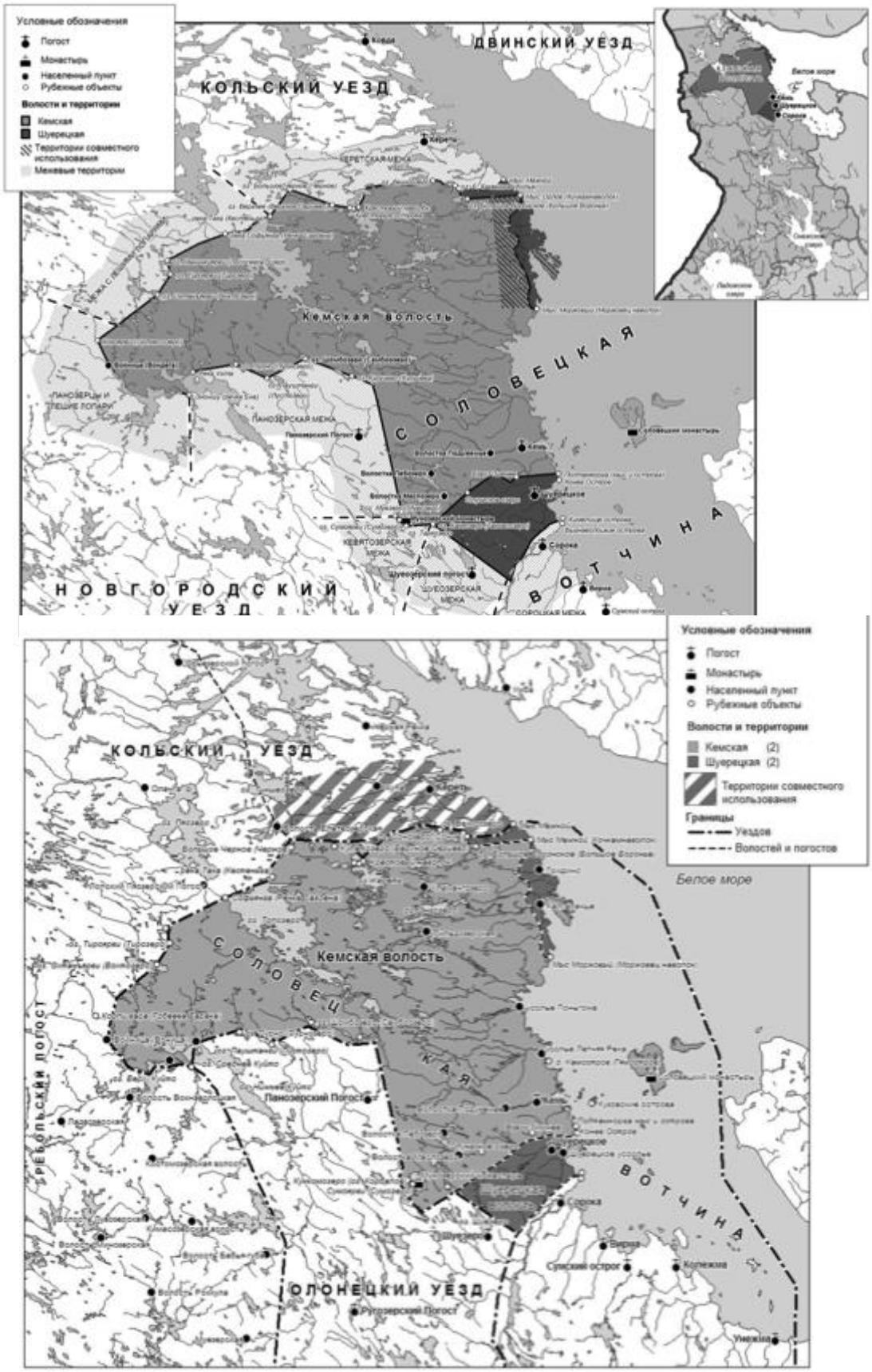


Рисунок 17. Границы Кемской и Шуерецкой волостей на конец XVI и конец XVII вв. / Жуков А.Ю., Лялля Е.В.

В статье «Волостная и церковно-приходская структура Карельского Поморья, конец XV—середина XVIII вв.» А.Ю. Жуков и Е.В. Лялля прослеживают консолидацию поморских во-

лостей Карельского берега вокруг Кеми путем исследования волостного и церковно-приходского ландшафта как интегрального воплощения поселенческой структуры и крестьянского самоуправления[127]. «Очевидно, что к концу XVI века понятия Поморье и поморцы устоялись и были связаны с западным Беломорьем и его населением. Восточное же Беломорье (устье Северной Двины) и двиняне к ним не относились» — такой вывод делает А.Ю Жуков [Этносоциальные истоки... С. 86]. Поморский берег входил в Выгозерский погост Обонежья, а Карельский берег составлял северо-восточную оконечность Корельской земли.

Концепт «*особый административно-вотчинный округ Соловецкого монастыря*» («вотчинно-административный Соловецкий округ») представляет территориальное объединение поморских волостей, которое произошло в конце XVI—начале XVII вв., и «теснейшим образом связанного религиозными, социально-экономическими, а в лице своей братии — этническими и просто родственными узами с населением Беломорского поморья» [Жуков А.Ю. Этносоциальные истоки... С. 88—89]. На примере зарождения субэтноса поморов, у истоков которого стояли и Соловки, наглядно проявляется парадигма многофакторности исторического процесса. «В XV в. западнобеломорские земли усиленно, но обособленно заселялись карельскими и русскими крестьянами в ходе вотчинного освоения Белого моря новгородской и карельской знатью. С конца XV и в первой половине XVI в. в западнобеломорских селениях идет процесс породнения русских и карел, складываются совместные русско-карельские общины. В середине XVI в. новые общинники самоидентифицируются — они поморцы. Несмотря на жестокий военный урон, во второй половине XVI в. четко выделились поморские волости. Наконец, в конце XVI—начале XVII в. поморцы и их волости получили официальное государственное признание в виде особого административного округа Соловецкого монастыря» [Жуков А.Ю. Этносоциальные истоки генезиса поморов. С. 90].

В рамках складывающегося с конца XVI века особого порядка управления действительно произошло не только экономическое, но и административное объединение существующих в то время Поморских волостей. С 1591 года в Поморье начинает складываться, используя современную терминологию, — особая экономическая зона, объединившая вотчины Соловецкого монастыря с Поморскими волостями, которые государство передавало под монастырское управление на определённых в грамотах условиях. Сам монастырь получал при этом не только ряд льгот в уплате налогов, пошлин, но и огромную ответственность за выполнение функций государственого уровня. Предоставление монастырю разного рода льгот, делегирование сбора «тамги» — денежного налога, «явки» — пошлины за предъявленный в таможне товар, рыбной десятины (каждая десятая выловленная рыба), денег при совершении операций купли-продажи, заповедных денег (штрафов) функционально относились к финансово-экономической сфере управления. Вопросы обороны Поморских волостей, строительство острога в Кеми и других оборонительных сооружений, содержание в них военной рати, их финансирование, ведение военных действий в Беломорье — это уже важнейшие

[127] Жуков А.Ю., Лялля Е.В. Волостная и церковно-приходская структура Карельского Поморья, конец XV—середина XVIII вв.» // Труды Карельского научного центра РАН. 2012. № 4. С.74—84.

государственно-политические функции Соловецкого монастыря, которые делегировало ему российское государство в лице царя грамотами 1591—1592 гг.

Процесс формирования вотчин Соловецкого монастыря в целом растянулся на несколько десятилетий. Ещё 24 ноября 1547 г. царь Иван IV дал Соловецкому монастырю жалованную тарханно-проезжую, несудимую и заповедную грамоту, подтвержденную 17 мая 1551 г., на беспошлинную продажу десяти тысяч пудов соли, беспошлинный провоз необходимых припасов в монастырь и о неподсудности игумена, монахов, монастырских крестьян судам местных властей и новгородского архиепископа [АСМ. №130. С.80—83].

В таможенной грамоте 19 июня 1591 года, в лето 7099, Соловецкому монастырю от «*Царя и Великого Князя Федора Ивановича всея Руси*» о сборе торговых пошлин в Поморских волостях в начале текста приводилось содержание челобитья игумена Иякова с братией, что

> «*приезжают деи в ваши в Поморские волости, в Кемскую волость, да в Сумскую волость, да в четверть Варзужские волости, и в иные ваши Поморские волости, всякие торговые люди,* ***Поморцы****, и Каргополцы, и Двиняне, и Ноугородцы, и Заонежцы, и иных городов и волостей, со всякими товары, и теми своими товары в ваших волостях торгуют и соль и рыбу и всякой товар покупают, а таможные пошлины и явки и рыбные десятины, без нашие таможные грамоты, вам не дают*».

Другими словами монастырь акцентировал внимание царя, московских приказов на отсутствие контроля за сборов таможенных пошлин, денежных налогов в Поморских волостях, где государство являлось собственником всей «земли и воды», что наносило финансовый ущерб государству. В ответ на это прошенье царь велел:

> «*вы б в Кемской волости, да и в Сумской волости, да в чети Варзуской волости, и в иных в своих Поморских волостях, велели тамгу и явку и рыбную десятину сбирати по сей нашей по уставной грамоте : с иногородцов с приезжих гостей со всякого товару с рубля по семи денег, а Кемские волости и Сумской волости и иных ваших Поморских волостей со крестьян с рубля по две денги».*

Устанавливались конкретные сборы с конного человека; за неявку по приезде к монастырским приказным людям, которые фактически исполняли функции таможни; за продажу коня, коровы, пошлины с проезжих гостей за соль с рубля по семи денег, с крестьян Кемских и Сумских волостей, и с иных ваших Поморских волостей, с рубля по две денги; особый порядок уплаты таможенной и десятинной пошлины за лов рыбы. Вводился запрет на продажу местному населению заморского питья, вин, устанавливались штрафы «*чтоб иным неповадно было воровать и питья продажного держать»* [ААЭ, т.1. № 352].

В цитируемой царской рамоте четко определялись таможеннные пошлины с крестьян Поморских волостей и приезжих людей — за что и сколько брать. Соловецкому монастырю предоставлялось право самому собирать (*«сбирати самим»*) таможенные пошлины, денежные налоги, сборы. В результате Соловецкий монастырь стал реально выполнять функции государственной таможни с конца XVI столетия.

Важнейшее значение для формирования особого статуса Соловецкого монастыря в управлении Поморскими волостями имела «Отчинная грамота Соловецкому монастырю, на Кемскую и другие Поморские волости», датируемая июнем 1591 года, в лето 7099 [ААЭ, т.1. № 353]. В своём челобитье игумен Соловецкого монастыря обратил внимание царя на то,

что они за свой счет строят и содержат заставы в Поморье, но, организация обороны от прихода с войною «*немецких воинских людей,* затруднена тем, что половина волостей за царем, а другая за монастырем, а Кемские крестьяне никаких крепостей по Кеми реке ставить не дают. Монастырь имел расходы, что «*наши посланники и гонци гоняют за море, в усть Колу и в иные в Поморские волости, для всяких наших дел».*

– И яз Царь и Великий Князь Феодор Ивановичь всеа Русии, выслушав их челобитья, Соловецкого монастыря игумена Иакова с братьею, или кто по нем иный игумен в том монастыре будет, пожаловал волостью Кемью всею, и Пудожемскою, и Пебоозером, и Маслоозером, в вотчину впрок со крестьяны, и с дворовыми месты, и с соляными варницами, и с рыбными и зверовыми ловлями, и с лесы, и с пожнями, и с морскими тонями, и с лешими озеры, и со всякими угодьи, и с тамгою, и с рыбною десятиною, и крестьян им ведати и судити, или кому они прикажут; а Соловецкого монастыря игумену Иакову с братьею с тое Кемские волости, и с Пудожемья, и с Пебоозера, и с Маслаозера, и со всее Кемские волости со крестьян, и с луков, и с соляных варниц, и с рыбных ловель, и с морских тонь, и с леших озер, и со всяких угодей, в нашу казну давати им дани и оброку, и за волостелин доход, и за тамгу, и за десятую рыбу, и за всякие наши доходы, по сту по тридцати по четыре рубли по двадцати по четыре алтыны с денгою на год;

а тамгу и рыбную десятину в Кеми сбирать с проезжих людей, самим, по нашей по уставной по таможной грамоте; а платити им те наши оброчные денги на Москве, в Чети диака нашего Андрея Щелкалова, а дати им впервые тот оброк 100 году на Крещенье Христово, да и вперед им тот оброк платить по тем же сроком, ежегод, безпереводно;

а в той Кемской волости им всякие крепости поделати, и острог сделати, и людей ратных из монастыря туто устроить, для Немецких воинских людей приходу, и заставы учинити крепкие, чтоб в приход воинских Немецких людей сидети было безстрашно; и наших посланников и гонцов Кемские волости крестьяном отпущати до Керети, а Керецкие волости крестьяном отпущати до Кеми, а Шуи Корелской крестьяном отпущати до Кеми, да и за Кемь по своей земле, потому что у них за Кемью соляные варницы, и рыбные тони, и сенные покосы, и всякие угодья; и о всем Соловецкого монастыря игумену Иакову с братьею ходити по сей нашей жаловалной грамоте. Дана ся наша жаловалная грамота государьствиа нашего дворе в царьствующем граде Москве, лета 7099 Июня месяца [ААЭ, т.1. № 353. С.427].

Необходимо иметь в виду, что половину угодий и деревень Кемской волости тогда составляли царские оброчные крестьяне. Соловецкий же монастырь получал в лето 7099 отчинной (вотчинной) грамотой от царя в собственность и управление всю Кемскую и другие волости, право собирать государевы дани и оброк, другими словами управлять ими. Однако Кемскую волость, Подужемье и Пебоозеро и Маслоозеро, царь передал в вотчину монастырю не просто так, а на следующих условиях: 1) сделать в Кемской волости разные крепости и острог, в нем ратных людей из монастыря устроить; 2) заставы учинить крепкие; 3) царских посланников и гонцов возить до Кеми, Керети; 4) денежные налоги (*тамгу*), пошлины и рыбную десятину собирать с приезжих людей самим, по уставной, по таможной грамоте царя; а в казну российского государства «давати им дани и оброку, и за волостелин доход, и за

тамгу, и за десятую рыбу, и за всякие наши доходы по 134 рубля с 24 алтынами» ежегодно. Фактически государство в 1591 году делегировало монастырю свои основные функции — обеспечение безопасности, укрепление обороны Беломорья, а также сбор налогов в виде оброка, десятин, пошлин. Льготное обложение, пожалование обители новых вотчин и таможенных доходов сопровождались постепенным выводом Соловецкого монастыря из-под управления и контроля со стороны новгородской администрации и подчинением его непосредственно Москве — приказу Новгородской четверти.

Монастырская власть и управление над Поморскими волостями игумена и соборных старцев Соловецкого монастыря ещё более окрепла после 1592 года. Апрелем 1592 года (лето 7100) датируется царская грамота Соловецкому монастырю *о даровании 5-ти летней льготы* (от лета 7101 с 1 сентября по лето 7106 по 1 сентября, 1593—1598 гг.) в сборе дани и оброков, о беспошлинной продаже соли в Вологде и ежегодной покупке в Устюге до 6000 четвертей хлеба без платежа таможенных пошлин, — в ответ на предшествующее челобитье Соловецкого монастыря «игумена Іякова съ братьею» [ААЭ, т.1, № 355]. Отражая нападения Соловецкий монастырь за счет своей казны нанимал и содержал ратных людей, строил каменный «город» в Сумском остроге, нёс большие расходы. Поэтому царь Федор Иванович:

> *«пожаловал есмя их: дал им лготы на пять лет, от лете 7101 году месяца Сентября с 1 числа да по по лето 7106 году по Сентябрь по 1 число, а в те лготные лета с их монастырских вотчин своей дани и оброков имати не велел, в Поморье, что у них в разных волостях, с их с Соловецких с монастырской с чети волости Варзуги с дворов, с рыбных ловель, и за тамгу, и за десятую рыбу, и со всяких угодей оброку всякого, и с чети волости Унбы, и с Порьи губы с угодей, и с чети волости Керети, и с волостки с Кеми, дани, оброку, и за тамгу, и за десятую рыбу, и всяких пошлин не имати, и с Сумской волостки за ямские и за полоняничные денги, и за обежной хлеб, и за тамгу оброку всякого, и с рыбные ловли, что на Выге реке, с тони под порогом под Золотцом, оброку, и с Нюхчи волости и с Унежмы и с Онежских деревень, что у них на Турчасовском стану, всяких оброков и дани в те лготные лета не имать».*

Кроме указанных выше волостей в царской грамоте упоминался Двинской уезд, *«на Луде, Куи реки с угодей, пошлин никаких и дани не имати»*. Было дано указание не брать пошлины с Соловецких судов, идущих «*на Двине, и на Устюге, и на Тотме, и на Ваге, и на Вологде»,* вводились льготы по продаже соли и покупке хлеба в Вологде и Устюге. В челобитной монастыря употреблялся ещё такой оборот «*и съ Поморскихъ Двинского уезда*». В тексте от имени царя эта формулировка уточнена «*да у моря жъ, въ Двинском уезде*», слово «Поморскихъ» исчезло. В списках Двинских земель нет названий вотчин монастырей, так как они получали жалованные грамоты от князей и царей, приобретали земли и воды путями купли-продажи, дарения, по купчим, духовным грамотам.

Одновременно, давая все эти льготы, монастырю предписывалось содержать за свой счет ратных людей в монастыре, в двух острогах — в старом Сумском и в новом Кемском, и

> *«сборщиком к ним, опричь ратного дела, въезжати нипочто не велели».* «*А как льготные лета отойдут, и игумену и Иякову с братьею, или кто по нем иной игумен будет, с тое с монастырской и с Соловецкой вотчины оброк платить, по книгам и по нашим жаловалным грамотам, на Москве; а с Кеми волостки платити оброк по писцовым книгам, как наши Московские писцы тое Кемскую волостку*

опишут; а вся их монастырская вотчина писати с Поморскими волостями вместе, особо к монастырю и к обема острогам, а к Ноугородскому уезду к Выгозерскому стану всее их монастырские вотчины и в предь не писати. Дана ся наша жаловалная грамота на Москве, лете 7100 Апреля месяца».

Подлинник грамоты находился в архиве Соловецкого монастыря. Грамотой 1592 года конкретно определялись источники финансирования в развитие тех обязательств, выполнения государственных функций, которые взял на себя Соловецкий монастырь по обороне Поморских волостей Беломорья ещё в 1591 году. По существу в конце XVI века государство поделилось властью, важнейшими функциями государственного управления с монастырской общиной Соловецкой обители.

Таблица 3

Делегирование функций государственного управления Соловецкой обители

Дата и название грамот	Государство	Соловецкий монастырь
19 июня 1591. Таможенная грамота Соловецкому монастырю о сборе торговых пошлин в Поморских волостях. ААЭ, т.1. № 352.	Монастырю переданы функции государства — право на сбор денежных налогов (тамги), пошлины за предъявленный в таможне товар — явку, сбор рыбной десятины, денежных штрафов (заповедных денег) в Поморских волостях, которые вместе с оброчными привозились затем в Москву.	Получил разрешение собирать таможенные пошлины, налоги, денежные сборы с приезжих торговых людей и крестьян Кемской, Сумской и иных Поморских волостей. А своей четверти Варгузской волости таможенную и десятинную пошлину оставлять себе, так как монастырь платит за неё по окладу на Москве всю сполна.
Июнь 1591. Отчинная грамота Соловецкому монастырю, на Кемскую и другие Поморские волости». ААЭ, т.1. № 353.	1) Пожаловал монастырю в вотчину Кемскую и другие волости. 2) Делегировал Соловецкой обители функцию укрепления обороны в Кемской волости: «*всякие крепости поделати, и острог сделати, и людей ратных из монастыря туто устроить»;* 3) функцию сбора пошлин, налогов и в государеву казну «*давать за всякие наши доходы по 134 рубля с 24 алтынами ежегодно*».	1) Кемская волость, Пудожемская, Пебоозеро и Маслоозеро вошли в вотчину монастыря со всеми крестьянами, соляными варницами, рыбными и зверовыми ловлями, с лесами и пожнями, морскими тонями и лешими озеры, и со всякими угодьями. 2) Легитимизация права собирать с волостей пошлины, налоги и другие денежные сборы. 3) Обязательства по строительству Кемского острога, защите от нападений «немецких воинских людей» (шведов).
Апрель 1592. Царская грамота Соловецкому монастырю о даровании пятилетней льготы в податях Поморским волостям и другим заведениям и угодьям онаго, о безпошлинной продаже монастырской соли в Вологде. И о ежегодной покупке, в Устюге, до 6000 четвертей хлеба, без платежа таможенных пошлин. ААЭ, т.1. № 355.	1) Установил <u>пять льготных лет</u>, в которые «с их монастырских вотчин своей дани и оброков имати не велел, в Поморье». 2) Определил источники доходов для финансирования из монастырской казны расходов на содержание ратных людей, организацию обороны в монастыре и двух острогах Кемском и Сумском; а «сборщиком к ним, опричь ратного дела, въезжати нипочто не велели».	1) Льготы на пять лет, а в те льготные лета государство с их монастырских вотчин в Поморье «своей дани и оброков имати не велело». 2) Освобожден от уплаты пошлин, тамги за проход по Двине, на Устюге, по Тотьме, Ваге, на Вологде. 3) С продажи соли в Вологде и покупку хлеба в Вологде и на Устюге «пошлин никаких, ни тамги, ни явки, ни с судов не имати». 4) Содержать ратных людей в монастыре, в Кемском и Сумском острогах, проезд гонцов и посланников.

Причиной создания особого вотчинно-административного округа Соловецкого монастыря послужили агрессивные действия Швеции на севере, вследствие чего содержание вое-

вод с войсками, строительство острогов в Суме, Кеми финансировались Соловецким монастырем. Практика предоставления царем льготных лет поморским волостям получила распространение в связи с огромным ущербом от военных действий шведов. Апрелем 1590 года датируется царская жалованная грамота Федора Иоановича об освобождении на два года волостей Керети и Ковды от торговых пошлин (тамги, и проезжие, и грузовые, и побережные, и посаженные), земских повинностей «дани и оброку» не брать («не имали»), по случаю разорения их шведами [ААЭ, т.1. № 347]. Грамотой 1590 года (лето 7098) царь пожаловал «старосту Вешнячка Кузмина да крестьян Васюка Олексеева, Трофимка Торопова с товарищи, и всех крестьян Кольские волости» льготами на три года за их службу, что они *«Немецких людей побили и Воеводку Немецкого Кавпия взяли и к Нам его прислали, и острог в Коле волости отсидели».* Немецкие люди повоевали всю волость, выжгли анбары, суда и дворы возле острога. Льготы касались освобождения от дани и оброку с дворов, анбаров и судов, в которых они промышляли, и «*с угодий не платити», «и торговати им в те льготные лета везде безпошлинно»,* поставить дворы свои на посаде и суда построить[128].

В XVI—XVIII вв. роль надежного стража России на Севере, преемника в этом отношении политики Великого Новгорода, взял на себя Соловецкий монастырь, защищая Беломорье от нападений «заморских немцев» — шведов (1592, 1611, 1658, 1701), датчан (1623), англичан (1854—1855)[129]. Профессор Г.Г.Фруменков, вдумчиво и детально исследуя оборону Беломорья, писал: «Масштабы разорения края были таковы, что правительство *грамотой от 15 апреля 1592 года* освободило на пять лет (с 1593 по 1598) поморские села и их население от всяких податей, даней и повинностей, а также подтвердило право монастыря на беспошлинную продажу соли в Вологде и беспошлинную покупку хлеба в Вологде и Устюге в размере 6000 четвертей на год в течение всех льготных лет»[130]. Как очередную большую уступку монастырю следует рассматривать признание упомянутой грамотой факта выделения Соловецких владений *в особую административно- территориальную единицу,* — подчеркивал Г.Г. Фруменков. Официальный документ узаконивал существование внутри централизованной Российской державы своеобразного ***государства-монастыря*** со своей территорией, войском, судом, тюрьмами, почтовой связью, своим управленческим и финансово-налоговым аппаратом, которому передоверялся сбор общегосударственных налогов и пошлин [С. 31].

По оценке академика Д.С. Лихачева «в XVI и XVII вв. Соловецкий монастырь держал оборону всего Русского Севера — от Мурманского берега и до Западной Карелии — всего Поморья». Он был не только крепостью, но и тем «*распорядительным центром*, от которого исходило общее руководство оборонительными приготовлениями, а в случае нападения — и военными действиями»[131]. В жизни Севера монастырь сыграл первенствующую роль. Его роль, как считал Дмитрий Сергеевич, не ограничивалась военной обороной Севера, распространением более совершенных форм хозяйствования, технического процесса и приобщения жителей Севера к более высокому строю общества. Монастырь, развивал зодчество,

---

[128] Грамоты царя Федора Иоанновича Кольским жителям.URL: http://www.kolamap.ru/library/1829.html (дата обращения: 07.11.2014).
[129] ИПССМ. С. 61, 66—67, 70, 72, 74, 88, 116, 155—161,166.
[130] Фруменков Г.Г. Соловецкий монастырь и оборона Беломорья в XVI —XIX вв. Сев.Зап. кн.изд., 1975. С.30—31.
[131] Лихачев Д.С. Соловки в истории русской культуры // Беломорье. М.: Современник, 1984. С. 33.

иконописание и прикладные искусства, явился собирателем и хранителем древнерусского рукописного наследия, произведений живописи и художественных ремесел.

Хронологические рамки функционирования Соловецкого административно-вотчинного округа можно определить двумя вариантами.

Первый вариант: 1591—1598 гг., если следовать формально-бюрократической логике действия льгот, предоставленных царскими грамотами только на ближайшие годы.

Второй вариант: 1591—1764 гг. с учетом того, что весь этот период государство продолжало предоставлять монастырю льготы, послабления в налогах, жаловать земли и разные угодья. А самое главное то, что за монастырем перманентно оставалась неизменной функция обороны всего Поморья в смутное время и в последующие годы от шведско-датской экспансии на Русский Север. Власти оказывали монастырю и другие знаки внимания в уважение его особых заслуг (с 1651 года введена архимандрия). Как совершенно точно подчеркивал Г.Г. Фруменков, в XVII веке, как и в минувшем столетии, монастырю давались земли, рыболовные тони, разные льготы, вменяя за это монастырю военные обязанности[132].

В XVII—XVIII вв. в пределах административного вотчинного округа Соловецкого монастыря, как считает А.Ю. Жуков, и сложился окончательно *субэтнос русских поморов*[133]. В первой половине XVII века главнейшие русские поселения на устьх поморских рек: Варзуги, Керети, Кеми, Шуи, Выга, Сумы, Колежмы, Нюхчи и Унежмы *сосредоточились под управлением монастыря*, энергичному содействию которого они главным образом обязаны своим развитием, а многие и своим возникновением [ИПССМ. С.127]. Монастырь стремился приобретать окраинные поморские земли для ведения соляного промысла. Монастырские владения продвигались не только в западное Беломорье, но и по направлению к Двине, держась берегов Онежского и Летнего. В 1686 году монастырь получил на Двине даже Орлецкие угодья с известковым камнем. Соловецкий монастырь принес в Двинской край столько раз обнаруженное им в Поморском крае стремление обрабатывать пустоши, от которых отказывались местные поселенцы и они были бесполезны для казны [ИПССМ. С. 128].

Практика предоставления Соловецкому монастырю разного рода экономических льгот продолжалась в XVII веке при новой царской династии из дома Романовых. Царь Михаил Федорович (годы царствования 1613—1645) пожаловал монастырю во владение волость Шую Корельскую с угодьями и крестьянами, освободил монастырские вотчины от платежа казенных сборов, сторублевого оброка со ста тысяч рублей продажи соли, подтвердил подсудность монастырских владений, кроме уголовных дел, одному игумену Соловецкого монастыря [ИПССМ. С.74—75]. Грамотой царя Алексея Михайловича (1645—1676) от 30 марта 1649 года пошлина со 130 000 пудов соли с 3900 рублей была установлена в 658 рублей, с вотчин и промыслов уничтожен всякий оброк [ИПССМ. С.87—88]. После завершения Соловецкой смуты 1657—1676 гг. была снята царская опала монастыря и он снова вступил во владение своими вотчинами. При царевне Софье Алексеевне (1682—1689) была подтверждена прежняя грамота царя Алексея Михайловича о том, чтобы брать пошлины с монастырской соли по 658 рублей 33 алтына и 1,5 деньги. Порядок продажи 130 000 пудов соли проводился уже по таможеному уставу 1663 года, но на вырученные за соль деньги монастырь всё

[132] Фруменков Г.Г. Соловецкий монастырь и оборона Беломорья… С. 60

[133] Жуков А.Ю. Управление заонежскими крестьянскими погостами в конце XV—начале XVII вв. URL: http://kizhi.karelia.ru/library/ryabinin-1995/155.html (дата обращеня: 27.10.2014).

ещё мог беспошлинно закупать нужные для себя запасы [ИПССМ. С. 114]. Не обходил милостями Соловецкий монастырь и Петр первый Великий, последний царь всея Руси (с 1682, но правил в 1689—1721) и первый император Всероссийский (1721—1725). Его указом 1693 года монастырские владения на Двине, в Каргополе, на Кольском полуострове и в Устюге Великом освобождалиь от уплаты стрелецких денег «ныне и впредь» [Фруменков Г.Г. Указ. соч. С. 60].

Главным источником доходов монастыря всегда были и оставались соляные поморские варницы. Если в начале второй половины XVI века монастырь продавал в Вологде и других местах 6 000 пудов соли из своих варниц, то в XVII веке уже 130 000 пудов, платя за это пошлины 658 рублей. За крестьян со своих вотчин, рыбных ловель и других угодий монастырь платил в казну 4 000 рублей оброку и других царских сборов. В конце XVI века монастырь покупал ежегодно по 20 пудов воску да 8000 четвертей ржи на монастырский обиход. При этом монастырь ещё и копил средства, которыми помогал государству в трудные времена. В царствование Алексея Михайловича Романова (1645—1676) Соловецкий монастырь выслал в Москву на жалованье ратным людям 41 414 рублей и 200 золотых, что составляло в те времена огромную сумму [ИПССМ. С. 130]. «Всего за время своего существования монастырь дал казне, по подсчетам В. Верещагина, более 100 000 рублей серебром» [Фруменков Г.Г. Указ. соч. С. 58].

Россия пережила в XVII столетии смутное время, смену правящей династии Рюриковичей, церковную реформу Никона, раскол РПЦ. Были приняты новые основы законодательства России — Соборное уложение 1649 г., проведена реформа государственного управления, учреждены новые центральные приказы. Геополитическая ситуация сложилась в начале XVII века не просто критической, а даже угрожающей России потерей своего суверенитета. Начало XVII века было отмечено не только внутренней русской смутой, но и внешней интервенцией, продолжительными войнами, в том числе военными действиями и в Поморье. Русско-польская война с 1605 г. продолжалась до 1618 г., русско-шведская война проходила в 1613—1617 гг. (Ингерманландская война).

Соловецкий монастырь при этом не стоял в стороне, активно участвовал в политической жизни, защищая северные рубежи России. Антоний, игумен Соловецкого монастыря в 1605—1612 гг., в своем послании 12 марта 1611 г. отверг притязания шведского короля Карла IX на избрание его сына царем русским, который хотел привлечь с этой целью на свою сторону Соловецкую обитель. В своём послании в ответ на шведскую грамоту Антоний написал: «*И у насъ, въ Словецкомъ монастыръ, и въ Сумскомъ острогъ и во всей Поморской области, тотъ же единомышленный советъ: не хотимъ никого изъ иновърцевъ на Московское государство царемъ и великимъ княземъ, опричь своихъ природныхъ бояръ Московского государства. Писанъ въ Сумскомъ острогъ. Лета 7119 (1611) марта въ 12 день*» [ИПССМ. С. 66—67].

Вскоре весною того же 1611 года шведы напали на поморские волости и приступили к Кольскому острогу. Их целью было желание подчинить своей власти весь Беломорский край. В результате военных действий шведов поморские волости фактически были разорены. Шведские предводители ещё во время походов 1590—1591 гг. получили от шведского короля инструкцию, касающуюся похода на северо-восток, идти на Белое море «*причиняя непри-*

ятелю наибольший вред и урон, грабя и сжигая всё, что можно»[134]. Шведские войска так и действовали, оставлял после себя раграбленные волости, сжигая всё на своём пути, уничтожая рыбные ловли (семги), соляные варницы [135].

В царской грамоте Двинскому воеводе князю Хилкову от 15 февраля 1620 года, текст которой приводится в «Истории первоклассного ставропигиального Соловецкого монастыря» [С. 72—75], описывается бедственное положение Соловецкого монастыря, Сумского острога, тревожная ситуация в связи с частными нападениями «каянских немцев», разорение и большие расходы монастыря на защиту. С 1637 года в руках Соловецкого настоятеля сосредоточилась и вся военная власть в связи с отзывом в Москву Соловецких воевод, все дела, крепостные ключи и военные снаряды были переданы игумену [ИПССМ. С.72]. Однако сам статус Соловецкого монастыря кардинально изменился во второй половине XVIII века.

Соловецкий монастырь лишился своих владений в 1764 году, получил статус ставропигиального и стал ежегодно получать казённое содержание 2017 руб. 50 коп. Манифестом Екатерины II в этом году длительный процесс секуляризации церковных земель завершился переводом духовенства на полное государственное денежное довольствие с принудительным изъятием земельной собственности[136]. Весь период 1591—1764 гг. Соловецкий монастырь успешно защищал Русский Север, строил остроги, крепости, за свой счет содержал военные гарнизоны, воевал с иноземными ратями. Всё это позволяет датировать 1764 годом завершение проекта, начатого в 1591 году по передаче государственных функций управления поморскими волостями Соловецкому монастырю. В отчественнной истории мало встречается монастырей с такими уникальными статусом и функциями. А на Русском Севере — это единственный такого рода первоклассный монастырь за всю его историю, тесно связанный с жизнедеятельностью поморских волостей на побережье Белого моря в XVI—XVIII вв.

В XVIII веке российское государство окрепло, взяло в своё управление все монастырские вотчины, приняло на себя обязанность защищать и Соловецкую обитель и весь северный край от неприятеля. За монастырем осталась только функция духовной обители иноков, посвятивших себя молитве и богомыслию, что однако не помешало им выдержать оборону от нападения английской эскадры уже в следующем XIX столетии во время Крымской войны 1853—1856 гг.

Поморский край в XIX веке

В XIX веке в Архангельской губернии появилось Поморское экономическое льготное пространство — Поморский край, население которого получило льготы от государства в торговле с Норвегией. Первоначально указы императора Александра первого 1810—1811 гг. о вывозе хлеба в обмен на рыбу у датских и норвежских берегов предоставляли льготы только двум городам Коле, Кемь и Сумскому посаду. Льготы Коле и Кеми на вывоз определенного количества хлеба в Норвегию беспошлинно для обмена на рыб продлевались в 1820, 1826, 1831 годах. Но только в 1835 году появляется документ Правительствующего Сената, где

---

[134] Инструкция Его Величества Петру Багге, предводителю похода к Белому морю. Стокгольм 18 июля 1590. URL: http://www.kolamap.ru/library/doc/1590_91.htm (дата обращения: 04.11.2014).

[135] Доношение Свена Педерсена (Сын Петра Брагге) о походе к Белому морю в 1591 г. Улео, 19 января 1592. Там же.

[136] Гундакова Л.Д. Секуляризация церковных и монастырских земель в XVI—XVIII вв.// Поморский летописец: Альманах. Вып. 3. Архангельск, 2008. С. 54—67

впервые встречается официальное название «Поморский край»: «Желая облегчить способы жителям *Поморского края* Архангельской губернии, в уездах Кольском, Кемском и посаде Сумском...». В 1837 году в высочайше утвержденном положении Комитета министров действие льгот было распространено кроме Колы и Кеми на «*обитателей казенных волостей Золотицкой и Мудьюжской Архангельского и прибрежных селений Онежского уездов*». По повелению императора льготы были потверждены в следующем 1838 году. Так в XIX веке в рамках Архангельской губернии сформировалось льготное экономическое пространство, получившее в официальной государственной терминологии 1835—1838 годов название «Поморский край». «Поморская торговля» и «русские поморы» с точки зрения российского государственного законодательства XIX века впервые наиболее полно исследованы Д.Л. Семушиным, материалы которого использованы в данной работе[137].

В состав Поморского края в соответствии с упоминаемыми положениями Комитета министров 1837—1838 гг. входили Кольский и Кемский уезды, Сумский посад, Золотицкая и Мудьюжская казенные волости Архангельского уезда и прибрежные селения Онежского уезда, население которых получило льготы на ведение морских промыслов и «поморскую торговлю» по вывозу в Норвегию без ограничений и пошлин хлеба, смолы, веревок и канатов, пеньки с пошлиною и привозу оттуда рыбы, мягкой рухляди и соли как с пошлиной по отдельным товарам так и без неё.

Поморский край в XIX веке по сути дела был всего лишь одним из исторических примеров создания и функционирования льготного экономического пространства в управлении Россией, как и предшествующий ему Соловецкий административно-вотчинный округ в XVI—XVIII вв. В научном отношении это дальнейшее развитие известных взглядов академика М.Н. Тихомирова, профессора В.Н. Булатова о большом экономическом пространстве Поморья, тяготеющем к Белому морю, где определяющую роль играли экономика, торговля, логистика, разного рода льготы, геополитические факторы. Российское государство, учитывая особенности жизни на Севере, предоставляло его населению определенные льготы не только в рамках Соловецкого административно-вотчинного округа Поморья или Поморского округа. Правительство России неоднократно на протяжении XVIII—XIX вв. предоставляло поморам определенные льготы и на приобретение леса для постройки судов, и на меновую торговлю с норвежцами, — на что обращал внимание ещё Л.Б. Красавцев в своей работе[138]. Соловецкий монастырь, как «монастырь—государство, монастырь—воин» на основе признанной концепции профессора Г.Г. Фруменкова, а не Кемь, не Архангельск несомненно являлся истинной столицей Поморья со многими присущими государству атрибутами управления.

Население этой условно выделенной государством территории Поморского края, получившее льготы, именовалось в официальных документах с 1810 г. до 1835 г. жителями городов и уездов Кеми, Колы и Сумского посада, с 1835 года — жителям Поморского края Архангельской губернии, крестьянами и мещанами беломорского прибрежья (1862). И только в документе датируемом 1892 годом появляется термин «поморы»: «сохранения меновых

---

[137] Семушин Д.Л. «Поморская торговля» и «русские поморы» с точки зрения российского государственного законодательства XIX века // Арктика и Север. 2014. №15. URL: http://narfu.ru/upload/iblock/a8d/08.pdf (дата обращения: 06.11. 2014).

[138] Красавцев Л.Б. Из истории правового регулирования государственной подддержки населения Европейского Севера (поморов) в XIX—начале XX в. URL: http://www.juristlib.ru/book_6533.html (дата обращения: 31.12.2014).

торговых сношений *поморов Северного края* с Норвегией», а также «*русские поморы*», «поморы Архангельской губернии». Однако это не какой-то специальный акт, определяющий юридический статус поморов, их правовое и социальное положение, а всего лишь название местного населения в Архангельском, Кольском, Кемском, Онежском уездах Архангельской губернии в документах о представлении им определённых экономических льгот.

Поморцы XVI—XVIII веков и поморы конца XIX века — это, по мнению Д.Л. Семушина, хотя и частично связанные во времени и частично в пространстве, но разные явления, что без юридического статуса XIX века локальная группа поморцев так и осталась бы на Русском Севере чем-то вроде мезенцев, пинежан, ваганов и др. — групп населения, определяемых по уездной локализации. Однако необходимо заметить, что поморцы XV—XVIII вв. и русские поморы XIX века логически представляют один эволюционный ряд, единый процесс этногенеза беломорских поморов [139]. Речь здесь идёт не о генезисе различных этносов, к примеру ненцев и поморов, или поморов и чукчей, а фактически об историческом развитии одной и той же локально-этнической группы русских (поморцев — поморов) на одной и той же территории по берегам Белого моря на протяжении пяти столетий, которые реально жили здесь, занимались морскими промыслами. Ведь не случайно до конца XIX века в документах употребляются названия «жители Поморского края», «крестяне и мещане беломорского прибрежья». Абсолютизация одного формально-бюрократического фактора —это пример недооценки многофакторности реальной истории. Не зря на Руси говорят: «Хоть горшком назови, только в печь на сажай», отдавая приоритет содержанию, а не форме.

Комитет для помощи поморам Русского Севера 1894—1908 гг.

Социально-экономическую направленность в своей деятельности имел Комитет для помощи поморам Русского Севера в 1894—1908 гг., ставший ещё одним направлением не только государственной, но и общественной поддержки поморам. В жестокие осенние штормы 1894 года на Белом море погибло 25 поморских судов, осиротели и лишились источников существования рыбацкие семейства. Санкт-Петербургское отделение Императорского Общества для содействия русскому торговому мореходству образовало из среды своих членов Комитет для помощи поморам Русского Севера. Председателем комитета стал сенатор П.А. Фадеев, среди членов были протоиерей Иоанн Сергиев Кронштадтский (1829—1908), архангельский губернатор А.П. Энгельгардт (1845—1903), военные, купечество. На собранные пожертвования оказывалась помощь пострадавшим в море и осиротевшим семьям; содействие поморам в строительстве и страховании судов, издании мореходных карт и гидрометеосведений, организации промышленных исследований, строительстве спасательных станций. На заседании Комитета для помощи поморам Русского Севера 19 ноября 1895 года было признано возможным, назначить постоянные пособия престарелым родителям и убогим ближайшим родственникам погибших в море, а также их сиротам, до 17 лет включительно, в размере 36 рублей в год на каждое лицо, без различия возраста и пола. Согласно сделанным расчетам, был утвержден следующий размер постоянных пособий сиротам, престарелым и убогим, оставшимся после погибших в море поморов (таблица № 4).

---

[139] Концепт «этногенез беломорских поморов» используется в энциклопедических очерках «Кольский Север». Указ. соч. С. 439.

Таблица 4

Размер пособий выплачиваемых Комитетом для помощи поморам Русского Севера

№ п/п	Категории граждан назначенные на получение пособия Комитетом для помощи поморов	Размер выплат в год
1.	Один престарелый или убогий	36 рублей
2.	При совместной жизни двух престарелых или убогих	60 рублей
3.	Один малолетний, проживающий с матерью	60 рублей
4.	Два малолетних, проживающих с матерью	84 рубля
5.	Три малолетних, проживающих с матерью	102 рубля
6.	Четыре малолетних, проживающих с матерью	114 рублей
7.	Пятеро малолетних и более, проживающие с матерью	120 рублей [140].

Размер выплат был оставлен без изменений, и после заседания Комитета для помощи поморам Русского Севера 17 февраля 1896 года. Была оказана помощь 163 семействам, потерявшим кормильцев, и 85 людям, утратившим орудия промысла[141].

В XIX—XX веках массовые промыслы рыбы или морского зверя проводились четырех заливах Белого моря: в Мезенском заливе (северо-восточная часть Белого моря, между мысами Конушин и Воронов) происходил основной беломорский промысел гренландского тюленя; в Двинском заливе — в юго-восточной части Белого моря — белуший и сельдяной промыслы; в Онежском заливе — в южной части моря, между островом Жижгин и рекой Кемь, — сельдяной и наважий промыслы; в Кандалакшском заливе — в северо-восточной части Белого моря — сельдяной и тресковый лов.

Для ведения промыслов в Поморье строились суда различных типов и предназначения. В одном из очерков «Поморское судостроение» сообщается, что широкий размах-строительство судов приобрело в XV веке, а в XVII оно достигло наибольшего значения. По берегам Белого моря в XVIII веке насчитывалось 48 центров судостроения. В 1711—1727 гг. на промыслы к Мурманскому берегу от Мезени, Онеги, Кеми и других беломорских поселений прибыло в общей сложности 2800 судов. Купля-продажа поморских судов осуществлялась в Кеми, Сороке, Шуе, Керети, Колежме, Кушреке, Нюхче, Гридино, Унежме, Неноксе, Золотице, Варгузе и других местах в количестве 20—30 единиц за год[142].

Все эти весьма впечатляющие цифры приводятся без ссылок на источники, поэтому их невозможно верифицировать (от лат. verifico проверяю). Утверждается, например, что поморы никогда не строили суда в военных целях, а только для промыслов и торговли. Однако известны морские походы ушкуйников в XIV веке в северную Норвегию (на Мурман) на морских ушкуях, которые строились не в Норвегии или Дании.

В таблице об основных размерениях якобы древних поморских судов XI—XIX вв. от зари новгородской колонизации до появления парового флота приводятся типы судов[143], которые реально использовали не только поморы, но и новгородцы, двиняне, датчане, шведы,

---

[140] Сайданова С.В. Благотворительная помощь поморам Русского Севера // Северный вектор развития России. Материалы научной конференции. Архангельск: Поморский университет, 2008.

[141] Родионова Е.Е. Развитие морского и берегового рыболовного промысла в Архангельской губернии в XIX—начале XX вв. //Дисс. … канд. ист. наук. Архангельск: Поморский университет, 2000. С.60.

[142] Кольский Север: энциклопедические очерки. Научно-популярное издание / Сост. и общ.ред. А.С.Лоханов. Мурманск: Просветитетельский центр «Доброхот», 2012. С. 461.

[143] Кольский Север: энциклопедические очерки… С. 463.

норвежцы. В списке якобы древних поморских судов мы видим: лодки-осиновки, карбаса, лодьи датские, лодьи заморские, новгородское судно, военно-морской шестивесельный ял (шлюпка), бот Петра I. Морские шлюпки (ял-6, 4-х и 2-х весельные) используются в военно-морском флоте.

Таблица 5

Основные измерения поморских судов

Тип судна	Длина, м	Ширина, м	Осадка, м	Грузоподъёмность, т
Лодка-осиновка (тройник)	4,8	0,9	0,3	0,3
Карбас весновальный	8—9	2,1	1,2	4,0
Лодья заморская	24,0	7,5	2,7	200,0
Коч, кочмара	9—15	3—4,5	1,3	11,0
Шняка	10—11	2,0	0,7	4,0
Раньшина	9—15	3,4	1,3	70,0
Шитик	9—15	2,1—3,3	0,6—1,2	24,0
Ладья датская	15,3	2,07	0,3	2,2
Новгородское судно	20,0	4-6	2,0	100,0
Ял-6, военно-морской	6,1	1,85	0,5	2,0
Бот Петра I	6,1	2,0	0,3	

Результаты научных исследований археолога А.Я. Мартынова и эксперименты по реконструкции морских средств передвижения, проведенные Соловецким музеем-заповедником в 2009—2010 гг., свидетельствуют об использовании лодок-осиновок уже в глубокой древности. При этом, лодки типа «осиновка» применялись не только на море, но и двинянами на озерах (мне самому приходилось на родине моего отца в Целезере ходить по озерам Белое, Долгое, Целезеро на такой ходкой, легкой лодке, сделанной из одного дерева осины). Приведенная выше таблица не даёт фактической картины поморского судостроения, по-существу искажает её не в плане размеров судов, а в отнесении всех их к поморским судам.

Типы судов прибрежного плавания на Белом море в середине XVIII столетия проанализированы и в статье В.В. Брызгалова, который рассматривает следующие типы: буер, крытый бот и крытый палубный бот, извозный и крытый извозный карбас, яхта, кочмара, лодья, доншкот. За период с 1754 г. по 1771 г. было построено 22 судна прибрежного плавания[144].

С.В. Сайданова в своих статьях приводит архивные данные о типах морских судов в Поморье на берегах Белого моря, которая была составлена на основании двух источников[145]. По архивным, статистическим данным второй половины XIX века, большие и малые морские суда строились на всех поморских берегах, за исключением Летнего и Онежского, где развивалось только речное судостроение в небольших масштабах. Среди морских судов можно отетить явное преимущество шняк, их количество составляло — 430, что было связано с мурманским тресковым промыслом, для которого эти суда строились специально, причем промышленники Поморья держали в своих руках весь мурманский промысел. Шняка представляла собой беспалубную одномачтовую шестивесельную лодку, сделанную из сосновых до-

[144] Брызгалов В.В. Типы судов прибрежного плавания на Белом море в середине XVIII столетия // Архангельское Поморье. История и культура. Архангельск, 1983. С. 92—101.

[145] Статистическое описание сельского населения и его промышленности в Архангельской губернии. Архангельск, 1874 г. С. 147. РГИА. Ф. 116. Оп. 1. Д. 5

сок. Она была медлительна на ходу, тяжела на веслах, плохо выдерживала волнение. Кочмары — это трёхмачтовая шняка, раньшина имела две мачты. Ёлы, парусные суда норвежского образца, применялись реже остальных типов. Широкое распространение на реках имели карбаса — плоскодонные гребные суда.

Таблица 6

Типы морских судов, используемых на побережье Белого моря

Название берега	Морские суда						Речные суда
	шхуны	лодьи	шлюпы	кочмары	шняки	ёлы	
Поморский	60	69	28	46	332	4	880
Зимний	39	42	9	9	2	14	450
Карельский	6	1	8	8	66	1	334
Терской	3	6	8	16	15	1	793
Кандалакшский	5	3	2	2	15	-	244
Летний	-	-	-	-	-	-	149
Онежский	-	-	-	-	-	-	56
Итого:	**113**	**121**	**55**	**81**	**430**	**19**	**3096**

У судовладельцев Зимнего и Карельского берегов, кроме того, насчитывалось 14 клиперов. Эти данные отражают реальную картину локализации поморского судостроения в Архангельской губернии в конце XIX столетия [146]. Кстати говоря, С.В. Сайданова определяет поморов как социокультурную, социально-территориальную общность — совокупность людей постоянно проживающих на определенной территории, объединенных одинаковыми условиями жизнедеятельности, ценностями, интересами, нормами, социальной связью и осознанием социальной идентичности.

В 1898 году в рамках Комитета для помощи поморам Русского Севера выдающимся русским ученым Н.М. Книповичем была создана Мурманская научно-промысловая экспедиция для проведения долговременных рыбохозяйственных исследований Баренцева моря. В Германии по заказу комитета построен пароход-траулер «Андрей Первозванный», в Норвегии приобретен парусник «Помор». Комитет открыл промысловый телеграф, содействовал открытию линии Вардё — Восточная Лица, устроил в Териберке и Рынде спасательные станции, улучшил снабжение колонистов вещами и продуктами. За 8 лет (с 1900) было оказана помощь 347 судам, на которых находилось 1 297 человек. Из-за недостатка денежных средств Комитет прекратил свою деятельность в 1908 году [Кольский Север: энциклопедический лексикон].

К сожалению, в современной России общественность, государственное и муниципальное управление мобилизованы не на оказание помощи поморам Русского Севера, а на запрет традиционных промыслов (белька, серки, семги, наваги) на Белом море, да ещё и с привлечением СМИ, зарубежных экологических организаций. Да, простит меня читатель, не могу не привести один пример с навагой, взятый из стенограммы совещания, которое проводил Президент России В.В. Путин в Архангельске 9 июня 2014 года. Цитирую по стенограмме состоявшийся тогда диалог (*подчеркнуто и выделено мною, — Ю.Л.*).

[146] Сайданова С.В. Поморы как социокультурная общность // Культура и государство в становлении и развитии российского общества: Материалы научной конференции (с международным участием). Архангельск: Изд-во «Кира», 2012. С. 134

А. ЗАИКА, председатель Союза рыболовецких колхозов Архангельской области.

«В Архангельской области с 1997 года создавался парк «Онежское Поморье». Он создан, велась определённая работа разъяснительная с местным населением, с колхозами, и на начальном этапе было продекларировано, что ***Унская губа****, где ведётся промысел наваги, в национальный парк не войдёт, промысел будет сохранён. Навага – это такая рыба, она для архангелогородцев как для украинца сало, для белоруса картошка, то есть в начале зимы все её едят, это такой маленький местный праздник. По факту утверждения национального парка Унская губа туда вошла. Поначалу руководство парка признавало, что это техническая ошибка, и даже нам частично разрешили провести промысел. Но на сегодняшний день позиция парка и, к сожалению, Минприроды такова, что это всё было сделано запланированно, Унская губа в состав парка вошла сознательно, промысла не будет. А когда мы стали знакомиться с документами, перепиской администрации области и Минприроды, выяснилось, что в этот момент формирования парка про нас просто забыли, потому что нет никаких упоминаний о нас. Поэтому просим дать поручение либо вывести Унскую губу из состава парка в соответствии с предложением администрации области, заменив это другими лесными кварталами, либо как-то изменить, может, само положение. Потому что абсолютно правильно и хорошо, когда границы нацпарка неделимы, но разумно всё-таки, может, какой-то временной буфер создать для исправления возможных ошибок.*

У меня всё. Спасибо.

В.ПУТИН: Сергей Ефимович, навагу будем есть?

С.ДОНСКОЙ: Да, Владимир Владимирович, навагу есть можно, но только в рамках любительского и спортивного рыболовства. Это законом разрешается, это хорошо известно, Закон об особо охраняемых природных территориях как раз это разрешает, но промышленное рыболовство, там прямым текстом сказано, запрещено. Варианты измерения границ, Владимир Владимирович, Вы только весной давали поручение: никаких изменений границ национальных парков, пока мы не внесли изменения последние в Закон об особо охраняемых природных территориях, не делать. Поэтому мы рассматриваем только вариант, при котором, если коллеги обратятся, можно попробовать скорректировать 15-ю статью Закона об ООПТ, предусмотреть какие-то варианты, при которых можно было бы конкретно для коллег установить возможность проведения рыболовства. Но насчёт промышленного рыболовства в рамках национального парка, здесь это такая тема...

В.ПУТИН: То, о чём Андрей Анатольевич (Заика) сказал, что при формировании границ про них просто забыли. Такое может быть, или сознательно вы запретили навагу ловить?

С.ДОНСКОЙ: Нет, сознательно не запрещали, просто когда согласовывали, у нас и Росрыболовство, и местная администрация все границы согласовывали.

В.ПУТИН: Секундочку. Игорь Анатольевич, как же вы согласовывали, если потом писали, что не надо включать?

И.ОРЛОВ: Во-первых, согласовывали чуть до меня, поэтому мне сложно сейчас ответить.

В.ПУТИН: Нет, Вам придётся отвечать.

И.ОРЛОВ: Но я за это отвечаю, безусловно. Мы согласны с тем, что на первом этапе, когда формировалась граница парка, Унская губа туда не входила, мы об этом знали, и мы проверили это. Потом по решениям, принятым в Москве, не здесь… Мы не согласовывали на том этапе эти границы. Мы увидели, что проблема есть, и мы предложили замену. Она сегодня существует. Мы понимаем, что границы парка надо в целом сохранить, тем более что парк больше был ориентирован не на рыбу и рыбные промыслы, а на сохранение природного поморского комплекса: лес, фауна и так далее. Поэтому мне кажется, что было бы правильно… Ко мне неоднократно обращались и жители, поменять…

В.ПУТИН: Игорь Анатольевич, я так понимаю, что там испокон веков ловили эту навагу?

И.ОРЛОВ: Испокон веков. Да.

А.ЗАИКА: Владимир Владимирович, эта деревня основана 500 лет назад. Но исторически только потому, что там ловится навага. В другом месте навагу добывать нельзя.

В.ПУТИН: Послушайте, это неправильно. По сути, местное население этим живёт. И что? Они 500 лет ловили эту навагу и не выловили всю, а теперь вы взяли и закрыли. Для чего, непонятно?

С.ДОНСКОЙ: Владимир Владимирович, изначально, когда планировали, все интересы учитывались. По крайней мере, мы проверяли, у нас есть все согласования. То есть это, конечно, тема, связанная в первую очередь с процедурами. Но в любом случае это и Росрыболовство, все согласовывали.

В.ПУТИН: Слушайте, начальников много, а порядка мало, потому что со всеми согласовывали, а с людьми, которые там живут и кормятся на этом, забыли согласовать. Но они же 500 лет ловили, и ничего – навага есть до сих пор. Сейчас надо всё закрыть – зачем? Что, они там взрывают, уничтожают её? Наверное, нет, если 500 лет она там водится, эта навага.

А.ДВОРКОВИЧ: Владимир Владимирович, я согласен, что нужно разумное решение в данном случае, которое позволило бы осуществлять традиционные виды деятельности. И нужно будет такое нормативное решение найти. Когда мы согласовывали документы о границах, у нас были письма из Архангельской области о том, что в соответствии с распоряжением Министерства агропромышленного комплекса и торговли области в этой акватории располагаются участки, предназначенные только для любительского и спортивного рыболовства, а не для промышленного рыболовства. А эти виды деятельности не запрещены в нацпарке, поэтому никакие дополнительные корректировки не проводились. Видимо, информация была неправильная, но она была неправильная из области изначально. Но, повторяю, сейчас нужно найти разумное решение.

В.ПУТИН: Эта ловля, она сезонная?

А.ЗАИКА: Да. Лов ведётся три месяца (декабрь, январь, февраль), всё. Это традиционно открытым методом, через лёд, рюжами.

В.ПУТИН: Там существуют ведь тоже какие-то правила, ограничения, это же не варварским способом, не уничтожают.

А.ЗАИКА: Промысел очень зарегламентирован. У меня есть с собой заключение СевПИНРО, что регламентированный вылов даже полезен для популяции, потому что навага в более взрослом периоде становится каннибалом.

В.ПУТИН: Для популяции рыбаков или для популяции рыбы?

А.ЗАИКА: Для популяции наваги.

В.ПУТИН: Понятно. Но надо решить этот вопрос.

А.ДВОРКОВИЧ: Хорошо»[147].

Даже не имеет смысла комментировать этот документ[148]. Население Беломорья в XXI веке стало пасынками для федеральных и региональных органов управления и власти.

Как вполне естественная реакция в ответ на запреты заниматься промыслами ещё ранее активизировались общественные движения в защиту поморов. 2011 год был объявлен губернатором Архангельской области Годом поморской культуры. 17 сентября 2011 года в Архангельске состоялся IV Межрегиональный съезд поморов. Выступающие на съезде говорили о том, что якобы «*ни один коренной народ российского Севера не смог освоить огромные пространства арктических морей от Кольского полуострова до Чукотки, освоенные за сотни лет поморами*», «*фактически благодаря поморам Арктика вошла в состав земель русского государства*», «*Поморская идея — это идея сохранения и развития единой культуры, экологии, экономики, науки в Большом Поморье*». Ставилась цель концептуально определить «развитие Поморского края», создать «Исполнительный Комитет Поморского

[147] Совещание о социально-экономическом развитии Архангельской области. 9 июня 2014 года. Архангельск. URL: http://президент.рф/новости/45879 (дата обращения: 11.06.2014).

[148] К моменту выхода в свет этой книги в 2015 году вопрос ещё не был решён.

края» и определить его структуру, механизм финансирования; придать поморам особый статус, разработать рекомендации о возможных иных путях приравнивания прав этнической общности поморов к правам коренных малочисленных народов Севера, проживающих на территории Архангельской области и сопредельных регионов, в вопросах обеспечения традиционного природопользования и социально-экономического развития поморских поселений.

Необходимо отметить активную деятельность Архангельской областной территориально-соседской общины поморов в сохранении культурных традиций северян, мифологизации и понимании роли поморов как самостоятельного коренного этноса. «*Помором,* как в прочем и русским, украинцем или татарином может называть себя каждый, ощущающий свое духовное и (или) кровное родство с населением Поморья, чувствующий близость культуры, религии, обычаев этих мест и обладающий особым характером, закаленным вековой суровостью поморского Севера», — так формулируется ответ на вопрос «Кто может считать себя помором?» в изданной Архангельской областной территориально-соседской общиной коренного малочисленного народа поморов работе: «Поморская сторона. Культура и краткая история поморов — коренного народа Севера России»[149].

Духовно-культурная свобода выбора действительно позволяет сегодня гражданину России и любой другой страны, Человеку Земли идентифицировать себя помором, казаком, сибиряком, пришельцем с другой планеты, Дарт Вéйдером из «Звёздных войн». Здесь всё понятно. Поморский музей функционирует даже в норвежском городе Вардё. Для облегчения общения друг с другом во время торга в XVIII веке был создан смешанный русско-норвежский язык, названный руссенорском (норв. Russenorsk) или моя-по-твоя. Всего в руссенорске зарегистрировано менее 400 слов, половина из которых упоминалась в письменных источниках только один раз. Постоянное ядро языка состояло примерно из 150 слов. Около 50 % слов норвежского происхождения, 40 % — русского. Остальные слова — заимствования из других языков, в частности, английского, голландского, нижненемецкого, финского и саамского. Преобладание в лексике слов норвежского происхождения можно объяснить тем фактом, что этим языком пользовались, главным образом, в Норвегии [150].

Вокруг поморов сегодня появилось немало и самых настоящих мифов. В различных публикациях нередко отмечается без ссылок на источники, что поморы ещё в XIII—XIV вв. исследовали побережье северных морей — Колу, Печору; ходили вдоль Кольского полуострова к северным берегам Норвегии, в Данию; постепенно осваивали побережье Северного Ледовитого океана, открывали новые арктические острова, сибирские реки Обь, Енисей, Лену, Колыму. В списке отважных северных землепроходцев и мореходов обычно перечисляются знаменитые двиняне — атаман Ермак, Кондратий Курочкин; устюжане Василий Поярков и Ерофей Хабаров, пинежане Семен Дежнев, Иван Угрюмов, Леонтий Шубин, Фома Борисов; каргополец Александр Баранов и другие, и все они называются якобы поморами. При внимательном ознакомлении с «поморскими» биографиями выясняются любопытные дета-

[149] Поморская сторона. Культура и краткая история поморов – коренного народа Севера России. Архангельск: Архангельская областная территориально-соседская община коренного малочисленного народа поморов, 2004. URL: http://www.fyodors.ru/pdf/pomor_edge.pdf (дата обращения: 21.08.2014).

[150] Каролине Серк-Хансен. Руссенорск/перевод с норв. А.Гортер. URL: http://www.kolamap.ru/library/ russenorsk.htm (дата обращения: 14.12.2014).

ли, что многие из известных людей всё же не имели к Поморью на побережье Белого моря прямого, непосредственного отношения, а некторые даже и Белого моря не видели, не «ходили» по нему. Семен Иванович Дежнёв (1605—1673), например, родился в деревне Осиновской Великопинежской волости Двинского уезда, но в ранней молодости уехал в Сибирь, участвовал в организации морских экспедиций на Дальнем Востоке. Возникает сомнение, можно ли относить его к поморам по факту рождения в Двинском уезде вдали от побережья Белого моря. Или каргопольца Александра Баранова, других участников морских открытий в Арктике, Сибири, на Дальнем Востоке, Аляске. Если конечно всех двинян, пинежан, мезенцев, каргопольцев, устюжан, москвичей идентифицировать как поморов большого торгово-экономического пространства, сложившего в России XVI—XVII вв. и имевшего единственный морской выход в Европу через Белое море, то видимо тогда можно.

В истории Русского Севера однако и без мифов имеется немало достойных страниц. Архангельск почти 170 лет (1693—1862) являлся крупной судостроительной верфью, обеспечивающей Российский флот военными судами самого различного тоннажа и вооружения. Развивалось частное поморское судостроение в поселениях на берегах Белого моря, строились торговые суда на верфи купцов Бажениных в Вавчуге на Северной Двине. Именно Архангельск позиционируется как родина Военно-Морского флота России. На Белом море впервые в истории появился российский триколор на отечественных судах.

Михаил Ломоносов — сын двинского помора

В XVIII веке на Севере интенсивно развивается промышленность, торговля, промыслы, шел процесс включения крестьян в товарно-денежные отношения. В качестве примера можно привести известные факты из жизни М.В. Ломоносова (1711—1765), который в 34 года стал академиком Петербургской Академии наук. В отечественных словарях повсеместно отмечается, что отец Михаила Васильевича — Василий Дорофеевич Ломоносов был одним из наиболее зажиточных и предприимчивых двинских поморов начала XVIII столетия, обладавший несомненно выдающеюся наблюдательностью и большим природным умом; по тогдашним достаткам человек он был зажиточный, занимался рыбной ловлей и совершал далекие морские разъезды с казенной и частной кладью [151].

Василий Дорофеевич Ломоносов (1681—1741) имел двухмачтовый (грот и бизань) парусный корабль — гукор «Святой архангел Михаил» («Чайка»), на котором занимался морскими грузоперевозками, участвовал в составе различных артелей на рыбных промыслах[152]. В Поколенной росписи рода Ломоносовых отмечается[153]: «*Черносошный крестьянин-помор* деревни Мишанинской, живший в доме дяди Луки Леонтьевича Ломоносова. Неграмотен. Около 1720 года отделился от дяди и переехал в собственный дом. Владел пахотной землей и рыбными промыслами. В 1727 году первым из поморов построил «новоманерный» (на основании указов Петра I (1714—1715 гг.) гукор «Святой Архангел Михаил», получивший за от-

[151] Ломоносов, Михаил Васильевич . URL: http://dic.academic.ru/dic.nsf/enc_biography/87419/Ломоносов (дата обращения: 14.12.2014).

[152] Ломоносов М.В. и значение его деятельности для развития просвещения: Тезисы докладов Всесоюзной научно-практической конференции / отв. ред. Ю.Ф.Лукин. Архангельск, 1986. С. 171, 175, 198—199.

[153] Шумилов Н.А. Род Ломоносовых: Поколенная роспись. Архангельск: изд-во «Правда Севера», 2001. URL: http://narfu.ru/lomonosov/about/nordic_scientists/files/monograph/shumilov.pdf (дата обращения: 14.12.2014).

личные мореходные качества «улисное» домашнее прозвище «Чайка». Осенью 1740 года, продав дом, имущество, землю, ушел на промысел в море и не вернулся».

Михаил Васильевич, с десяти лет помогая отцу, ходил с ним по морям, занимаясь рыбным промыслом, оформлением документов в Архангельске о свободном пропуске мимо Новодвинской крепости, о пропуске его на рыбный промысел, заключением подрядов на провоз товаров и провианта в приморские «городки», о реализации выловленной рыбы по возвращении с промысла [154]. Он на практике познал основы навигации и картографии, артельную организацию рыболовства, морскую жизнь, наблюдал северное сияние и другие природные явления в Северном Ледовитом океане, жизнь людей.

Рисунок 18. Тип судна — гукор, как у В.Д. Ломоносова
URL: http://prometey-spb.su/userfiles/image/363.PNG

Крестьянин не мог в одиночку выйти на промысел в море, что заставляло его создавать артель, работать вскладчину. В организации рыболовства было распространено три вида артелей — складнические, уженщиков, покрутчиков[155]. Артели уженщиков, покрутчиков были связаны имущественными отношениями. Наемные рабочие могли иметь свои технические орудия — ужну, но не могли сами сбыть продукты промысла. Попадали в долги к хозяину, которому поставляли выловленную рыбу. При покруте весть капитал принадлежал одному лицу — хозяину, который обеспечивал покрученников (наемных рабочих) всем необ-

[154] Коньков Н.Л. Архангельское окружение Ломоносовых // Ломоносов М.В. и значение его деятельности для развития просвещения: Тезисы докладов Всесоюзной науч.-прак. конф… С. 170—172.
[155] Родионова Е.Е. Указ. соч. С. 80—85.

ходимым (одежда, обувь, деньги). За этот кредит рабочий должен был отработать хозяину на промысле. В такую артель входили кормщик — староста или штурман; тяглец — работник, расставляющий в море ярус на треску; весельщик-гребец; наживодчик, наживляющий крючки яруса — рыболовной снасти на поплавках, к которой привязывались веревки с наживкой на крючки. Кормщик получал дополнительную долю или награду. Из улова рабочим шла только одна треть, а остальные две трети шли кредитору, судовладельцу.

Таким судовладельцем парусного гукора был В.Д. Ломоносов. Причем это не являлось каким-то исключительным явлением. В 70-х годах XIX века по данным, опубликованными С.В. Сайдановой на побережье Белого моря насчитывалось 833 морских судна разных типов, включая шхуны, шняки, лодьи, и 3096 речных судов. Следует также заметить, что морской промысел в целом не был особенно доходным, сопряжен с огромными рисками, форс-мажорными обстоятельствами (шторма, кораблекрушения, утрата груза, гибель людей, тяжелейшие условия труда, болезни). По роду своей дальнейшей профессиональной деятельности Михаил Васильевич не стал помором, в 19 лет ушел учиться в Москву, занимался наукой, но он был сыном зажиточного и трудолюбивого двинского помора Василия Дорофеевича из рода Ломоносовых.

Об использовании бренда «Поморье»

Дискуссионным сегодня остаётся вопрос об использовании бренда *«Поморье»*. На сайте правительства области, в СМИ нередко употребляются как идентичные понятия Поморья и Архангельской области в нарушение Конституции Российской Федерации, где нет такого субъекта РФ как «Поморье». Частое употребление Поморья к месту и не к месту в официальных информационных сообщениях вряд ли продвигает позитивный имидж всего Русского Севера в России и на международной арене, но вызывает ответную реакцию на засилье местной идеократии. При этом даже не учитывается, что Поморье — интернациональное понятие и существует не только в России, но и на Балтике в Польше (Pomorze), в Черном море — в Болгарии (Поморие). Название «*Поморская чудь*» встречается в летописях, относящихся к XII веку, но применительно к побережью Балтийского моря[156].

Современные поморы стали сегодня объектом геополитики, используемым в качестве инструмента мягкой силы. Эту проблематику активно используют некоторые информационные агентства, постоянно клеймящие «агентов западного влияния», даже ушедших на тот свет, что так похоже на травлю в прошлом «врагов народа». Историческое Поморье становится при этом не просто туристическим брендом, но и какой-то разменной монетой в околонаучных играх современности, в погоне за «геростратовой славой», когда непотребно, по хамски разрушается даже то, что было создано другими в предыдущие годы. Реальной же помощи русским поморам, ещё живущим в умирающих беломорских поселениях, сегодня просто нет. И скучно, и грустно становится от всего этого, от исторической безнадёжности постоянных дежавю, снояви.

Употребление понятия «Поморье» в настоящее время имеет смысл в туризме с целью привлечения туристов из других регионов России и стран мира в Архангельск, Холмогоры, Беломорье, но для этого необходимы современная инфрастуктура, отели, дороги, транспорт, качественный сервис, серьёзные инвестиции, а не игра в ТОСы, использующая энтузиазм се-

[156] ПСРЛ, т.4. Новгородская четвертая летопись. СПб, 1848. С. 17.

верян. Вызывает удивление недальновидная политика региональных органов власти и управления, ничем не оправданная абсолютизация туристического бренда «Поморье» в местных СМИ без реальной инвестиционной, инфраструктурной подержки туризма. В качестве одного из таких примеров можно привести проект «Поморская гавань» С.А. Звягина, как морского историко-культурного центра, создание которого обусловлено необходимостью сохранения морской славы Архангельска[157].

Негативно сказывается отсутствие общественого согласия по вопросам брендирования региона. Выходом из сложившейся ситуации мог бы стать региональный референдум о том, как называть официально Архангельскую область, то ли Поморьем, то ли оставить прежнее название. Необходимы не только инвестиции, но и внешний квалифицированный аудит концептуальных основ и организации туризма в регионе. Русский Север, исторически включающий Заволочье, Двинскую землю, Поморье — это не просто северные территории, но и глубинные культурные понятия, несущие этнокультурную, геополитическую нагрузку. И конечно же все разговоры о Поморье и поморах в Архангельске и Москве имеют реальный смысл только при сохранении жизни на побережье Белого моря.

Актуальность решения острейших социально-экономических проблем жизнедеятельности местного поморского населения в четырёх субъектах Российской Федерации требует не запрета морских промыслов или административного ограничения рыбной ловли семги, наваги для всего местного старожильческого населения, а оказания им реальной помощи в рамках целевых программ, а может быть и возобновления функционирования Совета Белого моря как инструмента межрегиональной интеграции в условиях вяло текущего вымирания древних поселений, безработицы, безденежья, алкоголизации и безнадёжности в XXI столетии на беломорских и двинских берегах. Назрела потребность в обновлении правовых основ российского законодательства и практики правоприменения в отношении коренных народов Арктики и Севера, порядка отнесения граждан к коренным малочисленным народам РФ.

В заключение необходимо подчеркнуть, что, учитывая наличие в истории древнего природного ландшафта Беломорья, даты локализации найденных здесь археологических памятников, а также существование Балтийского и Черноморского Поморья в других странах, следует идентифицировать побережье Белого моря во втором тысячелетии от Рождества Христова — «*Русским Поморьем*», как и поморов — «*русскими поморами*».

Если рассматривать современное Русское Поморье XXI века на уровне муниципальных образований (МО), то это прибрежные территории Приморского, Онежского и Мезенского муниципальных образований Архангельской области и Ненецкого автономного округа. В Республике Карелия — это Беломорский, Кемский, Лоухский районы, порты Кемь, Беломорск; в Мурманской области — Кандалакшский, Терский муниципальные районы, порт — Кандалакша. Указанные территории и вся акватория Белого моря входят сегодня в состав Российской Арктики. Однако в состав сухопутных территорий АЗРФ (май 2014 г.) не включены муниципальные образования Республики Карелия.

Завершая двинские и поморские сюжеты отечественной истории, ещё раз хочу заметить, что мною не ставились задачи исследования истории Двинской земли, Поморья во всей их полноте, учитывая объём и задачи данной работы.

---

[157] Звягин С.А. Проект «Поморская гавань»// Арктика и Север. 2012. №7. С.73—83. URL: http://narfu.ru/upload/iblock/273/07.pdf (дата обращения: 28.12.2014).

Глава 2

Великий Новгород: защита русских земель, землепроходство, колонизация Севера, ушкуйники

Актуальность темы определяется исключительно важным геополитическим положением огромных территорий Новгорода, Новгородской республики, через которые осуществлялись функционирующие в те времена торговые пути в Балтийское, Белое, Каспийское и Черное моря для развития торгово-экономических связей с другими странами. Действующие в разные годы с различной интенсивностью торговые пути вели: *во-первых*, из Новгорода вниз по Волхову через Ладожское озеро и Неву в Балтийское море, а далее в Швецию, на Готланд и в другие земли; *во-вторых*, «из варяг в греки» по Днепру в Черное море и Византию; *в-третьих*, через Ильмень и Мету на Волгу, в Болгарию, Хазарию, на Каспийское море в страны Востока; *в четвёртых*, через Северо-Двинский торговый путь, Белое море в Скандинавию, Европу. Новгород являлся крупнейшим отечественым и международным центром политики, развития ремесла, культуры, коммуникаций для осуществления внешних контактов, внутренней и заморской торговли. А также военным щитом всей Руси, обеспечивающим безопасность жизнедеятельности на Северо-Западном направлении.

Историческим предназначением, миссией Новгородской республики являлась защита русских земель от экспансии Дании, Литвы, Польши, Швеции и Норвегии, Ливонского ордена в Прибалтике в ходе северных крестовых походов, от нападений скандинавов, викингов в Беломорье, Двинской земле. Однако помимо защиты, обеспечения безопасности Великий Новгород был не в меньшей степени заинтересован в открытиях и колонизации новых земель на Севере, регулярном получении с них дани. Эти функции — защита русских земель, землепроходство и колонизация Севера несомненно представляют значительный интерес не только для науки, но и для большого круга читателей.

2.1. Защита русских земель от иностранной экспансии, конфликты русских княжеств с Новгородской республикой

История Новгорода, становление Новгородской республики и её падение, защита новгородских земель и колонизация Севера достаточно полно исследованы в отечественной и зарубежной историографии, что избавляет меня в этом кратком экскурсе от такого анализа. В отечественной истории всесторонне изучены этапы, участники, сражения, интриги и убийства, договоры, предательства и другие аспекты многоликой и перманентной беспощадной борьбы на Руси за власть, за подчинение Новгорода Великому Киевскому князю или, наоборот, за новгородские вольности; за получение ханского ярлыка из Золотой Орды на великое княжение; а также отношения Новгородской республики с княжеством Московским. В ситуации постоянно действующих с запада и востока угроз походы дружин русских князей, новгородского войска в другие земли проводились как с целью защиты Великого Новгорода, так и для отмщения за вторжения иностранных ратей, прежние поражения, сбора дани.

В данной главе не ставится задача раскрыть все вопросы многогранной деятельности Новгородской республики в указанный период. В военно-политической сфере деятельности Великого Новгорода концептуально исследуется несколько основных направлений.

I. Защита русских земель в X—XV вв. от иностранной экспанисии со времён Киевской Руси до падения Новгородской республики, в том числе борьба с нападениями извне в Заволочье, Двинской земле.

II. Участие в междоусобных конфликтах между русскими князьями за власть в Киеве, Новгороде, а потом за великое княжение на Руси в период господства Золотой Орды, за влияние в набирающем могущество Московском княжестве, объединившем русские земли в Российское централизованной государство и фактически жестоко уничтожившее в конце XV века Новгородскую республику.

III. Землепроходство и колонизация северных территорий, в процессе которых свою роль сыграли не только походы княжеских дружин, новгородских воевод, но и добровольных вооруженных объединений новгородских ушкуйников в другие земли, включая Заволочье, Югру, Сибирь.

Исторические процессы по каждому их указанных выше направлений в реальной действительности были всегда очень тесно взаимосвязаны, переплетались между собою и создавали причудливую ткань отечественной истории того времени. Используя хронологический принцип исторического летописания, мною делается попытка условно вычленить здесь важнейшие события, отдавая приоритет Русскому Северу. Очень кратко показывается защита новгородских земель от нападений иноземных ратей, её двойственный характер. Отражая вооруженные нападения сами новгородцы проводили походы не только с целью защиты своих владений, но и для сбора дани, открытия и колонизации новых земель, в которых принимали участие и профессиональные военные дружины князей, и временные военизированные объединения новгородских вольных людей. Эти и другие вопросы, борьба за власть между русскими княжествами, Москвой и Новгородской республикой, дополняются материалами по Заволочью на основе летописных и других источников, а также анализа и синтеза историографии по исследуемым проблемам с привлечением электронных ресурсов.

Викинги

Различные вооруженные формирования, европейские государства и этнические племена Прибалтики принимали участие в нападениях на земли древнего Новгорода, Новгородской республики с западного и северного направлений. Самые ранние по времени нападения иноземной рати на северные русские земли связываются с викингами, скандинавами, приходящимися не только с Запада, но и с далекого Севера. Морские пути через Белое море имели важнейшую геополитическую значимость для социально-экономического развития Русского Севера, установления международных контактов, осуществления торговли с другими странами, обеспечения безопасности.

Викинги представляли в VIII—XI вв. главную угрозу не только для новгородских земель, но и для всей Европы. Дж. Клементс при этом называет викингами только тех воинов, которые приплывали из Скандинавии к берегам Европы между 793 и 1066 годами, иногда для торговли, но чаще ради обычного грабежа. Там, где они получали сильный отпор, как в Византии, они предпочитали отступить. Но там, где можно было поживиться, они появлялись снова и снова, грабили местное население, увозя с собой добычу и рабов или требуя уплатить дань [158]. *Викинги* — это не национальность, не принадлежность к группе племён, а

[158] Дж. Клементс. Исчезнувший мир. Викинги. Machaon, 2007. Перевод на рус. язык с анг. В. Болотников. С. 15.

название рода занятий в основном выходцев из Скандинавии. Слово «викингр» — человек из фиорда, применялось для обозначения разбойников, которые действовали в прибрежных водах, прячась в бухтах («вик») и заливах. Хотя большинство викингов были выходцами из Скандинавии (Дании, Норвегии, Швеции), в сагах упоминаются имена викингов также из Польши, Германии, Шотландии. Викингами становились молодые мужчины, не имеющие перспектив найти себе место для устройства собственного хозяйства, не получающие наследства, искатели счастья на чужбине, изгнанники за свои преступления.

Все военные операции викингов зависели от кораблей, искусства судовождения. Скандинавские корабелы обшивали свои суда в накрой, то есть каждый пояс обшивки перекрывал нижележащий пояс и был приклепан к нему. Нос и корма выполнялись одинаково, чтобы можно было быстро дать задний ход, а руль переставлялся на другой конец судна. Дж. Клементс в своей книге даёт описание драккара «Скулделев-5» — типичного военного быстроходного и лёгкого корабля викингов, найденного археологами в Дании. Его длина 15,7 метра, ширина — 2,5 метра, экипаж 26 гребцов, скорость под парусом — 9 узлов, на вёслах —5 узлов. Драккар имел низкую осадку — полметра при полной загрузке, его было трудно заметить издалека при спущенном парусе. Корабль был не слишком пригоден в открытом море, но отлично приспособлен для рейдов вдоль побережья. На нём можно было идти на вёслах вверх по реке или переносить волоком по суше в междуречьях. Для определения своего местоположения викинги использовали заметные с моря береговые ориентиры, а в открытом море вели наблюдения за облаками в ясную погоду на горизонте; появлением птиц в небе, что свидетельствовало о земле; за изменениями цвета воды. В арктических водах сушу, скрытую за горизонтом, позволяло увидеть явление «хиллингар» — «верхний или арктический мираж». Когда холодная поверхность накрыта более тёплым воздухом, свет в атмосфере преломляется так, что возникают миражи, дающие весьма точное изображение далёких островов [Дж. Клементс, с. 31].

Экспансия викингов в VIII—XI вв. была направлена в основном к берегам Европы, на земли Франции, Британии (Англии), Исландии, Шотландии, в Средиземное море. Викинги открыли Гренландию, Винланд — Америку. Через несколько поколений большинство потомко викингов-завоевателей ассимилировались с местным население и считали себя англичанами, нормандцами или русскими. Став христианами викинги принимали участие уже в более поздних по времени крестовых походах в Балтии.

Что касается Русского Севера, то А.А. Куратов ещё в 1999 году отмечал в своей монографии, что после работ Е.А. Мельниковой, Т.Н. Джаксон и Г.В. Глазыриной «можно с уверенностью сказать о том, что викинги действительно посещали Белое море в IX—XII вв., проникали в низовья Северной Двины и шли по водным путям в центр Руси»[159]. Об этом же свидетельствует и находка Архангельского клада (1989) с монетами и ювелирными изделиями XI—XII вв. Артефакты клада включают свыше 2 тысяч западноевропейских серебрягных монет и дирхемы арабской чеканки конца IX века.

Походы скандинавов на Северную Двину, как отмечал профессор Г.Г. Фруменков в своём труде, выдержавшим не одно издание, я имею в виду «Соловецкий монастырь и оборона Беломорья в XVI—XIX вв.» (1975) начинаются с конца IX века, об этом рассказывают ис-

[159] История и историки Архангельского севера: Вопросы источниковедения и историографии: Монография. Архангельск: Изд-во Поморского госуниверситета, 1999. С. 143.

ландские саги. В первой половине X века несколько разбойных вторжений в Подвинье совершил Эйрик. Около 965 года край «опустошил и добыл себе много добра» сын Эйрика Гаральд, по прозвищу Заячий Мех. Вслед за ними потянулись викинги Торир, по прозвищу Собака (XI век), Ивар (XIII век) и др.[160].

Одно из самых первых путешествий в Белое море совершил в IX веке Отер (Оттар). Он доплыл из Скандинавии до устья Северной Двины (мыс Пур-Наволок), где местное население по его наблюдениям занималось судоходством, ловлей морских зверей и земледелием.

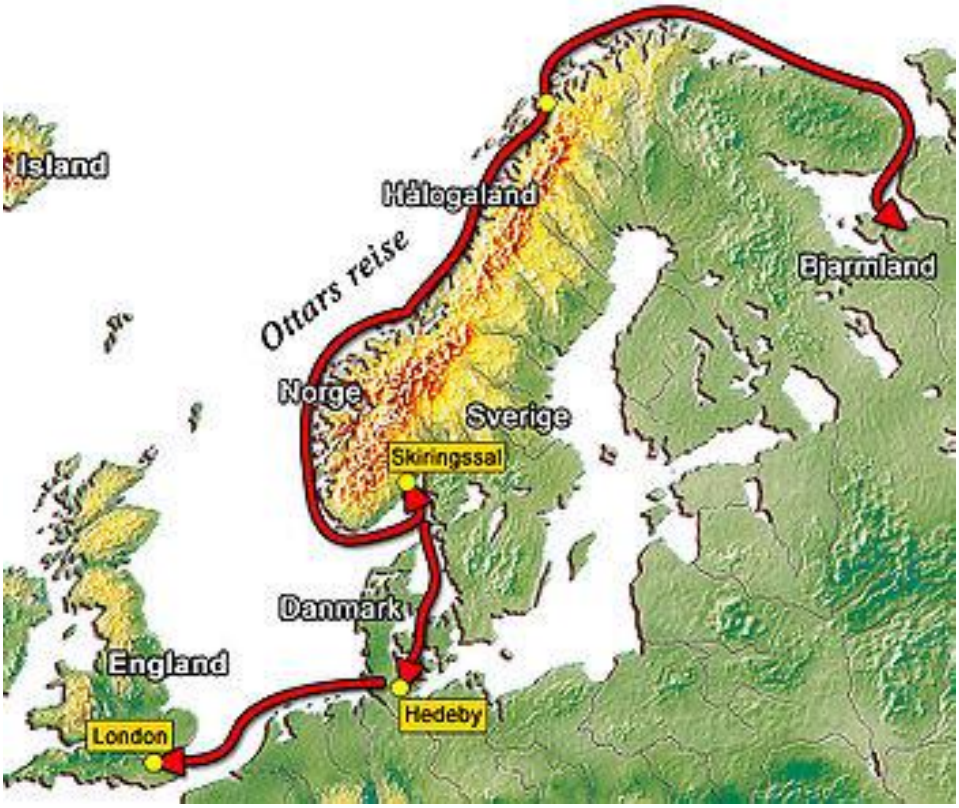


Рисунок 19. A Norwegian map of the voyage of Ohthere.
URL: http://images-mediawiki-sites.thefullwiki.org/10/9/5/0/8257822448110459.jpg

Карл Фёдорович Тиандер в своей монографии «Поездки скандинавов в Белое море» (1906) писал, что о первой поездке норманнов в Белое море имеется строго историческое свидетельство, которое находится в англосаксонском переводе всемирной истории Оросия, предпринятом королем Альфредом Великим. Это сочинение носит название «De miseria mundi» и написано Оросием по внушению блаженного Августина, его друга. «Что Отер действительно открыл морской путь в Белое море, нет никакого сомнения»[161]. Отер рассказывал, что он шел всё время вдоль берега и пришел к месту, где большая река вела во внутрь страны. В северной литературе двинской край стал называться Биармаланд (Биармия). Имеются сведения о поездке Одда в Биармаланд, который направил свои корабли вверх по реке Двине, где затем произошел бой с биармийцами. В литературе высказывалась гипотеза о

[160] Фруменков Г.Г. Соловецкий монастырь и оборона Беломорья в XVI— XIX вв. С. 17.
[161] Тиандер К. Поездки скандинавов в Белое море. СПб: Типография И. Н. Скороходова, 1906. URL: http://www.kolamap.ru /library/tiander/6.html (дата обращения: 03.11.2014).

тождестве Одда и Отера, но Карл Тиандер отказывается от этой гипотезы, подробно описывания все похождения Одда, дважды посетившего берега Двины.

Помимо морских походов Оттара и Одда в исландских сагах (сказаниях) встречаются описания нескольких поездок в Биармаланд Эйрика, сына и наследника Гаральда Прекрасноволосого в период между 920 и 930 гг. Старший сын Эйрика — Гаральд, по прозвищу «заячий мех», в 965 году совершил поход в Биармию, где произошло большое сражение с биармийцами на прибрежных холмах Двины. Норманны одержали вверх и убили много народу. Если Отер и Орвар-Одд не враждовали с местным населением, то Эйрик и Гаральд, собрав войско, неся впереди знамя, идут войной на Биармаланд. Они сражаются на берегах Двины, грабят и опустошают чужую для них страну, как всегда это делали викинги.

Известно также о походах в Биармию Торира Собаки и Карли на двух кораблях в 1026 году, которые в начале вели торговлю, а потом совершили набег на курган в густом лесу, где стоял идол Иомалы, но на обратном пути не поделили добычу и Торир убил Карли. В.Н. Булатов писал, что в «Саге о Боси» говорилось о месячном путешествии отряда викингов в глубь Биармии по глухой тайге, которую они назвали Двинским лесом [162]. Фантастические сведения встречаются о поездке Гаука в Биармаланд. По сказаниям (сагам) на Двине существовал большой торговый «город», куда летом приходили на ярмарку купцы из Скандинавии. Предположительно Holmgardr (Холмогоры) и был той скандинавской торговой колонией, пристанищем для скандинавов, приезжавших к низовьям Двины с целью торговли, мирного обмена товаров и ценностей. Хотя это местоположение всего лишь только гипотеза.

По описанию К.Ф. Тиандера в один из походов на двух кораблях отправились: Andres af Sjömælingum (Smælingum, Sannmelingum), Sveinn, Sigurdarson, Ögmundr (или Sigmundr) af Spanheimi (Spangheimi) и многие другие. Андрес и Свейн возвратились осенью домой, но Огмунд и остальные остались с другим кораблем в Биармаланде. Огмунд со своей дружиной осенью отправился в Суздаль, где и остался. Другие же поссорились с королем биармийцев, который с дружиной напал на них зимой и перебил всех скандинавов. «Узнав об этом, Огмунд отправился на восток в Holmgardr, а оттуда все дальше на восток до самого моря. По нашим географическим понятиям следовало ожидать, что Огмунд попал в Балтийское море и таким путем возвратился в Норвегию. Но рассказчик поясняет, что Огмунд не успокоился, пока не достиг Иерусалима. Во всяком случае, путешествие Огмунда пользовалось большой известностью. В высшей степени для нас любопытен маршрут Огмунда из Биармаланда в Суздаль и Гольмгород, и обратно в Норвегию»[163].

Дружинник короля Гакона Андрес по прозванию «ремень щита» и Ивар с Залива предприняли в 1222 году поездку в Биармаланд с целью отомстить за совершенное на участников предыдущей экспедиции нападение. Но, на обратном пути вместе с одним из кораблей погибла награбленная ими богатая добыча. Рассказав события этой поез-дки, летописец прибавляет, что после этого путешествия никто уже больше не ездил из Норвегии в Биармаланд. В работах, анализирующих торгово-военные контакты норманнов с Беломорьем, Подвиньем упоминается, что норвежцы продолжали ходить на своих кораблях к берегам Двины якобы только до 1222 года [164]. Действительно, освоение и защита северных террито-

[162] Булатов В.Н. Русский Север. Кн.1. Заволочье (IX—XVI вв.). Архангельск, 1997. С. 22—26
[163] Тиандер К. Поездки скандинавов в Белое море. Там же.
[164] Очерки по истории колонизации Севера. Выпуск первый. Пбг, 1922. С. 32

рий Великим Новгородом положило конец монопольной и невыгод-ной для местного населения торговле со скандинавами, нередко носящей к тому же грабительский характер. Однако и после 1222 года неоднократно совершались походы норвеж-цев и шведов на Русский Север в XV веке (1419, 1446 гг.). Эти нападения на устье Север-ной Двины, побережье Белого моря получали достойный отпор от местного двинского населения. А вооруженные дружины новгородских ушкуйников, княжеских ратей и сами совершали морские походы в скандинавские земли в 1320, 1411, 1496 годах.

Новгород и Киев, защита русских земель от половцев

В Древней Руси, как известно, существовали два главных ядра новой государственности, возникшие в Киеве и Новгороде. Несмотря на конфликтные отношения между ними, отстаивая свою независимость Новгород всегда оставался ядром, органической частью Русской земли. Поддерживая спасительный в условиях постоянной иноземной угрозы союз с другими русскими областями, чему, в частности, служило и сохранение княжеского стола в системе республиканской государственности: приглашение князя было равнозначно заключению военно-политического союза с тем княжеством, откуда приходил в Новгород приглашенный князь. Даже в возникших с середины XIV в. условиях жесткого противостояния Москве измены общерусскому делу у Новгорода нет, о чем убедительнейшим образом свидетельствует участие новгородцев в Куликовской битве. В церкви Бориса и Глеба в Плотниках сохранялся скорбный синодик — поминание павших в сражениях новгородцев, в котором поминаются и погибшие на Дону при великом князе Дмитрии Ивановиче[165].

Новгородские, Вологодско-Пермская, Холмогорская, Тверская и другие летописи, Московский летописный свод, Двинской и Устюжский летописцы, договорные грамоты и другие источники показывают как хрупок был мир в то время, как часто новгородцам, призывая князей с их дружинами, приходилось не только отражать нападения, но и самим ходить походами в другие земли, как драматично переплетались порой судьбы людей. В летописях, литературных памятниках приводятся сведения о военных походах Новгорода и столкновениях с варягами, викингами, Швецией и Норвегией, Литвою, Ливонией, Польшей, печенегами, половцами, татаро-монголами, Золотой Ордою, Владимиро-Суздальским, Рязанским, Тверским, Московским и другими русскими княжествами, вятской ратью, устюжанами, Болгарскими и Жукотинскими князьями на Каме и Волге, с племенами емь, балтов, эстонской, финской и заволочской чуди, заволоцкой корелою, Югорской земли.

Б.Д. Греков обращает внимание на то, что русские князья нередко заключали союзы с Польшей, Германией, скандинавскими дружинами (варягами), Норвегией, половцами, венграми; искали поддержки у римского папы, которому Изяслав обещал даже признать его власть и сделать Киевскую русь леном св. Петра [166]. Летописи, как подчеркивал А.Б. Грачев, сообщали не только о фактах вражды и войнах между русскими и прибалтами, но и о частых союзах и совместной борьбе русских и автохтонного населения прибалтийских земель против агрессии западноевропейских католических государств. Основу здесь составляют фраг-

[165] Янин В.Л. Очерки истории средневекового Новгорода. М.: Языки славян, культура, 2008.
[166] Греков Б.Д. Киевская Русь. М.- Л.: Изд-во АН СССР, 1944. С. 285—287, 292.

менты из Синодального списка Новгородской Первой летописи старшего извода, а также из Первой редакции «Жития Александра Невского»[167].

Историографические обзоры жизни и военно-политической истории Новгорода выполнены в трудах доктора исторических наук, профессора В.Н. Бернадского (1890—1959) «Новгород и Новгородская земля в XV в.» (1961); А.В. Быкова «Новгородское войско XI—XV веков»: дис. …канд. ист. наук, 2006; А.Б. Грачёва «Русские земли и политика католических миссий и рыцарских орденов в Восточной Прибалтике в XII—XIII вв.: монография» (2010); доктора исторических наук, профессора В.Л. Телицина «Русское иго, или Нашествие ушкуйников на Золотую Орду» (2013) и др.

Прежде всего, хотелось бы обратить внимание на взаимоотношения Новгорода и Киева. Новгород и новгородцы приняли участие в создании Киевской Руси как общерусского государства и были тесно связаны с его жизнью, борьбой за власть. Преемник Рюрика, князь Олег в лето 6390 (882) ушёл из Новгорода к Киеву, взяв с собой сына Игоря. Убив Аскольда и Дира он захватил Киев: «Се буди мати всем градом русским». Овладев всею Русскою землею, Олег установил дань для Новгорода «300 гривен на лето»[168]. Так князь Олег из рода Рюриковичей стал независимым от Новгородского веча. С Новгородом после этого был заключен договор, по которому туда посылались посадники, а новгородцы обязались платить дань. Отношения подчинения Новгорода Киеву были подкреплены в духовно-религиозной сфере: «Крестися Володимиръ и вся земля Руская; и поставиша в Киевѣ митрополита, а Новуграду архиепископа»[169]. Княжение Владимира (978—1015) есть время высшего поъема Киевского государства, — считал Б.Д. Греков [Указ. соч. С.273].

Первым шагом в борьбе за новгородские вольности стал отказ Ярослава Владимировича (ок. 978—1054), когда он был новгородским князем-посадником, от уплаты дани Киеву. В «Повести временных лет» и Новгородской первой летописи [НПЛМИ. В лето 6522]. собщалось, что Ярослав давал по условию в Киев две тысячи гривен от года до года, а тысячу раздавал в Новгороде дружине, как и все новгородские посадники до него. После отказа уплаты дани в 1014 году киевский князь Владимир собрался идти на Новгород, но этот поход не состоялся из-за его болезни и нападения печенегов, а в 1015 году Владимир умер[170].

Начался очередной виток жестокой борьбы между наследниками за княжение на Киевском престоле. В этих междоусобных конфликтах князья нередко искали союзников в других государствах, сами приглашали варягов, немцев, венгров, поляков, печенегов. В борьбе за новгородские вольности Ярослав, послав за море, например, привел варягов [НПЛМИ. В лето 6523]. Те же стали источником конфликтной ситуации уже в самом Новгороде: «*и начаша Варязи насилие дѣяти на мужатых женахъ».* Новгородцы побили варягов, за что Ярослав разгневался на них. Перебив новгородцев, участвующих в истреблении варягов, Ярослав получил тайное известие от сестры из Киева о смерти отца. Имея такую информацию,

---

[167] Грачёв А.Б. Русские земли и политика католических миссий и рыцарских орденов в Восточной Прибалтике в XII—XIII вв.: монография. М., 2010. URL: http://yandex.ru/clck/jsredir?from=yandex.ru… (дата обращения: 29.09. 2014).

[168] ПСРЛ, т.33. Холмогорская летопись. Л.: Наука, 1977. С.14.

[169] ПСРЛ, т.3. Новгородская первая летопись младшего извода (НПЛМИ). В лето 6497 (989). URL: http://krotov.info/acts/12/pvl/novg13.htm (дата обращения: 05.10.2014).

[170] Повесть временных лет/ перевод Д.С. Лихачева. Библиотека «Вехи», 2000. URL: http://www.vehi.net/oldrussian/povest.html (дата обращения: 05.10.2014).

Ярослав «заутра» собрал новгородцев на вече, покаялся в своём вчерашнем безумии, откупился златом. После этого он повёл 3000 новгородцев и тысячу варягов в поход на своего брата Святополка. Святополк, прозванный «Окаянным», убил Бориса, Глеба Муромского, Святослава Древлянского, и, очевидно, готовился то же сделать и с Ярославом: «*избью братию мою и приму власть русскую един*». В битве у Любеча в 1016 году Святополк был разбит и бежал в Польшу к своему тестю князю Болеславу [НПЛМИ. В лето 6524] .

В дальнейшей смуте с обеих сторон активно привлекаются союзники в лице германского императора Генриха II, Польши, наёмные немцы и венгры, печенеги. Польское войско даже недолго занимало Киев. Ярослав, бежавший в Новгород с четырьмя дружинниками после одного из своих поражений, хотел снова собрать варяжскую дружину, но новгородцы порубили его ладьи, не пустили за море и обещали ему свою помощь. Заняв великокняжеский престол в Киеве Ярослав предоставил за это новгородцам значительные льготы.

Судьбы Новгорода и Киева были тесно взаимозависимы в вопросах защиты русских земель. В конце XI столетия обостряются, например, вооруженные конфликты Киева и Новгорода с половцами. История этого междоусобного противостояния длилась несколько десятилетий, была драматичной борьбой за власть, наполненной походами, заключением разного рода союзов и даже взятием Новгорода. В 1067 году на Новгород «заратися» Полоцкий князь Всеслав (Болеслав) Брячиславич, который взял Новгород, разграбил храм святой Софии, захватил множество плеников, жен и детей. Против его «совокупиша вои» (объединив свои дружины) выступили трое старших Ярославовичей — Изяслав, Святослав и Всеволод. Была сеча зла, одолели Ярославовичи половцев и Всеслав бежал. В 1068 году состоялось большое половецкое нашествие на Русь, когда потерпев поражение, князья бежали уже сами. Киевские люди потребовало оружия, чтобы продолжать битву с половцами. Получив отказ, освободили заточенного в погреб полоцкого князя Всеслава, который по воле вече стал киевским князем, а потом тайно сбежал в следующее 6577 лето, когда Изяслав пошел на Всеслава. Изяслав посадил в Полоцке своего сына Мстислава, а затем, когда вскоре тот «умре», брата его Святополка. Бежавшего Всеслава победил Глеб Святославович с новгородцами на Гзени 23 октября 1069 года[171].

Запись в Холмогорской летописи вполне коррелируется здесь с Никоновской летописью: в лето 6577 (1069) Изяслав прогнал Всеслава из Полоцка, тот бежа, и победи Всеслава Глеб Святославович с новгородцы, на Гзени. Изяслав потом был убит в лето 6586 [1078] в сече у Чернигова [ПСРЛ, т.33. Холмогорская летопись. С. 37].

В лето 6605 (1097), как сообщается в Повести временных лет и в Новгородских летописях, после очередного жесткого витка борьбы за власть, Святополк, Владимир и Давид Игоревич, Василько Ростиславович, Давыд Святославович и брат его Олег собрались на совет в Любече для установления мира и говорили другу другу:

> «*Зачем губим Русскую землю, сами между собой устраивая распри? А половцы землю нашу несут розно и рады, что между нами идут воины. Да отныне объединимся единым сердцем и будем блюсти Русскую землю, и пусть каждый владеет отчиной своей. И на том целовали крест: «Если отныне кто на кого пойдет, против того будем мы все и крест честной». Сказали все: «Да будет против того крест честной и вся земля Русская*» [«Повесть временных лет»].

[171] ПСРЛ, т.9. Патриаршая или Никоновская летопись. СПб, 1862. С. 93—96.

Однако совсем недолго оставался в силе этот договор между князьями. Ложью и обманом Святополк и Давид Игоревич схватили и ослепили Василько. Как и прежде начались распри, обращения за помощью к полякам, венграм, их участие в разборках между князьями.

И снова в лето 6608 (1100) братья Святополк, Владимир, Давыд, Олег сотворили мир между собою в Уветичах в 10 день августа, осуществили передел земель для княжения. А в 1103 году объединенными княжескими дружинами была достигнута очередная победа над половцами [НПЛМИ. В лето 6611]. Однако междоусобные конфликты на земле русской будут ещё долго продолжаться.

Новгород и новгородцы принимали непосредственное участие как в междоусобных конфликтах периода Киевской Руси, так и защите земель русских, что подверждается рядом летописных свидетельств, относящихся к летам 6603 (1095), 6605 (1097), 6625 (1117), 6626 (1118) в Новгородской первой летописи младшего извода.

В 1134 году ходил Всеволод с новгородцами на Суздаль. В битве на «*Жданѣ горѣ, и многа зла сотворися и убиша посадника новгородскаго Иванка, мужа храбра зѣло, и Петрила Микулича, и много добрыхъ мужъ, а суздаледъ болши; и сотворше миръ, и приидоша назадъ*»[172]. В 1135 году новгородский посадник Мирослав ходил мирить Князя с Черниговци [НПЛМИ. В лето 6643]. В 1267 году дружина новгородцев помогала князю Псковскому Довмонту в походе на Литву: «*ходиша новгородци съ Елефѣрьемь Сбыславичемь и с Доумонтомь съ пльсковичи на Литву, и много ихъ повоеваша, и приѣхаша вси здорови*», — сообщала Новгородская первая летопись [НПЛСИ. В лето 6775].

Характеризуя современный этап исследований Валентин Лаврентьевич Янин очень точно подметил, что средневековый Новгород с его своеобразным политическим устройством всегда привлекал внимание исследователей как идеал свободолюбия и колыбель вечевой демократии. Научные представления об истории Новгорода в течение длительного времени формировались на основе традиционных письменных источников. Масштабные археологические исследования в последние десятилетия многократно умножили сумму источников по истории этого города и государства. Главный успех Арциховской экспедиции, работающей с 1932 года, состоит в открытии берестяных грамот XI—XV вв., число которых к концу полевого сезона 2007 года достигло в Новгороде — 961, Старой Руссе — 41, Торжке — 19, что позволило услышать голоса новгородцев, живших в XI—XV столетиях, и решить исторические проблемы, считавшиеся раньше спорными[173] .

Политическая жизнь в самом Новгороде, борьба за власть, можно сказать, всегда была не скучной и часто непредсказуемой. В X—XI вв. в Новгороде княжили старшие сыновья великих князей, власть которых в Новгороде во многом была ограничена. В конце XI столетия в Новгороде учреждается высшая государственная должность посадника из числа боярства. Особенно значимы события 1136 года. По сообщениям летописей в лето 6634 были

[172] ПСРЛ, т.3. Приложение первое. Извлечения из воронцовского списка. URL: http://krotov.info/acts/12/pvl/novg36.htm (дата обращения: 05.10.2014).
[173] Янин В.Л. Очерки истории средневекового Новгорода. М.: Языки славян, культура, 2008.

сильные волнения, направленные против князя Всеволода, просидевшего под арестом два месяца. В итоге новгородцы приняли его сына Владимира:

> «*Новгородци призваша плесковиць и ладожанъ и сдумаша, яко сгонити князя своего Всеволода, и всадиша и въ епископль дворъ с женою и сдѣтьми и с тѣщею, мѣсяца маия въ 28; и сторожѣ стрежаху въ день и нощь 30 муж съ оружиемъ. И сѣдѣ 2 мѣсяца, и пустиша из города июля въ 15, а Володимира, сына его, прияша*» [НПЛМИ.В лето 6644].

Князь Всеволод хотел снова сесть на столе своем в Новгороде уже в следующем году, но вспыхнул очередной мятеж. Прогнал Всеволода Святослав Олегович, которого впрочем в лето 6646-е и самого выгнали из Новгорода. После новгородского восстания 1136 года провозглашается приоритет боярской власти, получившей право приглашать и изгонять князей. Появляются выборные на вече тысяцкие. Приглашаемый князь, выборные посадник, тысяцкие и новгородское вече образуют высшее звено системы управления Новгородской вечевой республикой.

Анализируя письменные летописные источники и историографию можно определить два основных направления иностранной экспансии в XII—XV вв. на земли Новгородской республики: *западное и восточное*. Вооруженные конфликты, их исход, поражения или победы, переговоры и заключаемые перемирия во многом определяли военно-политическую ситуацию в истории Великого Новгорода и безусловно не могли не сказываться на организации всей его жизнедеятельности. О масштабах нападений на земли Великого Новгорода с западного и северо-западного направлений можно судить по следующим весьма впечатляющим цифрам, которые приводит академик Дмитрий Сергеевич Лихачев в своём научном труде «Очерк истории культуры Новгорода XI—XVII вв.» (М. 1945): «Новгородцы настойчиво, упорно, мужественно вели непрестанные оборонительные войны на своих границах, твердо держа щит над всем северо-западом Руси. За время с 1142 по 1446 г. Новгород 26 раз воевал со Швецией, 11 раз — с Ливонским орденом, 14 раз — с Литвой и 5 раз — с Норвегией»[174]. Исключительно значение Новгорода для всей русской земли в тяжкие годы «томления и муки татаро-монгольского ига». Орды Батыя не дошли до Новгорода, счастливо избегнувшего общего для всех городов разгрома, что позволило развивать каменное зодчество, сохранить рукописные богатства Киевской Руси, книжную образованность, фресковую живопись, иконописание, — подчеркивал Д.С. Лихачев.

Северные крестовые походы

Крестовые походы — это попытка мечом, используя силу, объединить и расширить христианский мир под властью римского папства в XI—XV вв. В первую очередь они были нацелены на Палестину, захват Иерасалима с Гробом Господним. Всего с 1096 г. по 1270 г. состоялось восемь крестовых походов. Северные крестовые походы датских, немецких и шведских рыцарей XII—начала XV вв. нацеливались уже на Балтику, на земли Польши, Прус-

[174] Лихачев Д.С. Очерк истории культуры Новгорода XI—XVII вв. Переиздание книги 1945. М.,1959. С.10. URL: Lihachev_D.S.]_Novgorod_Veliky_ocherk_istorii_ku(BookFi.org).pdf (дата обращения: 11.10.2014).

сии, Эстонии, Финляндии и Карелии, где кое-где тогда уже «действовали постоянные миссии православных церквей, правда не той веры, которой следовал папа римский» [Дж. Клементс, с. 125]. Нападения шведских, литовских и других иностранных ратей на Новгород, Псков, Русский Север совершались как с целью христианизации этнических племён, так и обращения православных славян в католицизм, а чаще всего с целью колонизации, «обыкновенного» захвата чужих земель, новгородских владений и грабежа населения. Необходимо выделить ещё одну особенность северных крестовых походов — их многовекторность на первом этапе, а затем упорное стремление наказать, разорить, покорить славянские государственные образования, в первую очередь Новгород и Псков.

Крестовый поход против балтийских язычников — финнов, ливов, эстов, пруссов, литовцев, славян (ободритов, поморян, лютичей) начался официально в 1193 году, когда Папа римский Целестин III призвал к христианизации язычников Северной Европы, хотя и до этого королевства Скандинавии и Священная Римская империя вели здесь военные действия, например, против полабских славян в Германии с 1147 года. Северный крестовый поход шведского короля Эрика IX был направлен в 1150 году на завоевание финской территории и обращение её жителей в христианство. Прусский крестовый поход, объявленный римским папой Гонорием III в 1217 году, был нацелен против прусских язычников и осуществлялся в 1230—1233 гг. силами Тевтонского ордена. Крестовый поход против Литвы, объявленый римским папой, состоялся в 1236 году.

Новгородцам в середине XII века пришлось отбиваться от шведской экспансии. По летописным сведениям в 1142 году шведский князь на 60-ти шнеках (парусно-гребные суда) напал на новгородских гостей, шедших из заморья в трёх ладьях, но был отбит новгородцами и потерял 150 человек [НПЛМИ. В лето 6650]. Шведы снова нападали на Ладогу в 1164 году на 55 шнеках, но получили отпор от пришедших на выручку князя Святослава с новгородцами и с посадником Захарьею: «*пришли (свеи) бяху въ 55 шнекъ, и изьмаша 43 шнекъ; а мало ихъ убежаша и те язвени*» [НПЛМИ. В лето 6672].

Древняя Русь, Великий Новгород были к тому времени фактически составной частью всего христианского мира и вполне единоверной страной. Древнерусские князья, вероятнее всего волынско-смоленские, принимали участие даже в крестовом походе 1147—1148 гг. совместно с польскими феодалами в Пруссию [Грачев А.Б. Указ. соч.]. Однако в 1232 году римский папа Григорий IX призвал крестоносцев фактически к наступлению на новгородские земли. В ходе Ливонского похода 1240—1242 гг. немецкие рыцари захватили Изборск и Псков, но потерпели поражение от Новгорода. Русские интересы в Прибалтике были обусловлены рядом причин: единой природно-географической средой, использованием торговых путей по рекам и Балтийскому морю, взаимовыгодными экономическими связями, общностью истории и культурной толерантностью. Но попытки Новгородской республики отстаивать свои экономические и политические интересы в XIII—XIV вв. воспринимались как помощь и пособничество язычникам, что служило как бы идейным оправданием экспании крестоносцев. По-существу под видом христианизации осуществлялась насильственная колонизациия завоеванных крестоносцами земель, появились новые города на месте прежних поселений (Рига, Берлин, Ревель, Выборг), государственные образования, владения Тевтонского и Ливонского духовно-рыцарских орденов.

Процесс обращения языческих племён в православие со стороны Новгорода не носил ярко выраженного характера насильственной христианизации. Не ставилась цель захвата новых земель, их у Новгорода вполне хватало в Заволочье, на богатых природными ресурсами, землёю и водою северных территориях, которые необходимо было ещё веками осваивать и обживать. В монографии А.Б. Грачева в числе других сделан важный вывод о том, русское освоение северо-западных земель отличалось религиозной терпимостью и носило преимущественно торгово-экономический, а не военно-колонизаторский характер [Указ. соч. С. 23]. Военные действия новгородских дружин были направлены *на сбор дани*, нередко проводились и как ответная мера на прежние нападения соседних племён. Вместе с тем, военные походы конечно же не выглядели в летописях мирными акциями и сопровождались характерными для того времени жестокими сражениями, взятием в плен женщин и детей — «*самых исѣче, а хоромы пожже, а жены и дѣти приведе домовь*», конфликтами с карелами, чудью, финскими емь и другими племенами.

Перечень многих известных по древнерусским летописям и документам сведений о карелах X—XVI вв. обобщен в труде С.И. Кочкуркиной, А.М. Спиридонова, Т.Н. Джаксон[175]. В этой известной работе не только приводятся в хронологической последовательности отрывки из летописей, документов, но и даются краткие обоснованные комментарии. В указанном документальном сборнике анализируются практически все известные вооруженные конфликты с карелами. Первое упоминание о древних карелах на страницах русских летописей относится к 1143 год: «*В то же лѣто ходиша Корѣла на ѣмъ, и отбѣжаша; 2 лоиву избилѣ*» [НПЛМИ. В лето 6551].

В летописях часто упоминаются также десятки вооруженных конфликтов новгородцев с другими племенами — финскими Емь (1042,1123,1142,1186,1191 и др.), Очелу (1111, 1179), чудью (1113, 1116, 1130,1176, 1179, 1190, 1192) и др. В 1186 году дружина молодцов, собранная Вышатою Васильевичем, ходили, например, походом на Емь в южную Финляндию и вернулись все в здравии [НПЛМИ. В лето 6694]. В 1191 году «*ходиша новгородци в лоивахъ* (большая лодка, судно) *на Емь с Корелою и воеваша землю Емскую и пожгоша и скот исъкоша*» [НПЛМИ. В лето 6699]. В 1292 году «*Того же лѣта ходиша молодци новгород-стѣи с воеводами съ княжими воеват на Емъскую землю; воевавше, приидоша вси здрави*» [НПЛМИ. В лето 6800]. В этом же году приходили воевать шведы: «*400 иде на Корелу, а 400 на Ижеру*», где они были избиты.

Новгородцам приходилось неоднократно отражать нападения чуди, еми и других племён и на свои земли. И военные дружины Новгорода и воевавшие с ними племена несли потери, терпели поражения в ходе постоянных вооруженных конфликтов В лето 6698 (1190), например, была избита «*Чюдь поморьская*» пришедшая на 7 шнеках. В лето 6639 (1131) в походе Всеволода на Чюдь «*створися пакость велика, и много добрых мужь избиша въ Клинъ новгородцов*». Как ответную меру следует рассматривать поход в лето 6641 (1133), когда Всеволод с новгородцами ходил на Чюдь и взял град Юрьев[176].

---

[175] Письменные известия о карелах (X—XVI в.)./С.И.Кочкурина, А.М. Спиридонов, Т.Н.Джаксон. Петрозаводск, 1996. Древнерусские летописи и документы. URL: http://www.kirjazh.spb.ru/biblio/pizv_let/pizv_l0.htm (дата обращения: 17.10. 2014).

[176] ПСРЛ, т.27. Никаноровская летопись. Сокращенные летописные своды конца XV века. М.: Языки славянских культур, 2007. С.30. URL: http://old_russian_writers.academic.ru/402/Летопись_Никаноровская (дата обращения: 27.09.2014).

Очень неспокойным выдался 1338 год, когда воевали немцы с корелою в Обонежье, затем на Ладоге, новгородские молодцы ходили на городецкую Корелу немецкую:

«*Тои же веснѣ ѣздиша новгородци с посадникомъ Федоромъ в Неву, и стояша под Орѣховымъ, съсылающеся послы с воеводою нѣмечкымъ съ Стѣнемъ, и не бысть миру; нь тако възвратишася новгородци в Новъгород. Воеваша Нѣмцѣ с Корѣлою много по Обонижью, послѣже и Ладогу пожгоша, пригонивше, посадъ, нь города не взяша. Потомъ же ходиша молодци новгородстѣи с воеводами и воеваша городецьскую Корѣлу нѣмечкую, и много попустошиша земли их и обилье пожгоша и скот иссѣкоша, и приидоша вси здрави с полономъ. Того же лѣта приходиша Нѣмци из городка воеватъ на Толдогу, и оттолѣ хотяху на Водскую землю, и не взяша ничто же: остерегли бо ся бяху, нь выщедши копорьянѣ с Федоромъ Васильевичемь, и биша я; и убиша ту Михѣя Копорьянѣна, мужа добра, а под Федоромъ конь раниша, нь самому не бысть пакости, выихалѣ бо бяху в малѣ*» [НПЛМИ. В лето 6846].

В обстановке услившегося натиска шведских, немецких и датских ратей в XIII—XIV веках Новгород стал «***главным сторожем***» северо-западного рубежа Русской земли [Бернадский В.Н.][177]. На новгородские владения нападали Ливонские немцы, литовцы и др. Новгороды отбивались от набегов литовцев на Шелонь в 1217 году, в 1223 — у смоленской границы, в 1224 — на Русу, в 1225 — на Торжок, и ещё в 1229 и 1234 гг. При этом новгородцы действовали очень оперативно и почти всегда успевали отразить нападения грабителей и отнять у них добычу. В 1234 году князь Ярослав Всеволодович Переяславский с новгородскими и переяславскими полками разбил немецких рыцарей из Ордена Меченосцев на реке Омовже. Периодически совершались ответные походы, предпринимались попытки начать русско-литовское наступление на Ливонию (1221), создать эстонско-русский союз (1223). В августе 1224 года пал замок Тарту, обороняемый русско-эстонским гарнизоном [ПСРЛ, т.3. Новгородская первая летопись].

Самыми значимыми событиями в ходе крестовых походов стали *Невская битва и Ледовое побоище*. В первой половине XIII века Русь испытала одновременный натиск иноземных ратей как с Запада, так и с Востока. И от исхода военных сражений на северо-западных рубежах зависела судьба не только Новгорода, но и всей Русской земли, выбор модели внешней политики русских государственных образований. В 1240 году начался поход Швеции, Норвегии (Мурмане), финских племён Еми и Суми против православного Новгорода. Эти события были отмечены в Новгородской первой летописи:

«*И събра вои множество, силу велику зѣло, Свѣя съ княземъ и с пискупы своими, и Мурманѣ, и Сумь, и Емъ, и тако наполни корабля многы полковъ своих, и подвижеся в силѣ велицѣ, пыхая духомъ ратнымъ, и прииде в рику Неву и ста усть Ижеры, шатаяся безумиемъ своимъ , хотяше въсприяти Ладогу, такоже и Новъград и всю область Новгородчкую*» [НПЛМИ. В лето 6748].

Вся эта сборная иноземная рать была разбита в битве при впаденни Ижоры в Неву дружиной князя Александра с новгородцами, ставшего называться после этой победы Невским. В бою с ними отличились тогда многие храбрые мужи: Гаврила Олексичинъ, Сбыславъ Якуновицъ,

[177] Бернадский В.Н. Новгород и новгородская земля в XV веке. М.-Л.: АН СССР, 1961. С.19.

Яков полочанинъ, ловчий князя, новгородец Миша, Сава, Ратмир. Среди погибших в этой битве были и новгородцы, и ладожане.

В 1240 году немцы с союзниками, с князем Ярославом Владимировичем взяли Изборск. Объединенное войско дерптского епископа, Ливонского ордена и северо-эстонских вассалов датского короля захватило Псков, который оставался под властью ливонцев до начала 1242 года. Немцы ходили на водь с чудью, возложив дань на них. На волость Новгородскую посягали Литва, Немцы, Чюдь. Все указанные нападения датируются в Новгородской первой летописи одним 6748 летом (1240) и в совокупности представляли вполне реальные угрозы для всей Северо-Западной Руси. Князь Александр, который после Невского сражения зимою «выиде» из Новгорода к отцу в Переяславль с женами и детьми, вернулся обратно в Новгород в 1241 году и вместе с новгородцами, ладожанами, с корелою и ижорой взял Копорье. Ещё одна очень значимая победа над немцами и чудью была одержана 1 апреля 1242 года, получив название Ледового побоища [НПЛМИ. В лето 6750].

Все события внешних отношений Великого Новгорода всесторонне исследованы в отечественной и зарубежной историографии и получили неоднозначные оценки. В монографии (2010) А.Б. Грачева отмечалось, что изучение источников шло в основном в плане освещения наступления католических стран Западной Европы, объединенных Римской курией против Руси, и совместной борьбой русского и прибалтийских народов против крестоносцев (Я. Зутис, Н.А. Казакова, Б.Я. Рамм, И.П. Шаскольский, В. Т. Пашуто и др.). Акцент делался на победе русских войск в Невской битве и на льду Чудского озера. Однако такой подход не выявлял интересы самой Руси в Восточной Прибалтике, контакты с лидерами крестоносцев на разных этапах завоевания. Практически не рассматривался вопрос о противоречиях между русскими княжествами и землями как факторе, препятствовавшем отражению немецко-католического завоевания [Грачев А.Б. Указ.соч.].

Пересмотр оценок в историографии данного вопроса начался с конца 80-х годов XX века, когда упор стал делаться на проблемные подходы к изучению русско-ливонских отношений. Стали шире использоваться материалы из «Хроники Ливонии», «Хроники Тевтонского ордена», посланий римских пап и других иностранных источников, данные археологии. При этом подвергалась сомнению сама значимость для Руси Невской битвы и Ледового побоища, которые сводились к обычным пограничным конфликтам. Шведский поход 1240 года не имел статуса крестового похода и рассмативался как локальное событие. Победа на льду Чудского озера якобы вообще не имела общерусского значения.

Эта критика может и была бы вполне справедливой, если не учитывать угрозы для Руси с Востока и не надо делать тогда выбор, образно говоря, между Сциллой и Харибдой. Статус того или иного похода вообще не имеет принципиального значения, ибо любой военный поход на русские земли после 1232 года, как уже отмечалось выше, имел культурно-духовную индульгенцию от римских пап. Защита русских земель, экономических и политических интересов Новгорода рассматривалась как помощь и пособничество язычникам. Реальные потребности крестоносцев с Запада, их интересы как бы априори получали приоритет и мощное идейное прикрытие, что оправдывало и крестовые походы и любые другие нападения на русские земли, Новгородскую республику и северные волости Заволочья.

Победы новгородцев в 1240—1242 гг. несколько остудили военный пыл агрессивно настороенных рыцарей, ливонские войска уже не вторгались так глубоко на русскую терри-

торию, получив отпор от Новгородской республики. Ливонцы после победы русских на Чудском озере вообще запросили мира и в соответствии с договором 1242 года отказались от претензий на «Водь, Лугу, Пльсковъ, Лотыголу». 1 октября 1243 г. было заключено соглашение о новом союзе между епископами Риги, Тарту, Эзеля и Тевтонским орденом в Ливонии о взаимной защите и помощи, но уже без идеи и призыва воевать Русь [Грачёв А.Б. Указ. соч. С. 118] . Конечно, сражения Новгорода с Ливонией не прекратились совсем и продолжались: 1253 г. — нападение на Псков, 1262 г. — поход на Юрьев, 1268—1269 гг. — возобновление военных действий с Ливонией, Раковорская битва, нападение на Псков; новый договор 1270 г. между Ливонией и Новгородом, 30 лет затишья и в 1299 г. — новое нападение на Псков и др. Продолжались войны и со Швецией.

Однако для Новгородской республики, как и для всех русских земель в XIII веке резко возросла военно-политическая ***угроза с Востока***. Войско Батыя разгромило княжеские военные дружины и народное ополчение Северо-Восточной и Южной Руси в 1237—1241 гг., кроме земель Великого Новгорода. Но и Новгород впоследствии признал свою зависимость от Золотой Орды, западного улуса Монгольской империи, исправно платил ей дань как и другие русские земли, хотя орды Батыя так и не дошли до Новгорода в силу различных причин, о которых много написано в имеющейся по этому вопросу литературе. На правах завоевателей монголы стали навязывать русским князьям свой сюзеренитет. Внешняя политика Руси сформировалась с середины XIII века на основе признания верховного сюзеренитета ханов над всеми русскими княжествами, бесперспективности противостояния Орде в союзе с Римом, Западом. Установленный Золотой Ордой порядок получения ханских ярлыков на великое Владимирское княжение стал причиной внутренней борьбы за власть между князьями на Руси. Отец Александра Невского, великий князь Владимирский Ярослав Всеволодич, сильнейший на тот момент из русских князей, как известно, отправился в 1243 году в ставку Батыя: «*поиде в Орду» и впервые получил ярлык на великое Владимирское княжение: «и приде из Орды пожалова*»[178], а затем был отравлен в Монголии в 1246 году. Его сын, князь Александр Ярославович Невский выступал за союз с Востоком против Запада, уже получившего военный отпор от Новгорода. В ходе поездки по степям в 1247—1249 гг. Александр Невский лично убедился в военной мощи монгольской империи, в отсутствии претензий на непосредственный захват русских земель, довольствуясь признанием вассалитета и данью, в веротерпимости к православной вере. Такой восточный подход отличался от крестоносцев с их стратегий на колонизацию территорий и насильственное обращение населения в католичество. Важно отметить ещё одну важную особенность политической ситуации тех лет, на которую почти не обращают внимания историки. В уплату дани Золотой Орде опосредованно был втянут не только Великий Новгород, но и его волости, включая Заволочье, Двинскую землю.

В складывающейся военно-политической ситуации тех лет стратегически вести войну как бы на «***два фронта***» было губительным для Новгородской республики. В целом угрозы масштабной экспансии с Запада для всей Руси были минимизированы в XIII веке и в дальнейшем не выходили за рамки перманентных локальных вооруженных конфликтов, не имеющих общерусской значимости, в отличие от сражений на восточном направлении.

[178] ПСРЛ, т.37. Устюжская и Вологодская летописи. Л.: Наука, 1982. С. 70.

Крестовый поход Магнуса и миф о его завещании

Шведское королевство было вынуждено заключить с Новгородом Ореховский мир в августе 1323 года после 30 лет военных действий. В лѣто 6831 [1323] новгородцы с князем Юрием Даниловичем «*поставиша город на усть Невы, на Орѣховомь островѣ*»; тут же приехавшие послы свейского (шведского) короля и «*взяша миръ вѣчныи с Новым городомъ по старинъ*»[179]. Военные конфликты между новгородцами и шведами после этого во многом приобрели локальный пограничный характер. Впервые официально была установлена государственная граница между Шведским королевством и Новгородской землей.

Рисунок 20. Государственная граница между Шведским королевством и Новгородской республикой по Ореховскому договору 1323 года, межевой камень этой границы /Гумелёв В.Ю.

Заключению мира предшествовали морские походы новгородских ушкуйников на Балтике, в Финляндию на финские племена емь (1311 г.), до города Або (Турку) в 1318 г., а через Белое и Баренцево моря —в северную Норвегию в 1320, 1323 гг.

1311 год. «*Ходиша новгородци воиною на Нѣмечькую землю за море, на Емъ съ княземъ Дмитриемь Романовицемъ , и переихавше море, взяша первое Купечьскую рѣку, села пожгоша, и головы поимаша, и скотъ исъсѣкоша…*» [НПЛМИ. В лето 6819].

1318 год. «*Ходища новгородци воиною за море, в Полную рѣку, и много воеваша, и взяша Людеревь город сумьскаго князя и Пискупль; и приидоша въ Новъгород вси здрави* [НПЛМИ. В лето 6826].

В 1320 году состоялся поход в область Финмаркен в Северной Норвегии через Белое и Баренцево моря: «*Лука ходи на Мурманы, а Нъмци избиша ушкуи Игната Молыгина*» [ПСРЛ, т.4. СПб, 1848. С.49. В лето 6828]. В 1323 году «Русы ходили войной на север, на Халогаланд (северная провинция в Норвегии), и сожгли Бьаркей господина Эрлинга, сына Видкуна»[180]. Морские десанты 1320—1323 гг. в Норвегию были проведены в качестве ответной меры на действия норвежцев, — подчеркивает В.Ю. Гумелёв[181].

Но, несмотря на заключенный мир, уже в 1325 году норвежцы обратились с просьбой к римскому папе организовать крестовый поход против новгородцев и их союзников карел. В ходе крестового похода в 1348 годе король Швеции и Норвегии Магнус II Эриксон сделал

[179] ПСРЛ, т. 25. Московский летописный свод конца XV века. М.-Л.: АН СССР. С.167.

[180] Шаскольский И.П. Сведения об истории Руси X—XIV вв. в исландских анналах. Вспомогательные исторические дисциплины. Вып. XXV. СПб: 1994. URL: http://www.ulfdalir.ru/literature/735/808.

[181] Гумелёв В.Ю. Русский десант. Ушкуйники на Балтике // Гуманитарные научные исследования. 2013. №7.

одну из последних попыток реально крестить новгородцев в свою веру, убеждая их и словом и силою. Магнушь, король Свейский, как его называли в летописях, прислал к новгородцам предложение провести что-то вроде философского диспута о том, чья вера лучше:

> «*аще ваша будет вѣра лучьши, язъ иду в вашю вѣру; аще ли будет наша вѣра лучши, вы пойдите в мою вѣру, и будем всѣ за одинъ человѣкъ; или не поидете в одиначьство , язъ хощю ити на вас со всею моею силою*» [НПЛМИ. В лето 6856].

Владыка Василий, посадник Федор Данилович, тысяцкий Авраам и все новгородцы предложили Магнусу послать за ответом к Цесарьскому граду к патриарху. А сами направили к Магнусу Авраама тысяцкого, Кузму Твердиславля и иных бояр. Ореховцы просили Авраама , чтобы он не ехал от них из городка; к Магнусу отправились Кузма Твердиславль. Магнус снова подтвердил своё требование перейти в его веру, «*а не поидете, иду на васъ со всею моею силою».* Он начал крестить Ижору в свою веру, а на тех, кто не крестится, пустил рать. Новгородцы послали против этой рати «Онцифора Лукиница, Якова Хотова, Михаилу Фефилатова, с малою дружиною», которые избили немцев. Однако Магнус взял Ореховец, «*Авраама же и Кузму и иных бояр взялъ к собе, а иных эсех пустил из городка, а сам поиде от городка прочь, а в Ореховц оставив рать*». Той же осенью новгородцы стояли под Ореховым, «*и взяша город, …а Немець исекоша, а иных живыхъ изымаша»*, — так описаны эти драматические события в Новгородской первой летописи [НПЛМИ. В лето 6856].

В ответ на шведскую агрессию последовал морской поход ушкуйников к берегам все той же норвежской провинции Халогаланд, в ходе которого русским десантом был опять взят сильно укрепленный замок Бьаркей: *«1349. Большая война в государстве короля Норвегии с руссами; опустошен и сожжен Халогаланд с севера в районе Бьаркей»*[182]. В лето 6857 (1349) «*ходиша Новгородци и Двиняне на Мурманы*», сообщала Новгородская четвертая летопись [ПСРЛ, т.4. СПб, 1848. С.59].

В 1350 году новгородцы ходили к Выборгу, пожгли все посады, «*а Немець иссекоша много, и жон и детии , а иных живых изимаша, и приихаша в Новград вси здрави*». В том же году новгородцы провели обмен пленных шведов на «*Кузму и на Олександра и на Ондрея и на дружину их, что были за морем у Свеискаго короля у Магнуша*», взятых в плен ещё в Ореховце. 16 июня «отъяша посадничство у Федора Даниловича и даша Онцифору Лукину» [НПЛМИ. В лето 6858]. Так высоко были оценены результаты успешного похода против Магнуса малой дружиной Онцифора Лукиница, Якова Хотова, Михаила Фефилатова в 1348 году.

В.Л. Телицын даёт следующую оценку похода Магнуса и роли в борьбе с ним новгородских ушкуйников: «В 1349 году последовал ответный поход новгородских ушкуйников в провинцию Халогаланд, в ходе которого был взят сильно укрепленная крепость Бьаркей. Таким образом, шведы и русские обменялись чувствительными ударами. Причем с русской стороны отвечали ушкуйники, видимо, как самые подготовленные и отчаянные в своей храбрости. А может, новгородцы и не хотели пускать в дело дружину, опасаясь, что война

[182] Гумелёв В.Ю. Там же. URL: http://human.snauka.ru/2013/07/3586 (дата обращения: 21.10.2014). В указанной статье при анализе походов ушкуйников на Балтику использована Новгородская первая летопись; Софийские летописи; Эрика, хроника. Ч. 1.

может принять затяжной характер[183]. Следует заметить, что это всего лишь один из примеров неформального использования Новгородской республикой временных добровольных военизированных формирований, участники которых назывались ушкуйниками.

Поход Магнуса стал последним из «крестовых походов» шведских рыцарей на земли Великого Новгорода. Ответ новгородских ушкуйников шведскому королю впечатлил его настолько, что он, якобы в своем завещании за два года до своей гибели во время кораблекрушения, взывал: «*Приказываю своим детям, своим братьям, и всей земле Шведской: не нападайте на Русь, если крест в этом целовали; нет нам в этом удачи*».

В Московском летописном своде за датой 1352 год (в лето 6860) приводится текст «Рукописание Магнуша короля Свеиского», в котором тот пишет:

> «*Се яз Магнуш король Свеискыи, нареченыи во святом крещении Григореи, отходя сего света пишу рукописание се при своем животе. А приказываю своим детем и своеи братья и всеи земли Свеискои не наступати на Русь на крестном целованье, зань же нам не пособляется»* [ПСРЛ, т.25. С.178].

Доказано, что это фальсификация, обычный миф, используемый в информационой войне того времени доступными тогда средствами. Впрочем, несмотря на распространение мифа о несуществующем завещании Магнуса, походы шведов, норвежцев и других «немцев» на земли Новгорода и его волостей продолжались и в следующем столетии, в том числе и в Заволочье. При этом они полностью утратили религиозный окрас, свою крестовую форму, как это было у Магнуса, например, и трансформировались в характерные для того времени набеги, грабежи и пожары, сбор дани, попытки колонизации земель. Нападавшие нередко превращались в обронявшихся, и так по кругу продолжалась эта нескончаемая кровавая карусель средневековья. Северные походы, утратив статус крестовых, полностью обнажили свою истинную грабительскую суть.

На Севере возникали конфликты между *Новгородом и Норвегией* по вопросу границ владений на территории, заселенной саамами. В 1316 и 1323 гг. западные источники упоминают о враждебных столкновениях новгородцев с Норвегиею [184]. В 1326 году Новгород и Норвегия подписали мирный договор на 10 лет, по которому норвежцы признали Кольский полуостров областью преобладающих интересов Руси. Жители Заволочья много терпели из-за рыбных промыслов от норвежцев, которые получали с них дань и часто вторгались для грабежа. Грабежи заставляли жителей Заволочья в ответ нападать на Норвегию.

В качестве примера одного из такого рода типичных северных походов более позднего времени можно привести нападение шведов на новгородские земли и ответные действия новгородцев и двинян. В лето 6919 (1411) шведы взяли Тиверский городок в пригороде Новгорода. В ответ на это новгородцы «*пришед в Свейскую землю, села их повоевав и пожгоша, а Свеи иссекоша* [ПСРЛ, т.26. Вологодско-Пермская летопись]. В том же 1411 году «*Ходиша из Заволочья воиною на Мурман новгородчкым повелением, а воевода Яковъ Степанович, посадник двиньскыи , и повоеваша их*» [НПЛМИ. В лето 6919]. Таким образом шведам и норвежцам дали понять, что Новгород нельзя оскорблять безнаказанно.

---

[183] Телицын В.Л. Русское иго, или Нашествие ушкуйников на Золотую Орду. М., 2013. URL: http://coollib.net/b/252879/read (дата обращения: 30.09.2014).

[184] Соловьев С.М. Сочинения. Книга II. История России с древнейших времен. М.: Мысль, 1988. С. 231.

Одно из наиболее часто упоминаемых в литературе вторжений норвежцев на Русский Север состоялось в 1419 году, когда норвежцы («мурманы») вторглись в Двинскую землю и разграбили два православных монастыря Михайло-Архангельский и Николо-Корельский, поселения в устье Северной Двины, погосты на побережье Белого моря:

«*пришед Мурманѣ воиною въ 500 человѣкъ, в бусах и въ шнеках, и повоеваша въ Арзуги погостъ Корильскыи и в земли Заволочкои погосты: в Неноксѣ, в Корѣльскомъ манастырь святого Николы, Конечныи погостъ, Яковлю кюрью, Ондрѣяновъ берегъ, Кигъ островъ, Кяръ островъ, Михаиловъ манастырь, Чиглонимъ, Хѣчинима; 3 церкви сожгли, а христианъ черноризиць посѣклѣ, и заволочанѣ двѣ шнеки Мурманъ избиша, а инии избѣгоша на море»* [НПЛМИ. В лето 6927].

Это норвежское вторжение 1419 года *вряд ли можно отнести к северным крестовым походам*, хотя действительно тогда был нанесён тяжелый урон двум православным монастырским обителям Русского Севера в Двинской земле, сожжены церкви, погибли монахи, и разграблен ряд поселений. Примечательно то, что двиняне, собравши силу, сами без участия княжеских дружин и новгородской помощи управились с грабителями, разбили их, потопили две шнеки (это скандинавское парусно-гребное судно, похожее на дракар викингов, но меньших размеров, использовалось в основном для набегов), а остальных заставили спасаться бегством. Николо-Корельский монастырь после такого разорения в 1419 году долгое время оставался заброшенным. Его восстановление связывают с именем знаменитой Марфы Борецкой, когда в Беломорье погибли два её сына Антон и Феликс, утонувшие во время бури, возвращаясь из своей вотчины в Обонежье. Их тела были выброшены на берег у заброшенного монастыря св. Николы. Марфа Борецкая сделал в обитель щедрый вклад, повелела восстановить монастырь с церковью. В Духовной Марфы без указания года говорилось, что она поставила храм святого Николы в Корельском «на гробех детеи своих Онтона да Филикса» и завещала монастырю на Лявле острове село, да в Конечных два села, по Малокурьи пожни и рыбные ловища, земли по Кудьме [ГВНП. М.,1949.].

Ещё одно из поздних нападений норвежцев и шведов на Белое море состоялось в 1445 году, когда они ворвались в Неноксу и начали там жечь и грабить:

«приидоша Свея Мурман безвестно за Волокъ на Двину ратью, на Неноксу, повоевавъ и пожгоша и людеи пересекоша, а иных в полонъ поведоша. Услышавше то двиняне, придоша вборзе, иных иссекоша, а иных прислаша в Новгород с четыредесятъ; а воеводы их, Ивора и Петра и третьего, убиша; инеи же, мало вметавшеся в корабли, отбегоша» [НПЛМИ. В лето 6953].

По сравнению с 1419 годом эта иноземная рать была малочисленной, но оперативно получила такой же достойный ответ. Двиняне, быстро собравшись, ударили на пришельцев, иных побили, других взяли в плен, в том числе двух иноземных воевод, которых вместе с другими пленниками отправили в Новгород. Немногим иноземцам удалось тогда спастись на своих кораблях. Скорее всего это был ответ на поход 1444 года, когда «ходиша Корела на Мурман, избиша их и повоеваша, и пленивше, и приидоша здоров» [НПЛМИ. В лето 6952].

Косвенное отношение к Заволочью, связанное с выплатой дани, имеет военный поход 1428 года на Новгород. В том году Новгороду объявил войну Литовский великий князь Витовт и с большой ратью осадил Порхов. Переговоры новгородцев завершились миром. Порховцы и новгородцы дали за себя откуп 11 000 рублей:

«*Приходилъ князь Витовтъ к Порхову ратью, и порховици кончаша за себе 5000 серебра. И тогда прииха владыка Еуфимеи к Порхову с послы новгороскыми, и доконца Витовту другую 5000 серебра, а шестую тысяцю на полону*» [НПЛМИ. В лето 6936].

Пространное и любопытное описание нападения Витовта, показывающее силу артиллерии литовского войска, даётся в Вологодско-Пермской летописи [ПСРЛ, т.26]. Это нападение, хотя и с неудачно закончившимся выстрелом самой великой по тем временам «пушки Галка», продемонстрировало характер военных действий с применением всей мощи артиллерии и может быть это и заставило новгородцев платить такую большую дань. Чтобы заплатить огромные по тому времени суммы откупа, собирали серебро со всех новгородских волостей, даже с Заволочья по рублю с девяти человек. Заволочье принимало участие в выплате новгородской дани также Великим Московским князьям в 1386 году, когда новгородские бояре собирали за Волоком 5 000 рублей, что возложил Новгород на заволочан, что были на Волге [НПЛМИ. В лето 6894].

Постоянные вооруженные конфликты не смогли в целом помешать торговым контактам новгородцев с Западом. В XII веке новгородских купцов можно было встретить почти во всех торговых городах Балтики. В XIII—XV вв. Новгород остался крупнейшим центром русской торговли, ремесла и культуры, отличаясь большим числом ремесленников и многообразием их специальностей. Но не были исключены разного рода форс-мажорные обстоятельства. В 1130 году буря в Балтийском море разбила семь новгородских ладей, возвращавшихся из Готланда. В 1134 году произошла жестокая расправа с новгородцами в Дании: «*рубоша новгородць за моремь въ Дони*». Торговые пути новгородских купцов на «севера», в Югорскую землю, Урал, Сибирь (река Обь) нередко перекрывали такие же как и они русские люди — устюжане, вятичи, ставшие тогда союзниками Москвы.

Военно-политические конфликты Московского княжества с Новгородской республикой

Рассматривая геополитическую ситуацию в Заволочье необходимо заметить, что здесь было значительно меньше вооруженных конфликтов с иноземными ратями, чем на западных рубежах Великого Новгороде, в Прибалтике. Вместе с тем, Двинская земля, Заволочье по-существу стали объектом борьбы Ростовского и Московского княжеств с Новгородской республикой. Здесь, на Севере свои руские люди нападали на таких же русских людей и конфликты были не менее жестокими, чем в период экспансии с Запада или Востока на Русь. Почти три столетия велась жестокая борьба за власть и северные земли между Ростовом, Москвой и Великим Новгородом, имеющей глубинные политические, экономические, социальные и культурные корни. В отличие от авторитарных русских княжеств в Новгороде существовала республиканская форма правления. Новгородская боярская республика была не просто привлекательным способом устройства власти, а «красной тряпкой» для Москвы, как и Псковская, Вятская вечевые республики. В экономическом же плане шла борьба за богатые северные провинции, сбор дани, за торговые пути.

Новгородские князья были не наследственными, а *выборными*, поэтому Великий Новгород являлся не монархией, а республикой. Борьба между князем и боярством шла многие десятилетия и привела к установлению приоритета боярской власти после событий 1136 го-

да, когда, воспользовавшись восстанием новгородцев, боярство присвоило право приглашать князя и заключать с ним договор, четко определявший права и обязанности, в том числе *«А без посадника ти, княже, суда не судити».* Постепенно на протяжении конца XI—XIII вв. оформились все элементы политической вечевой системы Новгорода — вече, посадничество, тысяцкий, боярский Совет во главе с *владыкой* — архиепископом новгородской Софии. Боярский совет включал элиту новгородского общества — бояр, посадников и тысяцких, соцких и кончанских старост. Он решал основные вопросы внутренней и внешней политики, а также какие дела надлежало передать на рассмотрение веча.

Городское вечевое собрание свободных граждан, владельцев городских дворов и усадеб, рассматривало важнейшие политические вопросы, приглашало князя, избирало посадника и тысяцкого. Новгородские князья выбирались вечем и должны были заключать с Новгородом договоры, скрепляемые присягой. Для характеристики ограничения княжеской власти достаточно отметить, что князь не имел права раздавать новгородские волости своим людям, он мог раздавать их только новгородцам; князь не мог без новгородского посадника отправлять суд, раздавать волости, хотя бы и новгородцам, и издавать грамоты; князь не мог отнимать волости по-своему произволу («без вины»). Фактически князь не мог издавать законы, по своей инициативе объявлять войну и заключать мир с соседними государствами. Среди мер, имевших целью предотвратить влияние князя, следует указать на запрещение князьям, их женам, их боярам и дворянам принимать закладчиков из числа купцов и смердов; запрещение князьям, их женам, боярам и дворянам покупать и вообще приобретать каким-либо способом землю в Великом Новгороде; запрещение ставить слободы (поселения, население которых было освобождено от платежа дани) и учреждать места для сбора торговых пошлин(«мыта»); запрещение производить торговые операции с немцами без посредничества новгородских купцов. За свою деятельность князья получали финансовые поступления с определенных районов, а также судебные пошлины[185]. Во всех других русских княжествах власть князей носила авторитарный характер, не имела таких ограничений.

Новгородская республика несомненно занимала лидирующие позиции в организации общественного строя, развиии ремесла и торговли, культуры, грамотности населения, в социальной сфере, о чем писали Д.С. Лихачев, В.Л. Янин, А.В. Арциховский[186] и другие авторы. Важнейшей политической задачей Москвы поэтому было ограничение самостоятельности Великого Новгорода, распространившим своё политическое и культурное влияние в те времена на огромные северные территории. Новгород постоянно отправлял свои вооруженные формирования в Заволочье, ставшее в какой-то степени не просто ареной военных столкновений, но и центральным нервом политической борьбы между Москвою, Ростовом и Новгородом. «Заволочье становится ареной кровопролитной борьбы, затянувшейся почти на два столетия» [Овсянников О.В.][187]. Столкновение новгородского данщика Даньслава Лазутинича с отрядом Андрея Боголюбского 1169 года — первый известный нам эпизод в борьбе Новгорода и Ростова (позднее Новгорода и Москвы) за северные земли. Борьба, то затихая, то вспыхивая вновь, продолжалась более трех столетий, и летописи сохранили известия лишь о

---

[185] Памятники русского права. Вып. 2. … С. 13—14.

[186] Очерки русской культуры XIII—XV веков. Ч.1. Материальная культура. Изд. Моск. ун-та, 1969. URL: http:// historic.ru/books/item/f00/s00/z0000170/ (дата обращения: 16.11.2014).

[187] Овсянников О.В. Средневековые города Архангельского Севера. С. 30

некоторых, самых острых ее моментах, — подчеркивал Н.А. Макаров в своей работе «Русский Север: таинственное средневековье» (1993).

На протяжении столетий основными воротами Севера оставались Свирь и Шексна, дававшие начало двум водным магистралям: 1) Свирь — Онежское озеро — Онега — Северная Двина; 2) Шексна — Сухона — Северная Двина. Они во многом определили направление новгородского и ростово-суздальского колонизационных потоков и границы между владениями обеих сторон на Севере. Свирско-Онежский путь был под безраздельным контролем новгородцев и делал их полностью независимыми в своей колонизационной деятельности, поскольку благодаря ему они могли попадать на Север, минуя Белозерье, обходя территории, принадлежавшие князьям Северо-Восточной Руси. Этот путь открывал новгородцам легкий доступ в Беломорье, Нижнее Подвинье, на Печору, в Северное Приуралье, в то же время он обеспечивал связь с богатым и густо населенным (разумеется, по северным меркам) Важским краем[188].

Многие проблемы Новгорода и особенно Двинской земли были в XIV—XV вв. так или иначе связаны с *Великим Устюгом*, его географическим положением и особой экономической миссией (перекрывал торговые пути новгородских купцов на Урал, Обь), важной военной ролью в борьбе против Новгорода на стороне Москвы, которая неоднократно посылала устюжских воевод с войском на Двинскую землю, в том числе в самые ключевые моменты — во время Двинской смуты 1397—1401 гг., в 1471 году (Шиленьга). Устюг при этом и сам постоянно подвергался нападениям, разбоям и пожарам, хотя и рати устюжан сами часто нападали и грабили Двинскую землю и другие новгородские волости, а в 1471 году внесли очень значимый вклад в победу Великого Московского княжества над Новгородской республикой.

Используя Устюжский летописец в качестве источника, можно составить очень кратко следующую хронологию обороны и нападений с участием устюжан. В 1218 году на Устюг нападали Камские Болгары. Новгородские купцы, возвращающиеся из Югорской земли в Новгород в 1323 году были ограблены устюжанами, на что новгородцы в следующем 1324 году, под предводительством Великого князя Георгия Даниловича, напали на Устюг и разграбили его[189]. В 1329 году устюжане снова ограбили и убили новгородских купцов и промышленников, отправляющихся в Югорскую землю [Устюжский летописец]. В лето 6849 (1341) новгородцы ходили на Устюжну и град «пожегше», отняли свои товары [Московский летописный свод]. Видимо такого рода ограбления устюжанами новгородских купцов на торговых путях в Югорскую землю, Сибирь не были единичными случаями. Не все из них тогда нашли отражение в летописных источниках. Устюжане жестко воевали на Двине не против татар, норвежцев, свеев, а против таких же русских людей в угоду чуждым им интересам Московской княжеской власти. А в ответ сами кликали на себя большую беду и разорение. В 1337 году на Двине была разбита московская рать, которую, не объявляя войны, послал туда московский князь Иван Данилович: «*Тои же зимы розратися князь великыи Иванъ с новгородци, и посла рать на Двину за Волокъ, не помянувъ крестнаго цѣлованиа, и тамо крестъною силою посрамлени быша и ранени»* [НПЛМИ. В лето 6845]. Сильные и богатые

[188] Макаров Н.А. Русский Север: таинственное средневековье. М., 1993. С. 49.

[189] Устюжский летописец. Вологда, 1874. С. 87. URL: http://www.booksite.ru/fulltext/letopis/letopis.pdf (дата обращения: 14.10.2014).

новгородские бояре, проживавшие в Двинском краю, имели при себе удалые дружины, которые дали такой отпор непрошенным гостям, что московская рать была разбита наголову и беспорядочно бежала. Прямых ссылок на участие в этом походе устюжан нет, но это вполне вероятно в силу сложившейся практики привлечения устюжан к такого рода военным конфликтам с Новгородом в Двинской земле. В 1386 году устюжане участвовали в походе Великого князя Дмитрия Иоанновича против Новгорода [Устюжский летописец].

В 1393 году Устюг, Устюжна и многие волости, очевидно как бы в ответ, были взяты и разграблены новгородцами «*с обе стороне кровопролитья много учинилося*». Великий князь Василий Дмитриевич взял тогда Торжок с волостьми, Волок Ламский, Вологду [НПЛМИ. В лето 6901]. В этих конфликтах принимали участие ушкуйники. В Московском летописном своде сообщалось, что в лето 6901 (1393) *из Заволочья* собравшиеся «*мнози Новгородцы и шедше в мнозех насадех и ушкуехъ*» принимали участие в составе объединённой («совокупиша Новгородци рать») новгородской рати с воеводами новгородскими, князьями Романом Литовским и Константином Белозерским в походе на град Устюг раграбили его, а также Белозеро, град и села и волости, «*повоеваша и створиша ему, яко и Устюгу*» [ПСРЛ, т.25. Московский летописный свод]. Очень лаконично сообщил об этом сам Устюжский летописец: «*1393. Взят и разграблен Устюг Новгородцами*» [Устюжский летописец.С. 90]. В Тверской летописи под датой лета 6901 вообще нет ни одной записи. Новгородская четвертая летопись называет ушкуйников охвочей ратью и имена новгородских воевод:

> «*И Новгородци, охвочая рать, выъхаша на княжи волости воевать, а с ними два князя Роман Литовский, Костантин Иванович Белозерский, и воеводы Новгородские Тимофей посадник Юрьевич, Юрий Онцифорович, Василей Синец, Тимофей Иванович, Иван Александрович, и взяша Кличенъ и Устижно, а из Заволочья Новгородци с Двиняны взяша Устьюгъ городокъ* [ПСРЛ, т.4. СПБ, 1848. С. 100].

Через пять лет, в 1398 году новгородская восьмитысячная рать под начальством новогородских посадников Тимофея Юрьева, Юрия Димитриева и сторожевого головы Василья Борисова, нацеленная главным образом на Орлецы, пришли Сухоною к Устюгу, население в Черном Прилуке сожгли, волости и посады опустошили и разграбили [Устюжский летописец]. В 1401 году устюжане провели неудачный поход вниз по Двине в Заволоцкую землю.

Значительный урон Двинской земле был нанесён во время совместного похода в 1417 году, в котором приняли участие устюжане и вятичи. В ходе этого нашествия в Двинской земле была завоевана устюжанами волость Борок на правом берегу Северной Двины, разграблены и сожжены Емцы и Холмогоры на левом берегу, взяты в плен новгородские бояре. Затем нападающие повернули назад, но двиняне Иван Федорович и его брат Афанасий, Гаврила Кирилович, Исак Андреевич не дали им уйти безнаказанно, догнали под Моржом (это 222—225 км от Архангельска) и освободили пленённых новгородских бояр за выкуп, а затем в азарте погони дошли до Устюга и «пограбиша» его. При заключении мира устюжане вынуждены были и сами заплатить двинянам за причиненные разорения 8000 белок и 80 соболей [Устюжский летописец]. Подробности этого разорительного для всех похода сообщались и в Новгородской первой летописи [НПЛМИ. Лето 6925]. В 1425 году устюжане снова принимали участие в походе вниз по Двине против «великой силы новгородцев», коим и принуждены были в Вондокурской волости уступить, а при заключении мира снова заплатить шкурками дорогих в то время белок и соболей [Устюжский летописец].

В 1436 году доверчивые устюжане отворили город, поверив обещаниям и клятве Галицкого князя Василия Косого, предпринявшего тогда бунт против Великого князя Василия II. Василий Косой, войдя в город, учинил ужасное кровопролитие, приказал убить воеводу устюжского Глеба Ивановича Оболенского, других чиновников и многих граждан. В 1437 году войною на Устюг пришли вятчане, древний град Гледен сожгли и совершенно разорили, в граждане разбежавшись по лесам, избавились от смерти. Для укрепления защиты в Устюге с 1438 года начали строить большую насыпь и деревянную крепость. В результате двиняне пришедшие к Устюгу в 1441 году стояли под ним немалое время и «*не учиня бою обратно отступили».*

Устюг, Галич, Двина, Орлецы, Новгород, Москва, Ярославль, Каргополь и другие города упоминаются в связи с междоусобной войной второй четверти XV века. Дмитрий Юрьевич Шемяка (начало XV века—1553 г.), князь Угличский, Галицкий из рода Рюриковичей, исполнял обязанности Великого князя Московского 7 июля—26 октября 1445 года, когда Василий II находился в плену у татар. В феврале 1446 года войска Дмитрия Шемяки и его союзников снова без боя заняли Москву. Василий II Васильевич был ослеплен за то, что привел на Русь татар, раздавая им города и волости на кормление, а также в отместку за ослепление ранее Василия Юрьевича Косого, брата Д.Ю.Шемяки. Василий II вернул себе великокняжеский престол в феврале 1447 года. О некоторых перепитиях жестокой трагической междоусобицы Великого Московского князя Василия II Васильевича с князем Д.Ю. Шемякой, претендовавшим на великокняжеский престол («*вложи диявол в мысль хотети ему великого княжения*»), рассказывается в Холмогорской летописи [ПСРЛ, т.33. С.105—110]. Когда Великий князь Василий послал войско на Устюг, Дмитрий Шемяка уклонился от боя, бежал на Двину. Он даже придумал лёд ниже городка Орлеца на реке прорубить, чтобы избавится от преследования войска московских воевод. Дмитрий Шемяка был впоследствии отравлен в Новгороде по приказу Василия II в 1553 году.

В 1459 году устюжане ходили на покорение Вятской провинции, а в 1462 г. — в Пермскую провинцию. В 1465 г. воевали Югорское княжество. В 1466 г. на Двину и Вагу приходили вятчане, которые приступали и к Устюгу, но оставили его в покое. В пределы Устюжской провинции в 1468 году вторгались татары, черемисы. Устюжане с прочим войском в 1469—1470 гг. принимали участие в походах на Казань. Решающую роль сыграли устюжане и вятчане в битве при Шиленьге против двинян в 1471 году, нанеся Новгородской республике тяжелый непоправимый удар в Двинской земле. А в следующем 1472 году по повелению великого князя устюжане уже направились в Пермскую провинцию.

Таким образом, вся история Устюга в XIV—XV вв. была наполнена вот такой перманентной борьбой то за спасение своего города, то участием в нападениях на чужие земли, чаще всего не по собственной воле, а по указаниям Великого Московского князя. Горе быть вассалом великого князя в эпоху средневековья. Ущерб (урон) двинянам и другим соседним родственным народам, да и самим устюжанам, от такого рода междоусобных внутренних конфликтов, был видимо даже значительно больше, чем от набегов на Русь татар и других иноземных ратей.

Двинское смутное время

Наиболее острой конфликт в отношениях Новгородской республики и Великого княжества Московского в Двинской земле произошел в 1397—1401 г. Истоки его связаны с основанием крепости Орлецы на крутом берегу реки Северная Двина, можно сказать в самом сердце Двинской земли, её центре. Лука, богатый землевладелец, сын скончавшегося новгородского посадника Варфоломея, недовольный выбором нового посадника, собрал дружину вольных ушкуйников («холоповъ збоевъ») и с этой дружиной, со своим сыном Онцифором пошел в Заволочье на Двину. Построил в 1342 году по новгородскому старому обычаю город Орлец. Скопив емчан Лука взял всю землю Заволоцкую по Двине, все погосты «на щит». Когда его сын отправился в новый поход, Лука отошел от своего городка довольно далеко всего с двумя сотнями человек, и заволочане убили его. Новгородская первая летопись так сообщала об этих событиях:

> «*Лука Варфоломеев, не послушав Новаграда, митрополица благословениа и владычня, скопив с собою холопов збоев, и поеха за Волок на Двину, и постави городок Орлиц; и скопивши Емцан, и взя землю Заволочкую по Двине, все погосты на щит. В то же время сын его Онцифор отходил на Волгу, Лука же в двусту выиха воеват, и убиша его заволочане*» [НПЛМИ. В лето 6850].

Когда весть об этом пришла в Новгород, там начались волнения, восстали черные люди «*на Ондрешка, на Федора на посадника Данилова»,* что это они якобы заслали Луку убить. Онцифор вернувшись, бил челом Новгороду, состоялось два вече у св. Софии и на Ярославом дворе, конфликт был разрешен миром только с участием владыки Василия с наместником Борисом «а *диаволъ посрамленъ бысть*» .

В летописях детально описывалось начало Двинской смуты в конце XIV столетия, центром которой и стала новопостроенная крепость Орлец. В лето 6905 (1397) дались двиняне великому князю Василью Дмитриевичу, который «разверзе мир» с новгородцами. Новгородцы послали к великому князю владыку Иоанна и посадников Богдана и Кирила Дмитриевича с челобитьем на двинян. Князь же великий не принял «владычия» благословения и новгородского челобитья, — сообщал Двинской летописец [190]. В Московском летописном своде за этим же годом сделана запись идентичная Двинскому летописцу с небольшими вариациями в конце краткого сообщения, что князь великий новгородских посланников «*отпусти их без миру*» [ПСРЛ, т.25]. Запись такого же содержания встречается в Вологодско-Пермской летописи [ПСРЛ, т.26]. Молчит об этих событиях в Двинской земле Тверская летопись [ПСРЛ, т.15]. И только Новгородская первая летопись даёт детальное изложение событий с указанием земель, на которые претендовал московский князь. В 1397 году он послал за Волок на Двину бояр своих, Андрея Албердова с другы, ко всей Двинской слободе, поставив перед ними такие задачи:

> «*чтобы есте задалися за князь великыи , а от Новагорода бы есте отнялися, а князь великыи от Новагорода хоцет вас боронити, а за вас хощеть стояти*».

Иван Микитин и бояре двинские и все двиняне за великого князя задались, ему «*целоваша крест*». Князь великий на крестном целованьи у Новгорода отнял «Волок Ламьскый и с волостьми, Торжок с волостьми, и Вологду и Бежичькый верх»; потом к Новгороду с себя це-

[190] ПСРЛ. Т.33. Двинской летописец. Л.: Наука, 1977. С. 165

лование сложил и крестную грамоту выкинул. Новгородци с себя целование также сложили и грамоту крестную князю великому выкинули» [НПЛМИ. В лето 6905].

В своей уставной Двинской грамоте великий Московский князь Василий Дмитриевич обещал двинским боярам, и всем черным людям Двинской земли самые блаженные времена, значительные льготы, беспошлинную торговлю, такую же независимость и самостоятельность, какою пользовался сам господин Великий Новгород [191]. Заволочьем преимущественно владели богатые новгородские бояре, которые имели там свои обширные земли с городами и селами. Они нередко производили смуты даже в самом Новгороде, а своих владениях были почти полными самостоятельными владыками, тяготились зависимостью от Новгородского вече. Двинские бояре не были такими крупными землевладельцами, как новгородские. Но они постоянно жили в Двинской земле, участвовали в управлении, во всех местных делах. Между новгородскими и двинскими боярами нередко возникали конфликты, потому что двинянам выгодно было торговать и с Москвой и с Новгородом, а новгородцы требовали проводить товары, сырье только через свои новгородские склады.

Анализ летописных текстов и уставной грамоты показывает, что Москва действовала очень продуманно. Была проведена предварительная подготовка, чтобы отнять у Новгорода его владения и разорвать с ним заключенное ранее соглашение, скреплённое крестным целованьем. На Двину заранее были посланы бояре Андрей Албердов «с други», по современому говоря — пиарщики, агатиторы, чтобы провести необходимую подготовительную работу. Удалось привлечь на сторону Великого князя Московского союзников в лице Ивана Микитина (Никитина) из известного боярского рода, и его брата Анфала Никитина, легендарного предводителя дружин ушкуйников в истории Руси, взявшего со своей дружиной ещё ранее в 1360 году Жукотин на реке Каме. Кстати это обстоятеьство позволяет отнести Двинскую смуту 1397—1401 гг. и к движению ушкуйничества, потому что во главе её стояли братья Иван и Анфал Никитины. На основании процедуры крестного целованья Московский князь отнял у Великого Новгорода ряд волостей, Волок, Вологду, Торжок. Очевидно достижение этой цели и было главной его задачей.

Естественно, все эти события, о которых шла речь выше, требовали времени, информационные комуникации тех лет не были столь быстрыми как сейчас, дела скоро не делались. Только в следующем 1398 году по весне в ответ на эту смуту «*воеводы же новгорочкыи: посадник Тимофей, посадник Юрий и Василий и все вои поехаша за Волок на Двину к городу к Орлецу*». В Новгородской первой летописи имеется упоминание о встрече их «с Вели владычень волостель Исаи» (где произошла эта встреча, информация отсутствует), который рассказал, что, боярин Андрей с Иваном Никитиным и с двиняне Вельскую волость:

> «*повоеваша, а на головах окуп поимаша; а от князя великаго приехалъ на Двину в засаду князъ Федор Ростовскый городка блюсти и судити и пошлин имати с новгородскых волостей; а двинские воеводы Иван и Конон с своими други волости новгородские и бояр новгородских поделиша собе на части*» [НПЛМТ. В лето 6906].

Видимо великий князь Московский не спешил выполнять свои громкие обещания, посеявшие семена смуты, а двинскикие воеводы тем временем начали уже самостоятельно делить между собою новгородские волости, откуп и пошлины сами собирать.

---

[191] Уставная Двинская грамота великого князя Василия Дмитриевича // ААЭ. Т.1. 1294—1598. СПб, 1836. С. 89.

Новгородское войско повоевало Белозерские, Губинские, Галичские волости, сожгло Устюг, стояло месяц под Орлецом, взяло его и снесло полностью крепость. В Вологодско-Пермской летописи указана численность новгородской рати и суммы взятого откупа:

«*В лето 6906 (1398). Ходиша Ноугородцы за Волок ратью, воевода посадник Тимофеи Юрьевич, Юрьи Дмитреевич, Василеи Синец, а рати с ними 3000. И повоеваша Белозерьские волости и з городка взяша 6026 рублев, и Губинские волости и Галичские взяша на щит, и Устюг пожгоша. А под Орлецом стояше месяц… Новгородцы же взяша Орлец и раскопаша, а на Двиняиех взяша окуп 2000 рублев, да 3000 коней, и наместника великого князя сослаша*»[192].

После этого события крепость Орлец на левом берегу Северной Двины, расположенная в 120 километрах от Архангельска, уже никогда больше не функционировала. Её век был недолог, построенная в XIV веке новгородцами, она в том же столетии и прекратила своё существование. Новгородские воеводы доставили в Новгород взятых в плен двинского боярина Ивана Никитина с Герасимом и Родионом уже зимой, где вече приговорило их к смерти. Тут же Иван Никитин был сброшен с моста в Волхов реку, а его брат Анфал ещё по пути в Устюг сбежал. Герасим и Родион упросили новгородское вече о жизни и постриглись в монахи. Об этом можно найти информацию и в Двинском летописце, и в извлечениях из Воронцовского списка приложения первого к Новгородской первой летописи. Но Герасим потом сбежал из монастыря и упоминание его в летописях относится уже к 1401 году вместе с именем Анфала Никитина в связи с походом на Двину.

Двинская смута не закончилась в 1398 году и растянулась после этого ещё на три года. Осенью 1398 года в Москву снова ездили послы из Новгорода, которые в этот раз «*взяша мир с великим князем о двинянех*» [Двинской летописец. С.165—166]. Продолжавшаяся несколько лет острая борьба Московского княжества с Великим Новгородом привела к заключению мирного договора. Новгородскую республику покорить в те времена Московскому княжеству не удалось. Стерев с лица земли крепость Орлецы, завоевав ряд волостей новгородская рать выполнила свою военно-политическую миссию, восстановила своё былое господство над Двинской землёй. Но мир оказался весьма непрочным и был нарушен уже в следующем 1399 году в ходе военных столкновений во время новгородской погони за бежавшим Анфалом Никитиным, братом казненного Ивана Никитина.

В 1401 году московский великий князь Василий Дмитриевич неожиданно «среди мира» послал свою рать в Двинскую землю под руководством уже известных нам предводителей ушкуйников Анфала Никитина и Герасима Ростриги:

«*Того же лета на миру, на крестном целовании, князя великаго Василья повелениемъ Анфал Микитин да Герасим Рострига с князя великаго ратью наихав воиною за Волок на Двину и взяли всю Двиньскую землю на щит без вести, в самыи Петров день, крестиан повешали, а иных посекли, а животы их и товар поимали; а Ондрея Ивановича и посадников двиньскых Есифа Филиповича и Наума Ивановича изимаша*» [НПЛМИ. В лето 6909].

Рать, возглавляемая известными ушкуйниками, страшно опустошила Двинскую землю, но всё же получила ответ от двинян. Богатые двинские бояре Степан Иванович, Микита Головня,

[192] ПСРЛ, т.26. Вологдско-Пермская летопись. С. 166.

собрав (скопив) около себя важан, разбили рать Анфала Никитина на Холмогорах, отняли всех пленников бояр новгородских Андрея, Есипа, Наума и всю добычу. Двинские бояре были тогда настолько сильны своими собственными средствами, что почти без военной помощи из Новгорода отражали нападения на свои владения в Двинской земле.

Князь великий Василий Дмитриевич посылал также одновременно своих бояр Александра Поля и Ивана Марина на Торжок войною в 300 человек. Этот и другие факты говорят о том, что события 1397—1401 гг. являются не просто какой-то одной—двумя разовыми военно-политическими акциями, а представляют реализацию выработанной заранее (очевидно только в мыслях, а не на бумаге) стратегии по взятию под полный политический и экономический контроль всей Двинской земли.

Что примечательно, великий князь в борьбе с Новгородом воспользовался услугами известного предводителя ушкуйников Анфала Никитина (к его судьбе и походам я ещё вернусь при анализе деятельности новгородских ушкуйников) и поставил его во главе своей рати. Это даёт основание отнести данный поход к числу походов новгородских ушкуйников. В летописях отсутствует информация о фактическом составе этого вооруженного формирования. Можно всего лишь высказать гипотезу о том, что в составе московско-двинской «*великой рати»*, были «вольные люди», професиональные военные, двиняне, устюжане. Очевидно также, что для достижения поставленных целей в политике пригодны любые средства и враги моих врагов становятся моими союзниками. Использование предводителей ушкуйников русскими князьями в качестве военачальников сформированного под их контролем войска для достижения своих целей в те времена не являлось чем-то неожиданным, исключительным и приобрело в XV веке ещё более широкий масштаб. Здесь принцип добровольности ушкуйничества работал только на уровне формирования низового состава вооруженных сил.

В какой-то степени продолжением московской экспансии на Двинскую землю стали военные походы устюжан и вятчан на двинские городки и поселения, не встречавшие однако той поддержки, которую оказали двиняне Великому князю в конце XIV века. Союзниками московского князе в борьбе за Двинские земли в 1441 году были уже псковичи, которые «*пакости створиша не мало*», как и устюжане на Двине.

Кстати говоря, в Вологодско-Пермской летописи в лето 6914 (1406) имеется запись, показывающая существующие в княжеской среде элиты тех времён жестокие нравы : «*Тое же осени князь Юрьи Смоленский отъеха из Новагорода на Москву, и князь великий да ему Торжок. И он ту убил неповинно служащаго ему князя Семена Мстиславича Вяземского и его княгиню Ульяну, уязвивъ своим похотением оканным на его подружив. Она же, преподобная душа, мужелюбица, мужески воспротивися ему и земше (взявши) нож, и удари его в мышцу на ложе его. Он же возьярився вскоре, сам князя ея убил, а самой руки и ноги повеле «отсвщи и вовреще в реку*». *И бысть ему во грехе и в стыд велик, и с того збежа к Орде, и не терпя горкаго своего безвременья и безчестья*» (без комментариев, представляет готовый сюжет для сценария в кино).

Московское княжество постепенно увеличивало свои владения в Двинской земле и других волостях Новгорода. В 1435 году новгородцы уступили великому князю «отцины Бежичкаго верха и на Ламьском волоке (Волоколамск) и на Вологде» [НПЛМИ. В лето 6943]. Однако уже в 1441 году князь Василий Васильевич «*възверже нелюбье на Ново-*

род Великыи, присла грамоту розметную и повоева волостеи новгородчкых много». Новгородцы вынуждены заключить мир и дать ему 8000 рублев. В то же время новгородские воеводы с заволочанами повоевали много земель князя великого «*противу того, что князь воевалъ новгородчкыя волости*» [НПЛМИ. В лето 6949].

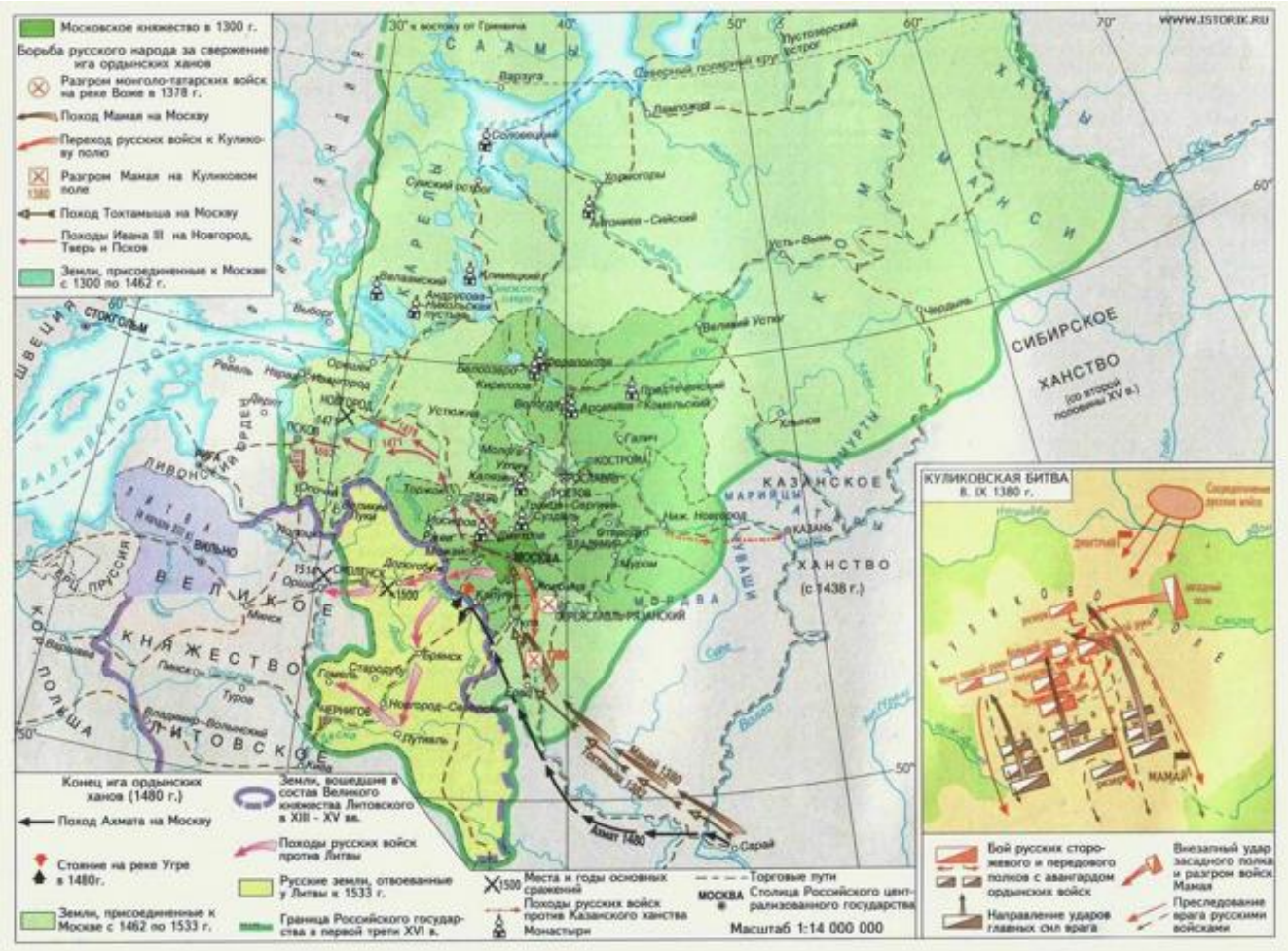


Рисунок 21. Земли, присоединённые к Москве в XIV—XVI вв.
URL: http://www.istorik.ru/wp-content/uploads/2014/09/russia004.jpg

В 1456 году войска великого князя Василия разгромили новгородскую рать под Русой. По договору, заключенному в Яжелбицах, в Новгороде была усилена власть князя, который стал высшей судебной инстанцией. Новгород лишился права внешних сношений; выплатил большую контрибуцию и обязался не оказывать поддержки противникам Москвы. Эти и другие действия московского правительства были предвестником окончательного падения новгородской вольности. Важская земля стал московской в 1462 году, а после жестокого поражения двинян в битве с устюжанами и вятичами в 1471 году под Шиленьгой в устье реки Ваги при впадении в Северную Двину к Москве отошли и многие другие владения на Северной Двине. В 1478 году вместе с Новгородом вся остальная территория Двинской земли вошла в состав Московского великого княжества, Новгородская республика перестала существовать.

На завершающем этапе борьбы Новгорода и Москвы за Двинскую землю решающим событием стала масштабная битва 1471 года, которая сложилась тогда очень неудачно для двинской рати. В 6979 лето (1471) новгородские посадничьи дети Исаака Борецкого с матерью своею Марфой отказались от великого князя Ивана Васильевича московского:

«*не хотим за великого князя Московского, ни зватися вотчиною его, волные есмя люди Великий Новъгород. А Московской князь великий многи обиды и неправду над нами чинит, но хотим за короля Польского и великого князя Литовского Казимера*» [Вологодско-Пермская летопись. С. 234].

В Москве новгородский бунт идеологически расценили как «от христьяньства к Латынству отступающее», привлекли все свои силы, возможности лояльных Великому князю других русских князей для организации общего похода на Новгород.

В поход на Двинскую землю великий князь Московский направил Бориса Глебца с вятской ратью и послал на Устюг к Василию Федоровичу Образцу, чтобы тот с устюжанами на Двину тоже ратию шел. В 1471 году:

«*В 31 же день маиа, в пяток, послал князь великий Бориса Слепца к Вятке, велел им быти на Двинскую землю ратью же. А к Василью к Федоровичю к Образцу послал на Устюг, чтобы с Устюжаны на Двину же ратью пошол, а зжидал бы ся з Борисом да с Вятчаны*» [ПСРЛ, т.26. В лето 6979].

И был бой вятчан и устюжан с князем Василием Шуйским, а ним «Заволочье все и Двиняне». Численность двинской рати достигала 12 тысяч человек, противостоящей им рати воевод великого князя было четыре тысячи без тридцати человек. Две рати начали биться, выйдя из судов обои, в третьем часу дня, битва продолжалась до захода солнца. Бой был драматичным и военная удача отвернулась тогда от двинян. Было выбито знамя у двинян и убиты три знаменщика, «первого убиша, ино другой подхватил, и того убили, ино третий подхватил, убиша же третьего и знамя взяша» [Двинской летописец. С. 149]. К вечеру одолели полки вятичей и устюжан двинскую рать, многие из двинян погибли, а князь Василий Шуйский был ранен и убежал в лодке на Колмогоры.

Описания начала и хода боя, численности участников битвы, гибели 3-х знаменщиков, другие детали совпадают в Двинском летописце (в краткой и пространной редакции) с записью в Вологодско-Пермской летописи, но в Двинском летописце видимо ошибочно была указана дата этого «боя на Двине» на семь лет раньше — в лето 6972 (1464 год).

Хотелось бы привести поэтому описание этой исторической битвы ещё и по Устюжскому летописцу, чтобы снять все сомнения как по локализации этой битвы, так и по её датировке. В 1471 году Устюжский наместник Василий Федорович Образцов отправился с устю-жанами и вятчанами судами по Двине и «*при реке Шиленге*, *впадающей в Двину»*, произошло 6 июня между сим войском и воеводою князем Василием Васильевичем Шуйским сражение, которое началось с четвертого часу за полночь и продолжалось во весь день *близ устья реки Ваги*. Победа была на стороне устюжан. Побежденные же новгородцы обратились в бегство. «Нужно при сем упомянуть, что от Белого моря до реки Ваги простиралася власть Новгородская над Двинскими и Заволоцкими народами, а с сего времени началось совершенное покорение Двинян под Российскую державу» [Устюжский летописец. Вологда, 1874. С. 101].

1471 год стал настоящим годом поражений для новгородских ратей и предвестником полного поражения Новгородской республики, уничтожения всех новгородских вольностей и полного передела собственности, как сказали бы мы сегодня. Известно, что 7 июля новгородцы потерпели поражение в бою при Коростыне. Полк владыки новгородского в том жарком бою не пошел на выручку пехоты, мотивируя тем, что владыка не велел им поднимать

руку на великого князя. Ещё более страшное поражение потерпели новгородцы, несмотря на свою отчаянную храбрость, в битве на реке Шелони в том же году. Новгородцы потеряли тогда до двенадцати тысяч человек убитыми и две тысячи пленными, в числе которых оказались главные воеводы новгородской рати.

В результате военных поражений участь Двинской земли была предрешена. 11 августа 1471 года новгородское посольство по определению веча и всего Великого Новгорода отказалось от всех земель по Двине, которые ещё в 1456 году по Яжелбицкому договору были уступлены великому князю Василию Васильевичу, но после его смерти новгородцы снова завладели ими и привели местных жителей к крестному целованию на имя Великого Новгорода. Были составлены подробные описи Двинских земель с определением границ. Проведена локализация спорных территорий, захваченных в своё время новгородскими боярами, по реке Ваге. Двинские земли окончательно вышли в из-под власти Великого Новгорода.

А вскоре (1478) Новгородская республика вообще утратила все свои прежние права и вольности, были уничтожены все выборные власти, новгородцы сами целовали крест великому князю московскому. Кончилось независимое, самостоятельное существование русской республики с её вечевым устройством, город перестали называть господином, он поступил в разряд обыкновенных московских волостей и потихонечку зарихел, утратил прежие амбиции. Вместе с этим завершилась важнейшая и интереснейшая страница в истории Двинских земель, тесно связанная с судьбой Великого Новгорода, его республиканского прошлого.

С Волхова или с Волги пошла Русская земля?

Одним из острых вопросов по данной теме в последнее время неожиданно стала проблема идентификации и самого местоположения Великого Новгорода в связи с опубликованной книгой «Господин Великий Новгород. С Волхова или с Волги пошла Русская земля?»[193]. Её авторы: Анатолий Тимофеевич Фоменко, академик РАН, доктор физико-математических наук, профессор МГУ, и Глеб Владимирович Носовский, кандидат физико-математических наук, доцент МГУ, высказали предположение, что знаменитый летописный Великий Новгород — это совсем не Новгород на Волхове, а город Ярославль на Волге. Анализируя якобы истинное местоположение Великого Новгорода, они обращаются к русским летописям и изучают их содержание. На протяжении всей русской истории до начала XVII века летописный Великий Новгород прочно занимает положение старой русской столицы, знаменитого центра внешней торговли, крупного речного порта. Однако раскопки в современном Новгороде на Волхове, по мнению А.Т. Фоменко и Г.В. Носовского, однозначно показывают, что город этот никогда не был местом оживлённой международной торговли. Он был отдалён от средневековых торговых путей и торгово-географическое его положение было крайне неудачным. На протяжении всей истории Киевской и Владимиро-Суздальской Руси великие князья перманентно и по многу раз ездили в Новгород, добираться до которого им приходилось через труднопроходимые, болотистые места. А.Т. Фоменко и Г.В. Носовский подтверждают примерами из летописей, что Великий Новгород находился на путях из Москвы в

[193] Фоменко А.Т., Носовский Г.В. Господин Великий Новгород. С Волхова или с Волги пошла Русская земля? URL: http://mchost.e-reading-lib.org/bookreader.php/1022013/Fomenko_-_Gospodin_Velikiy_Novgorod._S_Volhova_ili_s_Volgi_poshla_Russkaya_zemlya.html (дата обращения: 27.08.2014).

Кострому, из Ростова Великого в Кострому и с иронией пишут: «Смотрим на карту. Если бы сегодня кто-либо вздумал ехать из Москвы в Кострому через современный Новгород на Волхове, а тем более — из Ростова Великого в Кострому через волховский Новгород, то на такого чудака посмотрели бы как на сумасшедшего. Это, по сути — путь туда и обратно» [Указ. соч.]. Если взять вместо Новгорода на Волхове город Ярославль на Волге, то всё сразу же становится на свои места.

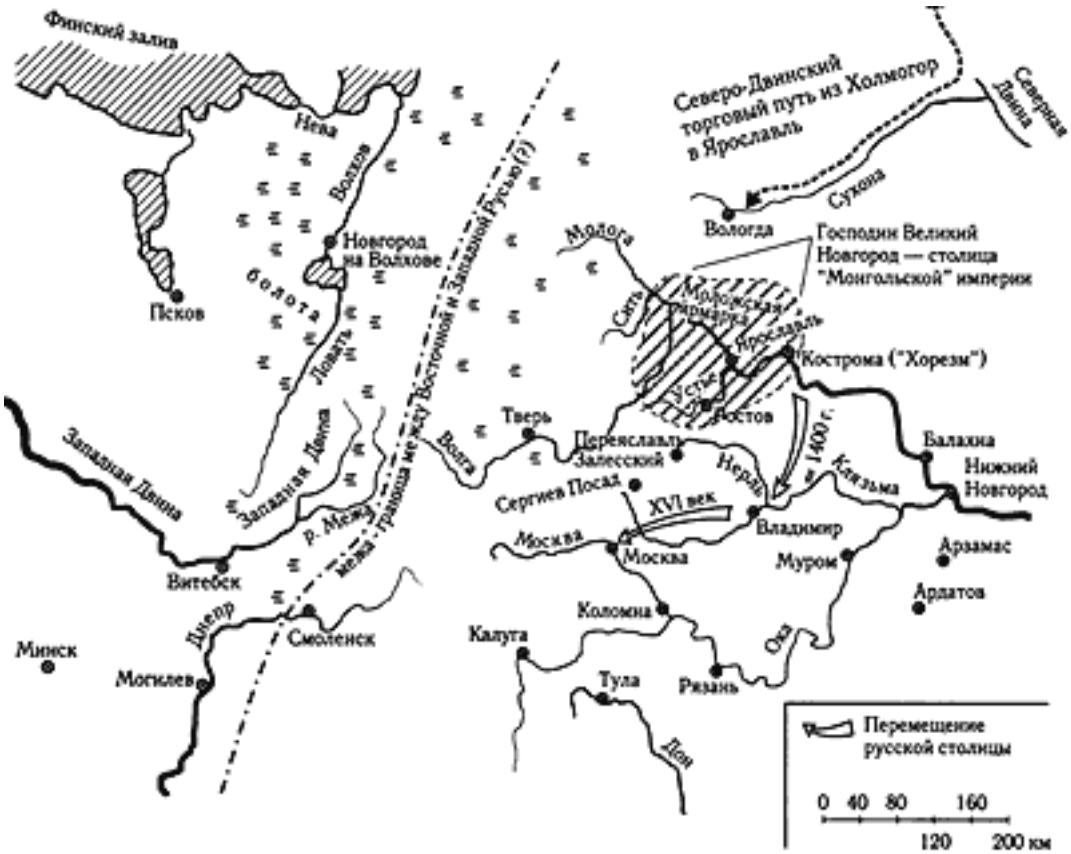


Рисунок 22. Великий Новгород с Ярославовым дворищем —
это Ярославская земля с центром в Ярославле на Волге / Фоменко А.Т., Носовский Г.В.

Исследуя положение Великого Новгорода на старых карта Сигизмунда Герберштейна (1557) Фоменко А.Т.и Носовский Г.В обращают внимание на отсутствие обозначения символом (небольшими картинками) Великого Новгорода, самого знаменитого из русских городов, и делают вывод о фальсификации этой карты. Антоний Дженикcон на более поздней по времени опубликования карте России 1562 года вообще изображал Великий Новгород во Владимиро-Суздальской Руси, был уверен, что он стоит на Волге. Европейцы в XVI веке еще плохо знали русскую речную географию. Антоний Дженкинсон, составитель данной карты, не был ни в одном из этих мест, и возможно вообще в России — Тартарии. А составил он свою карту по описаниям, дошедшим до него от различных путешественников того времени. Такие сведения приводил в своём сочинени Франческа де Кола, австрийский посол XVI века. Лифляндские дворяне Иоганн Таубе и Элерт Крузе, бывшие непосредственными участниками разгрома Великого Новгорода опричниками, заявляли, что Великий Новгород якобы стоял тогда на Волге.

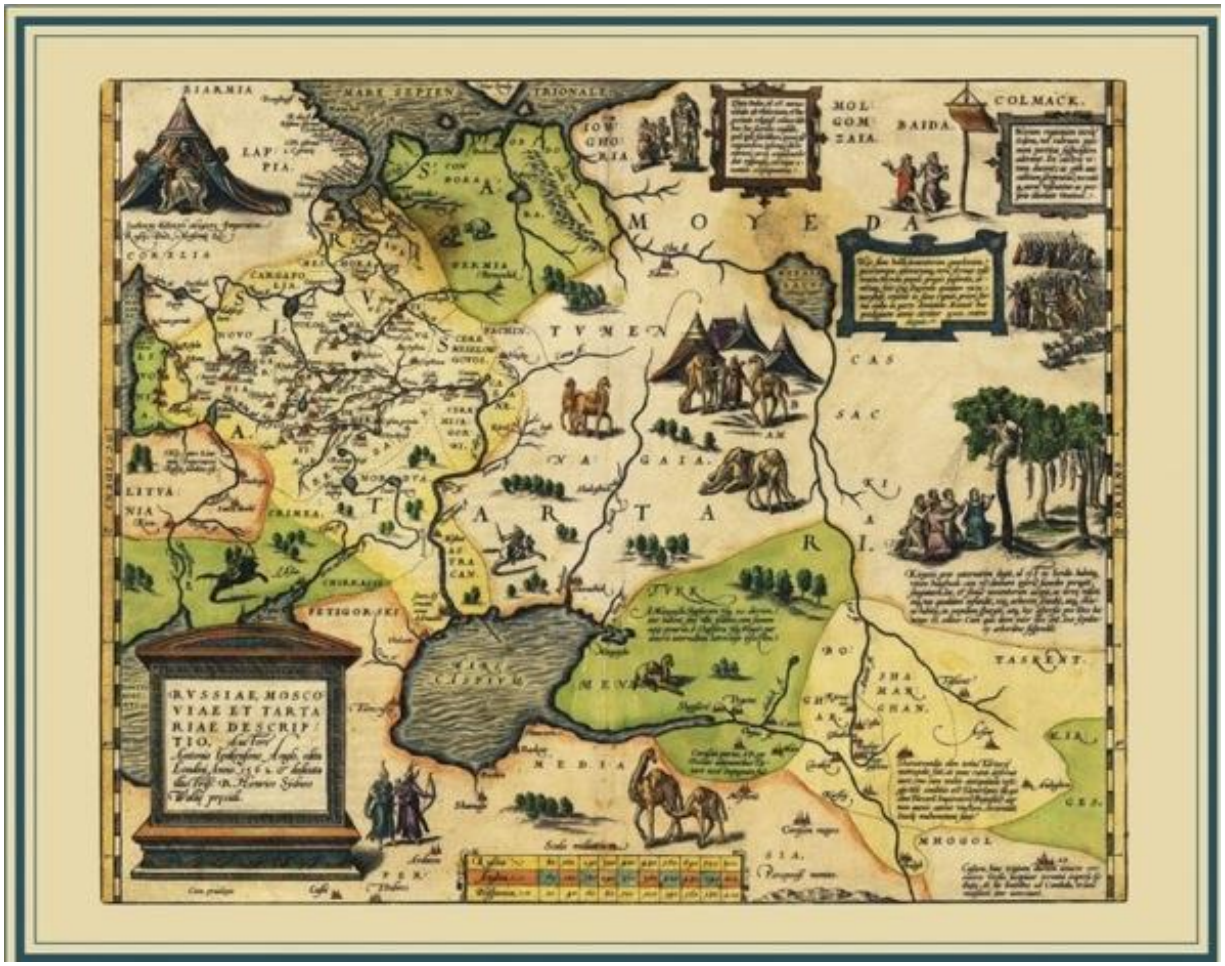


Рисунок 23. Карта России, Московии, Тартарии, составленная Антонием Дженкинсоном в Лондоне в 1562 году. Издана с гравюры Франса Хогенберга в Антверпене в 1570 году. URL: hop.tintuit.ru/ upload/medialibrary/ed2/ map_04_tartaria.jpg

Эти и другие аргументы из книги А.Т.Фоменко и Г.В. Носовского будят воображение, но насколько они состоятельны, возможна ли верификация высказанных гипотез, — всё это остаётся под большим впросом. Существует ли потребность (нужда) кроить и перекраивать отечественную историю по нескольким, пусть и очень как бы казалось достоверных свидетельствам недружественно настроенных прибалтийских дворян. Даже когда происходит ДТП, разные свидетели высказывают прямо протиположные мнения по марке, цвету, номерам автомобиля и другим деталям. А тут иностранцы, никогда не видевшие Новгорода, что-то сочиняют, возможно даже с целью заработка, про его местонахождение. История часто бывает слишком ангажирована политикой, чтобы быть независимой. Думаю, как и с локализацией Белого моря на иностранных картах, на Западе элементарно отсутствовали достоверные знания о русских землях. Сама карта А. Дженкинсона 1562 года критически анализируется далеко не первый раз[194].

Лично для меня вполне очевидно, что у Ярославля на Волге есть своя история, у Великого Новгорода — другая, так как существует целый комплекс русских летописей, зарубежных хроник, артефактов, которые все сразу невозможно фальсифицировать, даже если очень захотеть сделать это. Анализ ливонских и других зарубежных хроник в сочетании с отече-

[194] Осипов И.А. Антоний Дженкинсон и карта России 1562 г. URL: http://www.kolamap.ru/library/txts/ osipov.html (дата обращения: 27.08.2014).

ственными источниками покажет направление северных крестовых походов на Балтике в XII—XIV вв. не на Ярославль, а на Великий Новгород. Существует множество гипотез об основании Новгорода. Его основали славяне, пришедшие на Север в процессе расселения и затем пригласившие Рюрика в уже существующий город, имевший три ядра — изначальных посёлка [В.Л. Янин и др.][195]. Есть правда ещё одна даже более неожиданная версия о происхождении Новгорода. В лето от сотворения мира 3113, за две с лишним тысячи до Рождества Христова: «*великий князь Словен поставиша град и именоваша его по имени своем Словенеск, иже ныне зовётся Великий Новград, о устия великого езера Ильмера по реке Волхову полтретья поприща*»[196]. Вопрос заключается в том, была ли фальсифицирована сама эта летопись. Однако вполне очевидно, что Киевская Русь вторична по отношению к Великому Новгороду, с которого фактически начинается история Русской земли

Некорректно делать выводы только на основе существующей в те времена транспортной логистики или анализа иностранных карт, не отражающих, как мы уже знаем, даже фактическую локализацию Белого моря, северных территорий. Нужен тщательный сравнительный анализ всего комплекса имеющихся письменных летописей, карт, берестяных новгородских грамот, сообщений иностранцев о России, архивных документов и других источников. Локализация Великого Новгорода не представляет сегодня особых трудностей, если будут использованы междисциплинарный подход при изучении всего комплекса (комбинации) накопленной информации по истории, лингвистике, этнографии, нумизматике, геологии, географии и другим отраслям научных знаний; артефактов, найденных и объяснённых археологами; большого количества зарубежных карт, с которым ещё не так давно не было возможности даже ознакомится, других источников.

В настоящее время сформировалась огромная и вполне доступная база существующих научных знаний, мифов, исторических гипотез на совершенно новой основе электронных ресурсов, web-аналитики, что даёт пищу для размышлений, сравнительного анализа, обеспечивает их изучение, верификацию. При этом вовсе не исключается манипулирование, использование доступных источников и знаний в качестве инструментов мягкой силы в информационных войнах XXI века, с целью распространения сенсаций, мифов; удовлетворения собственного тщеславия или по недомыслию.

Немало сомнений у отдельных историков вызывает ещё одна, недостаточно системно исследованная проблема новгородских ушкуйников, о которой пойдёт далее речь. Эта интереснейшая проблема привлекла моё внимание, в первую очередь, в связи с изучением истории Русского Севера, Двинской земли, Поморья. Пришлось даже ввести такое концептуально сложное понятие, как *«новгородские повольники&ушкуйники»,* которого фактически не было в русских летописях, чтобы показать динамику, эволюцию процесса добровольного ушкуйничества и объяснить более ранний институт повольничества (по воле своей), их роль в жизни новгородского общества, в защите русских земель. Надеюсь, что подобные символы, знаки понятны сегодня современному читателю.

---

[195] Янин В.Л., Алешковский М.Х. Происхождение Новгорода (к постановке проблемы) // История СССР. 1971. № 2. URL: http://www.bibliotekar.ru/novgorod/11.htm (дата обращения: 11.09.2014).

[196] ПСРЛ, т. 31. Летописцы последней четверти XVII в. М.: Книга по требованию, 2013. URL: URL: tatic.my-shop.ru/product/pdf/172/1719199.pdf (дата обращения: 11.09.2014).

2.2. Новгородские ушкуйники, землепроходство, колонизация Севера

К настоящему времени уже имеется вполне солидная историография, научные и научно-публицистические публикации по истории Древнего Новгорода, Новгородской республики в эпоху средневековья. Однако всё ещё остаются недостаточно исследованными, особенно на концептуально-теоретическом уровне, страницы истории Новгорода, связанные с походами новгородских повольников, особенно северный вектор их деятельности, вошедших в историю в большей степени как феномен ушкуйничества XIV—XV вв.

В качестве источников здесь мною используются Полное собрание русских летописей [тома № 3, 4, 9, 15, 25, 26, 27, 31, 33, 37 и др.], включенные в них летописи, своды. Всесторонний, глубокий анализ в целом истории русского летописания выполнен Алексеем Александровичем Шахматовым (1864—1920), Михаилом Дмитриевичем Приселковым (1881—1941), Арсением Николаевичем Насоновым (1898—1965) в их не утративших актуальности капитальных трудах. Разработанная ими методология исследования исторических и литературных памятников строилась *на сравнении* дошедших до нас летописей в отличие от метода П.М.Строева, К.Н. Бестужева-Рюмина, И.А. Тихомирова, которые источники реальных летописей вычленяли путем простой их «*расшивки*», выделения отдельных частей, предположительно связываемых с определенным временем, местом и княжением, — отмечал Я.С. Лурье в предисловии к книге М.Д. Приселкова[197]. Основой изучения летописей становится сравнительно-текстологический метод. М.Д. Приселков излагал историю летописания в хронологическом порядке, но доказательство основных положений его книги основывалось на сохранившемся материале — он шел от более поздних, реально дошедших памятников к их более древним протографам. Осознавал М. Д. Приселков и условность, и недостаточную доказанность атрибуции летописных текстов (автор, время и место создания)[198]. Он ссылался на мнение А. А. Шахматова, что летописцы отнюдь не были отшельниками, далекими от земной юдоли, «рукой летописца управляли политические страсти и мирские интересы», но интересы эти могли быть весьма различными. Большинство дошедших до нас сводов были княжескими и епархиальными, но летописи составлялись и в иных местах — в частности, в монастырях [Приселков М.Д. Указ. соч. С. 24].

Оценка содержания летописей по исследуемой новгородской проблематике в отечественной историогафии весьма критична. Приходится учитывать, что сами летописцы всегда были ограничены в описании тех или иных исторических событий, восприятии окружащей их реальности, что-то идеализировали, что-то не замечали, упускали, политизировали в угоду правящей элите, а что-то и переписывали. В летописях имеется путаница с датировкой известий (Н.Г.Бережков). Новгородские летописи появились позднее описываемых событий, написаны разными писцами, содержат исправления, некоторые листы, тетради были утрачены (Б.М. Клосс). Имеются сомнения о достоверности публикуемых сведений.

Различные аспекты истории новгородских ушкуйников в той или иной степени освещались или затрагивались в историографии, начиная с XIX века. Перечень авторов получился весьма представительным, но это далеко не полный их список по данной теме:

---

[197] Приселков М.Д. История русского летописания XI—XV вв. СПб, 1996. С.17. URL: http://bib.convdocs.org/v1518/ прислков_м.д._история_русского_летописания_xi-xv_вв (дата обращения: 19.10.2014).

[198] Атрибуция (от лат. attributio - приписывание) — установление автора, времени и места создания .

a) Беляев И.Д. (1810—1873), историк. История Новгорода Великаго отъ древнейших временъ до падения. М.: Синодальная типография,1866. 585 с.
b) Соловьев С.М. (1820—1879), доктор исторических наук, профессор, ректор Московского ун-та. История России с древнейших времен. Книга I. Тома 1—2. М.: Мысль, 1988.
c) Ключевский В.О. (1841—1911), доктор исторических наук, профессор. Курс русской истории. Т. I, II. М., 1956, 1957. Хозяйственная деятельность Соловецкого монастыря в Беломорском крае. Соч. Т.VII. М.: Изд.соц.-экон. лит-ры, 1959. С. 5—32.
d) Лихачев Д.С. (1906—1999), академик РАН. Новгород Великий: очерк истории культуры Новгорода XI—XVII вв. М., 1959. Переиздание 1945 года. Защитил диссертацию кандидата филологических наук в 1941 году по теме: «Новгородские летописные своды XII века», диссертацию доктора филологических наук в 1947 году на тему «Очерки по истории литературных форм летописания XI—XVI вв.».
e) Бернадский В.Н. (1890—1959), доктор исторических наук, профессор. Новгород и Новгородская земля в XV в. М.-Л.: АН СССР, 1961. — М.: Книга по Требованию, 2012. 399 с. Репринт оригинала 1961 года.
f) Артемьев А.Р. (1958—2005), доктор исторических наук, археолог. Города Псковской земли в XIII—XV вв. Владивосток: Дальневосточное отделение РАН, 1998. 420 с.
g) Усенко О.Г., род. в 1965 г., кандидат исторических наук, доцент Тверского гос. уни-та. О сущности и хронологических рамках ушкуйничества // Прошлое Новгорода и Новгородской земли. Материалы научной конференции 11—13 ноября 1999 г. Великий Новгород: НовГУ, 1999. Ч. 1. С. 48—54.
h) Быков А.В., кандидат исторических наук. Новгородское войско XI—XV веков: автореф. дис. …канд. ист. наук. Великий Новгород, 2006.
i) Тулупов В.Г., род. в 1956 г., кандидат богословия, протоирей, настоятель Михайло-Архангельского храма, г. Сергиев Посад. Русь Новгородская. — Изд-во: Алгоритм-книга, Эксмо, 2009. 208 с.
j) Гумелёв В.Ю., кандидат техничесих наук, Пархоменко А.В., доцент. Ушкуйники: вооружение и особенности десантных операций// Гуманитарные научные исследования. 2013. №2.
k) Телицин В.Л. род. в 1966 г., доктор исторических наук, профессор, ведущий научный сотрудник Института всеобщей истории РАН. Русское иго, или Нашествие ушкуйников на Золотую Орду. М.: Алгоритм, 2013. 256 с.

Анализируя источниковую базу профессор *Виктор Николаевич Бернадский* подчеркивал, что сам термин «ушкуйники» на страницах летописей встречается весьма редко, его не знает вовсе Новгородская первая летопись, Псковские летописи. Чаще он встречается в летописях московского и ростовского происхождения, особенно в Рогожском летописце и Симеоновской летописи, Новгородской четвертой летописи. Поэтому имеются все основания полагать, что это термин не новгородского происхождения. В.Н. Бернадский в книге «Новгород и новгородская земля в XV веке», опубликованной в 1961 году, в специально выделенной им главе «Походы ушкуйников на Волгу и Каму» подчеркивал *историчность ушкуйничества* как социально-политического движения и анализировал его трактовку как явления, присущего новгородской жизни *с древнейших времени вплоть до XV века*. При такой постановке, рассматривающей вкупе все походы новгородских молодцов в далекие страны от «отроков» Гюряты Роговича (или даже от Порея и Вышаты) до ушкуйников Анфала, они (эти походы) выступают как проявление новгородского духа, ищущего по Н.И. Костомарову «раздолья, простора, подвигов за пределами Новгородской земли». Повольничество — ушкуйничество И.Д. Беляева, отождествляющего эти понятия, — чистый продукт новгородской

жизни; в нем находит выход для своей энергии буйная новгородская молодежь, — отмечал В.Н. Бернадский, критикуя И.Д. Беляева, что это явление остаётся у него всё же необъясненным [199].

Об этом же, разделяя мнение В.Н. Бернадского, почти в аналогичных выражениях пишет и доктор исторических наук, профессор *Вадим Леонидович Телицын* [200]. Он отмечает, что интерес летописца всегда был избирателен. Его внимание привлекали яркие события — объявление войны, заключение мира, смерть князя, выборы епископа, сооружение храма, эпидемия, эпизоотия, явление кометы, затмение солнца. К тому же самый древний летописный текст относится к началу XII века, события VIII—XI столетий описаны в нем на основании главным образом устных рассказов и припоминаний. Сам же этот текст сохранился в рукописях XIV и XV веков, будучи не раз редактирован. В.А. Телицын вспоминает Н.И. Костомарова, считавшего, что Новгородские летописи представляют как будто какое-то оглавление утраченного летописного повествования; так коротки и отрывочны местные известия, в них сохранившиеся, как странно слышать проповедуемые некоторыми почтенными исследователями и усвоенные учителями в школах глубоко письменные наблюдения над развитием новгородских общественных начал соразмерно переворотам и движениям удельного русского мира, — когда на самом деле тут можно судить только о развитии новгородских летописей, а никак не новгородской жизни [201].

В имеющейся литературе сказано и написано очень много преимущественно об ушкуйниках, но не раскрывается эволюция, динамика этого исторического явления, имеющего свои корни в институте повольничества, отсутствует системный подход, нет целостной картины. Как справедливо замечает В.Л. Телицын: «*Пишут о каких-то отдельных фрагментах: об ушкуях, о вооруженин, о ряде удачных и неудачных походов, о вятском периоде ушкуйничества, мельком почему-то — о начале Новгородского периода в истории этого русского феномена… Мало мы знаем и о том, во что вылилось — уже в XV столетии — ушкуйничество, и какими были последствия его почти шестивековой истории*» [Телицын В.Л. Указ. соч.]. Он же подчеркивает, что совершенно некорректно, неправильно величать ушкуйников разбойниками, пиратами Северной (Новгородской) Руси, поскольку *цель ушкуйников* — не только разграбление морских и речных торговых караванов, городов и сел противника, но и сопровождение торговых судов, разведка во время военных действий, освоение новых земель и дорог, защита собственной земли. Подчеркивая связь двух понятий «повольничество» и «ушкуйники» В.Л. Телицын даёт определение *повольника*, как вольного, свободного человека, свободного от власти, от другого человека — более удачливого и расчетливого, от каких-либо обязательств и даже обшепринятых правил. *Ушкуйника* не назовешь бессребреником, он был слаб на злато и серебро, «мягкую рухлядь» (пушнину), разное барахлишко, которое можно добыть посредством меча и ножа.

Протоирей *Вячеслав Геннадьевич Тулупов*, настоятель Михайло-Архангельского храма города Сергиева-Посада Московской области, кандидат богословия, в своей книге «Русь

---

[199] Бернадский В.Н. Новгород и новгородская земля в XV веке. М.- Л.: Изд. Академии наук СССР, 1961. С. 36. URL: http://ushkuiniki. Pspu.ru/PSRL/bernadskyi.pdf (дата обращения: 07.10.2014).

[200] Телицын В.Л. Русское иго, или Нашествие ушкуйников на Золотую Орду. М., 2013. URL: http://coollib.net/b/252879/read; http://mexalib.com/author/Телицын%20В. (дата обращения: 30.09.2014).

[201] Костомаров Н.И. Две русские народности (Письмо редактору) // Основа. СПб., 1861. № 3.

Новгородская» (2009) специально выделяет раздел «Ушкуйничество». Размышляя о том, почему так мало сказано в летописях о походах новгородских ушкуйников, он называет несколько значимых причин, которые кратко сведены мною в следующие шесть пунктов.

I. *Деятельность ушкуйников не нашла отражения в зарубежных хрониках.* «Образованные европейцы, настрадавшись от викингов, уделили им в своих исторических хрониках достаточно места. Безграмотные же обитатели норвежских поселков, которые опустошали ушкуйники, такой чести новгородцам не оказали. Хотя мало кто знает, что самих жителей далеких норвежских поселков охватывала паника, когда в их фьордах появлялись чужеземные корабли. Кто грабил селения викингов и сражался с ними в студеных северных морях? Новгородские ушкуйники. Эти молодцы были под стать викингам, а, может быть, в чем-то даже и превосходили их своей удалью: ведь они грабили самих разбойников».

II. *В русских летописях об удалых новгородцах и их дальних походах сказано очень немного.* «И это понятно: отечественные, по большей части придворные летописцы более были заняты описанием подвигов своих князей, чем простолюдинов. Новгородские же летописцы любили писать о высоком: об архитектуре и искусстве, делая исключение только для природных катаклизмов. Иногда даже кажется, что их писания — не история Великого Новгорода, а дневники гидрометцентра или строительной фирмы».

III. *Проблемы возникающие у Новгородской республики из-за ушкуйников с соседними государствами*. «Из-за ушкуйников у новгородского правительства было столько про-блем с соседними, и не совсем соседними, государствами, что было бы странно, если бы на страницах официальных, употребим этот термин с допустимой долей натяжки, летописей нашлось бы место для пространных рассказов о походах новгородской вольницы. Ушкуйники были способны на многое. Они вполне могли, подобно испанским конкистадорам, сделать Великий Новгород колониальной империей. Но, так как имперская идея была совершенно чужда Новгородской республике, ушкуйники нап-равляли свою энергию на другие поля деятельности. Например, мстили врагам Новгорода. Бурная деятельность пассионариев — ушкуйников, пик которой пришелся на XIV век, не была направлена правительством Новгорода в созидательное русло, на пользу республики. Пассионарная энергия была понапрасну израсходована вдалеке от Новгорода».

IV. *Неоднозначная оценка деятельности ушкуйников.* «Одни из отрядов ушкуйников наносили удары по врагам Великого Новгорода и более всего искали воинских подвигов. Некоторые ватаги ушкуйников почти ничем не отличались от разбойников и, проводя разгульную жизнь, прежде всего искали добычи. Поэтому в летописях чередуются сведения то о подвигах, то о злодействах ушкуйников. Из-за пестроты интересов и деяний имя ушкуйников овеивала слава одновременно и героев, и разбойников. Некоторая часть новгородцев занималась одновременно и торговлей, и ушкуйничеством: в зависимости от обстоятельств делала то, что было более выгодным».

V. *Замалчивался весомый вклад новгородского ушкуйничества в борьбе с Золотой Ордой*. «Московские князья сделали все, чтобы об ушкуйниках забыли. Царские и советские историки писали о них редко, неохотно и всегда с укором. Мол, воевали с тата-

рами не так и не там, а главное, проявляли излишнюю самостоятельность, надо было пойти под начало мудрого Дмитрия Донского, и вот тогда…». Между тем ушкуйники брали ханскую столицу Сарай, Казань, Жукотин и другие города, а потери татар только за два десятилетия были больше, чем погибло их на Куликовом поле.

VI. *Сами ушкуйники о себе воспоминаний не оставили*. «В их среде не принято было писать мемуары. Да и ушкуйническая деятельность, наверное, к ностальгическим воспоминаниям не располагала. Как видно из истории Новгорода, когда молодые ушкуйники с возрастом превращались в солидных руководителей республики, они не любили рассказывать о своих прошлых подвигах. Однако, для новгородцев пройти в молодости школу ушкуйничества считалось обычным делом» [202].

Отсутствие каких-либо официальных терминов в русских летописях вовсе не означает, что если составителям летописных сводов не было знакомо понятие повольничества, то и самого института ушкуйничества якобы вообще не было. Древний язык летописей сегодня не употребляется однозначно в современном изложении отечественной истории, чаще всего интерпретируется в научных исследованиях и дискуссиях, да и сама история России не один раз переписывается на наших с вами глазах. Н.И. Костомаров (1817—1875) писал, что «сочинять» историю, значит «*уразумевать» смысл событий*, давать им разумную связь и стройный вид, не ограничиваясь переписыванием документов [203]. Перевели на современный русский язык древние летописи, опубликовали их, вот вам и вся наша история, читайте, изучайте. К сожалению, это мы уже проходили с кратким курсом истории ВКП (б). Если консервативно, тупо или агрессивно следовать в трактовке истории Великого Новгорода только исключительно за официозным содержанием летописей, то что останется тогда от самой исторической науки, от археологии, от методов междисциплинарного подхода.

Появление современных концептов в описании исторических процессов никоим образом не опровергает и не умаляет летописные и другие источники, а придаёт им современное понимание прошлого на другом уровне научного знания. Здесь большее значение приобретает творческий подход к пониманию древней истории в современном прочтении всех имеющихся артефактов, междисциплинарные методы исследований, а не только абсолютизация одних письменных памятников.

Без всяких претензий на всеохватывающую картину истории «русских викингов», как ещё иногда называют в литературе ушкуйников, в этой кратком очерке истории Великого Новгорода ставится скромная задача показать известные походы ушкуйников на Русском Севере, в Двинской земле. Такое ограничение территориально-географических рамок делается с учетом общего объёма книги, хотя при этом практически всё же невозможно, учитывая недостаточно изученность темы, не касаться общих вопросов истории новгородского ушкуйничества как особого социального и военно-политического института в отечественной истории. Употребление мною здесь и сейчас более сложного концепта «*новгородские повольники&ушкуйники*» всего лишь подчеркивает преемственность, динамичность этих двух понятий в истории зарождения и гибели Новгородской республики, а отнюдь не застой, показывая эволюцию социального института от повольничества к ушкуйничеству в XI—XV вв. Здесь

[202] Тулупов В.Г. Русь Новгородская. Изд.: ЭКСМО,2009. URL: http://royallib.ru/read/tulupov_vyacheslav/rus_novgorodskaya.html#450560 (дата обращения: 06.10.2014).
[203] Костомаров Н.И. URL: http://studyport.ru/istoriya/nikolay-ivanovich-kostomarov (дата обращения: 07.10.2014).

речь идёт не сколько о терминологии, а о концептуальности содержания этого социального института, его проявлениях и динамике. Споры о том, встречаются или нет те или иные понятия в древних летописях, на мой взляд, сегодня неконструктивны, не позволяют продвинуться в осмыслении самого содержания движения ушкуйничества.

Явно недооценена и вызывает или восхищение, или полное неприятие историческая роль, лучше видимо сказать, — миссия новгородских ушкуйников по защите рубежей русской земли, развитии отечественного землепроходства, освоении торговых путей на северных территориях, их колонизации. Основным аргументом при этом выдвигается тезис о том, что в имеющихся исторических источниках (летописях, актах, грамотах и др.) такой термин не употребляется. Действительно, в летописных известиях и других источниках термин «повольники» непосредственно не упоминается, а «ушкуйник» встречается очень редко. Они упоминаются в летописях под именами «*молодьци*» (1186*)*, «из Новагорода ходивше *молодци* (1340), то «*молодъцы новгородские*» (1292), «*молодци новгородстѣи с воеводами*» (1338). Сергей Михайлович Соловьев писал о «разбоях *новгородской вольницы*», упоминал о том, что в 1360 году новгородская вольница взяла город Жукотин на реке Каме, употребляя термины «*дети боярские и молодые люди*»[204]. Л.Л. Титов в «Летописи Двинской» употреблял концепт «*ватаги новгородской вольницы*», известных в истории под именем «ушкуйников», совершавших набеги и в Заволочье. М.М. Богословский видел в ушкуйничестве первоначальную форму новгородской колонизации Севера и был готов сблизить ушкуйников с норманнами времён викингов. Он также употреблял понятие «вооруженной промышленной *ватаги* ушкуйников».

Концепты *«вольные люди в Новгороде», «неугомонная вольница», «повольничество», «новгородские повольники», «повольники», «дружина повольников», «дружина удальцов»,* «*удалые дружины повольников ротников», «вождь повольных дружинников», «новгородские повольники из Заволочья», «молодцы (т.е. повольники) Новгородские со своим удалым предводителем Вышатою Васильевичем», «Новгородские повольники в 1320 году», «первая ватага повольников», «второй повольничий поход»* — впервые системно приводятся в «Истории Новгорода Великаго отъ древнейших временъ до падения», изданной в 1866 году. Авторство этого труда принадлежит Ивану Дмитриевичу Беляеву, известному историку (1810—1873), сыну священника, выпускнику юридического факультета Московского университета, служившего в московской конторе Святейшего синода, затем в архивах сенатских и старых дел [205]. В этой работе повольничество анализируется как один из древнейших социальных институтов Новгорода, незнакомое другим славянским племенам на Руси. В Великом Новгороде к вольным людям относились уже выделившиеся из родительских семейств, но не поступившие ни в одну общину, не имеющих ни земли, ни домохозяйства, это были почти сплошь бедняки, или люди начинающие только разживаться. При изложении истории Великого Новгорода И.Д. Беляев не перегружает свои рассказы ссылками на источники. Однако в процессе верификации указанные им хронологические даты, информация о походах новгородских повольников и другие сведения, упоминаемые в книге, фактически находят своё

[204] Соловьев С.М. Сочинения. Книга II. История России с древнейших времен. М.: Мысль, 1988. С. 284-286. Книга XVI. Работы разных лет. М.: Мысль, 1995. С. 122.

[205] История Новгорода Великаго отъ древнейших временъ до падения/ И.Д. Беляев. М.: Синодальная типография, 1866. С. 89—104, 273, 275—276, 385—386, 396, 414—415, 420 —422, 482.

подтверждение при сравнении с текстами русских летописей. Достоверность сообщаемых сведений в целом поэтому у меня не вызывает сомнений, позволяя, более того, использовать данное издание как справочный путеводитель как по истории Великого Новгорода, так и Русского Севера.

Повольничество было одно изъ древнѣйщихъ учрежденій Новгорода, незнакомое другимъ Славянскимъ племенамъ на Руси. Скандиванскія саги упоминаютъ о Новгородскихъ повольникахъ еще задолго до приглашенія Рюрика Новгородцами. Новгородскіе повольники были тоже самое, что Викинги въ Скандиваніи; они уже не составляли пестрой массы вольныхъ людей, ничѣмъ не связанныхъ другъ съ другомъ, а напротивъ уже принадлежали къ извѣстному организованному обществу, щитались его членами, несли извѣстныя обязанности, налагаемыя этимъ обществомъ, и какъ члены общества пользовались опредѣленными и довольно большими правами. Но общество повольниковъ еще не было Новгородскою общиною, а составляло только дружину, въ которой члены были связаны другъ съ другомъ одними личными отношеніями, обѣщаніемъ стоять другъ за друга и клятвою, или ротою, не измѣнять дружинѣ ни въ какихъ опасностяхъ, не выдавать товарищей; постоянныхъ же имущественныхъ отношеній у нихъ еще не было, ибо ни

Повольники Новгородскіе.

Рисунок 24. Фрагмент из книги И.Д. Беляева по истории Великого Новгорода (1866)

По существу, само содержание книги И.Д. Беляева — это оригинальная историческая летопись по истории Великого Новгорода, написанная в XIX веке талантливым летописцем — историком на основе изучения доступных ему тогда источников. Кстати, летописцы, нередко анонимные, в своих летописаниях также не делали ссылок на источники, а мы их исследуем, верифицируем, постоянно цитируем, принимаем или опровергаем.

Самое важное отличие повольников от «*пестрой массы вольных людей*» в Новгороде заключалось в их военизированной организации. Повольники становились членами создаваемой временно на период какого-то похода военной дружины как добровольного вооруженного формирования по найму, принимали клятву. Термин «*дружина*» обычно отождествлялся с военной дружиной князя, новгородского боярина, но вполне применим и к военной организации ушкуйников, так как другой используемый в литературе концепт «ватага» не совсем точно отражает содержание их деятельности. В такого рода дружины мог поступить каждый вольный человек, не связанный с общиной, и богатый, и бедный, из боярской или купеческой фамилии, из черных людей. При этом не спрашивалось ни о состоянии, ни о происхождении пришельца. А требовалось только сила, ловкость и охота, то есть опре-

делённые профессиональные качества воина. Дружины новгородской вольницы обыкновенно состояли из самой буйной и неугомонной молодежи, у кого душа просилась на волю погулять по белу свету, лишь бы труд был свободен, а забота не глодала сердце. Предводителями и собирателями таких добровольных вооруженных формирований преимущественно являлись сыновья богатых бояр и новгородских купцов, которые в состоянии были за счёт своих средств хорошо вооружить и первое время содержать эти временные сообщества.

Ватагой же в отличие от дружины в «Гуманитарном словаре», например, называлось содружество, артель, компания, сообщество для совместной работы или путешествия: разбойничья ватага (казаков, беглых крепостных в Поволжье, на Дону, на Юге России); ватага бурлаков на Волге, Каме, Северо-Двинской системе — временное сообщество наемных рабочих, занятых при транспортировке барж, судов «вверх» реки; ватага рыбаков, артель на рыбных промыслах на — Волге, Азовском и Черном морях; ватага промышленников, артель охотников за пушным зверем в Сибири и на Урале; противоборствующие стороны в кулачных боях, а также в хороводах, массовых играх; временные жилища, землянки для рыболовецких артелей на Каспии [206].

Новгородское повольничество, трансформировавшись в динамике своего развития в ушкуйничество, хотя и было связано с грабежами, разбоем, разными буйствами, не считалось бесчестным, пользовалось уважением у новгородцев. Каждый из них должен был вести себя с достоинством, защищать людей от обиды и притеснений, горячо любить родину и заботиться о славе Господина Великого Новгорода. Довольно верный и полный тип новгородского повольника (ушкуйника), по сути его идеал, представляет нам известная народная былина об Акундине Акундиновиче, сыне новгородского посадника Акундина Путятича. Возвратившись домой после долгих странствий повольник Акундин начинает жить мирной степенной жизнью новгородского гражданина одной из общин.

В XIV—XV вв. новгородские вольные люди, временно объединявшиеся в военные дружины, стали называться *ушкуйниками* от особого вида своих судов, называемых ушкуями. Это речное или морское судно, имевшее нос в форме морды медведя. Так в своё время викинги получили своё название от скандинавского слова Wikar — морской залив, где они скрывались со своими ладьями. В советской историографии, как считал О.Г. Усенко, возобладала тенденция рассматривать ушкуйничество как своеобразную форму новгородской колонизации или как средство борьбы с политическими и торговыми противниками республики, а его историю ограничивать XIV—началом XV вв., т. к. слово «ушкуй» впервые встречается в летописях в 1320 г., а термин «ушкуйники» в 1360 г. По мнению В. С. Румянцевой ватаги ушкуйников формировались «из лиц без определённых занятий», а по мнению В. Н. Бернадского — главным образом из «нормальных» горожан и земледельцев[207].

В свободной русской энциклопедии «Традиция» давалось такое определение: «*Ушкуйники* от древнерусского слова ушкуй — речное судно с веслами, а в народе — «Грозное воинство Архангела Михаила» — вооруженные новгородские дружины (до нескольких тысяч человек), формировавшиеся боярами из людей без определенных занятий для захвата зе-

[206] Ватага. URL: http://slovari.yandex.ru/ватага%20-%20это/Гуманитарный%20словарь/Ватага/ (дата обращения: 03.10.2014).
[207] Усенко О.Г. О сущности и хронологических рамках ушкуйничества. URL: http://olegusenko1965.narod.ru/index/0-64 (дата обращения:14.10.2014).

мель на Севере и торгово-разбойничьих экспедиций на Волге и Каме с целью обогащения и борьбы с политическими и торговыми противниками. Социальный состав ушкуйников был весьма сложным и определял противоречивость самого движения» [208].

В советской исторической энциклопедии говорилось практически теми же словами: «Ушкуйники (от древне-русского ушкуй — речное судно с веслами) — вооруженные новгородские дружины (до нескольких тысяч человек), формировавшиеся боярами из людей без определенных занятий для захвата колоний на Севере и торгово-разбойничьих экспедиций на Волге и Каме с целью обогащения и борьбы с политическими и торговыми противниками». Подрывали экономические ресурсы Золотой Орды[209].

В этих и других определениях из словарей, ушкуй трактуется как речное судно, хотя реально были и морские ушкуи, на которых ушкуйники ходили в далёкие морские походы, например в 1320 году в северную Норвегию. В статьях из словарей отсутствует преемственность с новгородскими повольниками, которые появились значительно раньше и были по сути своей прямыми историческими предшественниками ушкуйников. Делается акцент на сочетание элементов социального протеста с феодально-колонизаторским и грабительским характером деятельности ушкуйников, что фактически искажает их миссию и роль, которые были значительно шире и не сводились только к грабежам и разбою или к идеологическим постулатам советского периода истории. Походы ушкуйников отнюдь не прекратились в начале XV века, изменился их состав, целевая направленность.

Входили ли новгородские повольники&ушкуйники в состав новгородского войска? Это принципиальный вопрос, кем они были в действительности — изгоями, разбойникам или составной частью новгородского войска. А.В. Быков, исследуя в своей диссертации состав и организационное устройство Новгородского войска XI—XV веков, отмечает, что в отечественной историографии до 2006 года существовали только две крупные научные работы, полностью посвященные новгородскому войску — А.И. Никитского и М.Г. Рабиновича. Затронул в своем труде такую важную тему, как походы новгородских ушкуйников на Волгу в XIV—XV вв., В.Н. Бернадский, который показал, что основной базой, с которой совершались походы ушкуйников на Волгу, был не сам Новгород, а Двинская земля [210]. В отечественной историографии сложилась негативная тенденция оперировать терминологией источников, не рассматривая её по существу. В Новгородской первой летописи младшего извода встречается 48 эпизодов, в которых при описании событий используется термин «вой». Многие видные исследователи Древней Руси, даже придерживающиеся разных научных позиций, такие, например как Б.Д. Греков и И.Я. Фроянов, в своих работах трактуют летописный термин «вой» как вооруженный народ, ополчение. Однако такая трактовка ведет к искаженному пониманию источников. Термин «*вой*» не является синонимом термина «ополченец» и обозначает воинов вообще. Обычная численность новгородского ополчения, выступавшего в поход в XII—XIV вв., составляла 5—10 тысяч [Быков А.В. Указ.соч.].

---

[208] Ушкуйники. URL: http://traditio-ru.org/wiki/Ушкуйники (дата обращения: 21.07.2014).

[209] Румянцева В.С. Ушкуйники. URL: http://dic.academic.ru/dic.nsf/sie/18403/УШКУЙНИКИ (дата обращения: 01.10.2014).

[210] Быков А.В. Новгородское войско XI-XV веков: дис. …канд.ист.наук. Великий Новгород, 2006. URL: http://www.dslib.net/istoria-otechestva/novgorodskoe-vojsko-xi-xv-vekov.html (дата обращения: 07.10.2014). Работа выполнена на кафедре Истории и археологии России Гуманитарного института Новгородского государственного университета им. Ярослава Мудрого.

В структуру новгородского войска фактически входили: 1) дружины князя, бояр и наиболее богатых купцов; 2) полк новгородского владыки (архиепископа); 3) ополчение – «новгородский полк», формировавшийся по «разрубу» воинской повинности; 4) новгородские дружины «охочих людей» или ушкуйников, которые шли воевать сверх обязательной воинской повинности, не по разрубу, а по своей доброй воле. Сегодня такого рода воинов называют или *добровольцами* (воюют без вознаграждения, как повольники, чаще всего в защиту веры, идеи, свободы, родины и других ценностей, из-за чувства солидарности или по каким-то личным мотивам), или *наёмниками*, воюющими за плату, денежное вознаграждение, возможность обогатиться, пограбить, за удовлетворение своих физиологических инстинктов под прикрытием борьбы за веру.

Отряды добровольцев в составе новгородского войска, по исследованию А.В.Быкова, действовали, как правило, самостоятельно, вне общего новгородского полка, не входили в новгородское ополчение, однако подчинялись приказам посадника, князя. Посадник или князь (возможно, совместно, возможно, с одобрения веча) назначали таким отдельным отрядам воевод. В XIV—XV вв. все большее значение в новгородском войске приобретала конница и в дальние походы ходило не все новгородское ополчение, а только «*вятшие*» (лучшие), которые сражались верхом на конях. Пешими продолжали сражаться новгородцы, прибывшие к месту боя в судах, небольшая, самая боеспособная часть — ушкуйники. К середине XV в. основная масса новгородцев утратила свои военные навыки. Война превратилась в дело профессиональных «специалистов» — ушкуйников и конных воинов дружин новгородских бояр и их ближайшего окружения [Быков А.В. Указ.соч.]. Ушкуйники создавали временные вооруженные формирования «воев» — дружин целевого назначения, целых речных флотилий на Северной Двине, Волге и Каме, воющих даже против Золотой Орды. В этом качестве они ближе к пониманию их сущности, как обычных наёмников, идущих по своей воле на риски с целью наживы. Эта их миссия и функциональность использовалась не только в Новгородской республике, но и Великом княжестве Московском. Многие походы ушкуйников проводились с официального одобрения новгородских властей, но по летописным сведениям так было не всегда. Участники несанкционированных походов на Волге, Каму подвергались преследованиям со стороны не только Новгорода, но и других русских князей. Наиболее яркий тому пример — это судьба предводителя ушуйников Анфала Никитина, который подвергался арестам Новгорода (1398), испытал плен в Золотой Орде (1409), но в то же время его использовал в борьбе против Новгородской республики даже Великий московский князь (1401).

В.О. Ключевский упоминает о новгородских ушкуйниках в одной из своих статей о деятельности Соловецкого монастыря в Беломорском крае, называя их удалыми: «в 30 верстах от Холмогор вверх о Двине, у Орлеца, известного подвигами и несчастиями *удалых новгородских ушкуйников XIV века*» [211]. С.М. Соловьев писал о том, что именно «засада решила Куликовскую битву в пользу русских; благодаря засаде *начальник ушкуйников Прокопий* с двумя тысячами войска разбил пять тысяч костромичей»[212].

---

[211] Ключевский В.О. Хозяйственная деятельность Соловецкого монастыря в Беломорском крае // Сочинения. Том VII. М.: Изд-во социально-экономической литературы, 1959. С. 27.

[212] Соловьев С.М. Сочинения. Книга II. История России с древнейших времен. М.: Мысль, 1988. С. 500.

Одно из первых летописных известий о новгородских вольных дружинах относится к лету 6572 (1064), когда князь Ростислав Владимирович добыл Тмутараканское княжество на Таманском полуострове, выгнавши оттуда князя Глеба Святославовича, получившего потом Новгород и погибшего в 1078 году в Заволочье. В Новгородской первой летописи сообщается, *что в 1064 году: «Бѣжа Ростиславъ Тмутороканю, сынъ Володимирь, внукъ Ярославль; и с нимъ бѣжа Порѣи, Вышата, сынъ Остромирь, воеводы новгородчкого. И пришед выгна Глѣба ис Тьмутороканя, а самъ сѣде въ него мѣсто*» [НПЛМИ. В лето 6572]. «Повесть временных лет» даёт идентичное по содержанию краткое описание этого события. С.М. Соловьев упоминал, что изгой Ростислав, не надеявшийся получить старшинство после смерти Ярослава, только оружием мог достать хорошую волость и добыть в Тмутаракани нужные средства. С ним вместе бежали двое известных дружинников — Порей и Вышата, якобы сын воеводы Остромира, посадника новгородского[213]. Однако М.Д. Приселков вполне обоснованно доказал ошибочность отнесения к роду Остромира *Вышаты*, знаменитого дружинника времени Ярослава Мудрого, который в 1043 году участвовал в последнем походе на Царьград и вместе с частью войск попал в греческий плен, пробыл там три года и возможно был ослеплен греками вместе с другими участниками похода. М.Д. Приселков писал, что Вышата, отец Яна, был всего лишь сверстником Остромира [Приселков М.Д. Указ. соч. С. 51].

Около Ростислава собралось немалое число искателей счастья или недовольных чем-то. Он стал ходить с дружиною на соседние народы, брать дань, но был отравлен в 1065 году и его место снова занял Глеб Святославович. Так греки и русские князья избавились от храброго изгоя[214]. Исследованиями Д.С. Лихачева доказано, что Вышата имел новгородское просхождение. Кто был Порей, не известно[215]. Сведений о мотивации дружинников в кратких сообщениях летописей не сохранилось. Были ли это искатели счастья или просто недовольные, неизвестно. Понятно только, что Вышата был профессионалом военного дела. В 1042 году участвовал в походе Новгородского князя Владимира Ярославовича (сына Ярослава Мудрого) на Емь; а в 1043 году — в походе князя Владимира из Новгорода на Византию.

Н.И. Хлебников, исследуя общество и государство в домонгольский период русской истории, называет Порея и Вышату — «передние дружинники, важные лица, ловкие воины», которых Ростислав переманил со службы у Святослава. Переход из одной дружины в другую объяснялся *личным неудовольствием или выгодой*. Порей вернулся в дружину Изяслава и был убит в 1178 году в борьбе с половцами. Сын Вышаты — Ян, спустя некоторое время, вошел в дружину Святослава, следовательно Вышата помирился с князем[216]. Таким образом, ключевые слова для объяснения поведения Порея и Вышаты — «изгой, ловкие воины, дружинники, личное неудовольствие или выгода», что позволяет отнести их к числу профессиональных воинов по найму, которых поднее стали называть ушкуйниками. Дружинники назы-

---

[213] Остромир упоминается в списке новгородских посадников во втором приложении перед комиссионным списком НПЛ, происходит из династии Добрыничей, заказчик древнейшего датированного памятника — Остромирова Евангелия (1056—1057). Не являлся отцом Вышаты.

[214] Соловьев С.М. История России с древнейших времен. Книга 1. Тома 1-2. М.: Мысль, 1988. С. 341—342.

[215] Лихачев Д.С. Устные летописи» в составе Повести временных лет» //Исторические записки. М., 1945, т. 17. С. 201—224. URL: http://www.promacedonia.org/dl/dl_b_1.htm (lfnf j,hfotybz% 07&10&2014).

[216] Хлебников Н.И. Общество и государство в домонгольский период русской истории. М.: Книга по Требованию, 2012 (СПб, 1872). С. 219—220. URL: http://books.google.ru/books?id=S9sIAwAAQBAJ&printsec= frontcover &hl =ru#v =onepage &q&f=false (дата обращения: 19.10.2014).

вались в летописях ещё и «мужами». Ушкуйники принимали участие и в колонизации северных земель.

Землепроходство в Югру, Сибирь, Печору и другие земли

В научной литературе обычно отмечаются два потока колонизации Севера: ладожских и ильменско-новгородских славян из Новгородских земель в Нижнее Подвинье по озерам, рекам до Белого моря, а затем по Северной Двине вверх, с севера на юг; из Ростово-Суздальского, Московского княжеств — по реке Сухоне, вниз по верхней и средней Двине с юга на север. Земледелие, сельское хозяйство было основным занятием славян второй половины первого тысячелетия. Поэтому они селились по берегам рек и озер, пригодным для земледелия [217]. Один из путей заселения и освоения северных земель шел рекою Волхов в Ладожское и Онежское озера, а затем рекою Онега на побережье Белого моря, Кольский полуостров. Путь из Беломорья вёл дальше в Северную Двину, Пинегу, Мезень, Печору. «Так уж сложилось, что Россия — страна необъятных территорий, и для Средневековья поиски новых земель оказывались делом обычным. Необычным было то, что землепроходство приобретало характер не чисто географический, а военно-политический, воспринимается как русская историческая доминанта», — отметил В.Л. Телицин в своей работе о ушкуйниках [Указ.соч.].

Русское землепроходство, новгородская колонизация северных волостей осуществлялись, как с целью заселения их, сбора дани, так и для установления регулярных торгово-экономических отношений с Югрой, Печорой. Эти два взаимосвязанных процесса: 1) защита от внешних угроз, нападений и ответные меры, военные походы; 2) и внутренняя колонизация, землепроходство, заселение и освоение новых земель, сбор дани, развитие торговли, — постоянно накладывались друг на друга, образуя неоднозначную картину как во внешней политике Великого Новгорода, так и в его отношениях со своими внутренними волостями (Вологда, Заволочье, Тре, Пермь, Печора, Югра). Длительную борьбу за эти земли вели Владимиро-Суздальские князья. В XIV—XV вв. обостряются перманентные вооруженные конфликты между Новгородской республикой и Великим княжеством Московским за присоединение богатых ресурсами северных террриторий, которыми и прирастало это княжество, приумножая свои владения, за контроль торговых водных путей.

Термин «колонизация» как процесс заселения и хозяйственного освоения новых территорий в ряде случаев может коррелироваться с концептом «экспансия» (от лат. expansio - распространение), под которой понимается расширение сферы господства Великого Новгорода на другие северные территории, распространения его экономического, политического и православного влияния за первоначальные пределы. Дискуссии о преобладании либо мирного, либо насильственного характера новгородской колонизации Заволочья, Двинской земли являются часто совершенно бесмысленными, потому что невозможно было в те времена измерить количество конфликтов, используя какие-либо вполне надежные критерии, индикаторы. Сведения в летописях не дают общей достоверной картины, как и устные предания о тех или иных бытовых, земельных, промысловых, военных конфликтах. Никто их специально не мониторил, чтобы сделать вполне обоснованные выводы о характере колонизации. Колонизация земель в ранний период существования Новгорода имела как воен-

[217] Седов В.В. Восточные славяне в VI—XIII вв. М., 1982. С. 236

ный, так и мирный характер. На новых местах обитания пришельцы неизбежно вступали в контакт с местным населением, возникали острые конфликтные ситуации. Однако огромные северные пространства с низкой плотностью населения из местных охотников и рыболовов, огромные свободные территории и акватории рек, озер, моря (земли и воды было много, а людей мало); богатые природные ресурсы, толерантность населения, свобода выбора места для жизни, более высокий уровень культуры — всё это объективно способствовало взаимопроникновению и взаимодействию разных культур и способов хозяйствования, предопределило в основном ненасильственный характер славянской миграции на север. Ассимиляция населения не носила принудительного характера. Угодий, воды и земли, промыслов хватало для всех, что однако не исключало жестоких столкновений «колонистов — ушкуйников с чудскими племенами» [218].

Отвечая на вопрос о том, как создавалась народно-государственная территория России, М.К. Любавский в 1909 году говорил в своих лекциях: «Главным образом, путем расселения славяно-русского народа. Россия в настоящее время занимает громадную территорию в 400 с лишком тысяч квадратных миль. В составе этой территории на долю областей, приобретение которых можно отнести на счет простого завоевания, приходится только около 40 тыс. кв. миль, т. е. 10 % всей территории. Такими завоеванными областями были: Финляндия, Остзейский край, Литва и Польша в тесных этнографических пределах, Закавказье и южная половина русского Туркестана. Вся остальная территория сделалась достоянием русского народа, главным образом, вследствие его расселения по ней. Это не значит, конечно, что в данном случае не было борьбы. Борьба была, и даже иногда упорная и жестокая, как например в южных степях Европейской России, где русскому народу, можно сказать, каждую пядь земли приходилось поливать своей и вражеской кровью. Но, при всем том, только колонизация, только заселение давали русскому народу победу и утверждали за ним прочно занимаемую территорию. Много земель, несомненно, занято было русским народом и без борьбы, вследствие того, что эти земли не имели населения или, если и имели, то чрезвычайно редкое и малочисленное, не оказывавшее сопротивления русским пришельцам и обыкновенно отступавшее перед ними. Таким мирным путем, по всем признакам, занято было много земель в северной половине Европейской России и отчасти в Сибири»[219]. Подобные взгляды разделяют многие отечественные ученые.

Имеющиеся в летописях сведения о северных походах чаще всего просто фиксировали были они удачными или нет, с чем пришлось столкнуться тем дружинам, которые ходили в свои волости или в чужие земли, кто погиб и при каких обстоятельствах. Реже приводились какие-то рассказы об особенностях жизни местного населения, их культуре. Походы русских военных дружин (княжеских, новгородских воевод, ушкуйников) совершались как на северные европейские земли, так и на восток, к Уральским горам и далее на Обь, в Сибирь.

В лето 6540 (1032) новгородское вече послало Улеба за Железные ворота на Север. «Глеб изыде из Новгорода на Железная врата», — кратенько сообщала Холмогорская летопись [ПСРЛ, т.33. С.34]. Здесь нет более никакой информации о местонахождении «Желез-

[218] Чекалов А.К. Указ. соч. С. 47.

[219] Любавский М.К. Историческая география России в связи с колонизацией. М., 1909. URL: http://coollib. com/ b/267807/read (дата обращения: 24.12.2014).

ных ворот», о составе дружины, цели похода, что конечно же затрудняет его классификацию. В конце 70-х годов XI века князь Глеб Святославович сложил свою голову за Новгород в Заволочье, за Волоком. В Холмогорской летописи об этом событии было записано: «В лето 6586 (1078). В се же лето убиен бысть Глеб, сын Святославль, брат Олгов, в Заволочье» [ПСРЛ, т.33]. В 1079 году: «Убиша за Волоком князя Глъба, мъсяца маия въ 30 день»,— сообщала Новгородская первая летопись, указав другую дату [НПЛМИ. В лето 6587]. В Московском летописном своде свидетельство об убиении Глеба Святославовича датируется как и в Холмогорской летописи «в лето 6586» и дополняется собщением о том, что он «положен был в Чернигове за святым Спасом» [ПСРЛ, т.25].

При использовании летописных источников нужно иметь в виду, что об одном и том же событии в летописях имеются записи с различными интерпретациями. Вот один пример.

Вологодско-Пермская летопись	**Новгородская первая летопись старшего извода (Синодальний список)**	**Московский летописный свод конца XV века**
«В лето 6832 (1324). Иде великий князь Юрьи Данилович с Ноугородцы на Заволочье, и взяша Устюг на щитъ и поидоша на Двину, и добиша ему челом Двиняне, и отъиде. Великий князь Юрьи Данилович поиде *в Орду*» [ПСРЛ, т.26].	«В лѣто 6832 [1324]. Идоша новгородци с княземь Юрьемь на Заволочье, и взяша Устьюгъ на щитъ, и придоша на Двину, и ту прислаша послы *князи устьюжьскыи* къ князю и к новгородцемъ и докончаша *миръ по старои пошлинѣ*; и придоша новгородци вси здорови» [ПСРЛ, т.3].	В лето 6832 (1324). Иде великии князь Юрьи Данилович с Новгородци на Заволочье и взяшв град Устюг и поидоша на Двину. И ту прислаша послы своя князи Устьжьские к великому князю и докончаша мир по старинъ. Великии князь Юрьи поиде в Орду из Заволочья по реке Камъ рецъ [ПСРЛ, т.25].

Великий князь Юрий Данилович с новгородцами совершает поход в Заволочье, чтобы наказать своевольных устюжан, которые до того ограбили новгородцев, ходивших на Югру. В Вологодско-Пермской летописи с князем заключают мир «*двиняне*», а в двух других летописных источниках – *устюжские князья*. Имеются небольшие разночтения: «*мир по старой пошлине*», «*мир по старине*». Во всех трех летописях новгородцы идут «на Двину». Двинянам такой мир очень необходим, является превентивной мерой, чтобы не допустить разграбления своих земель. Однако кто эти «Двиняне», — неизвестно, «остаётся за кадром», как сказали бы мы сегодня. В Синодальном летописном списке нет упоминания Орды, но говорится о приходе новгородцев на Северную Двину — «*придоша на Двину*». Город Великий Устюг, как известно, расположен на реке Сухоне, где в результате слияния с рекой Юг образуется река Малая Двина. Чтобы пойти затем на реку Каму дружине князя надо было вернуться назад с Двины или сразу из Устюга идти вверх по Сухоне. Небольшой казалось бы текст требует уточнений. Тверская летопись вообще очень лаконична: «*В лето 6832. Взяша Новгородци Устюгъ*»[220].

Нелегко установить начальную дату начала новгородской колонизациина Севера Европы, если использовать только одни летописи. Артефакты, найденные археологами на раскопках в Новгороде («надписи на «замках» мешков для сбора дани), на Северной Двине

[220] ПСРЛ, т.15. Тверская летопись. СПб: Типография Леонида Демиса, 1863. URL: https://disk.yandex.ru/public/?hash =tv3WInkeYpsX1ScrsOnQkIeT31LRKC4HQA2v9t%2B30a4%3D (дата обращения: 05.10.2014).

(курганные могильники), рассказ Гюряты Роговича в «Повести временных лет», — позволяют датировать *начало новгородской колонизации северных территорий X—XI веками.* В.Л. Янин в «Очерках истории средневекового Новгорода» проанализировал надписи т.н. «замков» на мешках для сбора дани, найденных в ходе раскопок Новгорода в слоях конца X – первой четверти XII вв., что позволили локализовать ряд мест в Заволочье, где для каждого погоста устанавливалась своя норма[221].

В «Повести временных лет» приводится рассказ новгородцев об одном из первых известных по летописям походе за данью на Печору и Югру в лето 6604 (1096). *Гюрята Рогович*, новгородец, так рассказывал об этом северном походе: «Послал я *отрока своего* в Печору, к людям, которые дань дают Новгороду. И пришел *отрок мой* к ним, а оттуда пошел в землю Югорскую, Югра же — это люди, а язык их непонятен, и соседят они с самоядью в северных странах. Югра же сказала отроку моему: «Дивное мы нашли чудо, о котором не слыхали раньше, а началось это еще три года назад; есть горы, заходят они к заливу морскому, высота у них как до неба, и в горах тех стоит клик великий и говор, и секут гору, стремясь высечься из нее; и в горе той просечено оконце малое, и оттуда говорят, но не понять языка их, но показывают на железо и машут руками, прося железа; и если кто даст им нож ли или секиру, они взамен дают меха. Путь же до тех гор непроходим из-за пропастей, снега и леса, потому и не всегда доходим до них; идет он и дальше на север» [Повесть временных лет.Там же]. Рассказ Юряты Роговича Новгородца об этом же походе за данью в Печеру и Югру в лето 6604 имеется в летописи по Уваровскому списку Московского летописного свода конца XV века[222]. Юрята Рогович послал «отрок мои в Печеру по дань», «и оттуду иде с ними въ Югру», далее повторяется по смыслу услышанный от Югры рассказ, но упоминаются высокие «горы заидуще в лукоморя». Есть же путь до гор… «тъмъ же не доходим ихъ всегда. Есть же и подалъ на полунощье».

Югра (лат. Jugria, Juhra) — это название земель, населенных племенами хантов и манси, которых именовали: югра, югричи, егра, ёгра, угра, угры. Коми–зыряне звали хантов и манси «егра»; «обские угры» являлись родственными венгерским уграм на Дунае. В «Повести временных лет» имеется (6406 лето, 898 год) запись о переселении и завоеваниях угров, которые пришли с востока через великие Угорские горы, а под датой 6622 (1114) сообщается, что «живы еще многие старые, которые ходили за Югру и за Самоядь». Под Югрой понималась восточная земля от верхнего и среднего течения реки Печоры до реки Обь. С Уральских гор одни реки текут в Печору и Каму, другие в Обь. Югра-IVHRA указана бароном Сигизмундом фон Герберштейном к востоку от Оби на карте Московии 1549 года.

В.Г. Телицын, анализируя поход 1096 года отрока Гюряты Роговича, делает вывод, что если взглянуть на карту побережья Ледовитого океана, то без труда определим места, о которых летописец беседовал с Гюрятой, — высокие горы подступают к «луке моря» только в одном месте, у пролива Югорский Шар, и поблизости — у мыса Русский Заворот, где отрог Урала — хребет Пай-Хой подходит к берегу залива. Земля, расположенная прямо на «полунощи» от этого русско-югорского комплекса географических названий, — это Новая Земля,

---

[221] Российское законодательство X—XX веков. Законодательство Древней Руси. Т. 1. М., 1984, с.224—225.

[222] ПСРЛ, т.25. Московский летописный свод конца XV века. М.-Л.: изд. АН СССР, 1949. Летопись по Уваровскому списку. С.17. URL: https://docviewer.yandex.ru/?url=ya-disk-public%3A%2F%2F6hcqXzE7yzHAD5Ap%2FWxSKVVhktNphrqPtw96X7k7orw%3D&name=T25.1949-Moskovskiy-svod.pdf&c=543485efea5e (дата обращения: 08.10.2014).

где в конце XI века еще сохранялся неолитический облик хозяйства [Цит. соч. Электронный ресурс]. Но, существует и другая точка зрения о том, что новгородцы в 1096 году вышли к западному склону наиболее северной части Уральских гор, возможно поднялись вверх по правому притоку Печоры, реке Усе, верховья которой находятся не так уж далеко от моря. Именно здесь с незапамятных времен проходил наиболее удобный путь через Уральские горы в низовья реки Оби, им пользовались и сами северные народы. Нет доказательства того, что новгородцы достигли моря к северу от Урала. Скорее всего, они узнали об этом море от местного населения. Тем более что приморская часть северной окраины горного хребта не является высокой. По словам же новгородцев, встреченные ими горы поднимаются «до небес». А такие вершины, поднимающиеся до 1000 и более метров и часто окутанные облаками, отстоят от моря на 100 км и больше [223]. Летописи повествуют, что русские люди совершали походы в югорскую землю также в 1187 г., 1193 г. и позже.

В.А. Могильников в статье «Обменно-торговые связи Руси и Югры в XI—XV веках» раскрывает разнообразные русско-угорские контакты — военные, политические, торгово-обменные, даннические; воздействие русской культуры на аборигенное население. Оценивая степень развития различных контактов, оон отмечает, что походы XI—XIV вв. в Югру за мехами имели не только военно-грабительский характер, но и преобладающий торгово-обменный, хотя и не эквивалентный. «Появление первых русских вещей за Уралом относится, по-видимому, к XI в., а наибольшее их распространение в домонгольское время падает на XII—XIII вв.»[224].

Новгородская колонизация Беломорья, Двинской земли носила примущественно мирный, ненасильственный характер, была направлена на длительное обживание этих земель. Местное население ассимилировалось с теми славянами, которые приходили на Север. Землепроходство на Печору, Югру, за Урал в отличие от колонизации Заволочья, Двинской земли, побережья Белого моря, не ставило своей целью заселение этих далеких и суровых мест, ограничивалось только сбором дани. Только самые предприимчивые люди, «и то не с целью селитьбы, а лишь для поиска дани среди дикого "югорского" (вогульского и остяцкого) населения», участвовали в походах XI и XII вв. В 1187 г. на Печоре и в Югре были уже новгородские "данники" (сборщики дани), и новгородцы считали Югру и Печору своими государственными "волостями"[225]. «Для того, чтобы держать инородцев югорских в страхе и повиновении, из Новгорода снаряжались туда военные экспедиции, взимавшие там дань и каравшие строптивых. Но эти экспедиции встречали иногда упорное сопротивление от местных югорских князей, не желавших над собой новгородской власти. Таким образом, в состав мирных новгородских «волостей» югорские места не входили, и селиться в них новгородцам было рискованно. Самые сношения Новгорода с Печорой и Югрой были затруднены, и не только дальностью расстояния, но и тем, что северный путь по рекам Пинеге, Пезе и Цыльме был очень неудобен, а южный — по рекам Сухоне и Вычегде рано попал в руки Низовских

[223] Архипова Н.П., Ястребов Е.В. Как были открыты Уральские горы. Свердловск: Сред.-Урал.кн.изд-во, 1990. 224 с. URL: http://urbibl.ru/Knigi/kak-otkriti-uralskie-gori/1.htm (дата обращения: 18.10.2014).

[224] Могильников В.А. Обменно-торговые связи Руси и Югры в XI—XV веках //Тобольский хронограф. Вып. IV. - Екатеринбург,2004. URL: http://www.tobolsk-expedition.ru/author/mogilnikov/Mogilnikiv_obmennie_svjazi.pdf (дата обращения: 21.12.2014).

[225] Платонов С.Ф. Прошлое Русского Севера. Очерки по истории колонизации Поморья. Пг.: Время, 1923. URL: http://dugward.ru/library/platonov/platonov_proshloe_pusskogo_severa.html (дата обращения: 19.10.2014).

(Ростовских) князей и потому не всегда мог хорошо служить новгородцам», — к таким выводам пришел академик Сергей Фёдорович Платонов (1860—1923) в своих очерках по колонизации Русского Севера.

Но, необходимо заметить, что вооруженные конфликты происходили не только в Югорской земле. В XII—XIII веках летописи отметили несколько военных походов, которые были направлены по всем азимутам от Новгорода, в части из них новгородцы участвовали в сборе дани. В лето 6677 (1169) произошли столкновения дружины Данислава Лазутинича с суздальцами на Белозере. «В лето 6677 (1169) ходил из Новгорода *Даньславъ Лазутиничь* на Двину дани имать, в 500 мужь, и сретоша Суздальци на Белозере в 7000 мужь, и бишася, и паде суздалець 1000 и 300, а *новгородець* 15 мужь; и взяша на Заволочанехъ дань, а другую на Суздальскыхъ смердехъ», — сообщала Новгородская четвертая летопись [226]. С середины XII века новгородцы вели борьбу против суздальских князей, против Юрия Долгорукого и его потомков не только за власть в Новгороде, но и за новгородские волости Заволочье, Двинскую землю.

В 1187 году в Печоре и Югре были избиты новгородские даньщики, причем пало до ста человек лучших кметов: «*избьени быша печерьскеи и югърьскии въ Печере, а другии лучших кметов, и паде головъ о сте къметьства* [НПЛМИ. В лето 6595]. Кметы — это лучшие воины, профессионалы, которые обычно входили в состав временной новгородской дружины, принимали участие в походах не по принуждению, а по воле своей.

Трагически из-за предательства в своих рядах и вероломного обмана югорского князя закончился поход в Югру 1193 года, когда была разбита новгородская рать с воеводой Ядреемь. Эта история описывается в летописях весьма подробно, детализируется.

> «*Идоша из Новагорода въ Югру ратью съ воеводою Ядреемь; и придоша въ Югру и възяша городъ, и придоша къ другому граду, и затворишася въ градѣ, и стояша подъ городомь 5 недѣль; и высылаху къ нимъ Югра, льстьбою рекуще тако, яко «копимъ сребро и соболи и ина узорочья, а не губите своихъ смьрдъ и своеи дани», а льстяще ими, а вое 2 копяче. И яко скопиша вое и выслаша из города къ воеводѣ: «поиди въ городъ, поемъ съ собою 12 муж вячьшихъ»; и иде въ городъ воевода, поимя съ собою попа Иванка Легена и инѣхъ вячьшихъ, исѣкоша я на канунъ святыя Варвары; и выслаша пакы, и пояша ихъ 30 муж вячьшихъ, и тѣхъ исѣкоша и потомь 50. И яко изнемогоша голодомь, стояли бо бяху 6 недѣль, слушаюче льстьбѣ ихъ, и на праздьникъ святого Николы вылѣзъше из города, исѣкоша вся; и бѣ туга и беда останку живыхъ; бѣ бо осталося ихъ 80 муж. Потомъ рече Савка князю югорьскому : «аще, княже, не убиешь еще Яковца Прокшиница, а живого пустиши в Новъгород, то тому ти, княже, опять привести вои сѣмо, и землю твою пусту сътворит. И призвавши князь Яковца Прокшиница, и повелѣ его убити. И рече Яковець Савици : «брате, судити богъ и святая Софѣя, аще еси подумалъ на кровь братьи своеи; и станеши с нами пред богомъ и отвѣщаеши за кровь нашю». И то ему рекъшю, убиенъ бысть. Тъ бо Савица перевѣт держаше отаи съ княземь югорьскымъ. И потом, яко изнемогоша людие гладом, стоялѣ бо бяху 6 недѣль, слушающе лестьбѣ их, и на праздникъ святого Николы вылѣзъше изъ града, исъсѣкоша вся; и бѣ туга и*

[226] ПСРЛ. Т.4. Новгородская четвертая летопись. СПб, 1848. С. 12. Сообщение об этом походе имеется также в Тверском летописце. ПСРЛ, т.15.

бѣда останку живых, бѣ бо осталося их 80 муж. И не бяше вѣсти чресъ всю зиму в Новъгород на них, ни на живых, ни на мертвых; *и печаловахутся в Новѣгородѣ князь и владыка и всь Новъгород*» [НПЛМИ. В лето 6701].

Вернувшись через год в Новгород оставшиеся в живых сами наказали тех своих товарищей, которых подозревали в измене. «*И убиша Събышку Волосовица и Негочевица Завиду и Моислава Поповица самѣ путникы, а друзии кунами ся окупиша; творяхут бо я съвѣт державъше съ Югрою на свою братью, а то богови судити*». Новгородское общество не вступилось в это дело, ибо участниками похода были люди вольные, управлялись судом своей дружины и не принадлежали ни к одной Новгородской общине. Что касается Югры, то крупное поражение там Новгородской рати видимо осталось без отмщения, сведения об этом отсутствуют.

Один из первых упоминаемых в летописях далеких сибирских походов в лето 6872 (1364) совершили «*дети боярьскіи и молодые люди*» во главе с воеводами Александром Абакуновичем и Степаном Ляпой. Это был уникальный по сложности и длительности поход, когда одни воевали *по реке Оби до моря*, а другая половина рати на верх Оби. На обратном пути двиняне «сташа против ихъ полкомъ», вероятно хотевшие завладеть их добычею, но новгородцы «избиша Двинянъ» [227]. Возвратилась они в Новгород с богатою добычею и в следующее 6873 лето «Югорщиною» заложили каменную церковь святой Троицы [ПСРЛ, т.4. Новгородская четвертая летопись]. Участники далеких и трудных походов заботились о душе и своём имидже, жертвуя в случае удачи средства на строительство храмов. Поэтому и дружина удальцов Александра Аввакумовича и Степаны Ляпы, вернувшись с богатою добычей из похода 1364 года на реку Обь, выстроила в Новгороде каменную церковь святой Троицы.

Неудачей и полным разгромом Заволоцкой рати закончился поход в Югру 1445 года, напоминающий методами, которые применяли югорцы в 1193 году (затягивание переговоров, выжидание удобного момента и неожиданное нападение). Новгородские воеводы Василий Шенкурский и Михайло Яковлев с тремя тысячами Заволоцкой рати ходили на Югру, побили там множество людей, но и сами попали в беду. Югорцы начали переговоры, обратились к воеводам и согласились дать им дань. Однако, заметив, что воеводы разошлись друг от друга довольно далеко, югорцы напали на острожок, где сидел Василий Шенкурский, избили там боярских детей и других удальцов до 80 человек. Василий едва успел убежать со своим сыном, другие разбежались по лесу. Другой воевода Михайло Яковлев, вернувшись, собрал всех и привел обратно в свою землю. Следует отметить, что в походе на Югру принимала участие Заволоцкая рать («*ратью заволочкою въ трех тысяцахъ*») немалой численностью в три тысячи ратных людей [НПЛМИ. В лето 6953].

Заволочье в те времена было надежным оплотом Новгорода и пользовалось таким почетом, что в лето 6953, в августе 1445 года новгородский владыка Евфимий ездил благословить всех заволочан, чего в прежние времена не делал ни один Новгородский архиепископ: «поѣха за Волокъ благословити новгородчкую отцину и свою архиепископью и своихъ дѣтеи». Поездка эта была досточно продолжительной. Обратно в Новгород из Заволочья Евфимий вернулся только в 1446 году [НПЛМИ. В лето 6954].

[227] История Новгорода Великаго… С. 100.

Широко известны северные и сибирские походы 1483, 1496, 1499 гг., в которых участвовали устюжане, двиняне, но это были уже походы, организованные по велению великого князя Московского, а не Великого Новгорода. Русский поход на вогульские и югорские княжества в 1483 году получил отражение в летописях: Вологодско-Пермской, Устюжском летописном своде, Никоновской, Холмогорской и Вычегодско-Вымской [228]. В этом походе до реки Обь участвовали *устюжане* под начальством князя Федора Курбского и Ивана Салтыкова-Травина, отправились из Устюга 2 мая 1483 года, а возвратились с великой добычей 30 сентября [Устюжский летописец. С. 102].

Удачным был морской поход через Белое море в конце XV века. Московский князь великий Иван Васильевич послал в 1496 году князя Ивана Федоровича да брата его князя Петра Ушатых на Каянскую землю. Князья на своих кораблях переправили русские рати по Белому и Баренцеву морям в Каянскую землю, к каменным фиордам шведского берега, где они захватили обширную область, лежавшую между Торнео и Ледовитым океаном. В Холмогорской летописи называются 8 рек, «коих воеваша» князья Ушатые:

«*Кемь, Торма, Колокол, Овлуй, Неговая, Снеж, Нагавка, Путаш. А кои живут на Лимиге реки, те биша челом за великого князя и с воеводами приехаша на Москву. И князь великий их пожаловал и опустил их*» [ПСРЛ, т.33. С. 132].

Несколько иную версию раскрывает Устюжский летописец. Поход 1496 года был всего лишь ответом на нападение. Датские промышленники, под прикрытием войск, приближались к Двинским берегам, но встречены были Устюжскими и Двинскими войсками под начальством князя Петра Ушатых и брата его князя Ивана Ляпуна и прогнаны из Белого моря за самый Нордкап, откуда и возвратились сии последние победители с бесчисленной добычей [Устюжский летописец]. Вместе с устюжанами ходили и двиняне.

«*Шли рекой Двиной в море-океан через Мурманский нос (Кольский полуостров). Захватили три шведских буса (корабля), воевали чужую страну, много добра и полона взяли*»[229].

Эти разночтения не снижают значимости морского русского похода 1496, как и похода 1320 года, по Северо-Западному морскому пути в Скандинавию. Как минимум два века использовался этот морской путь, который заново потом открывали англичане в XVI веке.

Один из очередных дальних походов в Сибирь, на Обь через «Камень» — Уральский хребет состоялся в самом конце XV в.— начале XVI в. В 1499 году послал великий князь воевод своих ратью на «Угорскую землю в Коду (Кодское княжество остяков-хантов) и на Вогуличи» (вогулы-маньси, населявшие бассейн реки Оби и её притоков). Сибирским походом руководили известные по предыдущим походам землепроходцы и воеводы князь Семен Федорович Курбский (возлавлял поход на Обь в 1488 году), князь Петр Федорович Ушатый (скандинавский поход 1496 года) да Василий Иванович Бражников. А с ними в поход ходили «устюжане, вятчане, пермичи, *двиняне, важане, пинежане»,* — сообщала Холмогороская летопись [ПСРЛ, т.33. С. 133]. В Устюжском летописце говорится, что «*Иван Васильевич послал*

[228] Маслюженко Д.Н., Рябинина Е.А. Поход 1483 г. И его место в истории русско-сибирских отношений //Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2014. №1 (24). URL: http://www.ipdn.ru/rics/va/_private/a24/115-123.pdf (дата обращения: 14.10.2014).

[229] Чебыкина Г.Н. Великий Устюг: летописная книга XII—нач.XXI века. Великий Устюг: Великоустюг. гос. ист.-архитектур. и художест.музей-заповедник, 2007. URL: http://www.booksite.ru/fulltext/cheb/ykina/index.htm (дата обращения: 14.10.2014).

рать в Югру лыжную устюжан, вычегжан, вымич, сысолич, двинян, пинежан» без упоминания важан, пермичей [230].

Труднейший и длительный по времени маршрут передвижения отрядов воевод детально опубликован в 15-й главе «Открытие русскими Восточной и Северной Европы и первые походы в Западную Сибирь (IX— XV века)» в «Очерках по истории географических открытий» Магидовича И.П. (1889—1976) и В.И. Магидовича. Князь Ушатый шел по реке Сухоне — Северной Двине — реке Пинеге — Пинежскому волоку — реке Кулой — Мезенской губе Белого моря — рекам Мезень и Пизе до ее истоков, где она сближается с верхней Цильмой — по Цильме до Печоры, а по ней до Усташа-города у 64° с. ш. Там П.Ф. Ушатый ждал подхода отрядов князя С.Ф. Курбского и В.И. Гаврилова-Бражника. Здесь они «осеновали» (провели осень) и город «зарубили» (построили). А от Печоры воеводы шли до Камени (Урала) две недели, прошли его ущельем, а Камени в облаках не видать, а коли ветрено, так облака раздирает, а длина его от моря до моря. От Камени шли неделю до первого городка Ляпина; всего до тех мест шли 4650 верст. А от Ляпина шли воеводы на оленях, а рать на собаках. Вернулись в Москву из похода воеводы весной 1501 года[231].

Из всего сказанного следует вывод, что русские задолго до Ермака ходили походами в Сибирь, на Обь. Новгородские купцы вели торговлю с Югрой, известны случаи их ограбления устюжанами в 1323, 1329 гг. Изучение походов новгородских дружин на север в целом очень важно для истории ещё и потому, что эти походы открывали для новгородской торговли новые земли и новые рынки. Участники походов знакомились с отдаленными племенами, в том числе в Югре, Сибири, узнавали их потребности, а потом нередко и сами вели с ними торговлю.

Походы новгородских и двинских ушкуйников на Волгу, Каму, в другие земли

В свете исследуемой темы представляют интерес морские походы ушкуйников через Белое и Баренцево моря, которые в 1320, 1323 годах предприняли два довольно значительных и отдаленных морских похода. Дружина новгородских ушкуйников под начальством Луки на морских ушкуях ходила Северной Двиной, Белым и Баренцевым морями и далее Мурман — в северную Норвегию. В Новгородской четвертой летописи об этом походе упоминается очень лаконично: «*В лето 6828. А Лука ходи на Мурманы, а Нъмци избиша ушкуи Игната Молыгина*»[232] . Дружина Игната Малыгина пустилась грабить население и его ушкуи были избиты шведами. Чем закончился поход Луки на Мурман — неизвестно, но Лука Варфоломеев упоминается в составе новгородского посольства к князю Ивану в 1333 году во время его похода на Торжок [ПСРЛ, т.3]. Лука Варфоломеев известен также по походу 1342 года, когда после смерти отца своего Варфоломея, новгородского посадника, сына Юрия Мишинича, не послушав Новгорода, не получив благословенья владыки-архиепископа новгородского, собрал вокруг себя дружину, очевидно на свои средства и пошел походом на Двину, основал там крепость Орлец и подчинил Двинскую землю. Возникает вопрос: был это тот же самый Лука, который ходил в поход в 1320 году или другой Лука, известный как

---

[230] ПСРЛ, т.37. Усюжские и Вологодские летописи. Л.: Наука, 1982. С.51.

[231] Магидович И.П., В.И. Магидович. Очерки по истории географических открытий. Т.1. 15 глава. М.: Просвещение, 1982. 286 с. URL: http://coollib.com/b/118113 (дата обращения: 15.10. 2014).

[232] ПСРЛ, т. IV. Новгородская и Псковская летописи. СПб, 1848.

сын новгородского посадника из рода Мишиничей. В перечне новгородских посадников перечисляются: «*Валфромеи Юрьевич (отец Луки), Онцифор Лукинич (сын Луки), сын его Юрьи (внук Луки), Матфеи Валфромеевич, сын его Микита*» [ПСРЛ, т.3]. В 2014 году в ходе раскопок, проводимых археологической экспедицией Института археологии РАН, в ходе раскопок была обнаружена впервые свинцовая печать новгородского посадника XIV века, принадлежавшая известному политическому деятелю Новгородской республики Онцифору Лукиничу (1320—1367) из боярской династии Мишиничей [URL: http://lenta. ru/ news/2014/06/22/ras/]. Если судить по возрасту сына, то Лука в 1320 году и Лука в 1342 года — это один и тот же человек Лука Варфоломеевич, который в молодости ходил за два моря — Белое и Баренцево, а через 22 года вместе со своим сыном основал знаменитую крепость Орлецы на Северной Двине.

К 1320 году относится одно из самых первых упоминаний в летописях парусно-гребного судна «ушкуй». Термин со временем стал как бы визитной карточкой ушкуйников, одним из главных признаков их вооруженного формирования (русских «викингов»). «Совершая акции возмездия, новгородцы часто использовали морские и речные пути. Они скрытно передвигались по ним и внезапно нападали на города и селения противника, которые разоряли и уничтожали. Во время этих вторжений новгородцы пользовались тактикой ушкуйников. А сами ушкуйники, действовавшие во время мира на свой страх и риск, во время войны, по сути, *приобретали официальный статус новгородского войска*. В будущем подобная практика найдет место в Великобритании, которая будет брать на службу «пиратов Ее величества» [Тулупов В.Г.] [233].

Морские ушкуи имели плоскую палубу на носу и корме. Средняя часть судна (около трети длины) оставалась открытой. Грузоподъемность их составляла от 4 до 4,5 тонн. На внутреннюю обшивку опирались шесть или восемь скамей для гребцов. Благодаря малой осадке и большому соотношению длины и ширины (5:1), судно обладало сравнительно большой скоростью плавания до 12 узлов (22,2 км/ч). Как морские, так и речные ушкуи несли съемную мачту, располагавшуюся в центральной части корпуса, с одним косым или прямым парусом. Навесных рулей на ушкуи не ставили, их заменяли кормовые рулевые весла.

Речные ушкуи имели сплошную палубу и представляли собой лодки вместимостью до 30 человек. Киль был широким и плоским. Корпус набирался из тесаных досок, планширь отсутствовал. В зазор между обшивками вставляли клинья-кочети, которые служили опорами для весел. Утолщенные последние пояса наружной и внутренней обшивок обеспечивали достаточную прочность борта при возможном абордаже. Укрытий ни в носу, ни в корме на нем не было. Из-за симметричных носа и кормы ушкуй мог моментально отойти от берега, не разворачиваясь. Это приходилось часто делать при набегах. Речные ушкуи были легкими судами, так что их можно было перетаскивать волоком из одной реки в другую.

Если сравнивать новгородские ушкуи с драккарами (в данной работе для примера упоминался драккар «Скулделев-5, как типичный военный корабль викингов), то можно от-

[233] Тулупов В.Г. Цит.соч. С. 122

метить, что оба типа судов имели примерно одинаковый по численности экипаж, малую осадку, были легкми, чтобы их можно было переносить по суше. Но в отличие от драккаров русские морские ушкуи имели более высокую скорость — до 12 узлов, а норвежские ушкуи под парусом — 9 узлов, на веслах — 5 узлов. Оба типа судов легко управлялись, имели симметричные нос и корму, чтобы легко дать задний ход и отступить, если нужно.

Рисунок 25. Ушкуй в плавании.

Рисунок 26. Устройство речного ушкуя

В походах на Волгу и Каму из ушкуев формировались грозные флотилии по 10, 70, 150, 250 речных судов. Численность такого речного десанта могла достигать от 300 (30 чел. Х 10 ушкуев) до 7000 хорошо вооруженных профессиональных воинов. По тем временам это мощная военная группировка, которой под силу было выполнение любых задач с использованием самых современных в то время легких и быстроходных судов, приспособленных для ведений боевых операций. Расцвет движения ушкуйничества приходится на XIV век. Направлено оно было не только на наживу, но и против засилья Золотой Орды, на установление контроля над торговыми водными путями. По Волге проходил торговый путь в Пермь и Печору, Северную Двину и далее в Белое море. Реке Вычегда, впадала в Северную Двину ниже Устюга, а река Вятка текла в сторону Перми и впадала в Каму, а Кама в Волгу. Применение речных ушкуев, маневренных, быстроходных, на водных путях Русского Севера, рек Северной Двины, Волги, Камы, Сухоны, Вятки и других давало существенное стратегийческое преимущество новгородским и двинским ушкуйникам.

Типы ушкуев, вооружение и особенности ведения десантных операций ушкуйников исследуются в статье В.Ю. Гумелёва и А.В. Пархоменко. Эти авторы используют возможности электронных ресурсов, 24-й том ПСРЛ, ссылаются на труды русских историков С.М. Соловьева (1820—1879 года), Н.И. Костомарова (1817—1885 года) и др., проводят реконструкцию доспехов ушкуйников[234].

[234] Гумелёв В.А., Пархоменко А.В. Ушкуйники: вооружение и особенности десантных операций // Гуманитарные научные исследования. 2013. № 2. URL: http://human.snauka.ru/2013/02/2414 (дата обращения: 21.07.2014).

Рисунок 27. Миниатюра из Никоновской летописи[235].

Рисунок 28. Десант ушкуйников, нападение с ходу.

К 1360 году относится первое упоминание в летописях о походе на Жукотин (город Джукетау в 120 км от Казани[236]) Анфала Микитина (Никитина). Имя Анфала называется в Архангелогородском летописце. В Новгородской четвертой летописи речь идёт о самом походе на Жукотин без указания имени предводителя новгородцев: «В лето 6868 (1360). «*Того же лета взяша Новгородци Жюкотинъ, и много Бесерменъ посекоша, мужій и женъ*» [ПСРЛ, т.4. С.63]. Джукетау, средневековый город болгар на Каме, упоминается в летописях в 1360, 1390, 1395 годах в ходе серии походов ушкуйников на булгарские города [237]. Джукетау выполнял роль восточных ворот Волжской Булгарии, входившей в состав золотоордынской имерии, был одним из центров Камского торгового пути, обладал значительным культурным и экономическим потенциалом в Нижнем Прикамье. По выводам Н.Г. Набиуллина, к.и.н., с.н.с. Института истории АН РТ, главной задачей походов было получение «доступа к торговому пути Волга — Кама с целью избежать посредничества княжеств Северо-Восточной Руси или Золотой Орды в обмене товарами между Великим Новгородом и Волгой — ушкуйники просто грабили города (как булгарские, так и русские)» [Набиуллин Н.Г. Указ. соч.]. Очевидно, что не только Новгород, но и русские князья спешили воспользоваться ослаблением Золотой Орды, взять под свой контроль Волжский торговый путь, используя ушкуйников всего лишь как инструмент своей геополитики и торгово-экономических отношений. Реакцию московских князей на походы новгородских добровольных военизированных формирований «без новгородского слова» можно характеризовать как очень болезненную и неприемлемую. В

[235] Рисунки из книги Ю. Щербакова «Ушкуйники Дмитрия Донского. Спецназ Древней Руси». URL: http:// human.snauka.ru/2013/02/2414 (дата обращения: 21.07.2014).

[236] Остатки города Джукетау X—XIV вв. раположены на левом берегу реки Камы на западной окраине города Чистополь Республики Татарстан.

[237] Набиуллин Н.Г. Джукетау — город болгар на Каме. URL: http://chisto-muzei.ru/dzhuketau-gorod-bolgar-na-kame/ (дата обращения: 18.10.2014).

московских летописях новгородских ушкуйников называли не иначе как разбойниками, осуждая их. Ушкуйники выступали не только против общего врага всех русских земель того времени, но грабили при этом и местное население.

В лето 6874 (1366) из Великого Новгорода Волгою пришли полтораста ушкуев с разбоиниками новгородскими: «*проидоша из Новгорода Волгою из Великого полтораста ушкуевъ с разбоиникы Новогородскыми и избиша по Волге множество Татар и Бемерменъ*», Ормен и Новгород Нижний пограбили, их суды, кербаты и павозки, лодьи и струги, все изсекоша, и пошли на Каму до Болгар, «*тако же творяще и въюююще*» [ПСРЛ, т.25. Московский летописный свод. С. 183]. Далее в продолжающемся тексте точно под такой же датой в лето 6874 (1366) имеется другая запись, что ездили из Новгорода *люди молодые* на Волгу без новгородского слова, а воеводами у них были «Осиф Варфломеевич, Василий Федорович, Александр Обакумович» и вернулись того же лета обратно со многим «прибытком» [ПСРЛ, т.25. С. 184]. Возникает вопрос, это один или два разных похода. Данный текст верифицируется при сравнительном анализе с другими летописями. В Новгородской первой летописи о самом походе говорится скупо, но называются имена руководителей и показывается гневная реакция Великого Московского князя:

> «*ъздиша из Новагорода люди молодые на Волгу без Новгородского слова», а воеводами у них были Осиф Варфоломеевич, Василий Федорович, Александр Обакунович, того же лета 6874 приехаша во здравии. Великий князь Дмитрий Иванович разгневался на новгородцев и разверже мир с новгородци за то, что ходили на Волгу и много гостей его пограбили* [НПЛМИ. В лето 6874].

Очень краткий текст содержится в Новгородской четвертой летописи, в котором названы имена воевод и двух погибших ушкуйников [ПСРЛ, т.4. СПб,1848. С.]. Поэтому есть все основания считать, что речь идёт всё же об одном и том походе.

Ещё одна дружина новгородских ушкуйников в 1369 году на десяти ушкуях ходила на Волгу, Каму и была побита: «*Той же осени шло Волгою 10 ушкуев, шли Камою, и биша ихъ подъ Болгары*» [Новгородская четвертая летопись. В лето 6877. С. 66]. Через два года новгородцы взяли град Ярославль и Кострому [Новгородская четвертая летопись. В лето 6879. С. 67]. В Московском летописном своде участники похода 1371 года назывались разбойниками Новгорода Великого: «*Въ лъто 6879. Того же лета ушкуици разбоиници Новагорода Великого пришедше взяша Кострому*» [ПСРЛ, т.25. Московский летописный свод. С. 1860]. Скупые сведения о походе 1371 года в двух летописях не персофинцированы, не известно количество ушкуев, что не позволяет определить численность участников похода.

В 1372 году погиб известный предводитель ушкуйников Александр Обакунович (Абакумович), который получил от Новгородского вече главное воеводство над ратью, посланной защищать Торжок против Тверского князя Михаила Александровича. В первой же отчаянной схватке с тверичами он «*лег костью*» за св. Софию и за своего господина Великого Новгорода [НПЛМИ. В лето 6880]. Была сеча велика у города Торжка и одолел князь Михаил новгородцев. Убиты воевода новгородский Александр Абакумович, Иван Тимофеевич, Иван Шахов, Григорий Щебелков и иных муже велико пало. Сам город был сожжен вместе с людьми, разграблен, многие убиты и избиты, «*а добрыя жены и девица надъ собою лупленіе от Тферичь, а они одираху до последней наготъ, егоже и поганіи не творят тако*». Князь Михайло Тверской учинил «*великое зло Торжку, еже ни от поганых Татар зло таковое не*

бывало ему», — сообщалось в Московском летописном своде [ПСРЛ, т.25. С. 187—188], но дата указывалась здесь другая — годом позднее «в лето 6881 (1373)». В Тверской летописи то же самое событие обозначено «В лето 6880. Князь же великий Михайло поиде ратью к Торжку 31 мая. И убиша Александра Абукумова с други, а Новгородци побежали к Новгороду. Сгорели посады у города и весь град, и народа множество погибло. Князь возвратился в Тверь с победою [ПСРЛ, т.15. Тверская летопись. С.432]. О великом зле Торжку в той летописи конечно же не упоминалось. Поэтому можно датировать сражение у Торжка 1372 годом, учитывая информацию из разных летописей, содержание которой свидетельствует, что речь идёт об одном и том же событии.

В лето 6882 (1374) идоша на низ рекою Вяткою «*ушкуиници разбоиници 90 ушкуевъ*» (примерно 2700 человек) пограбили Вятку, получили от Болгары откуп 300 рублей. Оттуда ушкуи разделились 50 ушкуев пошли вниз к Сараю, а 40 ушкуев пошли вверх по Волге, пограбили все «*Засурье и Маръквашь*», много сел «*по Ветлузъ идуще пограбиша*» [ПСРЛ, т.25. Московский летописный свод. С. 189]. Данный поход на 90 ушкуях опять же не персонифицируется.

В лето 6883 (1375) состоялся новый поход ушкуйников — «*идоша разбоиници в 70 ушкуевъ*» во главе с воеводами Прокопием и Смолянином к Костроме, где новгородцы, увидев, что против их более 5 тысяч, а их только 2 000, разделись на две части и ударили на костромичей в тыл, город был раграблен, иное «*пожгоша*». Затем пошли к Нижнему Новгороду и там много зла сотворили; повернули на Каму и снова вернулись в Волгу, дошли до Болгар и пошли на низ к Сараю. В устье Волги в граде Хазитороканя (Астрахани) местный князь Салчеи принял их очень ласково, напоил и сонных велел перерезать всех до одного — «*изби их лестью*», «*тако погибоша злии ти разбоиници*» [ПСРЛ, т.25. Московский летописный свод. С. 191—192]. Новгородская четвертая летопись называет «*Новагорода ушкуйници*» и старейшина у них «*Прокопъ*» [ПСРЛ, т.4]. В Вологодско-Пермской летописи [ПСРЛ, т.26] ушкуйники называются «*Ноугородцы Великого Новагорода разбойницы», 70 ушкуев*. В Тверской летописи называется имя предводителя этого похода на 70 ушкуях, взявшего Кострому — это был «*Новогородецъ Прокофей*» [ПСРЛ, т.15. С. 436}.

В Устюжском летописце упоминается то же количеств ушкуев — 70, совпадает и время похода —1375 год, и маршрут — новгородцы шли вверх по Югу, Волгою вниз, потом вверх по Каме; но здесь не называются ни Кострома, ни Нижний Новгород, ни Астрахань, ни имена предводителей. С большой долей вероятности речь идёт об одном и том же походе. Вместе с тем данный поход с учетом записи в Устюжском летописце можно позиционировать отдельной строкой, так как участники похода образуют два отряда. Основанием для этого являюся различные цели одного и того же похода. Впервые в летописях встречается свидетельство о том, что ушкуйники не только разоряли города на Волге и Каме, но и «*основали город Хлыновъ*» и сами поселились в Пермской провинции. Город Хлынов (Вятка) позиционируется в дальнейшем вольной «столицей» ушкуйников на Каме.

В лето 6887 (1379) вятичи ходили ратью в Арскую землю в низовьях рек Камы и Вятки, где проживали удмурты — ары, которые «*избиша разбойниковъ ушкуиников и воеводу ихъ Рязана изънемавще убиша*» [ПСРЛ, т.25. Московский летописный свод. С.201]. В летописных источниках вятчане упоминаются также в 1435 году — «*поидоша князь Василий к Костроме и посла по вятчан и вятчане придоша к нему*», в 1467 г. — «*вятчан сто двадцать человек*

ходили на вогуличи»; в 1471 г. — «*ходиша вятчане ратью на Волгу*»; позднее в «Повести о стране Вятской» (к.XVII—н.XVIII в.): «*называху их вятчан разбойниками*», — пишет В.Д. Сергеев в своей статье о вятичах [238].

В лето 6899 (1391) новгородцы, устюжане и прочие присоединившиеся к ним, вышли в насадах и в «*ушкъех*» рекаю Вяткою на низ, взяли Жукотин и Казань, и «вышедше» на Волгу пограбившие «гостей» и возвратились [ПСРЛ, т.25. Московский летописный свод. С.219]. В 1409 году состоялся неудачный поход Анфала Никитина на Каму и Волгу, который до этого проявил себя в ходе Двинской смуты в 1397—1401 гг.

Камско-Волжские походы ушкуйников по составу участников (новгородцы, двиняне, устюжане, вятичи) трудно признать исключительно только новгородским проектом. Как и северные походы с участием двинских и новгородских ушкуйников.

Анфал (Афанасий) Никитин

Имя одного из самых знаменитых предводителей ушкуйников конца XIV—начала XV вв. встречается в качестве руководителя четырёх походов, но упоминанией об Анфале в разных летописях значительно больше. Он происходил из известного боярского рода Двинской земли, хотя имеются гипотезы и летописное упоминание о его новгородском происхождении (боярин Великого Новгорода) в Архангелогородском летописце:

> «*В лето 6868 (1360). Того же лета болярин Великого Новагорода* ***Анфал Микитин*** *ходил ратью на Кумада (Каму), взял город Жукотин и много бесермен побил. Той же зимы князи жукотиньские пошли в Орду и били челом царю Кидару (хану Хызру) на руских князеи. И царь послал 3 послы к руским князем о жукотиньских князех, и много протор бысть руским князем*»[239].

Ушкуйники были выданы на расправу в Золотую Орду по решению княжеской встречи состоявшейся в Костроме [ПСРЛ, т.25. Московский летописный свод. С.181]. Новгородские власти принимали участие в поиске и беспрецендентной выдаче своих граждан татарам, несмотря на правовой запрет о неподсудности новгородцев княжеской власти.

Анфал Никитин вместе со своим братом Иваном сыграли ключевую роль в Двинской смуте в 1397—1398 гг. Они возглавили весь процесс перехода Двинской земли из под власти Новгородской Республики под Великого князя Московского Василия Дмитриевича, сына Дмитрия Донского. Можно ли назвать это предательством интересов Великого Новгорода, как делают авторы отдельных публикаций об Анфале. *Во-первых*, фактически отсутствует информация о мотивации действий двинских бояр Никитиных, их взглядах, собственности, наличии или отсутствии каких-либо обид на новгородские власти, как это проявилось у Луки Варфоломеева в 1342 году. А может это было ответом на предательство ушкуйников Новгородскими властями в 1361 году и их выдачу Золотой Орде. *Во-вторых*, переходы от одного сюзерена к другому, из одного княжества в другое во времена средневековья на Руси были вполне обыденным делом и не несли на себе печати греха, нарушения этики поведения. *В-третьих*, время было очень жесткое, постоянно шли военные действия, жгли города, брали в плен женщин и детей. Московское княжество медленно, но верно укрепляло свои позиции

---

[238] Сергеев В.Д., к.и.н. Вятичи или Вятчане. URL: http://my-vyatka.livejournal.com/3031.html (дата обращения: 20.10.2014).

[239] ПСРЛ, т.37. Устюжские и Вологодские летописи XVI —XVIII вв. Л.: Наука,1982 С.73

в борьбе с Золотой Ордой, особенно после победы русских во главе с великим князем Дмитрием на Куликовом поле в 1380 году от рождества Христова или в 6888 лето от сотворения мира. Вполне возможно появились какие-то надежды на стабильность, тем более что Новгородская республика стала утрачивать свои лидирующие позиции по защите русских земель и в других делах. Не случайно Василий Дмитриевич использовал такой властный инструмент, как введение понятных правил за разного рода преступления, порядок судопроизводства и другие нормы, сформулированные в уставной Двинской грамоте. А куда поедут Двиняне торговать, им не надо платить разного рода пошлины во всей отчизне, великом княжении. А если кто-то обидит, быть тому от Великого князя «*въ казни*» [ААЭ, т.7, №13]. Это были обещания, но ведь им поверили тогда многие на Двине.

В борьбе против новгородского войска пала крепость Орлец. В Новгороде с моста в реку Волхов был сброшен взятый в плен брат Анфала — Иван Никитин. Сам Анфал бежал по дороге в Новгород. За ним была организована самая настоящая охота. Все детали преследования Анфала со ссылками на источники описывает В.В. Низов. Анфал нашел союзников в лице устюжан, но потерпел поражение у Стрельного порога реки Сухоны. Использованный В.Н. Татищевым неизвестный летописный памятник содержал информацию об обстоятельствах возвращения новгородского отряда после Сухонской баталии. Оказывается, когда они шли «*мимо Белоозера, ту встретиша их воеводы великаго князя. И бысть им бой крепок, и одолеша воеводы великаго князя новгородцев всех, мало что их утече в Новград. И бысть в Новегороде жалость и плач велии*»[240].

Выполняя поручение, поставленное Великим князем Московским, Анфал возглавил в 1401 году военную рать в походе на Двинскую землю. А в 1409 году он совершил последний поход на Каму. Инициатива волго-камского похода, его финансирование и обеспечение продовольствием и оружием, как считает В.В. Низов, — принадлежала не Анфалу Никитину, которого летописи именуют едва ли не главным воеводой, а великому князю Василию Дмитриевичу, занимавшему в то же время княжеские столы и в Великом Новгороде, и в Вятской земле [Низов В.В. Указ. соч.].

В лето 6917 (1409) ушкуйники из Заволочья, сговорившись с двинским боярином Анфалом, по Двине вверх Сухоною и Костромою вошли в Волгу, взяли провизии в Костроме, и пошли вниз. Воюя по дороге, взяли Нижний Новгород, потом спустились к устью Камы на соединение с Анфалом. Двинской боярин Анфал шел тогда на Каму другим путем. Обманом завлеченный Болгарскими и Жукотинскими князьями на переговоры, Анфал был схвачен на Каме, а дружина его частью была истреблена, частью разбежалась. В этом походе у Анфала было сто насадов (примерно 3000 чел.), у новгородских ушкуйников сто пятьдесят насадов. В лето 6917 (1409) в летописях появляются сведения о его последним походе на Каму:

> «*Поидоша Новогородци из Заволочіа по Двине, в верх Сухоною, и вышли Костромою в Волгу, и взяша на Костромъ кормь, и поидоша к Новугороду Волгою, въючи, и взяша Новгород Нижній; и потом поидоша на усть Ками, на с(о)ветъ Анфалу, и не поспеша. Анфалъ же пошел задними водами въ Каму, князи Болгарскіе и Жекотстіи слаша к Анфалу, и взяша перемиріе, и даша ему окупь с земли; Анфалъ же потому*

[240] Низов В.В. Ушкуйник Афанасий Никитин// Герценка: Вятские записки: [науч.-попул. альм.]. Киров, 2002. Вып. 3. С. 72. URL: http://www.herzenlib.ru/almanac/number/detail.php?NUMBER=number3&ELEMENT=gerzenka3_4_1 (дата обращения: 17.10.2014).

исплошися к нимъ (проникшись доверим), они же яша его лестію в Камъ, а дружину его изсекоша, а иніи разбегошася» [ПСРЛ, т.15. Тверская летопись. С. 485].

Новгородцы не нашли на Каме ни Анфала ни его дружины и возвратились домой. «*Ходи Анфалъ на Болгары, и тамо убиша его*», — такой краткой была запись в Новгородской четвертой летописи в лето 6917 [ПСРЛ, т.4. СПб, 1848. С.111]. Однако не все летописи похоронили известного предводителя ушкуйников. В Устюжской летописи сообщалось, что Анфал Никитин ходил с вятчаны на болгары, и там одолеша татары и *в Орду свели*»[ПСРЛ, т.37. С. 82]. Вологодско-Пермская летопись также сообщала: «*1409. Ходи Анфал на Болгары, и тамо около его рать побиша, а самого яша и послаша его в Орду ко царю*» [ПСРЛ, т.26].

Дальнейшая жизнь Анфала в плену неизвестна. Возраст к тому времени был у Анфала весьма уже приличный. Первое летописное упоминание об Анфале было в 1360 году, а к 1409 году ему должно быть около 70-ти лет (49+20), если взять его возраст во время взятия Жукотина равным хотя бы двадцати годам. В Архангелогородском летописце есть запись о смерти Анфала Никитина на Вятке: «*В лето 6926 (1418). Того же лета Анфал Никичъ убиен бысть на Вятке и сын его Нестер*» [ПСРЛ, т.37. С. 83]. Вологодско-Пермская летопись называет точную дату и имя убийцы: «*В лето 6926 (1418). Того же лета убиен бысть Анфалъ и сынъ его Нестеръ на Вятке от Михаила Росохина месяца июля 11*»[ПСРЛ, т.26]. Причины конфликта между Анфалом Никитиным и Михаилом Рассохиным летописными источниками не называются, в летописях указывается просто «убиен».

Всесторонне и кропотливо анализирует весь комплекс сохранившихся летописных свидетельств в ПСРЛ: т.3, 4, 8, 10, 11,15, 18, 20, 25, 27, 37,39, включая также материалы, документы по Вятской земле, историк В.В. Низов, предметно работающий в сфере исторической регионологии, в том числе по проблеме ушкуйничества. Позитивную оценку его трудам дал Л.Д. Макаров, специалист по средневековой археологии и истории русского населения Вятско-Камского региона, Вятской земли, Русского Севера, исследуя вопрос о возникновении Хлынова — Вятки: «*В последнее десятилетие в изучение Вятской земли активно включился историк В.В. Низов, главной заслугой которого является тщательный анализ как давно опубликованных, так и открытых им самим письменных источников. Ученый написал немало блестящих источниковедческих статей по различным проблемам вятской истории, в том числе и о древнейшем ее этапе*»[241]. В.В. Низов утверждает, что «в июле 1418 г. бывший двинской боярин и один из руководителей «Вятской земли» Михаил Рассохин во главе вятской рати дал сражение «Сабуровой дружине», в составе которой находились Анфал и Нестор Никитины» [Низов В.В. Указ. соч.]. В синодике Хлыновского Богоявленского собора сохранилась запись такого содержания: «*Сабурова дружина 6924-го года ж: Айфала, Стефана, Нестора, Матфея (дважды), Григория, Иоанна, Пагкратиа, Исаакиа и иже с ними оубиенных. Убилъ на Вятке Михаило Росохинъ ж*». Здесь вызывает сомнение указанное лето 6924-е. В синодике Троицкой церкви села Макарьевского Хлыновского уезда (ныне в городской черте Кирова) середины XVII в. поминальная запись дана в следующей редакции: «*Сабурова дружина. Анфала. Степана. Нестера. Феодора. Матфея 2. Григория 2. Иоанна. Панкратия. Исаакия и иже с ними 9000 убиенных, которыхъ убил на Вятке Михаиле Розсо-*

[241] Макаров Л.Д. К истории вопроса о заселении русскими Вятского края // Новгородская Русь: историческое пространство и культурное наследие. Екатеринбург. 2000. С. 306—314. URL: http://elar.urfu.ru/bitstream/10995/2799/1/pristr-03-18.pdf (дата обращения: 22.10.2014)

хин в лето 6929». Ошибки в указании даты в синодиках компенсируются сохранившимися именами Сабуровой дружины и подверждают версию о битве, что даёт В.В. Низову основания для вывода о том, что в июле 1418 года бывший двинской боярин и один из руководителей «Вятской земли» Михаил Рассохин во главе вятской рати дал сражение «Сабуровой дружине», в составе которой находились Анфал и Нестор Никитины. Многочисленное великокняжеское войско под предводительством боярина Ф.И. Сабурова и давнего союзника Москвы Анфала Никитина могло оказаться на Вятке только для выполнения какой-то важнейшей военно-политической миссии. Добившись на рубеже XIV—XV столетий государственной самостоятельности, вечевое государство «Вятская земля» с её значительным военно-экономическим потенциалом могло оказаться либо весьма надёжным союзником, либо жестким и непримиримым противником Москвы. Главной целью вятской миссии боярина Ф.И. Сабурова являлось насильственное свержение правительства Михаила Рассохина, но эта цель оказалась не выполненной, Сабурова дружина потерпела поражение на поле брани, где осталось лежать якобы до 9000 павших бойцов. Это была братоубийственная баталия, инспированная официальной Москвой на Вятской земле.

С именем Анфала Никитина приуральские предания связывают основание «Анфаловского городища» в верхнем течении Камы. Вопрос о строительстве такого Анфаловского укрепленного городка на Каме пока остаётся открытым.

В летописях после 1409 года редко встречаются известия о походах с участием новгородских ушкуйников на Волгу и Каму. Но северные походы, имеющие по содержанию и форме подобный характер ушкуйничества, продолжались уже с участием вятичей, двинян, устюжан, даже под командованием князей, в том числе и на Югру, Обь, Мурман, каянские земли.

Классификация походов ушкуйников

Движение *повольничества* как добровольного (по воле своей) участия в вооруженных конфликтах, в том числе в составе новгородского войска, и последущего за ним *ушкуйничества*, в большей степени на основе наёмничества во временных вооруженных формированиях с преобладающей мотивацией получить легкую наживу, — очень четко делится на три основных этапа в ходе своей эволюции.

В раннем Новогороде XI—XIII вв. движение новгородских вольных людей, преимущественно молодых, во главе с опытными воеводами было направлено на защиту от шведской экспансии, северных крестовых походов (Ладога, Невская битва, Ледовое побоище — 1164, 1240—1242 гг.); сбор дани с племен емь, чудь, корелы (1131,1133, 1338, 1186, 1191, 1292 гг.); освоение новгородских волостей, сбор дани в Заволочье, на Северной Двине, Печоре, Югре (1096, 1169, 1187, 1193 гг.). Поход на Югру 1096 года можно считать началом освоения земель, расположенных к западу и востоку от уральских гор. А походы на Обь в Сибирь в 1364, 1483, 1499 гг. с участием ушкуйников в основном завершали этот период в отечественной истории.

В 1320 году впервые появляется первое упоминание «ушкуев» в Новгородской четвертой летописи, что позволяет индефицировать походы на ушкуях вплоть до XVI века. Некоторые авторы подчеркивают, что ушкуйники фигурировали в источниках только в 1360—1409 гг. Однако, если в 1320 г. «ушкуи» упоминались в летописи, значит на них ходили ушкуйники далеко не первый год. В XV веке в состав ушкуйников включаются новгородцы, дви-

няне, вятичи, вычегжане, устюжане. Изменяется не только состав временных вооруженных формирований, но и их организация. Руководители походов назначаются по инициативе сверху великокняжеской властью, несут ответственность перед нею. Можно выделить три основных этапа движения ушкуйничества на протяжении пяти столетий.

Таблица 7

Этапы движения ушкуйничества в XI—XV вв.

Этапы	Временные рамки	Характер движения
I этап — становление и развитие новгородского повольничества как предтечи ушкуйничества.	1064—1292 гг.	Добровольное участие (по воле своей) в составе временных дружин, новгородского войска, в том числе для защиты от крестовых северных походов.
II этап — ушкуйничество на Северной Двине, Волге и Каме, через Белое море на Мурман.	1320—1409 гг.	Расширение географии водных походов ушкуйников с появлением речных и морских ушкуев, принципов формирования на основе наёмничества, изменение мотивации их участников (легкая нажива).
III этап — северные речные походы на Северной Двине, Каме, Волге, Вятке, морские походы на Мурман, Каян , продолжение далеких северных походов в Югру, на Обь.	1411—1149 гг.	Изменение состава руководителей северных походов (назначаются нередко по воле великого князя); расширение состава временных вооруженных формирований с участием двинян, устюжан, вятичей и др.

Показателен по составу участников военный поход 1417 года в Двинскую землю.

«*В лето 6925. Того же лета из великого князя вотчины Василья Дмитреевича ходил княж Юрьевъ боярин Глеб Семенович с Ноугородцкими беглецы, съ Семеном Жадовским и с Михаилом с Росохиным, и с Устюжаны, и с Вятчаны, ехаша в насадех на Заволотцкую землю и повоеваша волость Борок Ивановых детеи Васильевича, Емцю и Колмогоры пожгли, а бояръ Ноугородцких поимаша Юрья Ивановича и брата его Самсона. Иван Федорович и брат его Офонасеи (Афанасий) Самсона и Юрья отнята и с животы их, а самих пустиша*» [Вологодско-Пермская летопись][242].

По сообщению Двинского летописца в 1417 году из великого князя вотчины Василия Дмитриевича князь Юрьев «*с устюжаны, и с вятчины ехаша в насадах на Двину, и повоеваша волость Борок, пожгли Емцу и Холмогоры*»[243]. Архангелогородский летописец за этой же датой также описывает нападение на Двинскую землю. Князь великий Василий Дмитриевич повелел брату своему князю Юрию Дмитриевичу Галицкому «*воивати Двинскую землю*». Он же послал вовод своих — Глеба Семеновича, Семена Жадовского, Михаила Росохина, с ним «*галичяня, и устюжаня, и вятчене. И повоиваша всю землю Двиньскую, а Колмогоры Емчю пожъгли, а бояр новгородских много поимали о откуп на них имели*»[244] . Существует ещё одна версия, что при нападении москвичей с вятчанами на Двинскую землю тамошние бояре Иван и Афанасий Федоровичи, Гаврила Кирилович и Исак Андреевич (Борец-

[242] ПСРЛ, т.26. Вологодско-Пермская летопись. С.180
[243] ПСРЛ, т.33. Двинской летописец. С.166.
[244] ПСРЛ, т. 37. Устюжские и Вологодские летописи XVI-XVIII вв. С.83.

кий) не только разбили их под Моржом, но и в погоне за ними пограбили Устюг, принадлежавший великому князю Московскому [245].

Анализ летописных свидетельств позволяет квалифицировать этот военный поход 1417 года в духе ушкуйничества. В составе участников: новгородские беглецы, вятичи, галичяне, устюжане, которые как и ушкуйники шли на Двину на речных легких судах — насадах. Посылали их в поход князья, но цель наживы четко прослеживается в захвате бояр новгородских и получении за них откупа, в поджоге и очевидном разграблении Холмогор и Емцы, крупных по тем временам городских поселений в центре Двинской земли. Вятчане (вятичи) ходили ратью на Волгу с воеводой Костей Юрьевым в 1471 году и даже взяли Сарай и полону множество. Это продолжение традиций волго-камских походов ушкуйников.

Ушкуйники действовали в составе временных вооруженных формирований, дружин целевого назначения, целых речных флотилий на Северной Двине, Волге и Каме. В XIV—XV вв. они воевали против Золотой Орды, ходили на её столицу Сарай, на Казань, Булгарское княжество. В этом качестве ушкуйники ближе к пониманию их сущности, как обычных наёмников, идущих по своей воле на риски с целью наживы. Эта миссия (предназначение) и функциональность ушкуйников использовалась не только в Новгородской республике, но и Великом княжестве Московском, которые пользовались услугами укшуйников, ставили во главе походов своих князей, преследуя свои политические и экономические цели.

Классификацию всех известных в летописях походов ушкуйников можно выполнить с учётом нескольких индикаторов. Летописные сообщения о набегах ушкуйников (или о походах «без слова новгородского») В.Н. Бернадский свёл в таблицу ещё в 1961 году. Попытка систематизации походов предпринималась и мною в первом издании «Новой Архангельской летописи» (2008). При составлении таблицы в данном издании мною взяты три индикатора атрибуции В.Н. Бернадского о дате, локализации походов, их руководителях. И добавлен четвёртый — «состав», который упоминается в летописях или не встречается в них, но позволяет включить тот или иной поход в общее число совершенных ушкуйниками, выявляя сопутствующие этому обстоятельства, применяя сравнительно-текстологический метод, анализ ключевых публикаций по теме исследования. В отличие от В.Н. Бернадского мною включены здесь походы не только ушкуйников XIV века, но и более ранние походы их исторических предшественников — новгородских повольников, а также поздние северные походы на реку Обь, в Югру с участием сборных военных дружин.

Таблица 8

Летопись походов ушкуйников XI—XV вв.

№	Дата	Локализация (место)	Предводители	Состав
	Ранние походы новгородских повольников в XI— XIII вв.			
1	1064	Тмутаракань	Вышата, Порей	*дружинники, изгои*
2	1096	Печора, Югра	послал Гюрята (Юрята) Рогович отроки свои	*отроки*
3	1131	на Чюдь	Князь Всеволод	много добрых мужь

[245] История Новгорода Великаго от древнейшихъ временъ до падения. С. 36

4	1133	На Чюдь, взят град Юрьев	Князь Всеволод	*съ новгородьци*
5	1164	На защиту Ладоги от шведов	Князь Сятослав	*съ новгородьци*
6	1169	на Двину, Белозеро	Данислав Лазутинич	*новгородець*
7	1186	На Емь	Вышата Васильевич	*молодьци*
8	1187	Печора, Югра за Волоком		*кметы*
9	1187	В Швецию, через Балтийское море, по шхерам	Разрушена древняя шведская столица Сиггуна [шведская «Хроника Эрика”]	*Морская флотилия новгородцев*
10	1191	На Емь с Корелою	–	*новгородци в лоивахъ (больших лодках)*
11	1193	Югра	с воеводою Ядреемь	*совет державшие с Югрою на свою братью*
12	1240	Придоша Свеи в силе великой, и Мурмане, и Сумь, и Емь в кораблих в Неве	Князь Олександръ	с новгородци и с ладожаны, *20 мужь*
13	1242	Ледовое побоище	Александр Невский	*с новгородци*
14	1292	На Емъскую землю	с воеводами съ княжими	*молодци новгородстѣи*
	Походы ушкуйников в XIV веке			
15	1311	Тавастаборг в юго - западной Финляндии	Дмитрий Романович, служилый князь	*новгородци*
16	1318	за море, в Полную реку, захватили Або (Турку)	–	*Ходили новгородци войною за море*
17	1320	на Мурман — провинция Финмаркен в Норвегии	Лука Варфоломеев, Игнат Малыгин	*избиша* ***ушкуи***
18	1322	К Выборгу, городу немецкому (шведскому с 1293 г.)	Князь Великий Юрий	*С новгородци, «муж добрых»*
19	1323	Халогаланд в Норвегии, Бьаркей	–	*русы*
20	1324	На Заволочье, взяли Устюг на щит, придоша на Двину	Князь Юрий	*Новгородци с князем Юрьем на Заволочье*
21	1329	На Югру	Тои же зимы избиша новгородцов, которые было пошли на Югру [ПСРЛ, т.3].	
22	1337	Рать на Двину за Волок	Двинские бояре	*дружины*
23	1338	На городецскую Корелу Немечкую как ответная мера на то, что ранее, в этом же году «Воеваша Немцы с Корелою много по Обонижью, послеже и Ладогу пожгоша» [ПСРЛ, т.3].		*молодци новгородские с* воеводами
24	1340	Устюжна, Белозерская волость	«А из Новагорода ходивше *молодци,* воеваша Устижну и пожгоша» [ПСРЛ, т.3].	
25	1342	Орлец в Двинской земле, без благословения владыки и посадника	Лука Варфоломеев, его сын Онцифор, будущий новгородский посадник	*скопив с собою холопов, збоев*
26	1348	На Магнуса, короля Швеции и Норвегии, в Ижору	Онцифор Лукин, Яков Хотов, Михаил Фефилатов	*с малою дружиною, братью свою*
27	1348	на Мурманы	–	*Новгородци и Двиняне*
28	1349	В провинцию Халогаланд, взята крепость Бьаркей	–	Новгородские ушкуйники
29	1350	к Выборгу на Немечкую землю (в Ливонию)	Борисов, сын наместника, тысяцкий Иван Федоровиц, воеводы: Михаил Данилович, Юрий Иванович, Яков Хотов	*Новгородци*
30	1360	Жукотин, Кама	Анфал Никитин	*разбоиници, новгородские разбойники, люди молодые*

31	1364—1365	По реке Оби до моря, а другая половина вверх по Оби	Александр Абакумович, Степан Ляпа	*дети боярскіи и молодые люди*
32	1366	на Волгу, Ормен, Нижний Новгород, Каму, Болгары *без Новгородского слова*	Осиф Варфоломеевич, Василий Федорович, Александр Абакумович	*полтораста ушкуев с разбоиники Новогородскыми; люди молодыи*
33	1369	на Волгу и Каму	–	*на десяти ушкуях*
34	1371	Кострома, Ярославль	–	***ушкуици разбоиници*** *Новгорода Великого*
35	1372 (1373)	Битва за Торжок с Тверским князем Михаилом	Александр Абакумович, главное воеводство над новгородской ратью	*Погиб известный предводитель ушкуйников — Александр Абакумович*
36	1374	Вятка, Болгары, вниз по Волге к Сараю – столице Золотой Орды	–	*ушкуиници разбоиници 90 ушкуев, из них 50 пошли к Сараю, 40 вверх*
37	1375	Кострома, Кама, Болгар, Волга, к Сараю, Астрахань	Воеводы Прокопий и Смолянин	*в 70 ушкуях* ***Новагорода ушкуйници***
38	1375	Основан город Хлынов в Пермской провинции	–	*Новгородцы на 70 судах*
39	1377	Новый городок на реке Овль шведский (Оулу)	Иван Федорович , Василий Борисович, Максим Ананьевич	*люди молодыи*
40	1379	Вятчане ходили ратью в Арскую землю (удмурдов)	Воеводу их Рязана «изънимавше убиша»	*Избиша разбойников* ***ушкуйников***
41	1391	по рекам Вятке и Волге, взяли Жукотин, Казань	–	*в насадах и ушкуях новгородцы и устюжане*
42	1393	На град Устюг, Белозеро совокупиша Новгородци рать	Воеводы новгородские, князья Роман Литовский и Константин Белозерский	*из Заволочья новгородцы с двиняне во многих насадах и ушкуях, «охвочая рать»*
43	1397—1398	Двинская смута, Иван Микитин, бояре двинские	Иван и Анфал Никитины, Герасим Рострига	*Анфал Никитин, предводитель ушкуйников*
	Северные походы с участием двинян, устюжан, вятичей в XV веке			
44	1401	Двинская земля, битва на Холмогорах	Анфал Никитин, Герасим Рострига	*предводитель ушкуйников — Анфал Никитин*
45	1409	по Двине, Сухоне, Волге, Каме. Новгород Нижний, Булгария, Жекотин	Анфал Никитин Взят в плен в Золотую Орду	*250 насадов*
46	1411	из Заволочья войною на Мурман	воевода Яков Степанович, посадник двинской	*двиняне*
47	1417	Воевати Двинскую землю, Емцю и Колмогоры пожгли	Глеб Семенович, Семен Жадовский, Михаил Росохин	*Устюжане, вятичи, галичини*
48	1419	пришед Мурман войною	–	*заволочане*
49	1431	на Каян	Иван Лошинский	*з двиняны*
50	1445	приидоша Свея Мурман безвестно за Волок на Двину ратью, на Неноксу	–	*двиняне*
51	1445	На Югру *ратью заволочкою три тысячи*	Воеводы Василий Шенкурский и Михайло Яковлев	*детеи боярских и удалых людей избиша*
52	1465	В Югорскую землю	Василий Скряба да князь Василий Вымский Ермолич	*охочии люди, вымичи, вычегжаны*
53	1467	На вогуличи, князя Асыку на Вятку привели	–	*120 вятчан и пермяки*

54	1468	на черемису по Каме	Ватаман Сава Осеив	*Ватаман устюжский*
55	1469	Казанская война. Устюг, Вятка, на Каму, Волгу, Казань	Князь Данил Васильевич Ярославский (Пенка) и др.	*Устюжане, вятчане, рать на судах, дети боярские*
56	1471	На Волгу, взяли Сарай	Костя Юрьев	*вятчане*
57	1471	На Двину ратью в судах, бой на Шиленьге	Василий Федорович Образцов	*Устюжане и вятчане*
58	1472	В Пермь Великую	Воевода Феодор Давыдович Пестрый	*Рать устюженя*
59	1483	В Югру, на реку Обь в Сибирь	Ф.Курбский Чернои, И.И.Салтыков-Травин	*Устюжане, вологжане, вычегжане, сысоличи…*
60	1986	Пришли ратью на Устюг	Воевода Костя Юрьев	*вятчане*
61	1487	На казанского царя Алехама	Князья Данило Холмский и Семен Ряполовский	*Судовая рать*
62	1488	К Вятке	Князь Данила Васильевич Щеня да Григорий Поплеву	*Устюжане, двиняне, каргопольцы на судах*
63	1496	на Каянскую землю с Двины Белым морем	Князья Иван и Петр Ушатых	*устюжане, двиняне*
64	1499	На Угорскую землю, и на вогуличи, река Обь в Сибири	С.Ф.Курбский, П.Ф.Ушатый	*двиняне, важане, пинежане, вятчане, устюжане, пермичи*

К ранним походам новгородских повольников можно отнести походы в XI—XIII веках. Этот тип походов чрезвычайно сложно выделить в общем потоке сражений, которые велись в Киевской Руси, древнем Новгороде, русских княжествах, не имея всей полноты информации о структуре временных вооруженных формирований, мотивации их участников, составе новгородского войска. В летописях участники таких походов в отличие от новгородских «воев» именуются: *отроки, молодци, кметства, братью.*

В XIV веке выделяются более двух десятков походов новгородских и двинских ушкуйников. Львиная их часть была направлена главным образом на Волгу и Каму; затем на Мурман (Норвегия), городецкую корелу немецкую, против Магнуса, к Выборгу; в Двинской земле (Орлецы). Московские летописцы новгородских ушкуйников называли разбойниками: «*разбоиници*», «*выдаваша разбойников*», полтораста ушкуев с «*разбоиникы Новгород-скыми*». В лето 6868 (1360) новгородские ушкуйники — «*люди молодые*» взяли город Жукотин.

В XV в столетии время ушкуйничества завершается. Всего состоялись по неполным данным 6 походов в Югру, на Обь, в Пермь Великую, на вогуличи; на Мурман, Каянскую землю — 5 с учетом защиты от нападения норвежцев и шведов в 1419 году; в Двинской земле — 4; на Волге и Каме — 4. Эти походы имели преимущественно северный вектор направленности (северные походы ушкуйников) и совершались сборными ратями с участием двинян, устюжан, вятичей. Значительная часть северных походов контролировалась великокняжеской властью, назначавшей своих воевод из числа князей. Даже походы 1401, 1409 гг. Анфала Никитина инициировались Великим князем Московским. По своему характеру северные походы вполне можно отнести к движению укшуйничества на позднем, завершающем этапе его эволюции с учетом того, что в них принимали участие не регулярные войска, не княжеские дружины, а сборные военные рати, в которые входили двиняне, важане, пинежане, вятчане, устюжане, пермичи. Кроме того эти походы совершались преимущественно на судах по существующим водным путям, что было характерно в целом для ушкуйничества.

Известный своими трудами по древней и современной истори казачества Ефграф Петрович Савельев (1860—1927) связывал с ушкуйниками также начало русского казачества. Он писал о том, что отважные новгородские «повольники» или «ушкуйники» основали на реке Вятке город Хлынов, переименованный впоследствии в Вятку, и оттуда предпринимали свои торговые путешествия или военные набеги вниз по Волге. После разгрома Хлынова большая часть его граждан, жаждавших свободы и независимости, ушла на Северную Двину, Каму и вниз по Волге; другая часть была расселена по московским областям. На Дону новгородцы смешались с другими казацкими общинами и положили основание «Всевеликому Войску Донскому» с его древним вечевым управлением, — отмечал Е.П. Савельев[246].

В Устюжском летописце имеется запись, датируемая 1375 годом:

«*Новгородцы на семидесяти судах проплыли мимо Устюга и продолжали путь свой по Югу, а оттуда перебравшись на Волгу, следовали вниз по оной; потом же, вверх по Каме, где населившись в Пермской провинцiи. Основали город Хлынов*»[247].

Однако считается, что это всего лишь первое летописное упоминание о Хлынове, на месте которого существовали поселения более ранние. Археолог Л.Д. Макаров в своей докторской диссертации отмечал, что во второй половине XIII в.—начале XIV в. полиэтничное население края постепенно консолидируется в государственное образование — Вятскую землю с центром в г. Вятке (Хлынове), имевшую вечевую форму правления, лишь формально подчинявшуюся владимирскому великому князю. По сравнению с классическими народоправствами Древней Руси — Новгородом и Псковом — ***Вятская республика*** имела ряд присущих только ей особенностей: отсутствие института княжеской власти; военизированный характер исполнительной власти; автономная церковная организация; более архаичная вечевая система. Набеги новгородских ушкуйников и золотоордынских отрядов на вятские поселения обусловили их значительные перестройки, выразившиеся в усилении оборонительных укреплений и изменении планировки на ряде памятников. В 1489 г. Вятская республика была ликвидирована, часть ее руководства казнена, а оставшаяся переселена в подмосковные земли[248].

В лето 6970 (1462) посылал великий князь Иван Васильевич (1440—1505 гг., Великий князь Московский в 1462—1505 гг.) своих воевод Бориса Кожонова и Бориса Слепаго во главе рати устюжан, вологжан, галичян к Вятке, в Великую Пермь [ПСРЛ, т.37. С.90]. В лето 6997 (1489) великий князь Иван Васильевич снова послал на Хлынов (Вятку) воинства своего на вятчан 72 тысячи под руководством воевод Даниила Васильевича Щени да Григория Поплева. Воинство было собрано из разных городов; устюжане, двиняне, важане, каргопольцы шли судами. Также участвовали в этом походе 700 татар под командою татарского воеводы Урака. Вятчане, увидев такую рать, запросили о перемирии и покорились [ПСРЛ, т.37. С.136]. Численность воинства в летописи может быть преувеличена, но вполне возможно, что в сборной рати московского князя были такие же профессиональные наёмники — ушкуйники (двиняне, важане на судах), как и среди тех, кто защищал Вятку (Хлынов).

---

[246] Савельев Евграф. История качества с древнейших времен до конца XVIII века. Часть II. Глава IV. Новгородские повольники на Дону. URL: http://passion-don.org/history-2/chapter-4.html (дата обращения: 11.09.2014).

[247] Устюжский летописец. Вологда, 1874. С. 88.

[248] Макаров Л.Д. Древнерусское население Прикамья в X—XV веках // автореф. … докт. ист.наук. URL: http://lib.udsu.ru/a_ref/06_12_008.pdf (дата обращения: 24.12.2014).

Заключая краткий аналитический обзор внешней и внутренней военно-политической ситуации Великого Новгорода, его северных волостей в X—XV вв. нужно подчеркнуть, что при анализе проблем истории походов новгородских военных дружин князей, воевод, ушкуйников, а также их географии, любому исследователю приходится локализовать местонахождение земель, рек, городских и других поселений Древней Руси, критически изучать не только сведения древних летописных рукописей, но и всё чаще обращаться к картам, информации из зарубежных источников. По субъекту участников походов необходимо выделить четыре их основных типа:

I. Экспансия викингов, северные крестовые походы, нападения шведов, норвежцев, ливонских немцев, Литвы, племен финской еми, эстонской чуди и других на северные, северо-западные русские земли.

II. Защита и обеспечение безопасности Новгорода, Заволочья и других новгородских волостей как с западного, так и с восточного направлений. Военные походы русских князей, воевод в другие земли с целью сбора дани, наказания за прошлые поражения, увеличения владений.

III. Походы новгородских ушкуйников для сбора дани, разведки торговых путей, установления коммуникаций с местным населением с целью торгового обмена, а в XV веке всё чаще для обычного разбоя, нанесения урона Золотой Орде, Булгарскому и другим княжествам по Волге и Каме.

IV. Участие новгородских воруженных дружин, включая ушкуйников, в военно-политических конфликтах, междоусобной борьбе за власть между русскими княжествами.

Военно-оборонительный и наступательный потенциал Великого Новгорода, дружин князей, новгородского войска, временных военизированных объединений ушкуйников позволял в целом эффективно обеспечивать безопасность и защиту новгородских владений, его северных земель, Заволочья, Двинской земли, Поморья.

После разгрома Новгородской республики в 1471—1478 гг. ситуация на Русском Севере кардинально изменилась. Москва не имела реально тех возможностей для охраны северных рубежей, которые ранее оперативно использовала Новгородская республика, просто даже в силу бюрократического государственного устройства механизма власти и управления.

Строительство Архангельской военной крепости и морского порта в устье Северной Двины в XVI столетии, почти через сто лет после падения Великого Новгорода, стало объективной необходимостью для дальнейшего развития России в новых социально-экономических и геополитических условиях, для становления внешней торговли и укрепления обороноспособности уже централизованного российского государства. Архангельский город стал частью той системы оборонительных укреплений на Русском Севере, за которую в большей степени нёс ответственность Соловецкий монастырь с его потенциалом и функционирующим в 1591—1764 гг. Соловецким административно-вотчинным округом, имеющим особый статус управления всеми Поморскими волостями Беломорья.

Глава 3

Многофункциональность православных монастырей Русского Севера

История русских городов тесно связана с историей возникновения монастырей. Нередко сами православные монастыри становились сосредоточием городской жизни, играли роль монастырей-городов, выполняя самые разные функции, в том числе и государственные.

Данная проблематика многофункциональности русских православных обителей в целом несомненно является весьма актуальной при исследовании роли монастырей в жизни российского общества. Мною ставится более узкая задача изучения многофункциональности Михайло-Архангельского монастыря и эволюция его трансформации из монастырского в городское поселение на Русском Севере, начиная с конца XIV века. Однако, чтобы исследовать историю всего лишь одной обители пришлось искать ответы на многие другие вопросы, связанные как с возникновением русских городов, их типологией, так и с жизнью православных монастырей, монастырской колонизацией северных территорий.

3.1. Типология русских поселений

Прежде всего необходимо выяснить, что вообще называлось русским городом в те далекие времена. Это важно и значимо потому, что в общественном восприятии и даже в научной среде отсутствует историческое понимание концепта «город». Концептуального представления о древних городских поселениях чаще всего основываются на современных подходах определения понятия городов, существующей градостроительной и управленческой практике, юридическом порядке закрепления городского статуса. Поэтому, определяя тот или иной возраст, статус древнего города чаще всего исходят из этих современных понятий, не желая или не имея возможности для понимания и уточнения той конкретной исторической ситуации и среды, в условиях которых возникали русские города. Некоторые из них основывались как монастырские поселения, другие как военные крепости. Если город строился как военное укрепление, он сразу же получал официальный государственный статус. Создание монастырского поселения со всякими службами, его многофункциональность при этом не имело той значимости по сравнению с военными крепостями.

Город, как древнейшая форма расселения восточных славян, составивших потом русский народ, «подвергался большим изменениям, в разные времена принимал чрезвычайно разнообразные формы», — говорил В.О Ключевский в своих лекциях[249]. Знаток русской жизни, крупнейший отечественный историк выделял четыре типа русских городов.

1. *Укрепленный город-двор* зверолова-бортника являлся древнейшей формой русского города. По-существу, это был всего лишь одинокий укрепленный двор, позднее получивший название однодворок. В то время как приднепровская Русь создавала множество боль-

[249] Ключевский В.О. Сочинения в восьми томах.Т.VI. Специальные курсы. М.: Изд-во социально-экон. лит., 1959. С. 239.

ших городов, население продвигаясь дальше на восток, расселялось в XV веке такими же однодворками, какими жило в приднепровской Руси в VII веке. Бесчисленные остатки валов или «городища», тысячами рассеянные по нашей равнине, представляли по мнению В.О. Ключевского, остатки восточно-славянских городов, этих Киевов или древних разбросанных хижин. Каждая такая укрепленная хижина и носила название города.

В начале XXI века «одинокие хижины» на Рублевке, или в Подмосковье, особняки в другом уголке современной России, окруженные высокими заборами, тоже можно наверно назвать «городом», следуя концептуальной логике времён древней Руси: мой дом — моя крепость, а значит и мой город.

2. *Город-село* с земледельческим поселением появляется позднее. Это город, состоящий из нескольких дворов, которые сняли свои отдельные ограды и, став близко друг к другу, опоясались все одной общей оградой. Это мог быть родовой город, когда по мере увеличения семьи происходило расширение первичного двора, разделившегося на несколько дворов. Или экономическое общение сдвинуло несколько разбросанных укрепленных изб в одно укрепленное место. Такие города являются, прежде всего, земледельческими поселениями. В Тамбовском уезде даже в XVII веке село имело надолбы, то есть частокол, состоящий из укрепленных стоймя толстых бревен с заостренными верхними концами, «чтобы от неприятельских людей жить было бережно». Перманентная внешняя угроза вызывала к жизни такие укрепленные русские города-поселения.

3. *Город-застава*. Третья форма городов военно-правительственного происхождения, очень родственная укрепленному селу, только с иным экономическим бытом. В этих пограничных городах-заставах всегда было военное население, ратные люди. Их главная функция — защита рубежей своей родной страны.

4. *Город-посад торговый*. Это позднейшая форма городов, населенных торгово-промышленными людьми. Такой город включал в себя некоторые из прежних городских форм. Трудно было определить время возникновения подобного города: то ли был он древнее заставы или возник в одно время с ней. Торгово-промышленный город обычно состоял из нескольких соединенных укреплений. Детинец или центральное внутренне укрепление заселялось правительственными и военными людьми. Вне детинца располагалось торгово-промышленное поселение. В Северной Руси поселение за стенами детинца (крепости) называлось «посадом». А посад в свою очередь также окружался оградой, состоящей из деревянной стены или из земляного вала, опоясанных рвом с наружной стороны.

Город, по церковнославянски — «град» (город и град являются синонимами) по своему первоначальному этимологическому и экономическому значению соответствовал не только латинскому uxbs (город), но и hortus (огород), означал всякое огороженное место. Город-ограда состоит из нескольких заборов (градежей по болгарски). Город-посад во многом соединил в себе все формы предшествующих русских городов. Важно подчеркнуть, что города в древней Руси, России как укрепленная, огороженная форма расселения населения не оставались застывшими, постоянно развивались.

М.К. Любавский в своих лекциях отмечал, что наиболее крупные поселения, обыкновенно огороженные, носили в Древней Руси название городов. «Но при всем том далеко не все поселки, называвшиеся городами, были крупными. В Древней Руси огораживались рвом, валом и тыном не только крупные селения, но и мелкие, даже однодворные. Это было впол-

не естественно, так как русским славянам пришлось селиться не в пустой стране, а населенной, хотя и редко, инородцами как на севере, так и на юге. Борьба с этими инородцами заставляла славянское население огораживать свои поселки, и на Руси задолго до появления князей возникли города различных типов, то есть крупные и мелкие укрепления»[250].

Преобладающим типом поселений в древнейшее время на Руси были маленькие поселки в один, два, три двора. Эти поселки носили разные названия: *сельцо*, *дворище* — в западных областях, *деревня*, *починок* — на северо-востоке. Более крупные поселения носили названия *сел* и *погостов*. Наиболее крупные поселения, обыкновенно огороженные, носили название *городов*. Крупнейшие поселения возникали в Древней Руси там, где по различным условиям устанавливались центры торгового обмена, а именно: на реках, по которым шло оживленное торговое движение, и среди более или менее густо заселенных местностей. К таковым поселениям, по мнению М.К. Любавского, принадлежали города, возникшие на великом водном пути «из варяг в греки»: Ладога, Новгород Великий, Смоленск, Любеч, Киев. Здесь можно добавить , что таким же крупным торговым центром на водном пути из Англии в Персию в устье Северной Двины стал Архангельск с XVI века, основанный первоначально как монастырское посление. Примерами крупных поселений, возникших среди более или менее густо заселенных местностей в качестве центров торгового обмена, могут служить города Суздаль, Ростов Великий, Псков.

Таким образом, если мелкие поселки в Древней Руси были созданием земледелия, охоты, рыболовства и бортничества, крупные селения, главным образом, были созданием торговли. Особенно много укреплений было создано народными средствами на юге нашей страны по условиям ее природы и по соседству с хищными кочевниками. Здесь города и городки, можно сказать, были преобладающим типом поселков. Очевидно, что славянские племена, селившиеся на пограничье лесной области и в степной, устраивали свою оседлость не иначе, как в укрепленных поселках или около них. Поэтому и области их стороннему наблюдателю, — заключает М.К. Любавский, казались страной городов.

Варяги (*норманны*), ходившие через территорию Древней Руси путями «*из варяг в греки*» или «*из варяг в персы*», называли Русь «*гардарикой*» (Gårdarike) — страной градов. В центре древнерусского города, укреплённого естественным и/или искусственным образом, находился детинец («кром» — кремль), который окружали посады ремесленников, а на окраинах находились слободки (слободы) [251].

Понимание русских городов, как защищенного и огражденного пространства, мы находим и в других иностранных источниках. Посол австрийского императора барон Сигизмунд Герберштейн писал в своих записках о Московии, что *русские «называют городом всё, что окружено стеною, укреплено тыном или загорожено другим способом»*. Он считал, что в Двинской земле нет городов-крепостей, кроме крепости Холмогор — города Двины и крепости Пинега, лежащей у самого устья Двины. Однако по рассказам, в Двинской земле много деревень, которые разъединены большими расстояниями [252].

---

[250] Любавский М.К. Историческая география России в связи с колонизацией. М., 1909. URL: http://coollib. com/b/267807/read#t10 (дата обращения: 23.12.2014).
[251] Города восточных славян. URL: http://www.emc.komi.com/01/04/045.htm (дата обращения: 10 января 2008).
[252] Герберштейн С. Записки о Московии. СПб, 1866. С. 112

Рисунок 29. Рерих Н.К. Новгородский погост (Северная Русь»). 1943.
URL: http://roerich-museum.org/wp-content/uploads/2003/kartina_nikolaja_ konstantinovicha_ reriha_ novgorodskij_pogost_severnaja_rus_1943_god.jpg

Очень важно замечание С.М. Соловьева о том, что «большое количество городов на сравнительно малом пространстве даёт стране, государству особый характер, который не остается без быстрого влияния и на сельский быт. Этот быт необходимо приравнивается к быту городскому»[253]. То есть в бытовом плане сельская жизнь немногим отличается от городской. Городом С.М. Соловьев называет огороженное, укрепленное жилище, которое рубили для безопасности рода и защали все родичи в случае опасности. Такой порядок сохранился до XVII века, когда при приближении неприятеля народонаселение уезда сбегалось в город. «Если мы смотрим на первоначальный город, как на огороженное, укрепленное место жилище отдельного рода, то должны отрешиться от представления позднейшего города, как жилища дружины, ремесленных и торговых людей и проч.»[254]. Не случайно С.М. Соловьев даёт такое определение: «Городом называлось огороженное укрепленное место, устроенное для защиты от неприятеля: сюда в случае вражьего нападения укрывалось все окрестное народонаселение с семействами и пожитками»[255]. В самом городе жили князь и дружина, под стенами города селились люди промышленные. Города богатели от торговли.

П.П. Смирнов, С.В. Бахрушин и другие отечественные историки понимали под городом преимущественно посады, то есть торгово-промышленные поселения. Но возникновение посадов при вновь строящихся и старых «городах» в XVI веке, по мнению С.В. Бахрушина, не может считаться основным моментом в складывании городских поселений. Для него и других историков гораздо важнее была динамика превращения сельских поселений в посе-

[253] Соловьев С.М. Сочинения. Книга XVII. Работы разных лет. М.: Мысль, 1996. С. 713.
[254] Соловьев С.М. Там же. С. 720.
[255] Соловьев С.М. Сочинения. Книга XVIII. Работы разных лет. М.: Мысль, 1995. С. 180.

ления городского типа, вызванная углублением общественного разделения труда. В XVI столетии возникали поселения, средние между городом и деревней, жители которых не были связаны с сельским хозяйством, а занимались ремеслом.

Смешение понятия «города-крепости» с понятием «города» как места сосредоточения промышленности и торговли было обычным явлением в трудах тех историков, которые подходили к изучению русских городов с юридической точки зрения. *Городом для них было то поселение, которое официально имело этот статус в данную эпоху*. Так как «городом» в XVI веке часто называли государственную военную крепость, огороженную стеной, то именно такие города-крепости были объектами изучения. Исключительно большое значение придавалось наличию в поселении укрепленного острога или кремля. Городские посады возникали в XVI веке около укрепленных «городов». В литературе высказывалось мнение, что зародышем посада даже на севере с его преобладающим сельским населением был «осадный городок». «Городки» для защиты от набегов только потом постепенно обрастали посадом. В городах России XVI века помимо ратных (военных) людей и посадского населения имелись обеленные дворы и целые слободы, принадлежавшие духовенству, боя-рам, дворянам и детям боярским. Посадские платили государевы пошлины и несли повинности. Беломестные владели землями на посаде, но без выполнения посадского тягла.

Административно-территориальное деление России в XVI веке включало уезды, волости, станы, города [256]. Исторически уезды складывались из земель, волостей во главе с городом, были подчинены наместникам и воеводам городов. Двинская земля, к примеру, после присоединения Новгорода к Москве в 1478 году разделилась на три земли: Двинскую, Важскую и Онежскую. Важская земля в XVI веке оформилась в Важский уезд. Из Двинской земли выделились Двинской, Кеврольский и Мезенский уезды. Из Онежской земли в бассейне озера Лаче и реки Онеги оформился Каргопольский уезд. Земли-волости Тре и Печора трансформировались в Кольский уезд — это Мурманский берег Кольского полуострова и северная Карелия, и Пустозерский уезд — бассейн реки Печоры. В шестнадцатом столетии в бассейнах рек Сухоны, Юга, верховьев Северной Двины из Устюжской земли сложился Великоустюжский уезд, позднее из него выделился Сольвычегодский уезд [257]. В XVI столетии с образованием Российского централизованного государства уезд стал основной административно-территориальной единицей. В первой четверти XVII века была составлена роспись городов и уездов. С XVIII века уезды входили в состав губерний.

Кроме того, существовало несколько разных типов «*городов*». Столицей российского государства являлся город Москва. Существовали города — административные центры уездов, выполнявшие функции территориального, местного управления. Исторические области Русского государства в те времена обобщенно также назывались «городами». В XVII веке встречаются названия: Замосковные, Поморские, Заоцкие, Северские, Украинные, Низовые, Вятские и другие «города-области».

Одновременно с делением на «*города*», существовало деление на «*земли*», сложившееся ещё в период феодальной раздробленности. Были земли суздальско-владимирские, псковско-новгородские, северные, вновь осваиваемые. Новгородские владения были раз-

[256] Административно-территориальное деление России. URL: http://rushist.clow.ru/4/information/008.html (дата обращения: 21.07.2014).
[257] Административно-территориальное деление Архангельской губернии и области в XVIII—XX веках. С. 10.

делены на пятины (пять частей) — Вотскую, Шелонскую, Обонежскую, Деревенскую и Бежецкую. Иван Грозный впоследствии разделили пятины на половины и такое административное деление исчезло лишь с возникновением губерний при Петре первом с 1708 года, когда вся Россия была разделена на 8 губерний, включая Архангелогородскую. Таким образом, административно-территориальное деление России перманентно изменялось. Не оставались неизменными в своём развити города, выполнявшие множество разных функций.

Пограничные города-заставы выполняли функцию защиты российских рубежей. В приказах при распределении военных сил, ежегодно выставляемых в пограничных районах для обороны государства, «города» именуются в зависимости от рубежей, возле которых они стояли. Те же «города», которые не были связаны с охраной границ, вовсе не входили в приказно-разрядную схему. Тверь, например, не упоминалась, так как была тыловым городом. *Приказное деление* на «города» по мнению М.Н. Тихомирова, оказывалось иногда довольно удачным, хотя в сущности своей было чисто условным. *Разрядное деление* на города от рубежей совершенно не совпадало с подразделением городов по финансовым признакам. Приход и расход государевым деньгам велся на иных основаниях, чем устройство военных сил, как результат развивающейся централизации государства.

По завещанию Ивана III Васильевича (1440—1505) вступивший на престол Василий III Иванович (1479—1533) получил в удел 66-ть городов, а его братьям досталось 30-ть. К концу XVI века в России насчитывалось примерно 220 городов, в том числе Москва, Новгород, Вологда, Ярославль, Великий Устюг.

Обобщая изложенное, можно выделить следующие *типы городов*, существовавших в XVI веке, по признакам функциональности и их миссии, то есть предназначения.

1. *Столичный город Москва*, выполняющий политические, управленческие, военные, дипломатические, социально-экономические, торговые, культурные, религиозные функции. Историческая миссия Москвы быть столицей российского государства, осуществлять административно-территориальное управление страной. В столичном граде были представлены фактически все социальные группы населения того времени, с преобладанием служилого, военного, торгово-ремесленного.
2. *Уездные города* — административные центры существующих в России уездов. Выполняли миссию управления на местах.
3. *Пограничные города* — военные крепости, «города-заставы» с наличием большего или меньшего количества военных сил, ратных людей, крепостных сооружений и оружия. Миссия городов-крепостей — обеспечение безопасности, защита рубежей российского государства. К числу городов-защитников северных рубежей России относятся Кольский острог, Архангельск как военная крепость и др. Если исходить из понимания города как крепости, заставы, то крупнейший на севере Соловецкий монастырь с его мощными каменными стенами и башнями также можно назвать «монастырским городом-заставой», тем более, что он выдержал не одну военную осаду и сам содержал военные гарнизоны в беломорских поселениях.
4. *Города — области*, то есть те или иные территории России, включали множество огороженных городов-дворов, городов-сел.
5. *Города — торгово-промышленные посады*. Население таких городов (Новгород, Псков, Холмогоры, Великий Устюг) занималось торговлей, ремеслами, производством товарной

продукции. Их миссия заключалась в становлении и развитии рыночных отношений, торговли, производства, обеспечении работой городского населения, численный состав которого был довольно неустойчивым, что можно проследить на примере Архангельского посада в конце XVI—начале XVII в.

6. *Города — порты*, расположенные в устье и бассейнах рек, на морском побережье. К их числу относятся: Нарва, Архангельск, Кола, Холмогоры, пристань св. Николая (Николо-Корельский монастырь) и др. Их главное предназначение определялось потребностями России в развитии внутренней и внешней торговли. Выполняли торговую, таможенную, дипломатическую, военную, логистическую (транспортно-складскую) функции.

Рисунок 30. Рыбная пристань. Поморские суда. Открытки XIX—XX вв. и фотодокументы из фондов Архангельского областного краеведческого музея. URL: http://14aas.arbitr.ru/images/content/1_23.jpg

7. *Монастырский город* (Любавский М.К., 1909). В течение XIII—XVI вв. на территории, вошедшей в состав Московского государства, можно насчитать около 440 монастырей, возникших вне городов и селений, в качестве самостоятельных поселков. В городах и селах за XII—XVI вв. число монастырей доходило до 328. Дж. Флетчер, посетивший Россию в царствование Федора Ивановича (1557—1598, царь с 1584 г.) называл её страной монасты-рей с бесчисленным множеством монахов. Монастырям обязаны своим возникновением города: Тихвин, Кириллов, Череповец в Новгородской губернии, Юхнов в Смоленской, Жизд-ра в Калужской, Воскресенск и Сергиев Посад в Московской губернии, Ковров и Покров во Владимирской, Макарьев в Нижегородской, Варнавин и Макарьев в Костромской губернии, наконец, «*около монастыря же возник и Архангельск*»[258].

[258] Любавский М.К. Историческая география России в связи с колонизацией. М., 1909.

Известный историк, археограф, ректор Московского университета в 1911—1917 гг., академик АН СССР Матвей Кузьмич Любавский (1860—1936), объясняя динамику трансформации монастыря в город, так описывал этот процесс в своём курсе лекций «Историческая география России в связи с колонизацией» (1909). Монастыри пользуясь правом собирать ярмарочные и торговые пошлины целиком или частью в свою пользу, разными льготами привлекали на ярмарки и торги как продавцов, так и покупателей. «Все это заставляло многих торгово-промышленных людей устраиваться на постоянное жительство около монастыря, который, таким образом, *превращался в крупное торгово-промышленное поселение наподобие города.* Если при этом поселение отгораживалось от своего посада деревянной или каменной стеной, тогда оно совершенно становилось похожим на обыкновенный город. Разница между ним и обыкновенным городом оставалась только в администрации: ***монастырский город*** *и управлялся монастырским начальством*, тогда как *обыкновенный город* управлялся государевыми приказными людьми. Впоследствии, когда эта разница была уничтожена, и монастырские селения рассматриваемого типа превратились в настоящие города.

Проф. М. К. Любавскій.

ИСТОРИЧЕСКАЯ
ГЕОГРАФІЯ РОССІИ
Въ связи съ колонизаціей.

КУРСЪ, ЧИТАННЫЙ ВЪ МОСКОВСКОМЪ УНИВЕРСИТЕТѢ
въ 1908-9 акад. г.

Изданіе О-ва взаимопомощи студентовъ филологовъ по записямъ студ. Н. Ѳ. Передерея и Э. П. Мацко подъ наблюденіемъ члена изд. ком. С. Игнатова.

МОСКВА,
Типо-Литографія Н. Н. ЛОБЕЙКОВА, Покровка, домъ № 4.
1909 г.

М. К. Любавский также отмечал, что на самом начальном этапе характерным было обилие людей, пристраивающихся на жительство к отшельникам-пионерам и составляющих многочисленные монастыри и монастырики. «Очевидно, в обществе было много людей, почему-либо отбившихся от обычных занятий и форм сожительства и монастыри были, так сказать, кристаллами, в которых осаждалась бродящая часть народной массы. В этом отношении *монастырское сожительство, было формой общественной организации*, близкой к казачеству. Монастырь и казацкая ватага-артель поглощали более или менее однородный социальный материал. Подбор совершался только на почве нравственных свойств отдельных индивидуумов. В монастырь шли люди более религиозные, с большими мирными наклонностями, наконец, более трусливые, чем в казачество. Кроме того, казачество не могло поглощать в себе женский элемент, который и достался поэтому исключительно на долю монастырей» [Любавский М.К. Указ.соч.].

Монастырские поселения оказывали значительное влияние на расселение населения, освоение новых территорий. Монастыри становились культурно-духовными центрами русской земли, владели землей и другой собственностью, платили налоги, способствовали развитию ремесел, строительства, занятости населения соседних деревень, волостей, уездов, выполняли другие социально-экономические функции. Монастырь был не только духовной обителью для монашествующих, но и убежищем мирян, куда они притекали каяться в последние дни своей жизни, кладбищем и местом вечного помина. Монастыри постоянно занимались общественной благотворительностью, кормлением нищих и убогих, странников и

богомольцев. Михайло-Архангельский монастырь со времени своего основания, да и впоследствии, был не самым большим по численности монашествующей братии, не самым богатым на Русском Севере, но заняв в устье Северной Двины господствующее страте-гическое положение монастырский город превратился через два столетия в главный мор-ской порт для всей России и узловой пункт на торговом пути из Англии в Россию и Персию. В этом качестве он отличается от других монастырских городов, упоминаемых М.К. Любав-ским.

Рисунок 31. Михайло-Архангельский монастырь в Архангельске.
URL: http://img-fotki.yandex.ru/get/4909/4344965.93/0_782f2_20e9196e_L.jpg

Сложности при понимании динамики основания Архангельска возникают сегодня в основном из-за восприятия историками, общественным мнением концептов «*монастырский город*», «*город как военная крепость*». На это восприятие накладывается современная жизнь, процессы урбанизации. Критериями современных городов выступают совсем не те признаки, которые имели значимость пять—шесть столетий тому назад. «Город, населенный пункт, отнесенный, согласно законодательству государства, к категории городов, как правило, обладает значительной (по сравнению с сельскими поселениями страны) численностью населения, которое занято главным образом вне сельского хозяйства — в промышленности, торговле, сфере обслуживания, науке, культуре» (1985) [259].

Анализируя данное и другие определение можно выделить несколько критериев современного города в XX—XXI веках: 1) Законный, легитимный статус — отнесение населенного пункта к категории городов на основе действующего законодательства государства. 2) Численность населения, необходимая для придания поселению статуса «город». 3) Род занятий городского населения, преимущественно не в сельском хозяйстве, а в производст-венном сек-

[259] Демографический энциклопедический словарь /глав.ред. Д.И.Валентей. М.: «Советская энциклопедия», 1985. С. 97.

торе экономики, в сфере услуг. 4) Наличие своей ландшафтной территории, ограниченной так называемой «городской чертой». Это современная виртуальная «городская стена», имеющая однако четкие координаты на земле. 5) Уровень концентрации экономических функций — в сфере промышленности, транспорта, торговли, производства услуг для тяготеющих к городу ареалов. 6) *Многофункциональность*, разнообразие выполняемых городских функций: административно-управленческие, политические, социально-экономичес-кие, торговые, производственные (моногорода); военные городки (гарнизоны); культурные и научные центры (наукограды); рекреационные, оздоровительные (города-курорты); духовно-религиозные (города-религиозные центры — Мекка, Иерусалим и др).

С практическим применением этих принципиально важных положений мне пришлось познакомиться в 1977 году, когда по поручению первого секретаря Архангельского обкома КПСС Б.В. Попова занимался подготовкой документов в Москву и сбором информации, необходимых для преобразования поселка Первомайский Исакогорского района города Архангельска в город Новодвинск. Решающими аргументами тогда стали нужная для нового города численность населения — 50 тысяч человек и наличие здесь крупнейшего промышленного предприятия — Архангельского целлюлозно-бумажного комбината.

В настоящее время при анализе городских поселений обычно выделяются также следующие *особенности современных городов:*

- Условия расселения — концентрация значительной массы населения на относительно небольших территориях, следовательно высокая плотность населения.
- Городские агломерации, мегаполисы, появившиеся в результате индустриализации и урбанизации, например «Большой Архангельск», включающий Архангельск, Северодвинск и Новодвинск.
- Архитектурно-планировочные — относительная компактность застройки, часто многоэтажной; специфическая городская архитектурная среда.
- Социальные — городской образ, качество и уровень жизни, городская ментальность населения; сложная социально-профессиональная структура городского населения; полиэтнической состав; социально-территориальная поляризация, социальное расслоение (богатые и бедные, «дворцы и трущобы», расовые и социальные гетто) и другие.
- Административно-управленческие, политические — ранжировка городов, их деление на города районного, областного, республиканского значения, на муниципальные образования различных типов.
- Степень обустройства городов, развитие жилищно-коммунального хозяйства, городского транспорта, социальной инфраструктуры.
- Экологические — степень загрязнения городской среды, воздуха и воды, увеличение количества автомобилей, находящихся в личном пользовании, бытовых отходов.

Города XIV—XVII столетий, а тем более монастырский город, это совсем не те урбанизированные поселения, которые существуют сегодня. Однако одна характерная черта, здесь имеется в виду — *многофункциональность,* была присуща как многим древним русским городам, типа Архангельска, так и крупным мегаполисам нашего времени и даже моногородам.

Современная Россия вообще имеет шансы стать новой Гардарикой — страной миллионов «городов-полисов», поселений будущего, построенных на принципах *поместной урбанизации,* благо земли, простора у нас хватит всем, так и полной автономности Это те самые «белые города», о которых пишет В. Токарева в своих рассказах, имеющие крышу из солнечных панелей для получения энергии и полное благоустройство. В начале XXI века «одинокие хижины» на Рублевке или в Подмосковье, в пригородах Архангельска, в других уголках современной России, окруженные многометровыми высокими заборами, тоже можно, наверно, назвать «городом», следуя концептуальной логике времен древней Руси «мой дом — моя крепость», а значит и «мой город». Семейные поместья городского типа со всеми удобствами могут стать в будущем доступными не только местным олигархам, но и каждому работящему и трудолюбивому гражданину России, на Севере, в Сибири, на Дальнем Востоке. Научно-технические возможности позволяют сегодня использовать экологически чистые технологии для обеспечения автономности (получение ветровой и солнечной электроэнергии, использование биотоплива, современные системы водоснабжения и водоочистки, коммуникации). Высказывается даже мнение, что в современной Гардарике «мы уйдем из старых городов, так как в них для нашего народа нет будущего», создадим менее затратную экономику, основанную на инновационных принципах жизнедеятельности, отсутствии затрат на строительство всякого рода сетей и ЖКХ. Утопия. Как знать. Давно уже известно, что Северная Америка в основном является «одноэтажной». В России также развивается малоэтажное строительство и часть урбанизированного населения уже предпочитает жить в своих автономных коттеджах городского типа за пределами мегаполисов.

3.2. Полифункциональность православных обителей Севера

Не все православные монастыри получили со временем статус городов, не все древние городки, военные крепости сохранили в истории свой присвоенный когда-то государством городской статус. *Монастырь* на греческом означает «*келья отшельника*». Это община монахов (монахинь) с определёнными правилами, своим уставом. Монастырь, как община, духовная корпорация людей, живущих уединенно, обычно представлял особым образом организованное пространство, где размещались культовые, жилые и хозяйственные постройки. Монастыри владели землями, монастырскими крепостными крестьянами, являлись сосредоточием литературного творчества, иконописи, просвещения, духовно-культурными центрами. Одним из первых был основан ещё в середине XI века (1051 г.) Киево-Печорский монастырь. В XIV столетии при Сергии Радонежском получили распространение т.н. «пустынные» общежитиельные монастыри. Решением собора в 1504 году в России совместные мужские и женские монастыри были запрещены. К 1550 году относится перевод в «государево тягло» новых монастырских слобод. В 1551 году после «Стоглавого собора» были ликвидированы основные иммунитетные привилегии монастырей. До секуляризации в 1764 году монастыри владели до 900 тысяч душ крестьян. В конце XIX века в России насчитывалось 690 монастырей: 440 мужских и 250 женских, 110 тысяч священников и 58 тысяч монахов [260]. В современной России в 2001 году функционировало 385 монастырей. В 2004 году из-за сокращения монастырей РПЦ с 378 до 354 их общее число уменьшилось до 361.

[260] Монастыри. URL: http://www.emc.komi.com/01/12/093.htm (дата обращения: 01.10.2008).

Из них в РПЦ насчитывалось 354 монастырские общины, Российской православной автономной церкви — 4, Русской православной церкви за границей — 1, у старообрядцев — 2 [261].

Монах (греч. один) — человек, посвятивший себя Богу через принятие обетов, которое сопровождается постригом волос в знак служения Богу. Монахи отрекаются от светской жизни, принимают постриг, обет безбрачия, воздержания, обязаны были строго выполнять монастырский общинный устав. Монашество делилось на три последовательные степени в соответствии с принятыми обетами: рясофорный монах (рясофор) — подготовительная степень к принятию малой схимы; монах малой схимы принимает обет целомудрия, нестяжательства и послушания; монах великой схимы или ангельского образа {схимонах) принимает обет отречения от мира и всего мирского. Готовящийся к постригу в рясофорные монахи и проходящий испытание в монастыре называется послушником.

Монашество возникло в третьем веке в Египте и в Палестине. Первоначально это были удалившиеся в «пустыню» отшельники. *Пустынь* — одинокое жильё отшельника, богомольца. Основывались в уединённых местах, дабы суета мирская не мешала общению с Богом. В четвертом веке святым Пахомием Великим были организованы первые общежительные монастыри, и затем общежительное монашество распространилось по всему христианскому миру. Основателями русского монашества считаются преподобные Антоний и Феодосий Печерские, создавшие в XI в. Киево-Печерский монастырь. В 1051 году отшельник Антоний (ум. 1073), уроженец Любеча, после долгого пребывания на Афоне, поселился в одной из пещер киевского холма. Это событие можно считать датой основания Киево-Печерского монастыря. В 1060 году произошло объединение отшельников, поселившихся в киевских пещерах, в монастырскую общину, возглавляемую Варлаамом. Патерик Киево-Печерского монастыря был учреждён в 1220-х годах. Именно здесь Нестором в 1113—1117 годах был составлен летописный свод «Повесть временных лет». Многие политические и государст-венные деятели в конце своей карьеры задумывались о душе и уходили в монастырь. В 1263 году постригся в монахи Александр Невский, в 1601 году — Романов Ф.Н. под именем Филарета и др.[262].

Монастыри играли очень значимую роль в колонизации, освоении северных земель, становились центрами общественной жизни, религиозной и хозяйственной опорой крестьянства. С.М. Соловьев писал о том, что монастыри были «*проводниками гражданской жизни в диких пустынях: монахи расчищали леса, заводили пашню, привлекая к себе народонаселение*; *монастыри были гостиницами для странников, во время голода кормили бедных*»[263]. Примечательно, что известный историк В.О. Ключевский в своём курсе отечественной истории обозначил движение монастырей как «начавшийся в XII в. *отлив русской жизни с юга на север*». Расширение круга монастырей он рассматривал как «*размножение центров общественной жизни*». С монастырей начинались русские города. Они и сами часто были укреплениями, огороженными крепостными стенами и сторожевыми башнями, выполняли функции города-крепости.

---

[261] Российский статистический ежегодник 2002: Стат сб. М.: Госкомстат России, 2002. С. 52. Российский статистический ежегодник 2004: Стат сб. М.: Госкомстат России, 2004. С. 48. Стабильным остаётся количество монастырских общин в Российской православной автономной церкови — четыре.

[262] URL: http://www.emc.komi.com/01/12/094.htm (дата обращения: 01.10. 2008).

[263] Соловьев С.М. Сочинения. Книга XVIII. Работы разных лет. М.: Мысль, 1995. С. 224.

Известный своими трудами по монастырскому учредительству, истории православной церкви на Севере России А.В. Камкин отмечал, что на Европейском Севере первое поколение монастырей учреждалось в XII—XIII веках: Троицкий в Вологде (предположительно в XII веке), Троице-Гледенский близ слияния Юга и Сухоны (середина XII века), Иоанно-Предтеченский (1250-е гг.) в Устюге, Спасо-Каменный на Кубенском озере (конец XIII в.), Валаамский на островах Ладожского озера и Палеостровский на Онеге. «…К исходу XIII века на Европейском Севере размещалось, вероятно, не более десятка монастырей из 120, имевшихся тогда на землях древнерусских княжеств»[264]. Монастырское учредительство заметно активизировалось в последние десятилетия XIV века. Вскоре на глазах одного—двух поколений людей их количество на Севере утроилось. Монастыри были основаны во всех важнейших зонах края. В 1212 году в Устюге у слияния рек Сухона с Югом был заложен древнейший на Севере Михайло-Архангельский монастырь. Основателем святой обители здесь был уроженец деревни Савкино Устюженской области монах Киприян.

Второе поколение северных монастырей создаётся в XIV—XV вв. Московским церковным центром при активной поддержке энергичного и влиятельного Сергия Радонежского. В числе учредителей Белоозеро-Кирилловского, Ферапонтова, Спасо-Прилуцкого и других монастырей его последователи: Кирилл и Ферапонт Белозерские, Афанасий и Феодосии Череповецкие, Димитрий Прилуцкий, Сергий Нуромский, Павел Комельский, Александр Ошевен, Корнилий Комельский и др. Появляются монастыри на далеком Кольском полуострове и в Коми крае.

Свою сеть православных обителей создает Новгородская архиепископия. В XII столетии в летописях насчитывается до 20-ти монастырей в самом Новгороде и его окрестностях. В 1386 году при нападении Дмитрия Донского на Новгород упоминается, что новгородцы сами сожгли 24-е монастыря, чтобы их помещения не использовались нападающей стороной. Новгородская архиепископия создает в XIV—XVI веках настоящую сеть православных обителей на Русском Севере и в Беломорье: на Онеге — Муромский, в нижнем Подвинье — Михайло-Архангельский и другие монастыри. Лявленский Успенский, Михайло-Архангельский, Николо-Корельский, Николаевский Чухченемской монастыри были основаны не позднее второй половины XIV века [265]. Многочисленные церкви и существование на небольшой территории четырех монастырей, возникших почти одновременно, свидетельствует о значительности постоянного населения края [266]. На островах в Белом море в 1429—1436 годах был основан Соловецкий монастырь. В XVI веке упоминаются Антониево-Сийский монастырь, Клоновский монастырь на правом берегу, Николаевский Нижне-Моржегорский монастырь на левом берегу Северной Двины, Кривецкий (в Емецком стане), Покровский мужской, Ивановский женский и другие.

«Со второй половины XV века монастырское учредительство все меньше связывается с какими-либо политическими устремлениями. Являя собой результат собственного развития Церкви, сеть северных монастырей достигает наивысшей плотности в истории края», —

---

[264] Камкин А.В. Православная церковь на Севере России: Очерки истории до 1917 года. Вологда, 1992. 164 с. URL: http://www.booksite.ru/fulltext/pri/hod/kam/kin/3.htm#1 (дата обращения: 29.07.2014).

[265] Архангельская и Холмогорская епархия. URL: http://www.eparhia.ru/news/?id=140639 (дата обращения: 29.07. 2014).

[266] Очерки по истории колонизации Севера. Выпуск первый. Пбг, 1922. С. 37

отмечает А.В. Камкин. С конца XV в. и по XVII в. на Севере было основано около 180 монастырей и пустынь. *Каждый седьмой монастырь* Русской православной церкви к исходу семнадцатого столетия существовал именно на Севере России [267].

Иноки-отшельники проникали в самые отдаленные северные земли и заселяли их. Большинство пустынных обителей основывались выходцами их других монастырей и являлись как бы колониями старых. Строгость жизни, слава подвигов привлекали сюда издалека не только богомольцев и вкладчиков, но и крестьян, которые селились вокруг монастырской обители, рубили окрестный лес, ставили починки и деревни, расчищали нивы и в результате «искажали пустыню», то есть нарушали уединение монахов. Монастырская колонизация таким образом тесно переплеталась с крестьянской. Монах и крестьянин были попутчиками. Движение пустынных монастырей есть движение будущих сельских приходов. Куда шли монахи, туда же направлялось и крестьянское население, и наоборот. Монастыри получая от новгородского веча или от частных лиц большие земли и хорошие угодья в отдаленных местах с разыми льготами и привилегиями, старались заселить их, созывали вольных охочих людей, давали им подмогу и разные льготы, строили церкви.

Одни монастыри были построены князьями и назывались ружными (руга — содержание монастырей из княжеских доходов). Второй тип составляли монастыри, построенные и содержимые богатыми людьми или местным социумом (приходом). Третий тип новгородских монастырей составляли монастыри, построенные благочестивыми отшельниками. Первоначально они были бедными, но вскоре богатели разыми приношениями и жертвами; пользовались большей самостоятельностью, чем указанные первые два типа. Все монастыри в новгородских владениях состояли под непосредственным судом и властью владыки Новгородского (архиепископа).

А.В. Камкин, харатеризуя саму деятельность монастырей выделял 5 типов монастырей: 1) монастыри — вотчинники, имевшие земельные угодья и владевшие крестьянами. В конце XVII века таких монастырей на Севере было около 60-ти, им принадлежало более 15 тысяч крестьянских дворов. 2) Монастыри — аскеты и нестяжатели. Идейным центром нестяжательства стал Кирилло-Белозерский монастырь. 3) Малые обители — монастыри-богадельни, монастыри-общины. Такие монастыри были наиболее близки крестьянству. Содержали их всем обществом. 4) Монастыри — воины, монастыри — администраторы, монастыри — тюрьмы выполняли по поручению светской и церковной властей административные, финансовые и военно-оборонительные функции и поручения. Таким несомненно являлся Соловецкий монастырь. 5) Монастыри — книжники, искусники, просветители, центры православной культуры: Соловецкий, Сийский, Кирилло-Белозерский. Это условное деление.

Северные монастыри, особенно пустынные, выполняли не только духовно-религиозные, православно-культурные, информационно-коммуникативные, но и хозяйственные, социально-экономические функции, а нередко административные, финансовые, оборонительные, присущие самому государству. Монастыри становились признанными, ярко выраженными центрами культурной жизни того времени. Труд, вера и молитва, красота храмов делали мо-настыри притягательными в глазах местного населения, формировали ценностные ориентации населения, включая местную молодежь. Создавались приходские церкви и нормы христианства, ценности

[267] Камкин А.В. Указ.соч.

христианской этики, позитивные правила поведения внедрялись в быт, повседневную жизнь, способствовали формированию православных культурных традиций. Деревянное и каменное зодчество в сочетании с фресками, иконописью создавали неповторимую культурную среду. У местного населения формировались чувства прекрасного, красоты. В монастырях обычно находились крупные по меркам того времени книжные собрания, произведения прикладного искусства, иконописи. Они были сосредоточием образования, культуры, просвещения. Каждый ли монастырь играл такую просветительскую, культурную роль в жизни северных поселений. Вполне очевидно, что далеко не каждый монастырь был многофункциональным, заботясь в первую очередь о своём элементарном выживании в суровых северных условиях.

Одними молитвами сыт не будешь, поэтому монашеские обители обзаводились и своим хозяйством, землей, промысловыми угодьями, рыболовными тонями, судами. Кроме крупных монастырей существовало немало и малых обителей, выполнявших функции монастырей-богаделен, монастырей-общин. Крестьяне дарили монастырям, вкладывали в монастырские обители свои пожни, земельные участки, амбары, рыбные тони и другую недвижимость на помин души своих родителей и других близких им людей, как сделал это двинской воевода Залешанин-Волохов в 1584 году и многие другие люди. Необходимо отметить, что монастыри нередко вступали и в конфликты с черносошными крестьянами, прибирая к своим рукам окружающие их земли.

Монастырские земли пользовались большими иммунитетными правами. Управлялись они при посредничестве монахов — «посельских старцев» и мелких служилых людей, монастырских «слуг», тиунов, ключников. Посельские старцы наблюдали за собственным монастырским хозяйством. Монастырские «слуги» собирали пошлины. Получали во временное держание то или иное село с деревнями, такие держания в России XVI века назывались «ключами». Монастыри давали крестьянам *уставные грамоты*. В них указывался распорядок в делах, касающихся хозяйства и взаимоотношений крестьян с монастырем, устанавливались пошлины. Вполне обоснованно можно сказать, что монастыри действовали как настоящие феодальные государи, устанавливали пошлины по судебным делам. В своей вотчине монастыри пользовались всеми правами государя на основании данных им жалованных грамот. Система монастырского менеджмента, публичного администрирования, как сказали бы мы сегодня, была отлажена до мелочей.

Сохранилось большое количество житий святых, рассказывающих об условиях, при которых складывались монастырские вотчины. Обычно один какой-либо отшельник, как например, Герасим Вологодский, строил свою первую келью (избушку, хижину, землянку) на берегу озера или реки. В августе 1147 года из града Киева пришел к реке Вологде преподобный Герасим, создал «пречестен монастырь» и жил тут без малого тридцать один год (1147—1178) [268]. При этом предприимчивый монах устроил Троицкий монастырь не на пустом месте. К нему со всех сторон сходились монахи и возникла монастырская община. Игумен и старцы после образования монастырских общин обычно совершали путешествие в Москву или письменно обращались к государю с просьбой пожаловать им окрестные, по их словам, ну совсем пустые земли. Получив царскую жалованную грамоту монастырь станови-

[268] Васильев Ю.С. Герасим Вологодский и начало города Вологды // Вологда: историко-краеведческий альманах. Выпуск 2. Вологда: ВГПУ, изд-во «Русь», 1994.

лся земельным вотчинником со всеми вытекающими из этого статуса правами тех лет. Захват лесных земель не встречал препятствий. Но монастыри стремились подчинить себе и окрестных крестьян. Поводом для нередко становилось строительство каменного собора, которое требовало большого количества рабочих рук.

Монастырская колонизация помогала заселению северных территорий, так как отшельники селились в основном в пустынях (пустынном месте) Русского Севера. На Севере в XIV—XV вв. процветало русское подвижничество, тишина и безлюдье лесов, озер и болот привлекали основателей новых монастырских обителей. И даже в течение двух следующих столетий в XVI—XVII вв. здесь также преобладали монастыри, пустыни вне городов, в которых появлялись «городские монастыри» в отличие от пустынь. Так называемые «городские монастыри» строились или в городах, или вблизи от них. Житиях святых свидетельствуют о том, что монастыри нередко возникали и в *обжитых местах*. Важно подчеркнуть это обстоятельство в связи с появлением Михайло-Архангельской обители в устье Северной Двины в давно обжитых ещё «чудью белоглазой», а затем и славянами местах. И.К. Смолич в работе по истории русского монашества отмечал: «Почти все монастыри строились сразу после основания города, и их существование, строй монашеского быта в них были тесно связаны с государственно–политическим значением городов, в которых они появлялись. …Русский город без церквей и монастырей был для людей того времени просто немыслим» [269].

Монастырское землевладение всюду вступало в конфликты с черносошными крестьянами. Антониево-Сийский монастырь, основанный в 1520 году как пустынь на берегу озера близ речки Сии, в конце XVI века насчитывал почти сто монахов. По жалованным грамотам Василия III и Иоанна IV в 1525 и 1543 гг. монастырь получил во владение окрестные земли с лесными угодьями и рыбными ловлями [270]. Как жить и работать на монастырской земле, указывали *оброчные и порядные записи* крестьян Антониеву Сийскому монастырю [271]. В исторической литературе высказывалось обоснованное мнение, что монастырская колонизация была не просто колонизацией, а *«беззастенчивым захватом крестьянских земель»*, в ходе которого разрушалась крестьянская община. Вместе с жалованной грамотой монастырям обычно выдавалась и несудимая грамота, которая освобождала монастырь, его крестян и работников от подсудности органов государственной власти, исключая уголовные дела (кражи, разбой и убийства). Монастыри получали земельные или денежные дары от частных лиц (данные грамоты, завещания — духовные; сами делали покупки (купчие). Подобного рода документы частично сохранились и в ГААО по Михайло-Архангельскому монастырю.

По поручению церковной и светской власти монастыри нередко выполняли и функции тюрьмы, становились местом ссылки знатных, тайных узников, местом их пожизненного заточения. С.О. Шаляпин отмечал, «что монастырская ссылка как явление появилась на Русском Севере ещё в XIII веке» [272]. Местом ссылки и заточения, по данным А.С. Пругавина,

---

[269] Смолич И.К. Русское монашество: Возникновение. Развитие. Сущность. 988—1917. URL: http://www.plam.ru/hist/ russkoe_monashestvo_vozniknovenie_razvitie_sushnost_988_1917/p10.php (дата обращения: 29.07.2014).

[270] Куратов А.А., архим. Трифон (Плотников). Антониев Сийский во имя Святой Троицы мужской монастырь (статья из II тома «Православной энциклопедии»). URL: http://www.sedmitza.ru/text/443841.html (дата обращения: 29.07.2014).

[271] Образцов Г.Н. Оброчные и порядные записи Антониеву Сийскому монастырю XVI—XVII вв. // Исторический архив. 1953. Вып. 8. С. 80—197.

[272] Шаляпин С.О. Монастырская ссылка в России XV—XVIII веков (по материалам монастырей Архангельского

служили около двадцати мужских и десятка женских монастырей, в том числе Соловецкий, Николаевский Корельский, Антониево-Сийский на Северной Двине и другие [273]. Михайло-Архангельский монастырь в этом списке не упоминается. Самой древней, самой строгой и жестокой, самой вместительной из всех монастырских мест заключения на протяжении четырех столетий была монастырская тюрьма на Соловецких островах, выполнявшая функции и секретной государственной темницы и основной тюрьмы духовного ведомства [274].

На примере Соловецкого, Антиниево-Сийского, Михайло-Архангельского и других монастырских поселений можно сделать вполне обоснованный вывод о том, что *многофункциональность северных монастырей*, начинавших свою историю нередко в пустынной местности, не только повышала их статус по сравнению с другими видами поселений, в том числе городского типа, но в ряде случаев роль монастырских обителей была даже более высокой в жизнедеятельности локального социума, того или иного социокультурного севернорусского пространства, чем роль городов-военных крепостей, имевших государственый статус.

В отечественной истории модель трансформации деревенских поселений в поселения городского типа была связана с нахождением деревенских поселений в непосредственной близости к большим укрепленным усадьбам крупных феодалов. Это явление вызывалось соображениями безопасности и экономической конъюнктурой, сравнительно льготными условиями жизни на землях крупных феодальных владельцев, в первую очередь монастырей, вследствие иммунитетов, которыми они пользовались. Но главная причина даже не в иммунитете, а в том, что в лице привилегированного феодала, особенно монастыря, имелся крупный потребитель крестьянской ремесленной и сельскохозяйственной продукции. Соседство крупной феодальной вотчины, монастыря облегчало сбыт деревенских товаров.

«*Значительно большую роль в хозяйственной жизни страны в XVI веке играли поселения городского типа, возникшие близ крупных монастырей*», — отмечал С.В. Бахрушин [275]. Соседство с богатым монастырем открывало для населения близлежащих деревень много источников доходов, которых были лишены крестьяне захолустных отдаленных деревень. Монастыри с их многолюдными общинами монахов и слуг не могли ограничиваться продуктами, которые поставляли зависимые от них крестьяне. Для удовлетворения своих потребностей монастыри обращались в соседние деревни с заказами на ремесленные изделия и за продуктами питания. Им требовались квалифицированные мастера своего дела. Состав ремесленников определялся монастырским спросом. При больших монастырях вообще имелся постоянный штат ремесленников: седельники, плотники, бочарники и др., не говоря уже об обслуживающем персонале — конюхи, сторожа, повара. *«Большой монастырь представлял собой в сущности город, населенный монахами, послушниками и зависимыми людьми»*, — отмечал М.Н. Тихомиров [276].

Монастырские заказы несомненно способствовали развитию ремесел, промыслов в соседних деревнях. Рядом с монастырем возникали слободки, населенные монастырскими

Севера») // Автореф. дисс…канд.истор.наук. Архангельск, 1998. С. 17

[273] Пругавин А.С. Монастырския тюрьмы в борьбе с сектанством. М., 1905. С. 35—36

[274] Фрименков Г.Г. Узники Соловецкого монастыря. Северо-Запад. кн. изд-во, 1965. С. 7—18.

[275] Бахрушин С.В. Очерки по истории ремесла, торговли и городов русского централизованного государства XVI— начала XVII в. М.:АН СССР, 1952. Очерк третий «Возникновение городских поселений в XVI веке».

[276] Тихомиров М.Н. Россия в XVI столетии. М.: АН СССР, 1962. С. 61

мастерами, работавшими на монастырь за ежегодное жалованье, а иногда и сдельно. Слобода[277] монастырских ремесленников, сливаясь с соседними к монастырю деревнями, становилась тем ядром, вокруг которого формировались затем посады. Монастырские посады по размерам и по торгово-ремесленной деятельности мало чем отличались от посадов больших городов. Так возникли монастырский тихвинский посад и город Тихвин. Торгово-ремесленный посад Троице-Сергиева монастыря трансформировался в город Сергиев Посад.

Самый известный из российских городов, базовой основой которого послужил Троице-Сергиев монастырь, это несомненно Сергиев Посад. Монастырь был основан Сергием Радонежским (в миру Варфоломей) и его старшим братом Стефаном в 40-х годах XIV века, первоначально это была пустынь, затем построена небольшая деревянная церковь во имя св. Троицы, на месте которой стоит теперь соборный храм также во имя св.Троицы.

Троице-Сергиев монастырь занял стратегически важное положение, обеспечивая безопасность и выступая духовным оплотом в борьбе против Орды, польско-литовской интервенции. Именно здесь Дмитрий Донской получил благословение преподобного Сергия Радонежского на Куликовскую битву. Благословляя великого князя, Сергий предрек ему победу и спасение от смерти и отпустил в поход двух своих иноков, Пересвета и Ослябю [278].

Сам монастырь развивался, получил статус лавры — особо почитаемого, заслуженного монастыря, обрастал слободами, посадом и постепенно трансформировался в крупный город Подмосковья — Сергиев Посад с 1782 года указу Екатерины II, в 1930—1991 гг. носил имя Загорска.

Современный исторический герб Сергиева Посада символически фиксирует в настоящее время ту важнейшую роль, которую сыграл Троице-Сергиев монастырь в создании городского поселения. На официальном сайте города сообщаеся, что городское поселение Сергиев Посад — крупный научно-промышленный и транспортный узел общенационального и международного значения, научно-образовательный и духовный центр русского Православия, историко-культурный центр формирования и развития русского этноса, административный центр Сергиево-Посадского муниципального района [279].

[277] Слобода — название различных поселений в XI—XVII вв., население которых временно освобождалось от государственных повинностей. Слобода — освобождение — свобода.
[278] Сергий Радонежский. URL: http://dic.academic.ru/dic.nsf/brokgauz_efron/93131 (дата обращения: 30.07.2014).
[279] Сергиев Посад. URL: http://www.sergiev-posad.net/our-city/ (дата обращения: 18.07. 2014).

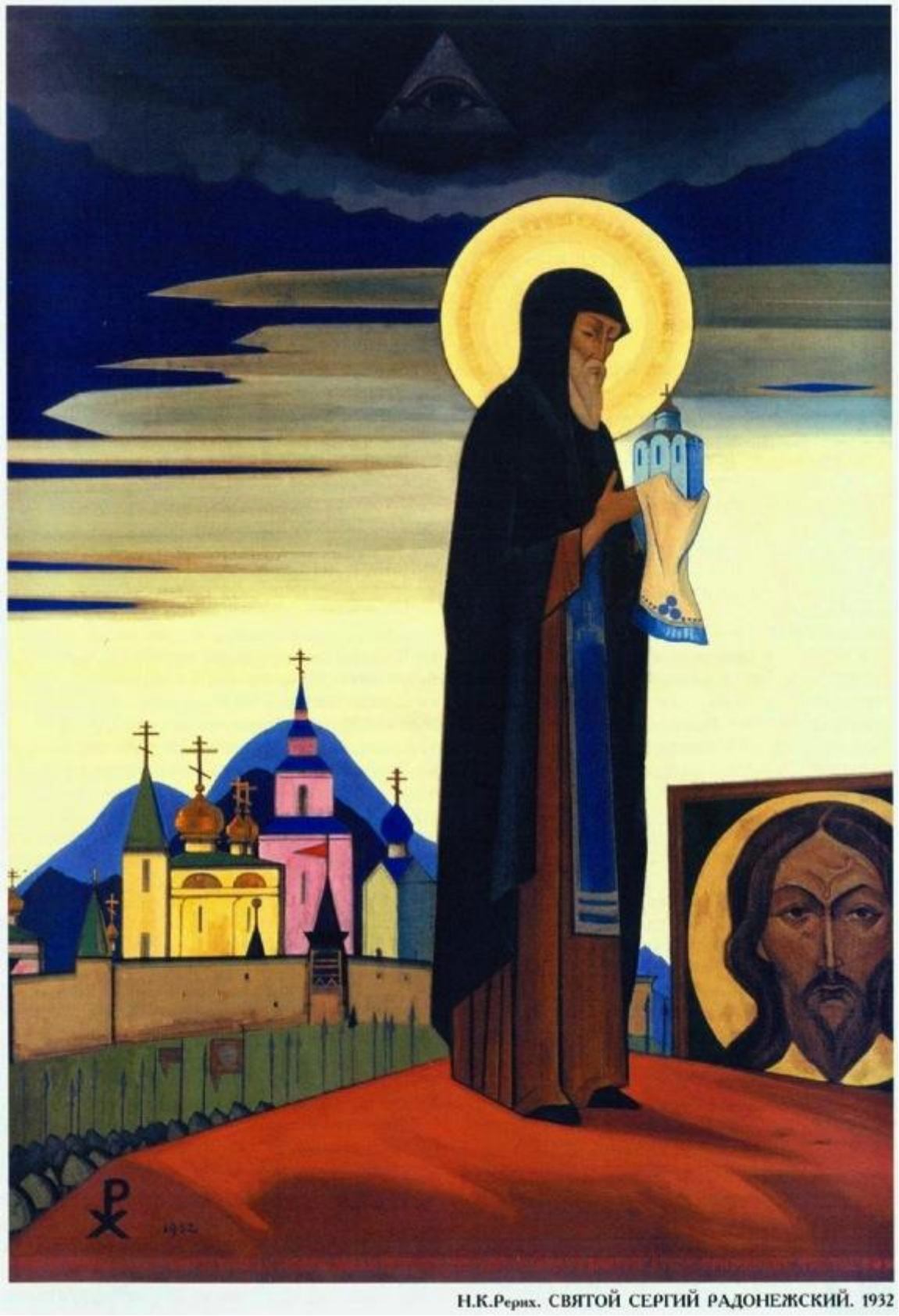


Рисунок 32. URL: http://www.sergiev-posad.ru/www/2014/06/2000-10-07(1).jpg

16—20 июля 2014 года в Сергиево-Посадском районе, Троице-Сергиевой лавре состоялись торжества общероссийского масштаба, посвященные 700-летию преподобного Сергия Радонежского (1314—1392), который в 1452 году был причислен к лику святых.

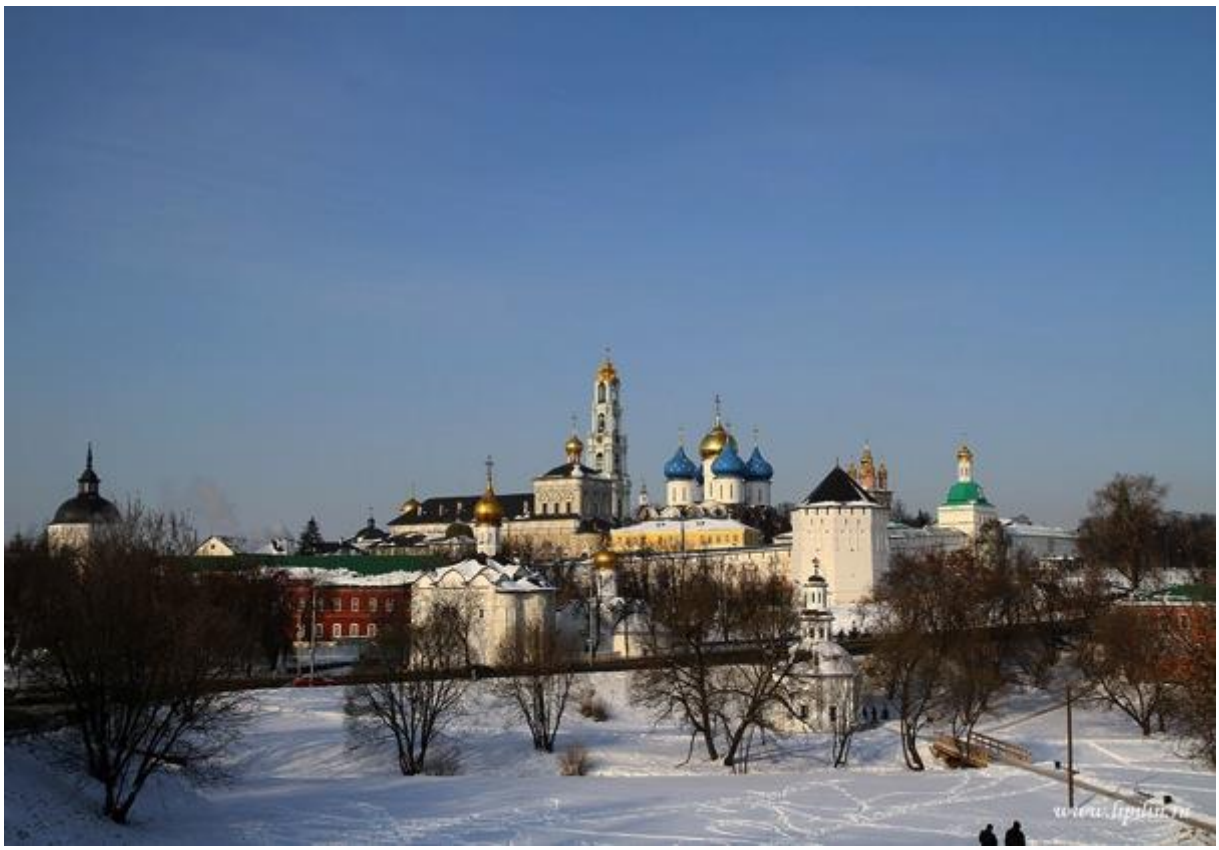


Рисунок 33. Троице-Сергиева лавра.
URL: http://www.lipilin.ru/fotowork/2012/fotowork282/fotowork282.75.JPG

Другим крупнейшим монастырем-городом, выполняющим важнейшие государственные функции обороны Беломорья, а шире — Русского Севера и всего российского государства был Соловецкий монастырь, основанный в 1436 году.

Рисунок 34. Спасо - Преображенский Соловецкий монастырь.
URL: http://www.anapakurort.info/forum/images/2013/02/14138_f68eca0f0e946914b08734c605806830_1.jpg

Монастыри часто функционировали как воины, защитники северных рубежей, монастыри-крепости. Важную роль в обороне Русского Севера играл, например, Соловецкий монастырь. Обладая Карело-Мурманским побережьем в Беломорье Соловецкий монастырь, как отмечал профессор Г.Г. Фруменков в своих фундаментальных трудах «Соловецкий монастырь и оборона Поморья в XVI—XIX веках» (1963) и «Соловецкий монастырь и оборона Беломорья в XVI—XIX веках» (1975), вынужден был содержать гарнизоны в монастырских укреплениях на Соловецком острове, в Суме, Кеми, Керети, Сороке и в других пунктах, заниматься военной стратегией, защищать всю тогдашнюю Россию от вторжения шведов, финнов, датчан, английских и французских военных кораблей.

Во втором издании своей работы Георгий Георгиевич изменяет в названии книги понятие «Поморье» на другой более приемлемый концепт «Беломорье», что в большей степени соответствует исторической истине и содержанию всей его монографии с учетом территориальных рамок исследования. Он же вводит термин «русское Поморье» (с. 14), что особенно актуально сегодня в связи с перманентными попытками мифического отождествления ограниченного беломорского Поморья со всей территорией Архангельской области.

В XVI—XVIII вв. Соловецкий монастырь был политическим центром края, а его настоятель позиционировался большой силой на Европейском Севере России, способной возглавить оборону государственных и соловецких границ, — подчеркивал Г.Г.Фруменков, анализируя выполнение монастырем правительственных функций, который был вынужден в складывающейся в те времена геополитической ситуации на Белом море практически заниматься военной стратегией [280].

Со второй половины XVI века Соловецкий монастырь реально превращается в крепость и становится центром обороны не только Беломорья, но и всего Русского Севера, а фактически всего российского государства. На свои средства он строил остроги в береговых владениях, содержал и вооружал постоянное войско, имел арсеналы, прикрывая Архангельск и все побережье Белого моря от нападений агрессивных северо-западных соседей России. Игумен монастыря, кроме духовных дел, выполнял обязанности коменданта Соловецкого кремля и главнокомандующего вооруженными силами духовного государства, был северной воеводой, владел «крестом и мечом», заключал соглашения, договоры с другими северо-европейскими государствами [Указ.соч. С. 27, 162]. Правительство признавало обще-

[280] Фруменков Г.Г. Соловецкий монастырь и оборона Беломорья в XVI—XIX веках. С. 8—9.

государственное значение деятельности Соловецкого монастыря по охране северных рубежей страны, пользовалось его помощью при решении государственных задач, а взамен воздавало ему должное разными льготами, вотчинами и угодьями. Почти всё побережье Белого моря от устья реки Онеги до Колы и Туломы за исключением малонаселённого восточного или «зимнего» моря и Керетской волости на Карельском берегу, принадлежало Соловецкой святой обители. Соловецкий монастырь был крупным приполярным промышлеником: добывал в большом количестве соль, рыбу, тюлений жир, слюду, занимался выплавкой железа, завёл кожевенное дело, имел поташные заводы и всевозможные мастерские, включая изготовление оружия. Свыше двух столетий — с XVI века до 60-х годов XVIII века — Соловецкий монастырь являлся почти самостоятельным государством внутри большой Русской державы [Г.Г. Фрименков][281].

Вполне очевиден вывод о том, что Соловецкий монастырь в те времена был даже не просто крупным городом Русского Севера в Беломорье, а фактически государством в государстве, что нашло отражение в создании и деятельности Соловецкого административно-вотчинного округа Поморья в 1591—1764 гг.

На примере Соловецкого, Михайло-Архангельского и других монастырских городов можно увидеть, что многофункциональность северных монастырей, начинавших свою историю в пустынной местности, не только повышала их статус по сравнению с другими видами поселений, в том числе городского типа, но в ряде случаев роль монастырских обителей была даже более высокой в жизнедеятельности того или иного социокультурного северно-русского пространства, чем роль обыкновенных городов. С монастырских городов, как уже отмечалось, нередко начиналась сама жизнь городских и сельских поселений, примером чего является интересующая нас история Михайло-Архангельского монастыря, давшего жизнь городу Архангельску ещё в конце четырнадцатого столетия.

Необходимо заметить, что северные монастыри, эволюционно трансформируясь в поселения городского типа, обычно занимали ключевые торговые транспортные пути, нередко по трассам новгородских волоков, по рекам, озерам, играли важную роль в развитии торговли. Это Кирилло-Белозерский монастырь, Михайло-Архангельский монастырь в Великом Устюге, Михайло-Архангельский монастырь в устье Северной Двины и другие. Северные монастырские города играли очень значимую роль в торговле, логистике, социально-экономической жизни страны.

С.В. Рогачев в своей статье «Русские города, возникшие вокруг монастырей или на их месте» отмечал, что Благовещенский Киржачский монастырь дал начало городу Киржач; Покровский Хотьковский женский монастырь — городу Хотьково; Череповецкий монастырь — городу Череповец; Кирилло-Белозерский монастырь стал родоначальником города Кириллова [282]. Белозерье располагалось на перекрестке крупных водных путей того времени, ведущих с Волги и Северной Двины в Великий Новгород. Кирилло-Белозерский монастырь основали в этом стратегически важном транспортном узле монахи Кирилл и Ферапонт в 1397 году. Монашеская обитель стала крупным землевладельцем (в 1740 году являлась собственником 21 тысячи крестьян

[281] Там же. С. 3.

[282] Рогачев С.В. Русские города, возникшие вокруг монастырей или на их месте// Первого сентября. География. 2003. № 2,4,6,8,10,11. URL: geo.1september.ru/articles/2003/04/06; geo.1september.ru/articles/2003/06/06 (дата обращения: 18.07. 2014).

из 16 уездов), занималась торговым делом (соль, рыба), известна как один из центров религиозно-политического течения нестяжателей, служила местом заточения светской и духовной знати. В монахи монастыря, назадолго до своей смерти, постригался царь Иван Грозный. Здесь в 1676—1681 гг. пребывал в заточении опальный патриарх Никон [283]. В период Смутного времени в начале XVII века Кирилло-Белозерская крепость, одна из немногих на северо-востоке Руси, оказала эффективное сопротивление польско-литовским интервентам.

Рисунок 35. Положение Кириллова на переходе из Волжского бассейна в Северодвинский / С.В. Рогачев. URL: http://geo. 1september.ru/articles/2003/10/07

Ещё один защитник земли русской *Свято-Успенский Псковско-Печорский мужской монастырь* был основан в XV веке Ионой на самой западной границе с Ливонией, как оплот православия в борьбе с западным католичеством [284]. И начинался он с небольшой пещерной церкви Успения, освященной в 1473 году. В XVI веке при игумене Корнилии, управлявшем монастырем с 1529 по 1570 год вокруг монастыря были возведены крепостные стены с девятью башнями и тремя воротами, а внутри построены каменная Благовещенская церковь и надвратная Никольская церковь; увеличилось число монахов; создана иконописная мастерская, составлен летописный свод — Псковская третья летопись.

Царь Иван Грозный пожаловал монастырю много земель и прочих благ, а грамотой 1559 года освободил живущих в монастырских владениях от светского суда. Монастырь ставший Печорской крепостью играл немаловажную роль в Ливонской войне, защищая западные рубежи Руси. Во время Ливонской и Северной войн монастырь-крепость не раз от-

[283] Кирилло-Белозерский монастырь. URL: http://www.diveevo.ru/2/0/1/474/ (дата обращения: 19.07. 2014).
[284] Преподобный Иона. URL: http://www.pskovo-pechersky-monastery.ru/abbots/1205-prepodobnyj-iona (дата обращения: 29.07. 2014).

ражал нападения врагов. В крепости постоянно находился сильный гарнизон русской армии, который сражался бок о бок с местным населением. В награду за службу и верность русские цари щедро награждали монастырь, ставший крупнейшим и весьма богатым землевладельцем в России [285].

Рисунок 36. Вид Печорского монастыря с южной стороны. Гравюра Галанина, середина-конец XIX в.
URL: http://www.pskovo-pechersky-monastery.ru/images/phocagallery/history/thumbs/phoca_thumb_l_risppm.jpg

Полифункциональность русских православных монастырей хорошо прослеживается на примере Михайло-Архангельского монастыря в XIV—XVII вв. Монастырь Архистратига Михаила, давшего своё светлое имя Архангельску, который сегодня нередко образно, эмоционально и может быть не всегда заслуженно, называют «городом ангелов». В случае с Архангельским градом можно проследить эволюцию указанных В.О. Ключевским исторических форм русских городов: от первого города-двора (монашеской пустыни), положившего начало небольшому монастырскому городу — обители св. Михаила с конца XIV века, до города-заставы или государевой военной крепости, морского порта, построенных в 1583—1584 годах, Архангельского посада с 1587 года.

Таким образом, Архангельск в динамике становится многофункциональным городским поселением: город—двор, город—монастырь, город—крепость, город—порт, торгово-

[285] URL: http://rujourn.ru/page.php_id=45.html (дата обращения: 19.07.2014).

промышленный посад. С конца XVI века Архангельск выполнял духовно-культурные, социально-экономические, торговые, транспортно-складские (логистические), портовые, военно-защитные (оборонительные), политические, коммуникативные, административные, таможенные функции. Он стал более многофункциональным русским городом, чем даже другие традиционные поселения тех времен в российском государстве. Достаточно заметить, что в России XVI столетия вообще не было отечественных морских портов, открытых для внешней торговли с Западом. Не случайно только Архангельск изображен на картуше одной из самых известных карт России «Tabula Russiae», составленной Гесселем Герритсом (1581—1632) и впервые изданной в Амстердаме в 1613 году.

3.3. Город ангела Михаила, монастыри и храмы его имени

Каждый из нас, живущий в Архангельске, может гордиться тем, что наш город носит светлое имя одного из самых почитаемых небесных ангелов. Архангельск — это город названный в честь ангела-вестника, вождя воинства господня в борьбе с темными силами всякого зла, почитаемый как борец против любого беззакония. Михайло-Архангельский монастырь, давший своё имя городу Архангельскому, был назван так в честь Архангела Михаила. Кто этот ангел—воин, почему ему поклоняются верующие?

Архангел Михаил — один из высших ангелов, принимающий самое близкое участие в судьбах Церкви. Священное Писание учит, что, кроме физического, существует великий духовный мир, населенный разумными, добрыми, бесплотными существами, именуемыми ангелами, одаренных высшим разумом, свободною волею и большим могуществом[286].

Слово «ангел» с еврейского — это посланник, на греческом языке значит вестник. Так их называют потому, что Бог нередко через них сообщает людям свою волю. Приставка «архи» к некоторым ангелам указывает на их более возвышенное служение сравнительно с другими ангелами. Кроме добрых ангелов есть и злые, отпавшие от Бога. Имя ***Михаил*** — на еврейском значит «*Кто, как Бог*». Когда Люцифер, по благодати Божией бывший светлым ангелом, возгордившись сказал: «Я как Бог!», то архангел, поставленный Богом Архистратигом (полководцем) Небесной рати, призванной сразиться с сатаной и частью отпавших вместе с ним ангелов, в гневе воскликнул: «Ми ха Ил?!» Это в переводе с древне-арамейскою языка означает «Кто как Бог?» (Кто яко Богъ? Кто равен Богу?). И с тех пор пор архангела Архистратига православные так и называют — Михаил.

Ангелы традиционно наиболее близки к людям. Они возвещают намерения Божии, наставляют людей к добродетельной и святой жизни. Они хранят верующих, удерживают от падений, восставляют падших, никогда не оставляют нас и всегда готовы помочь, если мы пожелаем [287]. Некоторые люди верят и почитают своего ангела — хранителя.

В городе Архангельске перед зданием Архангельской и Холмогорской епархии установлен памятник Архангелу Михаилу. Открыт и освящен он был в 2002 году к именинам города, московский скульптор Алексей Благовестов.

---

[286] Полный православный богословский энциклопедический словарь. Т.1. Изд-во П.П.Сойкина, 1992.

[287] Празднование Собора Архистратига Божия Михаила и прочих небесных Сил бесплотных. URL: http://pravicon.com/info-1562 (дата обращения: 16.07.2014).

Рисунок 37. Памятник Архангелу Михаилу перед зданием Архангельской и Холмогорской епархии (2002). URL: http://img0.liveinternet.ru/images/attach/c/ 7/95/827/95827300_large_6.jpg

Рисунок 38. Икона "Собор Архангела Михаила и прочих Сил бесплотных с четырьмя евангелистами и избранными святыми". Начало XIX века. Романовские письма. Частное собрание. URL: http://pravicon.com/images/icons/12/12552.jpg

Архистратиг Михаил часто изображается на иконах. Собор Архистратига Михаила и прочих Небесных Сил бесплотных, изображенных на данной иконе, включает архангелов Гавриила, Рафаила, Уриила, Селафиила, Иегудиила, Варахиила, Иеремиила. Все чины ангельские делятся на три иерархии: высшую (Серафимы, Херувимы и Престолы), среднюю (Господства, Силы и Власти) и низшую (Начала, Архангелы и Ангелы).

А на этой иконе Архангел Михаил изображен на берегу Северной Двины — на фоне Архангельска, названного в его честь. Наверху — Спаситель в образе «Царя Царей» и «Великого Архиерея». В правом нижнем углу иконы надпись: «Написася сей Святой образ 1741 года. Труды кеврольца Григория Попова». Григорий Попов — архангельский иконописец XVIII века, уроженец Кеврола, селения на реке Пинеге [288].

Рисунок 39. Архангел Михаил. Архангельск. 1741. Григорий Попов.
URL: http://www.cirota.ru/forum/images/47/47156.jpeg

[288] Архангел Михаил —Покровитель земли Русской. URL: http://www.cirota.ru/forum/view.php?subj=57849&order=asc&fullview=1&pg= (дата обращения: 16.07.2014). Здесь собрана часть икон посвященных Михаилу Архангелу.

Ещё одна интересная икона с клеймами «Архангел Михаил в бытии» (музей имени А. Рублева) написана в начале XVI века и находилась в соборе архангела Михаила небольшого городка в окрестностях Устюга — Лальске, который был основан на берегах реки Лалы в середине XVI века выходами из Новгорода Великого, бежавшими оттуда от притеснений Ивана Грозного.

Рисунок 40. Икона «Архангел Михаил в бытии» из музея им. А. Рублева.

Икона вероятнее всего была сознательно прислана в Лальск в Михайло-Архангельский храм в знак установления церковного подчинения его Великому Устюгу [289].

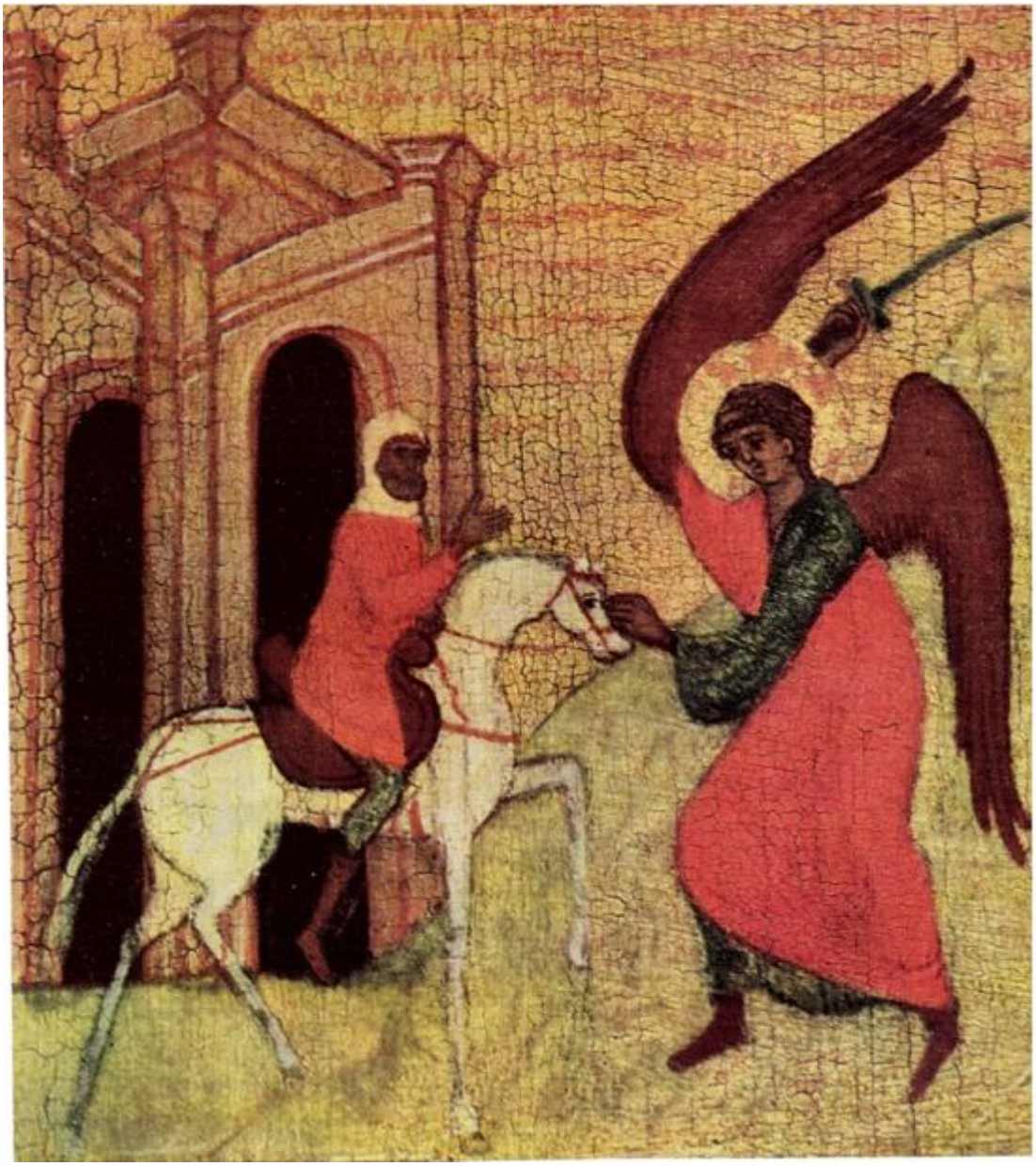


Рисунок 41. Деталь иконы «Архангел Михаил в бытии» из города Лальска / М.А.Реформатская.

Архангелу Михаилу, начальнику небесного воинства, молятся при начале всякого значительного дела (например, строительства нового дома), а также в начале каждого дня и отходя ко сну. В 363 году на Поместном Лаодикийском Соборе, состоявшемся за несколько лет до I Вселенского Собора, установлено празднование Собора Архистратига Божия Михаила и прочих Небесных Сил бесплотных 8 ноября по старому или 21 ноября по новому стилю. Лаодикийский Собор 35-м правилом осудил и отверг еретическое поклонение ангелам как творцам и правителям мира и утвердил православное их почитание.

На иконах и в гербе города Архангельска св. Михаила изображают с огненным мечом в руке или с копьем низвергающим диавола. В золотом поле щита герба Архангельска изоб-

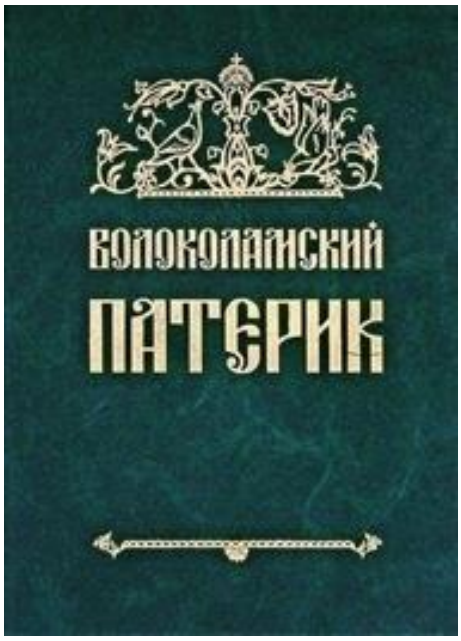
[289] Реформатская М.А. Северные письма. М.: Искусство, 1968. С. 41.

ражен летящий Архангел Михаил в синем одеянии с огненным мечом и щитом, побеждающий черного дьявола. Летящий Архангел Михаил символизирует русское воинство, победу сил добра над силами зла. Черный дьявол олицетворяет неприятеля; зло, которое будет побеждено.

Рисунок 42. Герб города Архангельска. URL: http://www.arhcity.ru/?page=34/9

Герб Архангельска — Архангел Михаил на коне, поражающий дьявола, — появился впервые на знамени Архангелогородского полка в 1712 году, но уже в 1730 году в гербовнике армейских и гарнизонных полков вид его изменился, так как Архангел был изображен без коня. Автором окончательной композиции архангельского герба, сохранившейся без изменений до 1917 года, считается граф Франциск Санти. Возвращение к историческому гербу Архангельска произошло в 1989 году. Герб Архангельска —это условный опознавательно-правовой знак, являющийся символом городского суверенитета. Герб составлен по определенным геральдическим правилам, это своеобразный памятник истории и культуры, вызывающий у горожан чувство гордости и патриотизма.

Архангел Михаил с древних времен прославлен на Руси своими чудесами. В Волоколамском Патерике [290] приводится рассказ преподобного Пафнутия Боровского со слов татарских баскаков о чудесном спасении Новгорода Великого.



«*Когда… царь Батый Российскую землю взял в плен и пожег, то он пошел к Новгороду, который Бог и пречистая Богородица защитили явлением архистратига Михаила, запретившего ему идти на Новгород. Батый пошел на литовские города, и пришел к Киеву, и увидел написанный над дверями каменной церкви образ великого архангела Михаила, и сказал своим князьям, указывая на него перстом: «Этот мне запретил идти на Великий Новгород*»[291]. Этот сюжет относится к жанрам религиозной фантастики, исторической мифологии.

Во вступлении к публикации этого издания отмечалось однако, что Волоколамский патерик является ценным историческим источником. Его рассказы в образной форме обосновывают союз «царства» и «священства» в борьбе за единение страны, консолидацию русских земель вокруг Москвы, централизацию власти. Если «легендарная» часть патерика («Повести отца Пафнутия») занимательна и остросюжетна, погружает читателя в мир религиозной фантастики, то «мемуарная» часть больше дорожит историческими и бытовыми подробностями, публицистична по своему характеру, так как события недавнего прошлого еще не успели подвергнуться процессу фольклоризации, стать монастырским преданием [292].

Архистратигу Михаилу посвящено множество монастырей, соборных, дворцовых и посадских храмов, носящих его имя. Архангельские соборы стоят в Москве, Смоленске, Нижнем Новгороде, Старице, монастырь в Великом Устюге (1212 г.), Михайло-Архангельский монастырь в городе Юрьев-Польский (основан в XIII в.), храмы в Свияжске, Лальске… Не было на Руси города, где не существовало бы храма или придела, посвященного Архистратигу Михаилу.

На Соборной площади в Москве расположен Собор святого Архистратига Михаила (Архангельский собор). Первый деревянный Архангельский собор на месте нынешнего возник ещё в 1247—1248 гг. В лето 1333 года при Иване Калите был построен новый каменный Архангельский собор. Существующий ныне собор сооружен в 1505—1508 гг., ставший храмом-усыпальницей в Кремле. Икона «Благословенное воинство небесного царя» (Церковь воинствующая) 1550-х гг. была написана для Успенского собора Московского Кремля, где святые воины — князья русские изображены под предводительством Архистратига Михаила. Храм Михаила Архангела был построен при Московском университета на Девичьем поле.

---

[290] URL: http://e5img.ru/image/big/53/04/volokolamskiy-paterik_5960453.jpg (дата обращения: 16.07.2014).
[291] Волоколамский патерик / подготовка ткста, перевод и комментарии Л.А. Ольшевской. URL: http:// lib. pushkinskijdom.ru/Default.aspx?tabid=5081 (дата обращения: 16.07.2014).
[292] Там же.

Рисунок 43. Михайло-Архангельский монастырь Юрьев-Польского града.
URL: http://rozamira.ucoz.ru/_pu/19/s68366084.jpg

В Михайло-Архангельском монастыре Великого Устюга первоначальная деревянная церковь во имя Архангела Михаила была построена монахом Киприяном в 1212—1216 годах, одновременно с основанием монастыря. В 1651 году пожар уничтожил деревянные постройки монастыря и вскоре началось строительство нового каменного собора. Монументальный пятиглавый Михайло-Архангельский собор с высокой колокольней во имя Архангела Михаила строился в 1653—1656 годы на средства устюжского купца Никифора Ревякина.

Рисунок 44. Архангельский собор в Михайло-Архангельском монастыре в Великом Устюге.
Май 1980 года/ Антонов А.А., фото. URL: http://temples.ru/private/f000047/051_0002026b.jpg

Монастырские обители с именем Архистратига Михаила возрождаются уже и в наши времена, примером чего может служить Михайло-Архангельский мужской монастырь в Республике Коми. В 1380 году святитель Стефан Пермский в селе Усть-Вымь на одном из холмов, обращенном к Вычегодскому берегу, построил келию и рядом с ней Благовещенскую деревянную церковь. Напротив Владычного городка на месте срубленной березы, языческой кумирницы, возвел Стефан храм в честь Архистратига Божия Михаила и прочих Небесных Сил Безплотных, рядом с которым в XIV веке основал первый в Коми крае Михайло-Архангельский мужской монастырь [293]. Обитель стала духовно-просветительским, миссионерским и культурным центром, но в 1764 году монастырь был закрыт. Возрождение обители началось в наше время. Указом Священного Синода РПЦ 21 марта 1996 года обитель была вновь открыта. Расположенный на двух холмах, на красивейшем месте, монастырский комплекс включает в себя три храма, три часовни, домовую церковь в братском корпусе, трапезную, гостиницу для паломников.

Рисунок 45. Михайло-Архангельский мужской монастырь в селе Усть-Вымь.
URL: http://www.mihailo-arhangelski-monastir.ru/images/myphotos/foto01/f11.jpg

Можно сделать обоснованный вывод о том, что почитание Архистратига Михаила в нашей стране имеет давнюю традицию. Это находит своё отражение в иконописи, архитектуре, градостроительной практике, в устном народном творчестве, современной жизни монастырей, в исторических источниках разных жанров. Михайло-Архангельский монастырь, положивший начало нашему Архангельскому городу, всего лишь один из примеров служения Богу под благодатью святого Архангела Михаила на этой грешной земле.

[293] История монастыря. URL: http://www.mihailo-arhangelski-monastir.ru/informatsiya/istoriya-monastirya (дата обращения: 29.07.2014).

3.4. Концепции возникновения Архангельска

Что считать началом града Архангельского на Земле, — этот вопрос актуален не только для историков. Всё в этой жизни имеет своё начало и своё завершение. Человек появляется на свет маленьким, беззащитным, но живым и кричащим, уже имеющим свои отличительные признаки от других себе подобных. Затем человек растёт, формируется как личность, адаптируется к окружающей его социальной и природной среде. И вне зависимости от того, когда он получает права гражданства, паспорт, когда он становится взрослым, социально ответственным, заводит свою семью, строит жилище, социум считает его *человеком* со дня его рождения. Чтобы стать Маугли нужна другая биологическая среда.

Статус города, как и статус взрослого человека также приобретается не сразу, а спустя какое-то время после его рождения. Я пишу об этом потому, что в начальной истории города Архангельска существует много исторических лакун[294]. Дата основания любого города прочно связана с жизнью людей, их миграционной мобильностью. Рождение городских поселений традиционно начинается с первого жителя, пришедшего на какое-нибудь понравившееся ему место, выбравшего себе ландшафт для жизни. Неважно, что будет первым строением — деревянная изба, пещёра, землянка, небольшая часовенка, церковь или что-то ещё. Важно заметить, что все другие строения — монастырские постройки, город-крепость, гостиные дворы, морская пристань (порт), воеводские и другие избы появляются позднее. После выбора ландшафта. После прихода на это место человека или группы людей, когда к ним затем присоединяются другие люди. После того, как они начинают обживать это место на постоянной основе и не стремятся передвигаться дальше в поисках ещё более лучшего ландшафта, условий жизнедеятельности, — возникает социум, древнее поселение.

Документальных свидетельств о том, когда пришли первые монахи в устье Северной Двины, основавшие там Михайло-Архангельский монастырь в природном ландшафте на высоком мысе Пур-Наволок напротив Кегострова, недалеко от Соломбальской деревни, не сохранилось. Известный историк, автор краткой истории о городе Архангельском В.В. Крестинин был и прав и совсем не прав, когда писал, что первыми жителями нового города в 1584 году были ратные (военные) люди. В его понимании официально «городом» была только деревянная военная крепость. Естественно, что крепость необходимо защищать, охранять, обустраивать и содержать. Эти функции и выполняли военные люди. Но, не они были первыми жителями града Архангельского на земле. Первыми жителями нового города ещё с XIV века были монахи, послушники, трудники. Их было немного, но они уже жили здесь. А до прихода монахов на месте будущего Архангельска археологи находят стоянки древних рыбаков и охотников.

По вопросу об основании града Архангельского, исторически носящего имя Михаила-архангела, можно высказать несколько концепций и подтвердить либо опровергнуть ту или иную дату его рождения. Мною рассматривается три основные концепции образования Архангельска, хронологически относящиеся к XIV—XVI векам.

*Первая концепция — **военно-государственная, официальная***, по которой Архангельск как государева военная крепость или «город» был построен в 1583—1584 гг. Царская

[294] Лакуна — латин. lacuna — ров, провал, пробел, пропуск, белые пятна.

грамота Ивана Грозного с повелением строить новый «город» в устье Северной Двины писана на Москве 5 марта 1583 года. Однако во многих публикациях часто эта дата не принимается в расчет, ошибочно путают даже датировку самой царской грамоты. Датой основания Архангельска считается 1584 год (7092 лето от Рождества Христова, не позднее августа 1584 года), когда новая деревянная крепость в устье Северной Двины официально вошла в строй действующих, была построена. В те времена статус города могла иметь военная крепость, её так и называли тогда — «город». Архангельский морской порт ведет своё летоисчисление с 1584 гг., но ещё раньше в 1582 году голландское морское судно капитана Класа Янсона вошло в устье Северной Двины и впервые встало на якорь на рейде у Михайло-Архангельского монастыря. Сама же морская пристань строится в Архангельске летом 1584 года.

Первым исследовал историю Архангельска В.В. Крестинин, который писал:

«В лето от сотворения мира 7092, от Рождества же Спасителя 1584, повелением его Царского Величества, государя Иоанна Васильевича четвертого, на Пур Наволоке положено основание нового города» [295].

В доказательство этого В.В.Крестинин в сноске указывает грамоту царя Михаила Романова 1613 года, где ошибочно упоминалось*: «В прошлом де 7092 году, блаженные памяти царь и великий князь Иван Васильевич всеа Руссии велел поставить на Двине город»*[296]. Между тем, достоверно известно, что «город» на Двине царь велел поставить в 7091 лето (с 1 сентября 1582 года по 31 августа 1583 года), а не в 7092 лето. В.В. Крестинин же для обоснования 1584 года приводит не первоисточник от 4 марта 1583 года, а другую царскую грамоту 1613 года и «Двинской летописец», который, мягко говоря, не совсем точен в датировке происходящих событий.

Другой известный исследователь С.Ф. Огородников в целом не отступает от версии В.В. Крестинина, но в отличие от него он приводит текст царской грамоты от 4 марта 1583 года, сделав при этом ошибку: вместо *«к нам прислали»* у него «*к вам прислали»* [297]. Получается, что чертеж и смету города послали воеводам сверху, а до того не велось и речи о строительстве. Эту археографическую ошибку автоматически затем повторили авторы многих работ по истории Архангельска, даже не попытавшись обратиться к первоисточнику.

Причины возникновения Архангельска достаточно подробно проанализировал в своей статье Ю.К. Новожилов [298]. В юбилейном сборнике к 400-летию Архангельска (1984) Г.Г. Фруменков традиционно поддержал официальную версию: «*Выполняя директиву, полученную сверху, царские воеводы Нащокин и Волохов в 1584 году поставили «одним годом» на правом берегу Двины на Пур-Наволоке вокруг монастыря в честь архангела Михаила «архангельский город деревянный»* [299].

Датой основания Архангельска назывался 1583 год в монографии М.Н. Тихомирова: «*Архангельск был основан в 1583 году. Это был передовой русский порт на Белом море,*

---

[295] Крестинин В.В. Исторические начатки о Двинском народе древних, средних, новых и новейших времен. СПб, 1784. С. 38.

[296] Крестинин В.В. Краткая история о городе Архангельском. СПб, 1792.

[297] Огородников С.Ф. Очерк истории г.Архангельска в торгово-промышленном отношении. СПб, 1890. С. 48.

[298] Новожилов Ю.К. К вопросу об основании города Архангельска // Ученые записки АГПИ им.М.В.Ломоносова. Выпуск 16. Архангельск, 1964. С. 176.

[299] Фруменков Г.Г. Первое окно России в Заморье // Архангельск. 1584—1984. Фрагменты истории. Архангельск, 1984. С. 17—29.

так как Холмогоры находились слишком далеко в глубине страны и к ним трудно было добираться большим кораблям» [300]. С.Ф. Платонов в очерках по истории колонизации Поморья указывал: «*где в 1583—1584 г. был построен город Архангельск*»[301]. А.А. Куратов считал, что воеводы П.А. Нащокин и А.Н. Залешанин-Волохов приступили к строительству крепости на Двине весной 1583 года, а работы закончились в 1584 году [302].

В историографии вопроса произошло смешение концепций о том, что считать началом «города», то ли царский указ от 5 марта 1583 года (основан «город»), то ли завершение строительства военной крепости (построен «город» в 1584 году). Несмотря на историографические расхождения о Двинском городовом деле, факты говорят о том, что в 1583—1584 годах Архангельская деревянная крепость реально была построена в уже существующем монастырском поселении. Строились ещё в те годы морская пристань, дома воевод с хозяйственными постройками и другие строения из дерева. Деревянные постройки горели и снова отстраивались, — так было от первых дней основания Архангельска и до XX столетия. Да и сейчас ещё в городе осталось немало ветхого деревянного жилья, где постоянно возникают пожары.

*Вторая концепция — **духовно-монастырская***, согласно которой история Архангельска начинается с основания Михайло-Архангельского монастыря в конце XIV века. Официальным документом об основании монастыря можно считать самый первый известный нам исторический документ появившийся более шести столетий тому назад — благословленную грамоту архиепископа новгородского Иоанна, давшего благословение новой православной обители в устье Северной Двины и игумену Луке: «*Благослови архиепископ новгородский Иоанн владыка у святого Михаила вседневную службу, и благослови игуменом Луку к святому Михаилу*».

Поэтому В.Ф. Андреев ещё в 1988 году писал в своей статье о том, что в 1583—1584 годах была построена лишь деревянная крепостная стена вокруг церквей и келий монастыря. К этому времени история поселения на Пур-Наволоке насчитывала уже почти двести лет. Завершая свою статью, он заметил, что время основания монастыря позволяет считать его датой основания Архангельска. *«Указанное обстоятельство позволяет, как нам кажется, время основания монастыря, конец четырнадцатого века, считать датой основания Архангельска* [303]. «Указанное обстоятельство», о котором упоминает В.Ф. Андреев, — это по-существу миссия обители святого Михаила, который получил церковный статус в качестве главного монастыря Двинской земли и стал её духовным центром.

Профессор В.Н. Булатов отметил в своей книге по истории Русского Севера (1999): *«Михайло-Архангельская обитель возникла не позже второй половины XIV века как головной монастырь Двинской земли в период новгородского правления. Думаю, что с этого времени правильнее вести отсчет начальной истории Архангельского города»*[304]. В первом томе «Поморской энциклопедии» — «История Архангельского севера» (2001)

---

[300] Тихомиров М.Н. Россия в XVI столетии. М.: АН СССР, 1962. С. 251.

[301] Платонов С.Ф. Прошлое русского Севера // Очерки по истории колонизации Поморья. Пб. 1923. С. 61

[302] Куратов А.А. Ранняя история Архангельска в свете археографии и палеографии. К 400-летию Архангельска: Методические рекомендации для студентов. Архангельск, 1984. С. 8

[303] Андреев В.Ф. О дате основания Михайловского Архангельского монастыря // Культура Русского Севера: сборник / отв. ред. член-корр АН СССР К.В.Чистов. Л.: Наука, 1988. С. 69

[304] Булатов В.Н. Русский Север. Книга третья. Поморье (XVI—начало XVIII в.). С. 159

профессор А.А. Куратов делит историю Архангельска на шесть периодов. Здесь важно подчеркнуть, что он выделяет первым уже монастырское поселение.

I. Конец 14 века — монастырское поселение.
II. 1584—1613 гг. — становление международного морского порта.
III. 1613 год — начало 18 века — главный морской порт России, с каменными Гостиными дворами (1668—1684 гг.).
IV. Начало 18 века—1862 год — административный центр Архангелогородской (позднее Архангельской) губернии; оформление «трех частей» города; деятельность Соломбальской верфи, архангельского адмиралтейства; военный порт (до 1862 года); градостроительство по плану 01.04.1794.
V. 1863—1917 годы с двумя этапами: закат парусного мореходства и кораблестроения (1863—1890 гг.) и развитие пароходного судостроения и судовождения (1890—1917 гг.). Торгово-промышленный центр, развитие лесоэкспорта...
VI. С 1917 года — современный Архангельск[305].

Анатолий Александрович отмечал, что постепенно в Архангельске сложилось два сэйлортауна (с англ. «город моряков») — Немецкая слобода и поселение иностранцев в Соломбале. Через них в Архангельск приходят интерэтнические морские культуры — голландская до 2-й половины XVIII века и английская с XVIII века при обратном влиянии на них русской поморской культуры.

*Третья концепция — **поселенческая**.* Архангельск вполне может вести своё летоисчисление с основания какого-либо древнего населённого пункта в Двинской земле: Соломбальской деревни, Кегострова, Заостровья, Цигломени, Уймы… Или какого-то другого ещё более раннего поселения, неизвестного нам и позднее вошедшего в состав города Архангельска или являющегося сегодня его пригородом. Архангельское летоисчисление можно вести даже от первобытной неолитической стоянки древнего человека или от более древней арктической прародины индославян, на земле которых позднее и появилось монастырская обитель в природном ландшафте устья Северной Двины.

А.А. Куратов, например, не исключал, что на древнем Пур-Наволоке были поселения русских переселенцев с XII века [Поморская энциклопедия. Т.1. С.41]. Н.В.Баскаков, оценивая вклад кегостровцев в становление и развитие Архангельска, пишет о том, что «*Остров Кего издревле имел стратегическое значение для тех, кто хотел владеть устьем Северной Двины*»[306]. Сами кегостровцы с гордостью называют свой остров «сердцем Северной Двины». Природный ландшафт этого ключевого места перед впадением Северной Двины в Белое море характеризуется тем, что именно в этом узком месте река начинает расходиться на судоходные рукава. Ни одно торговое и военное судно не могло пройти вверх по Двине, минуя остров Кего[307], вне зависимости от того, каким руслом до этого суда шли из Белого моря.

Гипотезы о начале Архангельского града, ведущего свою историю с древней Соломбалы или от возникновения Кегострова как самого удобного морского порта в устье Север-

[305] Куратов А.А. Архангельск // Поморская энциклопедия. Т.1. История Архангельского севера. С. 41.
[306] Баскаков Д.В. Кегостров: исторический очерк. Архангельск: Поморский университет, 2010. С. 42.
[307] Топоним «кег» по-карельски означает подверженный разрушению, так как Кегостров постепенно размывается, уменьшается в размерах из-за весеннего половодья. Кег (швед.*kagg*) — металлическая ёмкость, используемая для хранения и транспортировки пива. Кег — стандартная единица измерения.

ной Двины имеют право на существование, но они уязвимы. Кегостров, Соломбала имели свои имена, свою историю, своё летоисчисление, исторически позднее вошли в состав Архангельска. Поэтому Соломбалу, Кегостров и другие поселения можно условно назвать, по моему мнению, старшими братьями и сестрами, но не отцом и матерью Архангельска.

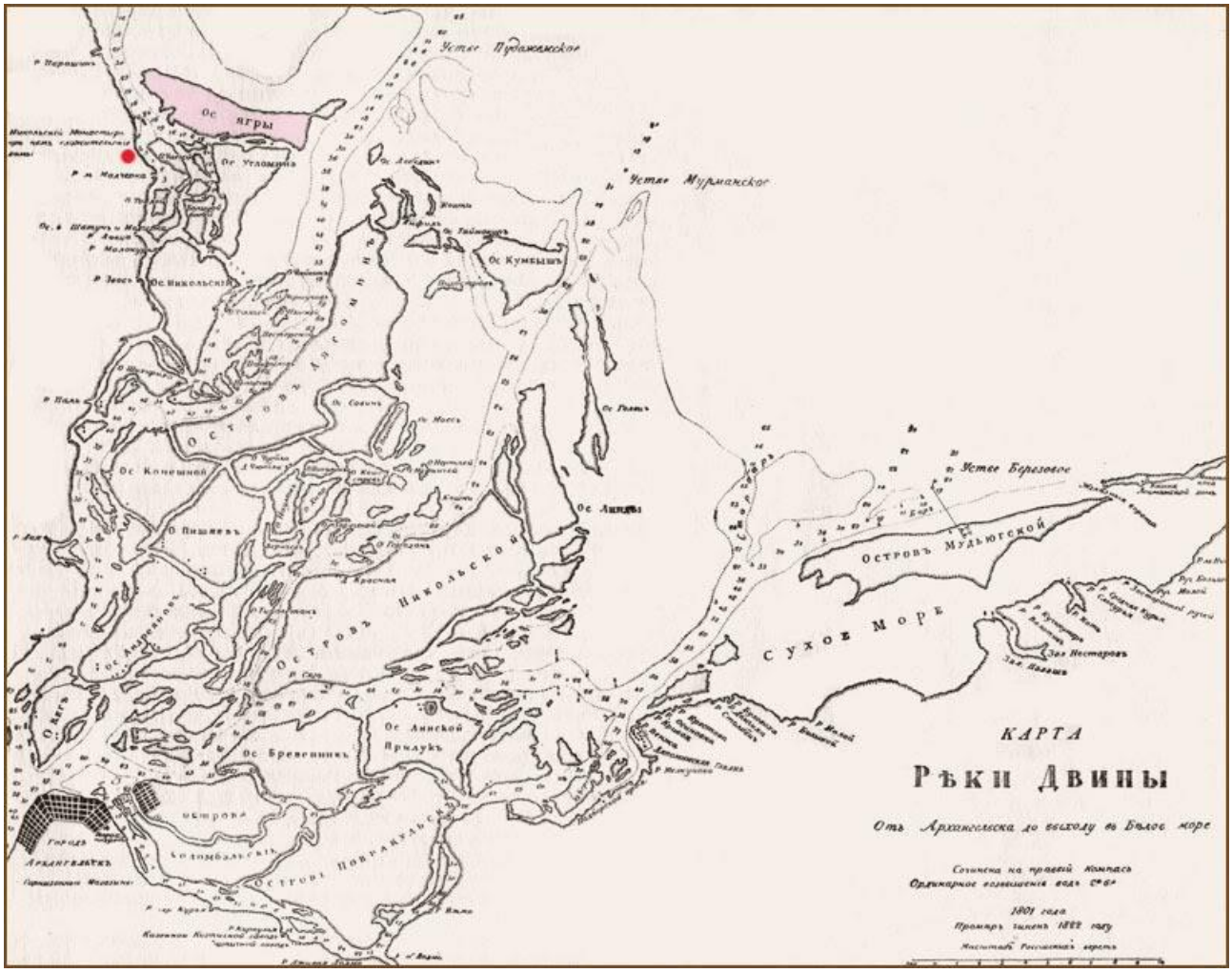


Рисунок 46. Карта устья Северной Двины. 1801 год.
URL: http://s240.photobucket.com/user/arh_land/media/17_dvina_delta_old_map_800.jpg.html

В любом случае, чтобы двигаться дальше в изучении ранней истории Архангельска, требуются артефакты, целенаправленные археологические исследования как на территории современного Архангельска, так и в его пригородах, в разных местах устья Северной Двины. Это суперактуально, потому что письменных источников о тех далеких временах сохранилось до нашего времени очень мало, можно даже сказать и вовсе не дошло. Для понимания исторического прошлого необходимо использовать в рамках междисциплинарного подхода результаты археологических исследований, лингвистики, геологии, топонимики, этнографии и других научных дисциплин.

Письменные источники о дате возникновения Михайло-Архангельского монастыря практически исчерпали свой ресурс. «Во мраке глубокой древности сокрыто от нас возникновение первой обители далекого севера — монастыря св. Архистратига Михаила и гадательно можно определять приблизительное время её возникновения, так как точные исто-

рические известия о ней не восходят ранее конца XIV и начала XV веков», — подчеркивал священник Аркадий Кириллов в своём историческом очерке [308]. Царских грамот и выписок из писцовых книг, других источников за годы прошедшие после публикации исторических очерков А. Кириллова в 1898 году или авторов других трудов в историографии по данной теме, однозначно не прибавилось, но количество и объем литературы в целом заметно возросли.

Вклад православных монастырей в развитие русской цивилизации, складывание российского государства в целом ещё сильно недооценен в отечественной истории. Как и роль Михайло-Архангельского монастыря в ранней истории Архангельска. Для понимания исторической эволюции развития древнерусских городов важное значение имеет понимание гражданской, общекультурной миссии (предназначения) северных монастырей, которые становились центрами не только духовно-культурной жизни, образования, но и социально-экономических отношений. Великий Новгород традиционно в распространении своего влияния на северные земли использовал военную силу, финансы, торговлю и духовенство. Воины, купцы, монахи дополняли друг друга. Монастырь св. Михаила в те отдаленные от нас века, служил источником религиозно-нравственного просвещения не только для пришлого славянского населения, но и для обращения в Христову веру заволоцкой чуди и других этнических локальных групп этих мест. Миссия православного монастыря в Двинской земле при этом была более полифункциональной, чем вера и духовное просвещение.

Определяя дату основания Михайло-Архангельского монастыря в устье Северной Двины мы несомненно приближаемся концептуально к пониманию динамики основания Архангельска с учетом природного ландшафта, насчитывающего миллионы лет. С появлением жизни в этом месте, первобытного социума начинается история человеческих отношений задолго до появления письменности. Поэтому так важно найти здесь артефакты, каменные и другие орудия, осколки первобытной жизни в устье Северной Двины. Пока ещё с очень большим трудом в общественном сознании преодолевается концептуальная установка, что если нет письменных документов, то нет истории.

С позиций двадцать первого века, современных концептуальных подходов в отечественной истории возникает потребность по новому осмыслить начальную историю Михайло-Архангельского монастыря, пытаясь бережно сохранить всё важное и интересное, наработанное нашими предшественниками в источниковедении и историографии исследуемого вопроса. Понимание роли Архангельска в укреплении обороны Руского Севера, в развитии внешней торговли с западными странами через Белое море и по Северо-Двинскому торговому пути в центральную часть России позволяет вывести его историю на общероссийский уровень, показать значимость развития Архангельского города в отечественной истории.

[308] Монастырь св. архистратига Михаила в городе Архангельске (исторический очерк) /составил священник А. Кириллов. Архангельск, 1898. С. 4.

Глава 4

Двинское городовое дело: от монастырской обители святого Михаила к военной крепости и морскому порту

4.1. О дате основания Михайло-Архангельского монастыря

Обыкновенно при определении времени основания Михайло-Архангельского монастыря ссылаются на благословленную грамоту Иоанна, архиепископа Новгородского, которою он благословлял вседневную службу у святого Михаила и утвердил игуменом (начальником) новой обители Луку. Миссия новой обители заключалась в том, чтобы стать главным монастырем Двинской земли «от Емцы до моря».

Благословленная грамота новгородского архиепископа Иоанна

Текст благословленной Архангельской грамоты новгородского владыки Иоанна был опубликован в 1812 году Антониева монастыря архимандритом Амвросием в его труде по истории Российской иерархии, а также в 1813 году К. Молчановым в описании Архангельской губернии [309]. Архимандрит Амвросий и К. Молчанов публиковали грамоту по подлиннику, тогда ещё хранившемуся в архиве Михайло-Архангельского монастыря, но который впоследствии был утрачен. Во всех последующих изданиях фактически цитируются эти две работы [310]. По изданию Молчанова (1813) текст благословенной грамоты новгородского архиепископа Иоанна опубликован даже в «Актах новгородских, относящихся к Двине» за номером один в исследовании о двинских грамотах XV века А.А.Шахматова [Ч.1 и 2. СПб, 1903. С. 145—146].

Приведу полный текст благословенной грамоты новгородского архиепископа Иоанна, поскольку издания, в которых она была опубликована, давно уже стали библиографической редкостью. Вот её текст:

«*Благослови архіепископъ новгородскій Иоаннъ владыка у св. Михаила вседневную службу и благослови игуменомъ Луку къ св. Михаилу, и буди милость Божія и святыя Софіи и святаго Михаила на посадникахъ двинскихъ, и на двинскихъ боярахъ, и на боярахъ новгородскихъ и заволочскихъ, на владычнъ намъстникъ, на купецкомъ старостъ и на всъхъ купцахъ новгороцкихъ и заволочскихъ, и на игуменахъ и на попъхъ, и на всемъ причте церковномъ, и на соцкомъ и на всъхъ крестьянахъ, отъ Емцы и до моря, что есть потребовали милости Божіей св.Михаилу вседневную службу.*

И вы, дети мои, почтитеся о милостынъ къ св. Михаилу и къ игумену, и ко всему стаду. А ты, игуменъ, съ соборомъ и стадомъ св. Михаила, Бога моли за всехъ крестьянъ, и буди милость Божія, св. Софіи и св. Михаила на всехъ крестьянахъ и владычне благословеніе Іоанново».

Источник: Воспроизводится по Амвросию (1812).

---

[309] История Российской иерархии, собранная Новгородской семинарии ректором и богословия учителем, Антониева монастыря архимандритом Амвросием. Т. 3. М., 1812. Молчанов К. Описание Архангельской губернии. СПб., 1813.

[310] Титов Л.Л. Летопись Двинская. М., 1889. Шахматов А.А. Исследование о двинских грамотах XV в. Ч. 2. СПб., 1903. Андреев В.Ф. О дате основания Михайловского Архангельского монастыря // Культура Русского Севера / отв. ред. К.В. Чистов. Л.: Наука, 1988. Шумилов Н..А. — ГААО, ф. 57, опись 1. Лукин Ю.Ф. Новая Архангельская летопись. Архангельск, 2008 и др.

Грамота небольшая по объему, но очень ёмкая по своему содержанию. В чем же тогда заключается проблема с определением даты основания Михайло-Архангельского монастыря. Кажется, что совсем не сложно определить возраст монастыря, если существует такая благословенная грамота. Весь вопрос заключается в определении авторства и датировки указанной грамоты: когда, в каком году и кем она была написана. На основании этой грамоты одни историки относили основание монастыря к XII веку (Карамзин, Крестинин и др.), другие — ко второй половине XIV века (митрополит Макарий, архимандрит Амвросий).

В.В. Крестинин подвергал сомнению авторство благословленной грамоты архиепископа новгородского Иоанна только на том основании, что с таким именем в истории было три Новгородских архиерея и какому из них приписать издание данной грамоты «знать не можно»? В самой грамоте не был указан год, месяц и число, что и привело к трудностям в датировке данного документа. В.В.Крестинин поэтому сомневался:

«Исторических тогдашняго времени свидетельств, осталося не известно потомкам. Единое токмо сие обстоятельство известно из предреченныя Новгородскаго Архиерея Иоанна, о благословении Заволоцких Христиан, грамоты, что во время святительства сего Христианским народом, от Емцы реки и до моря. Новгородский летописец показывает нам трех древния Великоновгородския Епархии Архиереев под именем Иоанна: первый Иоанн, посвященный на Архиерейство 6618/1113 года, скончался в лето 6638/1130, вторый Иоанн, поставленный по Епископа 6673/1165 года, преставился в лето 6694/1186; третий Иоанн, возведенный на Архиерейство 6896/1388 года, оставил Епископство по принятии схимы в лето 6922/1414. Но которому из них издание вышереченныя грамоты надлежит приписать, сие, по самому тоя грамоты составу, знать не можно. Ибо оная, по обыкновению тогдашних грубых времен, утверждена одною токмо Архиерейскою свинцовою печатью, без подписания в сей грамоте года, месяца и числа, и без всякого показания других примет, способствующих узнать время, в которое сия грамота написана и дана была Заволоцкому монастырю».

Источник: В.В. Крестинин, 1784 [311].

Анализируя известные ему документы В.В. Крестинин относил основание Михайло-Архангельского монастыря не к третьему Иоанну, а к первому либо ко второму, жившими в XII веке. Он отмечает «превосходную древность нашего Архангельскаго монастыря, между Российскими монастырями», основанного в XII веке. Однако В.В. Крестинин очень заблуждался, когда относил основание монастыря к первому или второму Иоанну. Непосредственное отношение к церковной легитимации Михайло-Архангельского монастыря имеет отношение только один Иоанн III, бывший новгородским архиепископом в 1388—1415 гг. Известно также, что более ранняя дата относится к монастырю Михаила Архангела, расположенному совсем в другом месте — в Великом Устюге, основанному в 1212 году. Это два разных Михайло-Архангельских монастыря с одним и тем же именем Михаила Архангела.

Для современного читателя требуется дать очень краткое пояснение о том, кто такой «архиепископ», какова была процедура или точнее обряд его посвящения в эту важную церковную должность. Архиепископ в греческом языке означает «старший среди епископов», «главный епископ»; архиерей — начальник епархии, глава крупной церковной области, объ-

[311] Исторические начатки о Двинском народе древних, средних, новых и новейших времен, Сочиненные Василием Крестининым Архангелогородским Гражданином. Часть первая. СПб, 1784.

единяющей несколько епархий, затем — глава епархии как церковно-административного округа. В России первый из епископов, получивших звание архиепископа, был новгородский, в 1165 году [312]. До половины двенадцатого века архиепископа рукополагал русский митрополит *с* собором епископов в Киеве. Но со второй половины XII века новгородцы начали выбирать из местного духовенства своего владыку, собираясь «всем городом» на вече и посылая затем избранного новгородского архиепископа к митрополиту для рукоположения. Впоследствии архиепископами стали назначаться.

Значение владыки Новгородского было двух видов: 1) одно каноническое, определяемое церковным правилами, уставами; 2) другое значение — политическое, принадлежавшее исключительно только Новгородскому владыке и определенное новгородскими обычаями. По канонической власти новгородскому владыке было подчинено всё духовенство не только в Новгороде, его пригородах, но и в отдаленных новгородских волостях, в Двинской земле. В 1446 году архиепископ новгородский Евфимий ездил даже в Заволочье и благословил Новгородскую вотчину. В ведении владыки был надзор за общественною нравственностью всех мирских людей во всех новгородских владениях. Суду владыки подлежали все дела по семейным отношениям, споры по имуществу, по наследству. Владыка вместе с софийским клиром заведовал всеми торговыми мерами и весами. При Новгородской архирейской кафедре, то есть при церкви святой Софии, был особый штат, состоящий из духовных и мирских лиц, известных в летописях под именем софиян. В этот штат входили протопопы, священники, диаконы и другие служители церкви, бояре и слуги из светских людей. Новгородский владыка все дела по управлению и суду церковному, а также управление селами и городами в своих владениях поручал именно софиянам.

Выполняя политические функции владыка Новгородский был первым властным лицом в Новгороде, имел своих бояр и полки ратных людей со своими знаменами и воеводами. У него было право посылать или не посылать свои полки вместе с новгородской ратью, он давал воеводам персональные наказы, как действовать во время походов. Владыка новгородский был богатейшим землевладельцем в Новгороде, ему принадлежали огромные волости в Заволочье. Он принимал деятельное участие во всех переговорах Новгорода с князьями, во всех внешних отношениях со Швецией, Данией, Ливонским орденом, Литвою. Все договорные грамоты Новгорода писались по благословению владыки и утверждались его печатью. Владыка выступал посредником во время политических конфликтов в самом Новгороде. Он нередко принимал на себя значительные издержки на общественные дела, вел строительство, давал денежные пособия. Должность новгородского архиепископа была пожизненной, но были случаи смещения (Арсений в 1228 году).

Чтобы установить авторство и датировку благословленной грамоты Новгородского архиепископа Иоанна игумену Архангельского монастыря Луке, необходим сравнительный анализ разных письменных источников, имеющихся в распоряжении исследователей. Прежде всего, следует определиться с годами владычества самого архиепископа новгородского Иоанна. Дело в том, что в списке новгородских архирееев X—XIV веков действительно значится три человека носивших имя Иоанна:

Свт. Иоаким Корсунянин (992—1030)

[312] Полный православный богословский энциклопедический словарь. Т.1. С. 247-248

Ефрем (1030—1035) в/у, не архиерей
Свт. Лука Жидята (1036/1037—15 октября 1059)
Стефан I (1060—1068/1069)
Феодор (1069—1077/1078)
Свт. Герман (1078—1095/1096)
Свт. Никита Затворник (1096—30 января 1108)
Иоанн I (Папин) (1108/1110—1130)
Прп. Нифонт (ноябрь-декабрь 1130—1156)
Свт. Аркадий (1156—9 сентября 1162)
Свт. Илия, в схиме Иоанн II (ок. 1162 —1186)
Свт. Григорий (1186—24 мая 1193)
Свт. Мартирий (19 октября 1193—24 августа 1199)
Митрофан (1199—3 июля 1223), в 1211—1219 гг. был изгнан с кафедры новгородцами
Свт. Антоний (1212—1219)
Арсений Чернец (1223—1225)
Свт. Антоний, 2-й раз (1225—1228)
Арсений Чернец, 2-й раз (1228)
Свт. Антоний, 3-й раз (1228—1229)
Спиридон (1229—1249)
Далмат (1250 —21 октября 1274)
Климент (1274—22 мая 1299)
Свт. Феоктист (1300—1307)
Давид (5 июня 1309—5 февраля 1325)
Свт. Моисей (1325—1330)
Свт. Василий Калика (25 августа 1331—3 июля 1352)
Свт. Моисей, 2-й раз (1352—1359)
Алексий (1359—апрель 1388)
Иоанн III (7 мая 1388—20 января 1415)[313].

В указателе личных имен в Новгородской первой летописи имеются ссылки на трех новгородских архиепископов с именем Иоанн:

Иоанн I («Попьян»), архиеписк. Новгородский;
Иоанн II (Илия), архиеписк. Новгородский;
Иоанн III, архиеписк. Новгородский, б. игум. Спасо-Хутынского м-ря в Новгороде[314].

Иоанн I (Папин) был священником и имел семью. Овдовев, принял монашество. Епископом Новгородским избран из иноков Печерского монастыря в 1108—1110 гг. Это был пастырь кроткий и благочестивый, любил безмолвие, старался не вмешиваться в дела, которые мало касались его духовной власти. Время его архипастырского служения протекало большей частью в мире и среди славы Новгородской земли. Владыка Иоанн много занимался строительством церквей и монастырей: в 1119 году им был основан храм великомученика Георгия в Юрьеве монастыре; в 1127 году — церковь в честь Иоанна Крестителя на Опоках, церковь на Петрятине дворе и другие. Новгородской епархией владыка Иоанн правил 22

[313] Открытая православная энциклопедия «Древо». Новгородская епархия. Архиреи. URL: http://drevo-info.ru/articles/583.html (дата обращения: 31.07.2014).
[314] ПСРЛ, т.3. Новгородская летопись. URL: http://www.lrc-lib.ru/rus_letopisi/Novgorod/onomfrm.htm (дата обращения: 12.12.2014).

года. В 1130 году, отказавшись от управления епархией, удалился на безмолвие в один из окрестных монастырей. Год кончины его точно неизвестен.

Другой Иоанн, в схиме Илия, родился в Новгороде. По достижении совершеннолетия был рукоположен Новгородским епископом святителем Аркадием во священника к церкви священномученика Власия. Потом принял иночество с именем Илии в одном из новгородских монастырей, стал епископом в 1162 году. В 1165 году был возведен в сан архиепископа. С тех пор Новгородская кафедра стала архиепископской [315]. До этого высшую власть представлял владыка Новгородский в сане епископа. Почитается как покровитель Новгорода. Зимою 1170 года Суздальские войска с союзниками два дня осаждали город за то, что новгородцы не приняли князя Святослава, а также собирали дань с неподвластной им якобы Двинской области. Молитвами святителя город был спасён. В лето 6687 (1179) «*заложи архиепископъ Илия съ братомь церковь камяну святыя богородиця Благовъщение*»[316]. Удрученный летами, изнуренный трудами и, чувствуя приближение смерти, святитель Илия был пострижен в схиму с прежним (мирским) именем Иоанн. Под этим именем он впоследствии и прославился как святой Иоанн. Скончался святитель 7 сентября 1186 года и был положен в притворе церкви святой Софии [317].

С именем этого святителя связана мифическая история, которая вполне может стать детективным сюжетом в кино или литературе. «*За его душевную простоту и чистоту сердца Господь дал святителю власть над бесами. Однажды, когда он по обычаю молился ночью, он услышал, что в умывальнике кто-то плещет воду. Увидев, что никого рядом не было, святитель понял, что это бес пытается напугать его. Святитель оградил умывальник крестом и запретил беса. Скоро лукавый дух не стерпел молитвы святителя, которая палила его огнем, и стал просить выпустить его из умывальника. Святитель согласился, но поставил условием, чтобы бес донес его в одну ночь из Новгорода в Иерусалим ко Гробу Господню и обратно. Бес исполнил повеление святителя, но просил*

[315] Иоанн Новгородский. URL: http://drevo-info.ru/articles/14900.html. Рис. Свт. Иоанн Новгородский. Икона. Русь (Север). 2-я половина XVI в. 107 х 43. Из иконостаса Покровской церкви Кижского погоста. КМИИ. Петрозаводск. Карелия. URL: http://orthodox-newspaper.ru/images/default/news/ikona_ioann_novgorodsky.jpg (дата обращения: 31.07.2014).

[316] Новгородская первая летопись старшего извода. Синодальный список. С. 36. URL: http://www.lrc-lib.ru/rus_letopisi/Novgorod/gif_mm.php?file=036.gif (дата обращения: 08.08.2014).

[317] Православный календарь. URL: http://calendar.ocapodvorie.org/ru/svyat1/sep07-ioann-novgorodskij.html (дата обращения: 31.07.2014).

его никому не рассказывать о своем позоре. Однако, в одной из бесед святитель рассказал пастве, что он знает человека, который за ночь посетил Святую Землю. Месть лукавого не замедлила сказаться: он стал подбрасывать в келью святителя женские вещи. Однажды, когда большая толпа горожан, возбужденная завистливыми и недоброжелательными людьми, собралась у кельи святого, бес показал им, словно от него выбежала женщина. Святитель вышел на шум и кротко спросил: «Что случилось, дети мои, о чем вы шумите?» Раздраженная толпа, выкрикивая разные обвинения в порочной жизни святителя, повлекла его к Волховскому мосту. Там его спустили на плот без весел, и представили течению воды нести куда угодно, недостойного по их мнению, архипастыря. Но к удивлению всех, плот поплыл не по течению, а против течения реки к Юрьеву монастырю, стоявшему в трех верстах от города. Иноки монастыря с честью встретили приставшего к их берегу архипастыря. А новгородцы, пораженные чудом, осознали свою неправоту и со слезами просили святителя простить их и возвратиться на кафедру. Незлобивый святитель простил всех и возвратился в Новгород»[318]. Имея от роду мирское имя Иоанн новгородский владыка с именем Илия (Иоанн II) в конце своего жизненного пути снова принял схиму под тем же мирским именем Иоанн.

Архангельская благословленная грамота относится ко времени Новгородского архиепископа Иоанна III, служба которого продолжалось двадцать семь лет [319]. Иоанн был выбран новгородским вече по жребию 7 мая 1388 года (в лето 6896 от состворения мира). Весной того года архиепископ новгородский Алексий, правивший новгородской церковью тридцать лет без одного года и пяти месяцев, добровольно оставил престол владыки и удалился в Деревяницкий монастырь. Новгородцы просили его, чтобы указал себе преемника. В ответ он предложил избрать три мужа достойных, положить три жребия на святой трапезе, написав имена, «и кого вам Бог даст, того я благословлю». Новгородское вече (светская верховная власть) избрало трех достойных мужей — Хутынского игумена Иоанна, Благовещенского игумена Парфения и Рождественского игумена Афанасия. Их имена положили на престол в храме святой Софии; священники отслужили обедню, а новгородцы стояли вечем у Софийского храма. По окончании обедни протопоп Измаил начал вынимать жребии, первый вынулся жребий Афанасия, потом — Парфения. Иоаннов жребий остался на престоле и это было признано указанием, что Бог и святая София избрали Иоанна. Вслед за этим всем Новгородом ввели Иоанна на сени во дворе владыки, где его благословил прежний новгородский архиепископ Алексий. Процедура избрания Иоанна новгородским архиепископом детально описана в Новгородской первой летописи[320]. 20 января 1415 года Иоанн оставил святительскую кафедру и поселился в Деревяницком монастыре, где преставился 24 июня 1417 года и погребён в притворе церкви святого Воскресения.

Известный исследователь двинских грамот XV века А.А. Шахматов считал, что Новгородский архиепископ Иоанн занимал софийскую кафедру в 1388—1414 годах. «*Из этой грамоты видно, что игумен Лука был современником Архиепископа Иоанна (1388—1414*

---

[318] Открытая православная энциклопедия «Древо». Иоанн II Новгородский. URL: http://drevo-info.ru/articles/14900.html (дата обращения: 31.07.2014).

[319] Аркадий Кириллов относит эту грамоту ко времени Иоанна третьего, но приводит даты его служения с 1386 по 1414 год. Почему он указывает 1386 год — не совсем ясно. // Монастырь св. архистратига Михаила в городе Архангельске (исторический очерк) /составил священник А. Кириллов. Архангельск, 1898.

[320] ПСРЛ, т.3. Новгородская первая летопись. В лето 6896 (1388). URL: http://krotov.info/acts/12/pvl/novg31.htm

гг.)», — писал А.А. Шахматов в предисловии перед текстом публикуемой им копии благословленной грамоты [321]. Вместе с тем, в текстах А.А.Шахматова встречается ещё одна дата: *«архиепископ Иоанн от 1389 до 1414 года»* [Там же. С.3]. В тексте своего исследования о двинских грамотах XV века (С-Пб, 1903) А.А. Шахматов вполне уверенно отмечал:

> *«Архангельский Михайловский монастырь основан в XIV столетии. Благословенная грамота монастырю, печатаемая ниже в I приложении, относится к 1388—1414 г. Под 1419 годом Михайлов монастырь упоминается в Новгородской 1-й летописи. Благословленная грамота архиепископа Новгородского Иоанна называет первым игуменом Михайловским Луку»* [322].

Однако, признавая, что «Архангельский Михайловский монастырь основан в XIV столетии», А.А. Шахматов одновременно относит благословенную грамоту об его основании к 1388—1414 гг. Здесь возникает очевидное противоречие, так как не может один и тот же объект — Михайло-Архангельский монастырь, основан сразу и в XIV и в XV веках.

Основываясь на свидетельстве Новгородской первой летописи В.Ф. Андреев установил, что Иоанн был хиротонисан в Москве 17 января 1389 года, а вернулся в Новгород 8 февраля. Отказался от кафедры или «соиде со владычества» Иоанн не позднее 20 января 1415 года. Таким образом, по мнению В.Ф. Андреева, благословенная грамота составлена не ранее 8-го февраля 1389 года и не позднее 20-го января 1415 года [323]. Эта датировка не бесспорна и нуждается в уточнении, так как Лука был игуменом Михайло-Архангельского монастыря только до 1400 года и не мог после этого пересекаться с Иоанном III. Поэтому Архангельская благословенная грамота составлена не позднее 1400 года. Что касается завершающей даты владычества Иоанна новгородского, то дата его ухода с этой церковной должности не является принципиально важной для датировки благословленной Архангельской грамоты, так как она могла появиться только до 1400 года, когла Лука был игуменом Михайло-Архангельского монастыря.

В церковной организации явно затянулся процесс утверждения Иоанна на одну из важнейших церковных должностей новгородского архиепископа, совершения обряда хиротонии[324]. Это было время *церковной смуты*, когда шла борьба за патриарший московский престол, в которой принимали участие Москва, Киев, Константинополь, князь Дмитрий Иванович. Киприян был поставлен русским митрополитом в 1375 году, но прослужил в прочном положении московского митрополита только в 1390—1406 гг. Пимен в 1380 году был незаконно посвящен в Константинополе в митрополита Киевского и Великой Руси, а Киприан бежал тогда из Константинополя и был оставлен митрополитом Малой Руси и Литвы. Дмитрий Донской не хотел видеть Пимена, заточил его в Чухлому и пригласил в Москву Киприана, который был в Москве с мая 1381 г. по август 1382 г., но оставил Москву во время нашествия хана Тохтамыша. Разгневанный Дмитрий Иванович вызвал из заточения Пимена, однако и тот недолго пробыл митрополитом, был вынужден бежать, заочно осужден, скончался в сентябре 1389 года. Киприан был утвержден митрополитом в конце 1387—начале 1388 гг., но не решился ехать в Москву. После кончины Дмитрия Донского великий князь Василий Дмитриеви (1389—1425)

---

[321] Шахматов А.А. Исследование о Двинских грамотах XV века. Ч. 2. СПб. 1903. С. 145
[322] Шахматов А.А. Там же. С.40
[323] Андреев В.Ф. О дате основания Михайловского Архангельского монастыря. С. 67—69
[324] Полный православный богословский энциклопедический словарь. Т.2. С. 2280.

согласился принять Киприана, и этим смута закончилась[325]. Время церковной смуты, как отмечал А.В. Карташев, давало благоприятные условия для выражения сепаратиских стремлений новгородцев в церковной сфере, упал авторитет митрополичьей власти.

В 1388 году, когда Иоанн был выбран новгородским архиепископом, не очень спокойной была ситуация в самом Новгороде. Осенью 1388 года в Новгороде произошел сильный мятеж, который длился две недели. Три конца софийской стороны восстали против новгородского посадника Осипа Захарьинича, вооружились как на рать и пошли грабить его дом, а потом начали грабить противников, рубить суда.

В силу действия всех этих обстоятельств действующий выборный новгородский владыка Иоанн ездил с большим посольством в Москву к митрополиту на посвящение уже зимой, в январе 1389 года. Однако избранный на Новгородском вече по жребию из трех возможных кандидатур, получив благословение прежнего архиепископа, владыка Иоанн уже в мае 1388 года мог фактически исполнять в полном объеме все свои обязанности, не дожидаясь утверждения в Москве («хиротонисан митрополитом»), тем более, что тогда было непонятно, когда и чем завершится церковная смута.

Первые игумены обители св. Михаила

Список игуменов Михайло-Архангельского монастыря в XIV—XV веках уточняется в данной книге по спискам иерархов и настоятелей монастырей Российской Церкви П.М. Строева (1877), историческому очерку «Монастырь св. архистратига Михаила в городе Архангельске» священника Аркадия Кириллова (1898), исследованию о двинских грамотах XV века А.А. Шахматова (1903). Все указанные выше труды основаны на источниках по истории Русского Севера, но при этом многие из документов просто не дошли до нашего времени. В перечне источников А. Молчанов упоминает, например, рукописный сборник царских грамот и выписок из писцовых книг о владениях монастыря, описи монастыря за 1683, 1726 и 1780 гг. (две последние рукописные). Грамоты, вкладные, купчие 57 фонда ГААО также позволяют уточнить имена игуменов Михайло-Архангельского монастыря.

Как известно, внутреннее управление монастырей было выборным. Избирались игумен, келарь и ключник. Из них только игумен утверждался новгородским владыкою. Допускалось участие мирских людей в избрании монастырских настоятелей. «Игумен» означает ведущий, правящий, руководящий, начальник всякого монастыря. В древности игумен не обязательно был священником, впоследствии установилась практика избирать игуменов из числа иеромонахов. Игумен, являющийся начальником монастыря, обладал правом ношения посоха, защищял интересы Русской православной церкви [326].

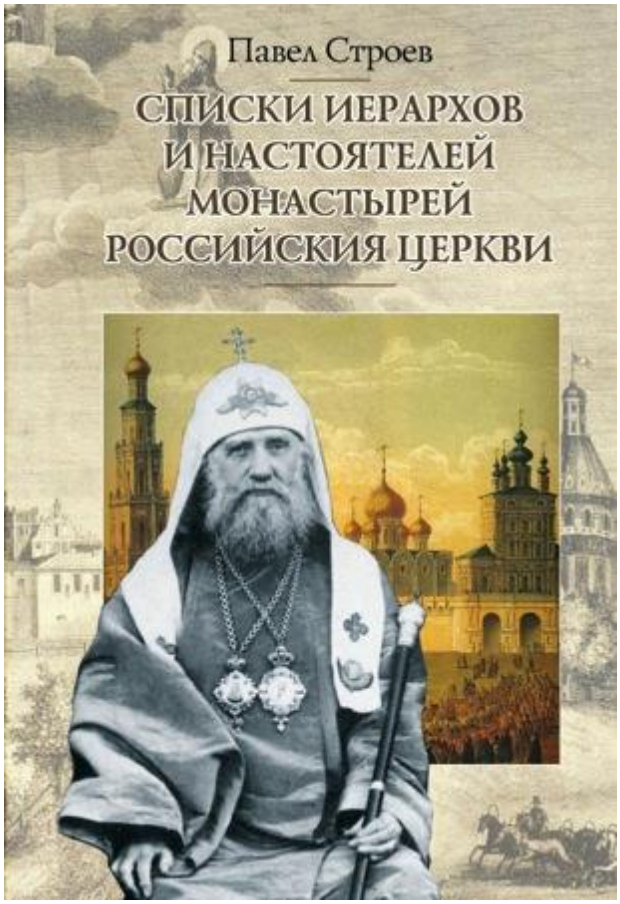
Новгородский владыка Иоанн в своей грамоте благословлял «игуменом Луку к святому Михаилу». С таким именем в данном монастыре был в XIV—XV веках только один человек. Уточнив дату игуменства Луки, мы тем самым определяем датировку анализируемой грамоты, возраст Михайло-Архангельского монастыря и дату основания Архангельска. Лука был игуменом Михайло-Архангельского монастыря с 1388 года до 1400 года. Его можно считать первым легитимным правителем Михайло-Архангельского монастыря. Это, выражаясь

[325] Карташев А.В. Очерки по истории русской церкви. Т.1. М.: ТЕРРА, 1992. С.328—338.
[326] Полный православный богословский энциклопедический словарь. Т.1. С. 927.

современным языком, игумен-градоначальник православной обители, монастырского поселения людей в устье Северной Двины в конце XIV века.

П.М. Строев (1796—1876) в своей работе «Списки иерархов и настоятелей монастырей Российской Церкви», изданной в Санкт-Петербурге в 1877 году [327], упоминает до 3 тысяч монастырей и около 20 тысяч иерархов и настоятелей, приводит имена следующих за Лукой 36 игуменов Михайло-Архангельского монастыря:

1. Лука, около 1400.
2. Акакий. В XV веке упом. в списках Харатейных грамот, без лет.
3. Стефан. В XV веке упом. в списках Харатейных грамот, без лет.
4. Адриан. В XV веке упом. в списках Харатейных грамот, без лет.
5. Иоанн. В XV веке упом. в списках Харатейных грамот, без лет.
6. Афанасий. В XV веке упом. в списках Харатейных грамот, без лет.
7. Феодосий, 1534—47.
8. Алексий, 26 января 1549.
9. Герман, 12 апр. 1556.
10. Сергий, 1558—63.
11. Иоасаф, 1567—84.
12. Евфимий, 1585—89.
13. Лаврентий, 1589—96.
14. Феодор, 1596—1602.
15. Сергий, 1603—05.
16. Варсонофий, 22 янв.1608.
17. Митрофан, в авг. и сент. 1613.
18. Варлаам, в янв., нояб.1614.
19. Кириак, 1616—18.
20. Митрофан, 1619 и 20.
21. Христофор, строит., в февр. 1621.
22. Матфей, 20 апр. 1624.
23. Варсонофий, 1628 и 29.
24. Матфей, 1629, 1630.
25. Варсонофий, 1632 и 33.
26. Павел, 1635— 42.
27. Филарет, 22 февр. 1644.
28. Антоний, 1649—53, 54, мая (sic).
29. Павел, с 1654, бывший упом. в февр. 1861.
30. Филарет, 1660.
31. Каллиник перев. из Сийского, 1662—1664 (sic?).
32. Арсений, 1667.
33. Порфирий, 1672.
34. Иоасаф, 1676— 83.



[327] Книга была переиздана: Строев П.М. Списки иерархов и настоятелей монастырей Российския церкви. М.: Рукописные памятники древней Руси, 2007. 584 с.

35. Кирилл, 1684, сменен.
36. Павел, из протопоппов Холмогорского собора, 1685—90.
37. Иеремия определен 20 нояб. 1690—1700.

А.А. Шахматов, анализируя двинские грамоты XV столетия, приводит свой ряд (последовательность) игуменов Архангельского Михайловского монастыря: Лука, Иоанн, Андриан, Акакий, Афанасий [328]. Анализируя встречающиеся в ранних двинских грамотах имена игуменов и чернецких старост А.А. Шахматов (1864—1920) установил, что игумен Архангельского Михайловского монастыря Лука жил во времена новгородского архиепископа Иоанна и был старше других известных нам игуменов. В качестве доказательств он ссылается на грамоты, составленные от имени Луки (39, 40, 41), из которых можно заключить, что за Лукой следовали Иоанн и Андриан. Игумены Акакий и Афанасий также упоминаются в грамотах (46, 52), но они жили позже и кто из них игуменствовал раньше другого неизвестно. Монастырский староста Степан чернец упоминается при игуменах Луке, Иоанне и Андриане. В одних купчих он называется старостой Стефаном, а в других — Степаном, но это один и тот же человек [329]. При Луке, кроме Стефана (Степана), находим старосту Василия. Отсюда следует, что Стефан стал старостой при Луке, сменив Василия; пробыл затем старостой при игумене Иване (Иоанне) и умер при Андриане. После Стефана старостой становится чернец Федор Андреев, который упоминается (№ 46) и при Акакии, откуда можно заключить, что Акакий был преемником Андриана. Таким образом, Лука старше Иоанна, Иоанн старше Андриана. Таков был ход рассуждений А.А. Шахматова. Так и получился ряд первых игуменов монастыря св. Михаила.

Таблица 9

Список первых игуменов Михайло-Архангельского монастыря

По списку П.М. Строева (1877)	По анализу А.А. Шахматова (1905)
Лука, около 1400 года	Лука
Акакий. В XV веке	Иоанн
Стефан. В XV веке	Андриан
Адриан. В XV веке	Акакий
Иоанн. В XV веке	Афанасий

Проблеме установления игуменства первых преемников Луки посвящены работы В.Г. Мироновой, В.Л. Янина, оспоривших шахматовскую схему последовательной смены архангельских игуменов и старост. Критически оценивает эти возражения В.Ф. Андреев. Из его анализа вытекает, что архангельский игумен Иоанн, принявший бразды правления монастырем сразу после игумена Луки, управлял монастырем на рубеже XIV—XV веков и погиб во время нападения норвежцев в 1419 году.

В списках иерархов и настоятелей монастырей П.М. Строева против имени первого игумена Луки стоит дата «1400» и карандашом «1398». Вероятнее всего, это годы ухода Луки с должности игумена. Можно высказать гипотезу, что это могло быть связано со смутой в Двинской земле в 1398—1401 гг. Неизвестно о том, кого поддерживал игумен Лука в смут-

[328] Шахматов А.А. Исследование о Двинскихъ грамотахъ XY в.. Часть I. СПб, 1903. С. 40.
[329] Шахматов А.А. Часть II. Издание 115 грамот XV века. С. 59—69.

ное двинское время — великое княжество Московское или Новгородскую республику. Это одна из тех исторических загадок, на которую сегодня нет ответа. После Луки игумены и строители монастыря по списку П.М. Строева исчисляются в следующем порядке: Акакий, Стефан, Адриан, Иоанн, Афанасий — в XV веке[330]. Здесь вызывает сомнения упомянутый П.М. Строевым «игумен Стефан», так как А.А. Шахматов под таким именем указывает старосту Степана (Стефана).

Традиционно Лука считался первым игуменом Михайло-Архангельского монастыря, но Н.А. Шумилов поставил под сомнение его первенство. В рукописи XIV века [Описание русских и славянских пергаментных рукописей. Л., 1953; Евангельские чтения с XIV в.] упоминается *игумен Никита*: «поклон от Фрола, господину игумену Миките. Господине игумен, доправили, господине бога дела книги на Двину к святому Михаилу» [331]. Начальником какого двинского монастыря был игумен Микита, — вопрос остаётся открытым. Правильнее не включать Никиту в число действующих легитимных игуменов Михайло-Архангельского монастыря из-за скудности (недостаточности, неполноты) имеющихся источников.

Не вдаваясь в другие детали всей дискуссии по этому вопросу, приведу имена самых первых архангельских игуменов XIV и XV веков. Имена первых пяти игуменов Михайло-Архангельского монастыря приводятся мною с учётом исследований А.А. Шахматова, а последующие игумены даются по списку П.М. Строева. Труды эти базируются на строго документальной основе и имеют непреходящую научную ценность. Мною используются также документы ГААО.

Таблица 10

Игумены Михайло-Архангельского монастыря в XIV—XV веках

№	Даты игуменства - управления монастырем	Имена архангельских игуменов XIV-XV вв.	Примечания
1	1388—1400 гг.	Лука	По грамоте Новгородского архиепископа Ионна III Лука — первый легитимный игумен монастыря. А.А. Шахматов (1903), купчие № 39, 40, 41.
2	1400—1419 гг.	Иоанн	Возможно погиб в 1419 г. в ходе нападения норвежцев, когда монастырь был сожжен [Андреев В.Ф.].
3	Конец 1-й и во второй четверти XV века	Андриан	А.А. Шахматов, 1903
4	XV век	Акакий	А.А. Шахматов, 1903
5	XV век	Афанасий	А.А. Шахматов, 1903
6	1534—1547 гг.	Феодосий	По челобитью Феодосия монастырю дарована царем Иваном IV жалованная грамота 1543 г. [ГААО, ф.57] .
7	26 янв. 1549 год	Алексей	П.М. Строев, 1877.
8	12 апр. 1556 год	Герман	П.М. Строев, 1877.
9	1558—1563 гг.	Сергий	Игумен Сергий упоминается в купчей от 14 мая 1560 года [ГААО, ф.57].
10	1567—1584 гг.	Иосаф	Вкладные «в Архангельский монастырь игумену Иосафу с братией» датируются: 21 марта 1567 г., 1568 г., 29 декабря 1578 г. [ГААО, ф.57].
11	1585—1589 гг.	Евфимий	Грамота царя Федора Иоановича 1586 года. Список с

[330] Списки иерархов и настоятелей монастырей Российской Церкви. СПб,1877. С. 821—822.
[331] Цит. по: Шумилов Н.А. // ГААО Ф. 57. Опись 2 дел постоянного хранения за XV в.—1771 год

			подрядной от 26 августа 1585 [ГААО. Ф.57].
12	1589—1596 гг.	Лаврентий	По его челобитным последовало пять грамот царя Федора Иоанновича [ГААО, ф.57].
13	1596—1602 гг.	Феодор	П.М. Строев, 1877.

Таким образом, в результате проделанного анализа появляется возможность определить хронологические рамки Архангельской благословленной грамоты. Это даты не ранее 1388 года (Иоанн избран новгородским архиепископом в этом году) и не позднее 1400 года, так как игумена Луку сменили в XV веке другие начальники монастыря. Только в эти двенадцать лет 1388—1400 гг. могла появиться данная грамота, поскольку деятельность новгородского архиепископа Иоанна и архангельского игумена Луки пересекалась именно в эти указанные годы.

Годы владычества Иоанна и игуменства Луки	***Датировка благословленной Арханельской грамоты***
Новгородский архирей (архиепископ) Иоанн III 7 мая 1388—20 января 1415 гг. Игумен Михайло-Архангельского монастыря Лука 1388—1400 гг.	**1388—1400 годы**

Продолжая анализ сложившейся в то время ситуации можно уточнить ещё более узкие хронологические рамки Архангельской благословленной грамоты. Ещё не утвержденный в Москве, но уже выбранный и фактически исполняющий свои обязанности, Новгородский архиепископ Иоанн в полной мере занимался всеми текущими делами. Архангельская грамота не могла появиться ранее 7 мая 1388 года, так как до этой даты новгородским владыкой был другой человек — Алексий. Вероятнее всего, выбранный новгородский архиепископ Иоанн в ответ на требование двинян, что фиксируется в тексте самой грамоты, утвердил благословенную грамоту ещё до конца 1388 года, поставив на ней свою печать как символ власти. На благословленной грамоте не поставлена дата, зато имеется Архиерейская свинцовая печать. Печать как символ власти архирея была передана Алексием вновь избранному архимандриту Иоанну ещё в мае 1388 года. Могла ли такая печать находится в других руках, не у новгородского архимандрита Иоанна, — это очень маловероятно.

Необходимо подчеркнуть, что требование о благословении вседневной службы у св. Михаила («*что есть потребовали милости Божіей св.Михаилу вседневную службу*») в грамоте прописано не только от имени игумена монастыря и других официальных лиц, бояр, но от всех купцов и всех крестьян от Емцы и до моря. Общественная инициатива исходила в форме требования снизу от населения Двинской земли, а не была только актом церковной власти сверху из Новгорода. Иоанн, выбранный 7 мая 1388 года, не мог не реагировать самым оперативным образом на требования двинян, выраженное таким способом. Он благославил обитель св. Михаила, не дожидаясь, когда сам будет хиротонисан митрополитом в Москве. Тем более, что от него требовалось обычное рутинное благословление двинской православной обители, утверждение игумена монастыря, а не предоставление каких-то льгот, жалование земель, крестьян. Не известны какие-то изменения содержания благословенной архангельской грамоты игумену Луке в последующие годы. Видимо так и не будут известны многие другие исторические обстоятельства из-за скудности источников, утрачен-

ных со временем документов. Но не вызвает сомнений и более ранняя дата зарождения монастыря.

Монашеская обитель в устье Северной Двины была основана значительно раньше указанной даты. На этом месте скорее всего первоначально появилась пустынь, а затем уже и сам монастырь с братиею. Кто первый пришел и облюбовал это ключевое место на Пур-Наволоке в устье реки Северной Двины, — это действительно сокрыто от нас в глубине прошедших столетий. Однако многие православные монастыри традиционно начинались именно таким путём: сначала пустынь, один, два монашествующих, а затем появление новых иноков, монастырской общины и церковная легитимизация их обители. Поэтому, учитывая традиции появления монастырей на Руси, указывая 1388 год как дату основания Михайло-Архангельского монастыря, отнюдь не грешим против исторической истины. Ибо просто неизвестно кто был первым монахом — основателем этой двинской обители.

Очень важно отметить, что анализ самого текста документа четко и недвусмысленно показывает, что монастырь уже фактически существовал даже до появления самой благословенной грамоты. Относя благословенную грамоту ко времени Иоанна третьего в XIV веке, А.Кириллов философски замечал, что нет оснований отрицать существование монастыря святого Михаила и гораздо раньше описываемого времени. В подтверждение этого тезиса священник Аркадий Кириллов приводил в 1898 году следующие веские аргументы:

- Новгородский архиепископ своею грамотою только *благословляет вседневную службу* у св. Михаила, что предполагает уже довольно значительный штат монашествующей братии и благоустроенность монастыря.
- Одновременно архиепископ Иоанн «благословляет игуменом Луку», чем не отрицается существование до его *старцев-строителей* в первые времена монастыря.
- Сама грамота является следствием ходатайства двинских новгородских властей только о вседневной службе у св. Михаила, так как монастырь в описываемое время был одновременно и приходскою церковью для окрестных жителей, что видно из текста самой грамоты «а ты игумен, со всем собором и стадом св. Михаила Бога моли за всех крестьян».

Возникновение монастыря св. Архистратига Михаила на основании анализа текста самой грамоты следует относить к более раннему времени, чем конец четырнадцатого века. Михайло-Архангельский монастырь действительно основан ранее 1388 года и может иметь по словам В.В. Крестинина «превосходную древность между Российскими монастырями». Ранее, а не позднее, — это очень важно при определении искомой даты. Доподлинно известно, что подлинник благословенной грамоты хранился в Михайло-Архангельском монастыре до 1812, 1813 годов (Амвросий, Молчанов подтверждают этот факт). По анализируемой благословенной Архангельской грамоте именно Лука, а не кто-то другой стал первым легитимным игуменом Михайло-Архангельской обители с конца XIV века.

В полном православном богословском энциклопедическом словаре упоминается, что «Михайло-Архангельский монастырь — расположен на окраине Архангельска, основан ранее XIV века» [332]. Ещё один аргумент о более раннем возникновении Михайло-Архангельского монастыря относится к содержанию челобитной XVII века. В копии рукописной чело-

[332] Полный православный богословский энциклопедический словарь. Т.1. С. 240.

битной игумена Иеремии царям Петру и Иоанну, ходатайствуя о льготах для монастыря, в качестве аргумента приводится: «*а тому, государи, богомолию (то есть монастырю св. архистратига Михаила) больши 500 лет».* Эта копия с челобитной игумена Иеремии от 1695 года (1695 – 500 = 1195) была найдена в бумагах монастыря И.М. Сибирцевым. К сожалению никаких других, даже косвенных свидетельств, подтверждающих указанную дату, более не сохранилось. Имеется предположение, что своим существованием монастырь обязан был «*усердию какой-нибудь богатой Новгородской фамилии*», имевшей свои владения в Заволочье. В харатейных грамотах, относимых П.М. Строевым к XIV веку, в купчих монастыря на разные угодья при игуменах Акакии, Иоанне и Афанасии упоминается, что монастырь св. Михаила располагал по тому времени *очень большими средствами*. О конкретных благодетелях Михайло-Архангельского монастыря древность не даёт ни одного указания. И откуда могли взяться «очень большие средства», если по выражению летописца, монастырь поставлен «не от князей и бояр, а слезами, постом и бдением».

Таким образом, исследуя возникновение Михайло-Архангельского монастыря можно рассматривать не менее четырёх концептуальных вариантов времени появления благословленной грамоты Иоанна третьего архангельскому игумену Луке.

1. В самом первом по хронологии варианте основание монастырской обители в устье Северной Двины относится к XII веку (В.В.Крестинин). Однако доказано, что Архангельская благословенная грамота новгородского архиепископа могла появиться только при Иоанне третьем в 1388—1415 гг. Первые два новгородских архирея с тем же самым именем Иоанна не имели к этой грамоте никакого отношения.
2. Обитель св. Михаила, давшая начало Архангельску, получила легитимный церковный статус с 1388 года. Иоанн третий, выбранный 7 мая 1388 года, не мог не реагировать оперативно на требование двинян, идущее снизу. На благословленной грамоте не поставлена дата, но имеется архиерейская свинцовая печать, что подтверждает подлинность документа. Анализ текста благословенной грамоты позволяет сделать вывод о том, что монастырь появился даже раньше архирейского благословления, ранее, а не позднее, поэтому датировка 1388 годом вполне исторически обоснована.
3. Поздние сроки датировки архангельской благословенной грамоты не ранее 8 февраля 1389 года года и не позднее 20-го января 1415 года [В.Ф. Андреев] более уязвимы, чем 1388 год, так как деятельность новгородского архиепископа Иоанна третьего и архангельского игумена Луки пересекалась только в 1388—1400 гг. «Соиде со владычества» Иоанн не позднее 20 января 1415 года, а Лука был игуменом до 1400 года. Основание монастыря в хронологических рамках 1389—1415 гг. маловероятно ещё и потому, что он существовал даже ранее 1388 года.
4. А.А. Шахматов писал о том, что *«Архангельский Михайловский монастырь основан в XIV столетии»*, но одновременно относил благословенную грамоту Иоанна к 1388—1414 гг. Здесь явное противоречие, монастырь как бы основан в XIV веке, а сама грамота могла появиться и в XV веке.

Других документальных свидетельств о начале Михайло-Архангельского монастыря, кроме анализируемой грамоты, к сожалению не сохранилось. Замечу, что почти не вызывает возражений самый главный тезис об основании этой обители в конце XIV века. Разночтения в датировке Архангельской благословленной грамоты связаны в основном с конкретным го-

дом. Когда я писал в 1967—1968 годах курсовую работу о дате основания Архангельска, моим научным руководителем был профессор Георгий Георгиевич Фруменков, и мы вели дискуссию только о том, когда был основан город Архангельск — в 1584 или в 1583 году. Прошли годы, не мало было сломано «научных копий» в бесплодных поисках ответа. Система аргументов, мой подход к анализу документов нашли позитивное отражение в работах А.А. Куратова, Г.Г. Фруменкова, других авторов, чем я горжусь. Годом раньше, годом позже, но в 1583—1584 гг. была построена всего лишь деревянная военная крепость, которую официально назвали «городом» и не более того. А сам Архангельск, как монастырское поселение, оказался старше этой военной крепости как минимум почти на двести лет. В своей истории Архангельск неоднократно изменял свою функциональность, строился, эволюционировал, но существует он всё-таки на этом месте в окружении двинского ландшафта с конца XIV века.

Кто-то следующий за нами, отодвинет дату основания Архангельского града ещё лет на двести, а то и более лет тому назад. Это совершенно нормальный бесконечный процесс познания. При обосновании даты основания города Казани в качестве важнейших аргументов использовались данные археологических исследований. Архангельские археологи имеют возможность отнести дату основания Архангельска на более ранний период, чем конец четырнадцатого столетия. Может действительно поискать истоки архангельской городской жизни в Кегострове, Соломбале и других близ расположенных местах. «*Надеюсь, что установить истину поможет выявление дополнительных исторических источников и проведение тщательных археологических раскопок*», — писал Владимир Николаевич в своём учебном пособии «Русский Север» ещё в 2006 году [333].

Принципиально важно, что в отечественной истории город всегда «*подвергался большим изменениям, в разные времена принимал чрезвычайно разнообразные формы*»[334]. В.О Ключевский называл городом даже один загороженный, укрепленный двор. Поэтому совершенно оправданно методологически искать в начальной истории Архангельска хотя бы один двор, самый первый, который появился на месте будущего городского поселения, трансформировавшегося затем в легитимную монастырскую обитель, военную крепость-заставу, город-порт, городской посад. Ответ на вопрос: «Когда появился первый монах и поставил своё жилище (келью) в устье Северной Двины на Пур-Наволоке», — даёт историческую дату основания Архангельска. Такой концептуальный подход к рождению Архангельского города ближе к исторической истине, чем другие версии.

В заключение отмечу, что дата рождения монастырской обители в любом случае будет датой рождения Архангельска в устье Северной Двины. Великий Новгород учредил в устье Северной Двины на мысе Пур-Наволок в XIV столетии (1388) духовно-православную обитель — монастырь святого Михаила Архангела. Москва в конце XVI века (1583—1584) построила государеву военную крепость (город). Монастырь Михаила Архангела стал фактором духовно-культурной жизни в устье Северной Двины задолго до строительства здесь военной крепости и морской пристани. Если вести летоисчисление Архангельска от основания Михайло-Архангельского монастыря, то возраст этого русского православного города составляет более шести столетий.

---

[333] Булатов В.Н. Русский Север: Учебное пособие для вузов. С. 486.

[334] Ключевский В.О. Сочинения в восьми томах. Т.6. Специальные курсы. М., 1959. С. 239.

4.2. Социально-экономическая жизнедеятельность обители св. Михаила

Михайло-Архангельский монастырь легитимно функционирует с конца XIV века в стратегически важном для обеспечения безопасности и развития торговли месте Двинской земли — в устье Северной Двины, дающей выход всей России к морской дороге через студеные северные моря. Монахи построили в устье Северной Двины деревянные церковь, кельи, житные и рухлядные амбары, ограду. Они наряду с духовно-религиозной вели и хозяйственную деятельность. Широко известное летописное упоминание о Михайло-Архангельском монастыре относится к 1419 году. В тот год на мирные поселения в устье Северной Двины напали норвежцы, которые в итоге всё же получили достойный отпор.

Первые точные указания *о численном составе братства Михайло-Архангельского монастыря* находятся в грамоте Ивана Васильевича на имя игумена Феодосия. На содержание игумена и 35 старцев в виду хлебной скудности монастыря от частых неурожаев по причине ранних морозов и наводнений двинским властям предписывалось выдавать из царских житниц по 70 четвертей ржи и по 70 четвертей овса. В Михайло-Архангельском монастыре хранился список с жалованной грамоты великого князя Ивана Васильевича о даче милостыни 35 братам с игуменом, датируемый 6 марта 1543 года [335].

Голод был вполне реальной угрозой в те времена. В 1549 году, сообщал Двинской летописец, — хлеб был дорог на Двине. Людей мерло много с голоду, клали в одну яму мертвых по 200 и по 300 человек. Очевидно померли и монастырские старцы, а иные разбрелись от хлебной скудности и скитались по миру. В 1551 году из грамоты царя на имя старца священника Сергия пришло указание хлеб давать только на 12 братов, а на 23 брата впредь хлеба не давать. Потому что из монастыря «разошлися».

В 1550 году, как сообщала Холмогорская летопись, на Двину приехали писец Иоанн Петрович Заболоцкой да Дмитрий Иванович Темирев. В выписках из писцовых книг Заболоцкого упоминаются постройки в монастыре св. Михаила — церковь Михаила Архангела и другая теплая церковь Ильи Пророка. В 1587 году в писцовых книгах князя Василия Звенигородского в монастыре были: церковь Архистратига Михаила, церковь теплая покров пречистыя Богородицы с трапезою (по писцовым книгам И. Заболоцкого — в честь Ильи Пророка), колокола на колокольницах; в монастыре в келье игумен Евфимий, да тринадцать келей, а в них братии 42 старца. Как видим, количество братии в монастыре к концу XVI века снова возросло и даже превысило уровень 1542 года.

Михайло-Архангельский монастырь *в административном отношении, в делах духовного правления* со времени своего основания до учреждения в 1682 году архиепископии Холмогорской и Важской был подчинен Новгородскому владыке. Права Новгородского архиепископа над монастырем были точно указаны в жалованной грамоте Иоанна Грозного от февраля 1542 года. В период с 1571 года во время опалы Иоанна Грозного на Новгород монастырь был присоединен с Двинской областью, Вагой, Холмогорами и Каргополем к Пермской и Вологодской епархии, но после смерти Грозного тотчас возвращен был Новгородскому владыке [А.Кириллов]. До первой четверти XVI века монастырь св. Михаила не имел общежительного устройства, как и другие монастыри северных территорий, бывшие пустынями и скитами. Михайло-Архангельский монастырь имел около себя *приход*, как и обычная

[335] ГААО. Ф.57. Оп.2. Д.16. Л.1—11.

приходская церковь. В Новгородской епархии общежитие вводится во всех монастырях с 1528 года.

Монастыри выполняли ещё одну очень важную функцию, имели характер благотворительных заведений, убежищ для старости и немощи. Их богатства предназначались на оказание помощи бедным, обеспечение пристанища (приюта) беспомощным, старым и немощным. В монастыре среди старцев были нередко и знатные, богатые люди, которые удалялись в монастыри, чтобы успокоиться и окончить дни свои в молитве и монастырском уединении. Они отдавали монастырю свои вотчины, делали богатые вклады. В монастырях как в самых укрепленных и надежных местах хранились частные сокровища, то есть монастыри играли ещё и роль своеобразных банков того времени.

С первых дней своего существования Михайло-Архангельский монастырь обогатился недвижимыми имениями — пахотными и сенокосными землями, рыбными ловлями, соляными варницами. Расширение монастырских вотчин происходило дарованием Михайло-Архангельскому монастырю разных льгот и монастырских крестьян. Часто это происходило путем покупки и мены с государственными крестьянами, через вклады и пожертвования частных лиц на помин души и главным образом через «селитьбу» на пустопорожних землях. Меньшее тягло, льготы и «заступление» (заступничество) монастырских властей против светских привлекали на монастырские земли более густое население. Пахотные и сенокосные земли, рыбная ловля, принадлежавшие монастырю, ко второй половине XVI века раскинулись на пространстве всего Архангельского уезда. Многие деревни в округе возникли из первых поселений монастырских крестьян на принадлежавших монастырю землях.

В архивах северных монастырей и приходских церквей, включая обитель св. Михаила, хранились акты по истории социально-экономического развития Двинской земли. Наиболее значительное количество актов XVI века обнаружено в собраниях Антониева-Сийского монастыря (более 1200), Соловецкого (более 1000), Кириллова-Белозерского (более 400) [336]. Из известных новгородских купчих подавляющее большинство относилось к Двине — 95, причем 62 из них дошли до нас в подлинниках[337]. Жизни черной крестьянской волости касались выписки из писцовых и окладных книг, волостные разрубы, платежные отписи, оборочные и льготные грамоты, расписки земских властей об уплате налогов.

Базой экономики в XIV—XVI веках в Двинской земле, где был расположен Михайло-Архангельский монастырь, являлась традиционная система хозяйствования, натуральное сельское хозяйство, охота, рыбная ловля. Основой хозяйства для двинского крестьянина служил не только земельный участок, им обрабатываемый, но и лесные, морские, речные и озерные промыслы. Михайло-Архангельский монастырь владел земельными и водными участками, обладал рыболовными водными угодьями, судами, был покупателем и продавцом, кредитором и менялой. Часть рыболовных тоней (тоня — это участок для ловли рыбы) монастырь сдавал в аренду зажиточным крестьянам, получая за это денежную плату или долю промысла. Другим источником приумножения монастырских владений были вклады по душе, для заупокойного поминовения, на помин души; а также вклады для пострижения. Монастырь совершал сделки купли-продажи, что находило отражение в купчей. Давал

[336] Акты Соловецкого монастыря 1479—1571 гг. /сост. И.З.Либерзон. Л.: Наука, 1988.
[337] Андреев В.Ф. Новгородский частный акт 12—15 веков. URL: http://www.bibliotekar.ru/rusNovgAkt/6.htm (дата обращения: 16.07.2014).

деньги под залог вотчины — закладная. Покупал малоценную землю и менял её на более ценную с доплатой деньгами — мена вотчинами. Была мена с придачей и приплатой, существовали вклады по душе со сдачей. Эти и другие юридические сделки основывались на нормах древнерусского гражданского права. Монастырь стал центром притяжения для других существующих поселений в Двинской земле за счет выполнения самых разнообразных функций. Здесь заключались и оформлялись разные юридические сделки, хранились публичные акты или иные документы, касающиеся владения рыбными тонями, земельными участками, орудиями промыслов. Уцелели десятки купчих, закладных, данных, меновых, договорных и иных крестьянских частных актов XV—XVI веках.

В ГААО среди 571 дела постоянного хранения, входящих в фонд 57 Михайло-Архангельского монастыря, имеются списки с продажных записей, купчие, менные, отводные, закладные, отступные, мировые записи, расписки, оброчные, квитанции и другие акты, характеризующие социально-экономическую жизнь непосредственно двинских крестьян XVI века. В них упоминаются имена наших предков, названия поселений, существовавших в то время. Тем самым история персонифицируется, наполняется живым содержанием.

В монастырь поступали пожертвования и земельные пожалования от новгородских и двинских бояр. В ГААО имеются датируемые XV веком списки с данной и с купчей новгородского боярина *Филикса Прокшинича*, отдавшего в монастырь свои тони на летней стороне в реке Сяртех и по Глубокому ручью [338]. Это одна из известных в Новгороде боярских фамилий. В числе участников похода новгородских повольников в Югру ещё в 1193 году упоминается Яков Прокшинич. В 1243 году новгородская летопись известила о кончине знаменитого боярина Вячеслава Прокшинича, который удалясь от мирских дел, постригся в Хутынский монастырь и принял имя Варлаама; его погребение совершал сам владыка новгородский Спиридон.

Данная (вкладная) старца Афанасия Никитина[339] монастырю Архангела Михаила на *Соломбальскую деревню*, купленную у Павловых датируется 17 мая 1523 года [340]. Интересно, что ещё 6 марта 1519 года Анна Васильевна Павлова с двумя сыновьями оформила продажную отпись Анфалу Никитину на треть Соломбальской деревни. Этой же датой датируется купчая Анфала Никитина у двух братьев Игнатьевых Васильевых на треть деревни Соломбальской со всеми угодьями. Небольшая Соломбальская деревня входила территориально в состав Архангельска вместе с монастырем, ею владевшим. Всё Соломбальское селение было присоединено к городу по указу Александра второго от 18 февраля 1863 года, то есть 340 лет спустя.

По *вкладным* свои тони для ловли рыбы пожертвовали Михайло-Архангельской обители на помин души своих родителей и родственников Григорий и Тимофей Васильевы с Кегострова, Терентий и Яков Кирилловы Вознесенского прихода, Василий, Матфей, Дмитрий и Игнатий Ивановых Леонтьева, соломбалец Михаил Антонов Коптяков. Вкладная Василия, Матфея, Дмитрия и Игнатия Ивановых Леонтьевых в Архангельский монастырь на их участок тони на Хеченеме рыбной ловли «красная рыба ловити» на помин родителей и родственни-

---

[338] ГАОО. Ф.57. Оп.2. Д.1

[339] Анфал (Афанасий) Никитин, упоминаемый в частных документах 1519,1523 гг., является однофамильцем известного ушкуйника Анфала Никитина, погибшего ещё в 1418 году на Вятке, сто лет тому назад.

[340] ГААО. Ф.57. Оп.2. Д.6. Л.1

ков их датируется 1566 годом. Вкладная Василия Иванова Леонтьева в Архангельский монастырь игумену Иосафу с братией от 21 марта 1567 года была дана на треть невода рыбные ловли в Нячере на Двине тони. Имеется его же Василия Иванова Леонтьева вкладная от 29 декабря 1578 года в Архангельский монастырь игумену Иосафу с братией на одну шестую долю в Нячере. Вкладная Матфея Иванова Леонтьева в Архангельский монастырь датирована 1568 годом на треть невода на его участок, что от братьи с делу досталось. Всего в ГААО имеются 9 вкладных, которые датируются 1523, 1565—1566 гг., 1568, 1578, 1620, 1622, 1625 годами.

Три данных в Михайло-Архангельский монастырь датируются 1571, 1630, 1645 годами. Так, игумену Иосафу 27 мая 1571 года на поминовение дяди дали данную Григорий и Тимофей Васильевы на их участок тони в Хеченеме для ловли красной рыбы. Павел Сазонов в *духовной грамоте* от 18 апреля 1571 года разделил своё движимое и недвижимое имущество между родственниками, Архангельским монастырем и церковью Вознесенского прихода [341]. Имеется список с данной от 28 ноября 1546 года Терентья Карпова в приданое за дочерью своей Феклой Логину Киприянову на поженку по Двинскому заливу, на правой руке из Неноксы едучи, три остожья [342]. В духовной Палладии Степановой, датируемой 5 мая 1534 года, говорилось «*кому что дати и у кого что взятии*» из её движимого и недвижимого имущества душеприказчику зятю её Григорию Фомину [343].

Монастырь не только принимал добровольные пожертвования, но и сам приобретал землю, рыбные тони, суда путем оформления купчих. Так были приобретены у Маныловых детей три участка в Толботове погосте, лодья у Ненокских крестьян и др. Купчая Архангельского монастыря старосты Нестора Моисеева у Маныловых детей на три участка в Толботове погосте с обозначение границ за 10 рублей «московских» датируется 1534 годом [344]. В соответствии с продажной записью (купчей) от 14 мая 1560 года игумену Сергию за 8 алтын и 2 деньги Василий и Нестер Леонтьевых Неклидовых из Соломбалы продали участок в тонях на летней стороне в Ловкате на море [345]. По *менной* Алексея Григорьева Макарова и его жены архангельскому старосте Андрею Савину Карандашу и всему приходу Архангела Михаила деревня в Уйме обменивалась в 1519 году на полдеревни в Яковле Курье [346].

Отдельные акты регулировали совместную хозяйственную деятельность монастыря с местным населением, их имущественные отношения. Имеется *договорная запись* 1554 года «Есипа Олферьева, Ивана Федорова да Онисима Патракеева Анореямовых» с архангельским келарем Сергеем Есиповым о совместной ловле рыбы по половинам в тоне на Андреяновом берегу [347]. *Дельная* старца Михайло-Архангельского монастыря Феодорита Тимофеева да Фрола Стефанова и Никиты Федорова по половине Логинской полдеревни и Емельяновской полдеревни от 2 октября 1565 года регулировала их имущественные отношения.

Продавались, закладывались рыболовные участки— тони в Малой и Большой Нячере на Двине, Кегострове, на Андреяновом берегу и в других местах. Упоминались поселения

[341] ГААО. Ф.57. Оп. 2. Д.30. Л.1
[342] ГАОО. Ф.57. Оп.2. Д.9.
[343] ГАОО. Ф.57. Оп.2. Д.12. Л.2.
[344] ГААО. Ф.57. Оп. 2. Д. 12. Л.2
[345] ГААО. Ф.57, Оп. 2. Д. 26. Л.1
[346] ГАОО. Ф.57. Оп.2. Д.5. Л.1
[347] ГААО. Ф.57. Оп. 2, Д. 25. Л.2

Кехта, Кегострово, Ненокса, деревни Букаркинская, Верхняя Рыболова, Емельяновская, Ермолинская, Логинская, Ластоха, Лая, Часовенская, Фофановская и другие. Федотья Тимофеева Попова покупала в 1526 году у Иосифа Иванова Вачева три поженки в Ижме. При продаже поженок единицей измерения нередко служили остожья. Раздельная Ермолы, Леонтия и Архипа Остафьевых с двоюродными братьями от 25 мая 1528 года регулировала наследство «своих отцов» [348]. В дельной грамоте 1526 года Василия Фокина с его братьями на все «статки» их отца разделено «*по ровну и по любви и с доброй воли*» [349].

Имеется список с тяжебного дела архангельского старца Ионы с Трофимом Ярановым, Иваном Епимаховым, Мартемьяном и Павлом Жигалевыми о Хахине острове и других уемских землях [350]. Договор Олфера Павлова и Нестора Софронова от 22 сентября 1523 года регулировал их бесспорное (ровное) пользование землёю «худою и доброю»[351].

Из закладной 1541 года Максима и Степана Кузминых Чевакина из Кехты у Пимина Истомы Степанова Пятутина можно узнать, что «треть Ермолинской деревни в Кехте Чевакина у часовни» закладывалась за шесть рублей без десяти алтын [352]. В закладной от 25 июля 1543 года Ларивона Елизарова Кулакова из Ластолы опять тому же самому Пимину Истоме Степанову Пятутину указывается четыре рубля да полчетверти гривны на год с уплатою роста вперед.

Возле монастырей, издавна являвшегося естественным центром близлежащей округи, обычно возникали многочисленные торжки («рынки»), велась оживленная торговля. С.В. Бахрушин в своей книге «Очерки по истории ремесла, торговли и городов русского централизованного государства XVI—начала XVII в.» очень точно подметил, что скупка сырья и деревянной ремесленной продукции производилась на многочисленных торжках и ярмарках, которые в XVI веке возникали в сельских местностях и небольших городах и обслуживали в первую очередь местные районы. «Раньше всего такие торжки вырастают под стенами больших монастырей и приурочиваются к местным праздникам» [353]. Вся страна покрывалась сетью больших и мелких рыночных центров. Такой торжок — местный «рынок» в устье Северной Двины у стен Михайло-Архангельского монастыря обслуживал всю близлежащую округу. Местные крестьяне приходили, приплывали к монастырскому поселению на Двине не только помолиться, себя показать и на людей посмотреть, но и что-то обменять, купить, посмотреть на цены и определиться со своими планами на будущее.

Монастыри в новгородских владениях по общему порядку были обложены разными данями и повинностями в пользу святой Софии. Кроме даней и пошлин Новгородскому владыке соборы, церкви и монастыри со своего недвижимого имущества, со своих вотчин, несли все податные сборы и повинности в пользу государства наравне с другими вотчинниками. В ГААО сохранилось небольшое количество квитанций (отписей) о том, что Михайло-Архангельский монастырь исправно платил в казну пошлины с владений монастыря от 16 ноября 1573 г., 23 октября 1574 г., 21 октября 1575 г., 21 октября 1576 г., 5 ноября 1579 г., 16 декабря

[348] ГАОО. Ф.57. Оп.2. Д.11. Л.1.
[349] ГАОО. Ф.57. Оп.2. Д.10. Л.1.
[350] ГАОО. Ф.57. Оп.2. Д.14. Л.1—12 (17 кадров).
[351] ГАОО. Ф.57. Оп.2. Д.7. Л.1.
[352] ГАОО. Ф.57. Оп.2. Д.15. Л.2.
[353] Бахрушин С.В. Очерки по истории ремесла, торговли и городов русского централизованного государства XVI— начала XVII в. М.: АН СССР, 1952. С.40

1581 г., 19 декабря 1584 года[354]. Монастыри из своих поселений отправляли людей в военные походы.

Михайло-Архангельский монастырь постоянно получал и разные льготы от царской власти. Первая жалованная грамота Великого князя Ивана Васильевича (Иван IV) от 1542 года впоследствии была подтверждена царем Федором Иоанновичем 8 июня 1592 г. (о невзимании ни дани, ни оброку, никаких других служб); Борисом Годуновым 25 января 1599 г.; особыми грамотами Лжедмитрия в 1606 г., Василия Шуйского 18 февраля 1607 г., царя Михаила Федоровича в 1624 году. В царской жалованной грамоте Михайло-Архангельскому монастырю (1542) была дарована милость в несудимости монахов и монастырских крестьян царскими наместниками и воеводами, а впоследствии земскими судьями, кроме дел о душегубстве и разбоя с поличным. Монастырские дворы освобождались от постойной повинности; монастырские запасы до десяти возов при закупке их в Вологде или Каргополе — от таможенных пошлин и др.

В монастырском архиве хранился список с жалованной грамоты великого князя Ивана Васильевича на Двину на Матигоры ключникам Онцыфору Федорову Лумбуеву да Ивану Захарову по челобитью игумена монастыря Феодосия с братиею и даче милостыни 35 братам с игуменом из царских житниц по две четверти ржи да по две четверти овса московских. Список датирован 6 марта 1543 года [355]. В ГААО имеются также список с грамоты Иоанна Васильевича по челобитной Архангельского монастыря слуги Васьки Нефедова да Никольского монастыря слуги Тараски Никитина от 25 апреля 1558 года; грамота царя Федора Иоанновича 1586 года; список с грамоты царя Федора Иоанновича о не взимании дани, оброку, других служб с Архангельского монастыря от 8 июня 1592 г.; список с жалованной грамоты царя Бориса Федоровича Архангельскому монастырю с подтверждением прежних прав на льготы от 25 января 1599 года; список с жалованной грамоты царя Василия Ивановича Шуйского с подтверждением прежних прав Архангельского монастыря от 18 февраля 1607 года и другие [356].

Владения Михайло-Архангельского монастыря троекратно были перечислены в писцовых книгах И. Заболотского (1553); князя В. Звенигородского (1587) и Мирона Вельяминова (1622—1624 гг.). В 1542 году у Михайло-Архангельского монастыря были крестьяне «*в Низовской волости, в Лисьостровском стану, в Заостровском стану, в Великокурском стану, в Ккяжостровском стану, в волости Уйма; на Холмогорах, в Неноксе и Уне три двора монастырских*»[357]. По переписи Мирона Вельяминова Михайло-Архангельскому монастырю принадлежали 31 деревня, а в них шесть дворов монастырских, 43 двора крестьянских с количеством 89 человек, 5 дворов бобыльских, 3 двора пустых. Земли пахотной средней монастырь имел 54 четверти, худые — 24; перелогу худые земли 180 четвертей; сена 851 копна; лесу в разных местах 58 десятин. В разных местах имелись сенокосные земли, рыбные ловли. В Неноксе были двор монастырский и амбары, соляные варницы. Монастырь имел во владении три мельницы. За земельные угодья и различные промыслы монастырь должен был платить многочисленных сборов на значительную в то время сумму 28 рублей 20 алтын.

[354] ГААО. Ф.57. Оп. 2. Д. 33,34,35,37, 39, 40, 42, 43 и др.
[355] ГААО. Ф.57. Оп. 2. Д. 16. Л.1—11.
[356] ГААО. Ф.57. Оп.2. Д. 24, 49, 55, 56, 224.
[357] Крестинин В.В. Исторические начатки о Двинском народе древних, средних, новых и новейших времен. СПб, 1784. С. 30—31

Ежегодно монастырь посылал зимой возы, а летом — суда с рыбой и солью в Каргополь, Вологду. Обратно они везли хлеб. В 1583 году у стен монастырских построек началось строительство деревянной военной крепости и морской пристани.

4.3. Строительство военной крепости и морского порта

4 марта 1583 года от царя Ивана Васильевича была послана грамота двинским воеводам П.А. Нащекину и А.Н. Залешанину-Волохову, в которой говорилось:

«Писали есте (т.е. вы. Л.Ю.) к нам о Двинском о городовом деле и роспись и чертеж тому городу к нам прислали: и мы тое росписи вычли и чертежу смотрили, и указали поставити город на том месте и по той мере, как в вашей росписи и в чертежу написано;

а Архангелскому монастырю, церковь и кельям указали есми им быти в городе, а которые их монастырские службы, и дворы их служни, и всякие монастырские обиходы и тем службам и двором и всяким монастырским обиходом указали есми (т.е. мы. Л.Ю.) быти за городом;

а что монастырские земли отойдет под город и к городу, и под посады, и для животинного выпуску, и для всяких городовых нужъ, и против тое монастырские земли въ отменъ указали есмя к монастырю дати пашенные ж земли, столко четвертей или десятин, что у них отойдет под город и к городу.

- И как к вам ся наша грамота придетъ, и вы б часа того велели город делати на том месте и по той мере, по росписи и по чертежу, какову есте роспись и чертеж к нам прислали, наспех, теми посошными людьми, которую посоху к тому городовому делу есмя указали;

а монастыря Архангилского, и церкви и кельи из города бы есте носити не велели, а которые их службы монастырские и служние дворы и монастырские всякие обиходы, опричь келей, из города велели выносити и указали под те монастырские службы и под дворы и подо всякие монастырские обиходы место за городом, где пригоже; а что какие монастырские земли отошли под город и к городу под посады и на выпуск, и вы бы то сметили да по своей смете велели Двинским земским судьям и старостам и целовалником к Архангилскому монастырю отделити из черных земель..., а которые будетъ их монастырские всякие угодья и рыбные ловли под монастырем и вы бъ тех их угодий и рыбных ловель на нас у монастыря не отписывали; а о нарядъ о городовом, и о железъ, указ вам учиним часа того.

Писан на Москве, лета 7091 марта в 4 день»[358].

С этой грамоты продолжается история уже существующего монастырского поселения в устье Северной Двины. Из текста самой грамоты следует, что воеводы посылали смету (роспись) и чертеж города на утверждение царю. В ответ им поступило указание: «*поставить город на том месте и по той мере, как в вашей росписи и в чертежу написано».* Городом называлось всё, что окружено стеною, укреплено тыном или загорожено другим способом[359]. Эту точку зрения разделяли отечественные историки.

Начато ли было строительство военной крепости летом 1583 года. Царь торопил воевод с постройкой: «*И как к вам ся наша грамота придеть, и вы б часа того велели город делати».* Вероятнее всего, летом 1583 года полным ходом начались строительные работы по возведению крепостной стены. Во всех работах помимо наемных работ-

[358] ААЭ. Т.1. С. 380. № 318

[359] Герберштейн С. Записки о Московии. СПб, 1866. С. 112

ников принимали участие стрельцы. О «новом городе», как уже о существующем, упоминается в документах в связи с миссией З.М. Болтина в августе 1583 года. Он должен был встретить английского посла Е. Боуса в Холмогорах, извиниться перед ним и велеть готовить суда. А Захарье, взяв человека посла, да ехати в *Новогородок*; а приехав говорити от государя Петру Нащокину до Залешанину Волохову опальное слово за задержку посла [360].

Помимо деревянной крепости с боевыми башнями и въездными воротами, были возведены воеводский двор, дворы воевод с многочисленными хозяйственными постройками; съезжая изба, таможня, зелейный двор, тюрьма, гостиный двор, разные амбары и другие постройки. В 1968 году Алексей Германович Гемп обнаружил в областном архиве данную А.Н. Залешанина-Волохова, датируемую 28 июня 1584 года, согласно которой воевода дарил свой двор со всеми постройками Михайло-Архангельскому монастырю.

«се яз Алексей прозвище Залешанин Никифоров сын Волохова дал есми Покрова Пречистой Богородицы архистратига Михайла в монастырь…, что стоит на низу на Двине реке в новом городе двор свой на низу у нового города над Двиною над рекою подле Петрова двора Афанасьевича Нащокина… с верхнюю сторону поставлен, сдал есми тот свой двор в монастырь в поминание по своих родителях и по своей душе и по жене своей Мавре и по своих детях в дар и без отнимки…

Интересно описание двора*:*

«а во дворе хоромов горница стоит с подклетом да повалыша с подклетом, да между горницею и повалышою сени с подсеньем, да у ворот изба, а перед избою сени да мылно с сенцами. На дворе же две клети да ледник с напогребицею да мшаник, а на нем клет да поварня естовная и пивоварная, да два чана пивные да корыто да три чулана да замет кругом двора новый. Да в городе житница у колодезя» [361].

Документ этот датируется лета 7092 от сотворения мира или по юлианскому календарю 28 июня 1584 года. Реальное существование двух воеводских дворов с их многочисленными хозяйственными постройками (баней, ледником, кухней, пивоварней) свидетельствует о том, что они были выстроены ранее, ещё в прошлом году.

Царский указ Ивана Васильевича о строительстве Архангельской городской военной крепости датируется 4 марта 1583 годом (7091 лето). Многие авторы при обосновании даты возникновения «города» Архангельска почему-то ссылались не на эту царскую грамоту Ивана Грозного, подлинность которой никем не ставится под сомнение, а на лаконичные записи в других летописях, даже не пытаясь проанализировать подлинность сообщаемых фактов. Л.Л. Титов, например, составляя «Летопись Двинскую», использовал список «Летописца Двинского», рукопись Н.И. Новикова в XVIII томе «Российской Вивлиофики» и летописец о начале Русской земли, составленный при Холмогорском кафедральном соборе и полученный им от Г.О. Минейко [362]. В «Двинском летописце» и в краткой редакции и в пространной редакции, в «Холмогорской летописи», в «Летописи Двинской», во всех этих источниках по своему содержанию приводится практически один и тот же текст, не соответствующий реально существующим документам.

---

[360] РИО, т. 38. СПб, 1883. С. 75

[361] ГААО. Ф.1408. Оп.2. Д.18

[362] Титов Л.Л. Летопись Двинская. М., 1889.

Прежде всего, 7092 лето или период с 1 сентября 1583 года по 31 августа 1584 года нельзя считать временем приезда воевод, так как из царской грамоты нам известно, что они были на Двине ещё до 4 марта 1583 года — даты подписания этого документа и даже успели составить смету (роспись), чертеж нового города и послать их в Москву на утверждение царю. Кроме того, в актах Лодомской церкви имеется отпись сотника С.Миронова о сборе денег в такие расходы: «*в городовое дело и Петра Афанасьевича Нащекина протори в приезд и в кормы».* Отпись писана лета 7091 сентября 30 день или 30 сентября 1582 года [363]. Воеводы приехали на Двину в 7091 году от сотворения мира (1 сентября 1582 года—31 августа 1583 года), уже имея указания о строительстве новой военной крепости. Они успешно справились с поставленной задачей, составили проектно-сметную документацию, одобренную затем царем, в результате чего появилась двинская грамота.

Сравнительный анализ летописей о дате основания военной крепости в устье Северной Двины

«Двинской летописец»	«Холмогорская летопись»	«Летопись Двинская»
«В лето 7092-е приехали с Москвы воеводы Петр Афанасьевич Нащокин да Залешанин Микифоров сын Волохов, и Архангельской город деревянной поставили однем годом на Пурнаволоке над Двиной рекою за тридцать верст от устья тоя Двины реки. А поставили город круг Архангельского монастыря и съехали к Москве» (ПСРЛ, т. 33, с. 150)	«В 92-м году присланы с Москвы на Двину воеводы Петр Афанасьевич Нащекин да Залешанин Микифоровичь Волохов. И Архангельской город поставили однем годом, и съехали к Москве» (ПСРЛ, т. 33, с. 146)	«1584. Приехали с Москвы на Двину воевода Петр Афанасьевич Нащокин да Залешанин Никифоров сын Волохов; и оные воеводы от морского устья за 30 верст, над Двиной рекою, на Пур на Волоке, круг Архангельского монастыря Архангельской город древянной одним годом поставили и съехали к Москве» (Титов Л.Л., с. 13)

Важно учитывать при этом существующий в те времена официальный государственный подход, который заключался в том, что если есть военная крепость, значит поселение получает статус российского города. Строительство важнейшего градостроительного объекта — военной крепости («города»), начатое весной 1583 года сразу после получения царской грамоты, не было сразу закончено и продолжалось в 1584 году. Учитывая, что военная крепость была введена в строй в 7092 году (до 31 августа 1584 года), можно считать условной датой завершения строительства Архангельской военной крепости август 1584 года.

Защита устья Северной Двины от нападений врагов и внешняя торговля — две важнейшие функции Архангельской крепости и морского порта с первых дней их существования. Поэтому, не случайно в 1583—1584 годах возводились такие строения, как деревянная крепость или «город», морская пристань, гостиные дворы. Строительные работы, начиная с марта 1583 года, продолжались в 1584—1585 годах. Летом 1584 года сооружается морская пристань. В отписи сотника Петра Федорова от 28 декабря 1584 года в получении денежных сборов по розрубному списку с Борисоглебских земель на Лодме упоминались такие расходы:

[363] Акты Холмогорской и Устюжской епархий // Русская историческая библиотека, издаваемая археографическою комиссией (РИБ). СПб, 1908. Т.25. С. 87.

«в челобитье государева воеводы Залешанина Никифоровича, что отставил ратних казаков от города; да что нанял ратнего казака к городу на три месяца; да и в перестой ратних казаков, что настояли у морской пристани» [364].

Строительство «морской пристани» как и деревянной военной крепости несомненно относится к 1583—1584 годам[365]. Однако тут есть одно важное обстоятельство, касающееся начальной даты функционирования Архангельского морского порта. Первый иностранный корабль под командой капитана Класа Янсона вошел в Пудожемское устье Северной Двины и встал на якорь у Пур-Наволока ещё в 1582 году. Значит Архангельский морской порт, ещё даже не имея своей корабельной пристани, принимал торговые корабли на двинском рейде. Поэтому отвечая на вопрос: «Когда начал функционировать Архангельский морской порт» необходимо учитывать и эту дату — 1582 год, как предтечу начала функционирования морской корабельной пристани. В марте 1585 года была образована Архангельская портовая таможня, первым апреля 1585 года датируется царская грамота о денежных сборах таможенной избы города Архангельского [366].

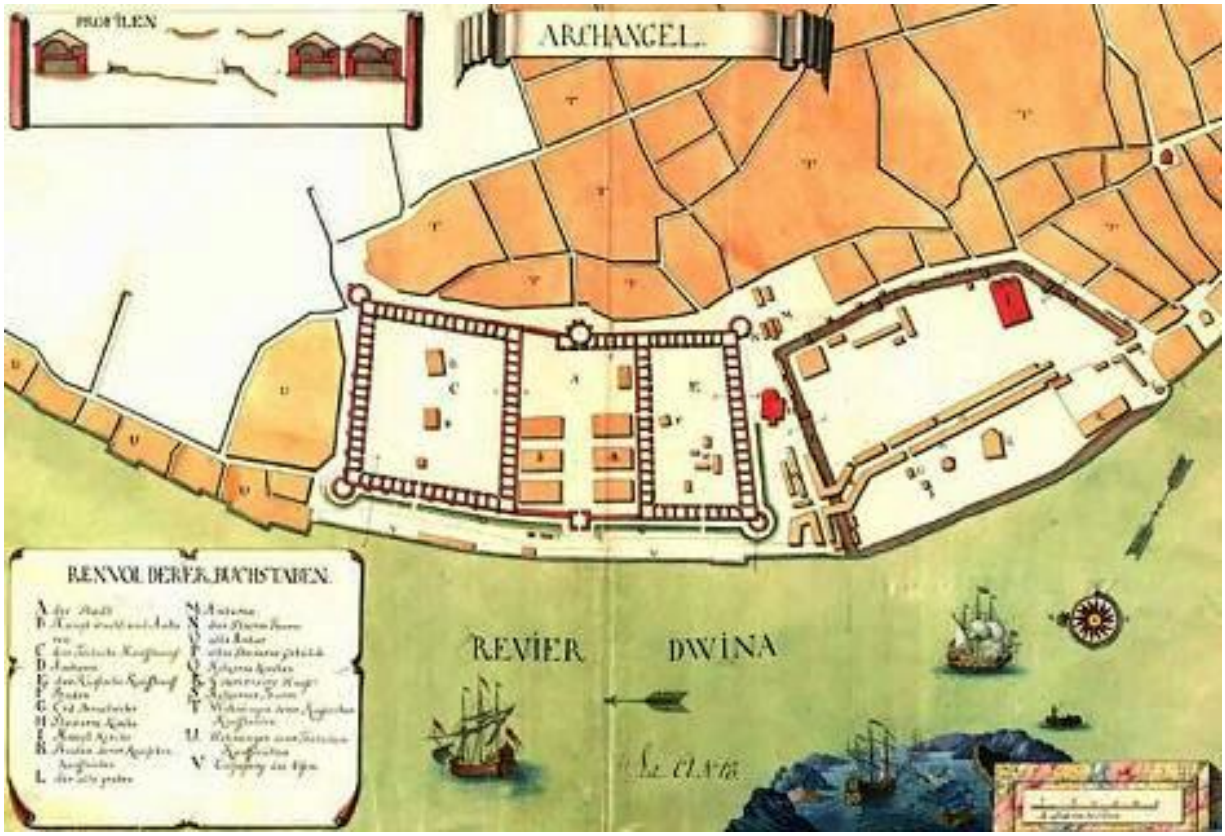


Рисунок 47. Шведская карта Архангельска с Русским и Немецким Гостиными дворами, Троицким собором и церквями

В 1585 году при новом воеводе Петре Васильевиче Чередове, прибывшем на Двину на смену двум прежним Волохову и Нащокину, строятся деревянные гостиные дворы. В от-

[364] РИБ. Т. 25. С. 103—105

[365] Попов Г.П. Архангельский морской торговый порт // Поморская энциклопедия. Т.1. История Архангельского севера. Архангельск: ПГУ имени М.В.Ломоносова, 2001. С. 54.

[366] Крестинин В.В.Краткая история о городе Архангельском. СПб, 1792; Шумилов Н.А. Архангельская портовая таможня // Поморская энциклопедия. Т.1. С. 49.

писи Андреяновского сотника Федора Харлова от 13 июня 1585 года в получении с Егорьевской земли денежных сборов на разные расходы в два разруба, описываются такие расходы:

«*в наём на два месяца плотникам и посошным людям, двенадцати человекам, что у города гостиные дворы и амбары ставят; и в наём ратним казакам*» [367].

В следующей отписи того же сотника Ф. Харлова от 23 июня 1585 года снова упоминаются 12 человек, что строили гостиные дворы и амбары. В 1586 году деньги, собранные П. Федоровым (отпись от 20 августа 1586 года), предназначаются:

«*в наём годовой двум сторожам, что у города на гостиных дворах и в волостную тюрьму».*

Описание деревянных гостиных дворов дает французский купец Соваж, побывавший в Архангельске летом 1586 года:

«Мы выгрузили наш товар на землю — внутри крепости, которая представляет большую загородку, сделанную из матч в виде стены, а внутри находятся восемь десятков или сотня домов, где приезжие купцы складывают товары в своих домах и эта крепость запирается на замок, вместе с другой крепостью для местных купцов» [368].

Гостиные дворы были поставлены рядом с крепостью и этот комплекс стал вторым крупным градообразующим фактором, заняв довольно большое пространство вдоль Северной Двины[369]. Торговым центром Архангельска, ведущего обширную торговлю с иноземными купцами, был немецко-русский Гостиный двор, ставший, по мнению Л.Д. Поповой, тем центром, роль которого во многих других русских городах выполнял кремль [370].

В 1587 году гостиные дворы могли быть перенесены с одного места на другое. Об этом свидетельствует две дошедшие до нас отписи сотника П. Федорова от 29 апреля 1587 года (датируются одним и тем же днем, но по содержанию несколько отличаются друг от друга), делавшего сборы в одной отписи в «государевы два двора, русской да немецкой, *переставливати на нижний конец города*». В другой говорилось:

«государевы гостиных два двора, русской да немецкой, с верхнего конца на нижний конец города переставливати»[371].

Не совсем понятны причины такого переноса только построенных вновь гостиных дворов. Скорее всего, это было сделано по соображениям безопасности, в интересах военных, если гостиные дворы вообще переносились в том году с одного места на другое.

Описание Архангельска как военной крепости и посада сохранили для нас писцовые книги 1622—1624 гг. М.А.Вельяминова. Согласно им город Архангельский (имеется в виду военная крепость. Ю.Л.) деревянный, рублен в две стены, мазан глиною, а у города трое ворот: Архангельские, Воскресенские и Покровские водяные. На городских стенах имелись башни и пушки. В самом Архангельске стояли церкви, одиннадцать братских келий, дворы воеводские, изба съезжая, пять житниц, тюрьма, двор зелейной, таможня, другие дворы и

---

[367] РИБ. Т.25. С. 111

[368] Русский вестник. СПб, 1841. Т.1. С. 228

[369] Попова Л.Д. Архангельск: Очерк истории строительства (конец XVI—начало XX в.). Архангельск, 1994. С.15

[370] Попова Л.Д. История строительства Архангельска (конец XVI—начало XX в.) // Автореф. дисс. …канд. истор.наук. Архангельск, 1995. С. 15

[371] РИБ. Т. 25. С. 123—124

амбары. Выше и ниже по Двине на посаде находились церкви, дома попов, дьякона; кабаки, баня, кузницы, две мельницы, дворы гостиные и другие; много лавок [372].

Для защиты Архангельска был срочно сформирован военный гарнизон, «*ибо*, — как писал В.В. Крестинин, — *новопостроенная крепость без гарнизона праздною не оставляется и на краткое время*» [373]. В уже упомянутой отписи сотника П. Федорова от 28 декабря 1584 года указывается, что собранные деньги идут на содержание «*ратних казаков*» несущих службу в новой крепости и у морской пристани. В отписи сотника П. Федорова, датируемой 25 июня 1585 года упоминаются *«государьские стрельцы».* С лета 1585 года в город посылается постоянный гарнизон из стрельцов и пушкарей, состоящих на службе у государя, которые осели на новом месте, построили дома и образовали стрелецкую, пушкарскую слободы.

Рисунок 48. Одно из первых изображений Архангельска на карте «Tabula Russiae». Европа. XVII век.
URL: http://kleynod.at.ua/foto/a5_1/153.jpg

Архангельский посад или торгово-промышленное поселение, ещё одна ипостась русского города, был образован позднее. В 1587 году к новому городу было приписано несколько десятков жильцов Двинского уезда.

«*По государеву... наказу... написали на Двине к новому Колмогорскому городу в жильцы... Ивана Иванова сына Косицына с товарищи; да з Глинок Степана Фролова сына, да Нестерка Яковлева с товарищи; да с Курцова Сенку Борисова сына Голцова с товарищи; да нижние половины Гришку Никифорова сына Овцына с товарищи; да с Кулуя Гаврилка Дмитреева с товарищи; да с Уны и с Луды Гришку Заслонова, да Юшку Мансурова; да с черных волостей верхние половины с Куроострова и с Ровдины горы Нечайко Негодяев с товарищи; да с Матигор из Быстрокурья Иванки Кирьянова с товарищи; да с Волока с Пенежского Гришку Иванова сына Ивашева с товарищи; с Покровского прихода Аксенка Афа-*

[372] Огородников С.Ф. Очерк истории г.Архангельска в торгово-промышленном отношении. СПб, 1890. С. 49—54
[373] Крестинин В.В. Исторические начатки о Двинском народе … С.40

насьева с товарищи; да с Емецкого стану с Никольского приходу что на Емцы Якова Якимова сына Ортемьева с товарищи; да с Хаврогор Васку Терентьева сына Подносова с товарищи; с Ильинского прихода что в Сии и в Челмохты Михаила Обросимова сына, да Иванку Дерягина с товарищи; да с Ракулы с Покровского и с Рожественского прихода Давыдка Васильева сына Микитина с товарищи; с нижние половины с Ухтострова Шиха Антонова сына Максимова, да Давыда Михайлова сына Яковлева с товарищи; с Великиекуръ Пантелейка Иванова сына Ильина с товарищи; с Койдукурьские волости Тымофеева сына Банева с товарищи; с Княжъострова Истомку Яковлева сына Беляева с товарищи; с Лисьострова да Заостровья Парфенка Афанасьева сына Наваликащина, да Оникея Яковлева сына Починкова с товарищи; с Низовские Луки с Вознесенского приходу и с Мудьюги и с Лодмы Васку Онтуфьева сына Котельникова, да Антонка Копытова, да Лучку Никифорова сына Зеленина, да Игнатия молодых бояр, да Сухана Епифанова с товарищи; а лгота им дана... на пять лет, а в те лготные лета дворы себе поставить и огородити и жити им на посаде в новом Колмогорском городе торговати, а корчемного питья и блядни, и приезду лихим людем у себя не держати, и никакими воровством не воровати, а с немцы с приежми не дружити, и товаров у них заморских на встрече и у города таемь не покупати, и в государевых ни в каких делах хитрости не чинити; а в те им льготные лета государевых царевых... подати не давати...»[374].

В этой грамоте приводятся не только имена первых жителей Архангельского посада, но и сформулирован своеобразный кодекс их поведения — *архангельские заповеди* торговым людям, предпринимателям тех лет. Ремеслом, в основном, занимались правда не посадские люди, а служилые — стрельцы, пушкари, да жители ближайших деревень, которые играли ведущую роль и в мелкой лавочной торговле. По описи Мирона Вельяминова 1622 – 1624 гг. в черных слободах было 113 посадских тяглых домов; 33 белых домов приказного чина служителей; семь «немецких» домов (2 двора английских гостей, 3 голландских торговых людей, 2 двора московских немцев). В Архангельском посаде было 153 дворов. В торговых рядах находилось 70 лавок оброчных, в том числе 16 лавок принадлежало горожанам, 31— холмогорцам, 17 — стрельцам[375].

В Архангельске по описи 1622—1624 гг. проживало 447 человек мужского населения (без учета других членов семей). В 1678 г. число мужского населения незначительно увеличилось до 465 человек. По ревизии душ мужского пола 1724 года в Архангельском посаде было записано 1118 человек. За столетие 1624—1724 гг. численность мужского населения таким образом увеличилась в 2,5 раза. В 1782 г. в Архангельске проживало 12 100 человек[376]. По данным Г.П. Попова численность населения в Архангельске в 1791 г. составляла 20 247 человек [377].

М.В. Буторин в своей монографии приводит статданные губернского Статистического комитета о численности населения в Архангельске: 1850 г. — 18 791, 1875 г. — 17 139, 1900 г. — 21 096, 1913 г. — 43 388 человек[378]. Архангельск в середине XIX века был самым крупным

[374] Крестинин В.В. Краткая история о городе Архангельском… С. 162—165
[375] Крестинин В.В. Исторические начатки о Двинском народе… С. 41—42.
[376] Летопись города Архангельска, 1584—1998. Архангельск: Сев.-зап. кн. изд-во,1990.
[377] Попов Г.П. Старый Архангельск. Архангельск: изд-во «Правды Севера», 2003. С. 535.
[378] Буторин М.В. Архангельская статистика: прошлое инастоящее. Архангельск, 2007. С. 36.

по численности населения городом Архангельской губернии. Численность населения всех вместе взятых семи городов Холмогор, Шенкурска, Пинеги, Мезени, Онеги, Кеми, Колы в 1850 году составляла всего лишь 42% от числа проживающих в г. Архангельске. Количество населения в Архангельске в течение всего XIX века оставалось стабильным примерно на уровне около 20 тысяч человек и заметный рост произошел только в начале XX века, когда численность населения губернского города возросла в два раза по сравнению с предшествующим столетием, что во многом было связано с индустриальным развитием, заметным ростом экономики, лесопильного производства.

В целом процесс становления города как торгово-промышленного центра растянулся даже не на десятилетия, а на столетия, что подверждается статистикой населения. В начальные полстолетия экономика Архангельского посада оставалась недостаточно развитой. Архангельск не превратился в крупный торгово-ремесленный центр Нижнего Подвинья, каким были в то время Холмогоры, больше был ориентирован на внешнюю торговлю, — отмечал О.В. Овсянников[379]. Роль Архангельска не может быть раскрыта с достаточной полнотой без всесторонней оценки его как крупнейшего военного морского порта России, государственного форпоста, выдвинутого на Север, — подчеркивал О.В. Овсянников [380]. Разделяя данную точку зрения, можно сделать вывод, что именно морской порт, внешняя торговля и сделали Архангельск известным не только в России, но и в Западной Европе, а Холмогоры со временем утратили свою прежнюю лидирующую экономическую роль.

На протяжении своей многовековой истории Архангельск оставался преимущественно деревянным, неоднократно горел и снова строился. В.В. Крестинин отмечал пожары 1611,1637 (сгорел весь Михайло-Архангельский монастырь с воеводским домом и часть острога), 1664, 1667, 1669 годов. Опустошительный пожар произошел в 1793 году, когда без крова и имущества остались 945 семей. В 1847 году пожар уничтожил более 400 домов.

С легкой руки В.В. Крестинина утвердилось мнение, что Архангельск именовался сначала Ново-Холмогорами, а с 1613 года — Архангельским городом, с чем невозможно согласиться. История свидетельствует несколько об ином. Даже на иностранных картах поселение, порт в устье Северной Двины постоянно обозначалось по имени св. Михаила — «SM Archangel». В первые годы после строительства город-крепость и морской порт, не имели постоянного имени, назывались в различных документах по разному. Вначале это был Новогородок, Новый город. Называли его и Двинским городом [381]. Новый Архангельский город, или новый город Архангельской фигурирует в документах, датируемых июнем 1585, январем 1586, мартам 1596 гг. и др. вплоть до начала XVII века[382]. Имя Новый Колмогорский город встречается в документах от 25 января 1587, июня 1589, июня 1613 гг.[383]. В царских жалованных грамотах иностранным купцам в марте 1600, июне 1613 г. упоминаются одновременно оба названия — новый Архангельский город и новый Колмогорский город[384]. Таким

[379] Овсянников О.В. Холмогорский и Архангельский посады по писцовым и переписным книгам XVII в. // Северный археографический сборник. Вып.1. Вологда, 1970. С. 202
[380] Овсянников О.В. Средневековые города Архангельского севера: Люди. События. Даты. Архангельск: Сев.-Зап. книж. изд-во, 1992. С. 162
[381] РИО. Т.38. С. 143, 149
[382] РИБ. Т.25. С. 112; РИО.Т.38.С. 176—179 и др.
[383] РИБ. Т.25. С. 119; РИО. Т.38. С. 202; РИО. Т.116. С. 319—321.
[384] РИО. Т.116. С. 306—308, 319—321.

образом, государева Архангельская военная крепость с первых лет своего существования имела несколько имен и особого значения в конце XVI—начале XVII веков этому разночтению не придавалось. Впоследствии за городом прочно закрепилось только одно наименование — Архангельск, от названия монастыря св. Михаила, расположенного в нем, то есть победила историческая традиция, а не подражание Холмогорам в названии (Новый Колмогорский город).

Подведем некоторые итоги, касающиеся облика Архангельска и его миссии в истории России. В XVI—XVIII вв. это было уже не просто малочисленное монастырское поселение с церквями, кельями и другими постройками прежних двух столетий, а настоящая военная крепость («город») с морским портом, таможней, торговыми дворами и лавками, административными зданиями, жилыми помещениями, кораблестроительной верфью и другими производствами. Архангельск включал в себя:

- Михайло-Архангельский монастырь со всеми городскими жилыми, культовыми и хозяйственными постройками прежних двух веков.
- Деревянную крепость, выполнявшую функции пограничного военного городка, защитника северных рубежей России.
- Городской торговый посад, стрелецкая слобода, дворы, лавки, амбары, питейные заведения и др.
- Воеводские дворы со всеми службами, административные здания (тюрьма, изба съезжая и др.).
- Морской торговый и военный порт (морская пристань, гостиные дворы, таможня).

Как видим, Архангельск постепенно обрастает многофункциональной городской инфраструктурой, образующей архангельскую городскую среду с её неповторимым обликом монастырского поселения, военной крепости, морского пограничного арктического порта, административного центра управления.

В середине XIX века население Архангельска составляло — 20 178 человек, 34 % из них, то есть каждый третий из них был грамотным[385] [Летопись города Архангельска, 1584—1989].

В XVI—XVII веках Архангельск стал местом встречи православной и западно-европейской цивилизаций, заняв лидирующее местоположение на торговых путях. Сумма портовых сборов в Архангельске в 1680 году составляла 60 % всех пошлинных сборов или 12 % реальных доходов России тех лет. Через Архангельский морской порт в лучшие годы проходило около трех четвертей всего внешнеторгового оборота страны. Таким образом, Архангельск занимает ведущие позиции в торгово-экономических отношениях российского государства того истоического времени.

[385] Летопись города Архангельска, 1584—1998. Архангельск: Сев.- Зап. кн. изд-во,1990.

Глава 5

Архангельск – место встречи цивилизаций, ключевое звено во внешней торговле России в XVI–начале XVIII вв.

Морские и речные торговые пути по морям, рекам и озёрам в древнее время и средневековье были основными транпортными коммуникациями в Европе и на Руси — реальными артериями жизнедеятельности из-за отсутствия хороших обустроенных дорог на суше и надёжных средств передвижения, где главную роль играли конница, конные повозки различного типа и предназначения.

5.1. Северные торговые пути

Об одном таком пути «из варяг в греки» написано в каждом учебнике по отечественной истории. Этот Волховско-Днепровский водный торговый путь древней Руси в IX—XI вв. шёл из Варяжского (Балтийского) моря по реке Неве в Ладожское озеро, по реке Волхов в Ильменское озеро, затем по реке Ловать, далее волоком до реки Западная Двина, потом опять волоком в реку Днепр до Киева. Товары из Киева сплавлялись вниз по Днепру через семь порогов до острова Хортицы. А потом из Днепровского лимана уже под морскими парусами ладьи шли вдоль западного берега в Византию до Константинополя (Царьграда), Балканской Болгарии, а через Дунай — в Великую Моравию и другие страны. Из Скандинавии по этому пути доставлялись оружие и изделия художественного ремесла, из Северной Руси — лес, меха, мёд, воск. Этот путь стал стратегической коммуникационной осью для Древней Руси. По нему не только велась внешняя и внутренняя торговля, постоянный товарообмен, шла миграция отдельных групп населения, передвижение военных дружин, но и осуществлялось знакомство славян и скандинавов с государственностью, христианской религией, развитым ремеслом, высокой культурой римско-византийской цивилизации, что давало мощные импульсы для культурного и социально-экономического развития Киевской Руси, Великого Новгорода, Балтии, Скандинавии.

При этом в литературе имеются упоминания о том, что северная торговля скандинавских племён с местными племенами в Балтийском Поморье велась за сотни лет да начала эпохи викингов [Дж. Клементс]. А.А. Тюняев, используя археологические данные, анализирует «Янтарный путь» (торговля янтарем) и нефритовый путь, существование которых на территории Руси относится к III—II тысячелетиям до н.э.[386]. Скандинавы ходили на лодках по рекам и озерам Восточной Европы, переносили суда из одной водной системы в другую по суше. Возможно такие путешествия осуществлялись на ладьях, выдолблённых их одного дерева (на Русском Севере их называли «осиновки», так как лодки-однодерёвки делали из осины). Дж. Клементс подчёркивает, что пришельцев называли «рус». Торговые поселения викингов на речных островах или в небольших крепостях славянских земель дали этим регионам скандинавское название — гардарики, что означает «страна укреплённых поселений». В укреплённых городах пришельцы составляли меньшинство, постепенно ассимилировались со славянами.

[386] Тюняев А.А. Скандинавский этап древних торговых путей. «Янтарный» путь, его маркеры, география и связи. URL: http://www.dazzle.ru/spec/atsedtpypemgis.shtml (дата обращения: 13.09.2014).

Ещё один торговый «*путь из варягов в арабы*» — Великий Волжский (Балтийско-Волжский) путь вёл из Ладоги по реке Волге в Каспийское море, а затем в Персию, Закавказье, Хорезм, Среднюю Азию и другие страны Востока. В 912 году викинги впервые перенесли свои суда из Дона в Волгу, что позволило им добраться до побережья Каспийского моря и войти в контакт с арабскими купцами — мусульманами [387].

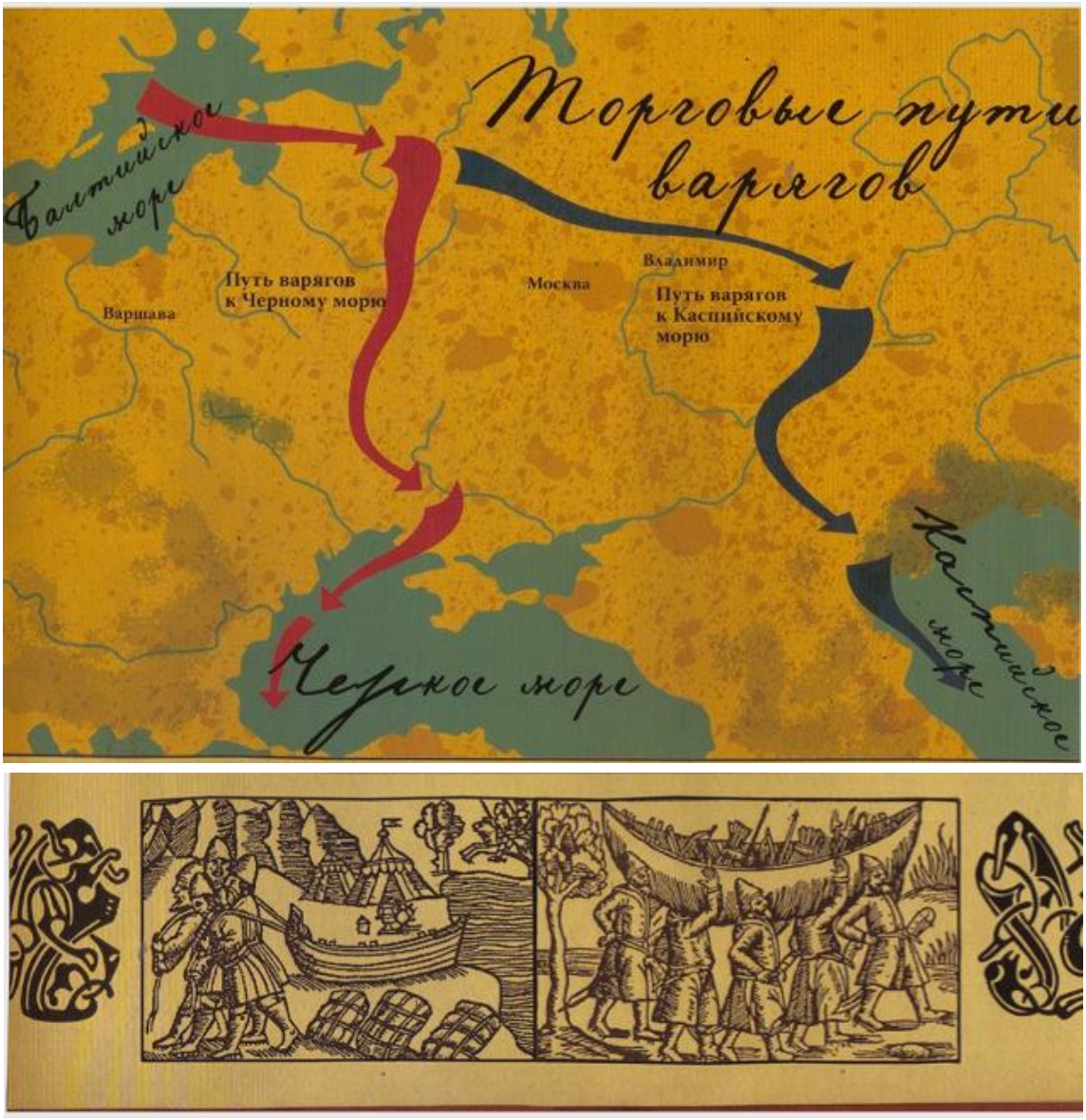


Рисунок 49. Торговые пути варягов /Дж.Клементс. Исчезнувший мир. Викинги.

В могилах, раскопанных археологами в Швеции, нашли многие тысячи арабских серебряных монет — дирхемов. Однако на Каспийском море торговля у викингов не всегда ладилась, если арабские купцы не брали товар, то устраивались грабительские набеги, правда, не очень успешные. В 922 году Ибн-Фадлан оставил подробное описание жизни викингов на берегах Каспийского моря. Он впервые встретил русов на реке Итиль (Волге). Поведение и обычаи этих русов несли не только скандинавские, но и славянские черты. Ибн-Фадлан наблюдал обряд кремации умершего вождя, которого сожгли вместе с рабыней и принадлежавшим ему судном.

[387] Клементс Дж. Исчезнувший мир. Викинги. ООО «Издательская Группа Аттикус», 2008. С. 130.

Со второй половины XI—XII вв. путь из варяг в греки, днепровская торговля утратили свою былую значимость. Со временем появилась более удобная логистика, развивались торговые отношения с европейскими странами по другим направлениям. Новгородская торговля с Западной Европой находилась в XII веке в динамичном состоянии. В Новгороде в это время был уже постоянный торговый Варяжский двор со своею церковью, а на острове Готланд у новгородцев был такой же двор со своею церковью. В XIII веке в Новгороде и Ладоге были немецкие и готландские торговые дворы со своим управлением и судом, своими церквями и кладбищами.

На развитии новгородской торговли на востоке и на севере, с Камской Болгарией и другими странами по Великому Волжскому пути, в Заволочье по водному пути из Новгорода на Север в конце XI—XII вв. негативно сказались притязания Суздальского князя и Великого князя Киевского Юрия Долгорукого (90-е гг. XI века—15.05.1157), направленные на то, чтобы утвердиться в Новгороде. Сам Юрий ни разу не был в Новгороде, но 19 лет не давал мира Новгороду, мешал сбору Новгородских даней в соседнем Заволочье и постоянно держал в своих руках свободу новгородской торговли с востоком, то пропускал новгородских купцов через свои владения, то задерживал их. А посему вся торговая сторона в Новгороде и все богачи Софийской стороны, имевшие поземельные владения в верховьях Северной Двины и Онеги, или которые вели торговлю с Камской Болгариею волей-неволей постоянно держались стороны Юрия и то и дело возбуждая мятежи в Новгороде [388].

Новгородские, славянские торговые пути на Север, к побережью Студеного (Белого) моря были тесно связаны с колонизаций северных территорий в Заволочье, с военными походами за данью и наживой, защитой и отражением набегов скандинавской вольницы, викингов. Новгородские гости (купцы) к концу X столетия н.э. освоили почти весь Русский Север от берегов Белого моря до Урала.

Водные пути славян из Новгорода на север и северо-восток включали несколько основных направлений: 1) *в Заволочье* по рекам Мета, Молога, Волга, Шексна, Порозовица, озеро Кубенское, далее по рекам Сухоне и Северной Двине, так называемому Северо-Двинскому торговому пути; 2) сопряжением этого пути в Заволочье становились известные коммуникации *к реке Печоре* по рекам Вычегде, Северной и Южной Мылье, а также к реке Каме — по рекам Вычегде, Северной и Южной Кельтме; 3) водный путь славян *за Урал* продолжался до реки Оби по рекам Печоре, Щугору, Иличу, Сосве, Оби; по рекам Печоре, Усе, Ельцу, Соби и Оби; 4) *в Белое море* — по Ладожскому озеру, реке Свирь в Онежское озеро, рекам Череве, Водле, волоком до Волошозеро, речкой Волошей через Почозеро в реку Почей, Кенозеро, рекам Кене, Онеге до города Онеги на побережье Белого моря. Функционировали также пути в Поволжье по рекам Волге и Оке; Владимирский и Ростовский водные пути и другие.

Северные торговые пути через Белое море, реки Северная Двина и Волга в Каспийское море, страны Востока давностью своей не уступают торговым путям варягов в Черное и Каспийское моря. Северный Европейско-Беломорский морской путь был известен с IX века. Скандинавы, викинги, не только занимались торговлей, но и совершали разбойные нападения на поселения в устье Северной Двины, на побережье Белого моря. Одним из первых по этому пути прошел норвежский мореплаватель Оттар (Оттер) в 70-80 гг. IX века. В работе В.Н.

[388] История Новгорода Великого от древнейших времен до падения. М., 1866. С. 239.

Булатова анализируются походы Харальда Серый плащ летом 965 года в Биармию, на реку Вину (Северная Двина); торговая поездка на четырех кораблях норвежцев Андреса Свальдарбанда и Ивара Утвика. Один из участников этого похода норвежец Оглунд отправился из Беломорья в Суздальскую землю, а оттуда через Новгород или Киев в Палестину [389]. Г.Г. Фруменков упоминает о разбойном вторжении в Подвинье норвежского короля Эйрика в первой половине X века, его сына Гаральда около 965 года, походах викингов Одда, Отера, Торира в XI веке, Ивара в XIII веке.

Новгородские военные дружины в свою очередь совершали длительные морские пути через Белое море в Скандинавию. Можно вспомнить уже упоминавшиеся военные походы вольных новгородских ушкуйников под руководством Луки Варфоломеева и И. Малыгина в 1320 году на Мурман, в северную Норвегию. В 1411 году, заволочане, под предводительством Двинского посадника, по повелению Великого Новгорода, снова ходили войною на Мурман. В 1431 году из Новгорода Великого ходил Иван Лошинский «*воевати на Каян з двиняны*». В 1496 году князь великий Иван Васильевич послал князя Ивана Федоровича да брата его князя Петра Ушатых на Каянскую землю во главе военной рати устюжан. Обогнув Мурманский нос, князья Иван и Петр Федоровичи Ушатые на своих кораблях переправили русские рати по Студеному морю в Каянскую землю, к каменным фиордам шведского берега и захватили обширную область между Торнео и Ледовитым океаном.

Северный морской путь на Запад широко использовался в XV—XVI вв. с целью налаживания дипломатических контактов с европейскими странами. В исторической литературе известны сведения, связанные с плаваниями русских дипломатов по северным студеным морям при выполнении государственных миссий в европейских странах.

В 1494 году русский дипломат Дмитрий Зайцев, возвращаясь из Дании, впервые прошел морем вокруг Скандинавии через Белое море к устью Северной Двины[390]. Григорий Истома, толмач великого князя московского был послан в 1496 году к королю датскому с его послом шотландцем Давидом. Оправились они не через Балтику, а по северному морскому пути, который был длиннее, но зато безопаснее. В устье Двины они сели на четыре судна, плыли держась берега океана. Достигли Каянской земли, пришли в Берген (Норвегия) и оттуда в Данию [391]. Власий (Влас Игнатов, Игнатьев) переводчик с латыни и немецкого языка, сопровождал одно из русских посольств к датскому королю морским путём вокруг Скандинавии в 1493—1494, 1499—1500, 1501—1502 или в 1508—1509 гг. (точная дата неизвестна). Власий принимал участие в посольстве князя И.И. Засекина-Ярославского и дьяка С.Б. Трофимова в 1524—1526 гг.к императору Карлу V, находившего в то время в Испании[392]. Путь посольства из Москвы в 1524 г. выглядел так: Волгою в Кострому; семь верст шел сухим путем до речки, которою вошел в Вологду, потом в Сухону и Двину, и плыл до норвежского города Бергена, а затем в Копенгаген. Князь И.И.Засекин-Ярославский и дьяк С.Б.Трофимов были первыми людьми, установившими в XVI веке связи между Россией и Англией [393].

---

[389] Булатов В.Н. Русский Север. Книга первая. Заволочье (IX—XIV вв.). Архангельск: ПГУ, 1997. С. 22—29.

[390] Дукальская М.В. Проект Дмитрия Герасимова. URL: http://www.polarmuseum.ru/sketches/dg/dg.htm (дата обращения: 20.09.2014).

[391] Герберштейн С. Записки о Московии. СПб, 1866. С. 174

[392] Власий. URL: http://www.pravenc.ru/text/155017.html (дата обращения: 20.09.2014).

[393] Лурье Я.С. «Открытие Англии» русскими в начале XVI века // Географический сборник. Ч.3. М.-Л., 1954. С. 185—187.

Рисунок 50. Маршрут Д. Герасимова и его проект пути в Китай

Именно тогда состоялось «открытие Англии» русскими в начале XVI века, за тридцать лет до путешествия Р.Ченслера.

Выдающийся русский дипломат и ученый, переводчик (толмач латинский) Дмитрий Герасимов (1465—после 1535) также ходил через устье Северной Двины и Белое море в скандинавские страны. На карте Европы XVI века Российского государственного музея Арктики и Антарктики изображен белой линией маршрут плавания Д. Герасимова вокруг Европы, а красной — проект плавания в Китай по северным морям[394]. Д. Герасимов участво-вал в посольствах Василия III в Данию, Норвегию, Швецию, Пруссию к великому магистру ордена, в Священную Римскую империю к императору Максимилиану, в Рим послом к папе Клименту VII в 1523—1526 гг. В Риме он консультировал ряд итальянских ученых, по его рассказам были изданы книга и одна из первых карт Московии (морская карта из атласа 1553 г. Баттисты Аньезе), его информацию использовал позднее С. Герберштейн [395]. Паоло Джовио — Pauli Jovii Novocomensis опубликовал в 1525 году на латинском языке «Книгу о посольстве Василия, великого князя Московского, к Клименту VII» (переиздана в 1545 и 1551 гг.), в которой воспроизвел много географических и культурных сведений Дмитрия Герасимова о России и скандинавских странах, о Северном морском пути, что если плыть из Северной Двины вправо вдоль берегов Сибири и вокруг неё, то можно достигнуть Китая.

В Вене (1549), а затем в Венеции (1550) выходит в свет книга «Записки о Московии» посла австрийского императора барона Сигизмунда Герберштейна, который посещал Москву в апреле—ноябре 1517 и в мае—ноябре 1526 года. Позже книга была издана в Базеле (1551,1556), немецкий перевод сделан в 1557 году, напечатан в России в 1795—1804 гг., в 1832 году — первый русский перевод[396]. В этом труде описывается плавание княжеских толмачей Григория Истомы и Власия. Приложена карта России, составленная пьемонтским картографом Джакомо Гастальдо, на которой показана часть Белого моря, реки Северная Двина, Мезень, Печора и Обь.

В XVI-XVII—начале XVIII вв.Европейско-Беломорский морской путь и Северо-Двинский торговый речной путь стали частью *смешанного (морского и речного*) *торгового пути из Англии в Персию*. Этот северный торговый водный коридор можно обозначить как «путь из Англии в Персию» вокруг Северной Европы через Баренцево и Белое моря в морской порт

[394] URL: http://www.polarmuseum.ru/ sketches/dg/images/dg.jpg.
[395] Дмитий Герасимов. URL: http://traditio-ru.org/wiki/Дмитрий_Герасимов (дата обращения: 20.09.2014).
[396] Герберштейн С. Записки о Московии. СПб, 1866.

Архангельск, далее Северо-Двинским торговым путем в центральную Россию и по реке Волге в Каспийское море, а затем в Персию и другие страны Востока. Об этих путях из Европы на Русский Север и обратно, даже более значимых, чем путь «из варяг в греки», известно пожалуй только специалистам. Но их значение для социально-экономического развития, внешней и внутренней торговли России, не имевшей выхода в Балтийское море до начала XVIII века, трудно не заметить или преуменьшить в отечественной истории.

Московское правительство в 1584—1585 годах решило закрыть гавани на Мурмане и сосредоточить весь товарообмен с иноземцами в построенном для этой цели новом Архангельском морском порту. Кольский воевода объявил в 1585 году, что московский государь разрешил торговать в Коле только трескою, палтусом, салом трески и кита. Называлась и причина для такого царского повеления. Государь корабельную пристань «*велел учинити*» в своей же государевой вотчине в устье реки Двины у нового города на Холмогорах. Там мол и двор гостиный поставлен для торговли, и многие гости со многими товарами прибывают.

В ответ на просьбу датского короля Фредерика второго отменить данное распоряжение и оставить торг в Коле, последовал отказ. В своей грамоте царь Федор обосновывал такую государственную позицию убожеством торга в Коле:

> *«Мы ныне торг изо всего Поморья, из своей вотчины Двинския земли и из Колы и из иных мест перевели и учинили в одном месте на усть-Двины реки у нового города у Двинского. А в Коле волости торгу мы быть не велели, занеже в том месте торгу быть не пригоже: то место убогое»* [397].

Защищать очень далекую Мурманскую окраину от вражеских нападений было трудно, сообщение с нею было затруднено чрезвычайной далью и трудностями пути по морю и тундрам.

Так создавалась торговая монополия Архангельского морского порта. Защищая свои интересы, Россия с самого начала решила сделать новый морской порт открытым для всех государств. В 1585 году в Архангельск приходили нидерландские, гамбургские и английские корабли, а в 1586 году пришло первое французское судно. В том же году голландский купец Ян де Валле (Иван Белобород) перенес свой двор в новый Архангельский порт, а позднее Московское правительство заставило переселиться в Архангельск и англичан. Торговля через Архангельск увеличилась с 1600 по 1658 гг. по числу прибывших иностранных судов более чем в три раза[398]. В 1613 году в морском порту Архангельска была создана первая в стране лоцманская служба[399]. К концу XVI века в Архангельском морском порту сосредотачивается вся основная торговля России со странами Западной Европы, а в XVII веке Архангельск превращается в важнейший перевалочный пункт импортных и экспортных товаров.

В год четырехсотлетнего юбилея Архангельска (официально отмечался в 1984 году) в печати появилось немало интересных публикаций о прошлом города. Мы лучше стали знать его историю, тесно связанную с развитием русской национальной культуры, внешней торговли России, началом отечественного кораблестроения, освоением Арктики. Вместе с тем в

---

[397] Памятники дипломатических сношений Московского государства с Англиею с 1584 по 1604 г. /под ред. К.Н. Бестужева-Рюмина // РИО, т.38. СПб, 1883. С. 176—179. Платонов С.Ф. Прошлое русского Севера // Очерки по истории колонизации Поморья. Пб. 1923. С. 55.

[398] Попов Г.П. Ногою твердой стать при море… Штрихи к истории Архангельского порта. Архангельск: Сев.- Зап. кн.изд-во, 1992. С.55.

[399] Летопись города Архангельска 1584—1989. Архангельск, 1990.

некоторых, особенно газетных и журнальных публикациях, когда речь заходит о причинах возникновения города, снова брались на вооружение те мотивы, с которыми никак нельзя согласиться, пропагандировался старый исторический миф об открытии России англичанами.

Вопрос принципиальный. Дело в том, что начало Архангельского города как военной крепости и морского порта отдельные авторы связывали исключительно с интересами англичан, и в частности экспедицией Р. Ченслера. Буря прибила в 1553 году его корабль к устью Северной Двины и началась-де торговля с англичанами, что в дальнейшем привело к возникновению крупного морского города-порта на севере Московского государства. Получается так: не будь этой случайности — не было бы и Архангельска, аналогично утверждению, что не будь варягов — не было бы у славян и своего государства. С подобными взглядами в свое время боролся ещё М.В. Ломоносов.

Высказывались и другие мнения о причинах основания Архангельской военной крепости и морского порта. В учебном пособии изданном в 1968 году говорилось:

«*Роль Северного Ледовитого океана во внешней торговле страны ещё больше возросла с 80-х годов XVI века, когда шведам удалось отвоевать у России Нарву. С этого времени вся торговля с иноземцами сосредоточивается в Двинском устье, где в 1583 году на месте Михайло-Архангельского монастыря был заложен город Архангельск*» [400].

В целом же полученный официально государственный статус военной крепости и статус морского порта России — первого окна в Европу позволяет Архангельску сыграть выдающуюся роль в отечественной истории.

5.2. Встреча цивилизаций в Архангельске

Архангельск сыграл исключительно важную геополитическую роль в становлении России как морской державы, развитии экономики, внутренней отечественной и морской внешней торговли с Западной Европой через Белое море, используя смешанный водный (морской и речной) — так называемый «путь из Англии в Персию» на север и восток через Россию. В немалой степени этому способствовало развитие экономики и культуры, наличие богатейших природных ресурсов и населения, функционирование Архангельского морского порта и торговых путей с отлаженными логистическими звеньями. Большие по тем временам города Архангельск, Белозерск, Вологда, Устюг, Холмогоры обязаны были своим развитием именно торговле. Исследование причин трансформации Архангельского монастырского поселения в государеву военную крепость и морской порт, получение официального статуса «город» является ключевым моментом как в понимании начальной истории Архангельска, так и в прояснении его геополитической роли как узлового пункта комплексного водного пути из Англии в Персию, места встречи цивилизаций.

Развитию Архангельска в XVI веке, *в первую очередь*, способствовало внутреннее социально-экономическое развитие России, ставшей в XVI веке единым централизованным государством, которое как воздух нуждалось в талоссократии — морском могуществе и судоходстве, контроле морского побережья. М.Н. Тихомиров в своей книге «Россия в XVI столетии» отмечал, что 1521 год (уничтожение остатков самостоятельности Рязанского княже-

[400] Наш край в истории СССР: учебное пособие по краеведению/ под ред. д.и.н., профессора Г.Г.Фруменкова. Сев.- Зап.кн.изд-во, 1968. С.21

ства; до этого в 1510 году — присоединение Пскова; в 1478 году новгородцы присягнули Московскому государству) можно считать условной датой завершения формирования территории Русского государства, включавшего в свой состав земли, населенные преимущественно русскими. Название «Россия» для обозначения страны, населенной русскими, появляется в XV веке, а окончательно утверждается для обозначения всей страны к концу XVI века. Интересы экономического и политического развития российского государства заставили правящую элиту страны обратить свои взоры на Русский Север, где требовалось как можно быстрее и надежнее обеспечить выход через Белое море на запад, обрести талассократические преимущества в силу особого географического положения Двинской земли.

По своему социально-экономическому развитию Русский Север занимал одно из ведущих мест в стране. Земельные наделы крестьян невелики, главные хлеба в Двинской земле давали рожь, ячмень, овес. Пашенное земледелие развивалось на Двине и на Ваге. Стоимость хлеба была высокой. В актах XVI века жито упоминается вместо денег для уплаты по кабальным долгам и духовным завещаниям [401]. Существенное значение для хозяйства двинского крестьянина имели промыслы.

> «*На Двине, где земельные наделы крестьян были невелики, удельный вес промыслов был гораздо значительнее… Солеварение, рыболовство, охота являлись важнейшими источниками накопления богатой верхушки. Они же позволяли сводить концы с концами бедноте*»[402].

Центры солеварения располагались на побережье Белого моря (Уна, Нёнокса), в Сольвычегодске. В Нёноксе находились соляные промыслы Троице-Сергиева и Соловецкого монастырей. Золотица, Пушлахта были известны варницами и рыбными тонями. Смолокурение было развито в Вельске, на Пинеге и на Ваге; железоделательное производство в Заонежье, Красноборске, Великом Устюге, Тотьме и в других местах. С новгородских времён развивалось деревянное судостроение. Соловецкий и Печенгский монастыри, Холмогорский архирейский дом имели судостроительные предприятия. В Холмогорах ремонтировались суда, делались для насадов веретена железные, трубки железные на колеса; производились напарьи, скобы, гвозди. В Николо-Корельском монастыре ковались скобы и гвозди к воротам корабельным, к лодье. На промыслы морского зверя и рыбы в XVI столетии ежегодно выходили тысячи поморских судов. Беломорское стадо гренландских тюленей по численности было первым в мире [403]. Большим спросом пользовались морское сало, соленая рыба, семга. В XVII веке общий грузооборот только между Архангельском и Вологдой составлял до 3,5 млн пудов[404].

Во-вторых, значение северных территорий, Архангельского морского порта и военной крепости возросло не только в геополитике, международных отношениях, но и в обеспечении безопасности России, развитии торговли. На севере и западе устанавливаются прочные границы России с соседними государствами. На севере такой естественной границей был Северный Ледовитый океан с Белым морем, образующий надежный оплот, на ко-

---

[401] Акты Холмогорской и Устюжской епархии. Кн.2 // РИБ. Т.XIV. СПб. С 61, 65, 77.

[402] Аграрная история Северо-Запада России XVI века. Север. Псков. Общие итоги развития Северо-Запада. Л., 1978. С. 28

[403] Кучепатов Ю.Н. Архангельский морской порт. Сев.-Запад.кн.изд-во, 1968. С.15

[404] Кондрескул А.М. Поморье в политической истории России в конце XVII—первой четверти XVIII вв.: монография. Архангельск: КИРА, 2009. С. 27.

торый веками опиралось всё российское государство. Надежные северные границы всегда в отечественной истории были сильной стороной Российского государства, его стратегическим преимуществом. В исторических трудах нередко подчеркивались только неудобства для экономики России надолго замерзающих северных морей в отличие от открытых морей Западной Европы. Но, «неудобные для плавания в зимнее время водные просторы Ледовитого океана и Белого моря служили надежным барьером для России на севере, таким барьером, какого не имело ни одно западно-европейское государство», — такой вывод М.Н. Тихомирова [405], в чем-то остаётся актуален даже для современного российского государства в XXI столетии, хотя ситуация с обеспечением безопасности на севере безусловно сегодня изменилась и требует уже значительных бюджетных ресурсов.

Архангельск в силу своего удобного месторасположения объективно оказался с XVI столетия в центре геополитических интересов (осознанных потребностей) России, не утратив этой роли даже в XX веке. Город прекрасно выполнил своё начертанное Богом предназначение: небольшое монастырское поселение св. Михаила по сути дела трансформировалось в монопольный центр внешней морской торговли до выхода России на Балтику и основания Санкт-Петербурга в 1703 году. Русский Север скреплял экономическое пространство России и обеспечивал надёжный выход в Северную и Западную Европу через моря Северного Ледовитого океана.

Одной из главных причин основания Архангельска явилось расширение торговых связей Российского государства с Западом и Востоком. Продукты смолокурения, мачтовый лес, пушнина, другие товары и лесных, и морских промыслов вывозились за границу, в другие страны. В Германию, например, вывозились меха, воск; в Литву и Турцию — кожи, меха, длинные белые зубы моржей. Импортировались серебряные слитки, сукно, шелк, жемчуг, драгоценные камни, оружие. Развитие внешнеторговых отношений на Русском Севере имело давние исторические корни ещё со времен походов викингов на Двину, Великого Новгорода. В 1514 году ганзейцы, например, получили право на свободную торговлю в Новгороде и Пскове, а также право проезда в Архангельск и Холмогоры [406].

В-третьх, миссию Архангельска в истории России и других стран, его геополитическую роль прекрасно осознавали на Западе. Известный своими исследованиями по проблемам развития цивилизаций британский ученый А.Дж.Тойнби (1889—1975) датировал начало современной главы западной истории приблизительно рубежом XV—XVI веков, а создание Московией русского универсального государства концом XV столетия. Он считал, что это крупное событие в политической судьбе России свершилось до того, как она стала испытывать на себе давление со стороны западной цивилизации. Русская цивилизация, при этом, уже имела некоторый опыт контактов с западным обществом до начала всеобщей западной культурной экспансии. Исконно русские территории, подвергшиеся «облучению западноевропейской культурной радиацией», стали предметом неутихающего военного спора между русским универсальным государством и западноевропейскими державами. России удалось вернуть под свой суверенитет земли, которые долгие годы находились под западным правлением. Однако военные и политические победы ещё не гарантировали возвращения этих территорий в лоно былой культуры. Вестернизации подверглись даже внутренние земли

[405] Тихомиров М.Н. Россия в XVI столетии. М.: АН СССР, 1962. С. 19

[406] Мясников А.Л. Хроника человечества. Россия. М.: ООО «Изд-во Астрель»: ООО «Изд-во АСТ», 2003. С. 124

Московии. Полем столкновения между Россией и современной западной цивилизацией А.Дж.Тойнби определял побережье Балтийского моря. Западные бароны и бюргеры, колонизировавшие балтийские провинции, не могли не влиять на русскую жизнь, но это была капля в море по сравнению с влиянием, передававшимся непосредственно через морские порты, которые усиленно строило на побережье русское правительство.

На севере России, в Белом море одним из таких морских ворот, распахнутых навстречу современной западной цивилизации, был город в устье Северной Двины. Это был первый русский северный порт, — писал А.Дж.Тойнби, — принявший в 1553 году английский корабль. «*Московское правительство с тех пор расширяло и укрепляло порт Архангельска, и вскоре носители западной культуры устремились этим путем в глубь России*» [407]. В предместье Москвы появилось целое поселение иностранцев. Известный британский историк умышленно или по незнанию сделал вывод, что прямой контакт между Западной Европой и Россией был установлен в XVI веке якобы по инициативе западноевропейских моряков, овладевших к тому времени искусством навигации открытого моря. Поле иностранного влияния постепенно расширилось от границ немецкой слободы на всю территорию России, которая во времена Петра первого простиралась от Балтики до Тихого океана. Интенсивность западного влияния существенно возросла к началу XVIII века, когда морской путь в Россию из Западной Европы через Архангельск был сокращен основанием Санкт-Петербурга.

В затянувшемся акте этого зарубежного воздействия, продолжавшемся более 250 лет, самым драматическим моментом английский историк считает непрекращающееся балансирование между стремительным развитием технологии на Западе и упорным желанием России сохранить свою независимость. Вызов Запада породил в России две противоположные реакции: 1) сопротивление (староверы, славянофильское движение, враждебность к западной культуре); 2) добровольная самовестернизация «незападной» страны.

Приведу ещё одну известную и важную для понимания геополитических интересов западных стран цитату А.Дж.Тойнби: «Призывно играла сладкозвучная музыка Запада, под которую учились танцевать русские». Ключевые слова здесь «*учились танцевать*». Однако, хотя в серии военных столкновений XVI—XVII веков Россия потерпела поражение, но Запад так и не оказал, по мнению А.Дж.Тойнби, глубокого влияния на жизнь и культуру России.

Для нас важное значение в контексте исследуемой темы имеет оценка А.Дж. Тойнби культурно-цивилизационной, геополитической роли Архангельска. Можно сказать, что Архангельск — это не просто морские ворота, распахнутые навстречу современной западной цивилизации. Архангельск в устье Северной Двины на побережье Белого моря — исторически то географическое, пространственное место, где проходила встреча двух цивилизаций: западно-атлантической и русской православной, их взаимное влияние и обогащение.

Исторический миф об открытии морской дороги в Россию англичанами

В отечественной литературе, особенно популярной, связанной с основанием Архангельского «города», явно преувеличена роль и миссия английской морской экспедиции 1553 года, якобы открывшего Западной Европе морскую дорогу в Россию через Белое море. Как

[407] Тойнби А.Дж. Постижение истории: сборник. Пер. с анг. / сост. Огурцов А.П. М.: Прогресс, 1991. С. 563.

будто бы и не знали до этого «темные» русские о том, что в Англию можно попасть морским путем. В 1553 году английское «Общество купцов-предпринимателей» направило морскую экспедицию под руководством адмирала Хью Уиллоуби для отыскания северо-восточного прохода в Китай и Индию на трех кораблях с целью поиска новых рынков для расширения своей торговли. Шторм разметал корабли английской эскадры. В итоге два корабля «Благая Надежда» и «Благое упование» после неудачного плавания в северных широтах вернулись к северному побережью Кольского полуострова, где вынуждены были зазимовать; все 68 английских моряков тогда погибли, оказавшись не подготовленными к условиям арктических зимовок. Эти два корабля с погибшими экипажами весною 1554 года нашли русские поморы, промышлявшие треску в том месте.

Рисунок 51. Корабль Ченслора «Эдуард Бонавентура» огибает мыс Нордкап. Фрагмент старинной акварели Марка Майерза. URL: http://upload.wikimedia.org/wikipedia/ru/9/90/

Иван IV, получив известие об этой арктической трагедии, распорядился привести корабли к Николо-Корельскому монастырю, товары вернуть англичанам [408]. Третий английский корабль «Эдуард благое предприятие» под командованием капитана Ричарда Ченслера с 48-ю членами экипажа 24 августа 1553 года достиг устья Северной Двины (Нёнокса, Николо-Корельский монастырь). Р. Ченслер был доставлен в Москву, где встречался с царем Иваном Грозным, получил грамоту на право свободной торговли. В марте 1554 года он отправился в обратный путь. После плавания Р. Ченслера (1553—1554 гг.), корабль которого зазимовал в Двинском заливе, а он сам побывал в Москве, затем вернулся в Лондон, в Англии образуется «Moscow campany» (1555 год) для регулярной торговли с Россией. В 1555 году первые английские корабли с товарами пришли в гавань Святого Николая (нынешний Северодвинск). Англичане получили право использовать также пристани в Холмогорах, Коле, Мезени, Печенге, Варгузе, у Соловецкого монастыря, на Печоре, сибирских реках — Енисее и Оби. Они могли торговать везде без всякой пошлины. Такой льготы в Росси до этого никто не получал. При этом англичане ни с кем не хотели делить монополию в торговле с якобы «открытой» ими страной.

В 1556 году «Московская кампания» отправила в Россию два корабля, новых шкиперов и моряков для приведения в Англию двух кораблей погибшей экспедиции Х.Уиллоуби. Эти два корабля «Благая Надежда» и «Благое упование», возвращаясь обратно в Англию с новым моряками, погибли. Царь Иван IV послал тогда посла своего Осипа Непею, а с ним Феофана Макарова и Михаила Григорьева в Англию на корабле морем, «а идти з Двины на немецких кораблех с товары», — сообщал Двинской летописец[409]. Русское посольство отбы-

[408] Шмигельский Л.Г. Уиллоуби Хью // Поморская энциклопедия. Т.1. История Архангельского севера. Архангельск: ПГУ имени М.В.Ломоносова, 2001. С. 414.
[409] ПСРЛ, т.33 // Двинской летописец. Л.: Наука, 1977. С. 150

ло в Англию с Двины 23 июля на корабле Р.Ченслера «Эдуард благое предприятие», корабль которого в этом его последнем переходе погиб у северных берегов Шотландии. Погиб и сам капитан Ричард Ченслер и много других людей, едва спасся русский посланник Осип Непея. Так закончилась реальная морская одиссея отважного капитана Р.Ченслера и начал раскручиватся исторический миф об «открытии англичанами России», который жив и сегодня, несмотря на очевидные исторические факты, как будто бы до этого времени не было морских путешествий через Белое море Г.Истомы, Власия, Д. Герасимова и др.

В Англии старались представить прибытие Ричарда Ченслера в устье Северной Двины настоящим глобальным открытием России вроде открытия Америки. Впоследствии англичане ссылаясь на это, не один раз требовали к себе особого отношения. Но, как вполне справедливо замечал Ю.Н. Кучепатов в своей книге по истории Архангельского морского порта, — считать англичан первооткрывателями Беломорского пути, а тем более России, было бы абсурдом. Вряд ли можно предположить, что Себастьян Кабот, основатель английского общества купцов-предпринимателей, инициирующий указанную экспедицию в Индию и Китай, не был бы знаком с имеющимися описаниями Северного морского пути [410]. Кстати, видимо, следуя примеру англичан, царь Иван Васильевич в мае 1557 года назначил награду тому, кто пройдет Северным морским путем к берегам Индии и Китая.

Трудно согласиться с версией «открытия России» англичанами, зная свою историю отечественного арктического мореплавания. Бесстрашные новгородцы и северяне на своих морских судах совершали длительные плавания по холодным морям сурового Северного Ледовитого океана на протяжении нескольких столетий до появления там англичан. Морской путь через Белое море был известен не только новгородцам, но и скандинавам, викингам с IX века. Новгородские военные дружины, включая ушуйников и княжеские рати, ходили морскими походами в Скандинавию в XIV веке. Выше приводились также конкретные сведения о дипломатических миссиях через Белое море в Европу в XV—XVI вв. Вывод здесь можно сделать такой, что Северный Беломорско-Европейский морской путь был известен в Европе и России задолго до путешествия экспедиции под руководством Хью Уиллоуби.

Историческое значение плавания капитана Р.Ченслера заключается не в том, что он якобы открыл морской путь в Россию через Студеное (Белое) море, давно уже известный и открытый в России и Северной Европе. А в том, что *он оказался в нужном месте* (север России) *в нужное время* в условиях складывающейся к тому времени внешнеторговой и геополитической конъюнктуры. России действительно очень нужен был действующий морской коридор для организации внешней торговли. В 1553 году истекал срок перемирия с Ливонским орденом. Для продолжения войны за овладение выходом в Балтийское море на западе России требовалось оружие, которое возможно было получить из Англии через единственное свободное тогда от блокады северное Белое море. Кстати сам Р. Ченслер отмечал:

> «*Если бы русские знали свою силу, никто бы не смог соперничать с ними, а их соседи не имели бы покоя от них. Я могу сравнить русских с молодым конем, который не знает своей силы*»[411].

Существовала общая потребность российской экономики в целом, формирующего рынка России в развитии внешней торговли с европейскими и другими зарубежными стра-

[410] Кучепатов Ю.Н. Архангельский морской порт. Сев.-Запад.кн.изд-во, 1968.
[411] Английские путешественники в Московском государстве в XVI век / перевод с анг. Ю.В.Готье. Л., 1937.

нами. Поэтому с учетом всего комплекса военных, торгово-экономических, географических, геополитических и других причин с середины XVI века начались регулярные торговые отношения России с Западной Европой через Белое море.

Торговый путь из Англии в Персию через Белое море

В 1557 году четыре английских корабля снова направились в Белое море. На одном и них возвращался в Россию посол Осип Непея с агентом А. Дженкинсоном, который в 1558 году выехал в Казань и Персию, а вернулся в Англию из далекого путешествия только в 1560 году. В том году (1560) в первый раз английские корабли пришли обратно благополучно, без потерь и кораблекрушений, мертвого фрахта и пожаров. В 1561 году А. Дженкинсон снова был направлен агентом в Россию и Персию.

Англичане торговали на российских рынках одной монопольной компанией, подчинялись власти общего агента, специализировались на ввозе сукна, продавали оружие и боевые припасы, другие товары. Из России ценился вывоз леса. Товары, доставляемые из Англии на морских судах, перегружались в бухте Николо-Корельского монастыря в устье Северной Двины на деревянные плоскодонные суда — насады и отправлялись в Холмогоры. Насадами назывались очень длинные и широкие суда, крытые сверху, грузоподъемностью до двухсот тонн, осадка не более четырех футов, при попутном ветре шли под парусами или их тянули, отталкиваясь шестами. Английские купцы имели в Никольском устье свои склады, торговую контору. В Холмогорах они вели торг, нередко оставаясь зимовать, имели там землю, свои дома, торговые конторы. В 1557 году англичане построили здесь канатный завод по переработке пеньки. Количество английских судов, приходящих в устье Северной Двины, ежегодно возрастало.

Оживленным путем торговли с Персией и другими восточными странами стал торговый путь «Архангельск—Астрахань—Персия» (сегодня этот путь мы назвали бы «транспортный коридор север—юг» или Север России—Иран). Товары Востока по этому пути привозились в устье Северной Двины для последующей отправки в западные страны Европы. В свою очередь западно-европейские товары через архангельский порт направлялись в Астрахань и дальше в Персию и Бухару. В Персию совершали путешествия Т. Олкок, Дж. Ренн и Р. Чини (1563—1565); Р. Джонсон, А. Китчин и А. Эдуарде (1565—1567); А. Эдуарде и Л. Чэпмэн (1568—1569); Т. Бэнистер и Д. Дэкет (1568—1574) и др.

Длинными, опасными и продолжительными были в те времена торговые путешествия в Персию. Христофор Бэрроу, описывая свое путешествие в Персию в 1579—1581 гг., отмечал, что они вышли из Грэйвзенда 19 июня 1579 года, прибыли к святому Николаю в России 22 июля, перегрузили товары на дощанники и 27 июля были в Колмогорах; 29 июля вышли из Колмогор и 9 августа пришли в Устюг; в Тотьму — 15 августа; в Вологду — 19 августа; затем сухим путем (товар на 25 телегах) в Ярославль 30 августа; три струга или баржи оттуда в Астрахань, куда прибыли 16 октября 1579 года. В Астрахани купцов уже ждал корабль для путешествия в Персию. Весной 1581 года нагрузив струги товарами английские купцы шли обратно вверх по Волге, 29 июня прибыли в Вологду, 16 июля к Розовому острову; 25 июля 1881 года отплыли в Англию[412].

[412] Английские путешественники в Московском государстве в XVI век»/ перевод с анг. Ю.В.Готье. Л-д, 1937.

Англичане, а затем голландцы страстно мечтали монопольно завладеть этим торговым путем, но их попытки не имели успеха. Россия как могла отстаивала свои интересы на Белом море и свои северные торговые пути на всём протяжении транспортного коридора Архангельск-Астрахань. В 1569 году англичане, кроме того, получили разрешение копать железную руду на Вычегде и вывозить её в Англию, где русская руда плавилась в Лондоне. Привилегия 1569 года дополнительно давала разрешение на чеканку английских монет в России и на постройку английских домов в новых пунктах. Английские торговые агенты свободно передвигались в те времена по стране, изучали состояние торговых путей, намечали места для строительства своих складов. Используя льготы англичане при этом всеми способами мешали развитию предпринимательства русскими купцами.

Россия пыталась робко, хоть как-то ограничить экспансию английских купцов, но была не очень последовательна в своей политике. Если в 1555 году англичане получили от царя Ивана IV право на беспошлинную торговлю, то через семнадцать лет в 1572 году для английских купцов была установлена уже половинная пошлина с учетом отечественных интересов. Однако в 1586 году английским торговым людям была снова подтверждена беспошлинность. По царской жалованной грамоте Федора Ивановича от 1 января 1586 года «*освободили им торговати во всем государстве, во всех городах, всякими своими товары на всякий товар безпошлинно*»[413]. Англичане имели свои дворы в Ярославле (два), Вологде (один); на Колмогорах (два), да двор у пристанища морского. Этот двор им было разрешено не переносить к новому Архангельскому городу. И только в 1646 году беспошлинная торговля английских купцов была окончательно отменена, а 1 июля 1649 года англичанам приказано выехать из Москвы и других городов страны со всем их имуществом и конторами. Им разрешалось торговать только в Архангельске, а проезд в другие российские города был запрещен.

В своей деятельностью англичане стремились не допускать к участию в торговле с Россией своих конкурентов (голландцев, немцев и др.). Царь Федор Иванович жаловался в 1587 году английской королеве Елизавете*:*

> *«твоих кораблей к пристанищу морскому придет человек пять, шесть на пяти, на шести кораблех, и в силах, что на десяти кораблех во всякое лето, а пятидесяти или ста кораблей пропущати не хотят. И ты б … иных государств гостей с товары пропущать велела к нашему к морскому пристанищу, к Двинскому городу, чтобы торговые люди всякие ездили»* [414].

Через два года в ответ на наглые требования англичан отказаться от торговли с другими странами царь более твердо написал: «*а ездили б всякие люди из всех государств в наше государство к морскому пристанищу в новый Колмогорский город, всякие люди со всякими товарами*» [415].

---

[413] Памятники дипломатических сношений Московского государства с Англиею с 1584 по 1604 г. /под ред. К.Н. Бестужева-Рюмина // РИО, т.38. СПб, 1883. С. 176—179.
[414] РИО, т.38. Там же. С. 179—184.
[415] РИО, т.38. Там же. С. 202.

Иностранные купцы, особенно английские, пользуясь отсутствием опыта в торговых делах у русского купечества, льготами, которые предоставило им царское правительство, а также тем, что у русских не было своего торгового флота, совершенно обнаглели. Путем подкупа таможенных и других чиновников они провозили контрабанду, бойкотировали русские товары, а затем скупали их за бесценок. Англичане практически хозяйничали в России, как в собственной колонии [416]. Такой колониальный подход ущемлял российские национальные интересы.

В начале XX века вопросы русско-английских отношений всесторонне исследовала Инна Ивановна Любименко (1878—1959). В Лондонском государственном архиве она нашла копию письма капитана Т.Чемберлена с «Предложением» об установлении английского протектората над частью России. Копия письма хранилась также в библиотеке Р. Коттона. На основе анализа источников И.И. Любименко опубликовала «Английский проект 1612 г. о подчинении русского Севера протекторату Иакова I», разработанный при участии видного английского дипломата и коммерсанта Джона Меррика и представленный капитаном Томасом Чемберленом британскому королю Якову (Иакову) первому [417].

Капитан Томас Чемберлен сражался наемником в войсках Василия Шуйского. Вернувшись в Англию, он в 1612 году разработал проект интервенции Русского Севера и представил его королю. Предполагалось установить суверенитет над той частью Московии, которая расположена между Архангельском и Волгою, и над водным путем до Каспийского или Персидского моря или, по крайней мере, протекторат над нею и полную свободу для английской торговли. Этот проект Т.Чемберлен сравнивал даже с тем, как Колумб предлагал Генриху VII открытие для него Вест-Индии[418]. Ежегодный английский ввоз в Россию Чем-берлен оценивал в 40 тысяч фунтов стерлингов (60 тысяч рублей), подчеркивая, что огромную ценность имеет вывоз из России материалов, необходимых для оснащения английского флота: льна, пеньки, веревочных изделий, смолы, дегтя, мачтового леса [419] . Великобритания должна была стать складом восточных товаров для всей Европы, получая прибыль от такой перепродажи товаров.

Не случайно поэтому, проекты сценариев ограничения суверенитета России с учетом выгоды от внешней торговли поддержали управляющий «Moscow campany» сэр Томас Смит (1558—1625) и многие другие купцы. Одобренный в королевском совете, «русский проект» Т. Чемберлена и Д.Меррика был утвержден королем в мае 1613 года [420]. Предусматривалось покорение Русского государства путем сговора английского капитала с частью «московитов», готовых отдаться под покровительство английского короля. Речь при этом шла о получении *суверенитета* над громадной территорией России, расположенной между Архангельском и Волгой, водными торговыми путями по Волге до Каспийского моря или Персидского залива. По другому сценарию предусматривалось принятие *протектората* над всем этим громадным российским пространством и полная свобода для английской торговли. Не исключалось и военное развитие событий, *прямой интервенции* Архангельска, для чего предусматривалось отправить в Россию войско и флот, провести переговоры и заключить затем соответ-

[416] Кучепатов Ю.Н. Архангельский морской порт. Сев.-Запад.кн.изд-во, 1968.

[417] Любименко И.И. Английский проект 1612 г. о подчинении русского Севера протекторату Иакова I// Научно-исторический журнал. СПб. 1914. №5. С. 1—16.

[418] Проект Чемберлена. URL: ky-corsair.livejournal.com/90384.html (дата обращения: 12.01.2015).

[419] Фруменков Г.Г. Соловецкий монастырь и оборона Беломорья. Северо-Западное книж. изд-во, 1975. С. 49.

[420] Майоров А.В. Древнерусская летопись из Коттонианской библиотеки // Вопросы истории. 2013. № 9. С. 87—101. URL: http://svitoc.ru/index.php?showtopic=1470; http://svitoc.ru/topic/1470-drevnerusskaya-letopis-iz-kottonianskoj-bibli/ (дата обращения: 01.01.2015).

ствующий договор. Все расходы на эту экспедицию должно было нести русское население [421]. После заключения договора с населением на условиях суверенитета или протектората предлагалось передать английской компании достаточно казны и товаров, чтобы оплатить вооружение и перевозку нужного им количества воинов [422].

Т.Чемберлен и Д.Меррик указывали, что некие представители северных областей встречались с агентом Московской торговой компании и вели соотвествующие переговоры, чтобы король Англии Яков I стал «императором и покровителем России». Основную ставку предлагалось сделать на жителей Русского Севера потому, что именно там русские люди имели давние взаимовыгодные контакты, опыт взаимного общения с англичанами. Нужно заметить, что практически во всех проектах говорилось о согласии неких неназванных представителей русского населения на английский протекторат и интервенцию. Но ни российские, ни британские исследователи не нашли пока этому документального подтверждения, кроме слов англичан.

Осуществляя геополитические замыслы Великобритании, ещё в июле 1612 года авангарадный отряд из 20 капитанов, ротмистров и 100 иноземных солдат прибыли в Архангельск и выразили «горячее желание» поступить на русскую службу, сражаться против Польши. По указанию князя Пожарского английским «добровольцам» было вежливо предложено покинуть Архангельск, а местным властям предписывалось не пускать иностранцев вглубь страны, строго следить за приходом к Архангельскому городу кораблей с вооруженными людьми [423].

Однако вмешательство во внутренние дела России не прекращалось. В мае 1613 года в Архангельск направились английские торговые суда, на которых в роли послов находились Дж.Меррик и У. Рассел, один из директоров «Moscow campany». Они прибыли в Архангельск 2 июня 2013 года и узнали, что на престол уже избран Михаил Романов. Пришлось подальше спрятать тайные инструкции, о которых в России в то время так и не узнали.

Французский капитан Жан Маржерет, служивший наемником ещё в «гвардии» Лжедмитрия, направил в 2013 году английскому королю Якову I свой «Проект оккупации русского Севера». Он писал, что Россия «разделена и пребывает в раздорах» и поэтому рекомендовал набрать и послать в Россию 3000-е войско под командой мудрого генерала, способного всячески сообразовываться со временем и условиями страны. «И приказать захватить землю в Архангельске, месте весьма подходящем и удобном, чтобы продвинуть дело, благоприятствовать успеху Вашей армии и доставлять неудобства противнику. И далее, захватывая крепости, среди которых нет крупных, продвигаться к Москве. Нет никаких сомнений, ваша армия будет с радостью встречена большей частью людей той страны, которые пребывают постоянно в страхе как от собственных казаков, так и от прочих врагов, которые не прекращают рыскать по всей стране, как это было еще прошлой зимой. Это настолько изнуряет их, что они мечтают единственно о том, чтобы иметь какого-нибудь иноземного государя, под которым они могли бы наслаждаться надежным миром. …Ваше Величество завладеет портом

[421] Любименко И. И. Планы английской интервенции в России в начале XVII столетия // Советская наука. 1941. № 2. URL: sky-corsair.livejournal.com/90384.html (дата обращения: 01.01.2015). Фруменков Г.Г. Соловецкий монастырь и оборона Беломорья. Северо-Западное книж. изд-во, 1975. С. 49—50.

[422] Копица М.Н. История Архангельского Севера с древнейших времен до начала XX века: Пособие для учителя. Архангельск, 2009. С. 31—32.

[423] Фруменков Г.Г. Соловецкий монастырь и оборона Беломорья. Северо-Западное книж. изд-во, 1975. С. 52.

Архангельска, на который у них вся надежда, они тем самым не только будут разорены во всей своей торговле, но также лишатся надежды на получение помощи из военного снаряжения и прочего необходимого, по большей части идущего из этих краев[424]. Всем этим планам было не суждено сбыться.

Приключения и конкуренция иностранцев на Русском Севере

Англичане не были одиноки в своих планах ограничения суверенитета России. Морские пути в Россию через северные моря активно стремились использовать для развития торговых отношений и другие европейские страны, прежде всего, Нидерланды. В 1564 году по примеру английской «Moscow campany» голландцы создают свою компанию для торговли с Россией. Путешествия голландцев, как впрочем и англичан, выглядят настоящими детективными историями, приключениями «немцев» в России (всех иностранцев тогда называли «немцами», немыми, не говорящими по-русски, не различая их по национальности), на основе которых можно создать не один острый сюжет в литературе или кино. В 1564 году первый голландский корабль пристал к берегу Лапландии у крепости Вардегусь, а с 1565 году голландские корабли стали посещать Печенгскую губу, Кольскую и друге гавани. Осенью 1565 года в Печенгу и Колу пришли два голландских корабля с товарами. Винтеркониг, на одном из кораблей, пытавшийся пройти к монастырю святого Николая, был убит русскими с целью ограбления у мыса Териберского.

В 1566 году торговый агент *Симон фон Салинген* привел в Печенгскую губу два корабля. Был и третий корабль, оставленный Корнелиусом де Мейром, который год тому назад направился в Москву по делу расследования убийства Винтерконига. Салинген и Мейер, возвратившийся к тому времени из Москвы, встретились в Коле, переоделись в русское платье и через Кандалакшу, Кереть, Кемь, Суму, Онегу и Каргополь снова направились в Москву, но их путешествие оказалось неудачным, попытка встретиться с царем не удалась. Салинген предпринимал торговые поездки по Корелии, Лапландии и России в течение 1566 и 1567 гг. до весны 1568 г. В 1570 году Салинген побывал на Соловках, острове Кузов, в Суме, в 1572 году в монастыре преп. Трифона в Печенгской губе. Салинген — специалист по России, знал русский язык, в 1582—1583 гг. перешел на датскую службу, в 1601 году приезжал в Москву в качестве посла датского короля Христиана IV. К 1601 г. относится географическая карта, составленная Салингеном по поручению короля Христиана IV, которая включает северную Скандинавию, Лапландию и Финландию и хранится в Государственном архиве в Стокгольме [425].

Ещё один иностранец *Оливер Брюннель* был схвачен в Холмогорах по доносу англичан как шпион; сидел в тюрьме в Ярославле. Благодаря ходатайству купцов Строгановых выпущен из тюрьмы и поступил к ним на службу. По поручению Строгановых совершил несколько морских путешествий через Колу в Нидерланды с мехами и другими товарами. Ездил в Сибирь, за Урал, к Оби. Строгановы посылали его исследовать путь в Китай, Сибирь со стороны Ледовито-

---

[424] Проект оккупации русского Севера, представленный английскому королю Якову I // Ж.Маржерет в зарубежных документах. URL: http://www.vostlit.info/Texts/rus6/Margeret_2/frametext5.htm (дата обращения: 09.08. 2015)

[425] Фелдтриль А.И. Посольство А.Бурха и И. фан Фелдтриля к царю Михаилу Федоровичу в 1630 и 1631 гг. URL: http://www.kolamap.ru/library/doc/1631_brunel.htm (дата обращения: 26.07.2014).

го океана. Он достиг Новой земли, его корабль потерпел крушение в Карском море, а сам О. Брюннель возвратился в Нидерланды. Поступил на датскую службу и ещё три раза участвовал в экспедициях из Дании в Гренландию. В 1578 году Оливер Брюннель на голландском корабле под управлением Яна Якобсона Метте-Липпень впервые прибыл в устье Северной Двины, но вошел не в Корельское русло, а в Пудожемское. У Северной Двины были четыре устья — Березовское, Мурманское, Пудожемское и Корельское (Никольское). Следом за ними прошли этим же путем и другие нидерландские корабли. С этого времени устье Северной Двины стало доступным для голландцев и перестало быть исключительно достоянием англичан. Голландцы, получив царское разрешение на постройку пристани, обосновались в 15 верстах от пристани св. Николая — гавани своих главных конкурентов англичан, в Пудожемском устье Северной Двины. Ян де Валле, по русским источникам его называли Иван Белобород, поставил на берегу Пудожемского устья Двины двор и амбар [426].

России тех лет было выгодно иметь как можно больше торговых партнеров. Судооборот в устье Северной Двины в итоге конкуренции англичан и голландцев заметно оживился. Морская дорога тогда через северные моря была беспокойной и опасной для торговых судов. Царь Иван IV писал в июле 1582 года в грамоте датскому королю, что морская дорога к нашей вотчине, в Холмогоры, Колу и другие морские пристанища, не новая. Приезжают к нам по ней английские и иных государств немцы, по нашему позволению им даны наши жалованные грамоты. И разрешение ставить дворы в нашем государстве, и они живут в Москве и иных городах на своих дворах, как русские люди. А ныне ты, король Фредерик, вступаешь в эту морскую дорогу. А к нам ныне писали приказные люди из Холмогор и из Колы, что пришли туда пять твоих кораблей, и нападают в Коле и Холмогорах разбойным обычаем на немцев, которые к нам в наше государство ехали.

Одно из голландских судов — корабль под командой капитана Класа Янсона из Гоорна, преследуемый флотилией датских морских корсаров Эрике Мунка, в 1582 году вошел в Пудожемское устье Двины на всех парусах. Капитан послал вперед шлюпку с матросами, измеряющими глубину, и впервые его корабль прошел по Двине и встал на рейде у Михайло-Архангельского монастыря. Это было одно из первых морских судов, которое поднялось в устье Северной Двины вверх до Пур-Наволока и встало на якорь на рейде в акватории Архангельского морского порта. В.А. Кордт, основываясь на хронике голландского историка Вассенара, писал, что голландцы, убедившись в судоходности Двины до Пур-Наволокского мыса, обратились к московскому правительству с ходатайством о перенесении торговли к месту Михайло-Архангельской обители. Им удалось заручиться поддержкой думного дьяка Андрея Щелкалова и благодаря его содействию, вскоре последовало царское соизволение на ходатайство. Думный дьяк Андрей Яковлевич Щелкалов питал к англичанам давнишнее недоброжелательство и всегда содействовал их конкурентам по торговле в Архангельске. Василий, его брат, когда сделался посольским дьяком, наоборот благоволил англичанам. Голландцы имели в числе покровителей при царском дворе боярина Н.Р. Юрьева, А.Я. Щелкалова, оружейничьего Б.Я. Бельского. Они платили им ежегодно по пять тысяч рублей. Ян де Валле (Иван Белобород) делал подарки и самому царю [РИО.Т. 38].

---

[426] Кордт В.А. Очерк сношений Московского государства с республикою Соединенных Нидерландов по 1631 год // Сборник императорского Русского исторического общества (РИО). Т.116. СПб, 1902. С. XIX—XXXIII.

Сложность ситуации в устье Северной Двины и на Белом море подтверждается и русскими источниками. Посольство Федора Писемского прибыло 23 июня 1582 года в Холмогоры, но им долго пришлось ждать морской оказии. 18 июля в Никольское устье Северной Двины прибыли 11-ть английских судов, в том числе два военных корабля для «береженья, чтобы торговым кораблям от датских людей идти было без страха». Когда Писемский обратился к английским купцам с просьбой немедленно отпустить его на одном из кораблей в Англию, то получил отказ из-за присутствия на море датских военных кораблей. Английские корабли решили объединить с пятью кораблями Яна де Валле и вся эскадра из 15-ти судов (один английский корабль всё же ушел ещё 23 июля) одновременно вышла в плавание 11 августа 1582 года. Посольство Ф. Писемского благополучно вернулось через год обратно в Никольское устье Северной Двины, куда пришли четыре английских корабля. Федор Писемский и подьячий Неудача Ховралев уже 7 августа 1583 года отчитывались перед царем о выполнении своей миссии.

Иван IV после этого срочно послал З.М.Болтина для встречи на Двине английского посла Еремея Боуса, прибывшего морем вместе с русским посольством, но задержанного в Холмогорах. З.М. Болтин должен был не только встретить английского посла в Холмогорах и произнести речь, но и побывать в «Новогородке», где сказать воеводам П. Нащокину и З. Волохову опальное царское слово за задержку английского посла. А затем вместе с английским посольством он должен был ехать к Вологде. В Москву Е. Боус прибыл 15 октября. Кстати, по доносу английского посла, З. Болтин был посажен на время в тюрьму за то, что якобы тесноту во всем чинил послу и корму не додавал [427]. Переговоры с Е.Боусом в Москве велись с 18 октября 1583 года до 14 февраля 1584 года. В грамоте Микифора Сущова от 29 августа 1584 года, которого царь послал провожать английского посла Еремея Боуса обратно до Колмогор и до пристани морской в Архангельске сообщалось, что он кормил посла по твоему государеву наказу и по росписи, и затем отпустил за море.

Инна Любименко, анализируя московский рынок как арену борьбы Голландии с Англией, писала, что в Архангельске утверждается ряд крупных торговых фирм. Англичане предсказывали новому порту недолгое существование. Не желая покидать Розовый остров в Никольском устье Двины у самого Белого моря (современный Северодвинск), они не скупились на подарки, чтобы удержать старое пристанище. Но в 1591 году им всё таки пришлось перебраться в Архангельск, монопольно ставшим с тех пор единственным беломорским торговым портом на Русском Севере для внешнеторговых операций [428].

Острейшая конкуренция между английскими и голландскими купцами, которая началась в XVI веке и продолжалась и в следующем XVII столетии, способствовала росту влияния Архангельска. В 1597 году в Архангельск было послано указание о том, чтобы нидерландцы, другие иноземцы, англичане, не состоящие членами кампании, не пропускались в Московское государство дальше Архангельска. В 1599 году голландцы получили жалованную грамоту и разрешение проезжать во внутренние области Московского государства, но уже в 1601 году царь Борис снова приказал не выпускать голландских торговых гостей из Архангельска к

[427] Памятники дипломатических сношений Московского государства с Англиею с 1584 по 1604 г. /под ред К. Н Бестужева-Рюмина // РИО, т. 38. СПб, 1883. С. 15, 73—75

[428] Любименко И. Московский рынок как арена борьбы Голландии с Англией // Историческое прошлое: исторические сборники под ред. С.Ф. Платонова, А.Е. Преснякова и Юлия Гессена. №5. П-д, 1923. С. 20

Москве и другим городам. Как видим, торговые связи Нидерландов с Россией через Архангельский морской порт были не всегда безоблачными. Возникали затруднения с уплатой пошлины (требование платить пошлину золотой монетой, которой не располагали заморские купцы), два года бездействовал речной путь между Архангельском и Москвой; голландские купцы не имели жалованных грамот на торговлю в России и не могли вести торговые дела внутри страны. Нелегкие условия торговли внутри российского государства вынудили купцов из Голландии и Гамбурга даже создать голландско-гамбургскую московскую компанию. Голландцы в XVI веке не имели таких торговых привилегий, как англичане, но уже в следующем XVII столетии они заняли преобладающее место в русской внешней торговле.

В 1665 году специальные царские грамоты известили английского короля, что по причине «поветрия» в Лондоне приказано не подпускать к Архангельску английские корабли и не производить торговлю с Англией. Важных уступок в торговых делах на архангельском рынке голландцам удалось добиться через 20 лет. Были созданы условия для пропуска голландских судов в устье Двины, свободного найма «вожей» (лоцманов), двинским воеводам запрещено регулировать цены во время ярмарки, была снята грузовая пошлина с голландских дощаников, перевозивших товары по Двине и Сухоне. Принятые меры значительно упорядочили торговлю через Архангельск с иностранцами и облегчили её ведение внутри страны. В 50—60-е годы XVII века в Архангельск ежегодно приходило от 40 до 50-ти голландских судов. В 1690 году из Амстердама в Архангельск завезли две тысячи карабинов и пистолей. Поставки оружия происходили и в последующие годы [429]. Устанавливаются первые связи России с голландскими судостроительными верфями, приглашаются корабельные мастера, в Голландии покупается морской корабль, который под именем «Святое пророчество» вошёл в 1694 году в состав первого военно-морского соединения России. К 1693 году в Архангельске существовало 29 домов иностранных купцов. Ежегодно в Архангельский морской порт приходило до сорока иностранных кораблей [430]. Царский двор вёл твердую линию на создание более выгодных условий, в первую очередь, для русских торговцев.

5.3. Архангельск — ключевое звено во внешней торговле России XVI—начале XVIII вв.

Английские, голландские и другие путетешественники публиковали свои заметки, составляли карты российского государства, являющиеся важнейшими источниками истории Московии, России тех далёких столетий, да и самого Архангельска, его вида, изображенного на карте XVII века. Используемые на Западе карты имели не только большую практическую, информационную значимость при организации морских экспедиций в Россию, но и выполняли важнейшую геополитическую роль, предъявлялись как документальные свидетельства при возникновении конфликтных ситуаций, территориальных споров. Анализируя известные в мире карты можно с уверенностью подчеркнуть ключевую стратегическую роль Архангельска во внешней торговле России на протяжении двух столетий в XVI и XVII вв.

---

[429] Белов М.И. Россия и Голландия в последней четверти XVII века // Международные связи России в XVII—XVIII вв. (Экономика, политика и культура): сб.статей. М.: Изд-во «Наука», 1966. С. 62

[430] Огородников С. История Архангельского порта. СПб, 1875. С. 5

Оригинал одной из самых известных карт России «Tabula Russiae» был составлен Гесселем Герритсом (1581—1632) и впервые издан в Амстердаме в 1613 году. Основой при со-

Рисунок 52. Карта «Tabula Russiae». 1613 год/ Гессель Герритс.
URL: http://kleynod.at.ua/foto/a5_1/153.jpg

здании карты стала рукописная карта России царевича Федора Борисовича Годунова (одна из первых собственно русских карт России), карта Великого литовского княжества Т. Маковского, а также карта России Исаака Массы.

Второе, исправленное издание вышло в 1614 году. Карта входила и в состав знаменитого Атласа Блау, который издавался с 1635 года. Карта «Tabula Russiae» имеет декоративные украшения в виде картуша с гербом России, а также видом Архангельска — главного морского порта России того времени (изображен справа в середине карты). Это одно из самых первых изображений города Архангельска. Слева в верхней части помещен план Москвы, созданный по распоряжению царевича Федора Борисовича. Представленная карта относится к числу лучших картографических памятников XVII столетия, имеет несомненно историко-культурное и художественное значение.

Рисунок 53. Голландская карта России. 1638 год/ Isaac Massa. URL: http://img0.liveinternet.ru/images/attach/c/8/100/497/100497196_large_4000579_1218PX1.JPG

Исаак Масса (нидерл. Isaac Abrahamszoon Massa) — голландский купец, путешественник и дипломат — посланник Генеральных штатов к Московскому государству является автором мемуаров, описывающих события Смутного времени, свидетелем которого он был находясь в Москве в 1601—1609 гг., и карт Восточной Европы и Сибири. Живя в Москве Масса выучил ся русскому языку, стал собирать сведения о географии северо-восточных окраин России, а также исторические материалы, начиная с царствования Ивана Грозного. Московские события смутной эпохи заставили его в 1609 году перед падением царя Василия Шуйского уехать из Москвы и отправиться на родину морем через Архангельск вместе с другими иностранными купцами [431]. На его известной карте России (1638) хорошо показано Белое море, Лукоморье на севере страны.

Изображенный на карте И. Массы порт святого Михаила Архангела в устье Северной Двины был результатом городового дела в конце XVI века, когда вокруг Михайло-Архангельского монастыря в очень короткие сроки была возведена военная деревянная крепость и появился военный гарнизон для её защиты. Однако, обращает внимание тот факт, что на карте И. Массы 1635 года Архангельск в устье реки Двины назван не «новым Архангельским городом» или «новым Колмогорским городом», подразумевая построенную здесь в 1583-1584 гг. военную крепость, а «SM Archangel», то есть по имени святой обители Михаила Ар-

[431] Исаак Масса. URL: http://www.liveinternet.ru/users/4000579/post275390840/ (дата обращения: 26.07.2014).

хангела, что совершенно справедливо отражает правду истории, потому что военная крепость локализируется в поселении Михайло-Архангельского монастыря, основанного в конце XIV века (1388).

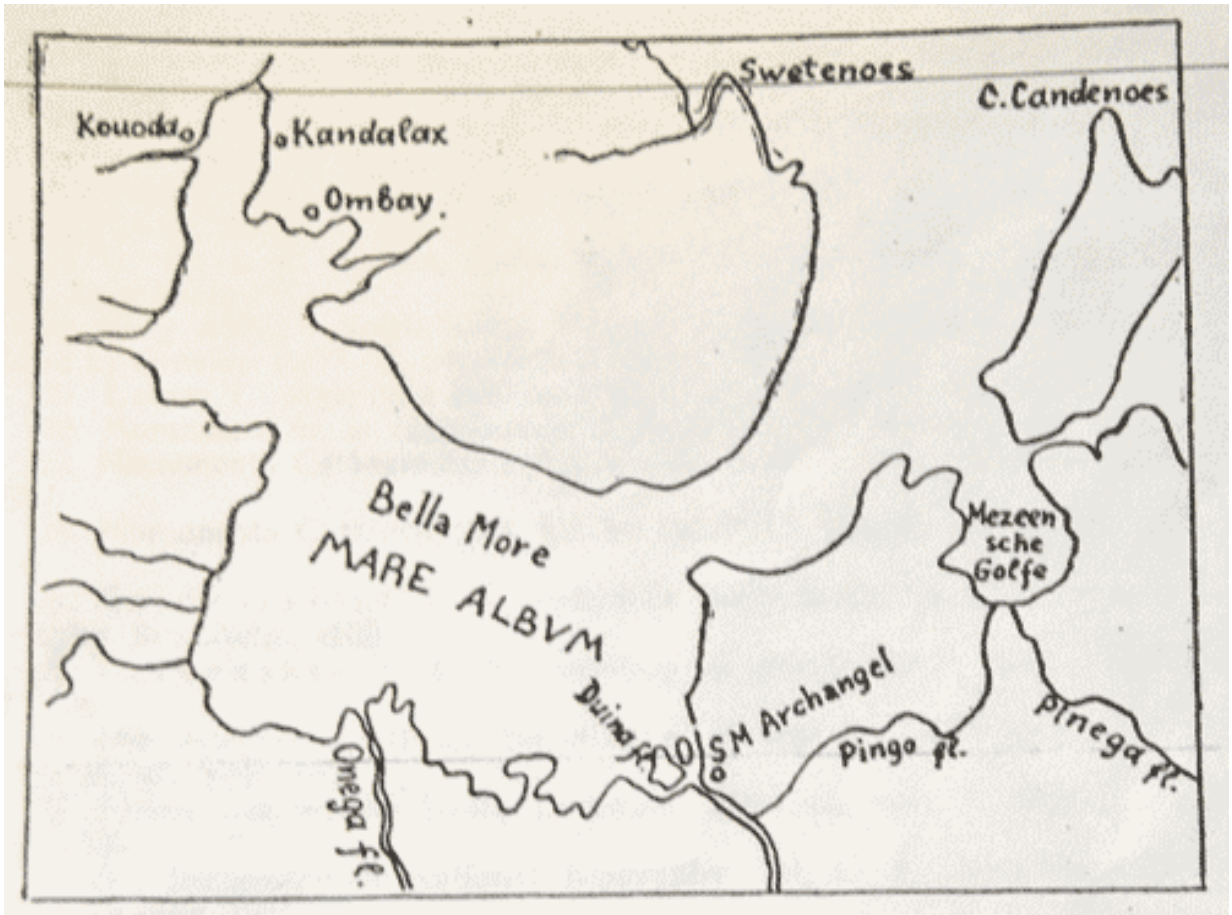


Рисунок 54. Деталь карты «Северные и восточные области России» И. Массы. Ок. I635 года.
URL: http://www.kolamap.ru/library/valdman/DSC_0008.gif

Отплытие посольства Конрада фан Кленка к царям Алексею Михайловичу и Федору Алексеевичу из Архангельска изображается на гравюре Ромейна де-Гоохе к запискам Койэтта Бальтазара, который дал краткое описание Архангельска, английского и немецкого дворов, болотистой суши и упомянул, что здесь находится прекрасная церковь и монастырь [432].

В связи с публикацией большого количества карт в настоящее время, которые используются в том числе и в данной книге, необходимо согласиться с мнением П.А. Филина, к.и.н., который справедливо замечает, что если раньше старинные карты было возможно увидеть только в спецхранилищах государственных библиотек, архивов и музеев, то сейчас большое число карт появилось в Интернете. Сканированные копии карт размещают как государственные учреждения по всему миру, так и частные галереи, антикварные салоны, выставляя их на продажу. «Все это, с одной стороны, вызывает потребность в анализе и систематизации картографического материала. С другой стороны, в связи с тем, что публикуются исключительно западноевропейские источники, появляется диспропорция в восприятии памятников

[432] Бальтазар Койэтт, 1676. URL: http://www.lifeofpeople.info/themes/?theme=2.2.17.s (дата обращения: 26.07. 2014).

отечественной картографии — абсолютное большинство русских источников до сих пор недоступны широкой аудитории»[433].

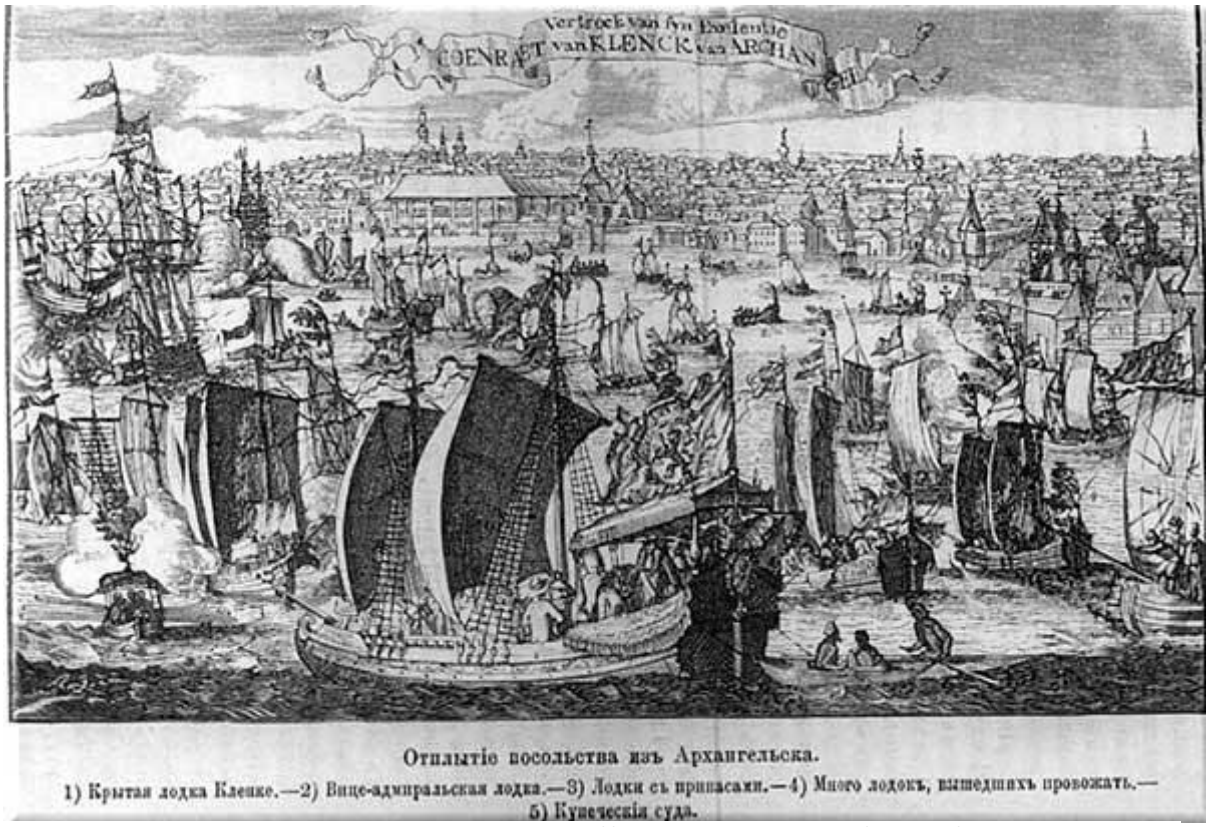


Рисунок 55. Гравюра Ромейна де-Гоохе. URL: http://www.lifeofpeople.info/themes/?theme=2.2.17.s

Заключая краткий и далеко не полный анализ внешнеторговых отношений российского государства с западно-европейскими странами через архангельский и другие северные порты, можно сделать вполне обоснованный главный вывод о том, что не торговые интересы англичан или голландцев и прочих «немцев», а осознанные потребности – интересы России, развитие её внешней торговли и необходимость укрепления северных рубежей вызвали к жизни Архангельский морской порт и военную крепость.

Внешнеполитическая обстановка во второй половине XVI века складывалась крайне неблагоприятно для России. С 1558 по 1581 гг. Россия активно вела торговлю через Балтийское море. Из Нарвы ежегодно выходило не менее ста кораблей только со льном и пенькой. Но русскую торговлю через Балтийское море всеми способами тормозили Польша и Швеция. Наемные пиратские флотилии нападали на торговые корабли, грабили и сжигали их. Царю Ивану Грозному тоже приходилось нанимать пиратов для охраны торговых путей. После поражения России в Ливонской войне с потерей Нарвы в 1581 году страна лишилась возможности вести торговлю с Западом через Балтийское море. Путь через северные студеные моря на долгое время становится единственным окном в Европу. Поэтому «в отношении заграничного торга Русь, если можно так выразиться, обратилась в XVI веке лицом к Северу, к

[433] Филин П. Белое море на старинных картах// Альманах «Соловецкое море». 2009. №8. URL: http://www.solovki. info/?action=archive&id=486 (дата обращения: 26.07.2014).

«*божьей дороге» великому морю-океану*», — отмечалось в «Очерках по истории колонизации Севера»[434].

В связи с возросшей угрозой нападений разных «немцев» на Русский Север, царское правительство предпринимает ряд срочных мер для укрепления северных рубежей страны. В конце XVI века строятся деревянная крепость в Архангельске, Соловецкий каменный кремль, деревянные остроги в поморском селе Суме, в Коле, Кемский городок, были укреплены Керецкое и Сороцкое села. Одной из главных целей создания системы оборонительных сооружений по побережью Белого моря являлось не только обеспечение безопасности Русского Севера, но и стремление правительства защитить морской торговый путь.

Ставилась задача государственной важности положить конец безраздельному хозяйничанию иностранцев и особенно англичан в устье Северной Двины. Морская гавань на Яграх у Николо-Корельского монастыря всецело находилась в XVI веке в руках иностранцев, их торговые обороты русскими правительственными органами в достаточной степени не контролировались. Таможенные пошлины взимались не полностью. Всё это не отвечало задачам и целям монетарной системы торговли, господствовавшей в России в XVI—XVII веках. В этих условиях России был остро необходим не только торговый, но и административный пункт, где правительство могло бы осуществлять контроль за внешней торговлей и уплатой таможенных сборов, регулировать эти вопросы в интересах российского государства. Поэтому, Архангельск оказался в XVI—XVII веках тем ключевым звеном, сосредоточием отечественных и иностранных интересов, без которого внешняя и внутренняя торговля России, осуществляемая по северным рекам и морям, была бы вообще просто мало реальной.

Главными торговыми внутренними центрами были тогда Архангельск, Холмогоры, Вологда, Великий Устюг. В конце XVI века в Холмогорах была основана особая епархия, что подчеркивало большое значение этого города для всего Русского Севера. Здесь было развито судостроение, железоделательное ремесло, лесопильное и мукомольное производство, имелись канатные, прядильные и ткацкие предприятия, кузницы и слесарни, смолокурение, население занималось разными промыслами, существовала крупная торговая ярмарка. Колмогоры снабжали Новгород, Вологду и Москву и все окрестные области солью и соленой рыбой, которые привозилась из поселений на побережье Белого моря. Холмогоры, хотя и были признанным центром Двинской земли долгое время, не могли стать главной морской пристанью Русского Севера, так как из-за мелководья морские суда с большой осадкой не поднимались вверх по Двине.

Архангельск в конце XVI столетия ещё уступал Холмогорам, но большая таможенная пошлина с иноземных купцов стала взыскиваться уже только здесь [435]. К концу XVII века Архангельский порт стал основным источником сборов, таможенных доходов страны. В 1680 году сумма портовых сборов в Архангельске равнялась 75 тысячам рублей, что составляло 60 % всех пошлинных сборов страны или 12 % реальных доходов России тех лет [436]. В 1681 году таможенные сборы в Архангельском порту достигали 81 518 рублей, в 1682 г. уменьши-

---

[434] Очерки по истории колонизации Севера. Вып.1. Л-д, 1922. С. 18

[435] ААЭ. Т.1. Архангельской епархии (1294—1598). № 338. СПб, 1836.

[436] Пальмин В.А. Начало истории военно-морского флота (Архангельск, Белое море, 1694): монография. Архангельск: ИПЦ САФУ, 2002. С. 36.

лись до 76 941 рубля[437]. Эти цифры в полной мере раскрывают стратегическую роль и значение Архангельска в экономике России, масштабы деятельности морского порта и архангельской таможни, показывают эффективность проводимой российским государством внешней политики и развития торговли на Русском Севере.

Самым же слабым звеном, тормозившим развитие внешней торговли через северные порты, являлось отсутствие у России своего морского флота. Отсутствие у России торговых и военных морских кораблей европейского уровня в XVI—XVII веках негативно сказывалось на увеличении объемов экспорта и импорта, объективно заставляло русское правительство лавировать в политике, постоянно идти на компромиссы в разрешении льгот иностранным купцам, в сборе пошлин. Начало решению этой задачи было положено только при царе Петре первом. В 1693—1862 годах Архангельское адмиралтейство (Соломбальская судоверфь) стали ведущим центром отечественного военно-морского судостроения [438]. В Вавчуге в 1696—1702 гг. появилась первая частная верфь купцов Бажениных, где строились торговые суда.

Обобщая сказанное, среди основных факторов развития Архангельска в Двинской земле, роста его геополитической значимости, локализации как исторического места встречи цивилизаций, по моему мнению, можно назвать следующие.

1. Стратегически удобное природно-географическое, ландшафтное, морское, речное, торговое, военное расположение монастырского поселения св. Михаила на мысе Пур-Наволок в устье Северной Двины с конца XIV века, где через два столетия была построена военная крепость, морская пристань, гостиные дворы, таможня. Непригодность других мест из-за мелководья (Холмогоры), неудобного расположения (Ягры) к выполнению функций главной морской пристани в устье Северной Двины.
2. Наличие природных ресурсов на Русском Севере, в том числе леса (сосны, ели, северной лиственницы), водных морских и речных коммуникаций, развитой по тому времени транспортной инфраструктуры и логистики, накопленного человеческого капитала, — всё это создавало предпосылки для развития внутренней и внешней торговли России с использованием Северо-Двинского торгового пути и морских коммуникаций через Белое море.
3. Обеспечение безопасности России на её северных рубежах. Военная защита единственного после потери балтийской Нарвы свободного выхода в открытое море, в Европу через устье Северной Двины и студеные северные моря. Создание действующей системы оборонительных сооружений на побережье Белого моря. Начало реальной деятельности Российского военно-морского флота в 1694 году (Пётр I).
4. Традиционное развитие крестьянского, поморского, монастырского судостроения (Соловецкий монастырь и др.). Бурный рост военно-морского кораблестроения на Русском Севере, функционирование Соломбальской судоверфи в Архангельске с 1693 года. Деятельнось лесопильных мельниц, частной верфи Бажениных в двинском селе

[437] Кондрескул А.М. Поморье в политической истории России в конце XVII—первой четверти XVIII вв.: монография. Архангельск: КИРА, 2009. С.43.
[438] Пальмин В.А. История военно-морского кораблестроения на Русском Севере в 1693—1862 гг. // автореф. дисс. …канд истор.наук. Архангельск, 2000.

Вавчуге для строительства торговых судов, производства досок и брусьев, необходимых в судостроении.

5. Общая потребность российской экономики в развитии внешней торговли с западноевропейскими (Англия, Голландия, Дания, Франция и др.) и зарубежными странами Востока (Персия, Бухара). Нужда российского государства в получении импортного оружия, других «воинских инструментов» и товаров из Европы для укрепления своих вооруженных сил и развития экономики.
6. Социально-экономические интересы других земель, городов, всей России в развитии экспортной и импортной торговли через бассейн Северной Двины, где к XVI веку уже существовал вполне сложившийся рынок и производились товары пользующиеся большим спросом: пенька, парусина, выплавка железа (работал с 1648 года один из первых в России железоделательных заводов на Ваге, было также налажено железоделательное производство в Онеге, Каргополе, Холмогорах, Мезени, Красноборске, Яренске); продукты лесных, речных и морских промыслов, суда и др.
7. Усиление контроля за внешней торговлей России, её государственное регулирование. Создание в устье Северной Двины надежной морской пристани — порта, который всецело находился под контролем российского правительства, а не английских, датских, голландских купцов. Через Архангельский морской порт в лучшие годы проходило около трех четвертей всего внешнеторгового оборота страны.
8. Стремление модернизировать таможенную политику Российского государства и сосредоточить взимание торговых пошлин на Северной Двине и в Беломорье в одном самом удобном месте — Архангельске, а не в нескольких пунктах.

Архангельск стал в XVI веке широко распахнутым морским окном в западный мир, сохранившим эту историческую роль до начала XVIII века, до основания Петербурга в устье реки Невы с выходом в Балтийское море.

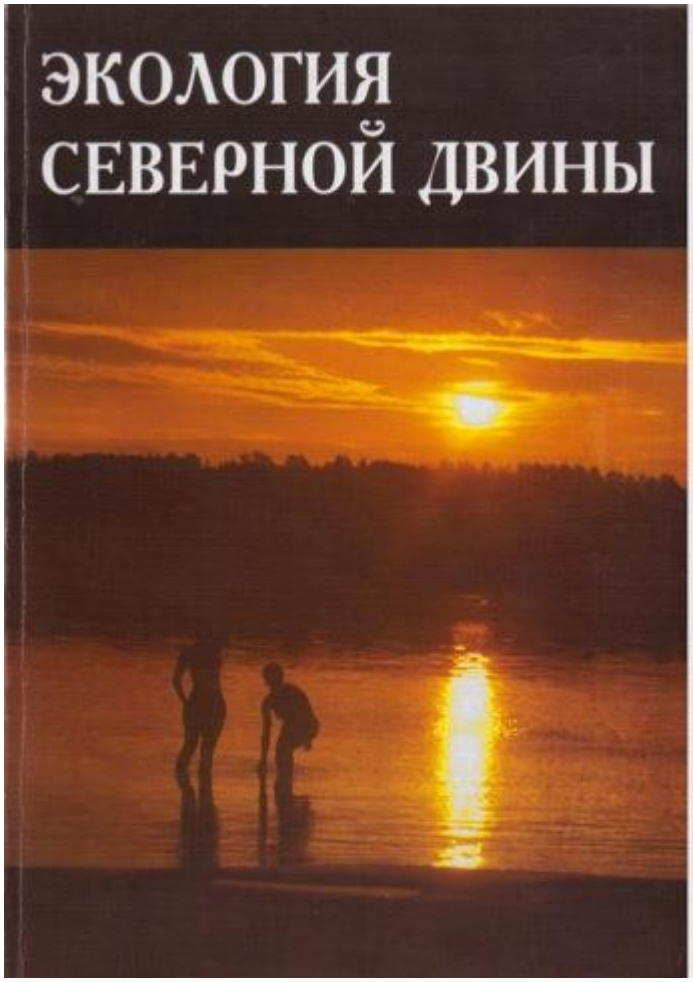
Основаннный в Архангельске торговый и военный порт стал также первым арктическим морским портом России в истории нашей страны, сыгравшим важнейшую геополитическую роль в освоении арктического циркумполярного пространства на протяжении нескольких последующих столетий до наших дней. Официальный реестр современных морских портов Российской Федерации в Арктическом бассейне включал в 2012 году 19 арктических гаваней: Архангельск (1584); Амдерма (поселок основан в 1933); Анадырь (1955); Беринговский (1941); Варандей (2010); Витино (1995); Диксон (1915); Дудинка (1935–1936); Игарка (1928); Кандалакша (1915); Мезень (XVI век); Мурманск (1915); Нарьян-Мар (1931); Онега (1781); Певек (1951); Провидения (1937); Тикси (1933); Хатанга (1948); Эгвекинот (1952).

В 2013 году в госреестр был включен новый порт Сабетта (2007) на побережье Обской губы Карского моря. Исключены порты в Амдерме и Игарке. Из 18 арктических портов — на Белом море расположены Архангельск, Кандалакша, Мезень, Онега. Ещё два порта — Варандей и Нарьян-Мар относятся к Ненецкому автономному округу, географически составляющем единое целое с Архангельской областью (2 субъекта на одной территории).

Глава 6

Экспедиция «Северная Двина-98»

В основу этой главы положены не только исторические сведения о Двинской земле, а главным образом личные путевые заметки автора, совершившего в июле 1998 года путешествие по Северной Двине, Сухоне и Вычегде в составе комплексной научно-исследовательской экспедиции, результаты которой опубликованы в книге «Экология Северной Двины» [439].



Социокультурное пространство никогда не остаётся неизменным, оно постоянно меняется во времени, изменяет свои границы и содержание. Это в полной мере относится и к истории современной Двинской земли не как административно-территориальной структуры, а историко-географического понятия, культурного феномена Русского Севера. Поэтому в рамках историко-культурного направления как одного из основных в работе экспедиции «Северная Двина-98» были поставлены следующие задачи: 1) Оценить современное состояние имеющихся объектов истории и культуры по берегам Северной Двины. 2) Исследовать развитие народных промыслов и ремесел; понять современную роль малых поселений в бассейне Северной Двины, а может и их будущее. 3) Дать оценку местного самоуправления, региональной политической ситуации. 4) Проанализировать имеющиеся возможности для организации отдыха, туризма, то есть реакционно-туристический потенциал Северной Двины.

Учитывая сложность задач и небольшие сроки полевых исследований, не всё намеченное было тогда выполнено. Поставленные задачи уточнялись, дополнялись и видоизменялись весь послеэкспедиционный период в ходе креативного осмысления материала, решались на протяжении ряда лет в научном творчестве всех участников экспедиции. Ряд проблем эволюционирования Двинской земли в потоке времени требовали серьезного теоретического осмысления, нового взгляда на них в свете современного уровня науки, потребности найти другие концептуальные междисциплинарные подходы, отличные от прежних представлений и учитывающие интересы региона, сохранение на севере русской традиционной культуры в лучших ее проявлениях.

---

[439] Экология Северной Двины. Архангельск, 1999. 228 с.

Социально-политическая значимость экспедиции «Северная Двина-98» заключается в том, что во многих отношениях это была уникальная, хорошо спланированная и организованная акция, но не в рамках государственных структур, а под эгидой некоммерческой организации Архангельского Зеленого Креста. Возглавлял экспедицию председатель Совета этой общественной организации, доктор химических наук, профессор К.Г. Боголицын. Успеху экспедиции во многом способствовали плодотворное сотрудничество и помощь Государственного комитета по охране окружающей среды Архангельской области (Архангельскприрода). Заместитель председателя Архангельскприроды В.С. Кузнецов, начальник отдела З.И. Руль и другие специалисты принимали непосредственное участие и в работе самой экспедиции, и в решении возникающих проблем.

Общий сбор участников экспедиции / 1998 г.

Двинская земля — это обширное историко-географическое пространство, фактически социально-экономическое, культурное ядро Русского Севера. В изучении и оценке состояния водного бассейна северных рек и окружающей среды, в исследовании историко-культурного наследия, индустриальных систем, здоровья и качества жизни местного населения участвовали 38 человек. Среди них профессора, научные сотрудники самых разных специальностей из Архангельского технического и Поморского государственных университетов, Архангельской медицинской академии, Института экологических проблем Севера, Института физиологии Уральского отделения Российской академии наук, работники других организаций. Совместное плавание на судах «В. Алексеев», «Полюс», «Юнга», экипажи которых внесли свой вклад в успех общего дела, показало, что ничто так не объединяет в междисциплинарных контактах и не способствует интеграции исследований, как перманентное общение, дискуссии, споры и размышления в кают-компании, работа в любую погоду и отдых у вечернего костра. Экспедиция на трех судах прошла более 1 600 километров без каких-либо чрезвычайных происшествий и конфликтов. Были творческая атмосфера, взаимопомощь, согласованность действий, прекрасная природа, очарование Северной Двины, встречи, общение с людьми. И в этом тоже важный итог экспедиции, не говоря уже о полученных научных результатах: обработаны сотни анализов воды, почв, воздуха; изучено состояние экосистемы Северной Двины; проведен зондаж общественного мнения.

Вопросами истории и культуры Двинской земли фактически интересовались все участники экспедиции. Мы постоянно дискутировали, обсуждали проблемы сохранности памятников истории и культуры, жизни и быта наших земляков, будущего тех деревень и поселков, которые видели на берегах Северной Двины. Специально по историко-культурному направлению работали М.В. Попов (областное Собрание депутатов), О.В. Зоренко (областной краеведческий музей), Н.Н. Чесноков (фотоцентр «Сполохи»), О.А. Петрова (областное радио);

Л.В. Голтвина, И.С. Рудакова, В.В. Фролов (телевизионная группа АГТРК «Поморье») и автор этих строк. В проведении опросов среди местного населения участвовали Н. Лискович (студентка АГМА в то время); З.И. Руль и Н.К. Богачева (Архангельскприрода), Е.А. Ушаков (Двино-Печорское бассейновое управление).

Из истории известно, что славяне преимущественно селились у рек и озер и всегда отличались умением и даже искусством плавания по рекам. Реки были для них водными дорогами, кормили их, поили, служили средством сообщения. Наши предки называли Северную Двину «матушкой-кормилицей». Система рек и волоков, расположенная к северо-востоку от Новгорода Великого, открывала предприимчивым новгородцам путь в Белое море через Северную Двину и притоки. Поэтому первыми основателями русских поселений были новгородцы. Эти поселения предназначались для поставки местных продуктов речного, морского и лесного промыслов на новгородский, а затем и общероссийский рынок. Русский Север был связан торговыми путями со всей Русью и зарубежьем. Через Архангельск и Беломорье Россия общалась с Западом. В XVI—XVII веках на архангельском рынке монопольно сосредоточилась почти вся “заморская” торговля Русского государства.

6.1. Памятники истории и культуры Двинской земли, экология души

Реки Сухона и Юг, сливаясь, образуют Северную Двину, а ее притоки Вычегда, Пинега, Вага — водные пути севера России. Стало быть, Двина образована из двух рек, то есть «Двойная», как ее первоначально называли. А с утерей одного гласного звука стала называться Двиной. Так гласит легенда. Учитывая характер двинской экспедиции 1998 года, хотелось бы затронуть проблему социокультурной эволюции. Двинская земля, современные Архангельская область и Беломорье сохраняют в настоящее время многие известные артефакты русской культуры (Соловецкий монастырь, музей в Малых Корелах, Кенозерье, Каргополь, Пинега, Сольвычегодск), но многое уже безвозвратно ушло, утрачено. Заметно снижается уровень общей культуры населения, изменились его ценностные ориентации, утрачены многие позитивные традиции русского народа, двинской и других земель.

Возникает проблема идентификации современного регионального историко-культурного пространства, поиска его валидных (приемлемых, достоверных) индикаторов. Можно акцентировать внимание на нескольких функционально значимых признаках общего историко-культурного пространства России, достижение которых в реальной жзни выдвигается в начале XXI века на первый план, таких как:

- Наличие не только общего историко-культурного пространства (язык, общее историческое прошлое, терпимость — толерантность в межрелигиозных и межэтнических отношениях), не разделяемого искусственными административными границами, но и сильного суверенного российского государства, обеспечивающем безопасность социума, создающем условия для устойчивого развития, сохранения общей культурно-этнической идентичности и разнообразия традиционных культур.
- Достаточно приличный уровень социального обеспечения людей, последовательная политика государства, направленная на минимизацию имеющихся территориальных социально-экономических различий в регионах, преодоление глубокого социального неравенства среди людей.

- Функционирование местного самоуправления, наличие многочисленных самоуправляющих общин и некоммерческих организаций гражданского общества, возрастающая социально-гражданская активность населения.
- Сохранение позитивных (не всех, а именно положительных) традиций и культурно-этнических особенностей населения — языка, культуры, лучших образцов семейно-брачных традиций, поддержка на государственном уровне культурно-этнической автономии для любого из этносов.

Чтобы получить реальную картину состояния того или иного регионального пространства, необходимы и экспедиции, и архивные изыскания, и более широкое применение других источников, изучение состояния общественного мнения, зафиксированного социологическими исследованиями, свидетельств живых очевидцев происходящих событий. А также в полной мере использование междисциплинарных результатов исследований археологии, геологии, климатологии, лингвистики, устного народного творчества и других наук. Современные гуманитарные исследования могут быть эффективными только на стыке разных отраслей научных знаний с применением междисциплинарных подходов, сравнительного анализа проявлений культуры различных социальных и этнических групп населения, применения информационно-коммуникационных и других иновационных современных технологий.

Наличие внутренних и внешних ограничений, другие препятствия на пути объективной оценки истории делают весьма актуальным *описательный подход,* как в древних летописях, всех происходящих событий в хронологическом порядке. Введение в научный оборот фактического материала позволит позднее провести более глубокий анализ тенденций, понять глубинную суть происходящих явлений. Однако это конечно же не означает, что ученые должны исследовать только прошлое историко-культурное пространство, не касаясь острых проблем современности. На это, кстати, была нацелена экспедиция по Северной Двине в 1998 году, анализирующая связь времён, исследуя прошлое и настоящее Двинской земли.

На Русском Севере, в частности в Подвинье, еще можно встретить памятники деревянного зодчества (церкви, колокольни, амбары, избы, часовни), которые уже почти исчезли в центральной России. Почему именно здесь сохранились прекрасные образцы древнерусской культуры. Можно указать на несколько главных причин.

Это, *во-первых*, наличие леса, доступного, дешевого строительного материала, который всегда под рукой. Древняя Русь была деревянной. Из дерева строили жилье, крепости, культовые сооружения. Строившиеся из дерева поселения так и называли — деревни. К сожалению именно поэтому до нашего времени редко доживают прекрасные памятники деревянного зодчества, ибо недолговечен век строений из дерева в отличие от построек из камня, известняка, кирпича, бетона, современных строительных материалов.

Во-вторых, на Севере длительное время сохранялись технологии деревянного строительства, строительной культуры дерева, берущие начало еще в языческой, дохристианской Руси. Интенсивному деревянному строительству на Севере способствовали две волны миграции, принесшие с собою высокую строительную культуру русского этноса: а) новгородская; б) московско-ростовская. На Севере закрепились архитектурно-строительные традиции Новгорода, Ростова, Москвы. Традиции же здесь были устойчивыми. Консерватизм северян позволяет нам судить о красоте деревянных построек, в частности клетских, шатро-

вых церквей, особенностях строительства, архитектуры, уходящих корнями еще в Древнюю Русь. На Севере почти не осталось памятников XII—XV веков из дерева, но консерватизм населения позволяют нам иметь о них представление на примерах сохранившихся традиционных деревянных построек более позднего времени XVIII—XIX веков.

В-третьих, по Северу не прошла татаро-монгольская военная лавина разрушения, хотя Новгородская республика, включающая Заволочье, зависела от Золотой Орды. Развитие культуры почти на всем пространстве Руси в тот период приостановилось, замедлилось. А в северной Руси всё же продолжала сохраняться и развиваться древнерусская культура, деревянное зодчество, сохранялись памятники древней литературы, традиции иконописи .

В-четвертых, на сохранении культурных традиций сказалось влияние старообрядчества. В XVII веке на Север уходят сторонники древлеправославной веры. Старообрядцы сберегли, донесли для нас некоторые образцы дореформенной, старорусской материальной культуры. В совокупности эти и другие причины обусловили феномен сохранения традиционной русской культуры на Севере не только в деревянном зодчестве, но и фольклоре, хоровом пении, иконописи и иных видах творчества.

Васильевская церковь и колокольня в с. Чухчерьма / 1998 г.

При возведении церквей происходила эволюция самих храмов. Древняя форма храма на Русском Севере уступила место получившей здесь широкое распространение шатровой форме русской православной церкви. Эволюция культовых сооружений способствовала выбору наиболее оптимального и эстетически прекрасного в глазах народа церковного здания.

Самая древняя форма храма — *клетская,* это обычная строительная технология из дерева: 4 бревна длиною 8—10 метров рубились в венец. Из венцов собиралась бревенчатая клеть. Клеть была основной мерой — модулем, составной частью всех деревянных строений: и жилых изб, и церковных храмов. Один и тот же строительный материал, одна и та же техника его обработки, общий модуль создавали единство всей застройки [440]. Клетские церкви строились на Архангельском Севере вплоть до XIX века. Одна из них «древяна клетски» — церковь Василия Блаженного, Васильевская церковь в Холмогорском селе Чухчерьма на Северной Двине сохранилась до наших дней [441].

Древнерусские традиции, высокая строительная культура и консерватизм северян, влияние старообрядчества способствовали распространению другой формы православной церкви — *шатровой,* даже вопреки тому, что официально было узаконено пятиглавие по византийскому канону. Клеть, то есть обычный четверик со временем стал тесен. Длину бре-

[440] Ушаков Ю.С. Деревянное зодчество Русского Севера. Л., 1974. С. 19.
[441] Памятники Архангельского Севера. Архангельск, 1983. С. 103.

вен нельзя было произвольно увеличить. Так появились шестерик (шесть стен), восьмерик, десятерик, позволившие расширить площадь храмов. И если четырехстенная клеть перекрывалась двускатной кровлей, отличалась от обычной избы наличием главок и крестов (клетские часовни долгое время сохранялись в Плесецком районе и других местах), то многогранная форма церкви объективно потребовала другого решения. И оно было найдено — многогранное шатровое завершение, устремленное вверх.

Высота шатровых церквей доходила до 40—45 метров. В высоте храма воплощался идеал красоты. Северное пространство, огромные просторы требовали вертикальных ориентиров, своеобразных маяков, видных издалека. Шатер вызывал аналогию со сторожевой крепостной башней, был символом спокойствия, надежности. Само здание церкви было многофункциональным. Здесь совершали религиозные обряды, вершили мирские дела, общались, справляли праздники. Оно всегда стояло на красивом месте, в центре всей округи, притягивало к себе. Все это в совокупности влияло на сохранение шатровых церквей Русского Севера. Из сохранившихся до сего времени (2008 год) храмов — восьмериков можно назвать Никольскую церковь в Лявле, Георгиевскую церковь из села Вершины (1672 г.) в Малых Карелах и др.

Кроме шатрового завершения существовал еще один тип венчания храмов — *кубоватый,* который получил распространение с XVII века после запрета шатровых строений. Появились многоярусные, многоглавые церкви, шатер на крещатой бочке.

Иоакимо-Аннинская церковь в Морже

В двадцатом столетии деревянные церкви на Северной Двине ветшали, горели и безвозвратно уходили в прошлое. В последней четверти XX века сгорели, например, две прекрасные шатровые церкви села Яковлевского (Заостровье): Богородицкая 1726 года постройки и Михайло-Архангельская 1776 года. В деревне Вакорино села Моржегоры Виноградовского района сгорели Иоакимо-Аннинская церковь 1726 года с необычной формой шатров, имеющих у основания криволинейный вогнутый внутрь профиль (http://foto.archnadzor.ru/albums/wooden-russia/367.jpg) и деревянная колокольня. И село сразу как-то осиротело, потеряло свою доминанту и традиционный культурный центр.

Для участников двинской экспедиции 1998 года явилось *настоящим открытием*, что путеводители по Северной Двине, изданные в 50—70-е годы, почему-то умалчивают о каменных соборах, построенных по берегам реки. О деревянной Георгиевской церкви в Пермогорье была информация (1665), а о рядом стоящем каменном

Дмитриевском храме (Вознесенская церковь с колокольней) отсутствовала [442]. Трудно найти сведения о каменном соборе с колокольней такого же типа, как ансамбль в Пермогорье, который стоит с пустыми глазницами, без крыши в деревне Гагарки Котласского района. По воспоминаниям местных жителей, в советское время (30-е годы) здесь была устроена публичная казнь колоколов: их сбрасывали с этого собора на специально собранные камни, чтобы лучше разбить на мелкие кусочки.

Каменный храм Знамения в селе Нижняя Тойма постройки 1818 года также был разрушен в 30-е годы. В селе Ракулы сохранились остатки каменного храма, который пытались разобрать, да так и не смогли, на кирпичи для строительства в Архангельске (он чем-то напоминает Хиросиму после атомной бомбардировки).

Ансамбль церквей в Пермогорье /1998 г.

Почему-то о каменном зодчестве на Северной Двине существовала как бы завеса умолчания. Даже если сделать предположение, что каменные двинские храмы не имеют художественной архитектурной ценности, то они все равно являются историческими памятниками северной культуры, свидетельством высокого уровня строительного дела в Двинской земле. Ведь надо было сделать на месте или привезти кирпичи, найти мастеров и построить в деревенской глуши величавое каменное здание. И построить не кое-как, а отлично. Даже в 30-е годы XX века их не могли полностью разобрать и разрушить, так крепко стояли каменные соборы в Подвинье. Эти полуразрушенные, из одного остова, с пустыми глазницами, без крыши и крестов каменные остатки православных храмов — печальные памятники и прошлого, и современного периода отечественной истории.

Но деревянные и каменные церковные храмы в XX веке не только горели и разрушались. В конце XX столетия в Котласе, Коряжме, Верхней Тойме и других местах появились и вновь построенные православные храмы. На месте старого был вновь возведен Свято-Стефановский собор в Котласе, освященный в 1996 году. В Верхней Тойме по инициативе самих жителей заново выстроен храм в честь великомученика Георгия Победоносца. Богослужения в нем велись с апреля 1996 года, тогда же состоялось воздвижение крестов на храм. В поселке Рочегда молельный дом напоминал клетскую деревянную часовню из прошлого. В декабре 1995 года была зарегистрирована старообрядческая община деревни Власьевская Верхнетоемского района. Строительство православных храмов и возрождение общин древлеправославной церкви (старообрядцев) стало знаковым явлением общественной жизни в верховьях Северной Двины. Чем ниже по Северной Двине спускалась наша экспедиция

[442] Подъяпольский С.С. По Сухоне и Северной Двине. М.: Искусство, 1969. С. 74.

в 1998 году, тем больше встречалось сгоревших, разрушенных церковных строений. Новых храмов в низовьях реки в 1998 году мы не увидели.

Если не принимать никаких мер, хотя бы по консервации того, что имеется на сегодняшний день, то в XXI веке на Северной Двине можно будет любоваться только развалинами каменных и сгнившими остатками деревянных церковных строений, да очень скромными новыми постройками конца XX столетия на фоне прекрасной северной природы и тихой, задумчивой реки.

Кроме памятников церковной архитектуры, в северных деревнях можно еще пока увидеть деревянные дома столетней давности, поговорить с людьми, передающими от своих дедов и отцов, бабушек и матерей историческую память о жизни в конце XIX—начале XX века. Есть на Северной Двине места, связанные с ГУЛАГом, гражданской войной и интервенцией американцев и англичан и другими историческими событиями.

История Двинской земли неразрывно связана с деятельностью больших и малых монастырей. Мною уже упоминалось в этой книге, что в XV веке, кроме Михайло-Архангельского, были Николо-Корельский, Успенский Лявленский и другие монастыри; в XVI веке — Антониево-Сийский монастырь, Клоновский монастырь на правом берегу Северной Двины в 15 верстах от Конецгорской и Ростовской волостей, Николаевский Нижне-Моржегорский монастырь на левом берегу Северной Двины, Кривецкий (в Емецком стане), Покровский мужской, Ивановский женский и другие. Только единицы из их числа функционируют в настоящее время (Антониево-Сийский монастырь, например).

Общий вывод из сказанного и увиденного в ходе экспедиции 1998 года можно сделать такой: Северная Двина — это естественная культурная среда, имеющая эстетическую, историческую ценность не только для местного населения, но и для всей России, а может и мирового сообщества. Значение Северной Двины для России не меньше, чем Волги и других культурных пространств, учитывая, что в XVI—XVIII вв. здесь функционировал Северо-Двинской торговый путь на дороге из Англии в Персию. История и культура, природа и география своего Отечества всегда вызывают интерес у большинства людей. Удовлетворение потребности в познании, да и просто любопытства к прошлому и настоящему своего родного края, его культуре невозможно реализовать без развития массового туризма. Как нельзя научить человека плавать умозрительно, так невозможно сформировать в себе устойчивое чувство любви, уважения к своей Родине, не совершая путешествий по тем местам, где издавна жили наши предки и есть что посмотреть. Трудно понять жизнь людей, не общаясь с ними в их естественной среде обитания. Именно здесь формируется бережное отношение к легко ранимой северной природе. Брендом Архангельской области как раз и может стать туристический маршрут подобный Золотому кольцу России на основе торгового пути из Англии в Персию через Белое море, Северную Двину и Волгу в Каспийское море.

Путешествие по Северной Двине дает неплохую возможность познакомиться с древними клетскими и шатровыми церквями в естественной среде, другими памятниками деревянного и каменного исконно русского зодчества, которые ещё сохранились; с жизнью и бытом северян, их промыслами, декоративным искусством. Своими глазами увидеть места археологических стоянок, города и деревни, имеющие весьма почтенный возраст. А также посетить Архангельские музеи: Гостиный двор, областной краеведческий, художественного освоения Арктики имени А.А. Борисова, изобразительных искусств, музей деревянного зод-

чества в Малых Корелах, Северный морской музей, выставочный зал усадебного дома Е.К. Плотниковой, старинный особняк на Набережной Сев.Двины, Марфин дом, областную научную библиотеку им. Н.А. Добролюбова.

Не оставляет обычно никого равнодушным северная природа. Могучая и полноводная в устье Северная Двина почти мелеет в середине лета после Двинского Березника и снова становится шире на подходе к Котласу. Не отрываясь, часами можно любоваться гипсовыми берегами, песчаными отмелями и заливными лугами, одиноко растущими деревьями и густыми зарослями, деревянными постройками, другими творениями рук человеческих. Белые ночи в мае—июне и всё более темнеющие сумерки в июле несут в себе какую-то загадочность. Многоцветные закаты и неяркие восходы солнца отражаются в тихой воде и небесных облаках. И даже ветер и дождь приносят удовольствие, если есть где укрыться от них или развести небольшой костер на двинском берегу.

В предлагаемом ниже проекте туристической схемы показывается один из возможных вариантов летнего водного путешествия по Северной Двине: Архангельск — Котлас — Архангельск. В основу предлагаемого проекта положены личные наблюдения автора. В ходе комплексной экспедиции «Северная Двина-98» была доказана практическая возможность путешествия на небольших судах от Архангельска до Великого Устюга, Котласа, Коряжмы, Сольвычегодска и обратно. Участники экспедиции исследовали памятники истории и культуры не только в указанных городах, но и в населенных пунктах Гагарки, Телегово, Пермогорье, Нижняя и Верхняя Тойма, Красноборск, Рочегда, Ракула, Орлецы, Двинской Березник. Изучена возможность подхода на теплоходе к берегу с целью высадки в некоторых пунктах. Определены те памятники архитектуры, которые лучше визуально наблюдать с борта теплохода по берегам Северной Двины. Например, прекрасный ансамбль XVIII—XIX веков в селе Кальи Виноградовского района лучше осматривать с реки, так как подходы к берегу здесь затруднены. С учетом имеющегося опыта туристический маршрут на теплоходе из Архангельска до Котласа и обратно представляется вполне реальным.

Есть и другой вариант: можно начать путешествие по Северной Двине с её истоков от Котласа — Великого Устюга — Сольвычегодска вниз по реке до Архангельска. Но здесь возникает проблема доставки туристов в Котлас. По своим возможностям Архангельск в этом отношении предпочтительнее, так как он связан не только железнодорожным транспортным сообщением с другими городами, но имеет воздушные линии с Москвой, Санкт-Петербургом, Мурманском, Нарьян-Маром и другими аэропортами. В Архангельский морской порт ежегодно летом приходят иностранные круизные лайнеры. Рекреационно-культурный потенциал Архангельска значительно выше, чем у любого другого города в Архангельской области. В Архангельске имеется не только развитая инфраструктура, но и театры, музеи, другие учреждения, гостиницы мирового уровня, отвечающие современным требованиям сервиса и разнообразным запросам отечественных и зарубежных гостей из любой точки земного шара.

Кроме того, маршрут по Северной Двине можно дополнить поездкой из Архангельска в село Холмогоры, на Соловецкие острова и в другие места. Поэтому предпочтительнее базовым пунктом путешествий по Русскому Северу выбрать именно город Архангельск**.** Возраст Архангельска насчитывает более шести веков (1388). В современном Архангельске туристы могут посмотреть гостиные дворы, набережную Северной Двины, памятники Петру I и

М.В. Ломоносову, остров Соломбала, сохранившиеся деревянные постройки. Экскурсии по историческим местам города, по мостам Архангельска дополняются концертами в кирхе, посещением музеев, поездкой в Малые Карелы во всемирно известный Архангельский музей деревянного зодчества и другими культурными мероприятиями, отдыхом, прогулками.

Архангельск, основанный как Михайло-Архангельский монастырь, в эволюционной динамике — это пустынь, православный монастырь, монастырский город — центр духовно-культурной и социально-экономической жизни Двинской земли от Емцы и до моря в XIV—XVI вв., военная крепость с 1583—1584 гг., первый арктический морской порт с 1584 г., торгово-промышленный посад, всероссийский центр военно-морского судостроения в эпоху парусного флота в 1693—1862 гг., родина Военно-морского флота России с 1694 года.

На протяжении всей своей истории Архангельск был преимущественно деревянным, часто горел, но за годы советской власти он превратился в современный, культурный город. Этому способствовало выполнение генерального плана города, разработанного в 1963 году после посещения города Н.С. Хрущевым в 1961 году, создание мощной стройиндустрии и строительных организаций, самоотверженный труд архангельских строителей. В 60-80-е годы XX века были созданы централизованные системы теплоснабжения, канализации, осуществлена реконструкция водопровода, построены мосты через Северную Двину, десятки красивых в архитектурном отношении зданий, введены в эксплуатацию миллионы квадратных метров жилых домов, оделась в гранит набережная Двины, проведена реконструкция морского порта[443]. Описание архитектурной биографии Архангельска даётся в книгах и статьях Ю.А. Барашкова [444]. Очерк истории строительства Архангельска в конце XVI—начале XX вв., посвященный его градостроительной истории, опубликован Л.Д. Поповой [445].

В конце XVII века Архангельск стал колыбелью отечественного судостроения. Основание первой в России государственной судостроительной верфи на острове Соломбала связано с именем Петра первого, который заложил здесь первый корабль, а через год сам участвовал в его спуске. Первенец русского торгового флота — «Святой Павел» сошел на воду 20 мая 1694 года. Более 120 лет Архангельск являлся крупной судостроительной верфью, обеспечивающей Российский флот военными судами самого различного тоннажа и вооружения. С 1693 по 1862 гг. со стапелей Соломбальской верфи — Архангельского адмиралтейства сошло на воду 585 судов военного и военно-транспортного назначения, в том числе 159 кораблей и фрегатов, 6 бригов, 4 катера, 3 шлюпа, 10 шхун, 6 клиперов, 30 транспортов и других больших и малых парусных судов, сослуживших добрую службу Российскому флоту и сделавшим честь своим архангельским строителям. Среди них построенный замечательным корабельным мастером А.М. Курочкиным — знаменитый «Азов», заслуживший бессмертную славу в Наваринском сражении, другие уникальные по конструкции и надежности суда, увенчанные боевою славою [446].

Самое первое в России военно-морское соединение — эскадра из трех боевых (не потешных) кораблей под командованием Петра первого 14—21 августа 1694 года совершило

---

[443] Архангельск. Буклет / автор-составитель Ю. Лукин. Художник Л. Панкевич. Редактор В. Кирильчик. Ленинград: Изокомбинат «Художник РСФСР», 1988.

[444] Барашков Ю.А. Архангельск: Архитектурная биография. 2-е изд., испр. и доп. Архангельск: Сев.- Зап. кн. изд-во, 1984. 159 с.

[445] Попова Л.Д. Архангельск: очерк истории строительства (конец XVI—начале XX в.). Архангельск, 1994. 158 с.

[446] Пальмин В.А. Военно-морское судостроение на Севере России в эпоху парусного флота... С. 165—166.

выход в Белое море, чем было положено начало реальной морской деятельности Военно-Морского флота России и его славной истории. Впервые на флоте был поднят российский триколор (бело-синий-красный флаг), который до 1705 года был исключительно военно-морским флагом. Только после введения на Военно-Морском флоте Росии Андреевского флага триколор стал специальным флагом торговых российских судов [447].

В.А. Пальмин в своей работе приводит важнейший архивный документ РГА ВМФ. В ответ на запрос воронежского губернатора от 20 августа 1894 года императору Александру III о признании Воронежа родиной Российского ВМФ из Санкт-Петербурга последовал мотивированный отказ:

«*Ранее спуска 2 апреля 1696 г. в Воронеже трех военных галер «Принципиума», «Св. Марка» и «Св. Матвея» был заложен царем (Петром I. - В.П.) в 1693 году на Соломбальской верфи 24-пушечный корабль. В начале 1694 года был спущен корабль, а пока корабль вооружался, на яхте «Св. Петр» царь ходил в Соловецкий монастырь. Купленный в Голландии корабль «Святое пророчество», «Апостол Павел» и яхта «Святой Петр» плавали с царем до Святого Носа в 1694 году, т.е. ходили в океан, а потому событие это относится гораздо более к зарождению Флота, чем постройка Флотилии в Воронеже и действия ея на реке Дон*»[448]. Очевидно такой исторический документ является самым лучшим обоснованием признания Архангельска колыбелью Военно-Морского флота России.

Архангельск не только строил корабли, но и отправлял служить на них отважных смекалистых северян, которые были непременными участниками всех значительных кампаний России на морях и океанах от кругосветных походов до морских сражении и арктических экспедиций. Выпускники Архангельской мореходки, в том числе жители и уроженцы Архангельска, успешно осваивали Арктику, Северный морской путь, Антарктиду и были активными участниками ряда крупных полярных экспедиций. Не случайно более двадцати фамилий питомцев учебного заведения увековечены в географических названиях на карте Арктики и Антарктики. Далеко за пределами России известны имена ледовых капитанов: Д.И. Шваненберга, А.С. Кучина, В.И. Воронина, А.К. Бурке, А.И. Дубинина, М.Г. Маркова, Г.В. Драницына и многих других. П. А. Пономареву выпала честь быть первым капитаном атомного ледокола «Ленин», а П. И. Буркову — стать первым капитаном первого корабля морской науки — «Персей». Известны многие фамильные династии выпускников учебного заведения: Котцовых, Пономаревых, Глазачевых, Вешняковых, Панфиловых, Малыгиных, Ворониных, Мироновых, Фоминых и других[449]. Сегодня готовит кадры будущих мореплавателей Арктический морской институт им. В.И. Воронина, филиал Государственного университета морского и речного флота им. адмирала С.О. Макарова.

---

[447] Пальмин В.А. Начало истории Российского военно-морского флота (Архангельск, Белое море, 1694 год): монография. Архангельск: ИПЦ САФУ, 2012. С. 63, 95.
[448] Там же. С. 95—96. РГА ВМФ. Ф.417. Оп.1. Д.1264. Л. 1—14.
[449] История института. URL: http://ami-voronina.ru/istoriya-instituta.html (дата обращения: 21.07.2014).

Не буду касаться всех страниц истории Архангельска, об этом написаны десятки книг и сотни, а может и тысячи статей. Не будет лишним ещё раз назвать заслуженные награды Архангельска. 10 мая 1984 года Указом Президиума Верховного Совета СССР за большой вклад в развитие морского флота, освоение северных районов страны, отмечая заслуги трудящихся города в Великой Отечественной войне, успехи в хозяйственном и культурном строительстве и в связи с 400-летием со времени основания город Архангельск награжден орденом Ленина. 4 мая 1985 года Архангельский морской торговый порт был награждён орденом Отечественной войны 1-й степени. Так высоко оценила Родина трудовые и ратные дела жителей города Архангельска, его многовековой вклад в развитие России.

В 2009 году Архангельску было присвоено ещё одно высокое звание. 12 января 2010 года в Екатерининском зале Кремля Президент России Дмитрий Медведев вручил мэру Архангельска В. Павленко грамоту о присвоении Архангельску звания «Город воинской славы» [450]. Архангельск занимает особое геополитическое положение как мощной крепости с 1584 года и крупного морского порта России [451]. Примеров тому немало. В смутное время 1613 года на Русском Севере сорвались массовое прибытие в Архангельск наёмников из Британии и неудавшаяся попытка колонизации России. Архангельцы сыграли немалую роль в становлении русской армии в XVII столетии, в многолетней Северной войне (1700—1721 гг.). Закончилась победой защита Новодвинской крепости от нападения шведской морской эскадры. Архангельский гарнизон в боевом столкновении 1701 года не допустил прохода шведской военной экспедиции вглубь России, закрепив тем самым за Москвой Северный морской путь. В сражении у Новодвинской крепости совершил свой подвиг, подобный героическому И.Сусанину, русский кормщик И.Е. Седунов (Рябов), посадивший шведские корабли на мель под огонь пушек Новодвинской крепости, прикрывавшей подходы к Архангельску со стороны моря. Значение Архангельска как морского порта и базы судостроения вновь резко возросло с началом Восточной (Крымской) войны (1853—1856 гг.). В стремлении установить блокаду России с Севера, уничтожить Архангельск и строящиеся там корабли, англичане и французы дважды в 1854 и 1855 гг. направляли в Белое море свои эскадры. И оба раза неприятельские набеги были успешно отражены. Архангельский гарнизон принимал непосредственное участие в боевых действиях по защите Архангельска и Белого моря в период Крымской войны 1853—1856 гг., показав образцы мужества и героизма.

К июлю 1854 году относится знаменитая оборона Соловецкого монастыря от нападения английской эскадры из двух шестидесятипушечных фрегатов «Бриск» и «Миранда». У защитников монастыря тогда было только 10 исправных старинных пушек, но они выстояли и победили. За поражение под Соловецким монастырем командир английской эскадры капитан Эрасмус Оммани был с позором разжалован и снят с должности [452].

---

[450] Архангельск — город воинской славы. URL: http://www.arhcity.ru/?page=448/19 (дата обращения: 14.07. 2014).

[451] Ананьин В.К., Шумилов Н.А., Супрун М.Н. Архивная справка по военной истории города Архангельска за 1584 —1945 гг. для рассмотрения вопроса «О присвоении Архангельску почетного звания Российской Федерации «Город воинской славы». URL: http://www.arhcity.ru/?page=448/21 (дата обращения: 14.07.2014).

[452] URL: http://solovki-monastyr.ru/abbey/history/XIX/ (дата обращения: 11.09.2014).

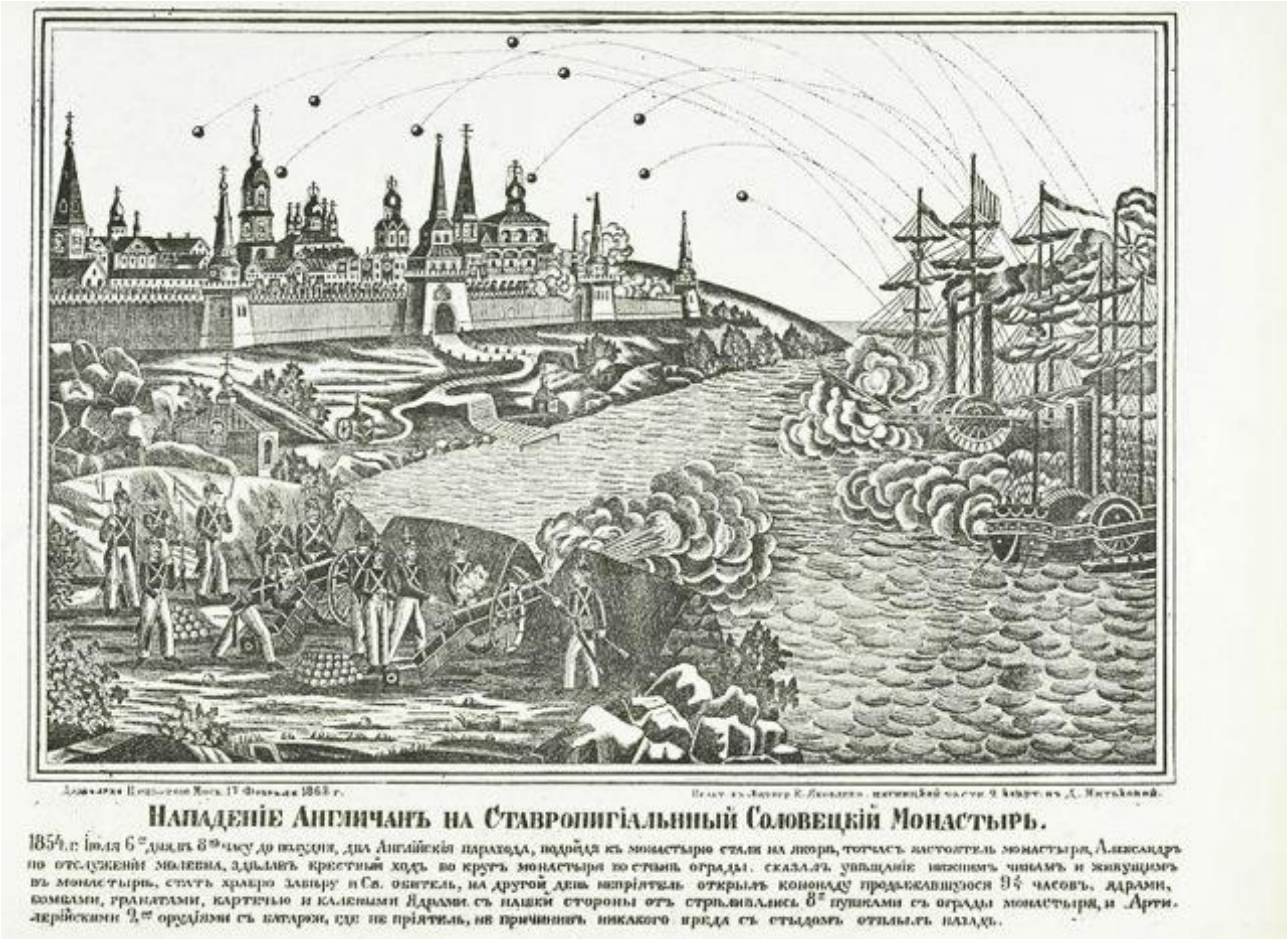


Рисунок 56. Гравюра. Бомбардировка Соловецкого монастыря английскими фрегатами в июле 1854 г. URL: http://www.sakkos.ru/images/photo/Solovki/big/British_Attack.jpg

Впервые Русский Север был масштабно оккупирован иностранными войсками только в 1918—1919 годах, когда проходила англо-американско-французская интервенция союзников России в Первой мировой войне. Но это уже другая тема, прекрасно исследованная в трудах В.И. Голдина, Е.И. Овсянкина и других историков.

В годы Великой Отечественной войны Архангельск, будучи по сути, прифронтовым городом, неоднократно подвергающимся бомбёжкам немецкой авиации, смог организовать практическую работу по защите северных рубежей России и обеспечению бесперебойной деятельности тыловых учреждений армии и флота. Свыше 68 тысяч человек или каждый четвертый житель города встали в ряды защитников Родины. На фронт ушло более половины всего состава городской партийной организации. Более 120 северян удостоены звания Героя Советского Союза, 14 человек стали полными кавалерами ордена Славы. В результате голода и болезней в Архангельске в годы войны умер каждый пятый житель города [453].

2 августа 1941 года Наркомом ВМФ Н.Г. Кузнецовым принимается решение о создании в Архангельске Беломорской военной флотилии, сыгравшей значительную роль в обороне и охране Беломорского района военных действий. За годы войны в зоне флотилии в оба направления прошло более 700 союзных транспортов, перевезено более двух миллионов тонн груза для СССР, отправлено около 0,7 миллиона тонн груза в адрес союзников. Со-

[453] Архангельск достоин звания «Город воинской славы». URL: http://www.arhcity.ru/?page=448/1 (дата обращения: 14.07.2014).

провождено более 1800 транспортов на внутренних коммуникациях. Архангельский морской порт обработал 457897 тонн груза, в том числе 1360 танков, 1300 самолётов, 9800 автомашин, 10000 тонн каучука и другие грузы, имеющие оборонное значение.

От причалов Архангельска в полярное плавание отправилось более 200 экспедиций: В.Я. Чичагова, Ф. Розмыслова, Ф.П. Литке, П.К. Пахтусова, В.А. Русанова, Г.Я. Седова и др.

Рисунок 57. Проводы экспедиции Г.Я. Седова в Архангельске. 1912 г.
URL: http://my-sedovo.narod.ru/ images/Sedov39.jpg; http://my-sedovo.narod.ru/images/Exped20.JPG

28 июля 1932 года жители города проводили ледокольный пароход «Сибиряков», капитаном которого был В.И. Воронин, а начальником экспедиции О.Ю.Шмидт. Впервые за

одну навигацию был пройден весь Северный морской путь. Традиция исследований арктического пространства и обеспечения работы Севморпути продолжается и в наши дни.

Архангельск реально остаётся и сегодня воротами в Арктику, является современной северной столицей Российской Арктики. Здесь функционируют офис администрации Северного морского пути, Северное морское и речное пароходства. Северный (Арктический) федеральный университет имени М.В. Ломоносова с 2010 года нацелен на защиту национальных интересов России в Арктике и подготовку специалистов различного профиля для работы в высоких полярных широтах, северных территориях страны.

Одним из старейших морских транспортных предприятий, давно работающих в Арктике, является Северное морское пароходство (СМП), берущее своё начало в 1870 году от «Товарищества Беломоро-Мурманского срочного пароходства». В навигацию 2012 года состоялись рейсы судов СМП в Якутию, Дудинку, на Землю Франца-Иосифа, Шпицберген, доставлялся груз стального шпунта в Обскую губу, где ведётся строительство нового морского порта Сабетта. Суда СМП доставляли обетонированные трубы в район Байдарацкой губы Карского моря для строительства газопровода [454].

Ещё одна организация — Архангельская гидробаза — ФГУП «Гидрографическое предприятие» занимается навигационным обеспечением трассы Севморпути, работы ГЛОНАСС, имеет в своём составе пять гидрографических судов и три лоцмейстерских отряда, работающих от Карских ворот до мыса Дежнева, то есть география их работы — вся Арктика. К началу 1933 года на всю трассу Севморпути имелось 18 навигационных карт и 86 знаков. В 2003 году гидрография могла предложить морякам более 500 морских карт, десятки пособий и руководств для плавания по трассе Севморпути, для создания которых гидробазой обследовано 5,3 млн линейных километров съемки рельефа дня арктических морей [455].

Федеральное государственное бюджетное учреждение «Северное управление по гидрометеорологии и мониторингу окружающей среды» оперативно обеспечивает информацией о гидрометеорологических условиях отрасли экономики, транспорт, разные организации на территориях Архангельской и Вологодской областей, Республики Коми, Ямальского района Ямало-Ненецкого автономного округа, городского поселения Диксон и сельского поселения Хатанга, части территории Республики Карелия и Мурманской области, Северной части Таймырского (Долгано-Ненецкого) муниципального района Красноярского края, акватории Белого и Карского морей, юго-востока Баренцева моря, запада моря Лаптевых[456]. В 2010 году впервые в истории существования Северного морского пути за время одной навигации научно-экспедиционное судно Северного УГМС «Михаил Сомов»[457] прошел 10 тысяч морских миль до Чукотки и обратно, совершив трехмесячный трансарктический рейс Архангельск — Амдерма — Тикси — Певек — Архангельск. В 2013 году НЭС «Михаил

[454] Интервью генерального директора ОАО «Северное морское пароходство» Александра Брынцева корреспонденту ИАА «Портньюс»: «Наше преимущество — опыт работы в Арктике». URL: http://www.ansc.ru/Rus/News/121026.shtml (дата обращения: 25.07. 2014).

[455] Копытов Ю. К 70-летию Архангельской гидрогафической базы (16.05.2003). URL: http://www.pravdasevera.ru/print.html?article=5302 (дата обращения: 01.12.2012).

[456] Северное УГМС. URL: http://www.sevmeteo.ru/press/base/ (дата обращения: 20.07.2014).

[457] Соколов В.П. Хроника трансарктического рейса // Арктика и Север. 2011. №1. URL: http://narfu.ru/aan/ article_index_years.php?ELEMENT_ID=9879 (дата обращения: 26.07.2014).

Сомов», НИС «Иван Петров» и НИС «Профессор Молчанов» выполнили 11 рейсов по проведению научно-исследовательских экспедиций и обеспечению жизнедеятельности морских станций в Белом, Баренцевом, Гренландском, Карском, Восточно-Сибирском, Чукотском морях и море Лаптевых общей продолжительностью 370 суток [458].

Речной круиз по Северной Двине

В речном круизе по Северной Двине при отходе из Архангельска на теплоходе, другом типе судна, на катере, яхте днем можно обратить внимание туристов на панораму города с реки. Кроме того, можно рассказать непосредственно в группах или по судовому радио о тех местах и памятниках, которые видны с борта речного судна в первые часы путешествия.

1. Архангельский целлюлозно-бумажный комбинат в городе Новодвинске построен в 1940 году. Один из крупнейших производителей целлюлозно-бумажной продукции в Европе, занимал первое место в России по производству школьных тетрадей, гофроматериалов, упаковочного картона и третье место по товарной целлюлозе.

2. С реки можно увидеть главки, шатры церквей и колоколен музея деревянного зодчества в *Малых Корелах***.**

3. В селе *Лявля* Приморского района по правому берегу Северной Двины стоит шатровый восьмериковый храм — Никольская церковь 1583 года. Это одна из самых древних сохранившихся шатровых построек на Русском Севере.

4. На том же берегу в селе *Чухчерьма (*76 км от Архангельска) Холмогорского района видна клетская церковь Василия Блаженного (Васильевская церковь) 1824 года. Такую церковь (клеть, двускатная крыша, главка, крест) многие, исследователи справедливо считают первичной храмовой формой (древнее шатровой).

5. На противоположном берегу реки, вдали за протокой и островами появляются дома, постройки сел *Ломоносово, Холмогоры.* Первые летописные сведения о Холмогорах относятся к XIV веку. Холмогоры играли важную роль в экономике Двинской земли, были центром Русского Севера. Здесь строили кочи, двинские карбасы, ладьи, дощаники; развивалось кузнечное ремесло, резьба по кости и другие промыслы. В Холмогорах была открыта первая русская мореходная школа. Здесь выведена холмогорская порода молочного скота. С 1929 года село Холмогоры является центром района. До наших дней сохранился величественный Спасо-Преображенский собор. В селе Ломоносове (деревня Мишанинская), в 4 километрах от Холмогор, 19 ноября 1711 года родился великий русский ученый Михаиле Васильевич Ломоносов.

6. Село *Вавчуга*, в 84 км от Архангельска на правом берегу реки, известно тем, что здесь возникла *первая купеческая верфь в России*. Холмогорские купцы братья Федор и Осип Баженины построили в родной своей деревне первое лесопильное предприятие в России — водяную пильную мельницу. В 1696 году Баженины обратились к Петру I с просьбой разрешить им постройку торговых судов, и такое разрешение было получено 2 февраля 1700 года. Первые два судна Вавчугской корабельной верфи — «Святой дух» и «Курьер» были спущены на воду в 1702 году во время посещения верфи Петром первым. Всего до 1783 года было по-

[458] Отчет «О работах в навигацию 2013 года НЭС «Михаил Сомов», НИС «Иван Петров», НИС «Профессор Молчанов». Архангельск, 2014. URL: http://www.sevmeteo.ru/press/expeditions/i/report2013.pdf (дата обращения: 20.07.2014).

строено 120 торговых и промысловых судов. До настоящего времени сохранился дом Бажениных на высоком берегу Северной Двины.

Рисунок 58. Вавчуга. URL: http://mw2.google.com/mw-panoramio/photos/medium/93232090.jpg

В дальнейшем путешествии по реке можно идти ночью, а днем сделать одну-две остановки до прихода в Котлас. В дневное время туристы отдыхают, адаптируются к жизни на теплоходе, участвуют в различных мероприятиях. После прихода в Котлас имеется возможность совершить последовательно один за другим два перехода:

1. Котлас — Великий Устюг — Котлас.
2. Котлас — Сольвычегодск и далее вниз по Двине.

Город *Котлас* — крупный индустриально-транспортный узел на юге Архангельской области. Современные постройки не представляют особого интереса для туристов. В 1996 году возведен на месте прежнего Свято Стефановский собор. Построен автомобильный мост через реку.

Значительный интерес в историко-культурном отношении представляет город *Великий Устюг*, расположенный в устье реки Юг. Здесь можно посмотреть строения Михайло-Архангельского монастыря, основанного в 1212 году, церковь Вознесения (1648), Успенский собор и другие памятники архитектуры. Для города с населением 47 тысяч плотность храмовой застройки весьма велика. Дома в основном один—два этажа, встречаются новые постройки (низ — каменный, а верх из дерева). Расцвет города приходится на XVI—XVIII века. Не зря его тогда называли Великим Устюгом. Здесь развивались торговля, ремесла: чеканка, изготовление изразцов, финифть, иконопись, чернение по серебру и другие.

Рисунок 59. Великий Устюг / 1998 г.

Город *Сольвычегодск*, основанный в 1492 году, стоит на реке Вычегде и имеет не менее славную историю. На берегу реки очень красиво возвышается Благовещенский собор (1583), выполнявший несколько функций: крепость, храм, склад и тюрьма Строгановых. С колокольни открывается замечательный вид на округу: Введенский монастырь (1689—1693), дома, улицы, огороды Сольвычегодска, привольные северные просторы. В Сольвычегодске летом проводились фестивали Козьмы Пруткова, привлекающие гостей со всей России. Камень в честь Козьмы Пруткова установлен перед входом в Благовещенский собор.

Рисунок 60. Благовещенский собор в Сольвычегодске. URL: http://foto-tula.ru/files/p0058622.jpg

Рисунок 61. Солнце на Северной Двине /Н.Н. Чесноков, 1998

Далее, спускаясь на теплоходе вниз по Северной Двине, можно обратить внимание туристов ещё на ряд достопримечательностей. В деревне *Гагарки* Котласского района (588-589 км от Архангельска), на левом берегу Северной Двины, виден каменный храм с колокольней Комарицкого прихода, поставленный по обету местным купцом. *В Красноборске* можно сделать остановку и осмотреть усадьбу художника А. А. Борисова, другие достопримечательности. *В Пермогорье*, на крутом высоком двинском берегу (539 км от Архангельска), стоят деревянная Георгиевская церковь (1665) и каменный Дмитриевский храм с колокольней. *В Нижней Тойме* летом 1998 года функционировала пристань, возможна остановка, прогулка. Сохранился каменный храм Знамения (1818). Затем по левому борту, в деревне *Сельцо* (378—379 км от Архангельска), виден ансамбль: Ильинская церковь (1798), Воздвиженская церковь (1808), колокольня 1785 года постройки. История поселка *Рочегда* (347 км) связана с темой ГУЛАГ на Севере. Здесь работали заключенные поляки, установлен памятный камень на том месте, где были бараки. Деревни *Тулгас, Шидрово* напоминают нам о местах боев на Северной Двине с англо-американскими интервентами в 1918—1919 годах. *Двинской Березник* расположен в 304 километрах от Архангельска. Можно организовать экскурсию в местный краеведческий музей. В селе *Кальи***,** на правом берегу реки, виден ансамбль: пятиглавая Дмитриевская церковь (1890), Никольская шатровая (1773) и деревянная колокольня. Село *Звоз* — поселок *Двинской***:** внимание туристов привлекают гипсовые берега (розовый гипс), геологические памятники. Село *Ракула* (147 км) в 1997 году отмечало 860 лет. Возможна остановка, осмотр деревянной пятиглавой церкви и остатков каменного храма. *Орлецы* (120 км) — поселок, каменный карьер, археологическая неолитическая стоянка на правом берегу, а на другом — крепость Орлец, построенная новгородцами в XIV веке и в том же веке разрушенная. После Орлецов можно обратить внимание на место, где река Пинега впадает в Северную Двину и стоит поселок *Усть-Пинега* (94 км). Затем туристы готовятся к приходу в Архангельск.

Предлагаемые для осмотра и визуального наблюдения объекты по берегам Северной Двины не исчерпываются указанными выше. Возможны другие подходы к выбору населенных пунктов, памятников истории, культуры, к организации самого путешествия[459]. Многое будет зависеть от типа речного судна, его возможностей. Предлагаемый туристический маршрут по Северной Двине вполне осуществим в летнее время. Детальная программа маршрута по Северной Двине может уточняться и дополняться в ходе практической реализации данного проекта. Описание маршрута круиза, приведённое выше относится к реальности 1998 года. С той поры немало воды утекло и многое изменилось, что несомненно нужно учитывать в 2015 и последующих годах современной жизни.

Экология души

Жить по правде, а не по лжи, любить и делать добро, не гнаться за богатством, — эти и другие ценности былого духовного могущества русского народа не являются сегодня главными, определяющими жизнь всего российского общества. Утрата одной веры, а потом и другой на протяжении одного XX века, погоня за долларами, евро, рублем вызвали кризис духовности, нравственности и доброты. Конечно же не у всех. Но многие люди вообще пере-

[459] Кодола О.Е. Исторический путеводитель по Архангельской области. Архангельск: ОАО «ИПП «Правда Севера», 2006. 223 с.

стали верить во что бы то ни было. Экология души требует значительно больше времени, терпения и сил, чем переход к рынку и демократии в современной России.

Началом духовного возрождения россиян можно считать конец 80-х годов, когда велась подготовка, а затем торжественно отмечалось 1000-летие Крещения Руси. Празднование юбилея в 1988 году не свелось только к торжествам и речам, но заставило многих людей осмыслить свое личное отношение к христианской вере и морали, вспомнить православное прошлое своей страны. Часть россиян, в том числе и в Архангельской области, стала активно приобщаться к традиционным обрядам — крещение, венчание, отпевание, исповедь, покаяние. Многие следовали хотя бы чисто внешним проявлениям религиозности. Это участие в службах, молебнах, крестном ходе, посещение храмов, ношение крестика, приобретение икон, церковных книг. Возрождение духовной опоры в жизни, консервация позитивных традиций, ценности семьи — вселяет надежду и некоторый оптимизм.

Возрастание степени свободы выбора в обществе позволяет личности самоопределиться, ориентируясь в основном на свои установки и ценности. Среди верующих на Русском Севере преобладающее большинство населения считает себя пра православными. В Архангельской области православная конфессия имеет разветвленную сеть храмов и приходов, 4 монастыря. В их числе самые известные Спасо-Преображенский Соловецкий ставропигиальный мужской монастырь, имеющий свои подворья в Москве, Кеми, Архангельске, Антониево-Сийский мужской монастырь. Строились и строятся новые православные храмы.

Рисунок 62. Золотые купола нового храма на Северной Двине / Ю.Ф. Лукин, 2014

Если посмотреть на карту Архангельской области, то наибольшее число православных храмов было сосредоточено в середине 90-х годов XX века в городах Архангельске, Северодвинске, в Котласском и Приморском районах. Общин православной веры больше других появилось тогда в Верхнетоемском районе.

В 90-е годы прошлого века, когда работала двинская экспедиция, на территории Архангельской области действовали православные храмы, молитвенные дома и общины: в г. Архангельске — Свято-Ильинский кафедральный собор, Храм Всех Святых, Храм Святого Мартина-Исповедника, Свято-Никольский храм, Свято-Троицкий храм. Кроме кафедрального собора и 4 храмов в городе имелся молитвенный дом на станции Исакогорка и Кегостровская православная община; в г. Северодвинске — Свято-Никольский храм и молитвенный дом на Яграх; в Вельском районе — храм Успения Божьей Матери и община в селе Пижма; в Верхнетоемском районе — 5 общин в Согре, Тимошине, Окуловской, Верхней Тойме и Семеновском; в Вилегодскам районе — Богоявленский храм и 2 общины в селе Ильское и селе Селяны; в Каргопольском районе — храм Рождества Богородицы, молитвенный дом в селе Ошевенское и община в деревне Казакове; в Коношском районе — молитвенный дом в поселке Коноша и община в поселка Ерцево; в Котласском районе — Свято-Троицкий храм в г. Котласе, храм преподобного Лонгина Коряжемского в г. Коряжма, Свято-Введенский храм в г. Сольвычегодске, Богоявленский храм в Нечаихе и молитвенный дом в деревне Григорово; в Красноборском районе — Свято-Троицкий храм в Красноборске и молитвенный дом в селе Черевково; в Ленском районе — Храм Всех Святых в Яренске; в Лешуконском районе — 2 общины в Лешуконском и селе Койнас; в Мезенском районе — одна община в г. Мезень; в Няндомском районе — одна община в г. Няндома; в Онежским районе — Свято-Лазаревский храм в г. Онега; в Пинежском районе — молитвенный дом в селе Сура; в Плесецком районе — храм великомученика Георгия Победоносца в г. Мирный и два молитвенных дома в поселках Плесецк и Самодед; в Приморском районе — Сретенский храм в селе Заостровье, Свято-Сергиевсий храм в селе Ширша, церковь Никольского храма села Ненокса, молитвенный дом в селе Вознесенье, две общины в поселке Поморье и деревне Хорьково; в Холмогорском районе — Свято-Воскресенский храм в Данилово и община в деревне Погост. в Устьяновском районе — одна община в селе Бестужево. в Шенкурском районе — Петропавловский храм в селе Шелапла, храм Зосимы и Савватия в г. Шенкурск.

Давние корни имело на Русском Севере *старообрядчество*. Старообрядцами стали называть в истории тех православных, которые в середине XVII века не приняли церковную реформу патриарха Никона. Сторонники старых обрядов были прокляты на Церковном соборе 1666—1667 гг. и преданы суду «градских властей». Их преследовали, сажали в тюрьмы, казнили. Спасаясь от преследований, многие из них бежали в леса на Север, сжигали сами себя. В 1675—1695 гг. было зарегистрировано 37 гарей, погибло не менее 20 тысяч человек, каждый третий из которых принял смерть в огне на территории Заонежья. Только в Палеостровском монастыре в 1687, 1689 гг. сгорело около 2,5 тысячи человек[460]. Для старообрядцев характерны строгий аскетизм, ограничения в еде, житье, приверженность старым традициям, обрядам, образу жизни. Старообрядчество никогда не было единым. Уже в XVII веке оно распалось на два основных направления: поповщину и беспоповщину. Одни признавали необходимость священников при богослужениях и обрядах, другие отрицали духовенство. Эти два направления разбились на *толки:* беглопоповский, поморский, федосеевский, филипповский, страннический, спасовский, белокриницкую иерархию и другие. В 1914 году

[460] Кондрескул А.М. Поморье в политической истории России в конце XVII—первой четверти XVIII вв.: монография. Архангельск: КИРА, 2009. С. 31.

старообрядческой церкви принадлежало 2864 храма и молитвенных зданий, в 1991 — 379. В 1971 году на Соборе Русской Православной Церкви была снята анафема на старообрядцев.

Преследование старообрядцев жестоко велось все эти три с лишним века. После прихода к власти большевиков старообрядцы были вынуждены уйти в подполье, число их резко сократилось. В середине 20-х годов XX столетия на территории Архангельской губернии по архивным данным губкома от 4.04.1935 г. оставалось 109 старообрядцев, разделявшихся на филипповский и поморский толки. Стронники поморского толка вели свое начало от Данилы Викулова, основавшего в конце XVII века первую мужскую общину на реке Выг, в Поморье. В 1925 году поморцы имелись в Летне-Золотицкой волости Архангельского уезда, Дорогорской волости Мезенского района, в селе Залежном Печорского уезда. Радикалы филипповского толка еще в XVIII веке порвали с поморцами и во главе с наставником Филиппом образовали свою общину. В борьбе против власти государства её члены доходили до самосожжения. Филипповцы к 1925 году остались только на территории Вознесенской волости Архангельского уезда[461].

Но старообрядчество в целом всё же выжило, сохранилось и дошло до наших дней. В семьях старообрядцев всегда хранились иконы, книги, память о своих предках. В 90-е годы на Двине стали восстанавливаться и старообрядческие общины. 17 октября 1994 года состоялось, например, учредительное собрание граждан в деревне Власьевская Афанасьевского сельсовета Верхнетоемского района. Вежливцева Е.В., Вежливцева Н.Л., Шашков Н.А., и другие (всего 11 человек) жители деревень Власьевская, Наумцево (Красноборский р-н) создали общину Древлеправославной Поморской Церкви и зарегистрировали эту общину в управлении юстиции администрации Архангельской области.

В свое время старообрядцы приложили немало усилий для сбора старопечатных, рукописных книг, древних икон. Благодаря этому мы сегодня имеем возможность лицезреть в музеях, архивах редкие памятники древнерусской культуры. На Русском Севере несмотря на официальные запреты, строились шатровые церкви, часовни, сохранившиеся до наших дней. Их примеры можно увидеть недалеко от Архангельска в музее под открытым небом — Малые Корелы. Не утрачен совсем ещё дух свободы, упорства, который несли с собой старообрядцы.

Рисунок 63. Обетный мезенский крест. 1886 год. URL: http://www.kimja.narod.ru/page02.htm

На Русском Севере сохранился один интересный обряд. На Летнем и Зимнем берегах Белого моря, по Онеге, Пинеге, Мезени и сегодня ещё можно увидеть так называемые *«обетные кресты».* Обетным крест назывался потому, что ставился по обету, если случались какая-либо беда, несчастье, голод, пожар, наводнение, гибель близких. Когда русские люди попадали в трудные, чрезвычайные ситуации, они давали слово, зарок, что когда выживут и вернутся домой, то поставят крест. На берегу реки Мезени ещё в 1886 году был сооружен

[461] РЦХИДНИ. Ф. 17. Оп.60, д.170, л. 6-11

обетный крест. Традиция ставить высокие шестиконечные кресты возле деревни на берегу реки сохранилась до настоящего времени, в чем мне пришлось убедиться во время командировки в Мезенский район в начале 80-х годов. В ходе экспедиции по Северной Двине таких обетных крестов мы в конце прошлого века не встречали.

Протестантские религиозные объединения в Архангельской области были представлены в 1995 году несколькими общинами: Община церкви христиан Веры Евангельской «Новое поколение» в городе Архангельске с филиалами в Северодвинске, Новодвинске, Холмогорах и Кегострове; Община церкви христиан Веры Евангельской «Вефиль» в городе Северодвинске; Община церкви христиан Веры Евангельской «Жизнь во Христе» в Архангельске; Няндомская церковь христиан Веры Евангельской**;** Община церкви христиан Веры Евангельсквй «Слово жизни» в Северодвинске; Община церкви христиан-адвентистов седьмого дня в Архангельске с филиалами в Северодвинске и поселке Октябрьском Устьянского района; Община Новоапостальской церкви земли Северный Рейн-Вестфалия в Архангельске и области; Община церкви евангельских христиан-баптистов; Русско-немецкий евангелический-лютеранский приход церкви святой Екатерины в Архангельске; Община церкви Христа в Архангельске и области.

Из других конфессий в Архангельской области к концу XX века имелись: приход святых апостолов Петра и Павла римско-католической церкви в г. Архангельске; буддийский центр «Карма Че Линг—Архангельск»; буддийский центр «Карма Че Линг—Северодвинск»; Архангельское областное отделение Санкт-Петербургского общества Сознания Кришны.

Известный социолог Э. Дюркгейм одним из первых объявил религию общественным явлением, рассматривая его как социальное отношение. Религия — это не только определенное отношение, убеждения, идеалы, ценностные ориентации людей. Религия — это и соответствующее поведение, специфические культовые действия, которые основываются на вере в существование одного или нескольких богов, священного начала, недоступного пониманию человека. Религия — есть отношение, связывающее человека с богом, она является продуктом человека, социальной группы. Имеет дело с важнейшими вопросами жизни и смерти: объясняет явления, которые не сможет объяснить никто; дает людям моральные нормы и правила поведения; объясняет прошлое, настоящее, будущее человека; поддерживает эмоционально в трудные минуты; объединяет людей; поддерживает или критикует социальные порядки в обществе; предлагает думать о будущей жизни и бренности настоящего. Вот эта социальная сущность религии никуда не исчезла со временем, проявляется и сегодня. В жизни возникает множество проблем, и люди хотят понять, чем они вызваны, что надо делать. Одни уходят в политику. Другие ищут ответы в религии. Ухудшение социального положения населения, безверие и страх нередко ведут людей не к храму, а к алкоголю и наркотикам. В проявлявшемся всплеске религиозных тенденций, внимания к оккультизму, астрологии наблюдался нередко и обычный страх, неуверенность, бессилие людей перед свалившимися на их головы бедами, отсутствие позитивных перспектив, особенно во времена социально-экономических кризисов. Страх и надежда заставляют верить людей во что угодно, кому угодно. Здесь важно не запутаться во всем многообразии разного рода нетрадиционных религий, сект. В Архангельске, к примеру, действовали «Свидетели Иеговы», Церковь сайентологии, Богородичный центр, Аум Сенрике и другие секты. Сегодня людей не преследуют, как прежде, за отправление обрядов, за веру в Бога.

В смутные, кризисные времена растет влияние религий на общественную и личную жизнь людей, расширяется спектр их верований, наблюдается всплеск и всякого рода суеверий, оккультизма, мистики. Примеры массового обращения к религиозным обрядам наблюдались в разных социальных группах всех возрастов и профессий, но особенно заметно это было среди молодежи. Об отношении студенческой молодежи к религии позволяют судить материалы пилотного исследования, проведенного студентами А. Чистяковым и Е. Беляевой в 1996 году. Было опрошено 89 студентов трех факультетов Поморского университета. Большинство опрошенных положительно относились к православию, уважая историческое прошлое России, свои корни. Буквально единицы воспринимали православие как средство спасения души. И это при том, что треть опрошенных называли себя православными. 80—90% студентов исторического, физико-математического, факультета начальных классов считали, что душа нуждается в вере. Но 25% респондентов — историков, 30% физиков, 40% студентов факультета начальных классов думали, что в принципе все равно, как верить. Некоторые студенты не могли назвать даже время рождения Христа, хотя действующее летоисчисление ведётся именно от Рождества Христова.

Забота о духовном образовании и воспитании молодежи, в первую очередь, представляется главнейшей задачей в современной России. И здесь мне хочется процитировать слова епископа Архангельского и Холмогорского Тихона (1963—2010) из его обращения к участникам VIII международного Соловецкого форума в 1996 году:

> «*Православная церковь выражает свою озабоченность сегодняшним положением в детском образовании. Для многих сейчас воспитать человека — это значит дать ему хорошее образование. Нравственная сторона превратилась в прикладную, почти потеряла свою ценность, подверглась пересмотру вместе с другими реалиями жизни. Христианское понимание воспитания — это обретение внутренней системы ценностей, которая и руководит всей жизнью человека. Полнота духовности заключается в следовании двуединой заповеди о любви к Создателю и Его творению — человеку*». Такие заповеди сохраняют душу человека.

6.2. Сбережение народа, сохранение жизни

Участников двинской экспедиции 1998 года интересовали не только памятники исторического прошлого, проблемы духовности, культуры, но не в меньшей мере и повседневная жизнь людей, населяющих берега могучей северной реки, их будущее. В схеме туристского маршрута по Сухоне, Северной Двине и Вычегде, изданной в 1971 году, было написано:

> «*Ни на минуту не затихает жизнь на Северной Двине: одни за другим тянутся к лесопильным заводам тяжелые плоты, мощные буксиры ведут за собой длинную вереницу барж с печорским углем, в обоих направлениях идут пассажирские теплоходы, снуют катера*»[462].

А что мы видели в июле 1998 года. Северная Двина как транспортная магистраль потихонечку умирала. Не видно было традиционных тяжелых плотов. За все время путешествия мы лишь 3—4 раза встретили небольшие плоты и несколько барж. Не велась, как прежде, сплотка леса в Усть-Пинеге, Усть-Ваеньге, Пенье, Рочегде и других местах. Вырублен

[462] По Сухоне, Северной Двине, Вычегде: туристическая схема. М., 1971.

лес, прекратили свою деятельность многие леспромхозы. Не существовало на всем протяжении реки пассажирского судоходства. Один дебаркадер мы видели только в Нижней Тойме, больше пристаней, кажется, нигде не встречалось. Чуть оживленнее река становилась только на подходах к Котласу. Исчезает рыба в реке, а ведь как и раньше, многие люди живут за счет рыбной ловли. Население многих двинских сел, деревень и поселков было обречено вернуться к ведению натурального хозяйства, чтобы только прокормить себя и свою семью. Северная Двина, притихшая, безмолвная, словно задумалась, пригорюнилась о судьбе живущих по ее берегам людей. Северная Двина и в целом речной транспорт в Архангельской области утратили свои прежние позиции, и маловероятно, что река вернет свою экономическую значимость в ближайшее время. Если по объему отправляемых грузов в 1980 году внутренний водный транспорт общего пользования занимал в Архангельской области первое место, то в 1996 году по этому показателю речной транспорт оказался уже на последнем месте после автомобильного, железнодорожного, морского [463].

Многие двиняне, с кем пришлось беседовать, одной из основных социально-экономических проблем называли тогда *проблему занятости местного населения***.** Без ее решения придвинские поселения могли опустеть и превратиться исключительно в места летнего отдыха для котлошан, архангелогородцев, северодвинцев. Семидесятилетняя А.И. Шитикова рассказывала, что еще в начале века всяк для себя работал.

«*Кто ленивый, те худо жили, а кто могутный да не ленивый, те хорошо жили. Худо будешь робить, худо жить будешь. Больше работаешь — дольше живешь. А сейчас люди шибко худо живут. Мужики в расцвете сил, и нет работы. Бабы молодые ходят, нечего делат*ь».

Отец Анны Ивановны всю жизнь ходил на пароходе, водил плоты по реке, а все хозяйство (2 коровы, овцы, поросята) вела мать.

В Красноборске с нами говорили о том, что экономика района разорена «реформами». Безработица, голод, неуверенность в завтрашнем дне стали типичными чертами социальной жизни в 90-е годы XX века. Таких встреч было немало. Когда смотришь по телевидению заседания Государственной думы, или выступления политиков, понимаешь, как далеки они от народа. Даже в Архангельске региональные власти не всегда могли понять, что люди, население Двинской и других земель в области, — наше главное богатство. *Сбережение народа — вот главная национальная русская идея XXI века.* Она имеет самое прямое отношение к региональной политике. Двинская земля сегодня — это города и районы Архангельской области, расположенные по берегам реки Северной Двины и ее притоков Ваги, Пинеги.

Территория Архангельской области стала в XX-XXI вв. преимущественно урбанизированной — 76,5 % населения проживали в городах на начало 2014 года. Численность населения в Архангельско-Северодвинской городской агломерации на 1 января 2014 года составляла 585 442 человека или 49,1% от всего населения Архангельской области, включая НАО. То есть каждый второй житель региона реально проживает в городской агломерации в устье Северной Двины. Население городской агломерации имеет возможность свободно передвигаться, например из Северодвинска или Новодвинска в Архангельск и обратно с целью работы, учебы, покупок товаров, отдыха. Частота таких передвижений возрастает с увеличением

[463] Архангельской области — 60 лет: Краткий стат. сб. /облкомстат. Архангельск, 1997. С. 80—83.

количества автотранспорта у населения. В перспективе вообще возможно загородное проживание в пространстве агломерации, когда люди живут на левом берегу Двины от Заостровья до Рикасихи, ездят на работу в Северодвинск, на учебу, шопинг, отдых в Архангельск.

Современная Двинская земля, помимо Архангельско-Северодвинской городской агломерации, индустриально-транспортного узла Коряжма — Котлас, включает Котласский, Красноборский, Верхнетоемский, Виноградовский, Холмогорский и частично Приморский районы. Города Шенкурск и Вельск, поселок Карпогоры и соответствующие районы, расположенные по притокам Северной Двины, возможно также отнести к Двинской земле. Побережье Белого моря — Онежский, Мезенский, Приморский районы, Соловецкие острова, Новая Земля, Архангельск, Северодвинск, Новодвинск входят в Арктическую зону Российской Федерации (АЗРФ).

В ходе экспедиции 1998 года по Северной Двине с целью оценки социально-политической ситуации в регионе изучалось общественное мнение северян Было проведено социологическое исследование зондажного типа, в ходе которого опрошено 108 человек в Котласе, Коряжме, Красноборске, Верхней Тойме, Двинском Березнике и Холмогорском районе. В октябре—ноябре 1998 года по той же самой программе было опрошено 135 респондентов в Архангельске, в Новодвинске — 85 и 60 чел. — в Северодвинске. Общее количество опрошенных в июле—ноябре 1998 года составило таким образом 388 человек. Проведенное исследование репрезентативно по полу, возрасту, занятости опрошенных общей структуре населения, охватывает несколько крупных городов и сельские районы Архангельской области, расположенные на Северной Двине. Были проведены также несколько интервью с экспертами, фокус-группа, использовался метод наблюдения, анализировались документы. Полученные результаты позволили оценить социально-экологическое и психологическое состояние общества, политические ориентации северян в 1998 году.

Необходимо отметить, прежде всего, значительное ухудшение условий жизни северян тогда, нарастание бедности и нищеты, высокий уровень безработицы. Если доля населения с доходами ниже прожиточного минимума составляла в 1996 году почти треть от общей численности населения Архангельской области (31,6%), то в 1998 году увеличилась до 38%, а в 1999 году составила уже 41% [464]. Не случайно поэтому, наибольший протест у местного населения Двинской земли вызывали социальные проблемы. В ходе опроса 1998 года более 75% опрошенных на первое место поставили проблему несвоевременной выплаты зарплаты. Недовольство низкой оплатой труда высказали почти 63% респондентов. На опасное состояние окружающей среды, проблемы экологии указали 69,8%. Эти факторы, вызывающие социальный протест, и вошли в первую тройку самых актуальных проблем, но экологические проблемы оказались менее значимыми, чем социальные.

Если ранжировать все ответы, полученные на вопрос «Какие проблемы, трудности жизни Вашего региона вызывают у Вас наибольший протест?» (количество ответов было неограниченно), то наиболее актуальными, острыми для северян по результатам опроса 1998 года оказались проблемы социально-экономического характера, что было обусловлено в те времена нестабильностью в этих сферах, кризисным состоянием экономики и резкими падением уровня жизни. Другим стало качество жизни. Люди вынуждены были приспосабли-

[464] Социально-экономическое положение Архангельской области в 1999 году //Волна. 2000. 8 февраля.

ваться, просто выживать в экстремальных условиях Севера, проявлять заботу об удовлетворении базисных физиологических потребностях низшего порядка, потребности в безопасности. Естественны, поэтому их волнения, беспокойство, протест по вопросам заработной платы, безработицы, плохого состояния сферы услуг, медицинского обслуживания, питания, жилья. Показательно, что 38,6 % опрошенных испытывали страх за личную безопасность себя, своей семьи и близких. Многих северян тревожило опасное состояние окружающей среды (почти 70% респондентов). Они отлично видели на примерах своей жизни, на бытовом уровне те угрозы, которые несут всему живому загрязнения, исходящие от целлюлозно-бумажных комбинатов, запусков ракет (рыба исчезает в Северной Двина, желтый снег, ботва картофеля чернеет, воду нельзя пить из реки, опасно купаться и т. д.). Но все же вопросы экологии в целом уходят на второй план.

Таблица 11

Проблемы волнующие северян: опрос 1998 года

№	Содержание ответов	% от общего числа опрошенных
1	Задержка, несвоевременная выплата зарплаты	75,2%
2	Опасное состояние окружающей среды, экология	69,8%
3	Низкая оплата труда	62,6%
4	Плохое состояние сферы социальных услуг (транспорт, коммунальное хозяйство и др.)	51,8%
5	Невозможно найти работу, безработица	51,0%
6	Страх за жизнь и здоровье детей	44,8%
7	Социальное бесправие, беззащитность	44,1%
8	Неудовлетворительное медицинское обслуживание	41,5%
9	Страх за личную безопасность своей семьи, близких	38,6%
10	Бесчеловечность окружающих, нездоровая психологическая ситуация	33,7%
11	Коррумпированность региональных органов власти	29,4%
12	Нарушение гражданских прав и свобод	27,6%
13	Плохое питание, недоедание	26,5%
14	Невозможность удовлетворить духовные потребности, получить образование	25,8%
15	Напряженность, нестабильность политической ситуации в регионе	25,2%
16	Тяжелые, жилищно-бытовые условия	22,2%
17	Изнурительный труд, плохие условия труда	14,2%
18	Межнациональная напряженность, конфликты на национальной почве	10,8%
19	Другое	7,5 %
20	Таких проблем нет (1 человек)	0,26%
21	Затрудняюсь ответить (3 человека)	0,8 %

В бассейне Северной Двины в конце двадцатого столетия складывалась нездоровая социально-психологическая ситуация**.** Неуверенность в завтрашнем дне четко прослеживалась в том, что почти 45% респондентов боятся за будущее своих детей. «*Сами-то мы худо ли хорошо, но свою жизнь прожили, образование получили, что-то хорошее видели. А вот что будет с нашими детьми, внуками*» — такое мнение можно было часто услышать а придвинских селах и городах от людей среднего и пожилого возраста. Многие (44%) чув-

ствовали себя социально бесправными, незащищенными. Каждый четвертый был недоволен тем, что невозможно удовлетворить духовные потребности, получить образование.

Показателен такой социологический факт, выявленный среди северян в 1998 году: 33,7 % респондентов отметили *бесчеловечность окружающих, нездоровую психологическую ситуацию*. Выше других этот показатель в городах Северодвинске (41,7 %), Архангельске — 40%, ниже — в г. Новодвинске — 32,9 %, в г. Котласе, Коряжме, районах — 22,2 %. Психологическая неустойчивость стала характерной чертой времени в конце XX века.

Прослеживалась некая закономерность: в сельских районах вопросы плохого состояния сферы социальных услуг волновали людей меньше (28,7 %), чем в городской агломерации. В Новодвинске процент недовольных сферой услуг составлял 42,3 %, в Архангельске — 65,2 %, в г. Северодвинске — 76,7 %. По сравнению с другими городами области в Северодвинске была выше на 12—33 % доля неудовлетворенных несвоевременной выплатой зарплаты, опасным состоянием окружающей среды, безработицей, медицинским обслуживанием, плохим состоянием сферы услуг. Северодвинцев беспокоил в конце XX столетия процесс «вымирания города». В этом городе больше, чем в других местах, был процент людей, испытывающих страх за жизнь и здоровье детей, личную безопасность своей семьи и близких. Более двух третей опрошенных северодвинцев ощущали тогда свое социальное бесправие, беззащитность. А ведь в 70—80-е годы XX века Северодвинск был вполне благополучным во всех отношениях городом, кроме экологической опасности, угрожающей ему постоянно. В каждом из населенных пунктов, где проводился опрос, были выявлены местные проблемы, связанные с благоустройством, обеспечением качественной питьевой водой, уровнем медицинского обслуживания, развитием транспорта и дорог, преступностью, безразличием местных властей к нуждам жителей.

Политические проблемы волновали северян тогда в меньшей степени, чем социальные, личные, собственные. Напряженность, нестабильность политической ситуации в июле-ноябре 1998 года выделили 25,2%; нарушение гражданских прав и свобод — 27,6 % респондентов. Национальные проблемы, как и ожидалось, оказались малоактуальными для нашей северной земли. Только каждый десятый из респондентов отметил остроту межнациональной напряженности, конфликты на национальной почве. Скорее всего, это была тревога за общероссийскую ситуацию, а не оценка реальной ситуации в современной Двинской земле.

Анализируя результаты зондажа общественного мнения, проведенного в ходе экспедиции «Северная Двина-98», нельзя не обратить внимание на растущее отчуждение населения от власти. Такое отчуждение народа от государства существовало во все времена, но летом, а особенно осенью 1998 года, оно значительно возросло. Люди в абсолютном своем большинстве утратили оптимизм и веру в способность как федеральных, так и региональных органов власти и управления хоть что-то изменить в их трудной жизни к лучшему. На извечный русский вопрос *«Кто виноват в том, что проблемы Вашего региона, вызывающие у Вас протест, не решаются?»* — ответы распределились следующим образом:

a) федеральные (московские) органы власти: Президент РФ — 60,0%, правительство РФ — 57,5 %, Государственная дума — 34,5%, Совет Федерации Федерального Собрания — 16,7 %;
b) региональные (архангельские) органы власти и управления: руководство области — 51,0 %, руководство города, района, села, где живут респонденты — 59,3 %;

c) российский народ в целом — 15,2 %;
d) обстоятельства, судьба — 4,9 %;
e) 4,1 % ответили, что в своих проблемах виноваты сами жители региона, города, района, села;
f) 2,3 % человек возложили вину на коллектив (организацию), где работали.

В июле 1998 года еще не было ситуации, связанной с августовско-сентябрьским кризисом в России, но доверие людей к властям предержащим практически уже падало. Впервые социологами было зафиксировано не просто негативное, а *враждебно-агрессивное отношение к власти*. При этом источником зла в России для отдельных северян стала Москва, отождествляемая с федеральной властью в целом. Одна из опрошенных женщин «предложила» ужасный способ расправиться с «кучкой негодяев», которые «довели страну»: «*пусть американцы сбросят бомбу на Москву*». В письме женщин Красноборского района звучал призыв: *«Помогите выжить территории. Россия жива не одной только Москвой, которая на фоне нищеты страны может позволить себе устройство грандиозных праздников»*. Подобные настроения еще больше усилились после падения курса отечественной валюты и многократного роста цен в сентябре 1998 года.

Дело здесь не только в ухудшении условий жизни, нарастании бедности и нищеты северян, но и в их невысоком уровне политической культуры. В беседах с нами многие опрошенные показали, что просто не имеют представления о том, какими должна быть власть, механизм управления. Обыденное массовое сознание исходило из того, что все, кто на верху власти, виноваты. Но что делать, люди не знали. Нужен крепкий, честный лидер, способный навести порядок в России, — такое мнение было широко распространено в 1998 году среди двинского населения. Так что В. Путин победил на выборах Президента России тогда совсем не случайно, его ждали, вернее, ждали такого как он.

В ходе опроса задавался вопрос о возможном выборе северянами главы администрации Архангельской области. В её южных районах явное предпочтение в 1998 году отдавалось представителям КПРФ, что вполне объяснимо на общем фоне с невыплатой зарплат и другими социальными бедами людей, а в городах Архангельске и Северодвинске был востребован патриот своего северного края. В целом же была распространена политическая неопределенность; четверть опрошенных (25 %) затруднялись с определением своей позиции. Более 11% не хотели летом-осенью 1998 года вообще принимать участие в голосовании. В спектре политических ориентаций опрошенных по ответам на вопрос «За кого Вы проголосуете на выборах главы администрации Архангельской области в 2000 году» преобладали ответы: за патриота своего северного края — 14,7%; за генерала типа А. Лебедя — 12,4%; за представителя КПРФ — 8,5 %; за женщину-северянку — 7,5 %; за кандидата от ЛДПР — 3,6 %. Общественное мнение северян требовало сильного, порядочного, умного, честного регионального лидера, патриота своего северного края, решительного как генерал А. Лебедь. В меньшей степени были востребованы у северян такие качества, как экономическое образование, профессионализм, скромность, ответственность, доступность. Таковы некоторые штрихи общественного мнения северян, измеренного в 1998 году.

Сбережение народа, сохранение жизни на северных территориях России во многом определяется качеством местного самоуправления. Менталитет многих поколений северян, складывающийся под влиянием природно-климатических условий, особенностей их жизни и

восприятия окружающего мира, оказал заметное влияние на развитие местного самоуправления. Община, артель, коллектив, опора на собственные силы, поддержка «мира» позволяли северянам выстоять в трудные минуты, достойно пережить горе и неудачи, радоваться жизни, скупому солнцу, полярному сиянию и не предаваться унынию.

В районах, городах, сельсоветах, поселках Архангельской области во второй половине 90-х годов появились мунипальные образования, главы администраций, старосты. Наиболее многочисленным был сформированный тогда в деревнях контингент старост, которые избирались на сходе открытым голосованием в отдельном сельском поселении с населением 50 и более человек или на несколько поселений. Староста был призван контролировать на своей территории состояние общественного порядка, режим работы почты, медпункта, магазинов, автолавок, подразделений службы быта, следить за состоянием дорог, колодцев, плотин, прудов, мостов, объектов муниципальной собственности. Староста и казначей осуществляли контроль за уплатой гражданами налогов, по поручению администрации сами собирали некоторые виды налогов (на землю, на право торговли). Они являлись юридическим лицом и имели печать установленного образца, право по поручениям администрации выдавать гражданам справки о составе семьи, наличии в хозяйстве недвижимости и скота, подписывать документы в пределах своей компетенции.

В ходе экспедиции «Северная Двина-98» нам удалось познакомиться с конкретной деятельностью нескольких старост в ряде населенных пунктов. Многие старосты добросовестно выполняли возложенные на них обязанности в пределах своих возможностей. Но были среди них и «не пробивные», которым, по отзывам населения, было нелегко справляться с местными делами. Многие просто были не в состоянии решить те сложные социальные задачи, которые определялись многочисленными функциями, возложенными на старост, не имеющих никаких ресурсов для их реализации. По-существу, институт старост в большинстве населенных пунктов ничем не проявил себя. Стали появляться ТОСы, выполняющие кратковременные локальные проекты и латающие возникающие пролемы.

Принятые в 1991—1997 гг. законы, смена вывески «советы на муниципалитеты» отнюдь не изменила функционального предназначения местной власти на местах, призванной решать вопросы местного управления, связанные с удовлетворением потребностей населения в жилье и его содержании, в обеспечении его теплом, электроэнергией, в медицинских, образовательных услугах, в работе транспорта, торговли[465]. Кавалерийская атака, направленная на введение муниципалитетов по западному образцу оказалась неэффективной, не обеспеченной в должной мере ресурсами, в первую очередь финансовыми. Демократия, самоуправление на местном уровне в современной России были сведены фактически только к участию взрослого населения в выборах. Социальная активность населения опустилась до самого низшего уровня, процветает абсентеизм. В итоге политической реформы в 90-е годы XX века в России и местное самоуправление на ноги по-настоящему не встало и прежняя модель привлечения населения к управлению местными делами была уничтожена.

[465] О местном самоуправлении в Российской Федерации /Закон Российской Федерации от 06.07.91, с изменениями и дополнениями на 22.10.92. О реформе местного самоуправления в Российской Федерации / Указ Президента РФ от 26.10.93 № 1760. Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации / Закон РФ от 12.08.95. О финансовых основах местного управления в Российской Федерации / Закон РФ от 10.09.97.

Вторая по счету реформа местного самоуправления, проводимая на основе федерального закона № 131-ФЗ от 6 октября 2003 года «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации», как и в 90-е годы XX века, опять столкнулась с острейшими проблемами финансового обеспечения исполнения функций муниципальных образований, создания социальной инфраструктуры, жилищно-коммунального хозяйства, расселения из ветхого жилья.

Эти и другие существующие проблемы социально-экономического развития поселений требуют не просто очередной третьей модернизации местного самоуправления, начатой в 2014 году, а гораздо большего внимания органов власти и управления к проблемам «северов», значительных инвестиций в создание цивилизованных условий жизни северян. Черные дни 90-х годов XX века, экологические риски и угрозы, разруха и тоска, запустение и ветхость пусть останутся в прошлом без возврата.

Экологическая направленность двинской экспедиции 1998 года имела несколько важных аспектов. Речь шла не только о сохранении души, сбережении населения, окружающей среды [466], но и исследовании состояния воды, земли, воздуха, рек, болот, лесов, выработке соответствующих мер, координации усилий Республики Коми и Вологодской, Архангельской областей, о балансе интересов экологии и экономики, экологии человека, культуры, которая представляет собой искусственные, созданные людьми объекты (артефакты) в отличие от естественных, природных. В круг явлений, обозначаемых концептом «культура», входят не только вещи, но и духовные ценности, социальные нормы, определяющие отношения между людьми, такие их свойства, которые не регулируются биологическими инстинктами.

Исследование проблем сохранения окружающей среды возможно вести также в рамках одного из тематических научных направлений — исторической экологии. *Во-первых*, сферы жизни общества, человеческие ценности имеют отношение к истории, включающей все проявления жизнедеятельности людей. *Во-вторых,* проблемы обеспечения энергией, жильем, продовольствием, развития инфраструктуры, ЖКХ, образования, сбережения людей становятся со временем предметом исторической ретроспективы. И *в-третьих*, возрастает внимание к защите культурного и природного наследия коренных народов [467].

Строительство и функционирование крупнейших в мире производственных мощностей по строительству и ремонту кораблей в Северодвинске, других объектов ВПК ускоряло урбанизацию и индустриализацию региона, создавало новые рабочие места, многие годы определяло социальное благополучие сотен тысяч северян, их семей. Позитивный вклад ВПК в социально-экономическое и культурное развитие северных территорий, в том числе Архангельской области, в рост объёмов валового регионального продукта, развитие городов, строительство жилья, создание инфраструктуры просто глупо отрицать или стараться приуменьшить этот заметный вклад.

К негативным же последствиям развития ВПК, строительства заводов, космодрома, полигонов, экспансии военных на северах следует отнести: возникшие постоянные экологические риски, разные фобии среди населения региона, особенно после чернобыльской катастрофы 1986 года; отчуждение, выведение из оборота не просто значительных, а громадных

[466] Закон РФ «Об охране окружающей среды»// Российская газета. 2002. 12 января.

[467] Молчанов Б.А., Горбунов С.Н. Национально-правовая и международно-правовая защита культурного и природного наследия коренных народов. Ярославль, 2006. С. 212.

территорий, занятых военными ведомствами; излишней закрытости и секретности о том, что все и так обычно знали; ограничения в свободе передвижения (оформление пропусков). В смутное время 90-х годов двадцатого столетия, когда страна оказалась не в состоянии обеспечивать оборонный заказ в прежних объемах, возникла социальная напряженность, появились настроения безнадежности, стала расти бедность когда-то в зажиточных ЗАТО, в том числе и среди самих военных. Многое из построенного в советские времена быстро ветшало, приходило в упадок и от этого становилось ещё более страшным и угрожающим не только самим себе, но и своим ближним зарубежным соседям, обеспокоенных угрозой уже не нападения, а просто нашего мирного существования рядом с ними. Экологические риски привлекали пристальное внимание не только отечественных средств массовой информации, ученых, политиков [468], но и зарубежных экологических организаций [469].

6.3. Северная Двина — река моего детства

История Двинской земли, её настоящее и будущее совсем не безразлично для меня, как автора этих строк и для многих тысяч людей, живущих на берегах привольной и когда-то могучей Северной Двины. Вся моя жизнь связана с этой рекой. Я родился на правом берегу Северной Двины. В моём свидетельстве о рождении расписался мой отец Федор Паладьевич Лукин (1915—1968 гг.), который был в то время председателем Ростовского сельского Совета. Его жизнь и судьба были типичными для северного крестьянина в двадцатом веке.

Не знаю от какого Луки произошел мой род. Может от того Луки, который в 1320 году ходил с дружиной новгородских ушкуйников Двиною и Белым морем на Мурман. Или от Луки, обычного крестьянского человека, полюбившего волю и двинские просторы более всего на свете. Мне это неизвестно. Но я интуитивно чувствую, что мои прадеды делали, что было в их силах и зависели во многом только от капризов природы и судьбы, жизнь их была трудной, но в какой-то степени вольной.

Мои родные по мужской линии жили в селе Целезеро Моржегорского прихода Холмогорского уезда в 25 километрах от Северной Двины в красивейшем и удобном месте северной тайги на холмах в окружении множества озер: Белое, Долгое, Целезеро и др. Моржегоры расположены в 57 километрах от Емецка. Но добираться от Северной Двины из Моржа через болота, гати, речки и таежные тропы в Целезеро было чрезвычайно трудно весной, осенью, в летнее время даже пешком. Только зимние морозы делали возможным санный путь в целезерскую глухомань. В непосредственном окружении этих трех и множества других подальше расположенных озер, практически в недоступной таёжной глуши издавна жили северные рыбаки и охотники, черносошные крестяне, занимавшиеся земледелием, промыслами, а при советской власти ещё и лесозаготовками. Все знали друг друга, по-

---

[468] Атом без грифа «секретно»: точки зрения. Документальные штрихи к портрету ядерного комплекса СНГ и России / сост. Александр Емельяненков, д-р Владимир Попов. Москва-Берлин. 1992. Атом без грифа секретно. Книга вторая. Полвека с бомбой / сост.Александр Емельяненков, д-р Владимир Попов. М., 1996.

[469] Источники радиоактивного загрязнения в Мурманской и Архангельской областях / Томас Нилсен и Нилс Бёмер. Доклад объединения «Беллуна». 1994. Северный флот: потенциальный риск радиоактивного загрязнения региона/ Томас Нилсен, Игорь Кудрик, Александр Никитин. Доклад объединения «Беллуна». 1996. Атомная Арктика: проблемы и решения/ Нилс Бемер, Александр Никитин, Игорь Кудрик, Томас Нилсен, Майкл Х.МакГаверн, Андрей Золотков. Доклад объединения Bellona. 2001.

селение было небольшим. Крестьяне, по-существу, вели натуральное хозяйство, были тесно связаны с окружающей средой. Лес, рыбалка, охота кормили их. Многие семьи держали в хозяйстве коров, лошадей, заготавливали летом для них сено, выращивали ячмень, из которого делали пиво.

Нигде больше не видел я такой чистой, светлой воды как в озере Белом, по берегам которого разбежались в беспорядке деревянные постройки целезёр. В пятидесятые годы двадцатого столетия здесь ещё использовали для плавания по озерам так называемые «осиновки» — лодки, выдолбленные из цельного куска осины. Они были быстроходными на ходу, но чрезвычайно верткими. Одно неосторожное движение, и человек вываливался из осиновки в воду, поэтому их называли ещё и душегубками. Мне нравилось ловить рыбу, сидя в такой лодке. Забросил удочку, а вода светлая, видно как рыбешка подплывает к твоей наживке, поплавок ещё не шелохнулся, подсек и рыба в лодке. В озере Долгом вода, наоборот, была болотной, травянистой, темной, оно соединялось с озером Целезеро небольшой протокой.

В документах архивного фонда Архангельской духовной консистории, в метрических книгах Моржегорского, с 1850 года — Целезерского прихода Холмогорского уезда, а с 1869 года — Шенкурского уезда, имеются сведения о роде Лукиных по мужской линии с 1748 года. Метрические книги Моржегорского прихода Холмогорского уезда Архангельской губернии сохранились начиная с 1784 года. Даты были указаны по старому стилю. В духовных росписях разных лет нередко встречались ошибки в указании возраста.

Паладьевичи из рода Лукиных

Семья моего деда Палладия Никифоровича и бабушки Афанасьи Ивановны была боль-шой. Много у меня и двоюродных братев, сестёр по линии отца. У Матрены Паладьевны было 5 детей, Марии Паладьевны — 4, Николая Паладьевича — 3, Ивана Паладьевича — 5, Михаила Паладьевича — 2.

На фото в первом ряду Федор и Тимофей Паладьевичи, между ними Анна Яковлевна — жена Тимофея. Во втором ряду братья Михаил, Николай и Иван Паладьевичи Лукины.

Веками жили целезеры в основном охотой и рыбалкой, возделывали землю, разводили коров и другую живность. В тридцатые годы двадцатого века в Целезеро появился колхоз. В зимнее время всех, кого можно, выгоняли на лесозаготовки. В лесу и случилась семейная трагедия. Упавшим неосторожно спиленным деревом 17 декабря 1932 года придавило деда Палладия Никифоровича и моего отца, помогавшего ему. Дед погиб в сорок лет. Все заботы о выживании братьев и сестер легли тогда на плечи моей бабушки Афанасьи Ивановны и старшего в семье мужчины, моего отца Федора Паладьевича. Поэтому повзрослел он очень рано, всему житейскому научился и до всего доходил, как говорится, своим умом. Не зря, наверно, он избирался с 1938 по 1947 годы председателем Целезерского, Ро-

стовского, Моржегорского сельских советов, а позднее и Устьважского. А ведь в 1938 году моему отцу было всего лишь двадцать три года.

В конце пятидесятых годов XX века всех целезёр выселили с родной земли в большое село Моржегоры поближе к Северной Двине, так как рядом в северной тайге появился военно-космический сосед, названный впоследствии космодромом Плесецк. Космодром лишил меня и моих земляков своей малой родины и эта рана не даёт душевного покоя, как и то, что отец утонул 21 июля 1968 года, традиционно переплывая озеро Долгое, где на другом берегу в деревне Задолговской был когда-то родной дом их семьи. Отец всегда, когда приходил в Целезеро из Моржа, любил навестить это место.

Мать Ольга Алексеевна Волкова — Лукина родилась в Устьваеньге и прожила почти 80 лет. Её отец, мой дед — Волков Алексей Прокопьевич. Моя бабушка — Тюкина (Волкова) Наталья Петровна, жила одно время с нами в Морже. У моей мамы Ольги Алексеевны были ещё сестра Мария Алексеевна и два брата —Андрей и Петр Алексеевичи Волковы. Моя мама сорок лет работала в разных школах Виноградовского района. Начинала она учителем начальных классов с 17 лет в Целезеро, затем трудилась в Кице, Ростовском, Заостровье, Заборье, Морже, где научила читать и писать многих моих земляков, награждена пятью медалями. Она была великая труженица, любила душевно петь, веселиться, приносить радость и всегда стремилась быть нужной людям. Даже после выхода на пенсию она заботилась о благоустройстве своей маленькой деревеньки Заручей в Морже, отстаивала от мелиорации небольшое заросшее озеро, где на берегу стояли бани и местные жители брали воду.

Мне почему-то запомнился из дества один эпизод. В соседнем доме пекли хлеб и вокруг стоял обалденный (трудно подобрать другое слово) запах свежевыпеченного хлеба. Мы с сестрой и соседские дети смотрели на это таинство, сидя на лавке в избе. В какой-то момент кто-то не выдержал и попросил: — «Дай сить». Хозяйка засмеялась и переспросила: — «Что ты просишь, пить». — «Ну, сить, укусить хлеба». Хозяйка отрезала нам по ломтику душистого хлеба и мы были счастливы тогда безмерно. В Заостровье я пошел в школу, где первые четыре года меня учила моя мама — Ольга Алексеевна, так я звал её в школе.

Я рано начал трудиться и мои детские воспоминания всегда связаны с лошадьми. У отца все время в хозяйстве были или конь или лошадка, которых надо было постоянно кормить, поить, навязывать в поле, ухаживать за ними. Всегда в нашей семье были и корова, теленок, иначе просто невозможно было тогда выжить, поэтому дел всегда хватало. С восьми лет я ездил верхом, боронил, возил кучи сена на санях в период заготовки его на лугу. Самым приятным занятием было мчаться во весь дух верхом летом на лугу, чтобы напоить коней в каком-нибудь озерке или на реке. Однажды я на полном скаку упал, но «Мальчик», — так звали коня, остановился, не убежал и не наступил на меня, а стоял рядом и ждал, когда я совсем маленький встану и снова заберусь на него, что мне было в то время сделать очень нелегко. Один раз я попал под сани с возом сена, но луг был весь в кочках и ничего страшного не случилось. Помню, как зимою мы мчались во весь опор с отцом в розвальнях в соседнюю деревню, как ездили на лошадках из Заостровья до Рочегды и до Березника. Машин тогда почти не было и лошади были зимой основным транспортным средством.

Сенокосная страда

Летом по Северной Двине ходили пароходы, типа дошедшего до сегодняшних дней «Гоголя». Шел он от пристани Сельцо до Березника не спеша, людей всегда было много, мест не было и спали мы не в каютах или плацкарте, а прямо на теплой железной палубе возле машинного отделения или на поленице из деревянных плах на нижней палубе. В Березнике тогда работал заведующим райсобесом и жил Тимофей Паладьевич с тетей Нюрой, у которых мы всегда останавливались на ночлег в их маленькой комнатушке. Потом они построили себе удобный, красивый дом в Морже, где под окном растут березы и другие деревья и в котором сейчас никто уже не живет.

Когда мы жили в Заборье, мне пришлось немножко поработать на сплаве леса, катать штабеля, собирать бревна после паводка на лугу возле Шидрова, работать с багром на запани. После десятого класса я пас коров, у меня был свой конь, на котором я лихо скакал по всем моржегорским полям, лесам и лугам. А потом я уехал поступать в Архангельскую мореходную школу, тогда её называли ещё ШМО.

Затем началась моя взрослая жизнь. Морская — мореходная школа, Дудинка, Ленинград, Щецин, Лондон, Гамбург, Ливерпуль, Таллин, Виндава, Дублин, Лондондерри. Армейская — Ленинград, 24 школа арттехников; Венгрия, Южная группа войск, арттехник дивизиона 13 гвардейской танковой дивизии. Ударная стройка — Архангельск, сульфат, плотник-бетонщик. Мои университеты — студент историко-филологического факультета, археологическая практика, студенческий профком, Соловки, Ленинград. Но это уже совсем другие истории, о которых напоминают сегодня старые фотографии.

1970 год. Выпуск историков АГПИ им. М.В. Ломоносова

Научная конференция в Поморском университете

Глава 7

Архангельская хроника — исторические даты из жизни Русского Севера

Новая краткая Архангельская хроника, составленная автором, — это хронологические даты многогранной истории Русского Севера: Двинской земли, Заволочья, Поморья, Архангельска в устье Северной Двины в X—XVIII вв. Хронологическая последовательность исторических фактов, событий систематизирует полученные знания и позволяет понять огоромную значимость и геополитическую роль Русского Севера в отечественной истории. События, факты, упоминания в исторической литературе, в рукописях, грамотах и других актах в основном даются мною без ссылок на источники, включая URL, так как они приводятся в тексте самой этой книги. Конечно же эта историческая хроника нуждается в дополнениях, уточнениях, конструктивных доброжелательных предложениях. И работа над этой базой исторических данных несомненно будет продолжаться и дальше.

Даты	**Архангельская хроника / © Лукин Ю.Ф.**
21 ноября	Празднование Собора Архистратига Божия Михаила и прочих Небесных Сил бесплотных (ангелов). Этот день является духовным праздником города Архангельска, названного в честь Михаила Архангела
270—250 млн лет	Возраст захоронений «двинских ящеров» пермского периода (Соколки, В.П. Амалицкий), образующих «Северо-Двинскую галерею» палеонтологии
Более 100 млн лет	Датировка окаменелых кусков деревьев, найденных на островах архипелага Земля Франца-Иосифа
130 000 лет	Впервые человек проник на северо-восток Европы в раннем палеолите, во второй половине среднего плейстоцена
около 100 000 лет	Вторая волна колонизации северо-востока Европы связана с мустьерской эпохой (П.Ю. Павлов).
38 000—28 000 лет	Освоение популяциями охотников-собирателей всей территория северо-востока Европы
38 000—34 000 лет	Датировка стоянки Мамонтова Курья, расположенной в бассейне Печоры, в среднем течении реки Уса
около 29 000 лет	Возраст стоянки Бызовая, расположенной на средней Печоре, является одним из самых северных (65°01 с.ш. и 57° 25' в.д.) памятников ранней поры верхнего палеолита в Европе
около 19 000 лет	Получила распространение уральская поздне-палеолитическая культура, родственная стоянкам верхнего палеолита Северной Азии.
18 000—16 000 лет	Возраст культурного слоя Медвежьей пещеры, расположенной на верхней Печоре
	Цивилизационные волны на Русском Севере
29—25 тысяч лет до н.э.— рубеж н.э	Древний Север до н. э. — палеолит, мезолит, неолит, медно-бронзовый и желез-ные века. Праславяне и древние арьи (индославы) в Арктике. Начало заселения юго-восточной части Архангельской области в эпоху палеолита [А.А. Куратов]. Мезолитические стоянки в бассейнах рек Вычегды, Северной Двины, Печоры.
V тыс. до н.э.	Островная беломорская культура, начало освоение Соловков
IV—II тыс. до н.э	Онежские и беломорские петроглифы — наскальные рисунки древних охотников и рыболовов (Бесовы Следки, Старая Залавруга, Новая Залавруга, Ерпин Пудас и др.) в Беломорье и на побережье Онежского озера

I тысячелетие н.э.	Потомки древних славян (индославов), финно-угорская этническая волна, другие культуры и этнические общности на Русском Севере
II тысячелетие н.э. — 1917 г.	Русский Север в рамках славянской, русской цивилизации — Новгородская республика, Великое Московское княжество, Российское централизованное государство
1922—1991 гг.	Советский индустриальный Север в краткий период советской цивилизации после образования СССР
1992 г.— XXI век	Европейский Север современной России или современный Русский Север евразийской цивилизации
	Административный статус Русского Севера во II тысячелетии н.э.
XI—XV вв.	*Заволочье* — историко-географическое понятие, обозначающее северные земли, которые осваивал Новгород водными путями, а в междуречьях — волоками по суше. Упоминается как волость новгородская в договорных грамотах с князьями 1265, 1270, 1305, 1308, 1327, 1456, 1471 гг., в духовных грамотах великих мос-ковских князей 1339—1572 гг.
XI—XVIII вв.	Двинская земля XI—XVI вв., Двинской уезд 1551 — 1780 гг., Двинская провинция 1719—1775 гг. — административно-территориальные единицы Новгородской республики, Московского княжества, Российской монархии.
XVI—начало XVIII века	Двинская земля как региональное экономическое пространство, торговый путь из Англии через Белое море в Архангельск, далее по Северо-Двинскому пути, затем по Волге до Каспийского моря, в Персию и другие страны Востока
1708—1780 гг.	Архангелогородская губерния
1780—1796 гг.	Вологодского наместничество, включавшее Архангельскую область до 1784 г.
1784—1796 гг.	Архангельское наместничество
1796—1929 гг.	Архангельская и Вологодская губернии
1921 г.—XXI в.	Мурманская область – бывший Александровский уезд Архангельской губернии
1929—1936 гг.	Северный край: Архангельская, Вологодская, Северодвинская губернии, Коми автономная область, Ненецкий национальный округ
1936—1937 гг.	Северная область: Архангельская, Вологодская, Северодвинская губернии, Ненецкий национальный округ
1937 г.—XXI век	Архангельская и Вологодская области
	Архангельская хроника: X—XV вв.
IX век	Норвежский мореплаватель Отер (Оттар) совершил морское путешествие из Скандинавии до Bjarmians в устье Северной Двины, где по его наблюдениям местное население занималось судоходством, ловлей морских зверей и земледелием.
Конец X века	«Замок» на мешке для сбора дани, обнаруженном в Тихменге, реке впадающей в озеро Лаче, Каргополь [В.Л. Янин].
X—XI вв.	Славянские поселения в среднем течении Северной Двины, обнаружены курганные могильники.
920—930 гг.	Поездки в Биармию Эйрика в период между 920 и 930 гг.
965 год	Гаральд, старший сын Эйрика по прозвищу «заячий мех», в 965 году совершил поход в Биармию, где произошло большое сражение с биармийцами на прибрежных холмах Двины.
1026 год	Походы в Биармию Торира Собаки и Карли на двух кораблях, которые вели торговлю, а потом совершили набег на курган в густом лесу, где стоял идол Иомалы, но на обратном пути не поделили добычу и Торир убил Карли. По сказаниям (сагам) на Двине существовал большой торговый «город», куда летом приходили на ярмарку купцы из Скандинавии.
1032 год	Поход Улеба на Железные Ворота. «Глеб изыде из Новгорода на Железная вра-

	та» [Холмогорская летопись].
1078 год	Князь Глеб Святословович убит в Заволочье за Волоком в лето 6586.
1096 год	Один из первых известных по летописям поход за данью на Печору и Югру в 6604 лето по рассказу Гюрята Роговича
1137 год	Устав новгородского князя Святослава Олеговича локализует двинские поселения: Ракула, Пинега, устье Емцы, Устьвага, Иван-погост и другие
1147 год	Официальная дата основания Вологды. Из града Киева пришел к реке Вологде монах преподобный Герасим и основал Троицкий монастырь
1169 год	В 6677 лето произошли столкновения дружины Данислава Лазутинича с суздальцами на Белозере, который ходил из Новгорода на Двину дани имать
1186, 1191, 1292 гг.	Дружины новгородских молодцов ходили в эти годы воевать на емь с корелою
1187 год	В Печоре были избиты новгородские даньщики, пало до ста лучших кметов (лучших воинов)
1193 год	Была разбита новгородская рать с воеводой Ядреемь, которая ходила из Новгорода в Югру, по оплошности воеводы и измене товарищей
XIII—XVI вв.	Новгородская архиепископия создаёт сеть православных обителей на Русском Севере: древнейший на Севере Михайло-Архангельский монастырь в Устюге у слияния рек Сухона с Югом, Лявленский Успенский, Михайло-Архангельский в устье Северной Двины, Николо-Корельский, Николаевский Чухченемской монастыри, Соловецкий монастырь, Антониево-Сийский, Клоновский, Николаевский Нижне-Моржегорский, Покровский мужской, Ивановский женский и другие.
1232 год	Римский папа Григорий IX призвал крестоносцев к наступлению на новгородские земли. В ходе Ливонского похода 1240—1242 гг. немецкие рыцари захватили Изборск и Псков, но затем потерпели поражение от Новгорода.
1240, 1242 гг.	Невская битва и Ледовое побоище, в которых новгородцы под руководством Александра Невского одержали победы над иноземным войском.
1264—1266, 1270 гг.	Одно из первых упоминаний Заволочья в договорных грамотах Новгорода с тверским великим князем Ярославом Ярославовичем. Перечислены новгородские волости: Вологда, Заволоцье, Тре, Перемь, Печера, Югра
1294—1304 гг.	Грамота Великого князя Андрея Александровича на Двину с информацией о договоре с Новгородом о кормах и подводах для великокняжеских ватаг, ходящим на промыслы.
1305, 1308, 1327, 1456, 1471 гг.	Заволочье встречается в договорных грамотах Новгорода с князьями в указанные годы. Перечисляются новгородские волости: «Торжек, Бъжычи, Городец, Палец, Шипина, Мелеча, Егна, *Заволочье*, Тре, Пермь, Печера, Югра»
1316,1323 гг.	Западные источники упоминают о враждебных столкновениях новгородцев с Норвегией
1320 год	Морской поход в Норвегию через Белое море. «В лето 6828. А Лука ходи на Мурманы, а Нъмци избиша ушкуи Игната Молыгина» [ПСРЛ, т. IV]. Одно из самых первых упоминаний в летописях парусно-гребного судна «ушкуй».
1323 год	Новгородские купцы, возвращающиеся из Югорской земли в Новгород, были ограблены устюжанами
1324 год	Великий князь Юрий Данилович с новгородцами совершает поход в Заволочье, берет град Устюг. В Вологодско-Пермской летописи: «взяша Устюг на щитъ и поидоша на Двину, и добиша ему челом *Двиняне*, и отъиде»
1326 год	Новгород и Норвегия подписали мирный договор на 10 лет. Жители Заволочья много терпели от норвежцев, которые часто вторгались для грабежа
1328—1341 гг.	В новгородской грамоте упоминаются двинской посадник на Холмогорах, двинские бояре
1329 год	Устюжане ограбили и убили новгородских купцов и промышленников, отправляющихся в Югорскую землю [Устюжский летописец]

1337 год	В Заволочье новгородскими боярами разбита московская рать, которую послал на Двину за Волок великий князь Иван Данилович
1338 год	Снова «ходиша *молодци новгородстѣи* с воеводами и воеваша городецьскую Корѣлу нѣмечкую». В Новгородской летописи этот поход интерпретируется как ответная мера.
1340 год	В лето 6848 молодцы новгородские ходила на Устюжну, сожгли город, но устюжане, собравшись с силами, нагнали их лодьи, отняли пленников и добычу.
1342 год	Строительство крепости Орлец на Двине. Лука, сын скончавшегося новгородского посадника Варфоломея, недовольный выбором нового посадника, собрав дружину, пошел на Двину. Построил город Орлец и взял всю землю Заволоцкую по Двине, все погосты «на щит». Был убит заволочанами, когда сын его Онцифор оправился в новый поход.
1348 год	В ходе крестового похода в лето 6856 король Швеции и Норвегии Магнус II Эриксон сделал одну из последних попыток крестить новгородцев в свою веру, убеждая их и словом и силою.
1349 год	В лето 6857 «ходиша Новгородци и Двиняне на Мурманы». Новгородские ушкуйники взяли сильно укрепленную крепость Бьаркей в провинции Халогаланд
1360 год	Первое упоминание о походе на Жукотин Анфала Никитина. «В лето 6868 «болярин Великого Новагорода Анфал Микитин ходил ратью на Кумада (Каму), взял город Жукотин и много бесермен побил» [Архангелогородский летописец]
1364 год	«Дети боярськіи и молодые люди» во главе с воеводами Александром Абакуновичем и Степаном Ляпой» совершили поход в Сибирь. Одни воевали *по* реке Оби до моря, а другая половина рати на верх Оби. На обратном пути разбили двинян, хотевших завладеть их добычей
1366, 1369, 1371, 1374, 1375, 1379, 1391 гг.	Походы ушкуйников на Волгу и Каму по данным летописей. В лето 6874 (1366) — «*полтораста ушкуев* с разбойниками новгородскими». В лето 6877 (1369) *на десяти ушкуях»* ходили на Волгу, Каму, были побиты. В 1371 году «*ушкуици разбоиници*» разграбили Ярославль и Кострому. В лето 6882 (1374) идоша на низ рекою Вяткою «*ушкуиници разбоиници 90 ушкуевъ*» (примерно 2700 человек) пограбили Вятку, 50 ушкуев пошли вниз к Сараю, а 40 ушкуев пошли вверх по Волге. В лето 6883 (1375) «идоша *разбоиници в 70 ушкуевъ*» во главе с воеводами Прокопием и Смолянином к Костроме, Сараю, вырезаны сонными в Астрахани. В лето 6887 (1379) вятчане ходили ратью в Арскую землю в низовьях Камы и Вятки, где «избиша *разбойниковъ ушкуиников* и воеводу ихъ Рязана изънемавще убиша». В лето 6899 (1391) новгородцы, устюжане вышли в насадах и в «*ушкъех»* рекаю Вяткою на низ, взяли Жукотин и Казань
1388—1414 гг.	Иоанн (третий) выбран Архиепископом новгородским 7 мая 1388 года. Хиротонисан митрополитом в Москве 17 января 1389 года. Добровольно оставил святительскую кафедру 20 января 1415 года и удалился в Деревяницкий монастырь, где преставился 24 июня 1417 года
1388 год	Благословенная грамота новгородского архиепископа Иоанна (третьего) игумену Михайло-Архангельского монастыря Луке. Архиепископ Иоанн благословляет вседневную службу у св. Михаила и игуменом Луку.
1388—1400 гг.	Лука — первый легитимный игумен Михайло-Архангельского монастыря, основатель Архангельска, первый градоначальник.
1388—1682 гг.	Михайло-Архангельский монастырь в делах духовного правления со времени своего основания до учреждения в 1682 году архиепископии Холмогорской и Важской был подчинен Новгородскому владыке
1393 год	В лето 6901 из Заволочья новгородцы с двинянами «шедше в мнозех насадех и *ушкуехъ*» принимали участие в составе объединённой новгородской рати с воеводами новгородскими, князьями Романом Литовским и Константином Белозерским в походе на град Устюг и Белозеро
1397—1401 гг.	Двинское смутное время

1397 год	В лето 6905 великий московский князь Василий Дмитриевич послал на Двину своих бояр. В его уставной грамоте были даны обещания льгот, беспошлинной торговли, независимости и самостоятельности. «И двиняне, Иванъ Микитин и бояре двинские и все двиняне за великого князя задались, а ко князю великому целоваша крест» [ПСРЛ, т.3].
1398 год	Новгородская рать численностью в три тысячи человек «повоеваша» Белозерские, Кубинские, Галичские волости, сожгла Устюг, а затем сравняла с землей городок Орлецы после его месячной осады. Ивана Микитина скинули в Новгороде с моста, его брат Анфал сбежал. Герасима и Родивона постригли в монахи. С двинян взято 2000 рублей. Осенью данного года в Москву ездили послы из Новгорода, которые в этот раз «взяша мир с великим князем о двинянех».
1401 год	Новгородский владыка Иоанн за благословение войны новгородцев против великого князя был задержан в Москве. Здесь по распоряжению митрополита (в наказание и смирение) он пробыл три года.
1401 год	Великий князь Василий Дмитриевич послал свою рать в Заволочье с Анфалом Микитиным да Герасимом Ростригой, они взяли всю Двинскую землю на щит. Однако богатые двинские бояре Степан Иванович, Михаил Головня, скопив около себя важан, разбили московскую рать на Холмогорах, отняв всех пленников и добычу.
1409 год	Поход Анфала Никитина на Каму, где обманом завлеченный Болгарскими и Жукотинскими князьями для переговоров он был взят в плен, а его дружина частично перебита и разбежалась. Одно из последних сообщений об А. Никитине относится к лету 6926 (1418): «*убиен бысть Анфалъ и сынъ его Нестеръ на Вятке от Михаила Росохина месяца июля 11*» [ПСРЛ, т.26].
1410 год	Никольский Корельский монастырь (монастырь св. Николы) начал возводиться в устье Северной Двины на побережье Белого моря.
Около 1411 года	В жалованной грамоте новгородского вече сиротам Терпилова погоста встречается название «Двинская слобода» и «двинянин слободчанин».
1411 год	Воевода Яков Стефанович, посадник двинской из Заволочья, по новгородскому повелению ходил войной на Мурман.
1417 год	Неудачный военный поход войск великого князя Василия Дмитриевича в Двинскую землю. «Устюжаны и вятичи ехаша в насадах на Двину, и повоеваша волость Борок, пожгли Емцу и Холмогоры». Но заволоцкие бояре Иван и Афанасий Федоровичи, Гаврила Кирилович и Исак Андреевич догнали их под Моржом на острове, освободили пленных. А затем заволочане дошли до Устюга и пограбили его.
1419 год	«Пришед Мурманѣ (норвежцы) воиною въ 500 человѣкъ, в бусах и въ шнеках, и повоеваша въ Арзуги погостъ Корильскыи и в земли Заволочкои погосты: в Неноксѣ, в Корѣльскомъ манастырь святого Николы, Конечныи погостъ, Яковлю кюрью, Ондрѣяновъ берегъ, Кигъ островъ, Кяръ островъ, Михаиловъ манастырь,Чиглонимъ, Хѣчинима; 3 церкви сожгли, а христианъ черноризиць посѣклѣ, и заволочанѣ двѣ шнеки Мурманъ избиша, а инии избѣгоша на море» [ПСРЛ, т.3].
1425 год	Нападение устюжан на Заволочье и «довольно повоевали там». Новгородцы по обычаю «отмахнулись» и сами ходили военной ратью к Устюгу.
XV век	Возрождение Михайло-Архангельского монастыря на прежнем месте. Игуменами Михайло-Архангельского монастыря в XV веке были Иоанн, Андреян, Акакий, Афанасий.
XV век	Данная и купчая новгородского боярина Филикса Прокшинича, отдавшего в Михайло-Архангельский монастырь свои тони.
1429—1436 годы	Основан Соловецкий Преображенский мужской монастырь. В 1429 году Савватий и Герман пришли на Соловецкие острова, где прожили шесть лет. В 1435

	году Савватий пошел на Вагу, где вскоре скончался. Герман вернулся на Соловки с Зосимой. В 1436 году иноки Герман и Зосима построили первую келью. Пустынник Зосима в 1452 году стал первым игуменом Соловецкого монастыря, умер в 1478 году.
1431 год	Из Новгорода Великого ходил Иван Лошинский воевати на Каян з двиняны
1444 год	В лето 6952 «*ходиша Корела на Мурман, избиша их и повоеваша, и пленивше, и приидоша здоров*» [ПСРЛ, т.3].
1445 год	В отмщение за прошлогодний набег в лето 6953 «приидоша Свея Мурман безвестно за Волокъ на Двину ратью, на Неноксу, повоевавъ и пожгоша и людеи пересекоша, а иных в полонъ поведоша». Двиняне дали достойный ответ, взяли в плен воевод «*Ивора и Петра и третьего, убиша; инеи же, мало вметавшеся в корабли, отбегоша*» [ПСРЛ, т.3].
1445 год	Яков Дмитриевич отписал своей данной Михайло-Архангельскому монастырю владения в Неноксе, на Княжеостове, на реке Сюзьме. Купил у Осея и Григория Баишиных часть села Баишина с угодьями
1445 год	В лето 6953 неудачей и полным разгромом завершился поход новгородских воевод Василия Шенкурского и Михаила Яковлева с заволочскою ратью в три тысячи ратных людей на Югру за данью.
1450—1453 гг.	Походы князя Д.Ю.Шемяки на Устюг, Вологду, бегство его на Двину
1456 год	Разгром новгородского войска под Русой и заключение Яжелбицкого мира
Не позднее 1459 года	Одно из первых документальных упоминаний Поморья. Иван Менуев и его братья покупают землю и воду на Поморьи по морским рекам и по лешим озерам
1459—1469 гг.	Жалованная грамота Великого Новгорода Соловецкому монастырю на Соловецкий и другие острова.
1459—1469 гг.	По вкладу Марфы посадницы Соловецким монастырем были сделаны земельные приобретения «*на Поморском берегу по реке Суме*».
1462 —1471 гг.	В трёх списках Двинских земель упоминаются: Верхняя Тойма, Сельцо, Заостровье, Осиново поле, Емецкий погост, селцо в Емце, Мехреньга, Ваймуга, Матигоры, Лукинъ берег, Ухта остров, Великая Курья, Княжеостров, Терпилов погост, устье реки Пинеги, Соломбала, река Солга; земли на зимнюю сторону от устья Двины до устья Онеги, Ненокса, Уна, Умба, на летнюю сторону от устья Двины до устья Мезени. Указываются собственники земель по рекам Ваге, Кулуй, Вель, другим малым речкам и местам.
1471 год	Поражение двинской рати во главе с князем Василием Шуйским в битве под Шиленьгой в устье реки Ваги с ратью вятчан Бориса Глебца и устюжан Василия Федоровича Образца. «*С сего времени началось совершенное покорение Двинян под Российскую державу*» [Устюжский летописец].
1471 год	В «Отказной новгородской грамоте на Двинскую землю» перечисляются земли на Пинегу, Кевролу, Мезень, Выю, Суру поганую и др., которые Великий Новгород окончательно передавал во владения Великого князя Московского.
1477 год	Жалованная новгородская грамота Троицкому Сергееву монастырю об освобождении от пошлин отправляемых в Двинскую землю лодей и возов с товаром, и о неподсудимости Двинским посадникам старцев, атаманов и осначеев.
1478 год	Падение Новгорода, новгородцы целовали крест Великому князю Московскому. Уничтожены все выборные власти. Перестала существовать Двинская земля как волость в составе Новгородской республики. Большая Двинская земля была разделена после 1478 года на три меньших по площади земель: Двинскую, Важскую и Онежскую
Февраль 1479 года	Жалованная грамота Великого князя Ивана III Васильевича (1440—1505) Соловецкому монастырю на острова Соловецкий, Анзер, Заячий и др.
1483 год	Поход Ф. Курбского, И.И. Салтыкова-Травина в Югру, на реку Обь в Сибирь
1488 год	Князь Данила Васильевич Щеня да Григорий Поплеву, устюжане, двиняне, каргопольцы ходили в поход к Вятке на судах

1493 год октябрь	Необычайно ранняя и суровая зима на Русском Севере. Уже 6 октября замерзли все реки. От мороза гибли птицы и звери. Оттепели не было до марта 1494 года.
1494 год	Русский дипломат Дмитрий Зайцев, возвращаясь из Дании, впервые прошел морем вокруг Скандинавии через Белое море к устью Северной Двины.
1496 год	Морской поход через Белое море князей Ивана Федоровича и брата его Петра Ушатых на Каянскую землю. В Двинском летописце упоминаются девять рек, коих воеваша князья Ушатые: Кемь, Торма, Колокол, Овлуй, Неговая, Снеж, Нагавка, Путаш, Лимига.
1496 год	Григорий Истома, толмач великого князя московского был послан к королю датскому с его послом шотландцем Давидом. В устье Двины они сели на четыре судна, плыли держась берега. Достигли Каянской земли, в Берген (Норвегия) и оттуда в Данию .
1499—1501 гг.	Сибирский поход князей Петра Ушатого и Семена Курбского в бассейн реки Обь. С ними в поход ходили «устюжане, вятчане, пермичи, двиняне, важане, пинежане».
	Архангельская хроника: XVI—XVIII вв.
конец XV — начало XVI вв.	Власий (Влас Игнатов, Игнатьев), переводчик с латыни и немецкого языка, в качестве толмача сопровождал одно из русских посольств в к датскому королю морским путём вокруг Скандинавии от устья Северной Двины через Белое море
Конец XV — начало XVI вв.	Написана икона «Архангел Михаил в бытии», присланная затем в собор Архангела Михаила небольшого городка в окрестностях Устюга — Лальске, который был основан на берегах реки Лалы в середине XVI века выходами из Новгорода Великого, бежавшими оттуда от притеснений Ивана Грозного.
1504 год	В духовной грамоте Великого князя Ивана III Васильевича упоминаются: Заволотцкая земля, Онего, Каргополе, все Поонежье, Двина, Вага, Кокшенга, Вельский погост, Колмогоры, вся Двинская и Заволотцкая земля, а также погосты на Двине, Пинеге, Мезени.
1519 год	По менной Алексея Григорьева Макарова и его жены архангельскому старосте и всему приходу архангела Михаила деревня в Уйме обменивалась на полдеревни в Яковле Курье.
17 мая 1523 года	Данная (вкладная) старца Афанасия Никитина монастырю Архангела Михаила на Соломбальскую деревню
1524—1526 гг.	Посольстве князя И.И. Засекина-Ярославского и дьяка С.Б. Трофимова к императору Карлу V. Путь посольства из Москвы шел Волгою в Кострому, сухим путем 7 верст до речки, которую вошел к Вологде, по Сухоне, Северной Двине, затем морем до норвежского города Берген и в Копенгаген. Установили связи с Англией раньше на 30 лет до плавания Р. Ченслера.
Начало XVI века	Выдающийся русский дипломат и ученый, толмач латинский Дмитрий Герасимов (1465—после 1535) ходил через устье Северной Двины и Белое море в скандинавские страны. Д. Герасимов участвовал в посольствах Василия III в Данию, Норвегию, Швецию, Пруссию к великому магистру ордена, в Священную Римскую империю к императору Максимилиану, в Рим послом к папе Клименту VII в 1523—1526 гг. В Риме он консультировал ряд итальянских ученых, по его рассказам были изданы книга и одна из первых карт Московии (морская карта из атласа Баттисты Аньезе 1553 г.), его информацию использовал позднее С. Герберштейн.
1525 год	Pauli Jovii Novocomensis — Паоло Джовио опубликовал на латинском языке «Книгу о посольстве Василия, великого князя Московского, к Клименту VII» (переиздана в 1545 и 1551 гг.), в которой воспроизвел много географических и культурных сведений Дмитрия Герасимова о России и скандинавских странах, о Северном морском пути, что если плыть из Северной Двины вправо вдоль бере-

	гов Сибири, обогнув её, то можно достичь Китая.
1525 год	Купчая Захарии да Василья Исаковых Прощелыкиных у Семена да у Фефилата Киприяновых и у Ивана Афанасьева Киприянова на половину Буркатинской и Фофановской деревень на Ижме, двор и дворище, земли и пожни, поскотины и др., учпсток в Коле Усть Ижме, по камбалице пожни, рыбные ловища и со всеми угодьи за 8 рублей московских.
XVI век	Главные хлеба в Двинской земле были рожь, ячмень, овес. Пашенное земледелие было развито на Двине и Ваге. Стоимость хлеба была высокой. В актах XVI века жито упоминается вместо денег для уплаты по кабальным долгам и духовным завещаниям.
1534 год	Погорел посад на Колмогорах при наместнике князе Иване Шуйском.
XVI век	Игуменами Михайло-Архангельского монастыря были: Феодосий (1534—1547), Алексий (1549), Герман (1556), Сергий (1558—1563), Иосаф (1567—1584), Евфимий (1585—1589), Лаврентий (1589—1596), Феодор (1596—1602).
1534 год	Купчая Архангельского монастыря старосты Нестора Моисеева у Маныловых детей на три участка в Толботове погосте с обозначением границ за 10 рублей «московских».
5 мая 1534 года	Духовная иноки Палладии Степановой «кому что дати и у кого что взяти» из её движимого и недвижимого имущества – душеприказчику зятю ея Григорию Фомину.
30 июня 1536 года.	Благословенная грамота новгородского архиепископа Макария на построение в Лодомской волости церкви св. Георгия. Жители жаловались на отдаленность церкви Михаила Архангела и обращались к архиепископу Макарию «поставити церковь» .
1539 год	На «Carta marina» Олауса Магнуса впервые в истории картографии появились Кольский полуостров, Карелия и Белое море. Четко обозначена BIARMIA на Кольском полуострове по побережью Белого моря.
март 1539 года	Жалованная данная и обельно-несудимая грамота Соловецкому монастырю великого князя Ивана IV Васильевича (1530—1584), подтвержденная царем Федором Ивановичем 15 июня 1584 года
Февраль 1542 года	Жалованная несудимая грамота Великого князя Ивана Васильевича (Иван IV) Михайло-Архангельскому монастырю. Суд и расправа над монастырскими деревнями была отнята у наместников и поручена игуменскому суду и его братии с монахами, исключая душегубство и разбой с поличным. Монастырские дворы освобождались от постойной повинности, монастырские запасы от таможенных пошлин. Подтверждена царями: Федор Иванович в 1596 году, Борис Годунов 25 января 1599 г., Лжедмитрий в 1606 году, Василий Шуйский 18 февраля 1607 г., Михаил Федорович Романов в 1624 году. Иоанн и Петр Алексеевичи и княжна Софья Алексеевна 9 марта 1687 г. о подтверждении льгот.
1542 год	У Михайло-Архангельского монастыря были крестьяне «в Низовской волости, в Лисьостровском стану, в Заостровском стану, в Великокурском стану, в Ккяжостровском стану, в волости Уйма; на Холмогорах, в Неноксе и Уне три двора монастырских.
6 марта 1543 года	Список с жалованной грамоты великого князя Ивана Васильевича на Двину на Матигоры ключникам Онцыфору Федорову Лумбуеву да Ивану Захарову по челобитью игумена монастыря Феодосия с братиею и даче милостыни 35 братам с игуменом из царских житниц по две четверти ржи да по две четверти овса московских.
1543—1587 гг.	Численность братии в Михайло-Архангельском монастыре колебалась от 35 старцев в 1543 году, до 12 старцев в 1551 году (умерли из-за голода, разбрелись по миру от хлебной скудности) и снова возросла до 42 старцев в 1587 году.
25 июля 1543 года	Закладная Ларивона Елизарова Кулакова низовца из Ластоха Юрьевского стану Пимину Истоме Степанову Пятутину на деревню в Ластохе в «четырех рублях да

	полчетверти гривны на год с уплатою роста вперед». Тому же Пимину Истоме Степанову Пятутину закладывали в 1541 году Максим и Степан Кузминых Чевакина из Кехты треть Ермолинской деревни в Кехте Чевакина у часовни за 6 рублей без десяти алтын .
1546 год	Весь Русский Север затянут дымом пожарищ, горели леса и торфяники. Погорел посад на Падрокурьи и храм Иоанна Предтечи.
24 ноября 1547 года	Царь Иван IV дал Соловецкому монастырю жалованную тарханно-проезжую, несудимую и заповедную грамоту, подтвержденную 17 мая 1551 г., на беспошлинную продажу десяти тысяч пудов соли, беспошлинный провоз необходимых припасов в монастырь и о неподсудности игумена, монахов, монастырских крестьян судам местных властей и новгородского архиепископа
1549 год	Неурожай, хлеб дорог на Двине. Людей мерло много с голоду, клали в одну яму мертвых по 200 и по 300 человек.
1550 год	Приехал на Двину писец Иоанн Петрович Заболоцкой да Дмитрий Иванович Темирев. В выписках из писцовых книг упоминаются постройки в монастыре св. Михаила — церковь Михаила Архангела и теплая церковь Ильи пророка.
1549—1550 годы	В Вене (1549), а затем в Венеции (1550) выходит в свет книга «Записки о Московии» посла австрийского императора барона Сигизмунда Герберштейна, который посещал Москву в апреле—ноябре 1517 и в мае—ноябре 1526 года. Позже книга была издана в Базеле (1551,1556), немецкий перевод сделан в 1557 году, напечатан в России в 1795—1804 гг., в 1832 году — первый русский перевод. В этом труде описывается плавание княжеских толмачей Григория Истомы и Власия. Приложена карта России, составленная пьемонтским картографом Джакомо Гастальдо, на которой показана часть Белого моря, реки Северная Двина, Мезень, Печора и Обь.
1553—1554 гг.	В устье Северной Двины к монастырю Святого Николая 24 августа пришел корабль, командир которого Ричард Ченслер доставлен в Москву. Бил челом царю 23 ноября 1553 года, который повелел ходить им с торгом безопасно и дома велел ставить и покупать. Р.Ченслер был отпущен царем с Москвы 15 марта 1554 года, приехал в Холмогоры и затем отбыл в Англию. Однако считать англичан первооткрывателями Беломорского пути, а тем более России, было бы абсурдом [Кучепатов Ю.Н.]. Русские давно уже освоили этот путь.
1554 год	Договорная запись «Есипа Олферьева, Ивана Федорова да Онисима Патракеева Анореямовых» с архангельским келарем Сергеем Есиповым о совместной ловле рыбы по половинам в тоне на Андреяновом берегу.
1555 год	Заморские корелы нашли на Мурманском море два корабля на якоре в становищах, а люди на них все мертвы из экспедиции Х.Уиллоуби. По указанию царя туда направлены лутчие люди с Колмогор, товар переписан, пушки и пищали, снасть корабельная были доставлены в Холмогоры. Товар и рухлядь мертвых кораблей переданы позднее Р.Ченслеру с товарищи.
1555 год	23 июня в устье Двины пришел английский корабль Р.Ченслера со многими гостьми. Р.Ченслер снова побывал в Москве. Английская «Moscow campany» получила право беспошлинной торговли и другие привилегии, фактически добилась монополии на русскую внешнюю торговлю. Англичане получили право использовать пристани у св.Николы, в Холмогорах, Коле, Мезени, Печенге, Варгузе, у Соловецкого монастыря, на Печоре, сибирских реках - Енисее и Оби.
1556 год	С Двины 23 июля отбыли в Англию царский посол Осип Непея, а с ним Феофан Макаров и Михаил Григорьев. Возвращаясь обратно в Англию с новым моряками, погибли два корабля бывшей экспедиции Х. Уиллоуби «Благая Надежда» и «Благое упование». У северных берегов Шотландии погиб и третий корабль «Эдуард благое предприятие» во главе с Р. Ченслером, на борту которого находилось русское посольство. Капитан Р.Ченслер и много других людей погибли,

	О. Непея едва спасся, вернулся в Россию в 1557 году.
1557 год	Четыре английских корабля снова направились в Белое море. На одном и них возвращался в Россию посол Осип Непея с агентом А. Дженкинсоном, который в 1558 году выехал в Казань и Персию, а вернулся в Англию из далекого путешествия только в 1560 году.
25 апреля 1558 года	Список с грамоты царя Иоанна Васильевича вследствие челобитной Архангельского монастыря слуги Васьки Нефедова да Никольского монастыря слуги Тараски Никитина.
14 мая 1560 года	Продажная запись (купчая) Кирилла Леонтьева Нестерова в Архангельский монастырь игумену Сергию с братией на его участки в тонях на летней строне за 9 алтын.
17 июля 1562 года	Жеребьевая запись варничных ватаманов всех мест, Стефана Архангельского приказчика и старосты Петровского Ивана Александрова Возмищева о разделе по жеребьям пожен на Сюзьме реке.
1562 год	Антоний Дженкинсон составил карту России, Московии и Тартарии, издана в Антверпене в 1570 году.
2 октября 1565 года	Дельная старца Михайло-Архангельского монастыря Феодорита Тимофеева да Фрола Стефанова и Никиты Федорова по половине Логинской полдеревни и Емельяновской полдеревни регулировала их имущественные отношения.
XVI—начало XVIII века	Двинская земля позиционируется как региональное экономическое пространство, включающая важнейший торговый водный путь из Англии в Персию через Белое море в Архангельск, далее по Северо-Двинскому внутреннему пути в центральную Россию, затем по Волге до Каспийского моря и в Персию и др. страны.
1563—1581 гг.	Торговые путешествия английских купцов (Т.Олкок, Дж.Ренн, Р.Чини, Р.Джонсон, А.Китчин, А Эдуарде, Х.Бэрроу и др.) вверх по Двине, в Вологду, Ярославль, Астрахань, в Персию, Бухару и обратно через Белое море.
1564 год	Голландцы по примеру англичан создают свою компанию для торговли с Россией. С 1565 года голландские корабли стали посещать Печенгскую губу, Кольскую и другие гавани. С 1566 года приключения торгового агента Симона фон Салингена в России. Деятельность Оливера Брюннеля на северных территориях.
1565—1578 гг.	На помин родителей и других родственников Михайло-Архангельскому монастырю пожертвовали свои рыбные угодья (тони) Григорий и Тимофей Васильевы с Кегострова, Терентий и Яков Кирилловы Вознесенского прихода; Василий, Матфей, Дмитрий и Игнатий Ивановых Леонтьевы, соломбалец Михаил Антонов Коптяков и другие.
18 апреля 1571 года	Павел Сазонов духовной грамотой разделил своё движимое и недвижимое имущество между родственниками, Архангельским монастырем и церковью Вознесенского прихода.
Июнь—август 1572 года	В своей духовной грамоте царь Иван Васильевич благословляет сына своего Ивана великим княжеством Новгородским, упоминая «Заволоцкую землю: Онего, и Каргополе, и все Поонежье, и Двину, и Вагу, и Кокшенгу, и Велской погост, и Холмогоры, и всю Двинскую землю, как было при мне».
1572 год	На карте Абрахама Ортелия Белое море названо «Granvicvs sinvs». Обозначены Корелия, Новгород (Novogar), Пермия, Mosko (Московия) и другие земли. В устье Северной Двины локализованы монастыри S. Michael и S. Nicola, а также Solofki в Белом море.
1573—1584 гг.	Михайло-Архангельский монастырь исправно платил в казну пошлины с владений монастыря по квитанциям (отписям) от 16 ноября 1573 года, 23 октября 1574 года, 21 октября 1575 года, 21 октября 1576 года, 5 ноября 1579 года, 16 декабря 1581 года, 19 декабря 1584 года и др.
1 ноября 1577 года	Льготная запись Двинского данного старосты Якова Матвеева Никитина с целовальниками на деревню Верхнюю Рыболову в нижней половине в монастырском станку, данная казначею монастыря Нилу на четыре года на неплатежи

	дани и оброка.
1578 год	Оливер Брюннель на голландском корабле под управлением Яна Якобсона Метте-Липпень впервые прибыл в устье Северной Двины, но вошел не в Корельское русло, а в Пудожемское. Следом за ними прошли и другие нидерландские корабли. С этого времени устье Северной Двины стало доступным для голландцев и перестало быть исключительно достоянием англичан.
1582 год	В 1582 году в Никольское и Пудожемское устье Двины пришли одиннадцать английских и шесть других иностранных кораблей, в том числе пять кораблей Яна де Валле. Голландское судно под командой капитана Класа Янсона из Гоорна поднялось оттуда вверх по Двине до Пур-Наволокского мыса. Голландцы обратились с ходатайством к московскому правительству о перенесении торговли к Михайло-Архангельской обители.
1582 год	Прибытие в Холмогоры посольства Федора Писемского, которое смогло отбыть в Англию 11 августа в составе объединенной англо-голландской эскадры из 15-ти судов.
30 сентября 1582 года	Отпись сотника Степана Миронова в получении с Егорьевской земли на Лодьме денег на городовое дело и Петра Афанасьевича Нащекина «протори в приезд, и в кормы, и в поминки» .
4 марта 1583 года	Грамота царя Ивана Грозного воеводам П.А. Нащекину и А.Н. Залешанину - Волохову с указанием строить «город» по той смете и чертежу, которые они до этого посылали в Москву на утверждение. Михайло-Архангельский монастырь, церковь, кельи оставались внутри этой деревянной крепости. Все другие постройки, монастырские и служние дворы из крепости было велено вынести.
Август 1583 года	Упоминается «Новогородок», куда должен был ехать З.М. Болтин, чтобы высказать двинским воеводам опальное слово от имени государя за задержку английского посла Е.Боуса.
1583—1584 годы	Строительство деревянного «города» — военной государственной крепости в Архангельске, морской пристани, домов воевод и других построек.
28 июня 1584 года	Данная А.Н.Залешанина-Волохова, согласно которой воевода отдал свой двор со всеми хозяйственными постройками в дар и без отнимки Михайло-Архангельскому монастырю, что стоит на низу на Двине реке в *«новом городе»*, в поминание по своим родителям и по своей душе и по жене своей Мавре и по своим детям. Этот документ в ГАОО впервые обнаружил А.Г. Гемп в 1968 году.
1585 год	Создана Архангельская портовая таможня. Правительство в 1584—1585 гг. закрыло гавани на Мурмане с целью сосредоточения всего товарообмена в Архангельском морском порту. Сбор таможенных пошлин осуществлялся только в Архангельске.
1586 год	Царь Федор отказал датскому королю Фредерику второму на его просьбу оставить торг в Коле. В Архангельск пришло первое французское судно.
1585—1587 годы	Строительство в Архангельске деревянных гостиных дворов русского и немецкого, амбаров, волостной тюрьмы.
12 февраля 1587 года	Грамота об учреждении Архангельского посада, положившая начало переселению в Архангельск местных жителей по государеву наказу. Перечислены льготы и правила поведения населения.
1583—1613 годы	Архангельск называли Новогородок, Новый город, Двинской город, имея в виду новую военную крепость.В документах, датируемых июнем 1585, январем 1586, мартам 1596 гг. фигурирует Новый Архангельский город. В документах от 25 января 1587, июня 1589, июня 1613 гг. встречается Новый Колмогорский город. В царских жалованных грамотах иностранным купцам в марте 1600 г., июне 1613 г. упоминаются одновременно оба названия — новый Архангельский город и новый Колмогорский город. Исторически за городом прочно закрепилось имя Архангельск от названия Михайло-Архангельского монастыря.
1587 год	По писцовым книгам князя Василия Андреевича Звенигородского в Михайло-

	Архангельском монастыре имелось две церкви, келья игумена и 13 келий, а в них братии 42 старца.
Апрель 1590 г.	Царская жалованная грамота Федора Иоанновича об освобождении на два года волостей Керети и Ковды от торговых пошлин и земских повинностей, по случаю разорения их шведами.
1591 год	Англичанам пришлось перебраться в Архангельск из бухты святого Николая (Ягры), где торговые обороты российскими правительственными органами в достаточной степени не контролировались.
15 июня 1591 г.	Таможенная грамота Соловецкому монастырю от «Царя и Великого Князя Федора Ивановича всея Руси» о сборе торговых пошлин в *Поморских волостях*. Монастырю предоставлялось право самому собирать таможенные пошлины, денежные налоги, сборы с торговых людей. Фактически монастырь стал выполнять функции государственной таможни.
Июнь 1591 г.	Царь Федор Иванович пожаловал монастырю в вотчину *Поморские волости* – Кемскую, Пудожемскую, Пебоозеро и Маслоозеро со всеми крестянами**,** соляными варницами, рыбными и зверовыми ловлями, лесом, пожнями, морскими тонями, лешими озерами, со всякими угодьями, «и с тамгою, и с рыбною десятиною, и крестьян им ведати и судити». Государство делегировало монастырю свои функции — обеспечение безопасности, укрепление обороны Беломорья, а также сбор налогов в виде оброка, десятин, пошлин.
Апрель 1592 г.	Царская грамота Соловецкому монастырю о даровании пятилетней льготы в податях *Поморским волостям* и другим заведениям и угодьям онаго, о беспошлинной продаже монастырской соли в Вологде. И о ежегодной покупке, в Устюге, до 6000 четвертей хлеба, без платежа таможенных пошлин.
Вторая половина XVI века — XVII век	В начале второй половины XVI века Соловецкий монастырь продавал в Вологде и других местах 6 000 пудов соли из своих варниц, а в XVII веке — уже 130 000 пудов, платя за это пошлины 658 рублей. За крестьян со своих вотчин, рыбных ловель и других угодий монастырь платил в казну 4 000 рублей оброку и других царских сборов. В конце XVI века монастырь покупал ежегодно по 20 пудов воску да 8000 четвертей ржи на монастырский обиход. В царствование Алексея Михайловича Романова (1645—1676) Соловецкий монастырь выслал в Москву на жалованье ратным людям 41 414 рублей и 200 золотых, что составляло в те времена огромную сумму [ИПССМ. С.130].
1591—1764 гг.	Соловецкий административно-вотчинный округ имел особый статус управления в той или иной форме всеми Поморскими волостями Беломорья. Царь Михаил Федорович Романов (1613—1645) пожаловал монастырю во владение волость Шую Корельскую с угодьями и крестьянами, освободил монастырские вотчины от платежа казенных сборов, сторублевого оброка со ста тысяч рублей продажи соли, подтвердил подсудность монастырских владений, кроме уголовных дел, одному игумену Соловецкого монастыря. Льготы монастырю предоставлялись при царе Алексее Михайловиче, царевне Софье Алексеевне, Петре первом.
1595 год	На карте Норвегии из атласа Меркатора обозначены Московия, Корелия, Биармия. Внизу под Биармией находится мифическое озеро Albbus lacus, которое изображено отдельно к западу от Белого моря, названного «Bella more id est Album mare». Указаны монастыри св. Михаила, св.Николая, Соловки, которые были ранее и на карте Абрахама Ортелия в 1572 году.
26 марта 1596 года	Грамота царя Федора Ивановича о льготах Архангельского посада в таможенных пошлинах.
XVI—XIX вв.	Монастырские укрепления на Соловецком острове, в Суме, Кеми, Керети, Сороке и в других пунктах защищали всю тогдашнюю Россию от вторжения шведов, финнов, датчан, английских и французских военных кораблей. В XVI—XVIII вв. Соловецкий монастырь был политическим центром края, а его настоятель – большой силой на Европейском Севере России, способной возглавить оборону

	государственных и соловецких границ (Фруменков Г.Г.).
конец XVI — начало XVII вв.	Из Двинской земли выделились Двинской, Кеврольский (Пинежский) Мезенский уезды. В 1565 г. Двинской уезд был забран в опричнину, в 1577 году Каргопольская четверть слилась с четвертью Двинской. В 1708 году Двинской уезд вошел в состав Архангелогородской губернии и просуществовал до 1780 г.
1600—1658 гг.	Торговля через Архангельск увеличилась по числу прибывших иностранных судов более чем в три раза [Г.П.Попов].
1606 год	Осталось у Архангельского города на посаде всего тридцать человек.
1 августа 1609 года	Полюбовная запись казначея монастыря старца Протасия и Лисестровского церковного старосты Фомы Семенова Власьева на лучшую тоню «Кривлянху» об условиях взаимного владения ею.
1611 год	В Архангельском городе на посаде горели стрелецкая, пушкарская, жилецкие и половина затинной слободы.
12 марта 1611 года	Антоний, игумен Соловецкого монастыря в 1605—1612 гг., отверг притязания шведского короля Карла IX на избрание его сына царем русским, который хотел привлечь с этой целью на свою сторону Соловецкую обитель.
1612—1613 гг.	В Англии в числе трех вариантов (суверенитет над Россией, протекторат, колония) рассматривался проект прямой интервенции в Архангельский порт. Отдельные добровольцы (120 чел.) даже прибыли в Архангельск. Король Яков первый поручил резиденту «Moscow campany» Джону Мерику и Русселю выехать в Россию и начать действия против неё, воспользовавшись смутой. Однако они опоздали, в Москве был избран новый царь Михаил Романов.
1613 год	Приходили на Двину, в Беломорье литовские люди, защита Холмогор.
1 августа 1613 года	Грамота царя Михаила Федоровича. Население Архангельского посада резко уменьшилось, некому стало платить подати в прежнем объёме. Из 133 человек, переселенных в 1587 году, разбрелось жильцов и померло сорок семей.
1613 год	В Архангельском порту организована первая в стране лоцманская служба
1613 год	На знаменитой зарубежной карте «Tabula Russiae», составленной Гесселем Герритсом (1581—1632) и впервые изданной в Амстердаме в 1613 году появилось одно из самых первых изображений Архангельска — главного морского порта России того времени.
1622—1624 гг.	По переписи Мирона Вельяминова Михайло-Архангельскому монастырю принадлежали 31 деревня, 54 четверти земли пахотной средней, худой — 24, перелогу худые земли 180 четвертей, лесу — 58 десятин. В разных местах имелись сенокосные земли, рыбные ловли. За земельные угодья и различные промыслы монастырь платил 28 рублей 20 алтын.
1622—1624 гг.	В Архангельске проживало 447 человек мужского населения (без учета других членов семей), в 1678 году — 465 человек мужского населения. По ревизии душ мужского пола 1724 года в Архангельском посаде было записано 1118 человек. Таким образом, за столетие 1624—1724 гг. численность мужского населения увеличилась в 2,5 раза.
1 марта 1629 года	Данная Игнатия Федорова низовца Студименской волости в монастырь при игумене Матвее и всей братии на тоню в Пудожемском устье у моря.
16 июня 1636 года	Сгорели Михайло-Архангельский монастырь, воеводский двор, съёзжая и таможенные избы, торговые ряды, гостиный двор, церковь Сретения. Братия монастыря скитается от хлебной скудности по миру. Царская грамотой 6 февраля 1637 года повелевалось построить монастырь на новом месте, в городе из-за великой тесноты быть монастырю «немощно». Строительству монастыря в Кузнечихе помешали окрестные крестьяне и новой грамотой царя Михаила Федоровича от 11 августа 1638 года монастырю было отведено место для постройки вверх по Двине в урочище Нячеры.
1638 год	На голландской карте России Исаака Массы показано Белое море, а в устье Северной Двины локализуется город-порт под названием «SM Archangel».

1680 год	Сумма портовых сборов в Архангельске составляла 75 тысяч рублей, что составляло 60 % всех пошлинных сборов страны или 12 % реальных доходов России тех лет. В последующие годы пошлины, собираемые архангельской таможней, как правило, превышали сумму 1680 года.
1680 год	Холмогорские купцы Баженины построили в Вавчуге первое лесопильное предприятие в России — водяную пильную мельницу.
1693—1862 гг.	В 1693 году основана первая государственная судостроительная верфь на острове Соломбала в Архангельске, где Пётр I лично заложил первый корабль «Святой Павел». Со стапелей Соломбальской верфи — Архангельского адмиралтейства до 1862 года сошло на воду 585 судов военного и военно-транспортного назначения, в том числе 159 кораблей и фрегатов, 6 бригов, 4 катера, 3 шлюпа, 10 шхун, 6 клиперов, 30 транспортов, других больших и малых парусных судов, сослуживших добрую службу Российскому флоту и сделавшим честь своим архангельским строителям [Пальмин В.А.].
20 мая 1694 г.	На Соломбальской судоверфи при участии Петра I спущен на воду 24-пушечный корабль «Святой Павел» (царь подрубил его подпоры). 21 июля 1694 года в устье Северной Двины прибыл 44-пушечный корабль «Святое Пророчество», построенный в Голландии.
14—21 августа 1694 года	Первое в России военно-морское соединение — эскадра из трех боевых кораблей («Святой Павел», «Святое Пророчество», яхта «Святой Петр») под командованием Петра первого совершило выход в Белое море, чем было положено начало реальной морской деятельности Военно-Морского флота России и его славной истории. Впервые на флоте был поднят российский триколор (бело-синий-красный флаг), который до 1705 года был исключительно военно-морским флагом. После введения на ВМФ Росии Андреевского флага триколор стал специальным флагом торговых российских судов.
1696—1702 гг.	12 февраля 1696 года Баженины обратились к Петру I с просьбой разрешить им постройку торговых судов. Такое разрешение было получено в 1700 году. Первые два судна Вавчугской корабельной верфи были спущены на воду весной 1702 года. Всего до 1783 года построено 120 торговых и промысловых судов.
1701 год	Сражение у Новодвинской крепости, в котором Архангельский гарнизон не допустил прохода шведской военной эскадры, а кормщик И.Е. Седунов (Рябов) посадил на мель шведские корабли под огонь русских пушек.
1708 год	Двинской уезд вошёл в состав вновь созданной указом Петра I Архангелогородской губернии и просуществовал до 1780 года.
1712 год	На знамени Архангелогородского полка впервые появился герб Архангельска — Архангел Михаил на коне, поражающий дьявола. В 1730 году в гербовнике армейских и гарнизонных полков вид его изменился и Архангел изображен без коня. Автором окончательной композиции архангельского герба, сохранившейся без изменений до 1917 года, считается граф Франциск Санти. Возвращение к историческому гербу Архангельска произошло в 1989 году.
29 мая 1719 — 7 ноября 1775 гг.	Архангелогородская губерния по сенатском указу разделена на 4 провинции, включая Двинскую с центром в Архангельске, Великоустюжскую с центром в Великом Устюге, Вологодскую с центром в Вологде и Галицкую с центром Галиче. В Двинскую провинцию вошли 6 уездов: Важский, Двинской, Кеврольский, Кольский, Мезенский и Пустозерский. Деление на провинции было отменено 7 ноября 1775 года указом Екатерина II.
1771 год	Епископ Антоний перевел духовную семинарию из Спасо-Новоприлуцкого монастыря в Михайло-Архангельский монастырь. В 1802 году ректор Архангельской духовной семинарии, архангельский игумен Кирилл был возведен в сан архимандрита.
1780 год	Из северных волостей Двинского уезда образован Архангельский уезд (1780—

	1917), из южных волостей создан Холмогорский уезд (1780—1917).
1780—1784 гг.	Архангельская область находилась в составе Вологодского наместничества.
1781—1786 гг.	В Холмогорах действовала первая в России мореходная школа для торгового флота.
1784—1796 гг.	Архангельское наместничество включало 7 уездов: Архангельский, Кольский, Мезенский, Пинежский, Онежский, Холмогорский, Шенкурский.
1796—1929 гг.	Архангельская губерния. Из Мезенского уезда в 1891 году выделился Печорский уезд с центром в Усть-Цильме. Центр Кольского уезда в 1899 году перенесён в порт Александровск, а сам уезд переименован в Александровский, входил в состав Архангельской губернии до 1921 года, потом стал называться Мурманской губернией с центром в Мурманске.
XIX век	Поморский край как торгово-экономическое территориальное образование, в котором предоставлялись льготы населению Кольского, Кемского, частично Архангельского и Онежского уездов Архангельской губернии на ведение морских промыслов и торговлю с Норвегией хлебом и рыбой.
1862—1869 гг.	Упраздняются Архангельский военный порт и Ново-Двинская крепость.
1863 год	Население Архангельска составляло — 20 178 человек, каждый третий из них был грамотным [Летопись города Архангельска, 1584—1989].
1894—1908 гг.	Комитет для помощи поморам Русского Севера — благотворительная, общественная, научно-промысловая организация. В 1898 году Н. М. Книповичем была создана Мурманская научно-промысловая экспедиция.

Краткая Архангельская хроника отличается новизной по охвату исторических событий как многих сторон жизнедеятельности на Русском Севере, так и социальных слоёв от царей, князей, воевод, новгородских ушкуйников, игуменов монастырей до обычных черносошных крестьян. Основной темой через всю Архангельскую хронику проходит история Русского Севера, Двинской земли, Поморья, Михайло-Архангельского монастыря, города Архангельска в тесной связи и на фоне отечественной истории, являясь её неотъемлемой частью.

Впервые в отечественной истории монастырское поселение постепенно трансформировалось из обычной монастырской обители в многофункциональный центр экономической и международной жизни всей России, государеву военную крепость, морской торговый и военный порт европейского значения. Исторически вышло так, что ставка была сделана не на Холмогоры, не на гавань Св. Николая на месте будущего г.Северодвинска, а именно на Архангельский морской порт, стратегически ключевое место в устье Северной Двины. Историческая роль Архангельска как места встречи западно-европейской и православной цивилизаций, значимость функционирования Северо-Западного морского торгового пути из Европы в Россию остаётся ещё явно недооцененной.

Автор не ставил целью составление хроники до настоящего времени. История Русского Севера есть неотъемлемая часть отечественной истории и она пишется уже не одно столетие разными людьми. Накоплены горы литературы, книг, статей, публикаций, web-аналитики, имеющих отношение к исследуемой междисциплинарной проблематике. Продолжение Архангельской хроники до XXI века возможно с учетом уже имеющейся «Летописи города Архангельска 1584—1989», составленной сотрудниками ГААО, других работ, чтобы в полной мере использовать полученные и приведённые в систему междисциплинарные знания для сохранения исторического прошлого Русского Севера, имея более или менее полную фактическую картину его эволюционного развития без идеократических изысков политических режимов и снобизма отдельных историков.

Список источников и литературы

Акты, грамоты, летописи и другие источники

1. Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи археографическою экспедициею Императорской Академии наук. Дополнены и изданы Высочайше учрежденною Коммиссiею.
   Том первый. 1294—1598. Архангельской епархии. СПб, 1836.
   Том второй. 1598—1615. СПб, 1836.
2. Акты Соловецкого монастыря 1479—1571 гг. /сост. И.З. Либерзон. Л.: Наука, 1988.
3. Акты Холмогорской и Устюжской епархий // Русская историческая библиотека, издаваемая археографическою комиссией (РИБ). Т.25. СПб, 1908.
4. Архангельская и Холмогорская епархия. URL: http://www.eparhia.ru/news/?id=140639
5. Волоколамский патерик / подготовка текста, перевод и комментарии Л.А. Ольшевской// Библиотека литературы Древней Руси / РАН. ИРЛИ; Под ред. Д.С. Лихачева, Л.А. Дмитриева, А.А. Алексеева, Н.В. Понырко. СПб: Наука, 2000. Т. 9: Конец XIV—первая половина XVI века. 566 с.
6. Государственный архив Архангельской области (ГААО). Фонд 57, опись 2 дел постоянного хранения за XV в.—1771 год. Дела: 1,2, 3, 4, 5, 6, 7, 9, 10, 11,12; 14, л.1—12 (17 кадров); 15, 16, л.1—11; 24, 25, 26, 30, 33, 34, 35, 37, 39, 40, 42, 43, 49, 55, 56.
7. ГААО. Ф.1408. Оп.2. Д.18.
8. Грамоты Великого Новгорода и Пскова / под ред. С.Н. Валка; подгот. к печати В.Г. Гейман, Н.А. Казакова, А.И.Копанев, Г.Е. Кочин, Р.Б. Мюллер и Е.А. Рыдзевская; Ин-т истории АН СССР, Ленинградское отд. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1949.
9. Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV—XVI вв. / Подготовлено к печати Л.В.Черепниным. М.- Л.: Издательство АН СССР, 1950.
10. Доношение Свена Педерсена (Сын Петра Брагге) о походе к Белому морю в 1591 г. Улео, 19 января 1592.
11. Законодательство Древней Руси. Т.1. Княжеские уставы и уставные грамоты. Судные грамоты / отв. ред. тома чл.кор. АН СССР, д.и.н., профессор В.Л.Янин. Изд. «Юридическая лит-ра», 1984.
12. Инструкция Его Величества Петру Багге, предводителю похода к Белому морю. Стокгольм 18 июля 1590.
13. История Российской иерархии, собранная Новгородской семинарии ректором и богословия учителем, Антониева монастыря архимандритом Амвросием. Т. 3. М., 1812.
14. Карты Российских наместничеств 1792 г.
15. Летопись города Архангельска, 1584—1989 / Сост. В.А.Волынская, В.А. Радишевская, Т.В. Титова. Архангельск: Сев.- Зап.кн.изд-во, 1990.
16. Летопись Двиноважья (второе тысячелетие до н.э.—1997 год) / автор составитель Л. Озол; отв.ред Э. Малышев. Архангельск, 1999.
17. Памятники дипломатических сношений Московского государства с Англиею с 1584 по 1604 г. /под ред. К.Н. Бестужева-Рюмина // РИО, т.38. СПб, 1883.
18. Полное собрание русских летописей (ПСРЛ):
    a) Вологодско-Пермская летопись // ПСРЛ, т. 26. М.-Л.: изд. АН СССР, 1959.
    b) Двинской летописец. Пространная редакция //ПСРЛ. Т.33. Л.: Наука, 1977. С. 165—221. Краткая редакция // ПСРЛ. Т. 33. Л., 1977. С. 148—164.
    c) Летописцы последней четверти XVII в.// ПСРЛ. Т.31. М.: Книга по требованию, 2013.
    d) Московский летописный свод конца XV века (Уваровский список, Эрмитажный список) // ПСРЛ, т. 25. М.-Л.: изд. АН СССР, 1949.

e) Никаноровская летопись. Сокращенные летописные своды конца XV века // ПСРЛ, т. 27. М.: Языки славянских культур, 2007.
f) Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов // ПСРЛ. Том III. М. -Л.: изд-во АН СССР, 1950. Новгородская первая летопись старшего извода. Синодальный список 1017—1352 гг. Новгородская первая летопись младшего извода (Комиссионный, академический, толстовский списки). 955—1446 гг. Приложение первое. Извлечения из Воронцовского списка // ПСРЛ, т.3. 986—1444 гг. Приложение второе. Статьи, находящиеся в рукописи Археографической комиссии после Комиссионного списка Новгородской первой летописи. Приложение третье. Троицкий список Новгородской первой летописи до лета 6493 (985), 986—1015 гг.
g) Новгородская четвертая летопись // ПСРЛ. Том IV. Новгородские и Псковские летописи. СПб, 1848.
h) Патриаршая или Никоновская летопись // ПСРЛ, т. 9. СПб: Типография Эдуарда Праца, 1862. До 1176 года (лето 6684).
i) Тверская летопись // ПСРЛ, т.15. СПб: Типография Леонида Демиса, 1863. От Адама до Христа, 1—7 соборов, 5505 лет. Киевская Русь. Тверское, Московское княжества до лета 7007—1499 года.
j) Устюжские и Вологодские летописи XVI—XVIII вв./ ПСРЛ, т.37. Л.: Наука, 1982. Список Мацевича 852—1620 гг. Архангелогородский летописец 852—1598 гг. Устюжский летописец: Первая редакция 1192—1677. Вторая редакция 1192—1745 гг. Приложения. Летописец Льва Вологдина 1192—1767 гг. Приложения: 1. Дополнения к летописцу Льва Вологдина 1771—1797 гг. 2. Выписка из универсалной истории до 1779 года. Вологодская летопись 862—1700 гг. Летописец Ивана Слободского: Первая редакция. Первый вид 1147—1676 гг. Второй вид 1147—1654 гг. Вторая редакция 1341—1685 гг. Приложение: Летописные записи о царствовании Михаила Федоровича и Алексея Михайловича. Дополнение.
k) Холмогорская летопись // ПСРЛ, т.33. Л.: Наука, 1977. С. 10—147.

19. Памятники русского права. Вып.2. Памятники права феодально-раздробленной Руси XII-XV вв. / сост. доцент А.А. Зимин. М.: Гос.изд. юрид. лит., 1953.
20. Письменные известия о карелах (X—XVI в.) / С.И.Кочкурина, А.М. Спиридонов, Т.Н. Джаксон. Петрозаводск, 1996. Древнерусские летописи и документы.
21. Повесть временных лет/ перевод Д.С. Лихачева. Библиотека «Вехи», 2000.
22. Поморская сторона. Культура и краткая история поморов — коренного народа Севера России. Архангельск: Архангельская областная территориально-соседская община коренного малочисленного народа поморов, 2004.
23. РГА ВМФ. Ф.417. Оп.1. Д.1264. Л. 1—14.
24. Российское законодательство X—XX веков /в 9-ти томах под общей редакцией д.ю.н., профессора О.И.Чистякова. Законодательство Древней Руси. Том 1 / отв. редактор тома член-корр. АН СССР, д.и.н., профессор В.Л. Янин. М.: Юридическая лит-ра, 1984.
25. РЦХИДНИ. Ф. 17. Оп.60, д.170.
26. Собрание государственных грамот и договоров, хранящихся в государственной коллегии иностранных дел. Часть первая. М.: Типография Н.С. Всеволожскаго, 1813. Новгородские грамоты 1265—1471 гг. Грамоты древние великих князей московских, тверских, рязанских, суздальских, смоленских, литовских и прочих удельных князей, и всероссийских государей, царей: духовные, договорные, межевые, жалованные и приговорные; также записи меновые, поручные и подручные российских бояр и дворян. 1328—1613 гг.

27. Совещание о социально-экономическом развитии Архангельской области. 9 июня 2014 года. Архангельск. URL: http://президент.рф/новости/45879 (стенограмма).
28. Строев П. М. Списки иерархов и настоятелей монастырей Российской Церкви. СПб: Тип. В.С. Балашова, 1877.
29. Строев П.М. Списки иерархов и настоятелей монастырей Российския церкви. М.: Рукописные памятники древней Руси, 2007.
30. Титов Л.Л. Летопись Двинская. М., 1889.
31. Уставная Двинская грамота великого князя Василия Дмитриевича // ААЭ. Т.1. СПб, 1836. С.8.
32. Устюжский летописец. Вологда, 1874.
33. Шахматов А.А. Исследование о Двинских грамотах XV в. Ч. I и II. СПб, 1903. 115 грамот XV века во втором томе.

Книги, статьи

1. Аграрная история Северо-Запада России XVI века. Север. Псков. Общие итоги развития Северо-Запада. Л., 1978.
2. Административно-территориальное деление Архангельской губернии и области в XVIII—XX веках: Справочник. Архангельск, 1997.
3. Английские путешественники в Московском государстве в XVI веке/ перевод с анг. Ю.В. Готье. Л., 1937.
4. Андреев В.Ф. Новгородский частный акт 12—15 веков. URL: http://www.bibliotekar.ru/rusNovgAkt/6.htm
5. Андреев В.Ф. О дате основания Михайловского Архангельского монастыря // Культура Русского Севера: сборник / отв. ред. член-корр АН СССР К.В. Чистов. Л.: Наука, 1988.
6. Ануфриев В.В. Русские поморы. Культурно-историческая идентичность. Архангельск: Солти, 2008.
7. Ануфриев В.В., Базарова Э.Л., Бицадзе Н.В., Гончарова Н.Н., Селезнева Е.Н., Черносвитов П.Ю. Культура русских поморов. Историко-культурологический анализ. М.:ФОРУМ; Неолит, 2013.
8. Арефьев М., Голубева В. Ящеры русской равнины// Geo. 2000. №9.
9. Артемьев А.Р. Города Псковской земли в XIII-XV вв. Владивосток: Дальневосточное отделение РАН, 1998.
10. Архангельское Поморье, история и культура. Архангельск, 1983.
11. Архипова Н.П., Ястребов Е.В. Как были открыты Уральские горы. Свердловск: Сред.-Урал.кн.изд-во, 1990.
12. Атом без грифа «секретно»: точки зрения. Документальные штрихи к портрету ядерного комплекса СНГ и России / сост. Александр Емельяненков, д-р Владимир Попов. Москва-Берлин, 1992. 142 с.
13. Атом без грифа секретно. Книга вторая. Полвека с бомбой / сост.Александр Емельяненков, д-р Владимир Попов. М., 1996. 160 с.
14. Атомная Арктика: проблемы и решения/ Нилс Бемер, Александр Никитин, Игорь Кудрик, Томас Нилсен, Майкл Х. МакГаверн, Андрей Золотков. Доклад объединения Bellona. 2001. №3. 111 с.
15. Балова М.Б. Предпосылки и особенности развития военного кораблестроения на Европейском Севере России в 1920—1950-е годы: автореф. дисс. …канд.истор.наук. Архангельск, 2001.
16. Барашков Ю.А. Архангельск: Архитектурная биография. 2-е изд., испр. и доп. Архангельск: Сев.- Зап. кн. изд-во, 1984. 159 с.

17. Бартенев М., Федоров Б. Архитектурные памятники Русского Севера. Л.- М.: Искусство, 1968.
18. Бахрушин С.В. Очерки по истории ремесла, торговли и городов русского централизованного государства XVI— начала XVII в. М.: АН СССР, 1952.
19. Белов М.И. Россия и Голландия в последней четверти XVII века // Международные связи России в XVII—XVIII вв. (Экономика, политика и культура): сб.статей. М.: Изд-во «Наука», 1966.
20. Беломорье. М.: Современник, 1984.
21. Беляев И.Д. История Новгорода Великаго от древнейших времен до падения. М.: Синодальная типография, 1866. 585 с.
22. Бернадский В.Н. Новгород и новгородская земля в XV веке. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1961. М.: Книга по Требованию, 2012. Репринт оригинала 1961 года.
23. Бернштам Т.А. Поморы: формирование группы и системы хозяйства. Л.: Наука, 1978.
24. Богословский М. Земское самоуправление на Русском Севере в XVII в. М., 1909.
25. Булатов В.Н. Русский Север. Кн.1. Заволочье (IX—XVI вв.). Архангельск, 1997.
26. Булатов В.Н Русский Север. Кн. 2. Встречь Солнца (XV—XVII вв.). Архангельск, 1998
27. Булатов В.Н. Русский север. Кн. 3. Поморье (XVI—начало XVIII в.). Архангельск, 1999.
28. Булатов В.Н. Русский Север. Кн. 5. Ворота в Арктику. Архангельск, 2001.
29. Булатов В.Н. Русский Север. Кн.4. Свет Полярной звезды (XVIII—XIX вв.). Архангельск, 2002.
30. Булатов В.Н. Русский Север: Учебное пособие для вузов. М.: Академический Проект, Гаудеамус, 2006.
31. Буторин М.В. Архангельская статистика: прошлое и настоящее. Архангельск, 2007.
32. Быков А.В. Новгородское войско XI—XV веков: дис. …канд.ист.наук. Великий Новгород, 2006.
33. Ваганов П.Ф. Живительный источник края. Архангельск, 1977.
34. Васёв В.Н. Двинская земля: шаги времени. Вологда, 2011.
35. Васильев Ю.С. Герасим Вологодский и начало города Вологды // Вологда: историко-краеведческий альманах. Выпуск 2. Вологда: ВГПУ, изд-во «Русь», 1994.
36. Васильев Ю.С. Об историко-географическом понятии «Заволочье»// Проблемы истории феодальной России. Л.: Изд-во ЛГУ, 1971. С. 103—109
37. Вопросы топонимики Подвинья и Поморья. Архангельск, 1991.
38. Воскобойникова Н.П. К истории переписей Двинского уезда XVII века // Массовые источники истории и культуры России XVI—XX вв.: Материалы XII Всероссийской конференции «Писцовые книги и другие массовые источники истории и культуры России XVI—XX вв.: проблемы изучения и издания», посвященной памяти Василия Васильевича Крестинина (1729—1795). Архангельск, 2002. С.49—58.
39. ГААО: Путеводитель в двух томах. Т.1. Архангельск, 2000.
40. ГААО: Путеводитель в двух томах. Указатели. Архангельск, 2007.
41. Геоэкономические процессы в Арктике и развитие морских коммуникаций / науч.ред. д.э.н., проф. Козьменко, д.э.н., проф. В.С.Селин. Апатиты: КНЦ РАН, 2014.
42. Герберштейн С. Записки о Московии. СПб, 1866.
43. Голдин В.И. Интервенция и антибольшевистское движение на Русском Севере 1918-1920. М.: Изд-во МГУ, 1993.
44. Грачёв А.Б. Русские земли и политика католических миссий и рыцарских орденов в Восточной Прибалтике в XII—XIII вв.: монография. М., 2010.
45. Греков Б.Д. Киевская Русь. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1944.
46. Гумелёв В.А., Пархоменко А.В. Ушкуйники: вооружение и особенности десантных операций // Гуманитарные научные исследования. Февраль 2013. № 2.

47. Гумилев Л.Н. Этногенез и биосфера Земли. СПб, 2013.
48. Гусева Н.Р. Русские сквозь тысячелетия. Арктическая теория. Изд. второе расширенное. М.: Белые альвы, 2007.
49. Гусева Н.Р. Русский Север — прародина индославов. М.: Вече, 2010.
50. Демчук Г.В. Поземельные отношения в Двинском уезде в XVII в. /Автореф. дис. …канд. ист. наук. Казань, 1995.
51. Демчук Г.В. Земельный строй в Двинском уезде в XVII веке. Екатеринбург: УрО РАН, 2002.
52. Добрыднев В.А. Поморье и колонизация Западной Сибири: конец XVI—начало XVIII вв.// Автореферат дисс. на соискание уч. степ. канд. истр. наук. Архангельск, 2003.
53. Европейский Север России: экология без границ. Архангельск, 2000.
54. Едовин А.Г. Заволочье в средневековой русской истории (X—XIII вв.) // Автореф. дисс. …канд.истор. наук. Архангельск, 2001.
55. Елачич Е.А. Крайний Север как родина человечества // Гусева Н.Р. Русский Север - прародина индославов. М.: Вече, 2010. Приложение III. С. 244—294.
56. Елькин Г.Н. Архангельск и его торговый порт: сб. извлечений из публикаций / сост.Г.Н. Елькин. Архангельск: ОАО ИПП «Правда Севера», 2010. 335 с.
57. Жарникова С. В. Древние тайны Русского Севера. URL: http://arimoya.ru/History/north_ariya.html .
58. Жарникова С.В. Родина моя. URL: http://www.stoyankacheloveka.ru/indexzhar.html
59. Жарникова С.В. Северная прародина ариев-индославов. URL: http://www.perunica.ru/zharnikova/1334-doklad-s-pervogo-vserossijskogo-kongressa.html
60. Жарникова С.В. Финно-угорская концепция — это бред. URL: http://slawa.su/lichnocni/zharnikova-svetlana-vasilevna.html
61. Жеребцов И.Л. Коми край в системе административного деления России (конец ХУ—начало ХХ века). Сыктывкар,1993.
62. Жуков А.Ю. Этносоциальные истоки генезиса поморов. XV—XVI вв. // Межкультурные взаимодействия в полиэтническом пространстве пограничного региона: Материалы межд. науч. конф., посвященной 75-летию Института языка, литературы и истории Карельского НЦ РАН. Петрозаводск, 2005.
63. Жуков А.Ю., Лялля Е.В. Волостная и церковно-приходская структура Карельского Поморья, конец XV—середина XVIII вв.» // Труды Карельского научного центра РАН. 2012. № 4. С.74—84.
64. Зорина А.А. Проблемы византийского влияния на русское средневековое искусство в отечественной историографии второй половины XIX—начала XX веков: дис. …канд. истор. наук. Ижевск, 2003.
65. Ильина Л.Л., Грахов А.К. Реки Севера. Л.: Гидрометеоиздат, 1987.
66. Историография истории и культуры Архангельского Севера. Вологда,1989.
67. История Архангельского севера. Архангельск: ПГУ имени М.В. Ломоносова, 2001.
68. История города Пскова и Псковской земли. М.: Синодальная типография, 1867.
69. История и культура Архангельского Севера (досоветский период): межвузовский сборник научных трудов /отв. редактор Куратов А.А. Вологда, 1986.
70. История первоклассного ставропигиального Соловецкого монастыря (репринтное издание). М.: Товарищество Северного Мореходства, 2001.
71. История северного крестьянства. Т. 1—2. Архангельск, 1984—1985.
72. Источники радиоактивного загрязнения в Мурманской и Архангельской областях / Томас Нилсен и Нилс Бёмер. Доклад объединения «Беллуна». 1994. Версия 1.
73. Источниковедение истории и культуры Архангельского Севера. Архангельск,1992.
74. Камкин А.В. Православная церковь на севере России: очерки истории до 1917 года. Вологда, 1992.

75. Карташев А.В. Очерки по истории русской церкви. Т. 1, 2. М.: ТЕРРА, 1992.
76. Клементс Дж. Исчезнувший мир. Викинги. Machaon, 2007; ООО «Издательская Группа Аттикус», 2008. Перевод на рус. язык с анг. В. Болотников.
77. Ключевский В.О. Сочинения. Т. II. Курс русской истории. Часть 2. М.: Гос.изд-во полит. лит., 1957.
78. Ключевский В.О. Сочинения в восьми томах. Т.VI. Специальные курсы. М.: Изд-во социально-экономической литературы, 1959.
79. Ключевский В.О. Хозяйственная деятельность Соловецкого монастыря в Беломорском крае // Сочинения. Том VII. М.: Изд-во социально-экономической литературы, 1959.
80. Кодола О.Е. Архангельская область: исторический путеводитель. Архангельск, 2006.
81. Кольский Север: энциклопедические очерки. Научно-популярное издание / Сост. и общ. ред. А.С. Лоханов. Мурманск: Просветительский центр «Доброхот», 2012.
82. Кондрескул А.М. Поморье в политической истории России в конце XVII—первой четверти XVIII вв.: Монография. Архангельск: КИРА, 2009.
83. Копица М.Н. История Архангельского Севера с древнейших времен до начала XX века: Пособие для учителя. Архангельск, 2009.
84. Корабелы «Звездочки»: Историко-краеведческий сборник. Выпуск 2. Северодвинск: ФГУП «МП «Звездочка», 2004.
85. Кордт В.А. Очерк сношений Московского государства с республикою Соединенных Нидерландов по 1631 год // Сборник императорского Русского исторического общества (РИО). Т.116. СПб, 1902.
86. Коротаев В.И. Русский Север в конце XIX—первой трети XX в.: догоняющая модернизация и социальная экология. Автореф.дис. …докт. истор. наук. Архангельск, 2000.
87. Костомаров Н.И. Две русские народности (Письмо редактору) // Основа. СПб, 1861. № 3.
88. Красавцев Л.Б. Морской транспорт Европейского Севера России (1918—1985). Проблемы развития и модернизации: монография. Архангельск, 2003.
89. Крестинин В.В. Исторические начатки о Двинском народе древних, средних, новых и новейших времен. СПб, 1784.
90. Крестинин В.В. Краткая история о городе Архангельском. СПб, 1792.
91. Культура русских поморов: опыт системного исследования / под общей ред. доктора культурологии П.Ю. Черносвитова. М.: Научный мир, 2005.
92. Культура Русского Севера. Л., 1988.
93. Куратов А.А. Археологические памятники Архангельской области. Сев.–Зап.кн.изд-во, 1978.
94. Куратов А.А. Археология, история Архангельского Севера: избранные статьи/ А.А. Куратов; сост. М.Н.Супрун. Архангельск: Поморский университет, 2006
95. Куратов А.А. Историография истории и культуры Архангельского Севера. Вологда, 1989.
34. Куратов А.А. История и историки Архангельского Севера: Вопросы источниковедения и историографии: Монография. Архангельск: Изд-во Помор. госуниверситета, 1999.
96. Куратов А.А. Источниковедение истории и культуры Архангельского Севера. Архангельск, 1992.
97. Куратов А.А. Ранняя история Архангельска в свете археографии и палеографии. К 400-летию Архангельска: Методические рекомендации для студентов. Архангельск, 1984.
98. Кучепатов Ю.Н. Архангельский морской порт. Сев.-Запад. кн. изд-во, 1968.
99. Леонтьев А.И., Леонтьева М.В. Неведомые земли и народы Севера. М.: Вече, 2009.
100. Лихачев Д.С. Очерк истории культуры Новгорода XI—XVII вв. Переиздание книги 1945. М.,1959.

101. Лихачев Д.С. Устные летописи» в составе Повести временных лет» //Исторические записки. М., 1945. Т. 17. С. 201—224.
102. Ломоносов М.В. и значение его деятельности для развития просвещения: Тезисы докладов Всесоюзной научно-практической конференции / отв. ред. Ю.Ф. Лукин. Архангельск, 1986.
103. Лукин Ю.Ф. Двинская земля: история и современность// Экология Северной Двины. – Архангельск, 1999.
104. Лурье Я.С. «Открытие Англии» русскими в начале XVI века // Географический сборник. Ч.3. М. -Л., 1954.
105. Любавский М.К. Историческая география России в связи с колонизацией. М., 1909.
106. Любименко И.И. Московский рынок как арена борьбы Голландии с Англией // Историческое прошлое: исторические сборники под ред. С.Ф. Платонова, А.Е. Преснякова и Юлия Гессена. №5. П– д, 1923.
107. Любименко И. И. Планы английской интервенции в России в начале XVII столетия // Советская наука. 1941. № 2.
108. Магидович И.П., В.И. Магидович. Очерки по истории географических открытий. Т.1. М.: Просвещение, 1982.
109. Макаров Н.А. Археологические данные о характере колонизации Русского Севера в X—XIII вв.// Советская археология. 1986. №3. С. 61—71.
110. Макаров Н.А. Русский Север: таинственное средневековье. М., 1993.
111. Макаров Л.Д. К истории вопроса о заселении русскими Вятского края // Новгородская Русь: историческое пространство и культурное наследие. Екатеринбург. 2000. С. 306—314.
112. Малков В. По земле Вологодской. Архангельск, 1968.
113. Мартынов А. Я. Острова Белого моря: от мезолита до Средневековья (о древнем освоении беломорских островов по археологическим данным)// Арктика и Север. 2012. №5. URL: http://narfu.ru/upload/iblock/808/12.pdf
114. Мартынов А.Я. Первобытная археология островов южной части Белого моря: монография. Архангельск, 2010.
115. Мартынов А.Я. Северодвинский бассейн в эпоху мезолита — раннего металла // История и культура Архангельского Севера (досоветский период). Вологда, 1986.
116. Маслюженко Д.Н., Рябинина Е.А. Поход 1483 г. и его место в истории русско-сибирских отношений //Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2014. №1 (24).
117. Мипьчик М.И., Ушаков Ю.С. Деревянная архитектура Русского Севера. Л., 1981.
118. Могильников В.А. Обменно-торговые связи Руси и Югры в XI—XV веках // Тобольский хронограф. Вып. IV. Екатеринбург, 2004. С.120.
119. Молчанов Б.А., Горбунов С.Н. Национально-правовая и международно-правовая защита культурного и природного наследия коренных народов: монография. Ярославль: Изд-во ЯГПУ им. К.Д. Ушинского, 2006.
120. Молчанов К. Описание Архангельской губернии. СПб., 1813.
121. Монастырь св. архистратига Михаила в городе Архангельске (исторический очерк) /составил священник А. Кириллов. Архангельск, 1898.
122. Наш край в истории СССР: учебное пособие по краеведению/ под ред. д.и.н., профессора Г.Г. Фруменкова. Сев.-Зап. кн. изд-во, 1968.
123. Низов В.В. Ушкуйник Афанасий Никитин// Герценка: Вятские записки: [науч.-попул. альм.]. Киров, 2002. Вып. 3. С.72.
124. Новожилов Ю.К. К вопросу об основании города Архангельска // Ученые записки АГПИ им. М.В. Ломоносова. Выпуск 16. Архангельск, 1964.

125. Образцов Г.Н. Оброчные и порядные записи Антониеву Сийскому монастырю XVI—XVII вв. // Исторический архив. 1953. Вып. 8. С. 80—197.
126. Овсянкин Е.И. На изломе истории. Архангельск, 2007.
127. Овсянников О.В. Люди и города средневекового Севера. Архангельск, 1971.
128. Овсянников О.В. Средневековые города Архангельского севера: Люди. События. Даты. Архангельск: Северо-Запад. книж. изд-во, 1992
129. Овсянников О.В. Холмогорский и Архангельский посады по писцовым и переписным книгам XVII в. Северный археографический сборник. Вып.1. Вологда, 1970.
130. Огородников С. История Архангельского порта. СПб, 1875.
131. Огородников С.Ф. Очерк истории г. Архангельска в торгово-промышленном отношении. СПб, 1890.
132. Очерки по истории колонизации Севера. Вып.1. Л., 1922.
133. Очерки русской культуры XIII—XV веков. Ч.1. Материальная культура. Изд. Моск.ун-та, 1969.
134. Павлов П.Ю. Палеолит северо-востока Европы: автореф. дис. … докт. истор. наук. СПб, 2009.
135. Пальмин В.А. История военно-морского кораблестроения на Русском Севере в 1693—1862 гг.: дисс. ..канд. истор. наук. Архангельск, 2000.
136. Пальмин В.А. Военно-морское судостроение на Севере России в эпоху парусного флота: монография. Архангельск: Поморский университет, 2008.
137. Пальмин В.А. Начало истории военно-морского флота (Архангельск, Белое море, 1694): монография. Архангельск: ИПЦ САФУ, 2012.
138. Памятники архангельского Севера: сборник. Архангельск: Сев.- Зап. кн. изд-во, 1983.
139. Петухов Ю.Д. История древних русов. М.: Вече, 2009. 464 с.
140. Платонов С.Ф.Очерки по истории колонизации Поморья// Прошлое русского Севера. Пб, 1923.
141. Плешкова Т.Н. Особенности языковой ситуации Архангельского Севера и формирующие факторы: монография. Архангельск: ПГУ им. М.В. Ломонсова, 2003.
142. Подъяпольский С. С. По Сухоне и Северной Двине. М.: Искусство, 1969.
143. Полный православный богословский энциклопедический словарь. Т.1. Репринтное издание. Изд-во П.П.Сойкина. М., 1992.
144. Поморская энциклопедия. Т.1. История Архангельского севера. Архангельск: ПГУ им. М.В. Ломоносова, 2001.
145. Поморский летописец: Альманах. Вып.III /Под ред. Г.В.Демчук; сост.Т.А.Санакина. Архангельск: ОАО «ИПП «Правда Севера», 2008.
146. Попов Г.П. Ногою твердой стать при море… Штрихи к истории Архангельского порта. Архангельск: Сев.-Зап. кн. изд-во, 1992.
147. Попов Г.П. Старый Архангельск. Архангельск: Изд-во «Правда Севера», 2003.
148. Попова Л.Д. Архангельск: Очерк истории строительства (конец XVI—начало XX в.). Архангельск, 1994.
149. Приселков М.Д. История русского летописания XI—XV вв. СПб, 1996.
150. Пругавин А.С. Монастырския тюрьмы в борьбе с сектанством. М., 1905.
151. Религиозная жизнь Архангельского Севера: история и современность / под ред. проф. Ю.Ф. Лукина. Архангельск, 1997.
152. Реформатская М.А. Северные письма. М.: Искусство, 1968.
153. Рогачев С.В. Русские города, возникшие вокруг монастырей или на их месте// Первого сентября. География. 2003. № 2,4,6,8,10,11.
154. Родионова Е.Е. Развитие морского и берегового рыболовного промысла в Архангельской губернии в XIX—начале XX вв. // Дисс… канд. истор.наук. Архангельск, 2000.

155. Родная земля // Черная книга Поморья: факты. Свидетельства. Документы. Архангельск, 1992.
156. Русская цивилизация и соборность. М., 1994.
157. Русский вестник. Т.1. СПб, 1841.
158. Русский Север в системе геополитических интересов России (тезисы к конфренции). М.: Социум, 2002.
159. Савельев Евграф. История качества с древнейших времен до конца XVIII века. Часть II. Глава IV. Новгородские повольники на Дону. URL: http://passion-don.org/history-2/chapter-4.html
160. Савельева Е.А. Россия на карте Олауса Магнуса. URL: http://www.kolamap.ru/library/savelyeva.htm
161. Садиков П.А. Московские приказы «четверти» во времена опричнины (1565—1584)// Исторические записки. Кн.10. АН СССР, 1941.
162. Сайданова С.В. Благотворительная помощь поморам Русского Севера // Северный вектор развития России. Материалы научной конференции. Архангельск: Поморский университет, 2008.
163. Сайданова С.В. Поморы как социокультурная общность // Культура и государство в становлении и развитии российского общества: Материалы научной конференции (с международным участием). Архангельск: Изд-во «Кира», 2012.
164. Северное регионоведение в современной регионологии. Northern region research in modern science about regions: монография / Ю.Ф.Лукин, А.А.Дрегало, А.В.Сметанин и др. Архангельск: Высшая школа делового администрирования ПГУ имени М.В. Ломоносова, 2005.
165. Северный флот: потенциальный риск радиоактивного загрязнения региона/ Томас Нилсен, Игорь Кудрик, Александр Никитин. Доклад объединения «Беллуна».1996. № 2.
166. Седов В.В. Восточные славяне в VI— XIII вв. М., 1982.
167. Семушин Д.Л. Русский Север. Пространство и время. Архангельск, Maecenas, 2010.
168. Семушин Д.Л. Поморская торговля» и «русские поморы» с точки зрения Российского государственного законодательства XIX века // Арктика и Север. 2014. № 15.
169. Симановский В.А. Экспедиция Г.Я. Седова к Северному полюсу. Архангельск, 1919.
170. Соловьев С.М. Сочинения. Книга XVI. Работы разных лет. М.: Мысль, 1995.
171. Соловьев С.М. Сочинения. Книга II. История России с древнейших времен. М.: Мысль, 1988.
172. Солодкин Р.Я. И.И. Любименко: основные направления научного творчества (из истории отечественной исторической науки первой половины— середины XX века): Монография. Нижневартовск, 2010.
173. Страхов В. Двинские дали. Архангельск, 1972.
174. Сударенков В.В. Ландшафты Арктики и их правовая охрана // Арктика и Север. 2014. 19 ноября. URL: http://narfu.ru/aan/news.php?ELEMENT_ID=179330
175. Татищев В.Н. История Российская с самых древнейших времен. Т.1. М., 2003.
176. Телицын В.Л. Русское иго, или Нашествие ушкуйников на Золотую Орду. М., 2013.
177. Теребихин Н.М. Сакральная география Русского севера: религиозно-мифологическое пространство севернорусской культуры. Архангельск, 1993.
178. Тиандер К. Поездки скандинавов в Белое море. СПб, 1906.
179. Тихомиров М.Н. Россия в XVI столетии. М.: АН СССР, 1962.
180. Тойнби А. Дж. Постижение истории: сборник. Пер. с анг. / сост. Огурцов А.П. М., 1991.
181. Трофимов П.М. Очерки экономического развития Европейского Севера России. М.: Соцэкгиз, 1961.
182. Труды научно-исследовательского отдела Института военной истории. Т.9. Кн.2. Обес-

печение национальных интересов России в Арктике. СПб: Политехника-сервис, 2014.
183. Тулупов В.Г. Русь Новгородская. Изд-во: Алгоритм-книга, Эксмо, 2009.
184. Усенко О.Г. О сущности и хронологических рамках ушкуйничества // Прошлое Новгорода и Новгородской земли. Мат-лы науч. конф., 11–13 ноября 1999 г. Великий Новгород: НовГУ, 1999. Ч. 1. С. 48—54.
185. Ушаков Ю. С. Деревянное зодчество Русского Севера. Л., 1974.
186. Федоров П.В. Северный вектор в российской истории: центр и Кольское Заполярье в XVI—XX веках. Мурманск: МГПУ, 2009.
187. Филин П. Белое море на старинных картах// Альманах «Соловецкое море». 2009. №8.
188. Фруменков Г.Г. Узники Соловецкого монастыря. Северо-Запад. кн. изд-во, 1965, 1968.
189. Фруменков Г.Г. Соловецкий монастырь и оборона Поморья в XVI—XIX веках. Арх. кн. изд-во,1963.
190. Фруменков Г.Г. Соловецкий монастырь и оборона Беломорья в XVI—XIX веках. Архангельск, 1975.
191. Фруменков Г.Г. Первое окно России в Заморье // Архангельск. 1584—1984. Фрагменты истории. Архангельск, 1984.
192. Хлебников Н.И. Общество и государство в домонгольский период русской истории. М. : Книга по Требованию, 2012 (СПб, 1872). С. 219—220.
193. Хорова С.Б. Монастыри Архангельской епархии в XIV—XX вв. // Поморский летописец: Альманах. Вып.III /Под ред. Г.В. Демчук; сост. Т.А. Санакина. Архангельск: ОАО «ИПП «Правда Севера», 2008. С. 40—53.
194. Чебыкина Г.Н. Великий Устюг: летописная книга XII—нач.XXI века. Великий Устюг: Великоустюг. гос. ист.-архитектур. и художест. музей-заповедник, 2007.
195. Чекалов А.К. Народная деревянная скульптура Русского Севера. М.: Искусство, 1974.
196. Шадрина О.Н. Геокультурное пространство Европейского Севера. Архангельск: Поморский университет, 2010.
197. Шаляпин С.О. Монастырская ссылка в России XV—XVIII веков (по материалам монастырей Архангельского Севера») // Автореф. дисс…канд.истор.наук. Архангельск, 1998.
198. Шаскольский И.П. Сведения об истории Руси X—XIV вв. в исландских анналах. Вспомогательные исторические дисциплины. Вып. XXV. СПб.: 1994.
199. Шахнович М.М. Средневековая археология Северного Прибеломорья (река Варгуза) // Новгород и Новгородская земля: история и археология. В. Новгород, 2010. С. 63—80.
200. Шумилов Н.А. Род Ломоносовых: Поколенная роспись. Архангельск: изд-во «Правда Севера», 2001.
201. Щуров Г.С. Очерки истории культуры Русского Севера, 988—1917. Архангельск: ОАО ИПП «Правда Севера, 2004. 552 с.
202. Экология Северной Двины. Архангельск, 1999.
203. Энеолит СССР. М., 1982.
204. Энциклопедия Брокгауза и Эфрона. URL: http://www. bibliotekar.ru/bez/18.htm
205. Янин В.Л., Алешковский М.Х. Происхождение Новгорода (к постановке проблемы) // История СССР. 1971. №2.
206. Янин В.Л. Очерки истории средневекового города. М.: Языки славян, культура, 2008.

Список рисунков, карт

1. Кусок окаменелого дерева, найденный на острове Галля архипелага ЗФИ / Обоимов А.П., 2014
2. Карта Гекатея Милетского. V век до н.э.
3. Г. Меркатор. Карта Арктики, горы Меру.
4. Карта с названиями рек Вологодской губернии. 1860 год / С.В. Жарникова
5. Археологический комплекс в Беломорье неподалеку от деревни Выгостров
6. Скелет Двинского ящура
7. Водно-волоковые пути Севера в XI—XIII вв./ Макаров Н.А.
8. Северо-Запад, Северо- Восток и Юг Двинского уезда. 1745 год.
9. Карта Московии С. Герберштейна. XVI век.
10. Карта Архангельского наместничества. 1792 год.
11. Морской поход Кемь — Кузова — Соловки. 2009 год/ Мартынов А.Я
12. Морской поход на лодке типа «осиновка». 2010 год / Мартынов А.Я.
13. Олаус Магнус. «Carta Marina». 1539 год.
14. Фрагмент карты 1595 года. «Atlas sive cosmographica, Svecia et Norvegia cum confinijs» .
15. Карта побережья Белого моря.
16. Карта Поморья по Т. Бернштам.
17. Границы Кемской и Шуерецкой волостей на конец XVI и конец XVII вв. / Жуков А.Ю., Лялля Е.В.
18. Тип судна — гукор, как у В.Д. Ломоносова
19. A Norwegian map of the voyage of Ohthere.
20. Государственная граница между Шведским королевством и Новгородской республикой по Ореховскому договору 1923 года, межевой камень этой границы.
21. Земли, присоединённые к Москве в XIV—XVI вв.
22. Великий Новгород с Ярославовым дворищем — это Ярославская земля с центром в Ярославле на Волге/ Фоменко А.Т., Носовский Г.В.
23. Карта России, Московии, Тартарии, составленная Антонием Дженкинсоном в Лондоне в 1562 году. Издана с гравюры Франса Хогенберга в Антверпене в 1570 году.
24. Фрагмент из книги И.Д. Беляева по истории Великого Новгорода. 1866 год.
25. Ушкуй в плавании.
26. Устройство речного ушкуя.
27. Миниатюра из Никоновской летописи.
28. Десант ушкуйников, нападение с ходу.
29. Рерих Н.К. Новгородский погост (Северная Русь»). 1943 год.
30. Рыбная пристань. Поморские суда. Открытки XIX—XX вв. и фотодокументы из фондов Архангельского областного краеведческого музея.
31. Михайло-Архангельский монастырь в Архангельске.
32. Н.К. Рерих. Святой Сергий Радонежский. 1932 год.
33. Троице-Сергиева лавра.
34. Спасо-Преображенский Соловецкий монастырь.
35. Положение Кириллова на переходе из Волжского бассейна в Северодвинский / С.В. Рогачев.
36. Вид Печорского монастыря с южной стороны. Гравюра Галанина, середина—конец XIX века.
37. Памятник Архангелу Михаилу перед зданием Архангельской и Холмогорской епархии (2002).

38. Икона «Собор Архангела Михаила и прочих Сил бесплотных с четырьмя евангелистами и избранными святыми». Начало XIX века. Романовские письма. Частное собрание.
39. Архангел Михаил. Архангельск. 1741 год. Григорий Попов.
40. Икона «Архангел Михаил в бытии» из музея им. А. Рублева.
41. Деталь иконы «Архангел Михаил в бытии» из города Лальска / М.А. Реформатская.
42. Герб города Архангельска.
43. Михайло-Архангельский монастырь Юрьев-Польского града.
44. Архангельский собор в Михайло-Архангельском монастыре в Великом Устюге. Май 1980 года// Антонов А.А., фото.
45. Михайло-Архангельский мужской монастырь в селе Усть-Вымь.
46. Карта устья Северной Двины. 1801 год.
47. Шведская карта Архангельска с Русским и Немецким Гостиными дворами, Троицким собором и церквями
48. Одно из первых изображений Архангельска на карте «Tabula Russiae». Европа. XVII век.
49. Торговые пути варягов /Дж.Клементс. Исчезнувший мир. Викинги.
50. Маршрут Д. Герасимова и его проект пути в Китай.
51. Корабль Ченслора «Эдуард Бонавентура» огибает мыс Нордкап. Фрагмент старинной акварели Марка Майерза.
52. Карта «Tabula Russiae». 1613 год / Гессель Герритс.
53. Голландская карта России. 1638 год / Isaac Massa.
54. Деталь карты «Северные и восточные области России» И. Массы. Около 1635 года.
55. Гравюра Ромейна де-Гоохе «Отплытие посольства из Архангельска».
56. Гравюра. Бомбардировка Соловецкого монастыря английскими фрегатами в июле 1854 года.
57. Проводы экспедиции Г.Я. Седова в Архангельске. 1912 год.
58. Вавчуга.
59. Великий Устюг.
60. Благовещенский собор в Сольвычегодске.
61. Солнце на Северной Двине /Н.Н. Чесноков, 1998
62. Золотые купола нового храма на Северной Двине.
63. Обетный мезенский крест.

Таблицы

1. Цивилизационные волны на Русском Севере
2. Административное пространство Русского Севера во II тысячелетии н.э.
3. Делегирование функций государственного управления Соловецкой обители
4. Размер пособий выплачиваемых Комитетом для помощи поморам Русского Севера
5. Основные измерения поморских судов
6. Типы морских судов, используемых на побережье Белого моря
7. Этапы движения ушкуйничества XI—XV вв.
8. Летопись походов новгородских ушкуйников XI—XV вв.
9. Список первых игуменов Михайло-Архангельского монастыря
10. Игумены Михайло-Архангельского монастыря в XIV—XV веках
11. Проблемы волнующие северян: опрос 1998 года

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

ААЭ	Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи Археографической экспедицией императорской Академии наук
АСМ	Акты Соловецкого монастыря 1479—1571 гг.
АН СССР	Академия наук Союза Советских Социалистических Республик
ГААО	Государственный архив Архангельской области
ГВНП	Грамоты Великого Новгорода и Пскова
ИПССМ	История первоклассного ставропигиального Соловецкого монастыря
НПЛСИ	Новгородская первая летопись старшего извода
НПЛМИ	Новгородская первая летопись младшего извода
ПСРЛ	Полное собрание русских летописей
РАН	Российская Академия наук
РГА ВМФ	Российский государственный архив Военно-морского флота
РИБ	Русская историческая библиотека, издаваемая археографическою комиссией
РИО	Русское историческое общество
РПЦ	Русская православная церковь
РЦХИДНИ	Российский Центр хранения и изучения документов новейшей истории
САФУ	Северный (Арктический) федеральный университет
Севморпуть	Северный морской путь
СМП	Северное морское пароходство
URL	Uniform Resource Locator — Единый указатель ресурсов в сети Интернет

Об авторе

Лукин Юрий Федорович, доктор исторических наук, профессор, заслуженный работник высшей школы Российской Федерации, главный редактор электронного научного журнала «Арктика и Север» САФУ имени М.В. Ломоносова

Lukin Yury Fedorovich, Doctor of Historical Sciences, Professor, Honored Worker of Higher Education of the Russian Federation, Editor-in-chief of the electronic scientific journal “Arctic and North” of Northern (Arctic) Federal University named after M.V. Lomonosov

Монографии

- Лукин Ю.Ф. Арктическая политика в условиях возврата к инструментам «холодной войны». С. 68—79 // Геоэкономические процессы в Арктике и развитие морских коммуникаций: коллек. монография. Апатиты: КНЦ РАН, 2014. 266 с.
- Лукин Ю.Ф. Российская Арктика в изменяющемся мире: монография. Архангельск: ИПЦ САФУ, 2013. 281 с.
- Лукин Ю.Ф. Великий передел Арктики: монография. Архангельск: САФУ, 2010. 400 с.
- Лукин Ю.Ф. Новая Архангельская летопись. Архангельск: Солти, 2008. 230 с. 2-е изд. Архангельск, 2015. 327 с.
- Лукин Ю.Ф.Конфликтология: управление конфликтами: Management of the conflicts: Учебник для вузов с грифом УМО. М.: Академический проект; Трикста, 2007. 799 с. (Gaudeamus).
- Лукин Ю.Ф. Глобальный социум самоуправляемых общин: монография. Global society self-government of communities. Архангельск: Высшая школа делового администрирования ПГУ им.М.В.Ломоносова, 2006. 496 с.
- Лукин Ю.Ф., Дрегало А.А., Залывский Н.П., Мокшин В.К., Синицкая Н.Я., Сметанин А.В., Ульяновский В.И., Шрага М.Х., Шубин С.И. Северное регионоведение в современной регионологии: монография. Northern region research in modern science about regions / Отв.ред. Ю.Ф.Лукин. Архангельск: Высшая школа «МВА» ПГУ имени М.В. Ломоносова, 2005. 449 с.
- Лукин Ю.Ф.История, экология, экономика в меняющейся России: взгляд из Архангельска: монография. Архангельск, ПГУ имени М.В.Ломоносова, 2001. 400 с.
- Лукин Ю.Ф. Архангельская область: экономика, политика на пороге XXI века (монография). Архангельск: Изд-во ПГУ, 1997. 202 с.
- Лукин Ю.Ф. Мельников В.Ф. Политические партии, общественные объединения в Архангельской области. Архангельск: Изд-во ПМПУ, 1995. 262 с.
- Лукин Ю.Ф. Из истории сопротивления тоталитаризму в СССР. 20—80-е годы: монография. Издательство МГУ,1992. 203 с.

Научное издание

Лукин Юрий Федорович

Новая Архангельская летопись

Монография

Печатается в авторской редакции

Качество иллюстраций соответствует
предоставленным оригиналам

Подписано в печать 17.09.2015. Формат 70х100/16
Усл. печ. л. 26,12. Тираж 30 экз. Заказ № 3892.

Отпечатано с готового оригинал-макета
в Издательском доме им. В.Н. Булатова САФУ
163060, г. Архангельск, ул. Урицкого, д. 56